21 423
74
T 2

Д-29.

Баронъ А. И. Дельвигъ.

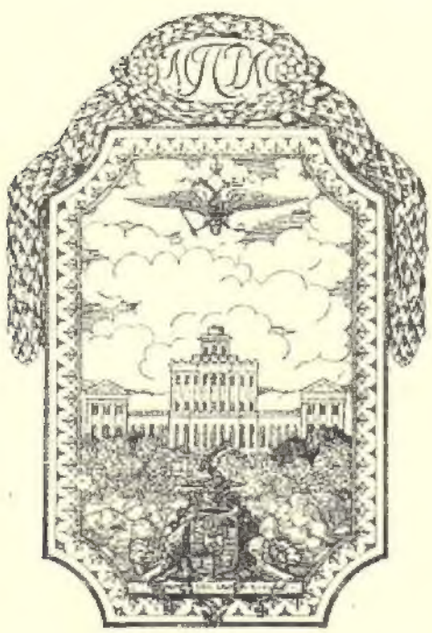
И 423/74

9д
801-85
14554-2

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

ТОМЪ II.

Инв. 219



ИЗДАНІЕ
Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго
МУЗЕЯ.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
59892-46

поставщикъ двора его величества
т-ва скоропечатни А. А. Левенсонъ москва
1913

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА V. 1842—1848 гг. Пріѣздъ въ Петербургъ. Представленіе графу А. И. Чернышеву и графу П. А. Клейнмихелю. Назначеніе состоять при графѣ Клейнмихелѣ. А. П. Девятинъ. А. И. Рокасовскій. Графъ П. А. Клейнмихель. Адъютантъ его Герштенцвейгъ. Г. М. Толстой. Посѣщеніе дома графа П. А. Клейнмихеля. Его жена и дѣти. П. А. Языковъ. Обѣды и вечера у графа П. А. Клейнмихеля. В. Р. Трофимовичъ. Порученіе отъ графа А. И. Чернышева по Кавказскимъ дѣламъ. Порученіе отъ графа П. А. Клейнмихеля составить проектъ постояннаго моста въ Кіевѣ. Поѣздка въ Сосницкую пристань. П. П. Мельниковъ. Поѣздка въ Кіевъ. Д. Г. Бибиковъ. Инженеры путей сообщенія: Гене и Залѣсскій. Директоръ канцеляріи Бибикова—Писаревъ. Е. Ѳ. Скордули. Изысканія по составленію проекта моста черезъ Днѣпръ въ Кіевѣ. Предположеніе о постройкѣ этого моста на вновь избранномъ мѣстѣ. Поѣздка изъ Петербурга въ Ковну. Начальникъ Динабургскаго шоссе полковникъ Кашперовъ. Великая княгиня Елена Павловна и ея три дочери въ Ковнѣ. Представленіе въ Петербургѣ великому князю Михаилу Павловичу. Порученіе графа Клейнмихеля перевести съ французскаго книгу объ освѣщеніи маяковъ. Жизнь въ Петербургѣ. Назначеніе наблюдать за дѣйствіями мѣстнаго начальника на Московскомъ шоссе. К. Я. Рейхель. Е. П. Вонлярлярской. Проѣздъ графа Клейнмихеля по Московскому шоссе и назначеніе меня директоромъ шоссе отъ ст. Померанья до Едрова съ оставленіемъ на мнѣ и прежняго порученія. Бугайскій. Занятія по улучшенію Московскаго шоссе. Розыски, произведенные маіоромъ Травинымъ. Жизнь въ Новгородѣ. Назначеніе меня для исправленія Нижегородскаго шоссе въ предѣлахъ Нижегородской губерніи. Преобразованіе округовъ путей сообщенія съ 1-го января 1844 г. Переѣздъ въ Нижній-Новгородъ. Пріѣздъ въ Москву по требованію графа Клейнмихеля. Трофимовичъ, начальникъ IV (Московскаго) округа путей сообщенія. Пребываніе графа Клейнмихеля въ Москвѣ. Устройство шоссе отъ Мало-Ярославца до Бобруйска. Дворянскіе выборы въ Нижнемъ-Новгородѣ. С. В. Шереметевъ. Б. Е. Прутченко и его семейство. Пребываніе моей сестры и брата въ Нижнемъ. Осмотръ графомъ Клейнмихелемъ шоссе въ предѣлахъ Нижегородской губерніи. Виноградовъ, отставной смотритель судоходства въ Нижнемъ. Столкновеніе мое съ Э. И. Шуберскимъ. Назначеніе меня начальникомъ работъ въ Нижнемъ. Занятія по этой должности. Составленіе проекта водоснабженія верхней части Нижняго.—Герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій и К. В. Чевкинъ въ Нижнемъ и на строющейся между столицами желѣзной дорогѣ. Пикникъ на ст. Орловкѣ. Выксунскіе

Стр.

заводы Шепелевыхъ. Пріѣздъ моего брата въ Нижній и помолвка его. Отъѣздъ мой въ Петербургъ. Встрѣча съ владѣльцемъ магазиновъ подъ фирмою «Лафермъ». Командировка для изслѣдованія по Динабургскому шоссе. Пребываніе въ Петербургѣ. Пріѣздъ въ Нижній. Производство въ подполковники. Свадьба моего брата. Производство работъ по устройству водопровода въ Нижнемъ. Обращеніе губернатора князя Урусова съ подчиненными и служащими. Столкновеніе князя Урусова съ графомъ Н. С. Толстымъ и С. В. Шереметевымъ. Затопленіе въ Окѣ барки, перевозившей мое имущество изъ Москвы въ Нижній. Графъ Клейнмихель въ Нижнемъ. Его приказъ объ осмотрѣ Нижегородскаго шоссе и работъ въ Нижнемъ. Поѣздка моя съ Клейнмихелемъ въ Москву. Внесеніе рода Левашовыхъ въ дворянскую родословную книгу. Признаніе фамиліи Дельвиговъ въ баронскомъ достоинствѣ. Покупка Тамбовскаго имѣнія. Зима 1846—47 г. въ Нижнемъ. М. В. Глинскій. Маскарадъ у князя Урусова 1-го января 1847 г. Хлопоты о полученіи заграничнаго отпуска. Балъ въ Нижегородскомъ благородномъ собраніи. Князь Л. А. Гагаринъ. Отъѣздъ въ Петербургъ. Банкирская контора Штиглица. Е. М. Фроловъ. Выѣздъ за границу. Варшава. Берлинъ. Франкфуртъ-на-Майнѣ. Гамбургъ. Лондонъ. Покупка коляски близъ Гамбурга. Переѣздъ отъ Франкфурта-на-Майнѣ. Французская граница. Страсбургъ. Нанси. Парижъ. Швейцарія. Замокъ графини А. Н. Корніани въ бывшемъ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ. Миланъ и Венеція. Вѣна. Переѣздъ отъ Вѣны до границы Царства Польскаго. Таможня на этой границѣ. Варшава. Русская таможня въ Ковнѣ. Переѣздъ отъ Ковны до Нижняго. Кончина моего дяди князя А. А. Волконскаго. Пріѣздъ въ Нижній. Генералъ-маіоръ Грессеръ. Открытіе водоснабженія въ Нижнемъ. Осмотръ казенныхъ зданій въ уѣздныхъ городахъ Нижегородской губерніи. Сдача управленія имѣніемъ моего тестя его наслѣдникамъ. Жалоба губернатора князя Урусова на губернскаго прокурора Волоцкаго. Братъ мой и его жена въ Нижнемъ. Неприличное поведеніе губернатора князя Урусова на балѣ управляющаго палатою государственныхъ имуществъ В. Е. Корвинъ-Круковскаго. Нижегородскія «Губернскія Вѣдомости» подъ редакціею П. И. Мельникова. Ситцевые танцовальные вечера въ Нижегородскомъ клубѣ и авинскій вечеръ у князя Гагарина. Поѣздка въ Симбирскъ для составленія проекта водопровода въ этомъ городѣ. Симбирскій губернаторъ Булдаковъ и симбирское общество. Тамбовскій губернаторъ И. А. Булгаковъ. Осмотръ мѣстности для составленія проекта водопровода въ Симбирскѣ. Неудовольствія между губернаторомъ княземъ Урусовымъ и мною. Холера въ Москвѣ и отъѣздъ въ Москву моей жены. Поѣздка въ Симбирскъ. Пріѣздъ въ Нижній моей жены и сестры. Дозволеніе графа Клейнмихеля пріѣхать въ Петербургъ. Выѣздъ изъ Нижняго 3

Глава VI. 1848—1852 гг. Пріѣздъ въ Москву. Пріѣздъ въ Петербургъ съ княземъ Максутовымъ, А. И. Нарышкинымъ и В. Н. Левашовымъ. Помѣщеніе наше въ Петербургѣ. Запросъ министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго о Симбирскомъ губернаторѣ Булдаковѣ. Безуспѣшность переговоровъ по дѣлу о земляхъ, заложенныхъ въ неисправныхъ откупахъ С. В. и М. В. Абазы. Л. С. Пушкинъ въ Петербургѣ. Жалоба Государю Нижегородскаго военнаго губернатора князя М. А. Урусова на С. В. Шереметева. Освобожденіе отъ должности въ Нижнемъ-Новгородѣ съ оставленіемъ при главноуправляющемъ путями сообщенія. Порученіе объ осмотрѣ работъ въ порожистой части Днѣпра и слѣдствіе надъ ихъ начальникомъ маіоромъ Капге-

ромъ. Екатеринославское общество: губернаторъ А. Я. Фабръ, Гавриленко, баронъ Франкъ, Струковъ, докторъ Саксъ и другіе. Баронъ Фиркъ (Schedo-Feroti). Отъѣздъ въ Петербургъ. Извѣстіе о движеніи нашихъ войскъ въ Придунайскія княжества и Венгрію. Назначеніе инспекторомъ военныхъ сообщеній дѣйствующей въ Венгріи арміи. Генералъ-адъютантъ баронъ Ливенъ въ Варшавѣ. Поѣздка изъ Варшавы до Мискольца. Представленіе князю М. Д. Горчакову и князю И. Ѳ. Паскевичу. Помѣщеніе у коменданта главной квартиры арміи Бевада. Порученіе отъ Паскевича. Исправляющій должность начальника инженеровъ дѣйствующей арміи Сорокинъ. Э. И. Герстфельдъ. Исполненіе порученій Паскевича. А. П. Мельниковъ. Порученіе отъ Горчакова. Положеніе мое въ арміи. С. А. Хрулевъ. Грабежи, производимые нашими войсками. Чиновникъ Грассъ. Ссора Бевада съ генералъ-интендантомъ арміи, Затлеромъ. Походный атаманъ Верзилинъ. Вайценъ. Тиссафюрстъ. Переходъ на лѣвый берегъ Тейсы. Измѣна уланскаго корнета. Цеге. Движеніе на правый берегъ Тейсы и возвращеніе въ Цеге. Движеніе на Уйварышъ и Дебречинъ. Дебречинъ. Приходъ въ Дебречинъ 2-го кавалерійскаго и 4-го пѣхотнаго корпусовъ. Смѣна начальника штаба 4-го корпуса Веселицкаго. Депутація Венгерскаго правительства къ Паскевичу и пріѣздъ къ нему посланнаго отъ главнокомандующаго венгерскими войсками Гёргея. Сдача Гёргея. Движеніе въ Гросъ-Варденъ. Знакомство съ Гёргеемъ. Венгерскіе офицеры изъ Буковинскаго отряда. Сдача венгерскихъ генераловъ австрійскимъ властямъ. Знакомство съ однимъ изъ нихъ. Римско-католическое, уніатское, православное и реформатское духовенство въ Венгріи. Непопулярность венгерской войны въ Россіи и въ арміи. Пробившіеся сквозь аванпосты австрійцевъ офицеръ и нѣсколько гусаръ въ Гросъ-Варденѣ. Семейство Коссута въ Гросъ-Варденѣ. Еврейка, владѣлица дома въ Гросъ-Варденѣ. Невыгодныя послѣдствія венгерской войны для Россіи. Представленіе Горчакову и Паскевичу передъ моимъ отъѣздомъ изъ арміи. Порученіе отъ Паскевича. Награда за походъ въ Венгрію. Причина неполученія австрійскаго ордена. Галиція. В. А. Жуковскій и графъ Ламбертъ въ Варшавѣ. Клейнмихель и А. А. Вонлярлярскій въ гор. Островѣ. Полученіе Клейнмихелемъ ордена Андрея Первозваннаго. Пріѣздъ въ Петербургъ. А. Г. и Н. А. Замятнины. Г. И. Филипсонъ. А. С. Комаровъ. Мои вечернія собранія. Проектъ Симбирскаго водопровода. Инженеръ Гергардтъ. Нахальство издателей «Bibliothèque universelle des contemporains illustres». Назначеніе членомъ комитетовъ: учебнаго, главнаго управленія путей сообщенія и по сооруженію постояннаго черезъ р. Неву моста и технической комиссіи при департаментѣ желѣзныхъ дорогъ. Занятія въ этихъ комитетахъ и комиссіи. Порученіе осмотрѣть Днѣпровскіе пороги. Вызовъ къ больному Клейнмихелю въ его Курскую деревню. Клейнмихель въ его Курской деревнѣ. Клейнмихель въ имѣніи А. А. Нелидова близъ Курска. Клейнмихель въ мѣстечкѣ Почепѣ. Поѣздка въ Нижегородское имѣніе. В. Н. Левашовъ и графъ Н. С. Толстой. Б. Е. Прутченко и бѣжавшій изъ Сибири чиновникъ. Пріѣздъ въ Москву. Порученіе отъ Клейнмихеля произвести слѣдствіе о паденіи моста въ гор. Луцкѣ. Назначеніе слѣдователемъ по случаю пожара въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Клейнмихель и Кербедзъ передъ открытіемъ моста черезъ Неву. Открытіе этого моста. Награда за его сооруженіе и степень заслуги награжденныхъ. Подача въ отставку. Объясненіе съ Клейнмихелемъ по случаю подачи въ отставку. Полученіе пособія и производство въ полковники. Назначеніе въ слѣдственную комиссію по Императорскому

ботаническому саду. Порученіе осмотрѣть Днѣпровскіе пороги. Клейнмихель въ Екатеринославѣ. Осмотръ Клейнмихелемъ работъ на порожистой части Днѣпра. Послѣдствія этого осмотра. Порученіе обревизовать правленіе IX округа путей сообщенія. Производство ревизіи. Жизнь моя въ Екатеринославѣ. К. П. Шабельскій. Первый проѣздъ Государя по желѣзной дорогѣ между столицами. Пріѣздъ мой въ Москву. В. Н. Назимовъ и С. Ф. фонъ-Бринъ. Поѣздка въ Петербургъ въ первомъ пассажирскомъ поѣздѣ по желѣзной дорогѣ между столицами. Назначеніе въ комиссію для изслѣдованія претензій А. А. Вонлярлярскаго по устройству шоссе между Мало-Ярославцемъ и Бобруйскомъ. Заключеніе комиссіи о претензіяхъ Вонлярлярскаго. Разсмотрѣніе этого заключенія по Высочайшему повелѣнію въ совѣтѣ главного управленія путей сообщенія. Гнѣвъ Государя на Клейнмихеля и совѣтъ. Назначеніе въ комиссію для уплаты рабочимъ Вонлярлярскаго въ Смоленскѣ. Отдача ремонтнаго содержанія шоссе между Мало-Ярославцемъ и Бобруйскомъ. Окончательный журналъ совѣта главнаго управленія путей сообщенія по разбору претензій Вонлярлярскаго. Поѣздка въ Смоленскъ. Ѳ. Е. Гурбандтъ въ Смоленскѣ. Жизнь въ Смоленскѣ. Занятія въ комиссіи по уплатѣ рабочимъ Вонлярлярскаго. Смоленскій жандармскій штабъ-офицеръ Слезкинъ. Смоленскій помѣщикъ Шембель. Высочайшее повелѣніе о прекращеніи дѣйствій комиссіи по уплатѣ рабочимъ Вонлярлярскаго. Смоленскій губернаторъ князь Херхеулидзевъ. Отъѣздъ изъ Смоленска. Клейнмихель при представленіи моемъ по возвращеніи изъ Смоленска. Разсмотрѣніе претензій Вонлярлярскаго Государемъ Наслѣдникомъ. Разсмотрѣніе ихъ въ присутствіи Государя Императора. Передача дѣла о претензіяхъ Вонлярлярскаго въ комиссію прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее имя. Рѣшеніе Государемъ этого дѣла. Опредѣленіе суммы, на которую простираются претензіи Вонлярлярскаго. Письмо Государя къ Клейнмихелю и при немъ записка съ выговоромъ совѣту главнаго управленія путей сообщенія. Объясненіе дѣйствій совѣта. Клейнмихель и Станевичъ въ дѣлѣ по претензіямъ Вонлярлярскаго. Жизнь въ Петербургѣ. Порученіе по вопросу объ уничтоженіи Трубнаго бульвара въ Москвѣ. Знакомство съ Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ графомъ А. А. Закревскимъ. Назначеніе начальникомъ Московскихъ водопроводовъ съ оставленіемъ при главноуправляющемъ путями сообщенія. Назначеніе коммерціи совѣтника Харичкова коммерческимъ агентомъ желѣзной дороги между столицами 167

ГЛАВА VII. 1852—1858 гг. Пріѣздъ въ Москву. Назначеніе предсѣдателемъ архитектурнаго совѣта по построенію въ Москвѣ храма во Имя Христа Спасителя и членомъ комитета по надзору за устройствомъ фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ. Служащіе при Московскихъ водопроводахъ въ 1852 г. Перестройка ключевыхъ бассейновъ въ с. Большихъ Мытищахъ. Положеніе Московскихъ водопроводовъ въ 1852 г. Предположеніе по устройству новаго водоснабженія Москвы. Поѣздка въ Петербургъ для представленія этихъ предположеній. Одобреніе ихъ департаментомъ проектовъ и смѣтъ. Постриженіе въ монахини тетки моей княгини С. В. Волконской и назначеніе ея игуменьею Бородинскаго монастыря. Посылка князя Меньшикова въ Константинополь. Вражда его съ графомъ Закревскимъ. Предположеніе графа Клейнмихеля назначить Баландина вице-директоромъ департамента искусственныхъ дѣлъ. Производство брата моего въ полковники. Возвращеніе въ Москву. Болѣзнь моей жены. Мои московскіе

знакомые. Графъ Закревскій. Е. М. Гурбандтъ и Е. Е. Радзевская въ Москвѣ. Отъѣздъ Е. М. Гурбандтъ въ Петербургъ и кончина Е. Е. Радзевской. А. С. Иванова. Дядя мой князь Д. А. Волконскій. С. А. Нарышкинъ въ нашемъ домѣ. Жизнь на дачѣ въ Богородскомъ. А. Н. Шубина. М. Ф. Смитъ и князь В. В. Оболенскій въ нашемъ домѣ. Занятія по Московскимъ водопроводамъ въ началѣ 1853 г. Опасеніе Закревскаго насчетъ войны съ Турками, Французами и Англичанами. Увольненіе отъ должности начальника дистанціи Московскихъ водопроводовъ инженера Загоскина. Клейнмихель въ Москвѣ. Начало работъ по устройству новаго Мытищинскаго водопровода и работы по другимъ водопроводамъ въ 1853 г. Освидѣтельствованіе деревяннаго цирка. Начало войны. Поѣздка въ Петербургъ. Заказъ водоподъемныхъ машинъ на петербургскомъ заводѣ герцога Лейхтенбергскаго. Замерзаніе воды въ трубахъ замоскворѣцкаго водопровода и прекращеніе въ весеннее время дѣйствія рѣчныхъ водоснабженій. Замужество моей тетки княжны Н. А. Волконской. Жизнь на дачѣ въ Сокольникахъ въ 1854 г. Занятія по Московскимъ водопроводамъ въ 1854 г. В. В. Скрипицынъ. Красныя ворота въ Москвѣ. Фильтрованіе мытищенской воды. Непріятель въ Крыму. Поѣздка въ Крымъ по случаю раны брата Николая. Сочиненіе мое подъ названіемъ: «Руководство къ устройству водопроводовъ». Юбилей Московскаго университета и В. И. Назимовъ. Кончина Императора Николая. Весенній разливъ р. Москвы въ 1855 г. Приказъ о прекращеніи пожалованія орденомъ Св. Георгія за 25 лѣтъ. Лѣтняя жизнь въ домикѣ при Алексѣевскомъ водоподъемномъ зданіи въ 1855 г. Негодность водоподъемныхъ машинъ, изготовленныхъ на заводѣ герцога Лейхтенбергскаго. Занятія по Московскимъ водопроводамъ въ 1855 г. Производство брата Николая въ генералъ-маіоры. П. П. Мельниковъ у меня проѣздомъ въ Крымъ. Паденіе Севастополя. Императоръ Александръ II и Клейнмихель въ Москвѣ. Увольненіе Клейнмихеля отъ должности главноуправляющаго путями сообщенія и назначеніе на его мѣсто Чевкина. П. П. Мельниковъ въ Москвѣ на обратномъ проѣздѣ изъ Крыма. Чевкинъ въ Москвѣ. Освидѣтельствованіе мною пакгаузовъ таможни при Московской станціи Николаевской желѣзной дороги. Наблюденіе за исполненіемъ барельефовъ къ памятнику Императора Николая. Освидѣтельствованіе мѣста Николаевской желѣзной дороги, на которомъ поѣздъ Государя сошелъ съ рельсовъ, въ мартѣ 1856 г. П. Я. Чаадаевъ на раутѣ, данномъ Государю Закревскимъ. Кончина Чаадаева. Поѣздки мои въ Петербургъ въ мартѣ и маѣ 1856. г. Устройство водоснабженія въ Ходынскомъ лагерѣ. Работы по снабженію мытищинскою водою Кремлевскаго дворца. Замужество моей племянницы Валентины Викулиной за Михаила Дмитріевича Засѣцкаго. Чевкинъ въ Москвѣ. Братъ мой Николай въ Москвѣ. Приготовленія въ Успенскомъ соборѣ къ коронаціи Императора Александра II. Разсказы о Чевкинѣ по случаю пожалованія мнѣ ордена Св. Владиміра 3 ст. Въѣздъ Царской фамиліи въ Москву и день коронованія. Государь въ Ходынскомъ лагерѣ. Хлопоты брата Николая о производствѣ полковыхъ командировъ 4 корпуса Веревкина и Зеленаго въ генералъ-маіоры. Знакомство съ лицами итальянскаго посольства. Жизнь въ Москвѣ въ концѣ 1856 г. и началѣ 1857 г. Мой свояк графъ Н. С. Толстой. Главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Поѣздка въ Петербургъ въ февралѣ 1857 г. Инженеръ-полковникъ Черкасовъ, бывшій помощникомъ начальника Московскихъ водопроводовъ съ 1856 г. по 1858 г. Мои лекціи о Московскихъ водопроводахъ въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Занятія по Москов-

Стр.

скимъ водопроводамъ въ 1857 г. Негодность водоподъемныхъ машинъ, изготовленныхъ на заводѣ герцога Лейхтенбергскаго, купленномъ главнымъ обществомъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Рожденіе моей внуки Ольги Засѣцкой. Княгиня Р. И. Максутова и И. Д. Якушкинъ въ Москвѣ. Избраніе меня въ члены Московскаго общества сельскаго хозяйства и Русскаго географическаго общества. Манифестъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Мой своякъ графъ Н. С. Толстой по поводу этого манифеста и его дальнѣйшая судьба. Поѣздка моя въ Петербургъ въ декабрѣ 1857 г. Объясненіе Закревскому о необходимости заказа за границею водоподъемныхъ машинъ для Мытищинскаго водопровода. Поѣздка въ февралѣ 1858 г. въ Петербургъ и объясненіе о томъ же съ Чевкинымъ. Поѣздка моя за границу. Берлинъ, Гамбургъ, Термандъ, Брюссель, Лондонъ. Лондонскій негоціантъ Беренсъ. Лондонскій священникъ Е. И. Поповъ. Лондонскій банкиръ Бель. Блекъ, владѣлецъ завода «Джемсъ Уайта». Договоръ на поставку англійскихъ водоподъемныхъ машинъ для Мытищинскаго водопровода. Обѣды въ Лондонѣ. Поѣздка изъ Лондона. А. И. Герценъ. Графиня Апоньи, жена австрійскаго посла въ Лондонѣ. Поѣздка въ Парижъ. Парижскій священникъ І. В. Васильевъ. Отставные инженеры путей сообщенія А. С. Комаровъ, М. С. Волковъ и Н. К. Кольманъ. Первые три дня пребыванія въ Парижѣ. Французскіе инженеры и кондуктора дорогъ и мостовъ. Бывшій профессоръ Института инженеровъ путей сообщенія Ломе и Клапейронъ. Пріѣздъ въ Петербургъ. Занятія и жизнь въ Москвѣ въ 1858 г. Поѣздка въ Петербургъ. Англійскія водоподъемныя машины и англійскіе машинисты, присланные для ихъ установки. Занятія мои лѣтомъ 1858 г. Пріѣздъ Чевкина съ Государемъ въ Москву. Производство въ генералъ-маіоры. Открытіе новаго Мытищинскаго водопровода. 317

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

ТОМЪ II.

1842—1858.

ГЛАВА V.

1842—1848 г.

Пріѣздъ въ Петербургъ. Представленіе графу А. И. Чернышеву и графу П. А. Клейнмихелю. Назначеніе состоять при графѣ Клейнмихелѣ. А. П. Девятинъ. А. И. Рокасовскій. Графъ П. А. Клейнмихель. Адъютантъ его Герштенцвейгъ. Г. М. Толстой. Посѣщеніе дома графа П. А. Клейнмихеля. Его жена и дѣти. П. А. Языковъ. Обѣды и вечера у графа П. А. Клейнмихеля. В. Р. Трофимовичъ. Порученіе отъ графа А. И. Чернышева по Кавказскимъ дѣламъ. Порученіе отъ графа П. А. Клейнмихеля составить проектъ постояннаго моста въ Кіевѣ. Поѣздка въ Сосницкую пристань. П. П. Мельниковъ. Поѣздка въ Кіевъ. Д. Г. Бибиковъ. Инженеры путей сообщенія: Гене и Залѣсскій. Директоръ канцеляріи Бибикова—Писаревъ. Е. Ѳ Скордули. Изысканія по составленію проекта моста черезъ Днѣпръ въ Кіевѣ. Предположеніе о постройкѣ этого моста на вновь избранномъ мѣстѣ. Поѣздка изъ Петербурга въ Ковну. Начальникъ Динабургскаго шоссе полковникъ Кашперовъ. Великая княгиня Елена Павловна и ея три дочери въ Ковнѣ. Представленіе въ Петербургѣ великому князю Михаилу Павловичу. Порученіе графа Клейнмихеля перевести съ французскаго книгу объ освѣщеніи маяковъ. Жизнь въ Петербургѣ. Назначеніе наблюдать за дѣйствіями мѣстнаго начальника на Московскомъ шоссе К. Я. Гейхель. Е. П. Вонлярлярской. Проѣздъ графа Клейнмихеля по Московскому шоссе и назначеніе меня директоромъ шоссе отъ ст. Померанья до Едрова съ оставленіемъ на мнѣ и прежняго порученія. Бугайскій. Занятія по улучшенію Московскаго шоссе и изыски, произведенные маіоромъ Травинымъ. Жизнь въ Новгородѣ. Наказаніе портупей-прапорщиковъ Института инженеровъ путей сообщенія. Встрѣча Государя съ подпоручикомъ, слушающимъ курсъ въ этомъ Институтѣ. Перемѣна въ немъ начальствующихъ лицъ. Назначеніе меня для исправленія Нижегородскаго шоссе въ предѣлахъ Нижегородской губерніи. Преобразованіе округовъ путей сообщенія съ 1-го января 1844 г. Переѣздъ въ Нижній-Новгородъ. Графъ Н. С. и графиня А. Н. Толстые. Нижегородскіе чиновники. Нижегородскій губернаторъ князь М. А. Урусовъ. Неисправность С. В. Абазы по откупамъ. Производство въ маіоры. Служебныя занятія по Нижегородскому шоссе. М. Я. Вейсбергъ. Средства для веденія дѣлъ по данному мнѣ порученію. Поставка М. Я. Вейсбергомъ щебня на Нижегородское шоссе. Весенній осмотръ этого шоссе. Князь П. Н. Максутовъ. П. А. Фроловъ. А. Н. Тимофѣевъ. Работы по перестройкѣ Нижегородскаго шоссе. Отчужденіе земель для этого шоссе. Кончина тестя моего Н. В. Левашева и моей матери. Положеніе имѣнія, оставшагося послѣ моего тестя. Назначеніе меня опекуномъ этого имѣнія. Мои распоряженія къ освобожденію его отъ аукціонной продажи. Пріѣздъ въ Москву по требованію графа Клейнмихеля. Трофимовичъ, начальникъ IV-го (Московскаго) округа путей сообщенія. Пребываніе графа Клейнмихеля въ Москвѣ. Устройство шоссе отъ Мало-Ярославца до Бобруйска. Дворянскіе выборы въ Нижнемъ-Новгородѣ. С. В. Шереметевъ. Б. Е. Прутченко и его семейство. Пребываніе моей сестры и брата въ Нижнемъ. Взяточничество нижегородскихъ чиновниковъ. Воровство въ нашемъ домѣ. Зимнія работы на Нижегородскомъ шоссе. Пребываніе графа Клейнмихеля въ Нижнемъ. С. П. Шиповъ. Осмотръ графомъ Клейнмихелемъ

шоссе въ предѣлахъ Нижегородской губерніи. Виноградовъ, отставной смотритель судоходства въ Нижнемъ. Столкновеніе мое съ Э. Н. Шуберскимъ. Назначеніе меня начальникомъ работъ въ Нижнемъ. Занятія по этой должности. Составленіе проекта водоснабженія верхней части Нижняго. Герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій и К. В. Чевкинъ въ Нижнемъ и на строющейся между столицами желѣзной дорогѣ. Пикникъ на ст. Орловкѣ. Выксунскіе заводы Шпелевыхъ. Пріѣздъ моего брата въ Нижній и помолвка его. Отъѣздъ мой въ Петербургъ. Встрѣча съ владѣльцемъ магазиновъ подъ фирмою «Лафермъ». Командировка для изслѣдованія по Динабургскому шоссе. Пребываніе въ Петербургѣ. Пріѣздъ въ Нижній. Производство въ подполковники. Свадьба моего брата. Производство работъ по устройству водопровода въ Нижнемъ. Обращеніе губернатора князя Урусова съ подчиненными и служащими. Столкновеніе князя Урусова съ графомъ Н. С. Толстымъ и С. В. Шереметевымъ. Затопленіе въ Окѣ барки, перевозившей мое имущество изъ Москвы въ Нижній. Графъ Клейнмихель въ Нижнемъ. Его приказъ объ осмотрѣ Нижегородскаго шоссе и работъ въ Нижнемъ. Мнѣніе Нижегородскаго вице-губернатора объ этомъ приказѣ и мои поясненія приказа. Безпорядки въ Нижегородской арестантской ротѣ, въ заставномъ шоссейномъ домѣ, на ст. Орловкѣ и по пріему щебня для Нижегородскаго шоссе. Поѣздка моя съ Клейнмихелемъ въ Москву. Внесеніе рода Левашовыхъ въ дворянскую родословную книгу. Признаніе фамиліи Дельвиговъ въ баронскомъ достоинствѣ. Покупка Тамбовскаго имѣнія. Зима 1846-47 г. въ Нижнемъ. М. В. Глинскій. Маскарадъ у князя Урусова 1-го января 1847 г. Хлопоты о полученіи заграничнаго отпуска. Балъ въ Нижегородскомъ благородномъ собраніи. Князь Л. А. Гагаринъ. Отъѣздъ въ Петербургъ. Банкирская контора Штиглица. Е. М. Фроловъ. Выѣздъ за границу. Таможня въ Ковнѣ. Проѣздъ до Варшавы. Варшава. Проѣздъ до Пруссіи. Прусскія таможня и почта. Познань. Берлинъ. Переѣздъ моей сестры изъ Берлина въ Готу. Франкфуртъ на-Майнѣ. Гамбургъ и поѣздка между Гамбургомъ и Франкфуртомъ-на-Майнѣ. Пріѣздъ моей сестры въ Гамбургъ. Моя поѣздка по Рейну и по Темзѣ. Лондонъ. Покупка коляски близъ Гамбурга. Переѣздъ отъ Франкфурта-на-Майнѣ. Французская граница. Страсбургъ. Переѣздъ отъ Страсбурга до Нанси. Нанси. Переѣздъ отъ Нанси до Парижа. Парижъ. Швейцарія. Замокъ графини А. Н. Корніани въ бывшемъ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ. Миланъ и Венеція. Переѣздъ отъ Венеціи до Вѣны. Вѣна. Переѣздъ отъ Вѣны до границы Царства Польскаго. Таможня на этой границѣ. Варшава. Русская таможня въ Ковнѣ. Переѣздъ отъ Ковны до Нижняго. Кончина моего дяди князя А. А. Волконскаго. Пріѣздъ въ Нижній. Генералъ-маіоръ Грессеръ. Открытіе водоснабженія въ Нижнемъ. Осмотръ казенныхъ зданій въ уѣздныхъ городахъ Нижегородской губерніи. Сдача управленія имѣніемъ моего тестя его наслѣдникамъ. Жалоба губернатора князя Урусова на губернскаго прокурора Волоцкаго. Братъ мой и его жена въ Нижнемъ. Неприличное поведеніе губернатора князя Урусова на балѣ управляющаго палатою государственныхъ имуществъ В. Е. Корвинъ-Круковскаго. Нижегородскія «Губернскія Вѣдомости» подъ редакціею П. И. Мельникова. Ситцевые танцовальные вечера въ Нижегородскомъ клубѣ и аоинскій вечеръ у князя Гагарина. Поѣздка въ Симбирскъ для составленія проекта водопровода въ этомъ городѣ. Симбирскій губернаторъ Булдаковъ и симбирское общество. Тамбовской губернаторъ И. А. Булгаковъ. Осмотръ мѣстности для составленія проекта водопровода въ Симбирскѣ. Неудовольствія между губернаторомъ княземъ Урусовымъ и мною. Холера въ Москвѣ и отъѣздъ въ Москву моей жены. Поѣздка въ Симбирскъ. Изслѣдованія по составленію проекта водопровода въ Симбирскѣ. Обратная поѣздка въ Нижній. Пріѣздъ въ Нижній моей жены и сестры. Дозволеніе графа Клейнмихеля пріѣхать въ Петербургъ. Выѣздъ изъ Нижняго.

Въ Петербургѣ я остановился въ офицерскомъ флигелѣ Л.-Гв. Павловскаго полка, у двоюроднаго брата моего А. А. Дельвига, который былъ выпущенъ въ этотъ полкъ прапорщикомъ изъ военно-учебнаго заведенія, называвшагося дворянскимъ полкомъ. Онъ былъ примѣрный молодой человѣкъ, очень умный и разсудительный, усердно исполнялъ обязанности службы, всегда былъ прилично одѣтъ, довольствуясь скуднымъ жалованьемъ прапорщика, изъ котораго умѣлъ еще дѣлать небольшія сбереженія для незначительныхъ подарковъ своей семьѣ, которую страстно любилъ. Недоставало ему образованія, но этотъ недостатокъ онъ старался по возможности пополнить чтеніемъ.

Немедля по пріѣздѣ я представилъ военному министру князю Чернышеву и новому главноуправляющему путями сообщенія графу Клейнмихелю чертежи общаго плана произведенныхъ работъ у Варенниковой пристани съ объяснительною запискою. Чернышевъ и Клейнмихель очень благодарили меня за труды; послѣдній приказалъ быть у него въ слѣдующій день, въ который онъ объявилъ мнѣ, что докладывалъ Государю о моемъ возвращеніи и о назначеніи меня къ нему по особымъ порученіямъ. Хотя Клейнмихель понравился мнѣ съ перваго нашего свиданія своею вѣжливостію и энергичностью, но слыша отъ всѣхъ, что онъ звѣрь, и увѣренный, что подъ начальствомъ военнаго министра я сдѣлаю лучшую служебную карьеру, я очень былъ недоволенъ означеннымъ назначеніемъ. На другой день я передалъ объ этомъ Чернышеву и напомнилъ объ его обѣщаніи перевести меня къ нему на службу. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что такъ какъ Клейнмихель предупредилъ его докладомъ Государю, то онъ не надѣется, чтобы переводъ этотъ могъ состояться, и онъ можетъ доложить Государю о моемъ переводѣ, только списавшись объ этомъ предварительно съ Клейнмихелемъ.

Въ это время Девятинъ былъ еще товарищемъ главноуправляющаго путями сообщенія и жилъ попрежнему въ домѣ главноуправляющаго, но уже было извѣстно, что Клейнмихель къ нему очень не расположенъ.

Я зашелъ представиться Девятину, который спросилъ меня, возвращаюсь ли я въ Москву, или получаю какое-либо новое назначеніе. Я ему передалъ слова Клейнмихеля, и онъ ироническимъ тономъ мнѣ сказалъ:

— Поздравляю васъ съ блестящею карьерою; въ ней нельзя сомнѣваться, такъ какъ графъ въ большой милости и силѣ.

Впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ тономъ Девятина, было мнѣ тѣмъ болѣе тягостно, что я былъ очень недоволенъ назначеніемъ, о которомъ Клейнмихель объявилъ мнѣ за нѣсколько минутъ передъ моимъ свиданіемъ съ Девятинымъ.

Вскорѣ послѣдній былъ уволенъ отъ званія товарища и оставленъ членомъ совѣта главнаго управленія путей сообщенія.

Говорятъ, что онъ очень хлопоталъ о назначеніи его сенаторомъ. Но несмотря на то, что Девятинъ, по общему мнѣнію, былъ человѣкъ весьма умный, во все время управленія графомъ Толемъ путями сообщенія былъ

его правою рукою, а при частыхъ болѣзняхъ послѣдняго и послѣ его смерти долгое время исправлялъ должность главноуправляющаго, присутствуя при этомъ въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ Министровъ, и несмотря на связи Девятина, ему не удалось попасть въ сенаторы, потому что этого не хотѣлъ Клейнмихель.

Не знаю, чему приписать такое ожесточеніе послѣдняго противъ Девятина. Вѣроятно, Клейнмихель, узнавъ, что онъ не будетъ назначенъ военнымъ министромъ, желалъ быть главноуправляющимъ путями сообщенія, а между тѣмъ всѣ говорили, что Государь это мѣсто уже предназначилъ Девятину. Такое соперничество, конечно, не могло нравиться Клейнмихелю, который, сверхъ того, желалъ показать, что при Толѣ все велось дурно, въ чемъ онъ и обвинялъ Девятина.

Разсказывали тогда, что окончательнымъ поводомъ къ неназначенію Девятина главноуправляющимъ было слѣдующее: въ поѣздку Государя на пароходѣ для осмотра Шлиссельбурга и гидравлическихъ въ немъ сооруженій, Девятинъ, который долженъ былъ объяснять ихъ Государю, вездѣ опаздывалъ, а передъ обратнымъ отъѣздомъ Государя въ Петербургъ опоздалъ на цѣлыхъ полчаса и заставилъ Государя ждать.

Впослѣдствіи были толки о назначеніи Девятина генералъ-губернаторомъ восточной Сибири, но Клейнмихель помѣшалъ и этому назначенію. Во все время, пока Девятинъ состоялъ членомъ совѣта, онъ имѣлъ только одно порученіе составить проектъ огражденія береговъ рѣки Терека отъ разливовъ, для чего онъ долго пробылъ на Кавказѣ, но представленные имъ проекты остались безъ исполненія.

Товарищемъ на мѣсто Девятина былъ назначенъ корпуса инженеровъ путей сообщенія генералъ-лейтенантъ Алексѣй Ивановичъ Рокасовскій, человѣкъ умный, добродушный и пріятной наружности, но лѣнивый и робкій. Когда ему говорили, что его дѣло, какъ товарища, стараться укрощать порывы гнѣва и произвольныя дѣйствія Клейнмихеля, онъ отвѣчалъ:

— Правда, что я товарищъ Клейнмихеля, но онъ-то мнѣ не товарищъ.

Я въ это время въ первый разъ встрѣтился съ Рокасовскимъ, который пригласилъ меня обѣдать у него по четвергамъ. На этихъ обѣдахъ, кромѣ его родственника барона Будберга, командовавшаго тогда лейбъ-гвардіи Гусарскимъ полкомъ, генералъ-адъютанта Анрепа, по возвращеніи послѣдняго съ Кавказа въ Петербургъ, и нѣкоторыхъ другихъ, всегда было много инженеровъ путей сообщенія. Это былъ единственный домъ, гдѣ они сходились. Рокасовскаго считали богатымъ, но скупымъ: кушанья за его обѣдомъ были незатѣйливыя, послѣ обѣда играли въ карты по весьма маленькому кушу и курили недорогія сигары, но пролежавшія нѣсколько лѣтъ у хозяина, который своимъ добрымъ ко всѣмъ расположеніемъ умѣлъ дѣлать свои обѣды и вечера весьма пріятными.

Черезъ нѣсколько дней по моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, Клейнмихель праздновалъ именины и день рожденія своей жены (17 и 19 октября).

Я былъ приглашенъ въ оба эти дня къ обѣднѣ въ церковь дома, занимаемаго Клейнмихелемъ, которую онъ только что устроилъ, и къ завтраку. Въ оба дня я видѣлъ у него падчерицъ моей сестры: Вадковскую и Норову.

Узнавъ, что я назначенъ къ Клейнмихелю по особымъ порученіямъ, онѣ наговорили его женѣ обо мнѣ много дурного и между прочимъ, что я извѣстный взяточникъ, и всѣми мѣрами старались, чтобы Клейнмихель отмѣнилъ это назначеніе.

Доклады Клейнмихеля у Государя были по четвергамъ; 19-е октября приходилось въ четвергъ, и онъ, воротясь отъ Государя, между обѣднею и завтракомъ объявилъ мнѣ о моемъ назначеніи, при чемъ разсказалъ мнѣ всѣ клеветы Вадковской и Норовой. Онѣ, узнавъ за завтракомъ о моемъ назначеніи, метали на меня гнѣвные взоры и вообще выказывали крайнее неудовольствіе.

Клейнмихель принадлежитъ къ числу лицъ наиболѣе замѣчательныхъ въ царствованіе Императоровъ Александра I и Николая I. Я ограничусь изложеніемъ только нѣкоторыхъ свѣдѣній объ его прошедшей жизни.

Дѣдъ Клейнмихеля былъ простой крестьянинъ изъ Финляндіи и служилъ у какого-то знатнаго господина скороходомъ. Отецъ Клейнмихеля былъ капенармусомъ шляхетскаго кадетскаго корпуса въ то время, когда въ немъ былъ кадетомъ Аракчеевъ, столь могущественный въ царствованіе Императора Александра I. Капенармусъ Клейнмихель имѣлъ случай оказать разныя услуги кадету Аракчееву. Впослѣдствіи этотъ капенармусъ, покровительствуемый генераломъ Мелиссино, былъ произведенъ въ офицеры, съ оставленіемъ въ кадетскомъ корпусѣ, для командованія состоявшими при корпусѣ нижними чинами, и женился на хорошенькой Аннѣ Францовнѣ Ришаръ, отъ которой имѣлъ одного сына Петра и нѣсколькихъ дочерей.

Образованіе кадетъ въ корпусахъ, вскорѣ по ихъ учрежденіи, было дѣйствительно по тому времени замѣчательное, чему могутъ служить доказательствомъ лица, выпущенныя въ это время изъ корпусовъ, въ начальники коихъ избирались люди образованные; достаточно назвать графа Ангальта.

Но въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и въ особенности при Павлѣ I и Александрѣ I, уровень образованія въ кадетскихъ корпусахъ сильно понизился. Начальство стало обращать вниманіе не на преподаваніе наукъ, а на фронтовое обученіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ понизился и уровень образованія начальниковъ этихъ заведеній, такъ что въ началѣ XIX столѣтія мы видимъ директоромъ кадетскаго корпуса бывшаго капенармуса въ томъ же корпусѣ, Клейнмихеля, человѣка безъ всякаго образованія, но постигшаго вполнѣ фронтовую выправку, такъ что при немъ состояла учебная команда, въ которую были назначаемы штабъ и оберъ-офицеры изъ разныхъ полковъ для фронтового образованія.

Въ это время онъ, конечно, пользуясь покровительствомъ генерала Мелиссино и въ особенности графа Аракчеева, былъ уже генералъ-лейте-

нантомъ. Впрочемъ, всѣ знавшіе его говорятъ о немъ какъ о добромъ и разсудительномъ человѣкѣ.

Въ бытность его директоромъ кадетскаго корпуса, въ этотъ корпусъ былъ записанъ его сынъ, будущій графъ, который, живя у отца, ничему не учился, а въ 1808 г., будучи 15 лѣтъ отъ роду, выпущенъ подпоручикомъ съ назначеніемъ состоять при отцѣ, бывшемъ тогда командиромъ резервнаго корпуса, котораго штабъ находился въ Ярославлѣ.

И такъ Клейнмихель, избалованный во время воспитанія, какъ единственный сынъ, и будучи офицеромъ, продолжалъ ничего не дѣлать и жить въ своей семьѣ. Это воспитаніе и жизнь въ обществѣ матери и сестеръ имѣли сильное вліяніе на то, что въ Клейнмихелѣ, несмотря на его звѣрство, постоянно до старости была замѣтна какая-то женственность. Но недолго онъ оставался въ Ярославлѣ.

Графъ Аракчеевъ взялъ его въ адъютанты и, по связи съ отцомъ, приблизилъ его къ себѣ: онъ былъ совершенно своимъ человѣкомъ у Аракчеева, у котораго онъ жилъ на всемъ готовомъ.

Въ 1812 г. онъ былъ посланъ съ депешами въ дѣйствующую армію, въ которую пріѣхалъ передъ Бородинскимъ сраженіемъ и, не участвуя въ немъ, получилъ Владимірскій крестъ съ бантомъ. Клейнмихель, и послѣ того не бывшій въ сраженіяхъ противъ непріятеля, всегда кичился этою наградою, полагая, что никто не знаетъ, что онъ не имѣлъ права на ея полученіе: храбрость не принадлежала къ числу его добродѣтелей.

Сохранилось множество анекдотовъ о ругательствахъ, которыми Аракчеевъ осыпалъ Клейнмихеля, но тѣмъ не менѣе онъ быстро велъ Клейнмихеля впередъ. Въ началѣ 1813 г. Клейнмихель сопровождалъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей въ армію, при чемъ назначенъ флигель-адъютантомъ, 21 года отъ роду.

По случаю отступленія союзныхъ войскъ въ началѣ 1814 г., великіе князья остались на правомъ берегу Рейна, и Клейнмихель съ ними. Такимъ образомъ онъ не участвовалъ въ кампаніи 1814 г.

По возвращеніи нашихъ войскъ въ Россію, Клейнмихель былъ назначенъ Петербургскимъ плацъ-маіоромъ и вскорѣ, въ чинѣ полковника, начальникомъ штаба военныхъ поселеній, которыхъ главнымъ начальникомъ былъ Аракчеевъ.

Въ этой должности онъ производилъ свирѣпыя неистовства, описаніе которыхъ принадлежитъ историкамъ горестнаго учрежденія военныхъ поселеній. Если въ защиту Клейнмихеля скажутъ, что онъ, какъ подчиненный, исполнялъ только порученія Аракчеева, то на это можно возразить, что не всякій способенъ на приведеніе въ исполненіе звѣрскихъ приказаній, а что Клейнмихель былъ къ тому способенъ, служитъ доказательствомъ то, что когда Аракчеевъ хотѣлъ сильно наказать какую-либо часть военныхъ поселеній, то говаривалъ:

— Я вамъ пришлю Клейнмихеля.

По удаленіи Аракчеева отъ дѣлъ, о Клейнмихелѣ говорили:

— Аракчеева нѣтъ, но зубы его остались.

Въ 20-хъ годахъ Клейнмихель женился на Варварѣ Александровнѣ Кокошкиной, но они скоро разошлись.

При воцареніи Императора Николая, Клейнмихель былъ уже генералъ-лейтенантомъ съ анненскою лентою и владимірскою звѣздою (33-хъ лѣтъ отъ роду). По удаленіи отъ всѣхъ должностей Аракчеева, онъ измѣнилъ послѣднему, который до самой смерти не могъ ему этого простить.

При образованіи штаба военныхъ поселеній, Клейнмихель былъ назначенъ директоромъ вновь образованнаго департамента этихъ поселеній. Въ 1831 году онъ былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ въ войскахъ, дѣйствовавшихъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ противъ вторгнувшихся въ нихъ польскихъ мятежниковъ, при чемъ распоряжался дурно до того, что дѣйствія этихъ войскъ не велѣно даже считать походомъ противъ непріятеля.

По возвращеніи въ Петербургъ, онъ пріобрѣлъ вліяніе на военнаго министра графа Чернышева и назначенъ дежурнымъ генераломъ главнаго штаба Его Величества, съ сохраненіемъ прежней должности, несмотря на то, что Государь явно высказывалъ Чернышеву свое неблаговоленіе къ Клейнмихелю.

Между тѣмъ, Клейнмихель, разведенный съ первою женою по указу Синода, которымъ онъ лишенъ былъ права вступать во второй бракъ, женился на молодой, богатой, бездѣтной вдовѣ Хорватъ, урожденной Ильинской.

Сестра его второй жены была замужемъ за Аркадіемъ Аркадіевичемъ Нелидовымъ. Сестра же послѣдняго Варвара, по окончаніи воспитанія въ Смольномъ монастырѣ, жила у Клейнмихелей въ домѣ главнаго штаба. Молодая Нелидова очень понравилась Государю. Многіе обвиняютъ Клейнмихеля въ томъ, что онъ этому способствовалъ, но я слышалъ отъ достойныхъ вѣры людей, что онъ, напротивъ того, принималъ мѣры, конечно, не вполнѣ энергичныя, удалить Нелидову отъ Государя, за что неблаговоленіе послѣдняго къ Клейнмихелю еще болѣе увеличилось. Но когда эти мѣры не помогли, то Клейнмихель воспользовался положеніемъ.

При частыхъ посѣщеніяхъ Государя, Клейнмихель умѣлъ выказать ему свою неограниченную преданность, полное усердіе къ службѣ и энергію при безпрекословномъ исполненіи даваемыхъ ему Государемъ приказаній. Подобная личность была идеаломъ служакъ, какихъ Государь желалъ имѣть вездѣ, и потому понятно, что Клейнмихель вскорѣ попалъ въ большую милость, которая давала ему возможность обращаться начальнически не только съ военными лицами, болѣе или менѣе ему подвѣдомственными, какъ дежурному генералу, но со всѣми служащими въ другихъ вѣдомствахъ. Клейнмихель, о которомъ всѣ говорили, что онъ разошелся съ первою женою по причинѣ физическаго недостатка, имѣлъ отъ второй жены много дѣтей, и первые ея роды были двойни.

Государь, желая возобновить сгорѣвшій Зимній дворецъ въ необыкновенно короткій срокъ, главнымъ распорядителемъ при этомъ назначилъ

Клейнмихеля. Вѣроятно, при другомъ распорядителѣ постройка дворца стоила бы дешевле и нѣкоторыя части его были бы изящнѣе, но нѣтъ сомнѣнія, что никто, кромѣ Клейнмихеля, не могъ его окончить въ такой короткій срокъ.

По окончаніи перестройки дворца, Клейнмихель получилъ вдругъ нѣсколько наградъ и въ томъ числѣ графское достоинство съ девизомъ въ гербѣ: «усердіе все превозмогаетъ». Говорятъ, что пожалованіе Клейнмихеля графомъ дало поводъ графу Толю сказать, что его надобно было бы назвать графомъ Клейнмихелемъ-Дворецкимъ.

Въ началѣ 1842 г. Государь желалъ скораго устройства желѣзнаго пути между столицами, вопреки мнѣнія многихъ высокопоставленныхъ лицъ и, между прочими, министра финансовъ графа Канкрина и главноуправляющаго путями сообщенія графа Толя. Послѣдній даже отстранилъ завѣдываніе постройкою дороги отъ управленія путями сообщенія.

Государь учредилъ тогда комитетъ для этой постройки, въ который назначилъ предсѣдателемъ Наслѣдника и членами нѣкоторыхъ изъ министровъ и, сверхъ того, Клейнмихеля, Чевкина (Константина Владиміровича).

Графъ Толь былъ въ это время опасно боленъ и нельзя было не предвидѣть, что послѣ смерти его постройка желѣзной дороги перейдетъ въ главное управленіе путей сообщенія и главноуправляющимъ будетъ назначенъ тотъ, кого назначатъ главнымъ распорядителемъ въ означенномъ комитетѣ по устройству желѣзной дороги.

Чевкинъ не задолго передъ этимъ много путешествовалъ по Европѣ и ознакомился съ финансовыми и главными техническими вопросами по устройству желѣзныхъ дорогъ, а потому надѣялся быть главнымъ распорядителемъ по устройству желѣзнаго пути между столицами и вскорѣ главноуправляющимъ путями сообщенія, каковое назначеніе могло быть ему лестнымъ, такъ какъ въ это время ему еще не было 40 лѣтъ отъ роду.

Клейнмихель же не только ничего не зналъ о финансовыхъ и техническихъ вопросахъ по устройству желѣзныхъ дорогъ, но по недостатку образованія не могъ никогда пріобрѣсти о нихъ никакого понятія и, сверхъ того, никогда не видалъ ни одной желѣзной дороги. Несмотря на то, что Царскосельская желѣзная дорога была открыта около пяти лѣтъ, онъ, часто бывавшій у Государя въ Царскомъ Селѣ, всегда ѣздилъ на лошадяхъ.

Однако же Государь, вѣроятно, убѣжденный, что «усердіе все превозмогаетъ», выбралъ главнымъ распорядителемъ по устройству дороги Клейнмихеля, подчинивъ ему, какъ члену комитета, канцелярію, при немъ образованную.

Клейнмихель, получивъ это назначеніе въ Царскомъ Селѣ, немедля отправился на Царскосельскую станцію желѣзной дороги и тутъ въ первый разъ увидалъ паровозы, вагоны, рельсы и прочія принадлежности дороги.

Въ то же время онъ назначенъ былъ управляющимъ военнымъ министерствомъ по случаю отъѣзда военнаго министра на Кавказъ, и всѣ полагали, что онъ будетъ утвержденъ въ должности военнаго министра. Это еще давало Чевкину надежду быть назначеннымъ главноуправляющимъ путями сообщенія по смерти графа Толя, но я уже говорилъ, что главноуправляющимъ назначенъ былъ Клейнмихель.

Это соперничество очень не нравилось послѣднему и, конечно, Чевкинъ обязанъ въ особенности этому обстоятельству тѣмъ, что на него навлекли немилость Государя.

Съ самаго образованія комитета по устройству желѣзной дороги, начали происходить разныя столкновенія между предсѣдателемъ Наслѣдникомъ престола и членомъ Клейнмихелемъ. Эти столкновенія продолжались и по назначеніи послѣдняго главноуправляющимъ путями сообщенія, когда вмѣстѣ съ этимъ назначеніемъ канцелярія комитета была преобразована въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ, вошедшій въ составъ главнаго управленія путей сообщенія. Въ упомянутыхъ столкновеніяхъ всѣ обвиняли Клейнмихеля, но, вѣроятно, Государь думалъ иначе, потому что продолжалъ быть попрежнему къ нему милостивымъ.

По назначеніи Клейнмихеля главноуправляющимъ, онъ вскорѣ отправился для осмотра Московскаго шоссе, начальствующія лица коимъ которымъ жили въ Новгородѣ, и потому они и нѣкоторыя изъ ихъ злоупотребленій были ему довольно извѣстны: большая часть военныхъ поселеній находились въ Новгородской губерніи.

Клейнмихель, по осмотрѣ Московскаго шоссе, отдалъ очень длинный приказъ, въ которомъ описалъ жалкое состояніе шоссе. Оно было дѣйствительно таковымъ въ особенности по причинѣ безпрестанно уменьшаемыхъ Толемъ, или лучше сказать Девятинымъ, средствъ на его содержаніе, а частію и отъ злоупотребленія завѣдывающихъ ремонтомъ шоссе. Въ этомъ же приказѣ Клейнмихель подробно описалъ строившійся въ Новгородѣ домъ маіора Дженѣева, бывшаго командиромъ 1-го батальона военно-рабочей бригады путей сообщенія, которой нижніе чины состояли при ремонтѣ шоссе.

Это описаніе, наполненное ироническою злобою, давало понять, что Дженѣевъ строитъ домъ на деньги, украденныя изъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе шоссе, употребляя на работы подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ.

Первое было несправедливо, потому что Дженѣевъ не имѣлъ никакого вліянія на ремонтъ шоссе, вполнѣ зависѣвшій отъ инженеровъ путей сообщенія, нисколько ему не подчиненныхъ. Солдаты же его батальона были расположены по протяженію шоссе отъ Петербурга до ст. Едрова на разстояніи 350 верстъ и также находились въ вѣдѣніи тѣхъ же инженеровъ. При немъ въ Новгородѣ состояла только учебная команда человѣкъ въ 20; изъ нихъ нѣкоторые были мастеровые и дѣйствительно были имъ употреблены при постройкѣ дома, за что, какъ оказалось впослѣдствіи, были вознаграждаемы Дженѣевымъ.

Клейнмихель сдѣлалъ въ приказѣ всѣмъ начальствующимъ выговоръ, смѣнилъ директора шоссе отъ Петербурга до Едрова инженеръ-полковника Чедаева и маіора Дженѣева и отдалъ ихъ подъ судъ. Этотъ приказъ произвелъ большое впечатлѣніе въ публикѣ. Дорого платили, чтобы его достать. Послѣ этого многіе посторонніе вѣдомству путей сообщенія подписались на полученіе приказовъ Клейнмихеля, чего въ то время не дѣлалось въ другихъ вѣдомствахъ.

Тогда никто не обращалъ вниманія на то, что всѣ дѣйствія Клейнмихеля были въ высшей степени произвольны, а насмѣшки начальника надъ подчиненными неумѣстны. Князь Меньшиковъ, бывшій морскимъ министромъ, извѣстный своими остротами, не любилъ Клейнмихеля и называлъ этотъ приказъ и другіе ему подобные «впечатлѣніями путешествія графа Клейнмихеля».

Съ самаго вступленія Клейнмихеля въ управленіе, произволъ его выказывался во всемъ: въ немедленномъ, необдуманномъ измѣненіи состава центральныхъ учрежденій главнаго управленія, въ увольненіи и опредѣленіи высшихъ и низшихъ чиновниковъ безъ всякаго разбора, въ разорваніи безъ объясненія причинъ докладовъ, подносимыхъ департаментами и другими учрежденіями главнаго управленія и т. п.

Если же для увольненія чиновника требовалось по существовавшимъ постановленіямъ Высочайшее повелѣніе, то онъ испрашивалъ таковое. Онъ отставилъ одного офицера отъ службы безъ слѣдствія и не спросивъ объясненія у отставляемаго, который черезъ это лишился права на пенсію и права продолжать службу въ какомъ бы то ни было вѣдомствѣ.

Всѣ дурныя стороны Клейнмихеля и его продѣлки въ двухмѣсячное управленіе вѣдомствомъ путей сообщенія были мнѣ извѣстны, но я несмотря на это, не имѣя болѣе надежды состоять при военномъ министрѣ, былъ доволенъ своимъ назначеніемъ состоять при Клейнмихелѣ.

Я надѣялся, что при немъ пойдетъ все живѣе, тогда какъ при Толѣ все находилось въ летаргическомъ снѣ, что возникнутъ новые пути сообщенія и старые будутъ лучше содержимы и что строгостію своею онъ уничтожитъ злоупотребленія.

Къ этому примѣшивалась и надежда, при близкихъ моихъ отношеніяхъ къ Клейнмихелю, имѣть возможность помогать ему во всемъ, а въ особенности въ уничтоженіи злоупотребленій, при чемъ по возможности умѣрять его произволъ и излишнюю строгость.

Я надѣялся также, что при моемъ новомъ положеніи мнѣ легче будетъ сдѣлать служебную карьеру, которая была бы для меня немыслима при назначеніи главноуправляющимъ Девятина, какъ по его непріятнымъ ко мнѣ отношеніямъ, такъ и по его малому значенію у Государя. Такъ какъ Клейнмихель самъ былъ скоро выведенъ къ занятію высшихъ должностей, то я предполагалъ, что онъ такъ же будетъ выводить и тѣхъ, которыхъ онъ приближалъ къ себѣ, и что вообще онъ подниметъ значеніе

инженеровъ путей сообщенія, на которыхъ Государь не обращалъ никакого вниманія, а общественное мнѣніе было не въ ихъ пользу.

Изъ дальнѣйшаго разсказа читатель увидитъ, на сколько я ошибся въ большей части моихъ надеждъ. Въ дѣйствительности оказалось, что только дѣла пошли живѣе: въ двухмѣсячное управленіе Клейнмихеля исполненіе по входящимъ въ главное управленіе бумагамъ дѣлалось быстро, онѣ не залеживались попрежнему. Дурной слогъ и почеркъ бумагъ, исходящихъ изъ главнаго управленія, измѣнились къ лучшему; большую часть бумагъ стали составлять съ большимъ тщаніемъ, а почеркъ во всѣхъ сдѣлался вдругъ весьма хорошимъ. Меня всегда удивляло, какъ могло быть достигнуто такъ скоро подобное превращеніе.

Вскорѣ было приступлено къ составленію общей сѣти водяныхъ и шоссейныхъ сообщеній въ Имперіи и приняты мѣры къ быстрому производству работъ по желѣзной дорогѣ между столицами.

Но всѣ другія мои надежды не исполнились. Злоупотребленія при Клейнмихелѣ увеличились съ увеличеніемъ разныхъ новыхъ построекъ и средствъ для ремонта прежде устроенныхъ, и не малая доля вины въ этомъ падаетъ на дурныя распоряженія Клейнмихеля.

Значеніе инженеровъ путей сообщенія не только не было имъ поднято, а еще унижено переводомъ въ инженеры лицъ, не имѣвшихъ никакихъ познаній. Клейнмихель постоянно говорилъ Государю, что онъ долженъ дѣлать все одинъ за неимѣніемъ способныхъ людей между инженерами. Не говорю уже объ ихъ униженіи отъ безпрерывныхъ ругательствъ, которыми онъ ихъ осыпалъ, и его насмѣшекъ надъ ними. Онъ никого, даже самыхъ приближенныхъ къ нему, не подвигалъ быстро по службѣ.

Клейнмихель, занимая долго должность дежурнаго генерала главнаго штаба Его Величества, а въ послѣднее время управляющаго военнымъ министерствомъ, и пользуясь особенною милостію Государя, имѣлъ въ военномъ вѣдомствѣ большое значеніе. Всѣ высшіе военные чины, всѣ аристократическія семейства, которыхъ члены преимущественно избирали тогда военную карьеру, въ извѣстной степени зависѣли отъ Клейнмихеля.

Разныя учрежденія военнаго министерства, по его сложности, были многочисленны, и слѣдовательно огромная масса лицъ была подчинена ему. Съ назначеніемъ же Клейнмихеля главноуправляющимъ путями сообщенія, онъ имѣлъ подчиненными только инженеровъ путей сообщенія и небольшое число гражданскихъ чиновниковъ. Между ними не было ни важныхъ лицъ въ чиновной іерархіи, ни лицъ, принадлежащихъ къ такъ называемой знати, и уже черезъ это значеніе Клейнмихеля должно было уменьшиться. Новое его назначеніе не могло не отозваться и на положеніе его относительно Государя, который обращалъ вниманіе на всѣ мелочи по военному вѣдомству, что давало случай Клейнмихелю часто видѣть Государя. Графъ Толь не имѣлъ даже личнаго доклада у Государя, тогда какъ военный министръ имѣлъ ежедневные доклады.

Впрочемъ, Клейнмихель немедля по своемъ назначеніи получилъ разрѣшеніе, наравнѣ съ нѣкоторыми другими министрами, являться одинъ разъ въ недѣлю (по четвергамъ) съ личнымъ докладомъ. Тогда это считалось особою милостію, такъ какъ нѣкоторые изъ министровъ, и въ томъ числѣ министры внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, не имѣли личныхъ докладовъ въ опредѣленные дни недѣли, а присылали Государю свои доклады; когда же, по особому случаю, находили нужнымъ что-либо лично доложить, то на это испрашивали дозволеніе.

Наружная обстановка, которая имѣла тогда весьма большое значеніе, была у главноуправляющаго путями сообщенія жалкая сравнительно съ тою, къ которой привыкъ Клейнмихель. Онъ привыкъ имѣть къ своимъ услугамъ большое число адъютантовъ главнаго штаба Его Величества и прикомандированныхъ къ штабу офицеровъ, а равно фельдъегерей и ординарцевъ отъ разныхъ частей войскъ.

Въ новой же должности Клейнмихель сохранилъ только четырехъ адъютантовъ и вмѣсто множества ловкихъ фельдъегерей въ офицерскихъ чинахъ, или по крайней мѣрѣ въ офицерской формѣ, пришлось довольствоваться двумя кое-какими курьерами главнаго управленія путей сообщенія. Впрочемъ, Клейнмихель выбралъ въ эту должность довольно благообразныхъ людей и одѣлъ ихъ хорошо.

Ординарцевъ изъ разныхъ частей войскъ надо было также лишиться. Тогда въ вѣдомствѣ путей сообщенія было много нижнихъ чиновъ, но, конечно, они, назначенные изъ неспособныхъ къ военной службѣ, не годились въ ординарцы ни къ кому, а не только къ Клейнмихелю.

По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, я засталъ еще остатки прежней блестящей обстановки Клейнмихеля. По привычкѣ, еще дежурилъ у него одинъ фельдъегерь для посылокъ и назначались ординарцами два молодцоватые унтеръ-офицера одного изъ учебныхъ карабинерныхъ полковъ, которые были непосредственно подчинены департаменту военныхъ поселеній. Но вскорѣ исчезли и фельдъегерь и унтеръ-офицеры, и нельзя было не замѣтить, что это было непріятно Клейнмихелю.

Въ числѣ адъютантовъ Клейнмихеля была одна замѣчательная личность, поручикъ Герштенцвейгъ. Онъ былъ очень уменъ, имѣлъ весьма пріятную наружность. Клейнмихель, съ самаго вступленія своего въ новую должность поручалъ ему производство дознаній и слѣдствій по доходившимъ свѣдѣніямъ о разныхъ злоупотребленіяхъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія, и онъ несмотря на свою молодость и неопытность, хорошо исполнялъ эти порученія.

Я находилъ только, что онъ слишкомъ съ темной стороны смотрѣлъ на открываемое имъ при дознаніяхъ и слѣдствіяхъ, что очень нравилось Клейнмихелю. Впрочемъ, этотъ взглядъ Герштенцвейга происходилъ не отъ желанія угодить Клейнмихелю, а свойственъ его натурѣ. Я находилъ, что онъ имѣлъ много общаго съ Клейнмихелемъ; только былъ гораздо болѣе образованъ и менѣе вспыльчивъ.

Впослѣдствіи Герштенцвейгъ, не желая постоянно подчиняться произволу Клейнмихеля, и не видя, чтобы въ званіи адъютанта послѣдняго можно было сдѣлать служебную карьеру, поступилъ въ чинѣ капитана во фронтъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ вскорѣ былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ. Въ послѣдній разъ я его видѣлъ у него на дачѣ въ началѣ августа 1861 г., когда онъ былъ дежурнымъ генераломъ главнаго штаба Его Величества и генералъ-адъютантомъ. Онъ мнѣ тогда сказалъ, что назначенъ Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, а графъ Ламбертъ намѣстникомъ Царства Польскаго, и объяснялъ, что ему очень не хотѣлось принимать новой должности, но по тогдашнимъ обстоятельствамъ въ царствѣ и по хорошимъ его отношеніямъ къ Ламберту онъ не могъ отъ нея отказаться.

Извѣстно, что вслѣдствіе непріятностей между ними, въ которыхъ всѣ обвиняютъ Ламберта и оправдываютъ Герштенцвейга, онъ ранилъ себя выстрѣломъ изъ револьвера, долго мучился отъ раны, и въ продолженіе своей мучительной болѣзни не открылъ причины, заставившей его прибѣгнуть къ этому. Я не буду излагать здѣсь то, что знаю о столкновеніяхъ между Ламбертомъ и Герштенцвейгомъ: нѣтъ сомнѣнія, что лица, которымъ болѣе извѣстны бывшія тогда въ Варшавѣ происшествія, подробно описали въ своихъ запискахъ эту драму.

Прежде меня назначенъ былъ состоять при Клейнмихелѣ только одинъ инженеръ путей сообщенія Толстой (Григорій Матвѣевичъ), въ то время поручикъ. Передъ этимъ онъ былъ адъютантомъ Толя, который взялъ его въ эту должность какъ родного внука своего прежняго начальника, славнаго князя Кутузова-Смоленскаго. Старшіе братья Толстого въ это время имѣли уже нѣкоторое значеніе при дворѣ, но тогда говорили, что назначеніе его состоять при Клейнмихелѣ доставитъ ему гораздо лучшую карьеру, чѣмъ его братьямъ, въ чемъ, конечно, ошиблись.

Толстой дежурилъ по очереди съ адъютантами, обязанными докладывать Клейнмихелю о приходящихъ къ нему. Я былъ освобожденъ отъ подобнаго дежурства, а къ дежурству въ очередь съ адъютантами, кромѣ Толстого, назначенъ былъ репетиторъ Института инженеровъ путей сообщенія поручикъ Адамовичъ, съ оставленіемъ его репетиторомъ. Впослѣдствіи и всѣ другіе инженеры, которыхъ Клейнмихель назначалъ состоять при себѣ по особымъ порученіямъ, по моему примѣру, не были назначаемы на дежурство. Толстой посылался Клейнмихелемъ для секретныхъ дознаній, при чемъ употреблялъ разныя неблаговидныя средства, какъ-то: ложныя обѣщанія, переодѣваніе и т. п.

Такимъ образомъ Толстой, увѣривъ смотрителя судоходства Рожкинской пристани на Невѣ, который получалъ жалованья въ годъ 114 р. сер., а долженъ былъ издерживать на канцелярію во время судоходства сумму въ нѣсколько разъ большую, что ему нужно знать какъ велика эта сумма и откуда смотритель беретъ ее, дабы имѣть возможность принять это свѣдѣніе въ соображеніе при новыхъ штатахъ, добылъ отъ послѣд-

няго свѣдѣніе, что деньги на его канцелярію получаются поборами съ судопромышленниковъ.

Клейнмихель повторилъ означенному смотрителю увѣреніе Толстого и, получивъ отъ него то же свѣдѣніе, вслѣдъ засимъ отдалъ его подъ уголовный судъ, изложивъ въ приказѣ, что смотритель самъ сознался въ незаконныхъ поборахъ по судоходству. Клейнмихель обладалъ необыкновенною способностію узнавать людей почти съ перваго взгляда. Онъ никогда не давалъ мнѣ порученій, исполненіе которыхъ требовало бы какихъ-либо неблаговидныхъ поступковъ.

Впрочемъ, Толстой скоро надоѣлъ Клейнмихелю и былъ назначенъ членомъ общаго присутствія департамента хозяйственныхъ дѣлъ главнаго управленія путей сообщенія, а съ открытіемъ войны 1853—1856 гг. инспекторомъ военныхъ сообщеній дѣйствующей арміи.

Живя гораздо выше своихъ средствъ и нуждаясь всегда въ деньгахъ, Толстой имѣлъ репутацію безчестнаго чиновника, но эта репутація не помѣшала по окончаніи войны назначить его начальникомъ I (Петербургскаго) округа путей сообщенія, гдѣ онъ требовалъ, чтобы его подчиненные давали ему деньги, заставляя ихъ обкрадывать казну. Вообще въ взяточничествѣ онъ дошелъ до такого цинизма, что, наконецъ, былъ уволенъ отъ этой должности по настоянію С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора князя Суворова.

Вскорѣ однако же главноуправлявшій путями сообщенія Мельниковъ, желая угодить брату Толстого, Ивану Матвѣевичу, бывшему главноначальствующему надъ почтовымъ департаментомъ и пользовавшемуся особенною милостію Императора Александра II, назначилъ Г. М. Толстого начальникомъ IX (Ковенскаго) округа путей сообщенія.

Но и изъ этой должности, по той же причинѣ, онъ былъ вскорѣ уволенъ и поступилъ въ частную службу къ бывшему тогда купцомъ 1-ой гильдіи еврею Самуилу Соломоновичу Полякову, строившему желѣзную дорогу отъ Аксайской станицы въ землѣ войска Донского до Ростова на Дону.

Толстой ничего не понималъ въ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, такъ что означенную дорогу строили другіе инженеры, а Поляковъ взялъ его и давалъ ему значительное содержаніе только изъ угожденія брату его И. М. Толстому, которому Поляковъ былъ многимъ обязанъ и, между прочимъ, полученіемъ концессіи на постройку Воронежско-Козловской желѣзной дороги.

Несмотря на то, что Г. М. Толстой не участвовалъ въ постройкѣ Аксайско-Ростовской желѣзной дороги, бывшій наказный атаманъ Войска Донского генералъ-адъютантъ Потаповъ въ рѣчи, произнесенной на обѣдѣ при открытіи этой дороги, сказалъ, между прочимъ, что знаменитый дѣдъ строителя (мнимаго) дороги велъ въ 1812 г. Донское Войско къ побѣдамъ, а его внукъ ведетъ войска посредствомъ устроеннаго пути къ улучшенію его благосостоянія.

Тогда же Толстой получилъ Анненскую ленту, конечно по ходатайству Полякова. Въ это время концессіи на постройку желѣзныхъ дорогъ выдавались разнымъ лицамъ и въ числѣ ихъ Полякову, называвшимся учредителями дороги. Къ этимъ учредителямъ назначались для изысканія по составленію проекта дороги и для ея устройства инженеры, преимущественно путей сообщенія, всѣхъ чиновъ и даже генералы. Это было одною изъ многихъ причинъ упадка значенія чиновъ. Прежде только старшій въ чинѣ и должности могъ ходатайствовать о наградѣ его подчиненныхъ; при устройствѣ же желѣзныхъ дорогъ купцы ходатайствовали о повышеніи чинами и о награжденіи орденами инженеровъ и лицъ другихъ вѣдомствъ, участвовавшихъ въ постройкѣ дороги, представляя за своею подписью министру путей сообщенія списки тѣхъ лицъ, которыхъ они этого удостаивали, по формѣ, установленной для представленія къ наградамъ начальствующими лицами своихъ подчиненныхъ.

Такимъ образомъ потомственный почетный гражданинъ Поляковъ, по открытіи Харьковско-Азовской дороги, представилъ въ 1870 г. мнѣ, временно тогда управлявшему министерствомъ путей сообщенія, за своею подписью, списокъ съ представленіемъ о наградахъ инженеровъ и другихъ лицъ, участвовавшихъ въ постройкѣ означенной дороги и, между прочимъ, инженеръ генералъ-майора Толстого къ Владимірской звѣздѣ, наградѣ тогда почитавшейся, несмотря на упадокъ значенія орденовъ, еще весьма значительною.

Я не далъ дальнѣйшаго хода представленію Полякова о Толстомъ, который вскорѣ послѣ этого умеръ. Несмотря на то, что послѣдній получалъ отъ Полякова большое содержаніе, онъ, продолжая жить выше своихъ средствъ, кромѣ долговъ ничего не оставилъ.

Клейнмихель часто принималъ меня по утрамъ, при чемъ поручалъ мнѣ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ дѣлъ и говорилъ о своихъ предположеніяхъ относительно преобразованія вѣдомства путей сообщенія. За обѣдами и на вечерахъ для карточной игры, онъ сажалъ меня постоянно за тотъ столъ, на которомъ играла его жена, и всегда обращался со мною благосклонно.

Я, впрочемъ, старался всѣми мѣрами избѣгать близкихъ съ нимъ сношеній, опасаясь, что это поведетъ къ фамильярничанью съ его стороны, которому я ни по лѣтамъ, ни по моему положенію, отвѣчать бы не могъ. Съ этою цѣлію я ѣздилъ къ нему по вечерамъ по возможности рѣдко и, когда онъ слишкомъ часто присылалъ ко мнѣ курьера звать на вечеръ, я приказывалъ сказать, что меня нѣтъ дома, и не пріѣзжалъ на вечеръ.

Послѣ этого Клейнмихель обыкновенно меня спрашивалъ, отчего я не пріѣхалъ по его приглашенію. Я отвѣчалъ, что, вернувшись въ тотъ день домой поздно вечеромъ, я не могъ воспользоваться его приглашеніемъ. Онъ же удивлялся тому, гдѣ я могъ проводить цѣлые дни внѣ дома. Вообще я избѣгнулъ его фамильярности, которую онъ себѣ дозволялъ съ лицами гораздо старшими меня и лѣтами и по службѣ.

Одного не умѣлъ я предотвратить: чтобы онъ мнѣ не говорилъ «ты», но на этомъ и ограничилась его фамильярность со мною.

Когда я встрѣчался на вечерахъ Клейнмихеля съ Н. С. Вадковскою и Т. С. Норовою, то онѣ метали на меня страшные взгляды и ни подъ какимъ видомъ не хотѣли садиться со мною за одинъ карточный столъ, что очень забавляло Клейнмихеля.

Изъ его предположеній насчетъ вѣдомства путей сообщенія, которыя онъ сообщалъ иногда мнѣ по утрамъ, упомяну о слѣдующемъ. Онъ полагалъ поручить особому комитету составить строительный уставъ, въ которомъ были бы изложены статьи, указывающія какъ слѣдуетъ строителю поступать въ извѣстныхъ случаяхъ при всякаго рода постройкахъ.

Онъ мнѣ говорилъ, что по составленіи такого устава ему не нужны будутъ инженеры, и онъ изъ существующаго состава инженеровъ путей сообщенія оставитъ не многихъ ему нравящихся (конечно, я былъ въ томъ числѣ) и назначитъ инженерами (!) извѣстныхъ ему своею исполнительностію лицъ военнаго вѣдомства, которыя и будутъ производить всѣ постройки на основаніи статей строительнаго устава, не имѣя надобности ни въ какихъ знаніяхъ, кромѣ этого устава.

Вышеупомянутый комитетъ былъ вскорѣ учрежденъ. Понятно, что онъ ничего не сдѣлалъ, такъ какъ предложенная ему задача была не разрѣшима.

Жена Клейнмихеля, графиня Клеопатра Петровна, несмотря на происки своихъ пріятельницъ, была со мною любезна. Она была женщина умная, но въ ней, при ея недостаточномъ образованіи, видна была провинціалка, желающая выказать себя барынею большого свѣта.

Конечно, она должна была много терпѣть отъ характера мужа, вспыльчивости и цинизму котораго не было предѣловъ. Сверхъ того, онъ былъ преисполненъ малыми капризами, какъ старая дѣва, а извѣстно, что именно эти капризы несносны въ обыденной жизни. Ихъ дѣти были тогда еще малы, но ихъ, и въ особенности сыновей, дурно воспитывали. Они, подражая отцу, были дерзки съ тѣми, съ кѣмъ онъ былъ дерзокъ, и любезны—съ кѣмъ онъ былъ любезенъ.

Клейнмихель принималъ почти каждый вечеръ. Собирались въ 9 часовъ вечера и немедля садились за карточные столы. Составленіе партій для игры лежало на обязанности Петра Александровича Языкова, бывшаго тогда инспекторомъ въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія, въ чинѣ полковника, и назначеннаго, по производствѣ въ генералъ-маіоры, членомъ Совѣта главнаго управленія путей сообщенія, тогда какъ прежде въ этомъ вѣдомствѣ въ члены Совѣта назначались только заслуженные генералы.

Языковъ не смѣлъ никуда отлучаться изъ дому послѣ 8 часовъ вечера; онъ въ это время ожидалъ присылки за нимъ курьера, если уже не былъ приглашенъ наканунѣ. Клейнмихель дозволялъ себѣ самымъ неприличнымъ образомъ обращаться съ Языковымъ.

Несмотря на то, что Языковъ былъ почти однихъ лѣтъ съ Клейнмихелемъ, онъ говорилъ Языкову «ты». Когда послѣдній, играя въ карты, былъ въ выигрышѣ, Клейнмихель называлъ его «шубой», увѣряя, что Языковъ столько выигралъ у жены Клейнмихеля, что сшилъ себѣ на выигранныя деньги нѣсколько шубъ. Увидя у Языкова хорошія карты, Клейнмихель толкалъ его въ бокъ, приговаривая: «ахъ, ты горбатый» (Языковъ былъ очень сутуловатъ), и разсказывалъ, какія онъ видѣлъ карты у Языкова.

Въ путешествіе свое для осмотра работъ въ 1843 г. Клейнмихель взялъ съ собою Языкова. Клейнмихель садился въ карету очень живо, а Языковъ по тучности и сутуловатости—медленно. Клейнмихель при всѣхъ передразнивалъ, какъ Языковъ лѣзетъ въ карету, приговаривая: «лѣзетъ не лѣзетъ», и называя Языкова «бабою съ клыками» (у Языкова нѣсколько зубовъ выходили впередъ изо рта). Когда Языковъ вздумалъ, сидя въ каретѣ съ Клейнмихелемъ, нюхать табакъ, послѣдній взялъ у него табакерку и выбросилъ ее въ окно.

Языковъ все это терпѣлъ, а между тѣмъ былъ вообще человѣкъ честный, благородный, образованный и разсудительный. Это терпѣніе со стороны Языкова можно объяснить только духомъ времени, въ которое приходилось покоряться всему, что приходило въ голову начальнику, пользующемуся милостію Государя; иначе можно было умереть съ голоду.

Клейнмихель въ особенности любилъ, чтобы къ нему пріѣзжали по субботамъ слушать въ его домашней церкви всенощную и потомъ играть въ карты. Всѣ ѣздили поклоняться временщику, и не разъ, въ числѣ богомольцевъ, проводившихъ субботніе вечера у Клейнмихеля, я видалъ графа Дмитрія Николаевича Блудова, бывшаго тогда главноуправляющимъ II отдѣленіемъ канцеляріи Государя.

За обѣдомъ и на вечерахъ Клейнмихеля я часто видалъ В. А. Нелидову, которая жила въ это время, какъ фрейлина, въ Зимнемъ дворцѣ. Она старалась держать себя величаво, такъ что старшіе сыновья Клейнмихеля, тогда еще мальчики, между собою постоянно надъ нею смѣялись, давая ей разныя прозванья. Часто послѣ обѣда, когда Клейнмихель уходилъ спать, В. А. Нелидова слѣдовала за нимъ. Онъ ее принималъ лежа и, на своемъ казарменномъ жаргонѣ, звалъ ее стервой, иногда такъ громко, что и посторонніе это слышали.

Клейнмихель на своихъ вечерахъ оставался обыкновенно съ 9 до 11 часовъ; въ 11 онъ уходилъ, и ужинали безъ него. Обращеніе его съ гостями зависѣло отъ расположенія, въ которомъ онъ находился.

Гораздо позже, когда отношенія Государя къ нему сдѣлались холоднѣе, по четвергамъ вечеромъ можно было угадать, въ какомъ былъ къ нему расположеніи Государь въ этотъ день при докладѣ. Когда Клейнмихель былъ любезнѣе обыкновеннаго, это значило, что Государь былъ неблагосклоненъ къ нему. Въ отношеніяхъ къ своимъ гостямъ Клейнмихель былъ очень неровенъ. Имѣвшіе значеніе при Государѣ, конечно, были почтены болѣе другихъ, но не имѣвшимъ этого значенія случалось выслу-

шивать разныя непріятности, а когда Клейнмихель, несмотря на принимаемыя женою его мѣры, пылилъ, то эти непріятности доходили до безобразія.

Относиться при гостѣ сенаторѣ съ пренебреженіемъ о Сенатѣ, давать при всѣхъ приказанія статсъ-секретарю Государственнаго Совѣта тайному совѣтнику Никитину о томъ, какъ вести какое-либо дѣло, которымъ Клейнмихель интересовался, ничего не значило.

Изъ вспышекъ Клейнмихеля упомяну, что онъ на вечерѣ при всѣхъ, самымъ неприличнымъ образомъ, разругалъ Алексѣя Ивановича Войцеховича, уже тогда занимавшаго важную должность, а впослѣдствіи члена Государственного Совѣта, что не помѣшало послѣднему вскорѣ опять пріѣхать на вечеръ къ Клейнмихелю.

Бывшій С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ, генералъ отъ инфантеріи Шульгинъ, который, по возвращеніи Клейнмихеля изъ путешествій въ Петербургъ, являлся къ нему въ полномъ мундирѣ, на вокзалѣ чѣмъ-то не сумѣлъ угодить Клейнмихелю, а между тѣмъ пріѣхалъ къ нему на вечеръ.

Клейнмихель приказалъ своему швейцару отказать Шульгину, ругая послѣдняго неприличными словами и громко говоря, что его слѣдуетъ выгнать кулаками въ спину. Шульгинъ не могъ этого не слышать.

Надо сказать, что Клейнмихель умѣлъ переходить внезапно отъ порывовъ сильнѣйшаго гнѣва къ выраженію полной любезности. Глаза его, сверкавшіе въ первомъ случаѣ, какъ у тигра, въ одинъ мигъ измѣнялись и дѣлались глазами самой ласковой ручной кошки; голосъ, весьма грубый при ругательствахъ, въ одинъ мигъ дѣлался нѣжнымъ.

Перехожу теперь снова къ описанію осени 1842 г. Расположеніе Клейнмихеля ко мнѣ, конечно, сдѣлалось вскорѣ извѣстнымъ, въ особенности инженерамъ путей сообщенія; нѣкоторые изъ нихъ уже искали моего покровительства.

Въ это время воротился въ Петербургъ корпуса инженеровъ путей сообщенія полковникъ Трофимовичъ (умершій въ чинѣ генералъ-маіора въ отставкѣ), посланный во время управленія Девятинымъ инспектировать нѣкоторыя части вѣдомства путей сообщенія.

Находясь во внутреннихъ губерніяхъ и не зная о назначеніи Клейнмихеля, Трофимовичъ присылалъ свои донесенія въ томъ духѣ, какъ требовалось при Девятинѣ, такъ сказать въ чиновничьемъ духѣ, и только намекалъ на безпорядки, чтобы не подвергнуться нареканію за то, что умолчалъ о нихъ, но не выставлялъ ихъ ярко, чтобы не хулить то, что было извѣстно и высшему начальству и такъ долго терпѣлось.

Когда Трофимовичъ узналъ о назначеніи Клейнмихеля, онъ измѣнилъ тонъ своихъ донесеній, но все же не сумѣлъ угодить новому начальнику, который съ ироническими замѣчаніями печаталъ въ своихъ приказахъ мѣста, вырванныя изъ донесеній Трофимовича.

Трофимовичъ по возвращеніи въ Петербургъ слышалъ, что я нахожусь въ милости у Клейнмихеля, и ошибочно полагалъ, что я нахожусъ съ послѣднимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе этого, выйдя изъ кабинета Клейнмихеля и увидѣвъ меня въ пріемномъ залѣ, онъ сказалъ своимъ необыкновенно визгливымъ голосомъ:

— Какъ вы счастливы, что назначены состоять при графѣ; вѣдь это настоящій ангелъ. Я и прежде его видѣлъ, но теперь могу сказать, что и голосъ его ангельскій, а лицо можетъ служить типомъ лику Спасителя для мѣстныхъ образовъ въ церквахъ. Да, вѣдь вы лютеранинъ и не знаете, что такое мѣстный образъ.

Я ему отвѣчалъ, что я православнаго исповѣданія и знаю, что называется мѣстными образами. Но этотъ отвѣтъ не помѣшалъ Трофимовичу объяснить мнѣ въ подробности значеніе этихъ образовъ и повторить, что лицо графа должно служить прекраснымъ типомъ для написанія лика Спасителя.

Въ самомъ началѣ вышеприведенной фразы Трофимовича, въ дверяхъ пріемнаго зала показался Клейнмихель, къ которому Трофимовичъ стоялъ спиною и потому не могъ его видѣть. Клейнмихель мнѣ далъ знакъ, чтобы я не обращалъ на него вниманія, и выслушалъ съ ироническою улыбкою все сказанное мнѣ Трофимовичемъ. Когда я вошелъ въ кабинетъ Клейнмихеля, онъ очень смѣялся надъ этою сценою.

Въ ноябрѣ я былъ приглашенъ военнымъ министромъ въ его канцелярію, гдѣ онъ мнѣ далъ дѣло по устройству въ области черноморскихъ казаковъ на правомъ берегу Кубани неприступныхъ каменныхъ башенъ, для помѣщенія въ каждой четырехъ казаковъ, и просилъ меня, какъ хорошо знакомаго съ мѣстностью, дать заключеніе по этому предмету. Казаки, помѣщенные въ означенныхъ башняхъ, должны были ограждать нашъ берегъ Кубани отъ нападенія горцевъ и замѣнить казаковъ, доселѣ располагавшихся по камышамъ (такого казака называли секретомъ) и составлявшихъ, такъ сказать, одну цѣпь.

Конечно, жизнь этихъ секретовъ на болотной почвѣ, подъ открытымъ небомъ, была не завидная, но они не только постоянно были въ сношеніи между собою, но имѣли сообщеніе и съ казачьими постами, находившимися на почтовой дорогѣ, и съ казачьими селеніями, а нѣкоторые изъ нихъ даже позволяли себѣ переходить Кубань и если не наносить большой вредъ горцамъ, то пугать ихъ своимъ удальствомъ.

Это, слѣдовательно, была живая сила, которая могла дѣлать даже нападеніе, и эту живую силу хотѣли запереть въ неприступныя башни, въ которыхъ казаки могли бы только защищаться отъ нападенія и не только не могли бы итти за Кубань, но даже, при нападеніи горцевъ, имѣть сообщеніе съ казачьими селеніями и постами. Сверхъ того, постройка башенъ, по неимѣнію вблизи каменнаго матеріала, стоила бы чрезвычайно дорого. Эта постройка была уже утверждена военнымъ инженернымъ управленіемъ и на переданныхъ мнѣ чертежахъ башенъ имѣлась подпись великаго князя

Михаила Павловича, бывшаго тогда генералъ-инспекторомъ по инженерной части. Надо было составить заключеніе такъ, чтобы отмѣнили постройку башенъ, не дѣлая тѣмъ неудовольствія великому князю.

Въ тотъ же день я составилъ заключеніе. Когда я его оканчивалъ, пріѣхалъ курьеръ Клейнмихеля съ приглашеніемъ къ обѣду. Послѣ обѣда, Клейнмихель меня спросилъ, зачѣмъ я утромъ былъ въ канцеляріи военнаго министра и, на полученный отъ меня отвѣтъ, сказалъ, что я состою подъ его начальствомъ, а потому не только не обязанъ, но не имѣю права исполнять чьи бы то ни было служебныя порученія, и приказалъ немедля отвезти переданное мнѣ дѣло обратно къ Чернышеву безъ всякаго заключенія, къ чему прибавилъ, что Чернышевъ очень любитъ чужими руками жаръ загребать, что Чернышеву извѣстно, при комъ я состою по особымъ порученіямъ, а потому ему не трудно было вытребовать мое заключеніе черезъ Клейнмихеля.

Я отвѣчалъ, что полагалъ себя обязаннымъ явиться на призывъ военнаго министра и исполнить порученіе, не отвлекающее меня отъ служебныхъ занятій, и потому просилъ Клейнмихеля отмѣнить его приказаніе, такъ какъ я обѣщалъ Чернышеву представить заключеніе.

Клейнмихель возразилъ мнѣ, что я не буду имѣть времени исполнить это обѣщаніе, такъ какъ мнѣ поручается составленіе проекта моста по американской системѣ (Гоу) черезъ Днѣпръ въ Кіевѣ, предварительно получивъ по этому предмету наставленіе отъ полковника Мельникова, бывшаго въ то время директоромъ работъ по устройству желѣзной дороги отъ Петербурга до Бологова и жившаго въ Соснинской пристани, куда и предписывалось мнѣ ѣхать немедля.

Клейнмихель мнѣ подтвердилъ, что я долженъ выѣхать въ тотъ же вечеръ и потому не успѣю представить Чернышеву мое заключеніе. Я отвѣчалъ, что оно мною написано еще утромъ и, вѣроятно, теперь уже переписано и потому, пока приведутъ мнѣ почтовыхъ лошадей, я успѣю отвезти мое заключеніе.

Клейнмихель мнѣ сказалъ, что я въ это время нигдѣ не найду стараго колпака, какъ онъ называлъ Чернышева. Я отвѣчалъ, что отдамъ мое заключеніе состоящему при Чернышевѣ полковнику Вревскому. Клейнмихель на это согласился, но приказалъ, чтобы я впредь никогда не бралъ никакихъ порученій ни отъ военнаго министра и ни отъ кого либо другого, а тѣмъ, которые будутъ мнѣ что-либо поручать, говорилъ, чтобы они эти порученія передавали черезъ него.

Я отвезъ заключеніе Вревскому, передалъ ему приказаніе, полученное отъ Клейнмихеля, и въ тотъ же день поѣхалъ къ Мельникову въ Соснинскую пристань. Конечно, военный министръ не давалъ мнѣ послѣ этого никакихъ порученій.

Я не могъ понять, какимъ образомъ Клейнмихель могъ узнать такъ скоро о томъ, что я былъ у Чернышева. Это мнѣ пояснилось по возвращеніи моемъ отъ Мельникова. Бывая у Клейнмихеля, я заставалъ у него

каждый разъ Брискорна (умершаго въ 1872 г. членомъ военнаго совѣта) и узналъ, что послѣдній, состоявшій директоромъ канцеляріи военнаго министра, былъ уволенъ отъ службы. Говорили, что причиною увольненія Брискорна было то, что во время управленія военнымъ министерствомъ Клейнмихеля Брискорнъ въ надеждѣ, что послѣдній останется военнымъ министромъ, сблизился съ нимъ и, такъ сказать, выдалъ ему Чернышева.

На изъявленное мною удивленіе Клейнмихелю объ отставкѣ Брискорна, онъ мнѣ сказалъ, что это не надолго и что послѣдній вскорѣ получитъ болѣе высшую должность по службѣ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней онъ былъ назначенъ товарищемъ государственнаго контролера.

Я пріѣхалъ къ Мельникову въ Соснинскую пристань на другой день утромъ. Онъ показалъ мнѣ все относящееся до проектированія листовыхъ фермъ по системѣ Гоу. Мельниковъ жилъ въ избѣ въ двухъ комнатахъ; въ одной изъ нихъ стояли большой столъ изъ простого дерева для чертежей и нѣсколько самыхъ простыхъ стульевъ, диванъ и кровать; кромѣ этого, комнаты ничѣмъ не отличались отъ обыкновеннаго крестьянскаго помѣщенія.

Передъ обѣдомъ Мельниковъ мнѣ сказалъ, съ постоянною его ироніею, что онъ не ожидалъ принимать у себя такого московскаго гостя, а потому не успѣлъ приготовить обѣда, и я долженъ буду довольствоваться тѣмъ, что готовитъ ему ежедневно хозяйка избы, а именно щи съ говядиной и тараканами (такъ онъ называлъ черную капусту, плававшую во щахъ) и кашу. Онъ мнѣ предложилъ серебряный столовый приборъ, а самъ употреблялъ деревянную ложку, сказавъ, что этотъ серебряный приборъ есть первая его собственность и что онъ ему подаренъ его невѣстою (Надеждою Филипповною, урожденной Викторовою).

Во время обѣда онъ вспомнилъ, что при отъѣздѣ его изъ Петербурга невѣста дала ему сладкій кондитерскій пирогъ, котораго онъ еще не начиналъ. Онъ вынулъ пирогъ изъ шкафа, но такъ какъ этому пирогу было болѣе двухъ мѣсяцевъ, то его нельзя было ѣсть и пришлось немедля выбросить.

Вечеромъ подали намъ сальныя свѣчи въ грязныхъ бутылкахъ вмѣсто подсвѣчниковъ. Я пріѣхалъ къ Мельникову безъ прислуги, а потому онъ трунилъ, что мнѣ, московскому баричу, придется, ложась спать, самому раздѣваться и разуваться.

Впослѣдствіи Мельниковъ переѣхалъ въ село Чудово, находящееся на шоссе между двумя столицами, гдѣ я у него бывалъ неоднократно. Въ Чудовѣ онъ занималъ комнаты верхняго этажа довольно большой избы, которыя были порядочно меблированы, и ѣлъ сносно. Но вообще онъ продолжалъ быть постоянно такимъ же скупымъ, какъ и прежде. Приведу нѣсколько примѣровъ его скупости. До самаго назначенія его главноуправляющимъ путями сообщенія, онъ, имѣя уже довольно значительный капиталъ и хорошее содержаніе по службѣ, жилъ въ одной комнатѣ

у брата своего Александра, имѣвшаго квартиру въ придворномъ конюшенномъ домѣ.

Въ 1860 г. я ѣхалъ съ нимъ въ одномъ вагонѣ изъ Петербурга до ст. Любани, подлѣ которой онъ и братъ его Александръ построили дачи. Въ тотъ же вагонъ сѣли нѣсколько инженеръ-поручиковъ, только что кончившихъ курсъ въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія и выпущенныхъ на дѣйствительную службу. Нѣкоторые изъ этихъ молодыхъ людей были щегольски одѣты. Мельниковъ, впрочемъ очень справедливо, замѣтилъ имъ, что это щегольство и вообще жизнь выше средствъ не ведетъ никого ни къ чему доброму, а инженеровъ ведетъ къ тому, что они дѣлаются ворами и грабителями казны, что когда онъ былъ выпущенъ въ офицеры, жалованье было еще менѣе настоящаго, но что онъ и изъ него умѣлъ сберечь значительную часть и положить ее въ сохранную казну, чего могъ достигнуть тѣмъ, что всегда долго обдумывалъ, прежде чѣмъ рѣшиться на какой-либо расходъ; такъ онъ, указавъ на свою шинель, сказалъ, что это вторая только шинель въ продолженіе его почти 40-лѣтней службы и что онъ сшилъ ее при производствѣ его въ маіоры.

Въ бытность Мельникова министромъ, онъ часто разъѣзжалъ по Россіи въ тарантасѣ и ѣлъ такъ дурно во время путешествій, что никто, не только изъ инженеровъ и чиновниковъ, состоящихъ при министерствѣ, но и изъ писарей, не хотѣлъ съ нимъ ѣздить. Онъ бралъ съ собою во всѣ путешествія служившаго въ вѣдомствѣ путей сообщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ при Императорскихъ театрахъ медика Шюца. Послѣдній въ Петербургѣ жилъ въ домѣ министра и цѣлые дни проводилъ въ семействѣ брата Мельникова, которое, въ бытность Мельникова министромъ, также жило въ томъ же домѣ.

Во время путешествій Мельникова, Шюцъ не могъ ему быть ни въ чемъ полезенъ. Мельниковъ заклятый гомеопатъ, а Шюцъ алопатъ, какъ всѣ увѣряютъ, очень плохой; сверхъ того онъ не умѣлъ правильно писать по-русски. Почеркъ Мельникова былъ очень дуренъ. Въ бытность Императора и Императрицы въ 1867 г. въ Варшавѣ, Государь поручилъ Мельникову немедля представить планъ вагоновъ, въ которыхъ должна была ѣхать Императрица изъ Варшавы, съ показаніемъ размѣщенія въ вагонахъ Императрицы, великихъ князей, великой княжны и другихъ лицъ.

Мельниковъ поручилъ, за неимѣніемъ подъ рукою писца, сдѣлать надписи о размѣщеніи Шюцу. Въ это время я зашелъ къ Мельникову, который мнѣ показалъ предполагаемое размѣщеніе; я замѣтилъ, что нельзя представить изготовленнаго плана Государю, такъ какъ надписи писаны не по-русски, а по-тарабарски, и спросилъ Мельникова, зачѣмъ онъ возитъ съ собою чиновника, повидимому ему совершенно безполезнаго.

Мельниковъ съ постоянною своею ироніею отвѣчалъ мнѣ, что Шюцъ ему полезенъ тѣмъ, что когда Мельниковъ вздумаетъ во время путешествія дать кому-либо гривенникъ на водку, Шюцъ норовитъ ничего не дать, и гривенникъ остается въ карманѣ у Мельникова.

По возвращеніи изъ Соснинской пристани я, недолго пробывъ въ Петербургѣ, поѣхалъ въ Кіевъ черезъ Москву, гдѣ жили въ это время жена моя, мать и сестра. Въ Кіевъ я поѣхалъ одинъ и остановился въ квартирѣ товарища по Институту инженеровъ путей сообщенія, капитана Антона Эммануиловича Никифораки.

Въ это время генералъ-губернаторомъ Юго-Западнаго края былъ генералъ-адъютантъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ. Онъ меня принялъ очень хорошо. Онъ хотя былъ гораздо старѣе меня, приходился мнѣ очень дальнимъ племянникомъ. Я былъ приглашенъ обѣдать у него непремѣнно каждое воскресенье, а по буднямъ, когда мнѣ вздумается.

Клейнмихеля тогда считали до того могущественнымъ, что Бибиковъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы я имѣлъ одно только порученіе по составленію проекта моста черезъ Днѣпръ, а полагалъ, что мнѣ поручено подъ рукою разузнать все относящееся до управленія Бибикова.

Мнѣ это передавалъ состоявшій по особымъ порученіямъ при Бибиковѣ полковникъ Ленковскій, которому было поручено Бибиковымъ наблюденіе за мною. Ленковскіи выбранъ былъ потому, что бывалъ часто у Никифораки, съ которымъ игралъ въ карты. За обѣдами у Бибикова и въ тѣ часы, которые я проводилъ у него послѣ обѣда, единственными предметами для разговора были циническіе толки о женщинахъ и воровство, производимое инженерами путей сообщенія. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Бибиковъ, сидя за обѣдомъ, при дежурномъ чиновникѣ изъ его канцеляріи, спросилъ меня, познакомился ли я съ Писаревымъ, управляющимъ его канцеляріею, и сказалъ мнѣ, что онъ держитъ Писарева, какъ человѣка весьма умнаго и полезнаго для края, а всѣ увѣряютъ, что онъ будто держитъ Писарева потому, что находится въ связи (это было выражено самымъ циническимъ образомъ) съ женою послѣдняго.

Бибиковъ говорилъ мнѣ также, что всѣ обвиняютъ его въ томъ, что онъ въ связи съ какою-то актрисой, не понимая, сколько эта связь принесла пользы Россіи, бывъ причиною тому, что онъ еще нѣсколько лѣтъ (онъ даже опредѣлилъ число лѣтъ) останется въ настоящей должности, въ которой онъ считалъ себя необходимымъ.

Бибиковъ говорилъ мнѣ, что бывшій начальникъ V (Кіевскаго) округа путей сообщенія генералъ-маіоръ Шишовъ, которому въ это время было поручено составленіе проекта по улучшенію судоходства черезъ Днѣпровскіе пороги, а впослѣдствіи и приведеніе въ исполненіе этого проекта, велъ жизнь пьяную и грязно-распутную, воровалъ казенныя деньги вездѣ, гдѣ могъ, и дозволилъ за извѣстную годовую плату бывшему моему товарищу по Институту инженеровъ путей сообщенія, капитану Залѣсскому I, свидѣтельствовать всѣ работы въ округѣ и ревизовать всѣ судоходныя пристани, при каковыхъ свидѣтельствахъ и ревизіяхъ Залѣсскій обдиралъ производителей работъ и смотрителей судоходства.

Бибиковъ говорилъ, что при инженеръ-полковникѣ Гене, назначенномъ послѣ Шишова управляющимъ округомъ, продолжаются тѣ же порядки; что Гене, по своей глупости, ничего новаго выдумать не сумѣетъ, но что если бы сумѣлъ, то, обремененный большимъ семействомъ, въ отношеніи казнокрадства повелъ бы дѣла еще хуже; что мимо моихъ оконъ каждое утро проходитъ инженеръ-поручикъ Залѣсскій 2, честно построившій какой-то мостъ въ Кіевской губерни, къ капитану Залѣсскому 1, убѣждая его подписать опись произведенной работѣ, но что послѣдній за эту подпись требуетъ большую сумму, которой Залѣсскому 2 не откуда взять, и что объ этомъ требованіи извѣстно Гене.

Послѣдній вскорѣ изъ управляющихъ округомъ былъ назначенъ членомъ строительной комиссіи, должность гораздо низшую, а впослѣдствіи членомъ общаго присутствія того же правленія округа, въ которомъ былъ прежде предсѣдателемъ. Только по назначеніи Мельникова главноуправляющимъ путями сообщенія, онъ, частью по товариществу съ Гене, а частью по какимъ-то дамскимъ связямъ, произвелъ послѣдняго въ генералъ-маіоры, сдѣлалъ начальникомъ VI (Казанскаго) округа и далъ даже денежную аренду, награду весьма рѣдкую въ вѣдомствѣ путей сообщенія.

Никифораки подтвердилъ мнѣ справедливость всего сказаннаго мнѣ Бибиковымъ, и я разсказъ послѣдняго передалъ Гене, который почиталъ своей обязанностью почти каждый день являться ко мнѣ. Къ этому разсказу я прибавилъ, что мнѣ извѣстно, что Залѣсскій при всѣхъ свидѣтельствахъ работъ беретъ взятки. Гене былъ очень смущенъ моимъ замѣчаніемъ, притворился, что ничего не знаетъ, и обѣщался прекратить неправильныя требованія Залѣсскаго 1.

Въ то время губерніи были приписаны къ округамъ путей сообщенія, правленія которыхъ обязаны были командировать подчиненныхъ имъ инженеровъ для освидѣтельствованія работъ въ казенныхъ домахъ, принадлежащихъ разнымъ вѣдомствамъ; подписанныя этими инженерами описи работъ представлялись вмѣстѣ съ отчетами въ контрольное отдѣленіе казенной палаты той губерніи, гдѣ находилось сооруженіе, въ которомъ произведены были работы.

Изъ числа игравшихъ въ карты съ Никифораки всѣхъ чаще былъ у него директоръ Кіевской гимназіи Александръ Григорьевичъ Петровъ, впослѣдствіи предсѣдатель петербургскаго цензурнаго комитета.

Вскорѣ послѣ переданнаго мною Гене разсказа Бибикова, Петровъ, придя къ Никифораки, объявилъ, что у него былъ Залѣсскій, требуя, чтобы онъ взялъ тѣ деньги, которыя Залѣсскій получилъ за подписаніе описи по ремонтнымъ работамъ гимназіи, и укорялъ Петрова въ томъ, что послѣдній разсказываетъ подобныя вещи мнѣ, состоящему при графѣ Клейнмихелѣ, за что онъ можетъ совсѣмъ погибнуть.

Петровъ сказалъ Никифораки, что онъ денегъ Залѣсскому не давалъ, и потому отвѣчалъ послѣднему, чтобы онъ ихъ возвратилъ, если желаетъ, тому, у кого онъ ихъ взялъ, т.-е. подрядчику. Петровъ очень былъ недо-

воленъ тѣмъ, что Никифораки передалъ мнѣ эту продѣлку Залѣсскаго. Но Никифораки мнѣ ничего не говорилъ, и я объ этомъ ничего не зналъ, а только въ общихъ словахъ сказалъ Гене, что Залѣсскій вездѣ беретъ деньги, гдѣ свидѣтельствуетъ работы. Выходитъ по пословицѣ, что кошка знаетъ, чье мясо съѣла.

Я упоминулъ о казнокрадствѣ Шишова. Почти всѣ инженеры, состоявшіе въ его округѣ, находились подъ начетомъ. Онъ при каждой работѣ составлялъ комитеты, въ которыхъ состоялъ предсѣдателемъ, и бралъ, по сговору съ евреями, фальшивые залоги подъ выдаваемыя задаточныя деньги, а когда фальшивость залоговъ обнаруживалась, налагались начеты на предсѣдателя и членовъ означенныхъ комитетовъ. Такимъ образомъ деньги, которыя бралъ воровски одинъ Шишовъ, возвращались казнѣ малыми суммами не отъ одного, а отъ всѣхъ ни въ чемъ неповинныхъ членовъ комитета.

По воскресеньямъ у Бибикова обѣдали всѣ старшія должностныя лица Кіева. Бибиковъ мнѣ говорилъ, что онъ каждый разъ приглашаетъ Гене, какъ управляющаго округомъ путей сообщенія, но что онъ никогда не бываетъ.

На мой вопросъ у Гене, по какой причинѣ онъ не бываетъ на обѣдахъ у Бибикова, онъ отвѣчалъ, что за этими обѣдами сидятъ все лица, украшенныя разными орденами, а ему, не имѣющему никакого ордена, совѣстно сидѣть между ними.

Дѣйствительно, Гене былъ единственное лицо, которое, въ чинѣ инженеръ-полковника и притомъ управляющаго округомъ путей сообщенія, не имѣло орденовъ. Онъ получилъ первый орденъ только послѣ 35 лѣтъ службы. Орденъ Св. Владиміра 4 ст. дается по статуту за 35 лѣтнюю службу, конечно, безпорочную, и служба Гене считалась безпорочною!

Въ бытность мою въ Кіевѣ, у Бибикова было нѣсколько баловъ, на которыхъ танцовалъ, между прочими, Мартыновъ, убившій на дуэли поэта Лермонтова и посланный въ Кіевъ на церковное покаяніе, которое, какъ видно, не было строго, потому что Мартыновъ участвовалъ на всѣхъ балахъ и вечерахъ и даже черезъ эту несчастную дуэль сдѣлался знаменитостью.

Я встрѣчался съ Мартыновымъ, между прочимъ, и у бывшаго тогда кіевскимъ губернаторомъ, а впослѣдствіи членомъ Государственнаго Совѣта, Ивана Ивановича Фундуклея, очень богатаго человѣка, о которомъ нечего сказать болѣе, какъ то, что онъ кормилъ хорошими обѣдами и давалъ балы съ хорошими ужинами.

Бибиковъ былъ чрезвычайно крутъ и часто дерзокъ съ польскими помѣщиками управляемаго имъ края. Насколько это было полезно въ то время для русскихъ интересовъ, предоставляю судить болѣе знакомымъ съ политическимъ положеніемъ того края; но многіе русскіе тогда говорили, что правитель его канцеляріи Писаревъ и другія подчиненныя Бибикову лица выдумывали заговоры и раздували ихъ важность съ цѣлью

выслуживаться и получать награды, а между тѣмъ оговоренные подвергались ссылкѣ въ Сибирь и другимъ тяжкимъ наказаніямъ.

Я не могу утверждать, чтобы это было дѣйствительно такъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что Бибиковъ потворствовалъ Писареву, грабившему помѣщиковъ, которые, чтобы не подвергаться арестамъ, платили Писареву большія суммы, обыкновенно доставляя ихъ во время кіевскихъ контрактовъ, бывающихъ въ январѣ мѣсяцѣ.

Писаревъ, несмотря на то, что бралъ съ помѣщиковъ взятки, обращался съ ними очень гордо. Мнѣ случалось во время контрактовъ играть у Писарева въ карты, и когда приходили, во время нашей игры, ясновельможные паны и кланялись при входѣ почти до пола, Писаревъ почти не гнулъ шеи, оставляя насъ, игравшихъ съ нимъ, на одну минуту, входилъ съ помѣщикомъ въ свой кабинетъ, гдѣ, конечно, взявши положенный оброкъ, отпускалъ его и, садясь снова за карточный столъ, не обращалъ никакого вниманія на низко кланяющагося уходящаго пана.

Кабинетъ Писарева былъ весь уставленъ подаренными (?) ему старинными фамильными серебряными блюдами, вазами, чашами и т. п. Сколько мнѣ помнится, Писаревъ умеръ въ бѣдности, жена ограбила его и бросила.

Клейнмихель и я были въ Москвѣ, когда Бибикова въ 1852 г. назначили министромъ внутреннихъ дѣлъ. Я, узнавъ объ этомъ назначеніи, сказалъ о немъ Клейнмихелю, который очень былъ доволенъ и надѣялся, что многое будетъ въ состояніи провести изъ того, что не могъ провести при прежнемъ министрѣ графѣ Перовскомъ, полагая, что Бибиковъ относительно его останется такимъ же подобострастнымъ, какимъ былъ до сего времени, но Клейнмихель въ этомъ ошибся.

Я также ошибся, надѣясь, что Бибиковъ сохранилъ ко мнѣ хотя часть любезности, которою меня осыпалъ въ Кіевѣ. Въ ноябрѣ 1852 г., пріѣхавъ въ Петербургъ съ моими предположеніями о преобразованіи Московскихъ водопроводовъ, я былъ у Бибикова въ парадной формѣ во время пріема имъ просителей.

Подойдя ко мнѣ, онъ спросилъ, чего я желаю. Я отвѣчалъ, что, пріѣхавъ изъ Москвы, почелъ обязанностію представиться ему. Онъ мнѣ заявилъ, очень величаво, что-то вродѣ того, что онъ, по значительности своихъ занятій, не можетъ заниматься мною. Можетъ быть, онъ это сказалъ и мягче, но такое впечатлѣніе произвели его слова на меня.

Это было сказано при Николаѣ Алексѣевичѣ Милютинѣ, который представлялъ Бибикову лицъ, собравшихся у него въ пріемномъ залѣ, и я съ того времени, встрѣчаясь съ Милютинымъ, всегда конфузился. Я никогда не могъ себѣ простить этого шага, сдѣланнаго мною для того, чтобы продолжать знакомство съ Бибиковымъ, и вполнѣ неудавшагося. Я на него рѣшился безъ всякой надобности, не обсудивъ, что настоящія взаимныя наши отношенія были совсѣмъ не тѣ, какія были въ Кіевѣ.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ Императора Александра II Бибиковъ былъ уволенъ отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ. Ему

предлагали остаться въ званіи генералъ-адъютанта и членомъ Государственнаго Совѣта, но онъ, недовольный увольненіемъ отъ должности министра, пожелалъ выйти въ отставку. По болѣзни, онъ послѣ этого почти постоянно жилъ за границею, и я его встрѣтилъ въ первый разъ въ Карлсбадѣ въ 1864 г., гдѣ онъ былъ, равно какъ и въ 1865 г. и во всѣ слѣдующіе годы, въ которые я пріѣзжалъ въ Карлсбадъ, до самой его смерти, снова также любезенъ со мною, какъ былъ въ Кіевѣ.

Въ Кіевѣ я часто бывалъ у Екатерины Ѳеодоровны Скордули, дочери Дарьи Николаевны Лопухиной, въ заведеніи которой я воспитывался. Мужъ ея, отставной генералъ-маіоръ, былъ человѣкъ добрый, но ничѣмъ не замѣчательный; она же, выросшая въ богатомъ домѣ ея матери и близкая родственница весьма богатой и скупой старухи графини Браницкой, племянницы знаменитаго Потемкина, замѣтно старалась поддержать свое аристократическое значеніе.

Зима 1842—1843 гг. была въ Кіевѣ весьма мягкая, такъ что ледъ на Днѣпрѣ былъ очень тонокъ, и я не могъ дѣлать промѣровъ въ рѣкѣ по льду. 18-го января Днѣпръ очистился отъ льда, и тогда я сдѣлалъ всѣ нужные мнѣ промѣры какъ въ самой рѣкѣ, такъ и въ рукавѣ, называемомъ Чертороемъ, а равно всѣ прочія изысканія, нужныя для составленія проекта моста какъ въ указанномъ мнѣ мѣстѣ у Панкратьевскаго спуска, такъ и 600 саженями ниже, на томъ мѣстѣ, гдѣ устраивался наплавной мостъ, которое я предпочиталъ для устройства постояннаго моста.

При этихъ изысканіяхъ я насмотрѣлся на затрудненія, которыя представляла переправа черезъ Днѣпръ, такъ какъ по причинѣ его разлива нельзя было навести наплавного моста. Сотни подводъ стояли въ ожиданіи очереди переправиться. Проѣзжающіе на почтовыхъ и своихъ лошадяхъ, а равно казенныя тяжести, перевозились не въ очередь, что еще болѣе замедляло переправу возовъ, принадлежавшихъ помѣщикамъ и крестьянамъ.

Сверхъ того, очередь часто нарушалась: давшіе лишнюю плату, которая была иногда высока до безобразія, перевозились не въ очередь. Нѣкоторые изъ пріѣзжавшихъ съ возами крестьянъ проѣдали все и находились въ самомъ безвыходномъ положеніи. Эти безпорядки, конечно, были извѣстны властямъ Кіева, но онѣ бездѣйствовали. Говорили, что причиною этого было то, что Писаревъ, правитель канцеляріи Бибикова, былъ въ доли съ подрядчикомъ, содержавшимъ переправу.

Въ Кіевѣ мнѣ было очень скучно. Общества, которыя мнѣ приходилось посѣщать, не представляли ничего замѣчательнаго. Сверхъ того, я въ первый разъ разстался на такое долгое время съ женою, оставилъ ей мало денегъ и самъ, несмотря на то, что жилъ на всемъ готовомъ, нуждался въ деньгахъ, въ особенности вслѣдствіе значительнаго проигрыша въ карты, а отъ скуки я игралъ почти ежедневно.

Для уплаты моихъ проигрышей я занялъ у Никифораки тысячу руб., которые хотя и вскорѣ ему уплатилъ, но это было мнѣ очень затрудни-

тельно. Наконецъ въ концѣ марта я оставилъ Кіевъ и, взявъ въ Москвѣ съ собою жену, пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ нанялъ небольшую квартиру съ мебелью въ Коломнѣ, на набережной Пряжки.

Я представилъ Клейнмихелю общій планъ Днѣпра у Кіева съ объяснительною запискою, въ которой излагалъ выгоды избраннаго мною мѣста для устройства постояннаго моста.

На низменномъ лѣвомъ берегу Днѣпра передъ мостомъ, предполагаемымъ на указанномъ мнѣ мѣстѣ, была насыпана на протяженіи нѣсколькихъ верстъ высокая дамба, съ нѣсколькими отверстіями, на которыхъ были устроены деревянные мосты.

Рукавъ Днѣпра, Черторой, въ которомъ воды протекало не менѣе, чѣмъ въ самомъ Днѣпрѣ, а теченіе было гораздо быстрѣе,—въ большей части своего протяженія, былъ перпендикуляренъ дамбѣ, не доходя до нея нѣсколькихъ десятковъ саженъ. Образовавъ прямой уголъ, онъ текъ параллельно дамбѣ, соединяясь съ Днѣпромъ въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ выше мѣста, гдѣ предполагалось устроить постоянный мостъ.

Въ весеннее время вся низменность около дамбы покрывается водою. Главная масса воды протекала по Черторою. Значительная часть ея направлялась подъ деревянные мосты, устроенные въ дамбѣ, которые неоднократно уже срывало, равно какъ и головы дамбы при мостахъ.

Въ весеннее время, при спадѣ воды въ Днѣпрѣ, образовывается сильное теченіе вдоль дамбы, неоднократно уже повреждавшее обдѣлку откосовъ дамбы и самую дамбу. Для предотвращенія этихъ поврежденій требовалось значительно укрѣпить откосы дамбы и выстроить на ней болѣе прочные мосты.

Русло Днѣпра на мѣстѣ, указанномъ для постройки моста, имѣло два фарватера; одинъ—собственно Днѣпръ, а другой, образуемый Чертороемъ. По глубинѣ этихъ фарватеровъ, заложеніе въ нихъ мостовыхъ быковъ представляло затрудненіе. Самое теченіе въ этомъ мѣстѣ было довольно быстрое и, по причинѣ близкаго соединенія двухъ значительныхъ потоковъ, неправильное.

Грунтъ Панкратьевскаго спуска, по которому предполагалось подниматься съ постояннаго моста въ Кіевѣ, былъ глинистый, изобилующій весьма значительными водяными источниками, которые, во время произведенныхъ мною изысканій, размывали откосы спуска, такъ что они обрушивались и безпрерывно измѣняли видъ спуска.

Всѣ эти обстоятельства требовали значительныхъ издержекъ какъ по устройству моста, такъ и дамбы на лѣвой сторонѣ Днѣпра и подъема на его правой сторонѣ. Устройство послѣдняго, при изобиліи ключей, представляло особыя затрудненія, и потому я предпочиталъ устроить мостъ 600 саженями ниже, на томъ мѣстѣ, гдѣ наводился наплавной мостъ.

Низменность, простирающаяся отъ шоссе до этого мѣста, болѣе возвышена, чѣмъ та, по которой была устроена дамба, а потому новая дамба, по избранному мною направленію, была бы ниже устроенной. Она была бы

отдалена отъ Черторoя, масса воды котораго, проходящая въ весеннее время чрезъ отверстія, оставленныя въ устроенной дамбѣ, соединялась бы съ Днѣпромъ выше мѣста, избраннаго мною для моста, такъ что эта масса не имѣла бы вліянія на предположенную мною дамбу и ее можно было устроить сплошную безъ отверстій, большею частію весьма вредныхъ. Во время спада воды въ Днѣпрѣ не могло бы образоваться быстраго теченія вдоль откосовъ предположенной мною дамбы, такъ какъ она не была бы перпендикулярна къ руслу Днѣпра.

На избранномъ мною мѣстѣ былъ одинъ фарватеръ въ Днѣпрѣ и глубина его гораздо менѣе, чѣмъ глубина каждаго изъ обоихъ фарватеровъ на указанномъ мѣстѣ.

Подъемъ съ моста на правый берегъ Днѣпра проходилъ бы по направленію мостовой, устроенной для въѣзда съ наплавного моста въ Кіевскую цитадель. По этому направленію не было водяныхъ ключей и въѣздъ потребовалъ бы только незначительныхъ улучшеній.

Выборъ мѣста для моста при Кіевской крѣпости, конечно, долженъ былъ быть согласованъ съ военнымъ инженернымъ начальствомъ, которое, на сдѣланный мною вопросъ о томъ, какое мѣсто лучше для постройки моста, отвѣчало, что и въ военномъ отношеніи избранное мною мѣсто предпочтительнѣе.

Ясно было, что на постройку моста въ избранномъ мною мѣстѣ требовалось бы гораздо менѣе расходовъ, а самый мостъ, дамба на правой сторонѣ Днѣпра и подъемъ въ Кіевъ были бы поставлены въ условія, болѣе безопасныя отъ поврежденій.

Клейнмихелъ, прочитавъ мою объяснительную записку и выслушавъ мои словесныя объясненія, согласился со мною и сказалъ, что онъ представитъ объ этомъ въ свое время Государю и вызоветъ меня въ Кіевъ, гдѣ полагалъ быть въ августѣ одновременно съ Государемъ, для личнаго объясненія этого дѣла Его Величеству.

Предположеніе мое, однако, не понравилось Государю, который любилъ прямыя линіи. Шоссе, построенное отъ ст. Бровары, идетъ по совершенно прямому направленію на Кіево-печерскую лавру. По моему же предположенію, проѣхавъ отъ ст. Бровары верстъ десять по этому шоссе, слѣдовало повернуть налѣво, и слѣдовательно лавра для пріѣзжающихъ въ Кіевъ была бы видна съ правой стороны.

Клейнмихель очень не любилъ, когда его представленія не удостоивались одобренія Государя, а потому былъ недоволенъ, что я его довелъ до этого, но никогда мнѣ болѣе ни слова не говорилъ о моемъ предположеніи. Конечно, вызовъ мой въ Кіевъ не состоялся. Государь тогда же нашелъ, что мостъ у Кіева не долженъ быть построенъ съ деревянными фермами, и рѣшено было устроить желѣзный висячій мостъ, составленіе проекта котораго и постройка были поручены англійскому инженеру. Ему заплачена значительная сумма, а отъ меня не потребовалось представленія полнаго проекта, который я, между тѣмъ, изготовлялъ съ помощію моей жены.

Я уже нѣсколько разъ говорилъ, что я вовсе не умѣлъ чертить. Мнѣ затруднительно было даже составлять черновые чертежи. Постоянный для этого наемъ чертежника и писцовъ для переписки бумагъ, на что мнѣ Клейнмихель не давалъ никакихъ средствъ, при нашемъ безденежьѣ, былъ обременителенъ, и потому жена моя, необыкновенно способная ко всякому ручному ремеслу, по моему указанію, чертила черновой проектъ моста и разныхъ къ нему принадлежностей.

Въ концѣ апрѣля великая княгиня Елена Павловна ѣхала за границу съ тремя своими дочерьми. Клейнмихель послалъ меня осмотрѣть состояніе шоссе отъ Петербурга до Ковно, принять мѣры къ удобному ихъ проѣзду и при представленіи великой княгинѣ, по пріѣздѣ ея въ Ковно, спросить, какъ она довольна проѣздомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Клейнмихель приказалъ мнѣ освидѣтельствовать заготовленные для исправленія шоссе матеріалы и разсмотрѣть способъ его исправленія.

Директоромъ работъ по шоссе былъ инженеръ-полковникъ Кашперовъ, человѣкъ въ высшей степени честный, но грубый и, что называется, неотесанный. Онъ жилъ очень бѣдно. Я съ нимъ и съ дистанціонными инженерами осмотрѣлъ подробно шоссе и нашелъ бо́льшею частію все въ порядкѣ.

Мы останавливались для обѣда и ночлега у дистанціонныхъ инженеровъ и у начальниковъ шоссейныхъ заставныхъ домовъ.

Всѣ жили бѣдно. О нашемъ пріѣздѣ знали, но обѣды и ужины были весьма простые; нѣкоторые не могли ничего предложить, кромѣ щей и каши. Кашперовъ, внутренно чрезвычайно довольный поведеніемъ его подчиненныхъ въ то время, когда почти во всемъ вѣдомствѣ путей сообщенія были значительныя злоупотребленія, бранилъ ихъ мнѣ, говоря:

— Вотъ архангелы какіе (къ чему онъ, по обыкновенію, отъ котораго ни въ какомъ случаѣ не могъ удержаться, прибавлялъ крѣпкое словцо), самимъ жрать нечего и гостей нечѣмъ угостить, а передъ ними стоятъ дорогія кучи щебня; могли бы ихъ и поменѣе поставить, самъ чортъ ихъ не учтетъ; нѣтъ, подавай намъ всѣ кучи щебня, вѣдь они архангелы.

За малѣйшую неисправность Кашперовъ сильно бранилъ своихъ подчиненныхъ и въ этомъ не церемонился. По возвращеніи въ Петербургъ, я обо всемъ подробно доложилъ Клейнмихелю, но тогда не въ модѣ было слышать что-либо хорошее о вѣдомствѣ путей сообщенія, и потому на мой докладъ не было обращено вниманія.

Въ Ковно я засталъ присланнаго для встрѣчи великой княгини намѣстникомъ Царства Польскаго княземъ Паскевичемъ чиновника барона Засса (можетъ быть я ошибаюсь въ фамиліи этого барона). Мы вмѣстѣ представились великой княгинѣ при ея выходѣ изъ экипажа, и она звала насъ на другой день къ завтраку.

Она пріѣхала вечеромъ. Спустя около часа по ея пріѣздѣ пришли звать къ ней барона Засса, который, воротившись, сказалъ мнѣ, что его позвали по ошибкѣ, а что великая княгиня зоветъ меня. Придя въ зани-

маемый ею домъ и не найдя никого въ первыхъ комнатахъ, я послѣ довольно долгаго ожиданія рѣшился отворить дверь и увидѣлъ великую княгиню, которая начинала раздѣваться. Она меня спросила, что мнѣ нужно, и когда я ей объяснилъ, что я пришелъ по ея приказанію, отвѣтила, что звала не меня, а барона Гринвальда, которому поручено было сопровождать ее за границу. Это произошло, вѣроятно, потому, что великая княгиня потребовала барона, а въ домѣ, гдѣ она остановилась, не знали другого барона въ Ковнѣ, кромѣ Засса; послѣдній же не зналъ другого барона, кромѣ меня.

На другой день, за завтракомъ,очень смѣялись этому embaras de richesse, какъ выразилась великая княгиня.

Въ то время она была очень хороша собою. Ея дочери казались здоровыми. и нельзя было думать, что двѣ изъ нихъ вскорѣ умрутъ. Великая княгиня поручила мнѣ благодарить Клейнмихеляи и быть у ея мужа по пріѣздѣ въ Петербургъ.

Великія княжны поручили сказать каждая что-то особое папашѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я представился великому князю Михаилу Павловичу, который былъ въ дурномъ расположеніи и отпустилъ меня по передачѣ мною въ короткихъ словахъ порученій его жены и дочерей, не вспомнивъ даже любимаго его разсказа о геройской смерти моего брата подъ Варшавой. Впрочемъ, послѣ этой смерти прошло почти 12 лѣтъ.

Клейнмихель очень любилъ, чтобы его подчиненные постоянно были заняты. Въ маѣ онъ далъ мнѣ перевести какую-то довольно толстую французскую книгу объ освѣщеніи маяковъ. Въ іюнѣ я ему представилъ набѣло переписанный переводъ. Не знаю, зачѣмъ ему нуженъ былъ этотъ переводъ и куда онъ дѣвался.

Я и жена до конца іюня пріятно прожили въ Петербургѣ. У насъ ежедневно, когда дозволяла служба, бывалъ двоюродный братъ мой Александръ Дельвигъ. Музыка и пѣніе у насъ не прерывались.

Въ это же время была въ Петербургѣ тетка моя П. А. Замятнина по случаю выхода ея сына изъ училища правовѣдѣнія.

Я нѣсколько разъ ѣздилъ обѣдать къ Соломкѣ, и онъ зналъ отъ меня, что мы не получаемъ никакого дохода съ имѣнія жены моей. Вслѣдствіе этого, онъ совѣтывалъ мнѣ продать его и, придя разъ ко мнѣ, сказалъ, что онъ самъ готовъ купить имѣніе жены, но такъ какъ оно ничего не приноситъ, то онъ принимаетъ на себя долгъ сохранной казнѣ и расходы по купчей крѣпости, а меня избавляетъ отъ хлопотъ по владѣнію. Я принялъ это за шутку, но хитрый хохолъ не шутилъ. Онъ хотѣлъ пощупать, нельзя ли поймать меня на эту удочку, а при моемъ несогласіи предложить какую-нибудь бездѣлицу, которою я могъ бы, по его мнѣнію, удовольствоваться. Конечно, я не продолжалъ разговора съ Соломкою о продажѣ имѣнія.

Надо сказать, что въ это время Пряжка, протекавшая передъ нашими окнами, содержалась очень не чисто. Жена видѣла разъ плывшее по ней тѣло утопленника, что оставило въ ней на всегда непріятное воспо-

минаніе о тогдашнемъ нашелъ помѣщеніи, которое, сверхъ того, было довольно тѣсно.

Клейнмихель осенью 1842 г., предполагая надолго уѣхать изъ Петербурга для обозрѣнія нѣкоторыхъ частей своего вѣдомства, поручилъ мнѣ наблюденіе за шоссе отъ Петербурга до Москвы. При этомъ онъ мнѣ словесно передалъ, что оставляетъ меня на Московскомъ шоссе съ тѣмъ, чтобы я вполнѣ замѣнялъ его въ его отсутствіе, для чего передалъ мнѣ относительно этого шоссе всѣ права главноуправляющаго путями сообщенія.

Инженеръ-полковникъ Энгельгардтъ, завѣдывавшій шоссе отъ Петербурга до ст. Померанье, обидѣлся назначеніемъ меня наблюдать за его дѣйствіями и упросилъ Клейнмихеля исключить его дистанцію изъ моего наблюденія. Тогда Клейнмихель, понявъ, что вновь назначенный имъ, принятый на службу изъ отставки начальникомъ III (Московскаго) округа путей сообщенія, инженеръ генералъ-маіоръ Бугайскій, бывшій тогда въ большой милости у Клейнмихеля, можетъ также обидѣться, не помѣстилъ въ данномъ мнѣ, по случаю моей командировки на Московское шоссе, предписаніи обязанности наблюдать за частію шоссе отъ Москвы до р. Шоши, входящей въ районъ означеннаго III округа. На словахъ же Клейнмихель приказалъ мнѣ имѣть хотя бы поверхностное наблюденіе и за этою частію шоссе.

Предписаніе Клейнмихеля ко мнѣ отъ 26 іюня 1843 г. № 2258 по случаю командированія моего на Московское шоссе я переписываю буквально:

«По неустройству и дурному состоянію Московскаго шоссе отъ Померанья до р. Шоши, признавая необходимымъ имѣть непрерывныя свѣдѣнія о всѣхъ работахъ, которыя на семъ шоссе производятся и производимы будутъ, я избралъ къ сему васъ и вслѣдствіе того предписываю:

«1. Отправиться на означенное шоссе.

«2. Поставить себя въ полную и точную извѣстность о настоящемъ положеніи шоссе, о всѣхъ предположенныхъ на ономъ работахъ и всѣхъ тѣхъ, кои необходимо еще произвести, какъ равно о всѣхъ заготовленныхъ и заготовляемыхъ матеріалахъ и нанятыхъ рабочихъ, и свѣдѣнія эти представить мнѣ.

«3. Наблюдать, чтобы всѣ работы исполнены были своевременно и прочно, и объ успѣхѣ доносить мнѣ, черезъ каждые два дня.

«4. Если по вашимъ соображеніямъ будетъ недостаточно рабочихъ или матеріаловъ по сдѣланному уже на то распоряженію отъ окружнаго правленія, въ такомъ случаѣ разрѣшаю вамъ немедленно приступить къ заготовленію того и другого, а мнѣ представить въ то же время расчетъ объ издержкахъ на это потребныхъ, для уплаты оныхъ. Я надѣюсь, что все будетъ дешево и для казны выгодно.

«5. Сообразить и представить мнѣ: какія работы и гдѣ нужно произвести на шоссе въ будущемъ году и какіе именно потребно будетъ заготовить матеріалы, въ какомъ количествѣ и куда.

«Объ исполненіи всѣхъ вашихъ по сему порученію требованій я предписалъ правленію I округа и приказалъ оному дать вамъ одного писаря.

«Симъ дѣлаемымъ мною вамъ порученіемъ нисколько не слагается обязанность и отвѣтственность по устройству шоссе какъ окружнаго правленія, такъ равно и самаго мѣстнаго инженернаго начальства и всѣхъ чиновъ».

Пріѣхавъ въ Новгородъ, я поспѣшилъ явиться къ начальнику I (Новгородскаго) округа путей сообщенія, въ районѣ котораго состояло шоссе отъ ст. Померанья до р. Шоши, инженеръ-генералъ-маіору Казиміру Яковлевичу Рейхелю, котораго я прежде не зналъ. Я засталъ его одѣвающимся, какъ онъ выразился, въ парадную форму для того, чтобы представиться мнѣ (я былъ тогда капитаномъ), такъ какъ онъ получилъ отъ Клейнмихеля предписаніе, въ которомъ послѣдній даетъ строгій выговоръ за дурное веденіе дѣлъ по исправленію шоссе и приказываетъ исполнять всѣ мои требованія, а потому Рейхель считалъ меня своимъ начальникомъ.

Рейхель былъ очень тонкій и ловкій человѣкъ. Онъ считался хорошимъ инженеромъ, вслѣдствіе составленія многихъ проектовъ большихъ мостовъ на Московскомъ шоссе и устройства этихъ мостовъ, и хорошимъ администраторомъ.

Девятинъ, его товарищъ по Институту инженеровъ путей сообщенія, сильно его поддерживалъ, несмотря на то, что онъ не щадилъ казенныхъ денегъ въ свою пользу при произведенныхъ имъ работахъ и, несмотря на огромное семейство, нажилъ на службѣ состояніе. Клейнмихель зналъ его еще со временъ Аракчеева, къ которому Рейхель не переставалъ ѣздить и въ то время, когда Аракчеевъ впалъ въ немилость.

Обращеніе Рейхеля со своими подчиненными отличалось своеобразностію. Онъ ни о чемъ не говорилъ прямо и откровенно, въ его словахъ надо было всегда читать, какъ говорится, между строками. Подчиненныхъ своихъ онъ защищалъ передъ высшимъ начальствомъ, но самъ говорилъ имъ всякаго рода непріятности и грубости. Такъ, между прочимъ, когда въ 1842 г. дошли до Клейнмихеля свѣдѣнія о безпорядкахъ по судоходству на Маловишерскомъ каналѣ, которые онъ приказалъ мнѣ изслѣдовать, Рейхель увѣрялъ меня, что завѣдывавшій этимъ каналомъ, инженеръ-подполковникъ Ляминъ (умеръ въ чинѣ генералъ-маіора), отличный офицеръ и не виноватъ въ означенныхъ безпорядкахъ. Я былъ противнаго мнѣнія и выразилъ нѣкоторымъ изъ служащихъ въ правленіи I округа путей сообщенія мое удивленіе, что Рейхель хочетъ надуть меня. Они мнѣ отвѣчали, что онъ защищаетъ Лямина только передо мною, а самъ далъ ему сильнѣйшій нагоняй, сказавъ, что онъ годится только на то, чтобы

имъ зарядить пушку, —любимое его выраженіе, когда онъ сердился на подчиненныхъ.

Зная строгость Клейнмихеля, я по возможности смягчалъ въ моемъ представленіи вину Лямина, который отдѣлался трехдневнымъ арестомъ.

Въ правленіи I округа служилъ начальникомъ хозяйственнаго отдѣленія Троицкій, происходившій изъ духовнаго званія. Когда Троицкій долженъ былъ читать свои доклады общему присутствію правленія, Рейхель обращался къ нему, говоря:

— Ну, звоните, Иванъ Ивановичъ.

Рейхель называлъ свое Новгородское имѣніе «Америкою», не знаю по какому поводу, и очень хлопоталъ, чтобы желѣзная дорога между двумя столицами проходила черезъ «Америку», но это ему не удалось.

Клейнмихель, не довѣряя правленію I округа, еще осенью 1842 г. поручилъ переведенному имъ изъ военнаго министерства чиновнику особыхъ порученій Евгенію Петровичу Вонлярлярскому заготовить каменный матеріалъ для ремонта шоссе въ 1843 г. Вонлярлярскій, по неопытности и вообще по недостатку способностей, пріискалъ подрядчиковъ неблагонадежныхъ, которые, взявъ задаточныя деньги, ставили щебень дурного качества, а нѣкоторые и совсѣмъ не ставили заподряженныхъ у нихъ матеріаловъ, черезъ что на мою долю выпало много хлопотъ при наблюденіи за шоссе въ 1843 г.

Но такъ какъ Вонлярлярскій на бумагѣ исполнилъ данное ему порученіе скоро и заподрядилъ матеріалъ по умѣреннымъ цѣнамъ, то Клейнмихель поспѣшилъ еще въ декабрѣ 1842 г. похвастаться предъ Государемъ результатомъ своихъ распоряженій, при чемъ исходатайствовалъ Вонлярлярскому довольно большую денежную награду и орденъ Св. Владиміра 4 ст., черезъ четыре мѣсяца послѣ отказа военнаго министра.

На мѣсто отданныхъ въ 1842 г. Клейнмихелемъ подъ судъ инженеръ-полковника Чедаева и маіора Дженѣева, онъ назначилъ директоромъ шоссе отъ ст. Померанье до ст. Едрово инженеръ-подполковника Афанасьева, а командиромъ 1 военно-рабочаго баталіона путей сообщенія маіора Травина.

Афанасьевъ былъ человѣкъ честный и добрый, но вялый и робкій. Для приведенія шоссе въ порядокъ требовалось много энергіи, а онъ былъ апатиченъ. У него не доставало смѣлости браковать дурной каменный матеріалъ, поставляемый подрядчиками, отысканными Вонлярлярскимъ, и дѣйствовать на счетъ тѣхъ изъ нихъ, которые вовсе не поставили матеріала къ опредѣленному сроку.

Одинъ изъ подрядчиковъ Вонлярлярскаго поставилъ недалеко отъ ст. Померанье, вмѣсто булыжнаго щебня, въ большомъ количествѣ щебень известковато-глинистый мягкаго свойства, предназначенный для сплошной розсыпи по утонившейся шоссейной корѣ. Разсыпка этого щебня не только не улучшила бы, но ухудшила бы эту кору.

Афанасьевъ опасался не принять его, чтобы этимъ не навлечь на себя непріятностей отъ Вонлярлярскаго; я же запретилъ его принимать и донесъ о томъ Клейнмихелю, который, проѣзжая изъ Петербурга во внутреннія губерніи, вышелъ у означеннаго щебня изъ кареты. Найдя его дурнымъ, онъ разругалъ Вонлярлярскаго и, садясь въ карету, назвалъ его дуракомъ, такъ что Вонлярлярскій не могъ этого не слышать. При дальнѣйшемъ осмотрѣ шоссе Клейнмихель видѣлъ, на сколько подрядчики Вонлярлярскаго были неисправны, и съ того времени потерялъ къ нему довѣріе. Онъ оставался долго по особымъ порученіямъ при Клейнмихелѣ. Впослѣдствіи, видя презрѣніе его къ себѣ, выказываемое даже въ гостиной, Вонлярлярскій перешелъ на службу въ учрежденія Императрицы Маріи. Здѣсь онъ скоро добрался до чина тайнаго совѣтника, былъ назначенъ товарищемъ главноуправляющаго IV отдѣленіемъ Собственной канцеляріи Государя и хотя не удержался на этомъ мѣстѣ, но все же, состоя почетнымъ опекуномъ въ С.-Петербургскомъ опекунскомъ совѣтѣ, получаетъ ежегодной пенсіи 8400 р. сер., которые и составляютъ теперь единственное средство для его существованія, такъ какъ онъ спустилъ все свое имѣніе. Видя, что двоюродный братъ его Александръ Александровичъ Вонлярлярскій (извѣстный подъ названіемъ Монтекристо), при содѣйствіи В. А. Нелидовой, получалъ огромные по тому времени подряды, дававшіе ему средства жить роскошно, Е. П. Вонлярлярскій, двоюродный братъ Нелидовой, надѣялся нажить состояніе подрядами въ вѣдомствѣ путей сообщенія, а потому, перейдя на службу въ другое вѣдомство, принялъ на себя разныя работы и поставки по шоссе. Но онъ не имѣлъ ума своего двоюроднаго брата и, сверхъ того, отношенія Клейнмихеля къ Нелидовой измѣнились.

Онъ по своимъ подрядамъ предъявлялъ много претензій къ казнѣ, большею частію несправедливыхъ. Претензіи эти разбирались въ особыхъ, учреждаемыхъ Клейнмихелемъ, комиссіяхъ, въ которыя онъ меня назначалъ членомъ, когда я не бывалъ въ командировкѣ внѣ Петербурга. Я въ первыхъ же засѣданіяхъ этихъ комиссій объяснялъ Е. П. Вонлярлярскому причины, по которымъ признавалъ бо́льшую часть его претензій несправедливыми, и съ моими замѣчаніями соглашались всѣ члены комиссій, такъ что, когда Вонлярлярскій видѣлъ меня въ числѣ членовъ комиссій, онъ говорилъ:

— Ну, баронъ въ числѣ членовъ комиссіи; значитъ, надо проститься съ нѣсколькими десятками тысячъ рублей.

Это однако же не помѣшало намъ, при довольно частыхъ встрѣчахъ, всегда быть въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

При проѣздѣ Клейнмихеля по шоссе досталось отъ него всѣмъ, кромѣ меня, а обо мнѣ онъ часто говорилъ: «офицеръ отличный во всѣхъ отношеніяхъ».

Директоръ шоссе отъ ст. Померанье до ст. Едрово, подполковникъ Афанасьевъ, крѣпко ему не понравился, и онъ меня назначилъ завѣдываю-

щимъ этою дирекціею, съ оставленіемъ при немъ по особымъ порученіямъ и съ приказаніемъ продолжать исполненіе по вышеприведенному предписанію отъ 26 іюня, съ тѣмъ, чтобы во время его путешествія по внутреннимъ губерніямъ вполнѣ замѣнять его на Московскомъ шоссе, донося только ему о всѣхъ моихъ распоряженіяхъ. О новомъ моемъ назначеніи было отдано въ приказѣ 30 іюля.

Клейнмихель этимъ назначеніемъ поставилъ меня въ прямое подчиненіе правленію I округа, которое, въ свою очередь, вслѣдствіе даннаго Клейнмихелемъ предписанія, должно было каждое экстренное распоряженіе производить съ моего согласія. Выходило во мнѣ два лица: по завѣдыванію дирекціею шоссе я былъ подчиненъ правленію округа, а по данному мнѣ Клейнмихелемъ особому порученію по шоссе я былъ обязанъ наблюдать за тѣмъ же правленіемъ.

Вся иниціатива по работамъ исправленія шоссе должна была итти отъ дирекціи, а потому я, какъ завѣдывающій ею, долженъ былъ входить съ представленіями въ правленіе I округа, которое, конечно, всегда соглашаясь со мною, испрашивало моего же согласія на приведеніе въ исполненіе моихъ представленій, какъ у состоящаго по особымъ порученіямъ при Клейнмихелѣ.

Вслѣдствіе моихъ огромныхъ занятій по дирекціи, я только раза два или три во все лѣто ѣздилъ на часть шоссе отъ ст. Едрово до р. Шоши, которая, впрочемъ, была въ лучшемъ состояніи, чѣмъ непосредственно мнѣ ввѣренная. Директоромъ этой части шоссе былъ подполковникъ Бѣловодскій, впослѣдствіи генералъ-маіоръ и помощникъ начальника III (Вышневолоцкаго) округа путей сообщенія. Я вовсе не имѣлъ времени бывать на части шоссе отъ р. Шоши до Москвы и потому на нее не ѣздилъ.

Въ августѣ начальникъ округа, въ районѣ котораго была эта часть шоссе, генералъ-маіоръ Бугайскій увѣдомилъ меня, что онъ получилъ словесное приказаніе Клейнмихеля осмотрѣть Московское шоссе по всему его протяженію и представить по осмотрѣ свое заключеніе. Выходило, что я долженъ былъ наблюдать за дѣйствіями Бугайскаго, а онъ за моими, и потому я отклонилъ отъ себя всякое наблюденіе за его дѣйствіями.

Бугайскій проѣхалъ со мною по шоссе отъ р. Шоши до ст. Померанье, не дѣлая никакихъ замѣчаній. Пользы отъ его проѣзда не было никакой, и донесъ ли онъ о своемъ осмотрѣ и что донесъ Клейнмихелю, мнѣ неизвѣстно. Однако же, по приказанію Клейнмихеля, я осенью ѣздилъ въ Москву для освидѣтельствованія дѣйствій начальства на части шоссе отъ Москвы до р. Шоши.

Явившись къ Бугайскому, которому объяснилъ причину моего пріѣзда, я потребовалъ у его подчиненныхъ, моихъ прежнихъ товарищей по службѣ въ Московскомъ округѣ, разныхъ свѣдѣній по шоссе. Они мнѣ давали эти свѣдѣнія медленно, въ опасеніи, что ихъ всесильный, какъ они полагали, у Клейнмихеля начальникъ будетъ недоволенъ доставленіемъ мнѣ

свѣдѣній, и не вполнѣ довѣряя, чтобы мнѣ поручено было разсмотрѣть дѣйствія ихъ начальника по части шоссе, состоящей въ его вѣдѣніи. Всѣ эти недоумѣнія были прекращены самимъ Бугайскимъ, который приказалъ все мною требуемое, исполнять безъ замедленія.

На значительныхъ протяженіяхъ отъ ст. Померанье до ст. Едрово проѣздъ былъ затруднителенъ, въ особенности весною. Щебеночная кора до того утонилась, что колеса возовъ образовали по поверхности шоссе глубокія колеи, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ грунтъ былъ глинистый, пучистый, образовались провалы, весьма опасные для проѣзжающихъ.

Предположено было наиболѣе утонившіяся протяженія покрыть сплошною щебеночною насыпью, а тѣ мѣста, на которыхъ образовываются значительныя пучины, совсѣмъ перестроить. Ширина земляного полотна шоссе была въ 6 саженъ; средина его, шириною на 4 сажени, была покрыта щебеночнымъ слоемъ, который съ обѣихъ сторонъ оканчивался крупными булыжными камнями, называвшимися барьерными; затѣмъ съ каждой стороны оставались земляныя обочины, шириною каждая въ 1 саж.

Эти барьерные камни и обочины, которые должны были быть ниже щебеночной коры шоссе, въ 1843 г. почти вездѣ были выше ея и задерживали на ней воду. Предположено было, при исправленіи шоссе, мало-помалу уничтожать барьерные камни и замѣнять ихъ щебеночными отсыпями, а обочины срѣзать, такъ чтобы они были ниже щебеночной коры.

Одно утолщеніе щебеночнаго слоя на мѣстахъ съ пучистымъ грунтомъ было бы недостаточно для ихъ укрѣпленія. Образованіе по шоссе большого протяженія пучинъ происходитъ въ тѣ годы, въ которые послѣ очень дождливой осени весною бываетъ много солнечныхъ дней. Въ эти годы почва, пропитанная осенними дождями, замерзаетъ на большую глубину; при появленіи же весеннихъ солнечныхъ лучей, полоса шоссе, покрытая щебнемъ, на которой снѣгъ расчищается, служитъ хорошимъ проводникомъ тепла, такъ что подъ нею земля оттаиваетъ, тогда какъ земляныя обочины съ обѣихъ сторонъ щебеночной коры находятся еще въ мерзломъ состояніи и мѣшаютъ стекать водѣ изъ-подъ щебеночной коры въ канавы; почва разжижается и выпучиваетъ тонкую щебеночную кору до того, что на шоссе образуются глубокіе провалы или пучины.

Для предупрежденія ихъ образованія, предполагалось въ этихъ мѣстахъ, снявъ тонкую щебеночную кору, насыпать на грунтъ довольно толстый слой песку, который былъ бы выше обочинъ, и на немъ устроить щебеночную кору надлежащей толщины.

При этомъ, если дождевая вода и просочится сквозь щебенку, то она попадетъ въ песчаный слой, изъ котораго и можетъ вытекать по обочинамъ въ канавы, а если частію и просочится въ глину, лежащую подъ пескомъ, то послѣдняя, будучи отдѣлена отъ щебеночной коры толстымъ слоемъ песку, не можетъ такъ сильно дѣйствовать на эту кору.

Дирекція шоссе отъ ст. Померанье до ст. Едрово была раздѣлена на три дистанціи, которыми завѣдывали инженеръ-поручики Дмитріевъ,

Плацъ-бекъ-Кокумъ и Щербаковъ. Кромѣ обыкновеннаго ремонта на каждой дистанціи предполагалось произвесть на значительныхъ протяженіяхъ сплошныя розсыпи щебня и въ нѣсколькихъ мѣстахъ перестроить вышеизложеннымъ способомъ пучистыя мѣста. При каждой перестройкѣ пучистаго мѣста, для того чтобы она производилась тщательно, необходимо было имѣть особыхъ офицеровъ, а потому таковые изъ числа состоявшихъ въ округѣ и были прикомандированы въ помощь къ упомянутымъ начальникамъ дистанцій.

Дистанція Щербакова, пролегавшая по Валдайскимъ горамъ, была наиболѣе отдаленная отъ мѣста моего постояннаго пребыванія, Новгорода, изъ котораго, выѣхавъ утромъ, я поспѣвалъ на нее только вечеромъ и въ такомъ случаѣ оставался ночевать у Щербакова, въ Яму Яжелбицы. На его дистанціи было наибо́льшее число перестраиваемыхъ пучистыхъ мѣстъ. Онъ одинъ изъ начальниковъ дистанцій былъ женатъ. Жена его была хорошенькая женщина. Они съ нѣкоторымъ комфортомъ помѣщались въ небольшой избѣ, которую передѣлали очень мило для своего жилья.

Впрочемъ, мнѣ вообще не часто приходилось проводить ночи въ постели, я болѣе проводилъ ихъ въ дорогѣ, разъѣзжая по шоссе въ каретѣ, въ которой собственно по Московскому шоссе въ лѣто 1843 г. сдѣлалъ до 7000 верстъ. Занятія мои состояли, кромѣ наблюденія за поставляемыми матеріалами и производимыми работами, въ безпрерывныхъ донесеніяхъ Клейнмихелю о положеніи дѣлъ на шоссе, въ заготовленіи матеріаловъ, въ составленіи подробныхъ вѣдомостей съ показаніемъ работъ и поставки матеріаловъ въ слѣдующіе три года, необходимыхъ для совершеннаго упроченія шоссе, въ обыкновенной текущей перепискѣ и въ перепискѣ съ военно-судною комиссіею, учрежденною надъ бывшимъ директоромъ полковникомъ Чедаевымъ и надъ маіоромъ Дженѣевымъ.

Послѣдними двумя переписками подъ моимъ руководствомъ преимущественно былъ занятъ помощникъ мой инженеръ-капитанъ (умершій въ отставкѣ генералъ-маіоромъ) Строковскій, мой бывшій товарищъ по Институту инженеровъ путей сообщенія.

Всѣ дистанціонные начальники и прикомандированные къ нимъ офицеры были постоянно заняты наблюденіемъ за поставкою матеріаловъ и за производимыми работами и исполняли свои обязанности съ усердіемъ и честно. Сверхъ того, дистанціонные начальники должны были, кромѣ обыкновенной текущей переписки, вести значительную переписку съ вышеупомянутою военно-судною комиссіею, которая, судя ихъ бывшаго начальника, привлекала и ихъ къ отвѣтственности.

Вновь назначенный командиромъ 1-го военно-рабочаго баталіона путей сообщенія маіоръ Травинъ имѣлъ порученіе отъ Клейнмихеля дознать, какія злоупотребленія были въ прежнее время допускаемы на шоссе. Травинъ, чтобы выслужиться, завелъ связи съ ямщиками, отъ которыхъ старался получить свѣдѣнія объ этихъ злоупотребленіяхъ, для чего, переодѣтый, живалъ иногда по нѣскольку дней въ разныхъ ямахъ (селахъ).

Начальникамъ дистанцій приходилось и отъ него отписываться. Впрочемъ, всѣ старанія Травина были безуспѣшны. Донесенія его были бездоказательны и часто нелѣпы. Въ моихъ частыхъ донесеніяхъ Клейнмихель я неоднократно представлялъ ему объ усердіи моихъ помощниковъ, въ особенности Щербакова, такъ что на обратномъ пути Клейнмихеля изъ внутреннихъ губерній, онъ, встрѣченный на ст. Яжелбицы маіоромъ Травинымъ и поручикомъ Щербаковымъ, благодарилъ послѣдняго и пригласилъ къ своему обѣду, а на перваго не обратилъ никакого вниманія. Впослѣдствіи случалось мнѣ и Травину въ одно время пріѣзжать изъ Новгорода въ Петербургъ, гдѣ Травинъ передавалъ Клейнмихелю всякій вздоръ о шоссейныхъ офицерахъ, который я впослѣдствіи принужденъ былъ разъяснять. Эти бездоказательные доносы Травина, наконецъ, надоѣли Клейнмихелю и онъ началъ называть Травина новгородскою саранчею.

Конечно, упомянутые инженеры обязаны были мнѣ тѣмъ, что не были привлечены къ суду вмѣстѣ съ ихъ бывшимъ начальникомъ. Я находилъ нужнымъ ихъ приберечь для службы, увѣренный, что бывшій ихъ начальникъ требовалъ отъ нихъ неправильныхъ дѣйствій, а что при честномъ начальникѣ они будутъ служить честно.

Изъ всѣхъ доносовъ Травина по одному только, и именно по сдѣланному на Щербакова, въ томъ, что онъ въ прежніе годы заставилъ поставщиковъ каменныхъ матеріаловъ на шоссе устроить мебель въ казенныхъ домахъ, въ которыхъ жили нижніе чины, надсматривавшіе за шоссе, Щербаковъ былъ подвергнутъ кратковременному аресту. Нечего и говорить, до какой степени мои тогдашніе подчиненные были мнѣ благодарны за мою защиту, о которой передавали всѣмъ своимъ товарищамъ, что и было одною изъ причинъ преданности ко мнѣ бо́льшей части инженеровъ путей сообщенія.

Труды мои и моихъ подчиненныхъ по шоссе увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Государь, на жизнь котораго въ этомъ году было покушеніе въ Познани, возвратился въ Петербургъ черезъ Москву, и слѣдовательно по Московскому шоссе, которымъ остался вполнѣ доволенъ и, считая невозможнымъ привести шоссе въ такое короткое время въ удовлетворительное положеніе, сказалъ Клейнмихелю, что послѣдній, вѣроятно, слишкомъ въ черныхъ краскахъ описалъ въ прошедшую осень состояніе шоссе. Клейнмихель, проѣхавшій по шоссе послѣ Государя, остался также доволенъ имъ и моими распоряженіями.

Проѣзжая для осмотра работъ по завѣдываемому мною шоссе, я иногда бралъ съ собою жену, и мнѣ тогда случалось ѣздить въ двухъ экипажахъ. Имѣя казенную подорожную на взиманіе лошадей только подъ одинъ экипажъ, я за лошадей, запряженныхъ въ другой экипажъ, платилъ установленныя за проѣздъ по шоссе деньги. Это всѣхъ удивляло: не понимали, зачѣмъ начальникъ шоссе платитъ за то, что проѣзжаетъ по нему по обязанностямъ службы, такъ какъ другіе начальники этого никогда не дѣлали.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА С. С Р
им. В. И. ЛЕНИНА

По пріѣздѣ моемъ въ концѣ іюня изъ Петербурга въ Новгородъ, я въ этомъ городѣ нанялъ квартиру, гдѣ прожилъ съ женою около мѣсяца. По назначеніи же меня въ концѣ іюля завѣдывающимъ дирекціею шоссе отъ Померанья до Едрова, нанятая мною квартира была недостаточна, и мы переѣхали въ новую. Эти частые переѣзды изъ города въ городъ и изъ квартиры въ квартиру были очень разорительны. Клейнмихель же никогда мнѣ не давалъ ничего на подъемъ, а я не просилъ, не имѣя понятія, что подъемныя деньги лицамъ, командируемымъ изъ министерствъ, даются на основаніи Свода Законовъ.

По значительности моихъ занятій въ лѣто 1843 г., я ни съ кѣмъ почти не познакомился въ Новгородѣ. Въ тѣ дни, которые я проводилъ дома, я съ удовольствіемъ слушалъ пѣніе моей жены и Строковскаго и бесѣдовалъ съ И. Н. Колесовымъ, прикомандированнымъ, по окончаніи курса въ военной академіи, къ штабу гренадерскаго корпуса, расположенному въ Новгородѣ. Колесовъ проводилъ у насъ цѣлые дни, и жена моя очень полюбила его.

По бѣдности онъ не могъ продолжать службу въ генеральномъ штабѣ. Жена моя дала ему письмо къ М. Н. Муравьеву съ просьбою опредѣлить Колесова въ гражданскую службу. Муравьевъ, который никогда ни въ чемъ намъ не отказывалъ, рекомендовалъ его директору департамента внѣшней торговли, который и опредѣлилъ его помощникомъ столоначальника въ свой департаментъ.

Колесовъ, какъ человѣкъ способный, довольно скоро подвигался впередъ по службѣ, занималъ впослѣдствіи должность вице-директора департамента внѣшней торговли (нынѣ таможенныхъ сборовъ), дослужился до тайныхъ совѣтниковъ, но, не сумѣвъ понравиться министру финансовъ Рейтерну, не попалъ въ директоры департамента, а назначенъ былъ членомъ совѣта министерства финансовъ съ сохраненіемъ всего вице-директорскаго содержанія и съ оставленіемъ правительственнымъ членомъ совѣта главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, получая и по этой должности также значительное содержаніе.

Жена моя, большая мастерица ко всему рукодѣльному, отъ скуки училась въ Новгородѣ переплетному мастерству и много въ немъ успѣла. Но большая часть времени въ тѣ дни, которые я проводилъ дома, проходила въ разговорахъ, относящихся къ устройству шоссе. Ни прежде, ни послѣ, ни объ одномъ предметѣ, входящемъ въ районъ дѣятельности инженеровъ путей сообщенія, не было мною и при мнѣ говорено столько, сколько говорилось о шоссе въ Новгородѣ, при чемъ было излагаемо нѣсколько различныхъ взглядовъ на способъ устройства, исправленія и содержанія шоссе. Очень ошибаются тѣ, которые думаютъ, что это дѣло очень просто: устроить и содержать хорошо шоссе на разныхъ почвахъ, съ условіемъ употребленія наивозможно меньшихъ издержекъ, совсѣмъ не легко. Понятно, какъ должны были надоѣсть женѣ моей эти безконечные толки о шоссе.

Проѣзжая въ концѣ октября по шоссе между Новгородомъ и ст. Померанье, въ одинъ изъ почтовыхъ станціонныхъ домовъ, въ которомъ я ожидалъ запряжки въ мою карету свѣжихъ лошадей, взошелъ молодой человѣкъ въ сопровожденіи жандарма. Молодой человѣкъ былъ пріятной наружности. На немъ была простая суконная безъ подкладки солдатская шинель, а такъ какъ время было очень холодное, то онъ совершенно замерзъ. Я спросилъ у жандарма, кого онъ везетъ. Получивъ въ отвѣтъ, что это бывшій воспитанникъ Института инженеровъ путей сообщенія, разжалованный въ рядовые, котораго жандармъ везетъ на Кавказъ, я обратился къ молодому человѣку съ вопросомъ, за что онъ разжалованъ, и узналъ отъ него слѣдующее, впослѣдствіи подтвержденное мнѣ разсказами многихъ другихъ лицъ.

Въ отсутствіе Клейнмихеля изъ Петербурга, въ портупей-прапорщичьемъ классѣ Института инженеровъ путей сообщенія освистали одного изъ ротныхъ офицеровъ. Подобныя шалости какъ въ Институтѣ, такъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, были очень обыкновенны, а потому и наказаніе, наложенное на провинившихся, не выходило изъ общаго порядка вещей.

Клейнмихель, узнавъ объ этомъ по возвращеніи въ Петербургъ, нашелъ, что наказаніе будто бы не соотвѣтствовало проступкамъ и, представивъ Государю все дѣло въ самомъ неправильномъ видѣ, испросилъ разжалованія пяти портупей-прапорщиковъ въ рядовые, съ назначеніемъ въ полки кавказскаго корпуса, наказавъ каждаго изъ нихъ, сверхъ того, тремя стами розогъ въ присутствіи обѣихъ ротъ Института инженеровъ путей сообщенія. Жестокость чисто Аракчеевская!

Замѣчательно, что эта экзекуція происходила въ самый день именинъ жены Клейнмихеля (19 октября), когда онъ съ своимъ семействомъ былъ у обѣдни въ своей домашней церкви, а всеподданнѣйшій докладъ по этому предмету состоялся въ день ея рожденія (17 октября).

Чтобы, такъ сказать, рафинировать эту жестокость, онъ въ томъ же всеподданнѣйшемъ докладѣ испросилъ, чтобы ея исполненіе было поручено его товарищу генералъ-лейтенанту Рокасовскому, бывшему воспитаннику этого самаго института. При выстроенныхъ обѣихъ ротахъ Института были наказаны пять портупей-прапорщиковъ и разжалованы въ рядовые. Говорятъ, что только первому дали назначенное число ударовъ розгами, а другимъ менѣе.

Рокасовскій, по окончаніи экзекуціи, конечно, отправился къ Клейнмихелю для донесенія объ ея окончаніи и тамъ остался завтракать, такъ какъ это былъ день именинъ жены Клейнмихеля. Не говоря уже о страшной жестокости этого наказанія, нельзя не упомянуть, что оно было противно и тогдашнимъ законамъ.

Всѣ пять молодыхъ людей, подвергшіеся наказанію, были дворяне, которые по законамъ были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія.

Въ публикѣ, конечно, сильно осуждали Клейнмихеля. Говорятъ, что когда жена его взошла въ ложу театра, то раздались крики: «вотъ жена палача».

Нѣкоторые изъ инженеровъ-преподавателей въ Институтѣ вздумали сдѣлать подписку для сбора денегъ въ пользу наказанныхъ. Клейнмихель, узнавъ объ этомъ, призвалъ одного изъ начавшихъ эту подписку, инженеръ-капитана Ф. И. Таубе, разбранилъ его, угрожалъ, что доложитъ Государю имена подписавшихся, которые подвергнутся строгому наказанію, и запретилъ подписку. Она, вслѣдствіе этого, не состоялась, но и подписавшіеся не были подвергнуты преслѣдованію. Я далъ встрѣтившемуся со мною бывшему воспитаннику института 50 р. сер. съ тѣмъ, чтобы онъ купилъ себѣ въ Новгородѣ теплую одежду. Что было бы со мною, если бы Клейнмихель узналъ объ этомъ!

Клейнмихель, недовольный слабостію, которую, по его мнѣнію, выказало начальство Института, замѣнилъ его новымъ. Изъ старшихъ начальниковъ были уволены: отъ должности директора Института инженеръ генералъ-лейтенантъ Готманъ и отъ службы помощникъ его по фронтовой и хозяйственной части генералъ-маіоръ Лермонтовъ.

Директоромъ былъ назначенъ Энгельгардтъ (онъ давно умеръ), произведенный не задолго передъ тѣмъ въ генералъ-маіоры изъ полковниковъ какого-то гвардейскаго полка. Говорятъ, что Энгельгардтъ, при всей своей ничтожности и робости, отказывался управлять спеціальнымъ заведеніемъ и говорилъ Клейнмихелю, что его желанія ограничиваются тѣмъ, чтобы быть назначеннымъ командиромъ одного изъ гвардейскихъ полковъ или какой-нибудь армейской бригады, но Клейнмихель сказалъ ему, что онъ мелетъ вздоръ, что нѣтъ никакого затрудненія управлять Институтомъ, которымъ управлялъ же Готманъ (онъ послѣдняго при этомъ случаѣ назвалъ дуракомъ, чѣмъ, конечно, Готманъ не былъ), и что мѣсто директора этого заведенія предпочтительнѣе мѣстъ, которыя Энгельгардтъ надѣялся получить.

Энгельгардтъ былъ человѣкъ недальняго ума и безъ образованія, обходился съ воспитанниками Института грубо, говоря имъ всѣмъ «ты». Учившись только одной ариѳметикѣ, онъ не имѣлъ понятія о существованіи другихъ математическихъ наукъ. Обращаясь къ воспитаннику высшихъ классовъ, когда онъ занимался аналитическою механикою или высшими математическими исчисленіями, онъ его спрашивалъ: «Что ты ариѳметику учишь?», а когда воспитанникъ называлъ ту науку, которою былъ въ это время занятъ, онъ говорилъ: «Ну да, я говорилъ, что ты ариѳметику повторяешь».

Помощникомъ къ Энгельгардту, на мѣсто Лермонтова, назначенъ былъ гвардейскій полковникъ Г. Ѳ. Гогель. Онъ былъ умный, имѣлъ нѣкоторое образованіе, но преподаватели и воспитанники Института его не любили, полагая, что онъ причиною всему, что въ это время дѣлалось въ Институтѣ дурного, тогда какъ онъ, по хитрости своей, сваливалъ

все на Энгельгардта, на котораго имѣлъ большое вліяніе. Энгельгардтъ и Гогель были женаты на родныхъ сестрахъ.

Въ началѣ ноября я получилъ приказаніе Клейнмихеля пріѣхать въ Петербургъ. Понятно, съ какимъ чувствомъ я ѣхалъ въ этотъ городъ послѣ встрѣчи съ несчастнымъ разжалованнымъ въ рядовые воспитанникомъ Института инженеровъ путей сообщенія. Клейнмихель со мною ничего не говорилъ о наказаніи въ Институтѣ, былъ по прежнему любезенъ, но вѣроятно, въ продолженіе моей при немъ годовой службы, убѣдясь, что я не только неспособенъ на исполненіе подобныхъ его распоряженій, но что и взглядъ мой на нихъ противоположенъ его взгляду, рѣшился употреблять меня собственно по инженерной части и вдали отъ Петербурга, оставляя при мнѣ только званіе состоящаго при немъ по особымъ порученіямъ. Впрочемъ, къ моему удаленію могли способствовать и происки нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ Клейнмихеля, которые, видя его ко мнѣ расположеніе и мою съ нимъ откровенность, опасались, чтобы я, замѣтивъ ихъ неправильныя дѣйствія, не довелъ о нихъ до свѣдѣнія Клейнмихеля.

Въ это время я въ первый разъ видѣлъ инженеръ-капитана (впослѣдствіи генералъ-лейтенанта и сверхъ-штатнаго члена совѣта министерства путей сообщенія) Аполлона Алексѣевича Серебрякова, котораго Клейнмихель назначилъ къ себѣ по особымъ порученіямъ и бралъ впослѣдствіи съ собою во всѣ путешествія, при чемъ Серебряковъ исполнялъ лакейскія при Клейнмихелѣ должности, а со временемъ сдѣлался домашнимъ человѣкомъ въ семействѣ Клейнмихеля.

Впрочемъ, какія бы ни были къ тому побудительныя причины, я получилъ порученіе внѣ Петербурга. Клейнмихель назначилъ меня для исправленія части Нижегородскаго шоссе, состоящей въ предѣлахъ Нижегородской губерніи, съ оставленіемъ при себѣ по особымъ порученіямъ.

Выше я упомянулъ, что при учрежденіи главнаго управленія путей сообщенія Россія была раздѣлена на десять округовъ путей сообщенія; хозяйственная часть по работамъ не зависѣла отъ управляющаго этими округами, а была ввѣрена особымъ экономическимъ комитетамъ.

Толь, въ виду бо́льшаго сосредоточенія дѣлъ, уменьшилъ число округовъ до пяти, учредивъ въ каждомъ окружное правленіе. Въ это правленіе онъ передалъ дѣла уничтоженныхъ имъ экономическихъ комитетовъ. При окружныхъ правленіяхъ учреждены были общія присутствія, состоявшія изъ предсѣдателя -управляющаго округомъ и членовъ, его помощника и начальниковъ искусственнаго, хозяйственнаго и распорядительнаго отдѣленій правленія.

Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 2-го іюля 1843 г. число округовъ увеличено до двѣнадцати *), съ учрежденіемъ въ каждомъ правленія и об-

*) По указу 5-го декабря 1846 г. сухопутныя и водяныя сообщенія въ Царствѣ Польскомъ составили XIII округъ.

щаго присутствія, въ которомъ членами состояли не начальники отдѣленій правленія, а особо назначенные къ тому два инженерныхъ штабъ-офицера, при чемъ распорядительное отдѣленіе переименовано въ канцелярію этого присутствія.

Въ Петербургѣ и Москвѣ гражданская строительная часть была въ завѣдываніи особыхъ учрежденій, подчиненныхъ генералъ-губернаторамъ, безъ участія главнаго управленія путей сообщенія. Эти учрежденія были закрыты по присоединеніи въ 1843 г. строительной части въ столицахъ къ означенному управленію, а равно и шоссейныхъ дорогъ въ Московской губерніи, устроенныхъ особою дорожною комиссіею.

Вслѣдствіе этого присоединенія, при новомъ образованіи округовъ I (Петербургскаго) и IV (Московскаго), составъ ихъ правленій увеличенъ въ сравненіи съ прочими тѣмъ, что въ общее присутствіе этихъ правленій назначены членами уѣздный предводитель дворянства, городской голова столицы (впослѣдствіи замѣненные особыми депутатами отъ дворянства и купечества), штабъ-офицеръ по назначенію генералъ-губернатора и два архитектора; число отдѣленій этихъ правленій увеличено счетнымъ и чертежнымъ.

Всѣмъ вновь назначеннымъ начальникамъ округовъ и ихъ подчиненнымъ приказано было отправиться къ своимъ мѣстамъ такъ, чтобы они могли открыть свои дѣйствія, сообразно новому распредѣленію округовъ, съ 1-го января 1844 г.

При этомъ преобразованіи бывшій болѣе 6-ти лѣтъ управляющимъ III (Московскимъ) округомъ, по преобразованіи переименованнымъ въ IV, генералъ-маіоръ Гермесъ, которымъ Клейнмихель былъ очень недоволенъ, былъ назначенъ начальникомъ VI (Казанскаго) округа.

Въ этомъ округѣ были одни естественные водяные пути и только 50 верстъ Нижегородскаго шоссе отъ границы Нижегородской губерніи, идущаго по лѣвому берегу Оки до Нижняго Новгорода. По прежнему раздѣленію округовъ, все это шоссе было въ районѣ бывшаго III (Московскаго) округа. Послѣдняя его часть, ближайшая къ Нижнему-Новгороду, была открыта лѣтомъ 1843 г., почему и были переведены на нее почтовыя лошади, но шоссе оказалось такъ дурно устроеннымъ, что принуждены были черезъ два мѣсяца его закрыть и почту снова перевести на правый берегъ р. Оки. Клейнмихель желалъ исправить эту часть шоссе ко времени Нижегородской ярмарки 1844 г. Вновь назначенный начальникъ VI округа доносилъ о затрудненіяхъ достать въ столь короткое время потребный для исправленія шоссе каменный матеріалъ и опредѣлялъ высокую цѣну на то малое количество, которое онъ надѣялся заготовить.

Клейнмихель, не довѣряя ему, поручилъ исправленіе означенной части шоссе мнѣ исключительно, безъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло правленія VI округа. Я получилъ отъ него по случаю этой командировки предписаніе отъ 9-го ноября № 3671, которое привожу здѣсь буквально:

«Въ сентябрѣ мѣсяцѣ текущаго года поручено начальнику VI округа путей сообщенія, генералъ-майору Гермесу, заподрядить немедленно всѣ нужные на исправленіе участка Нижегородскаго шоссе, въ районѣ сего округа состоящаго, матеріалы и рабочихъ и вообще принять всѣ мѣры, чтобы участокъ этотъ окончательно устроенъ былъ ко времени слѣдованія въ будущемъ году Нижегородской ярмарки. Генералъ-майоръ Гермесъ доселѣ ограничивалъ свои дѣйствія одною перепискою о вызовѣ желающихъ, и наконецъ въ рапортѣ отъ 30 октября за № 59, изъясняя затрудненія въ пріобрѣтеніи исчисленныхъ на исправленіе шоссе каменныхъ матеріаловъ, находитъ единственнымъ средствомъ къ заготовленію ихъ разрѣшеніе производства работъ на два года, т.-е. чтобы окончаніе передѣлки шоссе было отсрочено до 1845 г.

«Въ отвѣтъ на это я далъ генералъ-майору Гермесу особое предписаніе за № 3619; копію съ сего предписанія при семъ прилагаю.

«Не ожидая однакожъ и послѣ сего желаемыхъ результатовъ, я, по особенной моей къ вамъ довѣренности, избралъ васъ къ окончанію сего дѣла, и поручая вполнѣ соображенію вашему: какъ исправить этотъ участокъ шоссе, и какъ заготовить матеріалы, предписываю отправиться немедленно на мѣсто и принять неотлагательно самыя дѣятельныя по сему мѣры. Дабы не стѣснить васъ въ дѣйствіяхъ, я не указываю вамъ здѣсь никакихъ условій и ограничиваюсь токмо однимъ требованіемъ, чтобы участокъ Нижегородскаго шоссе, VI-му округу принадлежащій, былъ приведенъ въ устройство ко времени будущей ярмарки; но ежели бы дѣйствительно было невозможно привести его въ таковое положеніе, чтобы пустить въ это время обозы, то, по крайней мѣрѣ, оно должно быть уже въ такомъ состояніи, чтобъ прочій проѣздъ въ легкихъ экипажахъ былъ возможенъ.

«Отъ усердія вашего и благоразумія всего ожидаю. Объ успѣхѣ дѣйствій вашихъ доносите мнѣ съ каждою почтою, и ежели нужно будетъ, то и по эстафетѣ».

«Для соображеній вашихъ прилагаю у сего въ копіи всю переписку, которая доселѣ объ исправленіи означеннаго шоссе производилась».

По полученіи этого предписанія я немедля выѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ долженъ былъ покончить много дѣлъ по текущей отчетности, запущенной начальниками дистанцій дирекціи шоссе, которою я завѣдывалъ, по причинѣ чрезмѣрно большихъ занятій работами по улучшенію шоссе. Проѣзжая въ Нижній-Новгородъ черезъ Москву, я видѣлся съ матерью и сестрою. Въ Москвѣ я нанималъ небольшое помѣщеніе для всей моей мебели и большей части моего имущества, такъ какъ послѣднее время велъ бродячую жизнь и имѣлъ съ собою только самое необходимое.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда я съ женою и Е. Е. Радзевскою пріѣхалъ въ концѣ ноября, я остановился у сестры моей жены, графини Л. Н. Толстой, въ нанимаемомъ ею домѣ на Печерской улицѣ. Мужъ ея продолжалъ быть попрежнему чудакомъ; вставалъ поздно, въ полномъ дезабильѣ

ходилъ по всѣмъ комнатамъ, по цѣлымъ часамъ расчесывая гребнемъ свою красивую бороду.

Онъ выказывалъ замѣчательную медленность въ сообразительной способности. Читая иногда вслухъ какую-нибудь хорошимъ слогомъ написанную книгу самаго простого содержанія, онъ каждый періодъ повторялъ по два и по три раза, такъ сказать, прожуетъ его прежде, чѣмъ понять.

Часто жена моя ему говаривала: «Полноте читать вслухъ; вы повтореніемъ и жеваніемъ каждаго слова всѣмъ надоѣли». Но Толстой не могъ читать иначе, какъ вслухъ: онъ только при такомъ чтеніи могъ понимать то, что читалъ. Пробывъ у Толстыхъ съ мѣсяцъ, мы переѣхали въ небольшой нанятый нами недалеко отъ нихъ домикъ, а въ началѣ апрѣля переѣхали въ Кунавино, предмѣстье Нижняго на лѣвомъ берегу Оки.

Когда мы жили по близости отъ дома, занимаемаго Толстымъ, онъ у насъ, въ гостяхъ, такъ заболѣлъ, что не могъ даже добраться до своего дома. Жена же его по болѣзни не могла ходить пѣшкомъ, а лошадей до того боялась, что не рѣшалась сѣсть въ экипажъ. Однако же для того, чтобы видѣться хотя изрѣдка съ мужемъ, она рѣшалась сѣсть въ сани, но ѣхала шагомъ и не иначе, какъ чтобы впереди ея саней ѣхали другія сани, а съ обѣихъ сторонъ и сзади ея самой шли нѣсколько человѣкъ. Это торжественное шествіе было очень забавно.

Весною 1844 г. вода въ Волгѣ была очень высока, и наводненіе ярмарочнаго гостинаго двора и предмѣстья Кунавина было значительно. Я съ женою жилъ въ двухэтажномъ домѣ, въ верхнемъ этажѣ, а внизу была кухня. Когда вода прибыла въ рѣкѣ, она дошла почти подъ самый полъ верхняго этажа, такъ что мы принуждены были повара съ кухней перевести въ другой домъ, а кушанья намъ привозили въ лодкахъ, изъ которыхъ очень легко было перелѣзть на нашъ балконъ. Такимъ же образомъ къ намъ входили и всѣ насъ посѣщавшіе. Толстой, имѣвшій даръ всего опасаться, неоднократными письмами ко мнѣ и къ женѣ моей, упрашивалъ насъ оставить занимаемый нами домъ, пока не сойдетъ весенняя вода, опасаясь, что при сильной бурѣ нашъ домъ будетъ снесенъ и мы потонемъ.

Въ Нижнемъ я не засталъ губернатора Бутурлина, его должность исправлялъ вице-губернаторъ Максимъ Максимовичъ Пановъ, человѣкъ остроумный, образованный, но взяточникъ. Я познакомился съ нимъ, равно какъ почти со всѣми прочими старшими нижегородскими чиновниками, за исключеніемъ предсѣдателя казенной палаты Бориса Ефимовича Прутченко. Всѣхъ ближе познакомился я съ домомъ Тимофея Гордѣевича Погуляева, члена нижегородской солеперевозной комиссіи, потому что его старшая дочь, Екатерина, была замужемъ за инженеромъ путей сообщенія поручикомъ Городецкимъ, а вторая, Вѣра, весною 1844 г. вышла также за инженера путей сообщенія поручика Виноградова; оба они были моими подчиненными.

Погуляевъ, какъ всѣ утверждали въ Нижнемъ, пришелъ въ этотъ городъ въ нищенской крестьянской одеждѣ. Его прозвище было Погуляй-не-пей-

пиво. Онъ сумѣлъ выйти въ чины и нажить на службѣ большое состояніе. Разсказывали, что при перевозкѣ соли, производившейся по распоряженію означенной комиссіи, исчезали огромныя барки соли и дѣлались разныя злоупотребленія при ея храненіи въ Нижегородскихъ запасныхъ магазинахъ, что это все обогащало предсѣдателя и членовъ комиссіи, изъ которыхъ Погуляевъ былъ всѣхъ умнѣе, и потому ему доставалась львиная часть. Судя по состоянію, которое онъ нажилъ, равно какъ предсѣдатель Александръ Ивановичъ Мессингъ и другіе чины комиссіи, надо полагать, что злоупотребленія дѣйствительно были весьма значительны.

Нѣсколько лѣтъ спустя, нѣкоторые изъ означенныхъ запасныхъ соляныхъ магазиновъ, устроенныхъ вблизи Нижняго на уклонѣ высокаго праваго берега Оки, сползли вмѣстѣ съ берегомъ. Назначена была комиссія подъ предсѣдательствомъ вышеупомянутаго предсѣдателя казенной палаты Прутченко, въ которой я былъ членомъ, для опредѣленія причинъ поврежденія магазиновъ, спасенія соли и составленія проекта по возобновленію магазиновъ. Благодаря этой комиссіи, соль была спасена отъ расхищенія членами солеперевозной комиссіи, которые, конечно, показали бы, что при поврежденіи магазиновъ вся соль, которую они продали бы въ свою пользу, засыпана обвалами берега.

Вскорѣ послѣ означеннаго обвала солеперевозная комиссія была уничтожена и вмѣсто нея образовано соляное отдѣленіе при казенной палатѣ. Бывшій впослѣдствіи предсѣдатель этой палаты В. Е. Вердеревскій, разыгравшій роль синодальнаго оберъ-прокурора въ дѣлѣ моей сестры, разграбилъ всю соль, за что по приговору суда былъ сосланъ въ Сибирь.

Т. Г. Погуляевъ, кромѣ двухъ упомянутыхъ дочерей, имѣлъ еще много дѣтей, изъ которыхъ старшій сынъ былъ очень умный молодой человѣкъ. По окончаніи курса въ училищѣ правовѣдѣнія, онъ служилъ въ Петербургѣ, быстро попалъ въ оберъ-прокуроры Сената, но несмотря на это, вслѣдствіе неудовлетвореннаго честолюбія, сошелъ въ молодыхъ лѣтахъ съ ума и вскорѣ умеръ. У Т. Г. Погуляева былъ открытый домъ. Онъ принималъ каждый день, и всѣ его гости съ двухъ часовъ пополудни до полуночи и долѣе играли въ карты.

Онъ игралъ превосходно въ разныя коммерческія игры и постоянно былъ въ выигрышѣ. Во время производства огромныхъ работъ въ Нижнемъ, во исполненіе повелѣній Императора Николая I, Погуляевъ постоянно игралъ съ инженерами путей сообщенія, которые, за исключеніемъ полковника Готмана и подполковника Стремоухова, получали большія незаконныя выгоды отъ производимыхъ ими работъ. Игра была значительная, и Погуляевъ всѣхъ обыгрывалъ. По недостатку денегъ для исполненія всѣхъ указанныхъ Императоромъ Николаемъ работъ, необходимо было ихъ прекратить, и я въ Нижнемъ не засталъ никого изъ инженеровъ, бывшихъ при означенныхъ работахъ, за исключеніемъ Стремоухова, состоявшаго членомъ Нижегородской губернской строительной комиссіи.

Карточная игра у Погуляева продолжалась, но далеко не была такъ значительна, а такъ какъ состоявшіе подъ моимъ начальствомъ инженеры при шоссе, а впослѣдствіи и по должности моей начальника работъ Нижняго Новгорода, въ каковую я былъ назначенъ въ 1845 г., не пользовались отъ производимыхъ ими работъ, то Погулявъ часто своимъ хохлацкимъ нарѣчіемъ говорилъ имъ, что я совсѣмъ испортилъ инженеровъ, теперь играющихъ по такому малому кушу, и что онъ черезъ это лишенъ возможности выигрывать, какъ бывало до меня, большія деньги. Я такъ же часто игралъ у него въ карты и постоянно проигрывалъ, что, не смотря на незначительность куша мой игры, составляло для меня большой счетъ.

Въ началѣ весны 1844 г. пріѣхалъ въ Нижній вновь назначенный губернаторомъ свиты Его Величества генералъ-майоръ князь Михаилъ Александровичъ Урусовъ, впослѣдствіи генералъ отъ кавалеріи, сенаторъ и почетный опекунъ въ Москвѣ.

Урусовъ былъ человѣкъ очень ограниченный, но вмѣстѣ съ тѣмъ до крайности самолюбивый. Онъ ни по образованію, ни по роду своей прежней службы, не имѣлъ никакихъ свѣдѣній, необходимыхъ губернатору, и о Сводѣ Законовъ не имѣлъ никакого понятія. Но тогда было такое время, что всякій годился. Губернаторы властвовали произвольно и все загнанное общество имъ покорялось.

Я увидалъ Урусова въ первый разъ еще въ 1832 г. Это было на второй день Святой недѣли на разводѣ, бывшемъ на плацу между Зимнимъ дворцомъ и адмиралтействомъ. Тогда не было страннымъ видѣть офицера корпуса инженеровъ путей сообщенія на разводѣ, и я стоялъ вмѣстѣ съ другими военными офицерами. Флигель-адъютанты были построены въ особую шеренгу. Число ихъ было такъ значительно, что шеренга вытянулась очень длинно, а потому бывшій комендантъ генералъ-адъютантъ Башуцкій хотѣлъ ихъ построить въ двѣ шеренги. По сдѣланному имъ расчету, Урусову, бывшему тогда ротмистромъ, приходилось итти въ заднюю шеренгу, но онъ, покраснѣвъ до ушей и сильно разгорячась, рѣшительно отказался исполнить приказаніе Башуцкаго, изъ чего произошла между ними серьезная перебранка, повторявшаяся каждый разъ, когда Башуцкій проходилъ мимо Урусова.

Конечно, Урусовъ не посмѣлъ бы не слушаться коменданта и съ нимъ перебраниваться въ виду всѣхъ съѣхавшихся на разводъ военныхъ властей, если бы его родная сестра, извѣстная красавица, впослѣдствіи жена генералъ-адъютанта князя Радзивилла, не была въ то время близка ко двору.

Жена Урусова была молодая женщина, очень хорошенькая собою, получившая въ приданое довольно хорошее состояніе. Всѣ губернскія дамы поспѣшили представиться женѣ новаго начальника губерніи, хотя передъ ея пріѣздомъ и говорили, что будутъ ждать ея визита.

Жена моя, вообще не любившая новыхъ знакомствъ, по пріѣздѣ нашемъ въ Нижній, не была ни у одной изъ губернскихъ дамъ, за что онѣ разсказывали про нее всякій вздоръ, но потомъ позабыли о ней и унялись.

Ея сестра Толстая также ни съ кѣмъ въ Нижнемъ не была знакома, а потому и въ тотъ мѣсяцъ, который мы провели у нея по пріѣздѣ въ Нижній, жена никого изъ губернскихъ дамъ не видала. Разумѣется, ни она, ни сестра ея, не познакомились съ Урусовою, на что было послѣднею обращено вниманіе. Изъ дворянъ же, жившихъ въ Нижнемъ, только одинъ своякъ мой, Толстой, не представился Урусову, за что послѣдній постоянно къ нему придирался. На улицахъ при встрѣчѣ съ губернаторомъ всѣ ему кланялись, за исключеніемъ Толстого, который говорилъ, что не кланяется Урусову, такъ какъ незнакомъ съ нимъ, а послѣдняго это очень бѣсило.

Оброкъ съ имѣнія жены моей собирался по прежнему съ большими недоимками. Я хотя и былъ отъ имѣнія всего въ 120 верстахъ, но служебныя занятія не позволяли мнѣ отлучиться изъ Нижняго. Впрочемъ, я уже убѣдился, что пріѣздъ мой въ имѣніе нисколько не поможетъ сбору оброка. Между тѣмъ съ того времени, какъ тесть мой взялъ въ управляющіе купца Пономарева, съ его имѣнія оброкъ собирался безнедоимочно, а потому, лишенный всѣхъ средствъ къ жизни, и я рѣшился ввѣрить имѣніе жены моей тому же Пономареву, который, дѣйствительно, сумѣлъ и въ этомъ имѣніи собирать оброкъ безъ недоимокъ.

Тѣмъ болѣе необходимо было мнѣ взять въ управляющіе Пономарева, хотя я и зналъ его за плута, что вскорѣ по пріѣздѣ въ Нижній я узналъ, что С. В. Абаза допустилъ по виннымъ откупамъ, по которымъ онъ представилъ въ залогъ земли жены моей и тестя, недоимки болѣе, чѣмъ на сто тысячъ рублей, и что эти земли должны быть описаны и подвергнуты за означенную недоимку продажѣ. Слѣдовательно надежда моя и тестя получать съ С. В. Абазы ежегодно большую сумму, въ видѣ процентовъ за данные ему залоги, лопнула.

Я уже говорилъ, что Пономаревъ получилъ неправильно изъ нижегородской гражданской палаты свидѣтельства на означенныя земли, какъ на не принадлежащія къ населенному имѣнію и свободныя отъ залога, тогда какъ онѣ принадлежали къ населенному имѣнію, вмѣстѣ съ которымъ были заложены въ Московской сохранной казнѣ.

Если бы Абаза содержалъ исправно принятые имъ на себя откупа съ 1843 г. по 1847 г., то, съ истеченіемъ срока этихъ откуповъ, свидѣтельства гражданской палаты были бы намъ возвращены и тѣмъ бы кончилось это дѣло. Теперь же надо было при описи указать тѣ земли, которыя находились въ залогѣ у Абазы, а такъ какъ двойной ихъ залогъ въ сохранную казну и по откупамъ могъ подать поводъ къ уголовному дѣлу, то необходимо было поспѣшить освобожденіемъ изъ сохранной казны земель, заложенныхъ Абазѣ.

Самымъ простымъ средствомъ къ этому представлялся выкупъ изъ сохранной казны всего имѣнія и отмежеваніе отъ него того количества земли, которое было заложено Абазѣ. Но долгъ въ сохранную казну по имѣнію жены моей превышалъ 85.000 р., а долгъ тестя былъ въ $2^1/_2$ раза болѣе; этихъ денегъ намъ достать было не откуда. Пономаревъ послѣ смер-

ти моего тестя въ іюлѣ 1844 г., когда я былъ назначенъ опекуномъ надъ оставшимся послѣ него имѣніемъ, предложилъ мнѣ просить Муравьева, бывшаго тогда главнымъ директоромъ межевого корпуса, о назначеніи въ наши имѣнія межевого инженера для внутренняго размежеванія нашихъ дачъ и поручить ему отмежевать особыя дачи въ количествѣ десятинъ, заложенныхъ Абазѣ, такъ чтобы при населенномъ имѣніи оставалось по 6 десятинъ на каждую ревизскую душу, и впослѣдствіи выкупать изъ сохранной казны не всѣ деревни вдругъ, а по нѣскольку деревень, для чего онъ брался доставать нужныя деньги съ тѣмъ, чтобы вновь ихъ закладывать уже съ 6-десятинною на душу пропорціею и такимъ образомъ очистить отъ залога въ сохранной казнѣ земли, заложенныя Абазѣ, а полученными деньгами при новомъ закладѣ имѣній въ сохранную казну уплачивать ту сумму, которую Пономаревъ занималъ для ихъ выкупа.

Эти выкупы изъ сохранной казны населенныхъ имѣній и снова закладка ихъ въ оной, а равно отмежеваніе особыхъ дачъ, которыя должны были поступить въ продажу по неисправности откуповъ Абазы, стоили мнѣ много денегъ и хлопотъ. Предположеніе Пономарева приведено къ окончанію только спустя нѣсколько лѣтъ.

Мнѣ извѣстно было, что 6 декабря 1843 г. должно было состояться большое производство по корпусу инженеровъ путей сообщенія. Я былъ уже 6 лѣтъ капитаномъ, но старѣе меня въ этомъ чинѣ было нѣсколько десятковъ инженеровъ, а такъ какъ я не успѣлъ представить къ 6 декабря о результатахъ пріисканія мною поставщиковъ щебня для Нижегородскаго шоссе, какъ ожидалъ того Клейнмихель, то и не могъ надѣяться быть произведеннымъ за отличіе. Но 6-го декабря согласно новымъ штатамъ, утвержденнымъ 2-го іюля, были произведены въ слѣдующіе чины 333 офицера корпуса инженеровъ путей сообщенія, что составляло половину служившихъ тогда въ этомъ корпусѣ, и въ томъ числѣ почти всѣ оберъ-офицеры, и я былъ произведенъ въ маіоры.

Вскорѣ списокъ произведенныхъ въ слѣдующіе чины увеличился еще служившими на Кавказѣ и въ Царствѣ Польскомъ инженерами, не попавшими въ производство 6-го декабря.

Шоссе, порученное мнѣ для исправленія, состояло въ районѣ I-го отдѣленія VI округа путей сообщенія. Начальника этого отдѣленія, инженеръ-подполковника Линдквиста, я нашелъ въ Нижнемъ, куда я пріѣхалъ въ концѣ ноября, когда вся часть шоссе, назначенная къ исправленію, была покрыта глубокимъ снѣгомъ.

Линдквистъ, пріѣхавшій въ Нижній тремя мѣсяцами ранѣе меня, находилъ, что причина разстройства шоссе—малая толщина щебенчатой коры и что для приведенія его въ порядокъ нужно заготовить булыжный щебень,—для сплошной разсыпки, половину по наступленіи весны, а другую половину въ лѣтнее время.

Цѣна на щебень еще не была окончательно опредѣлена. Купецъ Дмитрій Климовъ просилъ по 65 руб. за кубическую сажень, Линдквистъ на-

ходилъ возможнымъ дать 60 руб. По пріѣздѣ моемъ, я немедленно позвалъ къ себѣ Климова, которому объявилъ, что я нахожу нужнымъ поставку бо́льшаго количества щебня, чѣмъ требовалъ Линдквистъ, въ тѣ же сроки, которые назначалъ послѣдній, но что я не дамъ болѣе 50 р. за кубическую сажень.

Климовъ утверждалъ, что требуемаго мною количества камня нельзя достать и по самой высокой цѣнѣ, по неимѣнію вблизи отъ Нижняго булыжнаго камня, которымъ этотъ городъ снабжается съ р. Шексны въ малыхъ судахъ, называемыхъ тихвинками, а въ нихъ помѣщается всего четыре кубическихъ сажени камня. Въ большихъ же судахъ перевозка камня невозможна: при волненіи въ рѣкѣ большая барка не можетъ выдержать груза камней.

Понятно, что камень съ р. Шексны на Нижегородскую пристань не можетъ прійти ранѣе лѣта, а потомъ потребуется, по выпускѣ, перевезти его на шоссе среднимъ разстояніемъ за 25 верстъ и разбить въ щебень. Что же касается до камня, требующагося на срокъ къ началу весны, то придется перевозить его изъ столь дальнихъ мѣстъ, что на это недостанетъ перевозочныхъ средствъ.

Во время переговоровъ моихъ съ Климовымъ, пріѣхалъ въ Нижній Михаилъ Яковлевичъ Вейсбергъ, впослѣдствіи тайный совѣтникъ. Онъ привезъ мнѣ письмо отъ дяди моего князя Александра Волконскаго, который очень просилъ меня допустить Вейсберга къ поставкѣ щебня на Нижегородское шоссе. Вейсбергъ былъ лекаремъ при Московскомъ военномъ госпиталѣ. Жена дяди моего Александра долго лечилась у знаменитыхъ московскихъ докторовъ, которые ей не помогали. Не помню какъ, послѣ этихъ знаменитостей, попалъ къ ней врачемъ неопытный и никому неизвѣстный лекарь Вейсбергъ, который своимъ умомъ и еврейскимъ угожденіемъ успѣлъ понравится ей и ея мужу. Я его часто видалъ у нихъ.

Вейсбергъ, имѣя весьма незначительную врачебную практику, рѣшился, сверхъ того, заняться хожденіемъ по дѣламъ частныхъ лицъ въ судебныхъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ. Въ январѣ 1844 г. назначено было къ продажѣ въ Московскомъ опекунскомъ совѣтѣ заложенное въ немъ имѣніе дворянки Анны Николаевны Нѣмчиновой, вслѣдствіе накопившихся значительныхъ недоимокъ по уплатѣ въ совѣтъ процентовъ.

Это имѣніе покойный ея мужъ въ числѣ 3200 душъ, съ огромнымъ количествомъ земли, купилъ у камергера Собакина на ея имя, такъ какъ онъ, какъ купецъ, не имѣлъ права владѣть населеннымъ имѣніемъ. Нѣмчинова была, сверхъ того, должна значительныя суммы частнымъ лицамъ. Ясно было, что по продажѣ имѣнія Нѣмчиновой, за вычетомъ долга ея совѣту, вырученной суммы будетъ недостаточно для удовлетворенія ея кредиторовъ, и она съ своими дѣтьми останется безъ куска хлѣба. Вейсбергъ принялъ на себя устроить ея дѣло за весьма значительное вознагражденіе, чуть ли не за половину ея имѣнія. Впрочемъ, въ то время мнѣ было вовсе неизвѣстно, за какое вознагражденіе онъ принялъ на себя дѣло Нѣмчиновой.

Вейсбергъ соглашался выставить требуемое мною количество щебня до наступленія Нижегородской ярмарки по 51 р. за кубич. саж., а послѣ ярмарки по 49 р. Залогомъ онъ представлялъ круговое ручательство 3200 душъ крестьянъ, принадлежащихъ Нѣмчиновой, которое, по статьямъ X тома Св. Зак. о поручительствѣ по договорамъ съ казною, представляло залогъ въ 14.400 р. и, сверхъ того, подъ него можно было выдать по тѣмъ же статьямъ задаточныхъ 48.000 р.

Ничего не могло быть легче, при существованіи крѣпостного права, какъ добыть подобный приговоръ отъ крестьянъ. Мнѣ же было извѣстно, что имѣніе Нѣмчиновой назначено въ продажу въ опекунскомъ совѣтѣ и что оно обременено частными долгами.

Я выразилъ опасеніе Вейсбергу, что онъ, взявъ означенныя задаточныя деньги 48.000 р., можетъ ничего не ставить, и мнѣ тогда пришлось бы только заниматься безполезною перепискою съ полиціею о понужденіи крестьянъ къ поставкѣ камня. Вейсбергъ увѣрялъ меня, что онъ очень понимаетъ мое служебное положеніе что онъ никогда не доведетъ меня до непріятностей, что булыжный камень имѣется въ самомъ имѣніи Нѣмчиновой, но такъ какъ оно въ 120 верстахъ отъ Нижняго, и слѣдовательно среднее разстояніе доставки его на шоссе было бы 145 верстъ, то камень будетъ собираться въ мѣстностяхъ ближайшихъ къ Нижнему, и что на бо̀льшей части крестьянъ Нѣмчиновой числятся значительныя недоимки по платежу оброка, и потому онъ ихъ всѣхъ употребитъ на перевозку камня, а впослѣдствіи и на разбивку его въ щебень.

Конечно, несмотря на то, что по существовавшимъ законамъ онъ имѣлъ право на полученіе подряда, я могъ не заключить съ нимъ договора въ виду запутанности дѣлъ Нѣмчиновой, но видя энергію Вейсберга и надѣясь, что онъ будетъ также энергиченъ при исполненіи дѣла, я согласился допустить его къ подряду.

Поставка Вейсберга должна была простираться на нѣсколько сотъ тысячъ рублей, а тогда на заключеніе контракта на самую незначительную сумму, даже правленіями округовъ, испрашивалось разрѣшеніе у главнаго управленія, и потому я представилъ на утвержденіе Клейнмихеля проектъ контракта со всѣми требовавшимися приложеніями, какъ-то: съ сравнительною вѣдомостію цѣнъ настоящаго подряда съ цѣнами прежняго времени и справочными и т. п.

Клейнмихель возвратилъ мнѣ мое представленіе при предписаніи, въ которомъ сообщалъ, что эти документы онъ оставилъ безъ разсмотрѣнія, такъ какъ онъ мнѣ далъ полное разрѣшеніе по перестройкѣ шоссе 9 ноября 1843 г. за № 3671.

Тогда я закончилъ съ Вейсбергомъ контрактъ, съ которымъ онъ поспѣлъ въ Москву къ самому дню продажи имѣнія Нѣмчиновой въ Московскомъ опекунскомъ совѣтѣ, предсѣдатель котораго и члены, въ виду представленнаго Вейсбергомъ означеннаго контракта, нашли необходимымъ остановить продажу. Мною предварительно было сдѣлано представленіе

о высылкѣ денегъ въ Нижегородское уѣздное казначейство, которое, по моему требованію, должно было выдавать деньги подрядчику, и Вейсбергъ немедля получилъ задаточныхъ 48000 р. сер.

Назначенное къ исправленію шоссе раздѣлено было на двѣ дистанціи, изъ коихъ ближайшею завѣдывалъ инженеръ поручикъ Михаилъ Васильевичъ Авдѣевъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся извѣстнымъ писателемъ романовъ, а другою Геннадій Николаевичъ Виноградовъ.

Постоянное освидѣтельствованіе поставляемаго камня было поручено мною инженеръ-капитану Городецкому, а при себѣ я имѣлъ для исполненія разныхъ порученій строительнаго отряда подпоручика Глинскаго, который, хотя вслѣдствіе придирокъ бывшаго помощника директора Института инженеровъ путей сообщенія Лермонтова, не кончилъ курса въ этомъ институтѣ и потому былъ переведенъ въ строительный отрядъ, но былъ самымъ способнымъ и дѣятельнымъ изъ моихъ тогдашнихъ подчиненныхъ.

Съ самаго пріѣзда моего въ Нижній потребовалась довольно значительная переписка по порученному мнѣ дѣлу, и я принужденъ былъ нанять на свой счетъ двухъ писцовъ. Представленія къ Клейнмихелю должны были писаться хорошимъ крупнымъ почеркомъ; писцу съ такимъ почеркомъ приходилось платить дорого. Изъ нанятыхъ мною писцовъ одинъ, именно служившій писцомъ въ канцеляріи Нижегородскаго губернатора, Михаилъ Васильевичъ Виноградовъ, былъ употребленъ для переписки бумагъ къ Клейнмихелю.

Онъ оказался довольно понятливымъ и весьма усерднымъ, такъ что впослѣдствіи былъ у меня по найму же въ родѣ правителя канцеляріи. Онъ былъ сынъ священника, недуренъ собою. По производствѣ его въ коллежскіе регистраторы, онъ женился въ 1849 г. на бѣдной дворянкѣ изъ семейства очень гордящагося своимъ происхожденіемъ. Выйдя въ отставку, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ искать мѣсто черезъ дядю своей жены Дмитрія Николаевича Замятина (бывшаго Министра юстиціи) и черезъ меня.

Замятинъ хотя и былъ расположенъ къ Виноградову, но ничего не сдѣлалъ, а я былъ въ Венгріи. По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, онъ по моей просьбѣ былъ опредѣленъ въ департаментъ внѣшней торговли (нынѣ таможенныхъ сборовъ), гдѣ прослуживъ съ усердіемъ болѣе 20 лѣтъ, уѣхалъ въ 1871 г. изъ Петербурга, бывъ назначенъ членомъ какой-то таможни. Жена его, оставивъ ему двухъ дочерей, съ нимъ разошлась, вслѣдствіе несноснаго ея характера.

При описанномъ устройствѣ моей канцеляріи, всѣ бумаги, вѣдомости, счета и пр. я долженъ былъ писать начерно самъ. Опасаясь, что это отниметъ у меня время, нужное для наблюденія за работами, и при постоянномъ безденежьѣ, не находя правильнымъ употреблять свои деньги на служебную переписку, я просилъ Клейнмихеля дать мнѣ на это средства, самыя ничтожныя.

Онъ мнѣ не отвѣчалъ на это представленіе, и я долженъ былъ расходовать собственныя деньги на переписку массы текущихъ бумагъ,

смѣтъ, отчетовъ, не получая ничего, кромѣ содержанія по чину маіора, состоявшаго изъ жалованья въ 2000 р. асс., столовыхъ въ 1000 р. асс. и квартирныхъ 500 р. асс., а всего 3500 р. асс., что составляло 1000 р. сер.

Въ январѣ 1844 г. Вейсбергъ началъ поставку булыжнаго камня изъ мѣстности въ разстояніи 90 верстъ отъ Нижняго. При этомъ онъ не оказалъ ни энергіи, ни распорядительности, которыхъ я ожидалъ отъ него. Причинъ было нѣсколько: частію неспособность его къ подобному дѣлу и неопытность, частію занятія его по другимъ дѣламъ, по которымъ онъ надолго отлучался изъ Нижняго, и частію недостатокъ денежныхъ средствъ, необходимыхъ при началѣ дѣла: главною же причиною была несостоятельность его предположенія производить поставку камня и разбивку щебня крѣпостными крестьянами. Число лошадей съ проводниками было огромное, а камня они доставляли мало. Разбивка его производилась, несмотря на большое число людей, медленно, по ихъ неопытности и нежеланію работать въ пользу помѣщицы, не получая за работу ничего, кромѣ пищи.

Придерживаясь постоянно принципа, что до заключенія контракта съ подрядчикомъ слѣдуетъ опредѣлить по возможности наименьшія цѣны на заподряженныя работы и поставки и ввести въ контрактъ наиболѣе выгодныя для казны условія, а по заключеніи контракта помогать подрядчику своевременною выдачею ему денегъ за произведенныя работы и поставки и другими мѣрами, не нарушающими интересовъ казны, я постоянно пособлялъ Вейсбергу въ исполненіи принятой имъ на себя обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ выговаривалъ ему за нераспорядительность и медленную поставку камня. Онъ нанялъ много перевозчиковъ камня, но эта мѣра не привела къ полному успѣху, такъ что по сходѣ зимняго пути было доставлено щебня для разсыпки только не толстаго слоя, и потому нельзя было бы пустить по шоссе тяжелые обозы, а можно было бы открыть проѣздъ только въ легкихъ экипажахъ.

Вейсбергъ впослѣдствіи былъ подрядчикомъ на желѣзной дорогѣ между двумя столицами и, занимаясь другими коммерческими и авдокатскими дѣлами, нажилъ большое состояніе. Двадцать пять лѣтъ спустя, именно въ 1868 г., извѣстный подрядчикъ крестьянинъ Иванъ Андреевичъ Бусуринъ разсказывалъ мнѣ слѣдующее.

Онъ былъ долго приказчикомъ у Вейсберга по подрядамъ на желѣзной дорогѣ между столицами и, когда Вейсбергъ, разбогатѣвъ, не хотѣлъ болѣе заниматься этими подрядами, онъ передалъ ихъ Бусурину, который также пріобрѣлъ при ихъ исполненіи значительныя выгоды.

Вейсбергъ неоднократно говорилъ Бусурину, что онъ обязанъ мнѣ своимъ настоящимъ положеніемъ, что онъ былъ въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ при исполненіи подряда на Нижегородскомъ шоссе, изъ которыхъ вышелъ только благодаря моимъ постояннымъ пособіямъ и снисходительности, не причинявшимъ однако же казнѣ ни малѣйшаго ущерба. Конечно, и другіе инженеры помогаютъ подрядчикамъ, но они

дѣлаютъ это изъ собственной выгоды, получая отъ подрядчиковъ денежную благодарность, тогда какъ я не допускалъ и мысли, чтобы подрядчики могли меня чѣмъ-либо дарить. Это очень удивляло Вейсберга, и онъ до сего времени не перестаетъ этому удивляться.

По возвышеніи въ апрѣлѣ весенней воды въ рѣкахъ, я послалъ обоихъ дистанціонныхъ инженеровъ и подпоручика Глинскаго осмотрѣть положеніе шоссе. Возвратясь, они мнѣ передали, что полотно шоссе на значительномъ протяженіи и почти всѣ мосты, которыхъ было много на немъ устроено, затоплены весеннею водою, и на нѣкоторыхъ протяженіяхъ на такую вышину, что Глинскій, проѣзжая верхомъ по одному изъ мостовъ, едва не потонулъ.

Удостовѣрясь немедля личнымъ осмотромъ въ правильности ихъ донесенія, я нашелъ, что разсыпка заготовленнаго щебня по столь низко устроенному полотну шоссе была бы безполезна, что требуется, снявъ насыпанный щебеночный слой, поднять все полотно выше самыхъ высокихъ весенихъ водъ и по возвышенному уже полотну разсыпать щебень, а вмѣстѣ съ тѣмъ поднять устроенные на шоссе мосты, что нельзя было сдѣлать иначе, какъ устроивъ ихъ вновь: мосты были деревянные.

Нечего было и думать объ окончаніи исправленія шоссе къ предстоящей ярмаркѣ. Необходимыя для сего работы я полагалъ распредѣлить слѣдующимъ образомъ: лѣтомъ 1844 гг. возвысить полотно дороги выше уровня самыхъ высокихъ водъ; зимою 1844 и 1845 г. устроить мосты такъ, чтобы они также были выше означеннаго уровня, а весною 1845 г. разсыпать щебень по полотну шоссе такъ, чтобы оно было готово къ началу ярмарки 1845 г. Обо всемъ этомъ я донесъ Клейнмихелю.

Полотно бо́льшей части шоссе, устроенныхъ во время управленія графомъ Толемъ вѣдомствомъ путей сообщенія, для сбереженія издержекъ, было покрыто щебеночною насыпью шириною въ 16 футовъ, другая же сторона полотна состояла изъ обыкновеннаго грунта безъ щебня и называлась лѣтнимъ путемъ.

Въ вышеприведенномъ предписаніи Клейнмихеля. № 3671, сказано было, что мнѣ не указывается никакихъ условій при перестройкѣ шоссе. Находя, что означенная ширина щебеночной насыпи недостаточна, въ виду большого проѣзда на Нижегородскую ярмарку, что и толщина щебеночнаго слоя, допущенная при постройкѣ Нижегородскаго шоссе въ 6 дюймовъ, также недостаточна въ бо́льшей части грунтовъ, я предположилъ устроить шоссе посрединѣ полотна шириною въ 21 футъ, насыпавъ слой щебня въ 9 дюймовъ, съ замѣною барьерныхъ камней по обѣ стороны щебеночной насыпи треугольными призмами изъ щебня. Черезъ это увеличеніе ширины и толщины щебеночной насыпи значительно увеличилось количество щебня, потребное на устройство шоссе.

По контракту, заключенному съ Вейсбергомъ, онъ обязанъ былъ, между прочимъ, поставить въ 1844 г. чернорабочихъ и къ веснѣ 1845 г. каменные матеріалы въ томъ количествѣ, которое окажется весною 1844 г.

необходимымъ для исправленія шоссе, но онъ не былъ обязанъ поставлять плотниковъ и лѣсные матеріалы, надобность въ которыхъ я не могъ предвидѣть.

Вейсбергъ, по моему требованію, выставилъ въ началѣ мая большое количество чернорабочихъ, но съ началомъ землячыхъ работъ распоряженія были еще хуже, чѣмъ при поставкѣ камня.

Рабочіе не были снабжены достаточнымъ количествомъ нужныхъ инструментовъ и даже часто оставались цѣлые дни безъ пищи. Такъ какъ по всему протяженію исправляемаго шоссе было всего три весьма маленькихъ деревушки, то хлѣбъ и вообще все для рабочихъ должно было доставляться изъ Нижняго, но доставка эта производилась неправильно, что возбуждало между рабочими шумъ, называвшійся тогда «бунтомъ».

Я требовалъ отъ Вейсберга постояннаго наблюденія за своевременнымъ доставленіемъ пищи рабочимъ и за успѣшностію ихъ работы, но ничего не помогало по причинѣ частыхъ его отлучекъ и неумѣнья справиться съ этимъ дѣломъ. Онъ говорилъ, что готовъ былъ бы взять управляющаго подрядомъ, но, никого не имѣя въ виду, просилъ меня пріискать такое лицо.

Мой старый товарищъ по Институту инженеръ путей сообщенія, князь Петръ Максутовъ, женясь на дѣвицѣ Ланъ, подругѣ моей жены, вышелъ въ отставку и, не имѣя средствъ къ жизни, пустился въ какіе-то подряды, которые доставляли ему мало выгоды. Полагая, что онъ, какъ бывшій инженеръ, будетъ годенъ въ управляющіе подрядомъ, а также желая, чтобы другъ жены моей жилъ въ одномъ городѣ съ послѣднею, я указалъ на него Вейсбергу. Вслѣдствіе этого Максутовъ былъ приглашенъ въ управляющіе подрядомъ съ содержаніемъ по 300 р. сер. въ мѣсяцъ.

Онъ вскорѣ пріѣхалъ въ Нижній одинъ, желая ознакомиться со своими обязанностями прежде, чѣмъ перевозить изъ Москвы жену. Первое время онъ остановился у насъ въ домѣ, который мы занимали въ Кунавинѣ. Онъ вставалъ очень поздно, обращалъ очень мало вниманія на принятое имъ на себя дѣло и даже тяготился тѣмъ, что онъ, князь и инженеръ, состоитъ какимъ-то приказчикомъ у еврея.

Впослѣдствіи Максутовъ нанялъ особую квартиру въ Кунавинѣ, но, конечно, каждый день обѣдалъ у насъ и у насъ проводилъ вечера, дѣломъ же занимался такъ же мало, какъ и прежде. Рабочіе люди попрежнему не получали своевременно пищи; нанятые съ воли не получали своевременно уплаты; масса рабочихъ каждое утро окружали квартиру Максутова и, не дождавшись его пробужденія, приходили ко мнѣ съ жалобами.

Пока Максутовъ былъ у меня гостемъ въ домѣ, я находилъ неудобнымъ замѣчать ему, но съ переѣздомъ его на собственную квартиру, я ему часто дѣлалъ замѣчанія на то, что онъ поздно встаетъ и не усердно исполняетъ свои обязанности. Замѣчанія эти, впрочемъ, мало на него дѣйствовали. Малый успѣхъ въ работахъ, безпорядки всякаго рода и ропотъ рабочихъ, не получавшихъ одни пищи, а другіе

платы, продолжались, и я совѣтывалъ Максутову отказаться отъ принятой имъ на себя обязанности. Впрочемъ, и онъ часто говорилъ, что, несмотря на свою бѣдность, онъ не желаетъ долѣе оставаться приказчикомъ Вейсберга, что имъ принятая обязанность была слишкомъ тягостна. Съ этимъ я не могъ согласиться, приписывая его бездѣйствіе пустому чванству и лѣни.

При снятіи каменнаго слоя съ полотна дороги для его возвышенія, оказалось, что первоначальные строители шоссе, вмѣсто булыжнаго щебня, употребляли преимущественно известковый, который гораздо дешевле. Даже барьерные камни на значительномъ протяженіи были не булыжные, а известковые, и вмѣсто предположеннаго 6-дюймоваго слоя щебня, насыпали его гораздо менѣе.

Я предположилъ, полученный изъ старой каменной насыпи и изъ барьернаго камня известковый щебень употребить на 4 дюйма нижняго слоя устраиваемаго мною шоссе, разсчитывая, что не болѣе трети щебеночнаго слоя могло изъѣздиться въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, въ которые шоссе было открыто для ѣзды въ 1843 г., но по измѣреніи вынутаго изъ шоссе щебня, его оказалось вдвое менѣе мною предположеннаго, и я долженъ былъ требовать, въ дополненіе къ вынутому изъ шоссе известковому щебню, поставки еще новаго количества такого же щебня.

Я пригласилъ постороннихъ лицъ къ освидѣтельствованію количества и качества вынутаго изъ шоссе щебня и этому освидѣтельствованію былъ составленъ протоколъ, который я представилъ Клейнмихелю вмѣстѣ со смѣтами на предположенныя мною по шоссе работы.

Конечно, не дѣлаетъ чести строителямъ шоссе, что они не подняли его выше уровня высокихъ весеннихъ водъ, но тутъ могла быть ошибка. Поставка же щебня и барьерныхъ камней известковой породы вмѣсто булыжныхъ, и въ количествѣ гораздо меньшемъ, чѣмъ полагалось по смѣтѣ, есть гнусное казнокрадство, и потому я не могу пройти молчаніемъ первоначальныхъ строителей: управляющимъ работами всего Нижегородскаго шоссе былъ инженеръ-полковникъ Жилинскій, а директоромъ и производителемъ работъ по дистанціи въ районѣ Нижегородской губерніи инженеры—подполковникъ Запольскій и капитанъ Ержембскій.

Въ іюнѣ пріѣхалъ въ Нижній инженеръ-полковникъ Петръ Афанасьевичъ Фроловъ. Клейнмихель, недовольный тѣмъ, что я, только по истеченіи полугода по полученіи вышеприведеннаго предписанія его отъ 9 ноября 1843 г., донесъ ему о невозможности окончить исправленіе ввѣреннаго мнѣ участка шоссе къ наступающей ярмаркѣ, прислалъ Фролова, который тогда былъ у него въ большой милости, осмотрѣть положеніе означеннаго участка шоссе и узнать, что я дѣлаю.

Фроловъ былъ человѣкъ добрый и честный, но довольно апатичный. Онъ увѣренъ былъ, что я веду дѣла честно и энергично.

Онъ былъ изъ бѣдныхъ дворянъ Рославльскаго уѣзда Смоленской губ. Въ этомъ же уѣздѣ было имѣніе моей тещи, Михайловское, въ которомъ семейство Левашовыхъ долго жило и пользовалось уваженіемъ сосѣд-

нихъ помѣщиковъ, въ особенности бѣдныхъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, а можетъ быть и потому, что Клейнмихель былъ вообще очень ко мнѣ расположенъ, Фроловъ только поверхностно повѣрилъ мои дѣйствія по шоссе, проводя у насъ цѣлые дни, бесѣдуя кое-о чемъ и слушая музыку. Самъ онъ игралъ на фортепіано только одну пьесу «Cinq sous», повторяя ее по нѣскольку разъ въ день.

Впрочемъ, Фроловъ мнѣ далъ хорошіе совѣты, а именно:

1. Немедля уволить Максутова, который не приносилъ никакой пользы, а между тѣмъ компрометировалъ меня тѣмъ, что я какъ будто навязалъ его Вейсбергу, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могу относиться къ нему, какъ къ постороннему лицу; Максутовъ немедля оставилъ свою должность.

2. Управляющій имѣніемъ моей жены Пономаревъ, въ видѣ наказанія тѣхъ крестьянъ, которые по лѣни не платили оброка, поставилъ нѣсколькихъ человѣкъ на шоссейную работу, о чемъ не нашелъ нужнымъ мнѣ сообщить. Я узналъ объ этомъ при Фроловѣ, и онъ совѣтовалъ мнѣ запретить поставку на работы крестьянъ изъ имѣнія жены моей, такъ какъ эта поставка вела за собою расчеты между Пономаревымъ и Вейсбергомъ, что могло подать поводъ думать, что я въ нихъ участвую, а что счеты между ними ограничиваются нѣсколькими десятками рублей, этому никто не захочетъ вѣрить и непремѣнно ихъ преувеличатъ. Крестьяне, присланные Пономаревымъ, были мною немедля отосланы съ работъ.

Изъ Петербурга, вслѣдствіе осмотра Фроловымъ моихъ работъ, не было сдѣлано никакихъ распоряженій, и я попрежнему неограниченно распоряжался устройствомъ шоссе.

Вейсбергъ, на мѣсто Максутова, пригласилъ управлять подрядомъ статскаго совѣтника Тимофеева, бывшаго начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ путей сообщенія. Тимофеевъ былъ человѣкъ умный и хитрый. Несмотря на то, что я готовъ былъ на всѣ законныя средства, чтобы помочь подрядчику, онъ постоянно придумывалъ новыя ему льготы и приходилъ ко мнѣ съ просьбами объ оказаніи этихъ льготъ.

Видя, что я, по моему живому характеру и откровенности, легко высказываюсь, онъ, приходя ко мнѣ, сидѣлъ молча по нѣскольку часовъ въ ожиданіи, что это мнѣ надоѣстъ, что я выскажу мое мнѣніе о его просьбахъ, такимъ образомъ онъ поймаетъ меня на словахъ и я хотя частію удовлетворю его просьбѣ. Своимъ молчаніемъ онъ мнѣ сильно надоѣдалъ, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ посредствомъ его много выигрывалъ: я не умѣлъ ему подражать въ молчаніи.

Занятія мои по шоссейнымъ работамъ отнимали у меня все время. Оба дистанціонные офицера были также очень заняты пріемомъ матеріаловъ и наблюденіемъ за работами, что тогда, по неимѣнію казенныхъ десятниковъ и при веденіи сложной отчетности, было затруднительно.

Авдѣевъ вслѣдствіе этого подалъ мнѣ рапортъ, въ которомъ признавалъ себя неспособнымъ къ занимаемой имъ должности и просилъ отъ нея уволить. Рапортъ его былъ написанъ очень складно и вообще хорошо.

Съ трудомъ убѣдилъ я Авдѣева остаться въ его должности, сказавъ ему, что кто такъ хорошо пишетъ, тотъ сумѣетъ справиться и съ болѣе трудною должностью. Я тогда ошибся: Авдѣевъ недовольно серьезно занимался порученнымъ ему дѣломъ. Онъ былъ впослѣдствіи обманутъ поставщиками щебня, за что поплатился своимъ состояніемъ.

Въ то время, когда Авдѣевъ подавалъ мнѣ вышеупомянутый рапортъ, его, между прочимъ, безпокоила одна насыпь, которую онъ производилъ изъ песку, и которая постоянно опускалась.

Мѣстность, по которой пролегала ввѣренная мнѣ часть шоссе, состояла частію изъ сыпучаго песку, а частію изъ иловатоглинистой земли. Камень, выставленный на послѣдней для разбивки его въ щебень, утопалъ въ ней на значительную глубину.

Я объяснялъ это тѣмъ, что верхній твердый слой почвы былъ не великъ, а подъ нимъ былъ разжиженный грунтъ, который, не выдерживая производимыхъ, хотя и не высокихъ насыпей, сжимался.

Дабы не замедлить окончанія работъ, я рѣшился въ обоихъ этихъ мѣстахъ прекратить производство земляной насыпи, а построить въ наступающую зиму простые деревянные мосты, на первомъ длиною 40, а на второмъ длиною 50 саженъ; этотъ послѣдній мостъ предполагался на совершенно сухомъ и возвышенномъ мѣстѣ.

Забивавшіяся подъ этотъ мостъ сваи шли сначала очень медленно, но впослѣдствіи значительно опускались отъ одного удара бабы ручного копра и только на большой глубинѣ снова вбивались медленно, такъ что на сваи потребовалось употребить очень длинныя бревна. Это оправдывало мое предположеніе о томъ, что въ этомъ мѣстѣ только верхній слой земли былъ твердый, но что на нѣкоторой глубинѣ грунтъ былъ разжиженный.

Конечно, можно было въ этомъ убѣдиться предварительною зондировкою, но тогда при производствѣ весьма значительныхъ земляныхъ работъ не было въ наличности ни одного бура. По существующимъ преданіямъ на мѣстности, по которой проходило шоссе въ Нижегородской губерніи, въ XVI столѣтіи было много озеръ съ рыбными ловлями, принадлежавшими Нижегородскому Печерскому монастырю.

Озера эти, затягиваясь иломъ, постепенно исчезали. Окрестные жители утверждаютъ, что и въ настоящее время случаются на означенной мѣстности провалы земли вмѣстѣ съ растущими на ней мелкими деревьями.

Понятно, что земля въ этой мѣстности не могла приносить почти никакого дохода и потому стоила дешево, но нашлись два помѣщика, предъявившіе безобразныя требованія, и именно: весьма бѣдный помѣщикъ д. Орловки, гдѣ была первая почтовая станція отъ Нижняго, отставной коллежскій ассесоръ Кузнецовъ, и одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ въ Россіи дѣйствительный тайный совѣтникъ (впослѣдствіи 1-го класса) князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, которому принадлежала деревушка на шоссе, между Нижнимъ и ст. Орловкою.

Кузнецовъ, которому еще не было уплачено за отошедшую отъ него подъ шоссе землю, явился ко мнѣ съ просьбою объ уплатѣ за нее по весьма высокой цѣнѣ. Когда онъ вошелъ ко мнѣ, я пригласилъ его сѣсть, на что онъ мнѣ отвѣчалъ: «Я и постою-съ», и стоя продолжалъ излагать свои требованія. Я ему доказалъ ихъ несправедливость, и онъ окончательно остался доволенъ тою суммою, которую ему назначила оцѣночная комиссія и которая была дѣйствительно достаточна.

Князь Голицынъ, жалуясь Клейнмихелю, что я, при производствѣ работъ по шоссе, беру для этого съ его дачъ песокъ, при чемъ повреждаю и уничтожаю деревья, просилъ объ уплатѣ весьма значительной суммы за песокъ и за поврежденныя и уничтоженныя деревья.

Часть земли, принадлежавшей Голицыну, ближайшая къ Нижнему, состояла изъ иловатаго болотистаго грунта; часть же ближайшая къ ст. Орловкѣ изъ сыпучаго песку, образовавшаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бугры, на которыхъ росъ мелкій и дрянной лѣсъ. Изъ этихъ бугровъ я, для возвышенія полотна шоссе, бралъ песокъ, не трогая деревьевъ, но при возкѣ песку нѣсколько деревьевъ было повреждено.

Дворянство Нижегородской губерніи, при проведеніи шоссе по этой губерніи, постановило уступать безплатно потребные для шоссе камень и песокъ, находящіеся около линіи шоссе. Вслѣдствіе этого постановленія, требованіе Голицына было отклонено. Что же касается до деревьевъ, то такъ какъ они оставались всѣ на мѣстахъ и не стоили даже перевозки, то я просилъ, чтобы мѣстная полиція сдѣлала дознаніе о количествѣ поврежденныхъ деревьевъ и назначила бы имъ цѣну.

Хотя она и была опредѣлена выше дѣйствительной стоимости поврежденныхъ деревьевъ, но состояла изъ нѣсколькихъ рублей, отъ полученія которыхъ Голицынъ отказался.

Удивительно, что онъ ничего не просилъ за проведеніе значительнаго количества канавъ въ той части принадлежащей ему земли, которая состояла изъ болотистой почвы. Эти канавы были прорыты для осушенія шоссейнаго полотна, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ осушили и его землю, на которой образовались доходные луга, такъ что Голицынъ съ того времени началъ получать доходъ съ крестьянъ, поселенныхъ на этой землѣ, тогда какъ прежде почти ничего не получалъ съ нихъ.

Кунавино, въ которомъ мы жили, въ ярмарочное время наполняется гостиницами и пріютами терпимости, въ которыхъ по ночамъ шумъ и гамъ не перестаютъ ни на минуту. Вслѣдствіе этого, передъ наступленіемъ ярмарки мы переѣхали въ Нижній, на улицу, называемую Нижнимъ базаромъ, чтобы быть ближе къ шоссе, въ двухъэтажный каменный домъ Поросенкова, рядомъ съ церковью, которой названіе я забылъ. Этотъ домъ я нанялъ на годъ, такъ какъ порученное мнѣ исправленіе шоссе не могло быть окончено ранѣе года.

Въ іюлѣ получено было извѣстіе объ опасной болѣзни моего тестя, жившаго въ своемъ имѣніи. Его хотѣли перевезти въ Нижній, но онъ могъ

доѣхать только до с. Боры, расположеннаго на лѣвомъ берегу р. Волги противъ Нижняго, гдѣ онъ, спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ, скончался 18 іюля. Онъ похороненъ въ Нижнемъ, въ дѣвичьемъ монастырѣ. 31 іюля скончалась въ Москвѣ моя мать, похороненная въ Симоновомъ монастырѣ. Около того же времени я получилъ извѣстіе, что братъ мой Николай, бывшій въ экспедиціи противъ горцевъ на Кавказѣ, раненъ. Читатель пойметъ, въ какомъ былъ я тогда расположеніи духа.

Имѣнія моего тестя, состоявшія изъ 2500 крестьянъ въ Макарьевскомъ и 700 крестьянъ въ Арзамасскомъ и Ардатовскомъ (Нижегородской губерніи) уѣздахъ, были заложены въ Московскомъ опекунскомъ совѣтѣ по 80 р. сер. за душу, а такъ какъ онъ не платилъ процентовъ, то долгъ съ недоимками превышалъ на каждую ревизскую душу 100 р.

Сверхъ того, тесть мой оставилъ довольно значительные долги частнымъ лицамъ. Опекунскій совѣтъ полагалъ приступить къ продажѣ имѣній тестя, при которой, за вычетомъ долга совѣту, едва ли достало бы суммы на уплату частныхъ долговъ, а затѣмъ мои четверо шурьевъ и свояченица остались бы безъ куска хлѣба.

Я и старшіе мои шурья Василій и Валерій, а равно своякъ мой графъ Толстой, искали средствъ отклонить продажу имѣнія тестя и находили нужнымъ немедля пригласить къ нимъ опекуна. Мы обращались къ разнымъ лицамъ и, между прочими, къ губернскому предводителю дворянства Сергѣю Васильевичу Шереметеву, принимавшему, повидимому, участіе въ Левашовыхъ, и къ Сергачскому уѣздному предводителю дворянства Приклонскому, который былъ друженъ съ покойнымъ тестемъ, но никто не согласился взять на себя эту обузу.

По неотступной просьбѣ жены моей, двухъ ея старшихъ братьевъ и сестры и мужа послѣдней, я, потерявъ надежду пріискать опекуна, согласился принять на себя эту тяжелую обязанность. Всего важнѣе было освободить имѣніе отъ продажи въ опекунскомъ совѣтѣ. Я описалъ положеніе дѣла Клейнмихелю, прося его ходатайствовать о присоединеніи накопившейся по займамъ недоимки къ капитальному долгу, съ тѣмъ чтобы ее уплачивать постепенно каждый годъ наравнѣ съ капитальнымъ долгомъ, черезъ что ежегодный платежъ въ совѣтъ, по причинѣ недавняго срока займа, не многимъ увеличивался. Эта льгота могла быть допущена только съ Высочайшаго соизволенія.

Клейнмихель передалъ мою просьбу предсѣдателю Московскаго опекунскаго совѣта, князю Сергѣю Михайловичу Голицыну, при письмѣ, въ которомъ Клейнмихель сообщалъ, что онъ принимаетъ самое живое участіе во мнѣ. Съ Голицынымъ въ это время велось вышеописанное дѣло о пескѣ и поврежденныхъ деревьяхъ, и потому онъ не былъ ко мнѣ расположенъ, но исходатайствовалъ означенное Высочайшее соизволеніе, по нежеланію отказывать въ просьбѣ временщику и по расположенію къ означенному дѣлу заранѣе запрошенныхъ младшихъ чиновъ опекунскаго совѣта, въ особенности экспедитора Александра Александровича Ефре-

мова, человѣка очень толковаго и большого мастера придавать всякому дѣлу то направленіе, которое ему было желательно.

Въ то же время М. Н. Муравьевъ по моей просьбѣ приказалъ назначить въ 1845 г. межевого инженера для внутренняго размежеванія земель въ имѣніяхъ наслѣдниковъ Левашова и моей жены. Моею цѣлію было отмежевать къ населеннымъ имѣніямъ земли по 6 десятинъ на каждую ревизскую душу, такъ чтобы при перезалогѣ этихъ имѣній въ Московскомъ опекунскомъ совѣтѣ при нихъ имѣлась 6-десятинная на душу пропорція, а остальная земля оставалась бы въ залогѣ С. В. Абазы по виннымъ откупамъ.

По смерти тестя осталось писанное его рукою завѣщаніе, никѣмъ не засвидѣтельствованное, въ которомъ онъ распредѣлилъ между сыновьями свое имѣніе, за исключеніемъ 560 крестьянъ, коимъ онъ не далъ никакого назначенія. Свояченицѣ моей въ завѣщаніи ничего не назначалось (жена моя была уже отдѣлена), а потому я и шурья мои положили исполнить завѣщаніе буквально, а не упомянутыя въ немъ 560 душъ крестьянъ назначить ихъ сестрѣ Толстой, которая такимъ образомъ получила 500 крестьянами менѣе, чѣмъ жена моя, а потому по моему настоянію шурья дали подписку, что при первой возможности они выдадутъ своей сестрѣ Толстой 20.000 р., оцѣнивая каждую ревизскую душу по 120 р. сер. (цѣна для тѣхъ имѣній высокая), а за исключеніемъ 80 р. долгу опекунскому совѣту по 40 р. за душу, и что до уплаты 20.000 р. будутъ ей платить съ нихъ проценты.

Я сдѣлалъ это въ виду того, что Н. В. Левашовъ всегда говорилъ, что онъ раздѣлитъ сыновей и дочерей поровну, и что Толстая уже имѣла дочь, шурья же мои были тогда всѣ холостые. Упомянутая подписка была дана старшими моими шурьями не безъ затрудненій и только въ угожденіе мнѣ.

Далѣе будетъ видно, какъ Толстой отплатилъ мнѣ. Его жена въ сущности получала болѣе моей, потому что на нее не легло никакого долга, кромѣ капитальнаго долга опекунскому совѣту; тогда какъ на долю жены моей, сверхъ такового же долга, досталась уплата недоимки по совѣту, простиравшейся до 7000 р., и уплата частнаго долга въ 3000 р.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ я получилъ приказаніе Клейнмихеля встрѣтить его въ Москвѣ. Я не нашелъ тамъ сестры моей, которая послѣ смерти матери поѣхала со своими дочерьми на богомолье въ Кіевъ. Въ день пріѣзда въ Москву я обѣдалъ въ англійскомъ клубѣ, гдѣ встрѣтилъ дядю моего Александра Волконскаго. Онъ мнѣ разсказалъ, что братъ его князь Дмитрій дѣлалъ ни съ чѣмъ несообразныя распоряженія въ принадлежащей ему половинѣ с. Студенца и казался готовымъ совсѣмъ сойти съ ума; только извѣстіе о смерти моей матери, которую онъ любилъ и уважалъ, такъ поразило его, что онъ пришелъ въ себя.

Между тѣмъ упомянутыя безобразныя распоряженія дяди Дмитрія не остались безъ послѣдствій. Его крестьяне были недовольны ими и его развратничествомъ съ крестьянками. Два крестьянина подстерегли его,

когда онъ ѣхалъ осматривать полевыя работы на бѣговыхъ дрожкахъ, и сильно избили, переломивъ здоровую ногу. Эти побои заставили его нѣсколько мѣсяцевъ пролежать въ постели съ перевязанною ногою, онъ не имѣлъ возможности даже повернуться, такъ какъ изломанная нога лежала на ремнѣ, привѣшанномъ къ потолку комнаты.

По пріѣздѣ Клейнмихеля въ Москву, онъ мнѣ ни слова не сказалъ о моей неудачѣ исполнить его желаніе по перестройкѣ шоссе къ открытію Нижегородской ярмарки въ 1844 г., а также и о цѣли, съ которою онъ меня вызвалъ въ Москву, гдѣ продержалъ очень долго, разъѣзжая изъ Москвы въ разныя стороны для осмотровъ шоссе и приказывая мнѣ при каждой изъ этихъ поѣздокъ ожидать его возвращенія въ Москву. Онъ меня отпустилъ въ Нижній только въ день своего отъѣзда въ Петербургъ.

Клейнмихель пригласилъ меня каждый день у него обѣдать и проводить вечера. Онъ дозволилъ мнѣ не приходить къ обѣду только по средамъ и субботамъ, такъ какъ въ эти дни были обѣды въ англійскомъ клубѣ, который онъ называлъ московскимъ государственнымъ совѣтомъ и въ эти дни вечеромъ спрашивалъ у меня: «о чемъ сегодня разсуждали въ вашемъ государственномъ совѣтѣ?»

Клейнмихель остановился въ Москвѣ на Тверской въ домѣ свиты Его Величества генералъ-маіора князя Бѣлосельскаго, который состоялъ тогда начальникомъ полицейскаго управленія по работамъ желѣзной дороги между столицами.

Въ 1843 г. начальникомъ IV (Московскаго) округа путей сообщенія назначенъ былъ генералъ-маіоръ Бугайскій, бывшій тогда въ большой милости у Клейнмихеля, но эта милость продолжалась недолго; въ 1844 г. Бугайскій вышелъ въ отставку.

Трофимовичъ былъ произведенъ въ 1843 г. въ генералъ-маіоры и назначенъ начальникомъ V (Ярославскаго) округа путей сообщенія, а по выходѣ Бугайскаго въ отставку, начальникомъ IV округа. Трофимовичъ продолжалъ необычайнымъ образомъ льстить Клейнмихелю, который, несмотря на свой умъ, казался этимъ доволенъ.

Впослѣдствіи Трофимовичъ надоѣлъ Клейнмихелю, который сдѣлалъ изъ него шута, а когда и это надоѣло, заставилъ его выйти въ отставку. Трофимовичъ былъ богатъ, но чрезвычайно скупъ, подчиненные не любили его за непріятное съ ними обращеніе. Онъ, не понимая дѣла, за всякую бездѣлицу, а иногда и безъ всякаго повода, чрезвычайно долго и неучтиво дѣлалъ выговоры подчиненнымъ ему инженерамъ.

Анекдотовъ про Трофимовича можно было бы разсказать бездну.

Въ бытность его начальникомъ округа въ Ярославлѣ, онъ, оставивъ свое семейство въ Петербургѣ, никогда не обѣдалъ дома и не держалъ лошадей. Въ тѣ дни, когда никто изъ городскихъ жителей не приглашалъ его къ обѣду, онъ объявлялъ одному изъ подчиненныхъ, что будетъ обѣдать у него. Послѣ обѣда онъ садился играть въ карты и требовалъ, чтобы никто изъ подчиненныхъ не смѣлъ уѣзжать прежде его. Разъѣзжалъ

онъ на лошадяхъ своего адъютанта, которыхъ совсѣмъ замучилъ. Когда онъ долго засиживался за картами, подчиненные рѣшались разъѣзжаться ранѣе его.

Оказалось, что онъ засиживался за картами въ тѣ дни, когда лошади его адъютанта были больны, и онъ въ эти дни въ зимнее время приказывалъ нѣсколькимъ солдатамъ путей сообщенія отвозить его изъ гостей домой въ длинныхъ салазкахъ, въ которыя онъ ложился, закрывъ лицо воротникомъ шубы.

Такимъ образомъ онъ обходился безъ найма извозчиковъ и этимъ сберегалъ нѣсколько копѣекъ. Въ эти дни онъ выжидалъ ухода всѣхъ своихъ подчиненныхъ, не желая, чтобы они видѣли этотъ способъ перевозки его особы.

Въ бытность начальникомъ округа въ Москвѣ, Трофимовичъ при осмотрахъ шоссе останавливался для обѣдовъ, ужиновъ и ночлеговъ у своихъ подчиненныхъ и требовалъ, чтобы ему подавали хорошія кушанья и доставляли комфортъ Однажды ему показалось, что поданное у одного дистанціоннаго начальника вино не довольно хорошо, и онъ напалъ своимъ визгливымъ голосомъ на жену подчиненнаго.

По его мнѣнію, это было ея обязанностью позаботиться о приготовленіи хорошаго вина, при чемъ онъ наговорилъ ей кучу непріятностей. Одинъ изъ инженеровъ просилъ его быть крестнымъ отцомъ новорожденнаго ребенка этого инженера. Жена послѣдняго въ ночь передъ крестинами заболѣла. Мужъ, отыскивая ночью лекаря, расшибъ руку и принялъ Трофимовича въ сюртукѣ съ разрѣзаннымъ рукавомъ на ушибленной рукѣ. Трофимовичъ разсердился, раскричался такъ, что перепугалъ родильницу и уѣхалъ, не окрестивъ ребенка.

Клейнмихель, на другой день своего пріѣзда въ Москву, пригласилъ человѣкъ десять инженеровъ, въ томъ числѣ и Трофимовича, къ обѣду въ 4 часа по полудни, а мнѣ приказалъ пріѣхать нѣсколько ранѣе. Когда онъ минутъ за пять до 4 часовъ услыхалъ, что въ пріемной комнатѣ собрались приглашенные, онъ съ недовольнымъ видомъ спросилъ меня, зачѣмъ они такъ рано пріѣхали. Я отвѣчалъ, что недостаетъ нѣсколькихъ минутъ до 4 часовъ.

Клейнмихель постоянно возилъ съ собою по нѣскольку превосходныхъ часовъ, которые шли очень вѣрно. Посмотрѣвъ на одни изъ нихъ, онъ мнѣ сказалъ, что еще нѣтъ половины четвертаго. На это я ему отвѣчалъ, что въ Москвѣ часы идутъ около получаса впередъ противъ часовъ въ Петербургѣ. Клейнмихель по этому случаю разругалъ московскихъ часовщиковъ и приказалъ подавать обѣдать.

За обѣдомъ сидѣлъ, между прочимъ, ѣздившій съ нимъ во всѣ путешествія докторъ Фейхтнеръ (впослѣдствіи членъ медицинскаго совѣта). Клейнмихель обратился къ нему съ разсказомъ о томъ, что московскіе часы идутъ получасомъ впередъ противъ петербургскихъ, и снова обругалъ московскихъ часовщиковъ.

Фейхтнеръ, который долженъ былъ бы знать лучше меня, что безполезно объяснять Клейнмихелю причину разницы времени въ двухъ столицахъ, началъ однако же объяснять ее, при чемъ употребилъ слово меридіанъ. Клейнмихель спросилъ, что это за штука, и, получивъ объясненіе, сказалъ, что это все пустяки, что никакихъ такихъ круговъ, проведенныхъ на землѣ, нѣтъ, а что это все выдумки инженеровъ, отъ которыхъ и Фейхтнеръ успѣлъ заразиться.

По вечерамъ чаще всего бывали у Клейнмихеля: двоюродный братъ его первой жены, дѣйствительный статскій совѣтникъ Зубовъ, человѣкъ небольшого ума, и Александръ Александровичъ Вонлярлярскій. Клейнмихель очень благоволилъ къ послѣднему и совѣтовалъ мнѣ сблизиться съ нимъ, какъ съ человѣкомъ весьма умнымъ.

Съ Вонлярлярскимъ былъ заключенъ контрактъ на постройку шоссе отъ Мало-Ярославца до Бобруйска на протяженіи 500 вер. за 5.100.000 р. и въ августѣ уже начаты работы.

Постройка эта была дана Вонлярлярскому въ угожденіе В. А. Нелидовой безъ торговъ и безъ смѣтъ. Для опредѣленія же цѣны постройки былъ вызванъ въ Петербургъ инженеръ подполковникъ Н. М. Никитинъ, находившійся постоянно при изысканіяхъ для составленія проэкта по устройству шоссе между означенными пунктами.

Отъ Никитина потребовали немедленнаго опредѣленія стоимости означеннаго шоссе. Онъ, по совершенному незнанію дѣла, представилъ безобразное исчисленіе стоимости шоссе, которое было принято основаніемъ при заключеніи контракта съ Вонлярлярскимъ. Для доказательства безобразія этого исчисленія ограничусь слѣдующимъ.

На 500-верстномъ протяженіи шоссе, идущаго большею частію по низменной мѣстности, предположено было всего 18 мостовъ, длиною не болѣе 10 саж. (всѣ мосты назначались деревянные), тогда какъ приходится на подобной мѣстности круглымъ числомъ по одному на версту. Цѣна за каждую погонную сажень моста въ расцѣночной вѣдомости, приложенной къ контракту, опредѣлена въ 396 руб.

Эта цѣна слишкомъ въ 6 разъ болѣе дѣйствительной. Цѣна погонной сажени мостовъ длиннѣе 10 саж. черезъ рѣки и вездѣ, гдѣ таковые потребуются болѣе сложной конструкціи, назначена по контракту въ два раза болѣе, чѣмъ за погонную сажень мостовъ простой конструкціи; все прочее въ томъ же родѣ.

Клейнмихель хвастался заключеніемъ этого контракта и впередъ былъ увѣренъ, что работы будутъ произведены Вонлярлярскимъ успѣшно и превосходно.

Впослѣдствіи я узналъ, что Клейнмихель вызвалъ меня въ Москву и желалъ моего сближенія съ Вонлярлярскимъ съ цѣлью назначить меня управляющимъ работами по постройкѣ шоссе отъ Мало-Ярославца до Бобруйска.

Мы часто говорили съ Вонлярлярскимъ о принятомъ имъ на себя под-

рядѣ и онъ изъ моихъ разговоровъ могъ заключить, что я буду всѣми законными мѣрами сберегать казенный интересъ, а это вовсе не было въ его видахъ, и потому онъ упросилъ Клейнмихеля назначить управляющимъ работами шоссе начальника IV отдѣленія XI округа путей сообщенія, подполковника Никитина, составлявшаго предварительный расчетъ для опредѣленія контрактной стоимости шоссе и уже завѣдывавшаго только что начатыми работами. Я былъ отпущенъ Клейнмихелемъ въ Нижній безъ всякаго объясненія, зачѣмъ онъ вызывалъ меня въ Москву и такъ долго въ ней продержалъ.

И такъ я счастливо отдѣлался отъ порученія, которое могло бы вовлечь меня въ величайшія непріятности. Никитинъ понялъ свою роль оффиціальнаго наблюдателя за дѣломъ, которое вполнѣ было отдано Вонлярлярскому. Онъ и подчиненные ему инженеры воспользовались выгодами своего положенія, предоставляя Вонлярлярскому работать по его усмотрѣнію и еще увеличивать сумму и безъ того значительной контрактной стоимости подряда. Они за это получали съ него большія деньги. Для нихъ всякаго рода швыряніе деньгами сдѣлалось тогда нипочемъ. Разсказывали, что они, моясь въ банѣ, поддавали вмѣсто воды шампанскимъ. Все это не могло, хотя частію, не быть извѣстно Клейнмихелю, но онъ молчалъ.

Въ это же время Вонлярлярскій, человѣкъ съ небольшимъ состояніемъ, началъ жить до того роскошно и бросать деньги, что очень скоро заслужилъ названіе Монте-Христо. Между прочимъ онъ строилъ большой домъ въ Петербургѣ у Николаевскаго моста. Эта роскошная жизнь Вонлярлярскаго должна же была дать понять Клейнмихелю, что онъ отдалъ устройство шоссе отъ Мало-Ярославца до Бобруйска за слишкомъ высокую цѣну, но онъ, изъ угожденія В. А. Нелидовой, допустилъ выдать Вонлярлярскому сверхъ контрактной суммы еще около 4 милліоновъ руб. и, только поссорившись съ нимъ, прекратилъ въ концѣ 1851 года дальнѣйшую выдачу милліоновъ.

Въ приказѣ отъ 2 ноября 1846 г. онъ описалъ подробно мѣстность, по которой проходитъ означенное шоссе, и работы, произведенныя на немъ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Изъ описанія должно было заключить, что работы будутъ окончены никакъ не позже 1848 г., тогда какъ онѣ продолжались еще въ 1852 г. Къ этому онъ присовокупилъ:

«Осмотрѣвъ работы, я нашелъ ихъ въ отличномъ состояніи; работы значительны и всѣ могутъ служить примѣромъ; я не имѣлъ случая сдѣлать ни одного замѣчанія не въ пользу этого сооруженія. И такъ я вполнѣ доволенъ и успѣхомъ и самою работою.

«Исправляющему должность начальника XI округа инженеръ-полковнику Четверикову искренно благодаренъ за всѣ его распоряженія и наблюденія по устройству этого шоссе. Также въ особенности признателенъ управляющему работами начальнику IV отдѣленія сего округа инженеръ-подполковнику Никитину I и всѣмъ гг. офицерамъ, при работахъ

находящимся. Остается докончить работы, какъ онѣ начаты; я убѣжденъ въ непремѣнномъ сего исполненіи. 1-го октября 1848 г. шоссе это должно быть къ проѣзду открыто и тогда весь путь отъ Москвы до Брестъ-Литовска, на протяженіи 990 верстъ, будетъ шоссированный.

«Шоссе отъ Брестъ-Литовска до Бобруйска уже открыто, приказъ мой № 202.

«Отдавая полную справедливость инженерамъ, я обязываюсь сказать здѣсь и объ отставномъ поручикѣ Вонлярлярскомъ, принявшемъ на себя устройство этого шоссе. Успѣхъ работъ, тщательное ихъ производство и отдѣлка принадлежатъ и ему и суть послѣдствія всѣхъ его распоряженій, всегда благоразумныхъ, всегда добросовѣстныхъ, всегда въ видахъ пользы казны предпринимаемыхъ.»

Въ декабрѣ должны были происходить дворянскіе выборы въ Нижегородской губерніи, на которыхъ я хотѣлъ участвовать, какъ уполномоченный жены моей по ея Макарьевскому имѣнію. Чтобы не переписываться съ Эстляндскимъ дворянскимъ собраніемъ, я записался по моему чину въ 3-ю часть дворянской родословной книги Нижегородской губерніи.

Дворянскіе выборы нигдѣ не имѣли значенія, а всего менѣе въ Нижегородской губерніи, гдѣ на нихъ собиралось не болѣе 80 дворянъ съ правомъ на сто голосовъ, тогда какъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ другихъ губерній было болѣе 80 дворянъ въ одномъ уѣздѣ. Это малое число дворянъ на выборахъ происходило отъ того, что въ Нижегородской губерніи было много значительныхъ имѣній, владѣльцы которыхъ, состоя на государственной службѣ, не пріѣзжали на выборы. На нихъ не пріѣзжали и многіе помѣщики съ среднимъ состояніемъ, жившіе въ своихъ имѣніяхъ, потому что они, при сумасбродномъ управленіи губерніею Бутурлинымъ, по опыту узнали, что эти выборы ни къ чему не ведутъ. Выбранныя ими лица удалялись и отдавались подъ судъ по произволу губернатора и имъ замѣнялись тѣми, кто ему и его подчиненнымъ были угодны.

Такимъ образомъ на Нижегородскіе дворянскіе выборы большею частію пріѣзжали только тѣ дворяне, которые служили уже по выборамъ или желали поступить въ разныя должности, выборъ въ которыя былъ предоставленъ дворянству.

Губернскій предводитель дворянства, Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ, уже имѣлъ нѣсколько столкновеній съ военнымъ губернаторомъ княземъ Урусовымъ и рѣшительно отказался отъ выбора въ ту же должность на слѣдующее трехлѣтіе. На его мѣсто былъ выбранъ единогласно бѣлыми шарами братъ его Николай Васильевичъ Шереметевъ, благороднѣйшій и добрѣйшій человѣкъ.

Дворяне не любили Сергѣя Васильевича Шереметева, который обращался съ ними, какъ начальникъ, рѣдко бывалъ въ Нижнемъ, гдѣ не только не давалъ баловъ, но весьма немногихъ приглашалъ къ обѣду, но все же сожалѣли о его выходѣ изъ губернскихъ предводителей. Къ подобному и еще худшему обращенію они привыкли при прежнемъ гу-

бернскомъ предводителѣ дворянства, князѣ Егорѣ Александровичѣ Грузинскомъ, который въ своемъ имѣніи жилъ дѣйствительно какъ ханъ среднеазіатскихъ государствъ и наводилъ страхъ на всѣхъ сосѣдей.

Дворяне видѣли въ С. В. Шереметевѣ защитника противъ губернатора и полицейскихъ властей и опасались, что братъ его, по добротѣ своей, не будетъ въ состояніи ихъ защищать противъ притязаній означенныхъ властей.

Зная С. В. Шереметева за человѣка самостоятельнаго, я былъ очень удивленъ тѣмъ, что онъ подходилъ къ нѣкоторымъ дворянамъ и, между прочимъ, ко мнѣ, говоря кого не слѣдуетъ выбирать, потому что губернаторъ этого не желаетъ. На выраженное мною удивленіе, что Шереметевъ хлопочетъ о выборѣ людей, угодныхъ губернатору, онъ отвѣчалъ:

— Вѣдь выбираемымъ придется служить не у васъ, а у губернатора, отъ котораго будетъ зависѣть ихъ участь.

Скажу теперь кстати о столкновеніи, которое я имѣлъ съ Шереметевымъ въ началѣ зимы 1845 г. Я уже говорилъ выше, что для нижняго слоя перестраиваемаго мною шоссе необходимо было поставить известковый щебень. Повѣренный подрядчика роздалъ эту поставку мѣстнымъ жителямъ лѣваго берега р. Оки, гдѣ находились ломки известковаго камня и, между прочимъ, повѣренному Шереметева, крестьянину Кукину, который, пользуясь важнымъ значеніемъ своего барина, выставлялъ камень дурного качества и не полной мѣры.

Повѣренный подрядчика забраковалъ его, на что Шереметевъ письменно жаловался мнѣ и вездѣ ругалъ подрядчика. Изслѣдовавъ это дѣло, я писалъ Шереметеву, что подрядчикъ правъ; этимъ кончились наши пререканія, безъ дальнѣйшихъ между нами неудовольствій. Дурной камень былъ замѣненъ лучшимъ, а не полномѣрныя сажени хорошаго камня пополнены.

Въ зиму 1844—1845 г. полагалось устроить всѣ мосты на исправляемомъ мною участкѣ шоссе. Находя выгоднымъ для казны допустить конкуренцію между желающими принять на себя эту работу, я испросилъ разрѣшеніе Клейнмихеля произвести торги, на устройство мостовъ и установку шоссейныхъ надолбовъ, въ Нижегородской казенной палатѣ.

Это было поводомъ моего знакомства съ предсѣдателемъ палаты Борисомъ Ефимовичемъ Прутченко, который съ перваго же знакомства показался мнѣ умнымъ человѣкомъ и по образованію стоящимъ выше бо́льшаго числа нижегородскихъ чиновниковъ.

У него была дочь Александра, дѣвица лѣтъ 17, и къ нему пріѣхала гостить старшая его дочь Елисавета, вышедшая незадолго передъ тѣмъ замужъ за флигель-адъютанта полковника Сергѣя Францевича фонъ-Брина (впослѣдствіи генералъ-лейтенанта въ отставкѣ).

Ко мнѣ пріѣхали на зиму: изъ Москвы — сестра моя съ двумя малолѣтними дочерьми и съ Кавказа—братъ мой.

Братъ вскорѣ началъ часто бывать у него; я также любилъ бесѣдовать

съ умнымъ старикомъ. Я и братъ часто передъ обѣдомъ хаживали къ Прутченко съ Нижняго базара въ занимаемый имъ казенный домъ на Покровкѣ, по бульвару, расположенному по горѣ вокругъ кремлевскихъ стѣнъ, откуда и въ зимнее время видъ очень живописенъ.

Брату нравилась младшая дочь Прутченко, и онъ готовъ былъ ей сдѣлать предложеніе, но онъ мнѣ объ этомъ ничего не говорилъ. Имѣя нѣкоторыя свѣдѣнія о невыносимо дурномъ характерѣ Александры Прутченко, я, провожая брата въ мартѣ, при отъѣздѣ его на Кавказъ, сдѣлалъ ему замѣчаніе, что жена съ такимъ характеромъ хуже всего на свѣтѣ и лучше остаться независимымъ холостякомъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что разсказы про Александру Прутченко обыкновенныя сплетни губернскихъ городовъ. Въ одно время съ братомъ уѣхала отъ насъ и сестра съ ея дочерьми.

Сестра передала мнѣ сундукъ нашей матери съ ея бумагами. Мы съ братомъ нашли въ немъ нѣсколько заемныхъ писемъ, сохранныхъ и другихъ расписокъ и билетовъ польской лотереи, на сумму, превосходившую ту, за которую наша мать продала свое имѣніе моему дядѣ, князю Дмитрію Волконскому.

Мать наша своею бережливостью и расчетливостью сумѣла сохранить свой весьма ничтожный капиталъ, хотя должна была тратиться на своихъ дѣтей и во время ихъ воспитанія, и по выходѣ моемъ и братьевъ моихъ изъ учебныхъ заведеній, по причинѣ ничтожности получаемаго нами тогда содержанія. Изъ подробно веденныхъ ею записокъ мы увидали, съ какимъ трудомъ она сохранила свое достояніе. Несмотря, однако же, на то, что сама была бѣдна, она постоянно имѣла особо отложенную сумму для бѣдныхъ, и когда ей нужно было почему-либо взять изъ нея сколько-нибудь денегъ, то она ихъ возвращала обратно въ эту сумму съ прибавленіемъ 10%.

Въ сундукѣ матери мы нашли нѣсколько старыхъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ и никѣмъ не свидѣтельствованное завѣщаніе, которымъ она, предоставляя свой капиталъ поровну мнѣ и брату, обязывала раздать разныя суммы всѣмъ бѣднымъ нашимъ роднымъ, не забывъ никого даже изъ своихъ двоюродныхъ племянниковъ и племянницъ, и довольно значительныя суммы бѣднымъ и въ Симоновъ монастырь.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, на случай выигрыша лотерейныхъ билетовъ, она распредѣлила раздачу его разнымъ бѣднымъ роднымъ и знакомымъ. Я и братъ раздѣлили поровну и исполнили всѣ возложенныя на насъ обязательства.

Лотерейные билеты ничего не выиграли; по нѣсколькимъ распискамъ мы не получили денегъ и, между прочимъ, довольно большую сумму съ Софьи Ивановны Жуковой, въ имѣніи которой, с. Рожественномъ, я былъ въ 1826 г.

Время, въ которое у насъ гостили сестра и братъ въ зиму 1844—1845 г., было для меня весьма пріятно. Жена моя еще болѣе подружилась съ сестрою и полюбила ея дочерей и моего брата. Старшая изъ дочерей сестры,

Валентина, 8 лѣтъ, бывшая подъ особымъ наблюденіемъ моей покойной матери, была самаго кроткаго нрава и очень со всѣми привѣтлива; младшая же, Эмилія, 5 лѣтъ, хотя была очень добрая дѣвочка, но порѣзвѣе и выказывала нѣкоторую самостоятельность, которую въ ребенкѣ принимали за упрямство.

Относительно брата моего, меня страшила его безпечность и лѣнь, которыя были у него врожденныя, но сильно развились вслѣдствіе рода его службы. Въ то время большая часть офицеровъ генеральнаго штаба, причисленныхъ къ корпуснымъ штабамъ, и даже дивизіонные квартирмейстеры, ничего не дѣлали; послѣдніе рѣдко находились при своихъ дивизіяхъ. Они замѣтны были въ городахъ, въ которыхъ были расположены корпусные штабы, своимъ относительнымъ высшимъ образованіемъ, блестящимъ мундиромъ, а нѣкоторые и своею ловкостью въ обществѣ. Но этимъ ограничивались ихъ преимущества; немногіе изъ нихъ продолжали свое образованіе серьезнымъ чтеніемъ.

Впослѣдствіи братъ мой много читалъ, но въ описываемую мною эпоху онъ довольствовался тѣмъ, что блисталъ въ обществѣ. Онъ до того облѣнился, что ему скучно было взяться за перо для подписи своей фамиліи.

Въ Нижнемъ онъ получалъ съ Кавказа жалованье и другія деньги, выдававшіяся офицерамъ генеральнаго штаба во время экспедицій противъ горцевъ, которыхъ онъ почему-то не успѣлъ получить на Кавказѣ. При присылкѣ ему денегъ, доставлялись изъ штаба совершенно готовыя расписки въ полученіи денегъ и рапорты, при которыхъ онѣ должны быть представлены. Оставалось на распискахъ и рапортахъ брату написать свою фамилію, но онъ и этимъ тяготился, такъ что означенныя бумаги лежали по нѣскольку недѣль неподписанными на моемъ письменномъ столѣ, на которомъ я работалъ по нѣскольку часовъ ежедневно.

Нижній былъ тогда городомъ, въ которомъ взятки брались почти всѣми, безъ всякихъ церемоній. Если купцы и другіе обыватели не находили нужнымъ къ кому-либо изъ властей приносить по большимъ праздникамъ въ подарокъ деньги, то приносили фрукты, чай, кофе, рыбу, вино и т. п.

По занимаемой мною должности, я не былъ властью въ Нижнемъ, но тѣмъ не менѣе нашли нужнымъ и мнѣ принести въ праздникъ Рождества Христова разные съѣстные припасы и, между прочимъ, большого осетра. Я отказался ихъ принять, и когда принесшіе не хотѣли ихъ брать обратно, то объявилъ, что выброшу все принесенное въ окошко. Тогда только принесенное взяли обратно, и мнѣ извѣстно, что большого осетра понесли отъ меня къ Прутченко, у котораго я на другой день за обѣдомъ ѣлъ этого осетра и впослѣдствіи смѣялся надъ тѣмъ, что, не принявъ даровой рыбы, я избавился отъ расхода дѣлать обѣды и, слѣдовательно, былъ черезъ это въ выгодѣ. Мое поведеніе какъ въ этомъ случаѣ, такъ и впослѣдствіи произвело сильное впечатлѣніе между обывателями въ Нижнемъ.

Жена моя давно собирала серебряные пятачки въ большой тиръ-лиръ, который былъ почти полонъ. Въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, вернувшись отъ заутрени, у которой были мы всѣ и наши люди, мы нашли тиръ-лиръ сломаннымъ и нѣсколько пятачковъ разсыпанными на полу; большая же ихъ часть были украдены.

Подозрѣніе пало на сторожа изъ нижнихъ чиновъ путей сообщенія, бывшаго при моей канцеляріи и, какъ католика, не бывшаго у заутрени, но сдѣланными допросами онъ не былъ обличенъ и украденныя деньги не были найдены. Эта кража отбила охоту у моей жены собирать пятачки и прятать ихъ въ тиръ-лиръ.

Въ зиму 1844—1845 г. продолжалась поставка каменныхъ матеріаловъ для завѣдываемаго мною участка шоссе и разбивка ихъ въ щебень; главная же работа состояла въ устройствѣ новыхъ мостовъ и надолбовъ, которыхъ по случаю возвышенія полотна дороги требовалось очень много.

Наименьшая цѣна на торгахъ, состоявшихся въ казенной палатѣ, на производство этихъ работъ была объявлена нижегородскимъ купцомъ Василіемъ Климовичемъ Мигуринымъ и по данному мнѣ полномочію отъ Клейнмихеля была немедля за нимъ утверждена, такъ что съ января было приступлено къ работамъ, производство которыхъ я поручилъ состоявшему при мнѣ подпоручику Глинскому.

Мигуринъ поставлялъ очень хорошій лѣсной матеріалъ и производилъ работы успѣшно. Глинскій строго слѣдилъ за его дѣйствіями.

Зима 1844—1845 г. была очень суровая, такъ что для забитія свай подъ мосты необходимо было выкапывать ямы въ мерзлой землѣ, глубиною отъ 3-хъ до 4-хъ аршинъ.

Къ веснѣ всѣ мосты были готовы. Весною же были поставлены очень хорошо обтесанные изъ толстаго лѣса надолбы и окрашены, а равно приступлено къ разсыпкѣ щебня и его укаткѣ. Мигурину я также, по выше объясненному моему принципу, помогалъ въ исполненіи его подряда. Онъ имѣлъ отъ подряда выгоды и съ того времени началъ богатѣть.

Въ іюнѣ 1845 г. пріѣхалъ въ Нижній Клейнмихель. Я его уподоблялъ холерной эпидеміи, которую, при ея приближеніи и появленіи, чрезмѣрно боятся, равно какъ по ея окончаніи всѣ о ней забываютъ. Точно такъ же было и съ пріѣздомъ Клейнмихеля. Въ ожиданіи его красили дома, перемащивали мостовую и очищали улицы; во время его пребыванія въ городѣ всѣ чего-то опасались, а по его отъѣздѣ о немъ забывали, и все приходило въ прежній порядокъ или, лучше сказать, безпорядокъ.

Нижній за нѣсколько дней до пріѣзда Клейнмихеля былъ весь въ движеніи. Губернаторъ встрѣтилъ Клейнмихеля на крыльцѣ отведеннаго ему дома на Нижнемъ базарѣ, почти напротивъ дома, который я занималъ, и подалъ ему рапортъ о благополучномъ состояніи губерніи.

На другой день представлялись ему не одни его подчиненные, а всѣ губернскія власти и даже отставные живущіе въ городѣ или случайно

бывшіе въ немъ во время проѣзда Клейнмихеля. Онъ принималъ всѣхъ очень величественно, дѣлалъ разнымъ властямъ очень обыкновенные вопросы, относившіеся до ихъ служебныхъ занятій, и удивлялъ ихъ разнообразностію свѣдѣній, тогда какъ онъ ровно никакихъ не имѣлъ. При этомъ случалось ему неприличнымъ образомъ бранить лицъ, ему вовсе не подчиненныхъ, которыя почему-либо ему не нравились, и всѣ терпѣли безпрекословно.

Клейнмихель осмотрѣлъ въ Нижнемъ всѣ казенныя зданія и въ томъ числѣ ярмочный гостиный дворъ, вездѣ дѣлалъ замѣчанія, большею частію вкривь и вкось.

Въ каменныхъ лавкахъ ярмочнаго двора производились небольшія исправленія весеннихъ въ немъ поврежденій, подъ наблюденіемъ инженеръ подполковника Стремоухова, человѣка честнаго и аккуратнаго, но робкаго и нерѣшительнаго. При свидѣтельствованіи какого-либо зданія или вообще произведенной работы, отъ его вниманія не ускользало малѣйшей бездѣлицы, но какъ производитель работъ онъ никуда не годился, не умѣя ни на чемъ настоять.

Клейнмихель, подойдя къ работѣ въ ярмарочномъ дворѣ, обратилъ вниманіе на дурное качество выставленнаго подрядчикомъ кирпича. Нѣкоторые изъ кирпичей были такъ дурны, что при поднятіи ихъ отваливалась одна половинка. Одинъ изъ такихъ кирпичей Клейнмихель взялъ въ руку и, когда отвалилась половина его, онъ взялъ другой кирпичъ, но когда и отъ этого отвалилась половина, то онъ, разсерженный донельзя, замахнулся оставшеюся въ его рукѣ половинкою, чтобы бросить ее въ Стремоухова. Замѣтивъ это движеніе, я въ одинъ мигъ загородилъ собою послѣдняго, около котораго я стоялъ. Клейнмихель, опустивъ руку съ половинкою кирпича, спросилъ меня, что мнѣ тутъ надо.

Я отвѣчалъ, что кирпичъ въ Нижнемъ изготовляется дурной до такой степени, что и сортировать его нечего, а слѣдовало бы прекратить въ Нижнемъ всѣ работы изъ кирпича, пока послѣдній не будетъ изготовляться прочнымъ, но это невозможно и во всякомъ случаѣ не зависитъ отъ Стремоухова.

Клейнмихель приказалъ мнѣ немедля осмотрѣть заводы, снабжающіе кирпичемъ Нижній, и представить ему ихъ описаніе, а впослѣдствіи составить правила для всей Имперіи объ изготовленіи кирпича и о наблюденіи за его производствомъ. Это было мною исполнено и правила, послѣ нѣкоторыхъ измѣненій въ высшихъ учрежденіяхъ, были Высочайше утверждены.

Въ бытность Клейнмихеля въ Нижнемъ, пріѣхалъ въ этотъ городъ Казанскій военный губернаторъ генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи Сергѣй Павловичъ Шиповъ. Узнавъ о предположеніи Клейнмихеля быть въ Нижнемъ, онъ проскакалъ 400 верстъ, чтобы представить проектъ устройства водопровода въ г. Казани и ходатайствовать у Клейнмихеля о принятіи участія въ назначеніи Шипова сенаторомъ. Шиповъ отъ

слишкомъ скорой ѣзды между Казанью и Нижнимъ заболѣлъ, а потому Клейнмихель ѣздилъ его навѣстить.

Разсказывая о желаніи Шипова быть сенаторомъ, Клейнмихель находилъ, что по чину, званію и долговременной службѣ Шипова, желаніе его весьма умѣренное и, конечно, будетъ исполнено. Проектъ водопровода въ Казани позабыли отпустить съ Шиповымъ и было условлено между нимъ и Клейнмихелемъ, что онъ пришлетъ этотъ проектъ въ Петербургъ, гдѣ я буду участвовать при его разсмотрѣніи въ департаментѣ проектовъ и смѣтъ, и что немедля послѣ разсмотрѣнія проектъ будетъ возвращенъ Шипову.

Осенью Шиповъ напоминалъ письмомъ къ Клейнмихелю объ его обѣщаніи скорѣйшаго разсмотрѣнія представленнаго имъ проекта водопровода, котораго въ Петербургѣ не получали. По изслѣдованіи оказалось, что дѣйствительно въ разсыльной книгѣ Казанской губернской строительной Комиссіи была расписка почтоваго чиновника въ полученіи рапорта комиссіи за тѣмъ номеромъ, за которымъ значилось въ ней представленіе проекта водопровода. Но на самомъ дѣлѣ этого проекта никогда не существовало. Расписка же въ разсыльной книгѣ объясняется тѣмъ, что въ одинъ день было послано изъ Казанской комиссіи нѣсколько пакетовъ, и чиновникъ расписался во всѣхъ вдругъ, не замѣтивъ, что одного недостаетъ. Эту штуку сдѣлалъ членъ комиссіи, инженеръ, подполковникъ Черниковъ, который, по неумѣнію составить надлежащій проектъ, надувалъ Шипова представленіемъ ему только плановъ Казани, съ указаніемъ предполагаемаго направленія водопроводныхъ трубъ.

Такимъ образомъ, водопроводъ въ Казани, гдѣ онъ крайне нуженъ, долго не устраивался. Черниковъ былъ большой говорунъ и сумѣлъ пріобрѣсти большое вліяніе на Шипова не по однимъ дѣламъ строительной комиссіи. Впослѣдствіи онъ былъ переведенъ на службу на Кавказъ, гдѣ состоялъ долго подъ судомъ.

Шиповъ былъ вскорѣ назначенъ сенаторомъ въ Москву, гдѣ сдѣлался извѣстенъ свою добротою и обходительностію, а вмѣстѣ съ тѣмъ докучливымъ чтеніемъ своихъ проектовъ по устройству Россіи вообще и разныхъ государственныхъ управленій, о чемъ онъ написалъ цѣлые фоліанты, часть которыхъ была имъ доводима до свѣдѣнія Государя, но большая часть лежитъ подъ спудомъ въ ожиданіи благопріятнаго времени для ихъ представленія, котораго Шиповъ, какъ онъ мнѣ говорилъ еще въ 1872 г., все еще ждалъ.

А. С. Цуриковъ, родственникъ жены Шипова, урожденной графини Комаровской, увѣрялъ, что послѣдній, проѣзжая черезъ Москву, послѣ исправленія министерской должности въ Царствѣ Польскомъ, въ Казань, по случаю назначенія его Казанскимъ военнымъ губернаторомъ, говорилъ, что онъ назначенъ губернаторомъ «pour achever sonèducation agministrative», а ему было тогда 50 лѣтъ отъ роду.

Клейнмихель на обратномъ проѣздѣ въ Москву осматривалъ работы

по оконченному почти мною участку шоссе, которое представлялось особенно хорошо, благодаря отличному качеству лѣса на надолбахъ и перилахъ на мостахъ.

Хорошее качество камня и мелкая его разбивка въ щебень обратили также вниманіе Клейнмихеля, и онъ неоднократно благодарилъ меня и производителей работъ.

Для выѣзда Клейнмихеля изъ Нижняго былъ назначенъ такой часъ, что онъ не могъ пріѣхать въ г. Вязники ранѣе поздняго вечера, а между Нижнимъ и Вязниками слѣдовавшему съ нимъ повару негдѣ было приготовить обѣдъ.

Вслѣдствіе этого я пригласилъ Клейнмихеля, состоящаго при немъ маіора Серебрякова и офицеровъ, состоящихъ при шоссе, обѣдать въ ст. Чернорѣчьѣ, въ 40 верст. отъ Нижняго. Экипажи Клейнмихеля были отправлены изъ Нижняго по почтовому тракту, пролегавшему по правому берегу р. Оки.

На Чернорѣчской станціи, въ очень маленькомъ домикѣ, жилъ начальникъ шоссейной дистанціи поручикъ Виноградовъ. Наканунѣ отъѣзда Клейнмихеля, я послалъ въ этотъ домикъ повара со всею провизіею и необходимою посудою.

Поваръ Ѳеодоръ приготовилъ прекрасный обѣдъ. Клейнмихель много ѣлъ и пилъ болѣе обыкновеннаго, такъ что все время проѣзда до границы Нижегородской губерніи проспалъ. Онъ разъ только, проснувшись, когда мы ѣхали по мосту черезъ маленькую рѣчку, спросилъ меня ея названіе. Я отвѣчалъ, что это рѣка Сеймъ.

Онъ вообразилъ, что это верховье той рѣки, которая протекаетъ по Курской губерніи. Я сказалъ, что это другая. Вотъ образчикъ гидрографическихъ свѣдѣній Клейнмихеля.

Во время обѣда онъ былъ очень веселъ, что придало моимъ подчиненнымъ много смѣлости въ разговорахъ съ нимъ. Иногда эта смѣлость, по непривычкѣ ихъ обращаться съ людьми, подобными Клейнмихелю, выходила изъ границъ. Разскажу одинъ изъ этихъ разговоровъ.

Въ Чернорѣчьѣ бездна комаровъ, которые во время обѣда, несмотря на принятыя предосторожности, кусали руки Клейнмихеля. Онъ шутя сказалъ, что комары должны бы лучше кусать бѣлыя и пухлыя руки его сосѣда за столомъ (т.-е. мои), чѣмъ накидываться на его сухія руки.

Узнавъ, что Виноградовъ живетъ въ этомъ домѣ, онъ обратился къ нему съ вопросомъ, мѣшаютъ ли комары ему спать по ночамъ. Виноградовъ отвѣчалъ, что послѣднюю ночь онъ, по милости комаровъ, почти не смыкалъ глазъ. На это инженеръ капитанъ Городецкій замѣтилъ, что Виноградовъ не спалъ послѣднюю ночь, вѣроятно, въ ожиданіи осмотра его работъ сильно кусающимся комаромъ.

Я ожидалъ бури со стороны Клейнмихеля, но онъ ограничился только замѣчаніемъ, что онъ дѣйствительно такой комаръ, который если укуситъ, то этотъ укусъ не скоро пройдетъ.

Виноградовъ жилъ въ этомъ домикѣ съ молодою женой. Отецъ его находилъ приличнымъ, чтобы хозяйка дома встрѣтила у себя столь высокаго гостя. Но обѣдъ былъ приготовленъ на мой счетъ и я, увѣренный, что присутствіе Виноградовой женировало бы Клейнмихеля, не пригласилъ ее къ обѣду и устроилъ такъ, что она этотъ день провела въ Нижнемъ.

По отъѣздѣ Клейнмихеля я замѣтилъ, что отецъ Виноградова сдѣлался ко мнѣ холоднѣе. Я приписывалъ это тому, что его невѣстка не была мною приглашена къ обѣду въ Чернорѣчьѣ, но оказалось, что этому была совсѣмъ другая причина.

Ему не понравилось мое слишкомъ фамильярное обхожденіе съ Клейнмихелемъ, чего, конечно, не было; но уваженіе его ко мнѣ съ того времени уменьшилось.

Ему было лѣтъ за 80. Онъ дѣлалъ съ Суворовымъ походъ 1799 г. и имѣлъ итальянскій орденъ. Болѣе 30 лѣтъ онъ прослужилъ смотрителемъ судоходства на разныхъ пристаняхъ и большую часть этихъ годовъ на Нижегородской пристани.

Клейнмихель, въ бытность свою въ Нижнемъ въ 1843 г., нашелъ, что ему такіе старики на службѣ не нужны, и уволилъ его съ ничтожною пенсіею. Впрочемъ, онъ во всякомъ случаѣ былъ бы вскорѣ уволенъ, такъ какъ по штатамъ главнаго управленія путей сообщенія, утвержденнымъ 2 іюля 1843 г., всѣ смотрители судоходства должны были назначаться изъ инженеровъ. Мѣра эта повела только къ тому, что инженеры на этихъ мѣстахъ позабывали все, чему они учились, и привыкали не только ничего не дѣлать, но и брать взятки за прописку накладныхъ судовъ, проходящихъ мимо ихъ пристаней.

Виноградовъ, хотя и былъ недоволенъ отставкою, натянулъ мундиръ, чтобы представиться вельможѣ и, во время этого представленія, нашелъ, что я будто бы слишкомъ фамильярно обхожусь съ этимъ вельможею.

Онъ былъ очень скупъ, жилъ въ двухъ комнатахъ и велъ жизнь отшельническую. Я уже говорилъ выше, что смотрители судоходства получали въ годъ всего содержанія 400 р. асс. (114. р. 28 к.) и что нѣкоторые изъ нихъ должны были тратить тысячи рублей на содержаніе канцеляріи. Къ этому числу въ особенности принадлежалъ смотритель Нижегородской пристани.

Виноградовъ, какъ и всѣ прочіе смотрители, бралъ взятки съ судовщиковъ. Являясь къ нему для прописки накладныхъ, или по другимъ дѣламъ, судовщики клали деньги въ отворенный ящикъ, стоявшій за спиной Виноградова, который никогда не обращалъ вниманія, положилъ ли кто деньги; между тѣмъ одинаково для всѣхъ немедля прописывалъ накладныя или разрѣшалъ ихъ просьбы, ни къ кому ни въ чемъ не придираясь, за что всѣ его любили. Такимъ образомъ, при болѣе чѣмъ скромной жизни, онъ успѣлъ во время своей долговременной службы нажить порядочное состояніе.

По въѣздѣ во Владимірскую губернію, шоссе въ которой было въ

вѣдѣніи V (Ярославскаго) округа путей сообщенія, мы нашли у перваго довольно большого моста ожидающихъ Клейнмихеля: исправляющаго должность начальника этого округа полковника Шуберскаго и нѣсколькихъ подчиненныхъ ему инженеровъ. Этотъ мостъ необходимо было перестроить до открытія движенія по исправляемому мною участку шоссе; а открытіе предполагалось черезъ нѣсколько недѣль.

Правленіе V округа представило о необходимости перестройки въ главное управленіе, но не получило отвѣта, а само распорядиться работами не имѣло права. На сдѣланный мнѣ въ Нижнемъ вопросъ Клейнмихелемъ, все ли будетъ готово къ назначенному мною сроку для открытія движенія по шоссе, я отвѣчалъ, что все за исключеніемъ упомянутаго моста, и объяснилъ причину, по которой не приступаютъ къ его перестройкѣ.

Клейнмихель немедля далъ предписаніе, по которому поручилъ мнѣ постройку означеннаго моста на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ мнѣ была поручена постройка шоссе въ предѣлахъ Нижегородской губерніи.

Взявъ подписку съ купца Мигурина на поставку матеріаловъ для моста и на его устройство, я выдалъ ему на этотъ предметъ нарядъ, и Мигуринъ уже подвезъ нѣсколько лѣса къ мосту. Шуберскій, встрѣтивъ Клейнмихеля, немедля сказалъ очень обиженнымъ тономъ, что мостъ не строился за неполученіемъ разрѣшенія, а что если бы онъ имѣлъ такое же полномочіе, какъ я, то, конечно, устроилъ бы мостъ такъ же скоро и прочно, и что передачу мнѣ постройки его почитаетъ обидою себѣ. Шуберскій особенно сердито смотрѣлъ въ это время на меня, вѣроятно, полагая, что я навязался на эту постройку.

Клейнмихель тутъ же словесно отмѣнилъ свое предписаніе. Подписка Мигурина была мною уничтожена. Хорошо, что онъ, получивъ отъ меня нарядъ на поставку матеріаловъ, не началъ иска противъ новаго распоряженія.

Въ Нижнемъ, какъ и во всѣхъ городахъ, гдѣ были комитеты по ихъ устройству, были особые начальники работъ. Эта должность, по назначеніи Гогмана начальникомъ X (Кіевскаго) округа путей сообщенія, оставалась въ Нижнемъ вакантною.

Въ виду многихъ работъ, предстоявшихъ въ Нижнемъ, губернаторъ Урусовъ упросилъ Клейнмихеля назначить меня на эту должность. Такъ какъ дѣла по имѣніямъ моихъ шурьевъ и свояченицы сосредоточивались въ Нижегородской губерніи, я не противился этому назначенію, которое и было объявлено въ приказѣ Клейнмихеля отъ 21 іюня. Въ немъ было сказано, что я назначенъ начальникомъ работъ по устройству Нижняго-Новгорода, съ оставленіемъ завѣдывающимъ участкомъ Нижегородскаго шоссе въ предѣлахъ Нижегородской губерніи и при главноуправляющемъ путями сообщенія и публичными зданіями.

Такимъ образомъ, я, не имѣвшій никакого начальства, кромѣ Клейн-

михеля, дѣлался по новой должности моей подчиненнымъ Нижегородскаго военнаго губернатора.

Дѣла въ Нижегородской строительной комиссіи, которой я по новой моей должности сдѣлался членомъ, были въ большомъ запущеніи, въ особенности отчетность по работамъ, произведеннымъ на нѣсколько милліоновъ рублей во исполненіе особыхъ Высочайшихъ повелѣній.

Я оживилъ ходъ дѣлъ въ комиссіи, постоянно требуя отъ служащихъ въ ней усердія и бо̀льшаго вниманія, черезъ что уменьшилась переписка, а съ тѣмъ вмѣстѣ и облегчились ихъ занятія.

Однимъ же изъ главныхъ занятій комиссіи, бывшимъ причиною непріязненнаго къ ней расположенія обывателей Нижняго, были дѣла по разрѣшенію новыхъ и въ особенности исправленію существующихъ построекъ. Послѣднія дозволялись однимъ, а другимъ, при совершенно одинаковыхъ обстоятельствахъ, не дозволялись.

Возможность этихъ злоупотребленій происходила отъ того, что бывшій губернаторъ Бутурлинъ сумѣлъ какъ-то испросить разрѣшенія Государя на новый планъ Нижняго, въ которомъ почти ничего не было общаго съ существовавшимъ городомъ, такъ что ни одна улица не оставалась на своемъ мѣстѣ.

Для примѣра укажу на самую лучшую улицу въ верхней части города, Покровскую. Только первые дома этой улицы, считая отъ Кремля, совпадали съ новымъ Высочайше утвержденнымъ планомъ города. Далѣе же дома лѣвой стороны улицы должны были податься впередъ, въ улицу, а дома правой стороны назадъ, такъ что въ концѣ улицы дворы первыхъ увеличивались въ глубину на 6 и болѣе саженъ и на столько же уменьшались дворы послѣднихъ.

Понятно, что владѣльцы домовъ правой стороны не хотѣли терять земли изъ своего владѣнія, многіе же изъ владѣльцевъ лѣвой стороны представляли планы на постройки новыхъ домовъ по Высочайше утвержденной линіи, но эти планы не могли быть утверждены на тѣхъ мѣстахъ улицъ, гдѣ вновь устраиваемые дома значительно подавались впередъ, пока дома, лежащіе напротивъ, на правой сторонѣ, не были отнесены на линію, указанную на утвержденномъ планѣ города; иначе проѣздъ по улицѣ былъ бы застроенъ. Дома лѣвой стороны, которые по перенесеніи ихъ на утвержденную линію не вполнѣ затрудняли проѣздъ по улицѣ, разрѣшались къ постройкѣ, черезъ что линіи домовъ Покровской, равно и другихъ улицъ, были не прямыя, а съ выступами.

Опредѣленіе возможности устроить домъ съ выступомъ на улицу зависѣло отъ произвола строительной комиссіи, которая по этому предмету не всегда приходила къ одинаковому заключенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ почти всѣ дома оказывались построенными не по линіи вновь утвержденнаго плана, то никому не дозволялось въ нихъ дѣлать капитальныхъ исправленій.

Опредѣленіе того, что называть капитальнымъ исправленіемъ дома,

также зависѣло отъ произвола строительной комиссіи, и исправленіе разрѣшалось не для всѣхъ одинаково. Сверхъ того, при губернаторѣ Бутурлинѣ утверждались только постройки, коихъ чертежи были подписаны архитекторомъ Кизеветтеромъ, который бралъ за свою подпись высокую плату.

Хотя при губернаторѣ Урусовѣ утверждались планы домовъ, подписанные и другими архитекторами строительной комиссіи, но плата за подпись мало уменьшилась. Въ Нижнемъ существовало преданіе, что будто бы, при составленіи перваго плана города въ прошломъ столѣтіи, обыватели не соглашались дать землемѣру требуемыхъ имъ денегъ для составленія плана, который бы не стѣснилъ обывателей, и что онъ, въ отмщеніе, не только составилъ планъ, по которому почти весь городъ требовалъ перестройки, но и предсказалъ, что и впредь будутъ составляться такіе планы города, которые потребуютъ новой его перестройки.

Я немедля занялся составленіемъ новаго плана города, соображаясь съ существующими постройками, такъ чтобы онѣ по возможности оставались на своихъ мѣстахъ, и при первомъ свиданіи съ Клейнмихелемъ представилъ ему этотъ планъ.

Онъ нашелъ неудобнымъ представлять на утвержденіе Государя новый планъ города, такъ какъ существующій планъ былъ недавно утвержденъ, а приказалъ: при испрошеніи разрѣшеній о постройкѣ новыхъ домовъ, которыя тогда всѣ восходили до Государя, представлять каждый разъ и объ измѣненіи, соотвѣтственно съ существующими постройками, улицъ, на которыхъ предполагаются новыя постройки.

Такимъ образомъ былъ измѣненъ, для выгоды обывателей, прежній неудобоисполнимый планъ города, утвержденный Государемъ по представленію губернатора Бутурлина.

Это дало возможность разрѣшать почти всѣ исправленія, о которыхъ просили домовладѣльцы, черезъ что городскіе дома сдѣлались чище и вообще украсились. Сверхъ того, я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы утверждались чертежи построекъ и перестроекъ, подписанные не одними архитекторами комиссіи, но всѣми лицами, имѣющими право наблюдать за возведеніемъ построекъ, черезъ что значительно уменьшилась плата, которую прежде домовладѣльцы давали за составленіе чертежей, а иногда и за одну подпись архитектора.

Порядокъ разрѣшенія исправленій въ домахъ былъ слѣдующій. Домовладѣлецъ подавалъ прошеніе въ строительную комиссію съ представленіемъ чертежа новой постройки или перестройки. По этому прошенію, послѣ долгаго его лежанія въ комиссіи, составлялся журналъ, по которому комиссія соглашалась на постройку или отказывала просителю. О новыхъ постройкахъ представлялось черезъ главноуправляющаго путями сообщенія на Высочайшее усмотрѣніе.

По состоявшемуся въ комиссіи журналу о позволеніи владѣльцу строить, перестроить или исправить его домъ, давалось объ этомъ знать стар-

шему городскому полиціймейстеру, а отъ него частному приставу и отъ послѣдняго квартальному надзирателю, который объявлялъ объ этомъ домовладѣльцу.

Исполненіе по этимъ дѣламъ производилось весьма медленно, если домовладѣлецъ во всѣхъ инстанціяхъ не давалъ взятокъ. Случалось, что подавшій весною прошеніе о перестройкѣ получалъ разрѣшеніе въ позднюю осень, когда она была невозможна. Я распорядился такъ, что по всѣмъ, поданнымъ до четверга каждой недѣли прошеніямъ, журналы комиссіи, разрѣшающіе перестройки и исправленія въ домахъ, должны быть изготовлены въ слѣдующую пятницу, въ которую я ихъ носилъ для подписи губернатору Урусову и немедля отправлялъ въ особомъ пакетѣ къ просмотру губернскаго прокурора.

Съ послѣднимъ я предварительно условился въ томъ, что эти журналы будутъ имъ возвращены въ субботу утромъ. Въ этотъ день присутствія не полагается, но я приходилъ въ комиссію и при мнѣ выдавались домовладѣльцамъ изготовленные по особой формѣ билеты о дозволеніи постройки, перестройки или исправленія въ домахъ, съ возвращеніемъ плановъ, ими представленныхъ.

Домовладѣлецъ, по полученіи означеннаго билета, имѣлъ право немедля приступить къ работамъ, предъявивъ билетъ въ полицейскомъ кварталѣ, въ которомъ состоялъ его домъ. Переписка же комиссіи со старшимъ полиціймейстеромъ, а его съ подчиненными ему лицами, шла своимъ чередомъ, но не имѣла никакого вліянія на приступъ къ производству работъ.

Такимъ образомъ, ко всѣмъ постройкамъ, которыхъ разрѣшеніе зависѣло отъ комиссіи, а равно по всѣмъ перестройкамъ и исправленіямъ въ домахъ, ихъ владѣльцы могли приступать по истеченіи одной недѣли послѣ подачи ими объ этомъ прошенія. Обыватели, въ особенности бѣдные, благословляли меня и губернатора Урусова за эти распоряженія.

Я каждый день бывалъ въ строительной комиссіи, гдѣ обыкновенно уже заставалъ инженеръ-подполковника Стремоухова, который, какъ производитель работъ, былъ мнѣ подчиненъ по моей должности начальника работъ, но какъ старшій въ чинѣ членъ комиссіи подписывалъ журналы выше меня.

Онъ былъ очень робокъ, а потому часто находилъ необходимымъ отказывать просившимъ о перестройкахъ и исправленіяхъ въ домахъ.

При моемъ входѣ въ присутствіе комиссіи, онъ мнѣ подавалъ составленные по этому предмету журналы, имъ подписанные, которые я, зная его робость, могъ бы подписывать не читая, и тѣ журналы, которыхъ онъ не подписалъ, при чемъ подробно объяснялъ причины невозможности согласиться на прошенія.

Часто, по выслушаніи его, я, не отвѣчая ему ни слова, подписывалъ послѣдніе журналы. Онъ, никогда не возражая, немедля тоже подписывалъ, но случалось, что я, соглашаясь съ его доводами, приказывалъ измѣнить проектъ журнала.

Стремоуховъ былъ мнѣ въ этомъ очень полезенъ. По живости моей и по желанію всегда исполнить просьбы домовладѣльцевъ, остающихся часто безъ крова, потому что правительственнымъ лицамъ вздумалось перестроить городъ, нисколько не сообразуясь съ существующими постройками,—я бы, вѣроятно, многое разрѣшилъ, чего дѣйствительно разрѣшать не слѣдовало. Стремоуховъ въ этомъ случаѣ служилъ мнѣ полезнымъ тормазомъ.

Губернаторъ Урусовъ просилъ меня бывать у него во всякое время дня и для облегченія его работы приносить съ собою журналы строительной комиссіи для его подписанія.

Въ Нижнемъ всѣ военные обязаны были ходить по улицамъ въ шляпахъ и при шпагахъ. Инженеры не соблюдали этой формы подъ предлогомъ, что отправляются на работы или съ нихъ возвращаются. Это однако подавало поводъ къ столкновеніямъ между Урусовымъ и подчиненными мнѣ шоссейными офицерами. Онъ требовалъ, чтобы при поѣздкахъ ихъ на шоссе въ чертѣ города они были по формѣ, носили шляпы и шпаги и надѣвали фуражки при выѣздѣ изъ города.

Съ трудомъ согласился онъ на мое объясненіе, что это невозможно, потому что при выѣздѣ изъ города на шоссе нѣтъ никакого помѣщенія, гдѣ бы офицеры могли оставлять свои шляпы и шпаги. Къ Урусову же всѣ военные должны были приходить въ мундирахъ, а статскіе въ мундирныхъ фракахъ. Я ему представилъ, что я готовъ бывать у него съ дѣлами хотя ежедневно, но для этого потребовалось бы мнѣ не выходить изъ мундира. На это онъ отвѣчалъ приглашеніемъ приходить къ нему въ сюртукѣ, что можно объяснить тѣмъ, что я захожу къ нему съ работъ, на которыхъ я не могу быть иначе, какъ въ сюртукѣ.

Нижній-Новгородъ хотя и построенъ при двухъ огромнѣйшихъ рѣкахъ Волгѣ и Окѣ, но вода въ немъ, въ особенности въ верхней части города, была невкусна и чрезвычайно дорога. Воду брали изъ рѣкъ у береговъ, гдѣ всегда стояло множество барокъ. Въ верхней части города были рытые колодцы, въ которыхъ вода была дурного качества и въ очень маломъ количествѣ.

Съѣзды въ нижней части города къ рѣкамъ были очень дурны, подъемъ же изъ нижней части въ верхнюю, лежащую саженъ на 40 выше, былъ весьма затруднителенъ. Урусову очень хотѣлось, пользуясь моими познаніями въ устройствѣ водопроводовъ, устроить водопроводъ въ Нижнемъ. Существовало нѣсколько проектовъ проведенія воды въ этотъ городъ, но для исполненія ихъ требовались милліоны руб., а городская казна, занявшая уже нѣсколько милліоновъ рублей на исполненіе значительныхъ работъ, указанныхъ Государемъ, не могла удовлетворить этому новому расходу. По пословицѣ: «лучше мало, чѣмъ ничего», я предложилъ Урусову уменьшить размѣры водопровода, ограничивъ количество ежедневно поднимаемой въ верхнюю часть города воды 36,000 ведрами и взявъ ее не изъ рѣкъ, при чемъ потребовалось бы устройство дорогихъ

фильтровъ, а изъ ключей, имѣвшихся въ подошвѣ высокаго берега р. Волги; потребные же на устройство водопровода до 45.000 р. взять изъ остатковъ отъ суммъ, ассигнованныхъ на вышеупомянутыя работы, производство которыхъ было прекращено.

Вслѣдствіе этого былъ составленъ мною проектъ снабженія верхней части города водою, состоявшій въ слѣдующемъ.

Надъ ключами, найденными въ подошвѣ берега р. Волги, устроить 18 бассейновъ по способу, объясненному при описаніи перестройки Мытищинскихъ ключевыхъ бассейновъ *).

Воду отъ ключей провести деревянными насосами въ соединительный кирпичный бассейнъ, который, равно какъ и кирпичное водоподъемное зданіе, устроить на площадкѣ, образуемой двумя съѣздами, идущими въ верхней набережной къ р. Волгѣ. Въ этомъ зданіи установить двѣ поперемѣнно дѣйствующія водоподъемныя паровыя машины, каждую въ 16 силъ, для подъема воды на вышину 40 саженъ по чугуннымъ трубамъ до Благовѣщенской площади, на которой устроить фонтанъ изъ чугуна, а при городской больницѣ водоразборный колодезь; изъ фонтана провести воду въ губернаторскій домъ, въ которомъ установить чугунный резервуаръ. Устройство этого водопровода за 45.000 р. возможно было только по причинѣ употребленія дешеваго, мною изобрѣтеннаго, способа устройства ключевыхъ бассейновъ.

Если бы ихъ строить по прежнимъ способамъ, то этой суммы, употребленной на устройство всего водоснабженія, было бы едва достаточно на устройство однихъ ключевыхъ бассейновъ.

По новой моей должности я долженъ былъ ежедневно бывать въ строительной комиссіи и часто у губернатора. Это заставило меня переѣхать въ верхнюю часть города, гдѣ я нанялъ на Малой Покровской улицѣ большой двухъэтажный домъ Запольскаго. Шуринъ мой Валерій, поступившій на службу по особымъ порученіямъ къ губернатору Урусову, поселился жить у насъ въ нижнемъ этажѣ.

Въ этомъ же этажѣ была большая комната, изъ которой я сдѣлалъ для себя кабинетъ. Рядомъ съ моимъ кабинетомъ я далъ комнату подпоручику Глинскому, который мнѣ помогалъ въ моихъ служебныхъ занятіяхъ.

Въ верхнемъ этажѣ было много комнатъ для житья и пріема. Въ одной изъ большихъ комнатъ мы поставили билліардъ, на которомъ игра не прекращалась почти цѣлый день. Жена моя очень любила эту игру. Кромѣ жившихъ у насъ шурина и Глинскаго, ежедневно по нѣсколько часовъ проводили у насъ мой свояк графъ Толстой и инженеры какъ подчиненные мнѣ, такъ и начальникъ судоходной дистанціи капитанъ Ликъ, замѣщенный, по выходѣ его въ отставку, капитаномъ Дмитріевымъ.

*) Бассейны, устроенные по этому способу въ 1836 г., были названы графомъ Толемъ «бассейнами барона Дельвига», и съ того времени это названіе сохранилось во всѣхъ оффиціальныхъ бумагахъ.

Въ билліардной комнатѣ, удаленной отъ улицы, былъ устроенъ тиръ; стрѣляли изъ пистолетовъ, и пули не умѣвшихъ стрѣлять попадали въ оштукатуренную стѣну, такъ что она была избита, какъ рѣшето.

Вскорѣ наше общество увеличилось двумя очень порядочными молодыми людьми, архитекторами Фостиковымъ и Овсянниковымъ. Они были опредѣлены на службу въ Нижегородскую строительную комиссію по окончаніи курса въ училищѣ гражданскихъ инженеровъ.

Это училище помѣщалось въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ помѣщалось военно-строительное училище, уничтоженное къ 1-му января 1830 г. По присоединеніи въ 1833 г. гражданской строительной части къ главному управленію путей сообщенія, оно имѣло надобность въ архитекторахъ, для образованія которыхъ было учреждено означенное архитекторское училище подъ названіемъ училище гражданскихъ инженеровъ.

Теперь это училище, по возвращеніи гражданской строительной части въ Министерство внутреннихъ дѣлъ, состоитъ въ вѣдѣніи этого министерства. Фостикова я назначилъ городовымъ архитекторомъ, на мѣсто выбывшаго Кизеветтера, а Овсянникова—ярморочнымъ архитекторомъ, объяснивъ имъ при первомъ же свиданіи требованіе мое, чтобы они служили усердно и честно, гнушаясь принятіемъ по дѣламъ службы подарковъ отъ кого бы то ни было. Они мнѣ обѣщались слѣдовать моимъ наставленіямъ и исполняли обѣщаніе по крайней мѣрѣ во все то время, которое я оставался въ Нижнемъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по моемъ выѣздѣ изъ Нижняго, они оставили службу по вѣдомству путей сообщенія. Фостиковъ былъ впослѣдствіи Ставропольскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а Овсянниковъ членомъ Правленія пароходнаго общества «Лебедь».

Жена моя по обыкновенію ни къ кому, кромѣ сестры своей Толстой, не выѣзжала. Она прогуливалась почти каждый день въ коляскѣ, запряженной прекрасною четверкою вороныхъ битюговъ. Кучеръ нашъ Дмитрій былъ очень красивый мужчина, прекрасно ѣздилъ, отлично наѣзжалъ лошадей и держалъ ихъ въ такомъ видѣ, что недорогія лошади казались очень цѣнными.

Напротивъ того, своякъ мой Толстой, считавшійся лошадинымъ знатокомъ, содержалъ своихъ лошадей очень дурно, такъ что онѣ постоянно были больны. Во время посѣщеній женою своей сестры, нашъ кучеръ не оставался на дворѣ дома, занимаемаго Толстымъ, изъ-за опасенія, чтобы наши лошади не заразились отъ его лошадей, а отъѣзжалъ подалѣе отъ дома Толстыхъ.

Толстой, по своему чудачеству, иногда закладывалъ въ свою карету пару лошадей, изъ коихъ одна была ростомъ 2 арш. 8 вершк., неуклюжая и не имѣвшая вовсе рыси, а другая маленькая ростомъ. Эта запряжка обращала общее вниманіе.

Сверхъ упомянутыхъ четырехъ битюговъ, мы держали еще трехъ лошадей для моихъ разъѣздовъ по шоссе и по городу.

Жены вновь прибывавшихъ въ Нижній чиновниковъ, не зная, что жена моя ни съ кѣмъ не знакомится, дѣлали ей визиты. Она ихъ не принимала, визитовъ имъ не платила и такимъ образомъ знакомства не дѣлалось. Были однако же исключенія, именно для жены моего подчиненнаго Виноградова, Вѣры Тимофѣевны, урожденной Погуляевой, и для вышедшей замужъ за отставного гусара, а въ 1845 г. бывшаго совѣтникомъ Нижегородской казенной палаты Ивана Ивановича Мессинга, Юліи Михайловны, урожденной Климовой, дочери бывшаго въ тридцатыхъ годахъ Нижегородскаго городского головы, слывшаго, но не бывшаго богатымъ человѣкомъ.

Первая понравилась женѣ своей миловидностію и бывала у ней очень часто, но когда сдѣлалось извѣстнымъ ея легкое поведеніе, то жена съ ней раззнакомилась.

Вторая жила рядомъ съ нами въ собственномъ домѣ. Она понравилась женѣ своею начитанностію и впослѣдствіи переписывалась съ моею женою. Мужъ ея очень глупый человѣкъ. Лѣтъ черезъ десять послѣ описываемой мною эпохи, онъ былъ назначенъ совѣтникомъ въ Московскую казенную палату и, бывъ у меня въ Москвѣ, объяснялъ, что въ ней нѣтъ возможности пріобрѣтать никакихъ незаконныхъ выгодъ, а потому онъ оставляетъ службу. Понятно, что Мессингъ не могъ быть мнѣ пріятенъ, и я рѣдко съ нимъ видался.

Въ Малой Покровской улицѣ, несмотря на ея значительную длину, было у меня еще два знакомыхъ дома, которые я посѣщалъ съ 1845 г. до отъѣзда моего изъ Нижняго въ 1848 г., именно, Алексѣя Павловича Козлова, гдѣ мнѣ разъ случилось до того затанцоваться, что я вернулся домой не ночью, а утромъ, и Родіонова, котораго жена Елизавета Николаевна, урожденная Арсеньева, была очень красивая женщина.

Недалеко же отъ насъ жилъ Трубниковъ, который былъ прежде адъютантомъ Рязанскаго жандармскаго штабъ-офицера, моего дяди А. Г. Замятнина, и впослѣдствіи переведенъ губернаторомъ Урусовымъ въ совѣтники Нижегородскаго губернскаго правленія.

У Трубникова была очень хорошенькая дочь Елисавета, съ которой мнѣ часто случалось говорить на балахъ, такъ же какъ и съ Елисаветою Борисовною фонъ-Бринъ, которая тогда также была недурна собою. Такъ какъ я вообще не любилъ много говорить съ дамами и дѣлалъ исключеніе только для этихъ трехъ Елисаветъ, то меня прозвали Елизистомъ.

Въ Нижнемъ танцовали не только зимою, но и во время ярмарки губернаторъ давалъ нѣсколько баловъ. Впрочемъ, я танцовалъ весьма рѣдко, только у хорошихъ знакомыхъ; обыкновенно же во время танцевъ игралъ въ карты.

Лѣтомъ 1845 г. пріѣзжала въ Нижній гостить у насъ А. А. Крепейнъ. Въ это время у Толстыхъ родился сынъ Николай, котораго я крестилъ вмѣстѣ съ нею.

Въ августѣ 1845 г. проѣзжалъ черезъ Нижній герцогъ Максимиліанъ

Лейхтенбергскій, мужъ великой княгини Маріи Николаевны, на обратномъ пути изъ Сибири. Съ нимъ пріѣхалъ генералъ-лейтенантъ К. В. Чевкинъ, котораго я видѣлъ тогда въ первый разъ. Въ городѣ жаловались на рѣзкое обхожденіе послѣдняго съ представлявшимися ему предсѣдателемъ и членами солеперевозной комиссіи. Говорили, что онъ хуже Клейнмихеля, признавая за послѣднимъ право (!) быть рѣзкимъ и не признавая его за Чевкинымъ.

Я сопровождалъ герцога при осмотрѣ имъ разныхъ сооруженій въ Нижнемъ и, между прочимъ, запасныхъ соляныхъ магазиновъ, гдѣ я могъ лично убѣдиться въ рѣзкости обращенія Чевкина съ предсѣдателемъ и членами солеперевозной комиссіи.

Отъ соляныхъ магазиновъ въ городъ мы плыли въ лодкѣ. Герцогъ, между прочимъ, обратилъ вниманіе на дешевизну лѣсныхъ матеріаловъ въ Нижнемъ. Я ему сказалъ, что въ имѣніи жены моей, въ 120 верстахъ отъ Нижняго, лѣсъ не имѣетъ вовсе цѣны. Онъ желалъ, однако же, знать, почемъ продается хорошая десятина лѣса на срубъ, и, получивъ отъ меня отвѣтъ, сказалъ, что въ его баварскихъ имѣніяхъ одно обыкновенное бревно стоитъ дороже. Во время осмотра садовъ, устроенныхъ на уклонѣ крутого берега р. Волги, онъ сказалъ, что по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ заявитъ своему тестю (beau-pere, конечно, мы говорили по-французски), что эти гулянья устроены на чудесномъ мѣстѣ, но не для его подданныхъ, не охотниковъ лазать по горамъ.

Герцогъ, по Высочайшему повелѣнію, долженъ былъ, на обратномъ пути изъ Сибири, ознакомиться съ работами по устройству желѣзной дороги между столицами.

При этомъ осмотрѣ Чевкинъ дѣлалъ разныя колкія замѣчанія, которыя были доведены до свѣдѣнія Клейнмихеля, и послѣдній, конечно, вслѣдствіе этого, усугубилъ старанія къ удержанію Чевкина въ Сенатѣ и вдалекѣ отъ важныхъ дѣлъ государственнаго управленія.

Въ началѣ сентября, въ день отъѣзда цыганскихъ хоровъ съ ярмарки, жена моя, Е. Е. Радзевская, Виноградова и инженеры, бывшіе при устройствѣ шоссе, отправились на ст. Орловку, въ 16 верстахъ отъ Нижняго. Мы обѣдали въ маленькой двухэтажной избѣ, имѣвшейся на этой станціи.

По наступленіи сумерекъ, были поставлены въ лѣсу, окружающемъ станцію, нѣсколько цыганскихъ хоровъ, начиная съ наилучшаго до самаго простого, и они всѣ пѣли поочередно, чего имъ кажется еще никогда не случалось. Лѣсъ былъ освѣщенъ зажженными смоляными бочками, во множествѣ свезенными со всей линіи шоссе; смола употреблялась при устройствѣ мостовъ.

Погода была превосходная. Прекрасныя лица молодыхъ цыганокъ, съ ихъ черными глазами, выразительныя лица стариковъ и старухъ, прекрасные голоса нѣкоторыхъ, живость пѣнія и сопровождавшихъ жестовъ во всѣхъ хорахъ, при необыкновенномъ освѣщеніи, представляли вели-

колѣпнѣйшую живую картину, которую никогда нельзя забыть. Дамы смотрѣли на нее съ балкончика дома, въ которомъ мы обѣдали.

Въ декабрѣ я ѣздилъ съ Глинскимъ на Выксунскіе заводы Шепелевыхъ для предварительныхъ переговоровъ о поставкѣ для Нижегородскаго водопровода паровыхъ машинъ, чугунныхъ трубъ, плитъ и другихъ металлическихъ вещей.

Заводы эти были основаны купцомъ Баташовымъ, дочь котораго принесла ихъ въ приданое Шепелеву. Заводы дѣйствовали водою. Они были устроены и прочно и разумно, но впослѣдствіи весьма запущены. Я ихъ осматривалъ съ главнымъ механикомъ завода, знакомымъ мнѣ по работамъ Московскаго водопровода, Копьевымъ, бывшимъ крѣпостнымъ заводскимъ рабочимъ, который съ молодыхъ лѣтъ показывалъ большія способности въ механикѣ.

Дмитрій Дмитріевичъ Шепелевъ, владѣлецъ этихъ заводовъ, отправилъ его для усовершенствованія въ механикѣ за-границу. Въ Англіи оцѣнили его способности и давали въ честь его обѣды, чѣмъ Копьевъ гордился и въ старости.

Онъ былъ вообще человѣкъ добрый, разумный и весьма полезный для владѣльцевъ завода и для мастеровыхъ и рабочихъ. Руда въ окрестностяхъ завода отличнаго качества. Отливавшіяся изъ нея чугунныя вещи были превосходны. Чугунныя трубы этого завода выдерживали при одинаковой толщинѣ стѣнокъ гораздо бо́льшее давленіе, чѣмъ трубы не только иностранныхъ, но и другихъ русскихъ заводовъ, имѣющихъ также хорошую руду.

Бывшій владѣлецъ завода Д. Д. Шепелевъ сдѣлалъ большіе долги, вслѣдствіе роскошной жизни, а впослѣдствіи, по жалобѣ своихъ дочерей, былъ устраненъ отъ управленія; дочери же его вскорѣ вышли замужъ, одна за княгя Голицына, а другая за графа Кутайсова.

Управленіе имѣніемъ было ввѣрено старшему изъ сыновей Д. Д. Шепелева, слабоумному Ивану, который велъ заводскія дѣла очень дурно, а между тѣмъ, издерживая большія деньги на свою жизнь, надѣлалъ несмѣтные долги и разворилъ заводы.

Его младшій братъ Николай, совершенный идіотъ, по наущенію бѣдныхъ родственниковъ, желавшихъ поживиться въ мутной водѣ, сумѣлъ достигнуть устраненія старшаго брата отъ управленія, который послѣ этого жилъ въ Москвѣ, едва получая достаточно для своего прокормленія.

Мы пріѣхали съ Глинскимъ на заводы во время управленія ими Н. Д. Шепелева. Мы нашли въ его домѣ его дальняго родственника, главноуправляющаго всѣми имѣніями, Брюхова съ женою, тещею и другими его родственниками. Онъ былъ молодой человѣкъ красивой наружности, а жена его была истинная красавица. Непріятно было смотрѣть на ея любезничанье съ тщедушнымъ, болѣзненнымъ и тупоумнымъ заводовладѣльцемъ. Въ короткое время, которое я провелъ на Выксѣ, давались въ большомъ хорошо устроенномъ театрѣ оперы, въ которыхъ пѣли крѣпостные пѣвцы

и пѣвицы, балы и маскарады, не говоря уже о ежедневныхъ большихъ обѣдахъ.

Брюхова на балахъ и маскарадахъ была одѣта великолѣпно и казалась истинною царицею. Но это было послѣднее время увеселеній на заводахъ, болѣе не возвращавшееся.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Н. Д. Шепелевъ былъ удаленъ отъ управленія заводами, которые сданы въ опекунское управленіе, и опекунами были назначены Василій Александровичъ Сухово-Кобылинъ, женатый на родственницѣ Шепелевыхъ, и графъ Кутайсовъ, котораго покойная жена была дочь Д. Д. Шепелева, участница во владѣніи заводами.

Въ продолженіе послѣднихъ 25 лѣтъ эти несчастные заводы, переходя въ разныя управленія, были болѣе или менѣе всѣми расхищаемы. Исторія этихъ любопытныхъ переходовъ, вѣроятно, будетъ написана такимъ лицомъ, которому подробности о нихъ извѣстны болѣе, чѣмъ мнѣ.

Въ началѣ 1846 г. пріѣхалъ къ намъ въ Нижній братъ мой Николай, раненый въ экспедицію противъ горцевъ въ 1845 г. Онъ сдѣлалъ предложеніе Александрѣ Борисовнѣ Прутченко, получилъ согласіе и свадьба была назначена въ апрѣлѣ 1846 г. Я въ это время долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ для представленія проекта Нижегородскаго водопровода и другихъ проектовъ по городскимъ работамъ Нижняго.

Зима была холодная, и я въ первый разъ сшилъ себѣ енотовую шубу для дороги. Въ Москвѣ, гдѣ я остановился у сестры, ко мнѣ зашелъ молодой, красивый иностранецъ, который, въ бытность мою на Шепелевскихъ заводахъ, жилъ въ Выксунскомъ господскомъ домѣ. Я принималъ его почему-то за венгерца. Онъ пришелъ ко мнѣ съ просьбою ѣхать въ Петербургъ въ моей кибиткѣ по моей подорожной; я согласился.

По его уходѣ сестра объяснила мнѣ, что этотъ господинъ имѣетъ въ Москвѣ репутацію сближаться съ пожилыми дамами.

Около Новгорода онъ меня оставилъ, увѣряя, что онъ потерялъ свой портфель съ послѣдними деньгами. Этотъ молодой тогда иностранецъ впослѣдствіи очень разбогатѣлъ. У него огромная табачная фабрика въ Дрезденѣ и большіе табачные магазины въ Петербургѣ и Москвѣ подъ фирмою «Лафермъ».

Составленный мною проектъ Нижегородскаго водопровода, а равно и другія предположенія по работамъ въ Нижнемъ, были разсмотрѣны и утверждены. Конечно, это сдѣлалось не скоро, но когда было все кончено, то и тогда Клейнмихель, привыкшій меня видѣть у себя за обѣдомъ и на вечерахъ, меня не отпускалъ, а въ концѣ марта даже послалъ на С.-Петербурго-Варшавское шоссе для изслѣдованія слѣдующаго обстоятельства.

Одинъ фельдъегерскій офицеръ, помнится, что его фамилія была Иностранцевъ, опоздалъ съ депешами отъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, находившейся тогда въ Палермо, и доложилъ Государю, что былъ задержанъ дурнымъ состояніемъ шоссе. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ

того, что Государь передалъ объ этомъ Клейнмихелю, я, по его приказанію, уже ѣхалъ для изслѣдованія правильности показанія фельдъегеря.

Оказалось, что онъ, утомленный, проспалъ нѣсколько часовъ на одной изъ станцій за Рѣжицей, несмотря на то, что станціонный смотритель неоднократно будилъ его. Время его пріѣзда на станцію и отъѣзда было обозначено въ шнуровой книгѣ, въ которой записывались проѣзжающіе. Я взялъ копію съ записки и представилъ ее Клейнмихелю. Но фельдъегерь былъ въ особой милости у Клейнмихеля, который, желая спасти его отъ наказанія, сумѣлъ какъ-то скрыть отъ Государя дѣйствительную причину опозданія фельдъегеря.

Въ Петербургѣ, кромѣ Клейнмихеля, я часто бывалъ у родныхъ моихъ Колесовыхъ и Кутузовыхъ, у Рокосовскаго, у моего товарища Баландина, у котораго собирались въ его маленькой комнатѣ инженеры путей сообщенія всѣхъ партій, и у другихъ знакомыхъ. Изъ литературнаго кружка я бывалъ только у П. А. Плетнева, всегда особенно дружелюбно ко мнѣ относившагося.

Наконецъ Клейнмихель отпустилъ меня въ Нижній. На Нижегородскомъ шоссе я догналъ ѣхавшаго въ Нижній старшаго сына Прутченко, Дмитрія, который былъ тогда молодымъ конно-гренадерскимъ офицеромъ. Бросивъ наши кибитки на лѣвомъ берегу р. Оки, мы перешли 6-го апрѣля пѣшкомъ черезъ ледъ, который немедля по нашемъ переходѣ тронулся. На послѣднихъ станціяхъ передъ Нижнимъ я узналъ объ опасной болѣзни моей жены и, несмотря на дурное состояніе льда на рѣкѣ, спѣшилъ домой, гдѣ нашелъ сестру съ двумя ея дочерьми и брата Николая. Сестра объявила мнѣ, что жена въ началѣ недѣли преждевременно родила мальчика, очень слабаго, котораго, однако, успѣли окрестить и назвали Иваномъ, что его похоронили въ дѣвичьемъ монастырѣ близъ могилы моего тестя и что жена моя, опасно больная и нравственно разстроенная, лежитъ въ постели. Не буду описывать моего горя и свиданія съ женою; и то и другое понятны всякому.

Въ субботу на Святой недѣлѣ получены были Высочайшіе приказы отъ 7-го апрѣля, въ которыхъ я былъ произведенъ въ подполковники, а братъ въ капитаны. Въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія были произведены въ подполковники только двое: состоящій при графѣ Клейнмихелѣ Серебряковъ и я. Серебряковъ обошелъ при этомъ производствѣ весьма многихъ старшихъ его маіоровъ. Я вышелъ изъ Института инженеровъ путей сообщенія позже его двумя годами и слѣдовательно обошелъ еще гораздо большее число старшихъ меня маіоровъ. Съ тѣхъ поръ мы постоянно производились во всѣ чины въ одномъ приказѣ и всегда стояли рядомъ. Я, какъ стоявшій въ маіорскомъ чинѣ ниже его, и теперь въ чинѣ генералъ-лейтенанта слѣдую по списку за нимъ непосредственно. Подчиненные мои, производившіе работы на ввѣренномъ мнѣ участкѣ шоссе, также получили награды.

14-го апрѣля, въ день рожденія А. Б. Прутченко, была свадьба брата.

Я и сестра были его посаженными. За ужиномъ, вмѣстѣ съ свадебными поздравленіями, поздравляли молодую со днемъ ея рожденія, а меня и брата съ производствомъ въ чины.

Молодые помѣстились въ нижнемъ этажѣ казеннаго дома, занимаемаго Б. Е. Прутченко. Несносный характеръ молодой вскорѣ выказался. Братъ, по мягкости характера, все ей спускалъ и вообще баловалъ ее. Отецъ молодой, видя это, часто говаривалъ брату:

— Николай, послушай меня, не будь къ женѣ твоей такъ слабъ. Она мнѣ дочь и я знаю ея характеръ. Она сядетъ тебѣ на плечи и тогда поздно будетъ ее передѣлывать.

Конечно, эти совѣты не дѣйствовали, и предсказаніе Б. Е. Прутченко вполнѣ сбылось.

Вскорѣ послѣ свадьбы сестра уѣхала изъ Нижняго, а мѣсяцъ спустя уѣхали и молодые. Ихъ хотѣлъ проводить младшій братъ молодой, мальчикъ лѣтъ 13, Михаилъ (впослѣдствіи Псковскій губернаторъ). Родители согласились его отпустить подъ моимъ надзоромъ.

И такъ мы проводили молодыхъ верстъ за 60 отъ Нижняго до ст. Золина, гдѣ съ ними и простились.

Послѣ свадьбы брата я очень сблизился съ его тестемъ. Многіе его считали страшнымъ взяточникомъ, но онъ въ этомъ отношеніи былъ не только не хуже другихъ нижегородскихъ чиновниковъ, но едва-ли не лучше. Онъ былъ человѣкъ безспорно умный и дѣловой.

Дѣло сестры еще не было тогда кончено. Приходя по воскресеньямъ обѣдать къ Прутченко, я ему разсказывалъ о разныхъ обстоятельствахъ дѣла, требовавшихъ немедленной подачи прошеній или объясненій.

На другой день, рано утромъ, я получалъ отъ него писанныя его рукою черновыя прошенія или объясненія, и онъ такъ умѣлъ сообразить дѣло по моимъ разсказамъ, что въ этихъ бумагахъ, писанныхъ на двухъ или трехъ листахъ, не было ни одной помарки. Ему въ этомъ много пособляла глухота, не дававшая развлекаться ничѣмъ постороннимъ. Жена его Александра Максимовна, урожденная Шварцъ, была злая, вспыльчивая и весьма скупая женщина. Впрочемъ, ко мнѣ она была расположена, а мужъ ея меня очень любилъ и высоко ставилъ какъ общественнаго дѣятеля.

Немедля по пріѣздѣ моемъ въ Нижній были произведены торги на всѣ работы по составленнымъ мною проекту и смѣтѣ водопровода, за исключеніемъ паровыхъ машинъ, чугунныхъ трубъ и другихъ металлическихъ вещей. Работы на торгахъ остались за купцомъ Мигуринымъ, а машины и металлическія принадлежности я заказалъ заводамъ Шепелевыхъ.

Въ пріѣздъ мой на эти заводы для заказа, я нашелъ въ нихъ жизнь совершенно противоположную той, которой я былъ свидѣтелемъ въ декабрѣ. Все было тихо, надъ всѣмъ вѣяла какая-то скука. Не было ни нелѣпыхъ увеселеній, ни другого какого-либо движенія, столь обычнаго въ огромныхъ промышленныхъ заведеніяхъ. Вѣяло чѣмъ-то замогильнымъ, и дѣйствительно расплодилось бумагомараніе, заводы же шли попрежнему дурно

Цѣлые дни всѣ, обитавшіе въ господскомъ домѣ, сидѣли порознь; собирались только къ обѣду, который, равно какъ и подаваемыя къ нему вина, былъ весьма посредственный. Поручивъ заводскому механику Копьеву, какъ Нижегородскому уроженцу, особенное наблюденіе за сдѣланнымъ мною заказомъ, я поспѣшилъ вернуться въ Нижній.

Производителемъ работъ по устройству водопровода я назначилъ Глинскаго. Къ 1-му іюля были выкопаны ямы подъ фундаменты водоподъемнаго зданія и фонтана. Въ этотъ день послѣ обѣдни и молебствія въ Соборѣ по случаю празднованія дня рожденія Императрицы, архіерей въ полномъ облаченіи, съ духовенствомъ, крестами и иконами и хоругвями всѣхъ церквей, въ сопровожденіи всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и огромной массы народа, спустился съ верхней набережной, по извилистымъ аллеямъ сада, устроеннаго на высокомъ крутомъ берегу р. Волги, до мѣста, на которомъ предназначалось возвести подлѣ рѣки водоподъемное зданіе.

По окончаніи его закладки, крестный ходъ поднялся по тѣмъ же садовымъ аллеямъ на гору и прошелъ на Благовѣщенскую площадь до мѣста, на которомъ назначалось устроить фонтанъ.

Погода была прекрасная, и при величественномъ видѣ берега р. Волги, покрытомъ искусственными садами, крестный ходъ, слѣдовавшіе за нимъ служащіе въ блестящихъ мундирахъ и огромная масса народа представляли великолѣпнѣйшую картину.

Нижегородскій епископъ Іоаннъ (Доброзраковъ), при освященіи и закладкѣ фундамента подъ фонтанъ, улыбался, не довѣряя тому, чтобы вода могла быть поднята на такую высоту. Онъ былъ человѣкъ весьма образованный. Что же должно было думать большинство бывшихъ въ крестномъ ходу? Однакоже на всѣхъ лицахъ было явное удовольствіе въ надеждѣ имѣть воду въ верхней части города.

Въ отвѣтъ на изъявленное мнѣ преосвященнымъ Іоанномъ сомнѣніе, я приглашалъ его осенью слѣдующаго года освятить водопроводъ и вмѣстѣ воду, поднятую паровыми машинами въ фонтанный резервуаръ. Онъ обѣщался, но не могъ сдержать обѣщанія, потому что вскорѣ былъ назначенъ Донскимъ архіепископомъ.

Работы по устройству водопровода шли весьма успѣшно. Губернаторъ Урусовъ ежедневно ихъ осматривалъ и при осмотрахъ, въ отсутствіе производителя работъ Глинскаго, дѣлалъ разныя безтолковыя распоряженія. Это видимо раздражало Глинскаго. Урусовъ же его возненавидѣлъ и началъ къ нему придираться. Одинъ разъ, встрѣтивъ Глинскаго въ фуражкѣ, а не въ шляпѣ, какъ требовалось отъ военныхъ офицеровъ въ Нижнемъ, Урусовъ приказалъ ему идти ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы я его послалъ на гауптвахту за несоблюденіе формы.

Глинскій возразилъ Урусову, что онъ одѣтъ по формѣ, установленной для инженеровъ, производящихъ работы, и что губернаторъ встрѣтилъ его при переходѣ съ одной работы на другую. Тогда Урусовъ потребовалъ

отъ него, чтобы онъ постоянно носилъ при себѣ фуражку и шляпу, надѣвая первую на работахъ, а послѣднюю при переходѣ съ одной работы на другую, и повторилъ приказаніе передать мнѣ его требованіе посадить Глинскаго на гауптвахту. Я немедля поѣхалъ къ Урусову и представилъ ему всю несообразность его требованія. Онъ мнѣ на это отвѣчалъ, что онъ спустилъ бы другому офицеру, но что Глинскій съ польскимъ гоноромъ задираетъ носъ и что его надо проучить. Я представилъ Урусову, какъ неприлично ему, военному губернатору, показывать, что онъ имѣетъ личности съ поручикомъ Глинскимъ, и затѣмъ послѣдній не былъ посаженъ на гауптвахту.

Впрочемъ Урусовъ обращался очень дерзко со всѣми Нижегородскими властями и служащими, какъ при встрѣчахъ на улицѣ, такъ у себя дома и въ гостяхъ. Онъ не щадилъ никого. Нижегородскимъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ былъ въ это время заслуженный полковникъ Панютинъ, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, добрый и честный.

Въ гостяхъ у одного изъ служащихъ, Урусовъ, при всѣхъ гостяхъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, ни съ того ни съ сего поднялъ крикъ на Панютина, топалъ ногами и говорилъ, что онъ напишетъ въ Петербургъ объ его смѣнѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Панютинъ доносилъ объ этой сценѣ и другихъ подобныхъ шефу жандармовъ, который не переводилъ Панютина изъ Нижняго, желая имѣть довѣренное лицо для наблюденія за полоумнымъ губернаторомъ. Панютинъ, послѣ описанной сцены, старался не встрѣчаться съ Урусовымъ, иначе какъ по служебнымъ дѣламъ.

Для усиленія полицейскаго надзора во время ярмарки командировались въ Нижній казаки Уральскаго войска. Они постоянно, по разнымъ случаямъ, придирались къ проѣзжающимъ и проходящимъ и брали съ нихъ деньги. Между тѣмъ они пользовались постояннымъ покровительствомъ губернатора.

По мосту черезъ р. Оку, соединяющему городъ съ ярмаркою была запрещена скорая ѣзда. Это запрещеніе подавало поводъ разставленнымъ по мосту казакамъ останавливать нѣкоторыхъ изъ проѣзжающихъ за мнимую скорую ѣзду и отпускать ихъ только за деньги.

Такимъ образомъ былъ остановленъ мой своякъ графъ Толстой, ѣхавшій съ ярмарки въ городской телѣжкѣ, запряженной клеперомъ, купленнымъ, кажется, за пять руб., который не могъ ее везти иначе, какъ медленнымъ шагомъ. Толстой носилъ бороду и русскій кучерской костюмъ, а потому остановившій его казакъ думалъ, что онъ купецъ или мѣщанинъ. Казакъ, видя, что Толстой не даетъ ему денегъ и требуетъ оставить его въ покоѣ, повернулъ телѣжку, въ которой сидѣлъ Толстой, чтобы отвезти ее на казачью гауптвахту, находившуюся по серединѣ моста. При этомъ поворотѣ мальчикъ, всегда ѣздившій съ Толстымъ, упалъ изъ телѣжки.

На гауптвахтѣ въ это время случился младшій Нижегородскій полиціймейстеръ Запольскій, который отпустилъ Толстого и телѣжку съ лошадью.

Толстой пріѣхалъ прямо ко мнѣ. Мы рѣшили, что онъ напишетъ Урусову письмо, въ которомъ будетъ жаловаться на казака.

На другой день рано утромъ, когда Толстой и всѣ въ городѣ еще спали, полицейскіе взяли кучера Толстого и отвели его въ съѣзжій домъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было повѣщено полицейскими во всѣ дома, за исключеніемъ занимаемыхъ почетными лицами, въ числѣ которыхъ былъ и я, чтобы кучера немедля явились въ тотъ же съѣзжій домъ.

Когда они собрались, объявлено было, что приказано высѣчь въ ихъ присутствіи кучера Толстого за скорую ѣзду по мосту. Кучеръ этотъ заявилъ, что онъ никогда съ своимъ бариномъ не ѣздилъ и наканунѣ вовсе не отлучался изъ дома. Тогда его отпустили, а на мѣсто его взяли 15-лѣтняго мальчика, котораго при всѣхъ кучерахъ больно высѣкли, несмотря на то, что онъ заявлялъ, что баринъ самъ всегда правитъ лошадью, что они ѣхали вчера по мосту шагомъ и что онъ наканунѣ при паденіи изъ телѣжки больно ушибся.

Толстой, узнавъ объ этомъ сѣченіи, написалъ Урусову письмо, въ которомъ жаловался на притѣсненія, дѣлаемыя проѣзжающимъ казаками, и на несправедливое наказаніе его мальчика. Письмо было написано съ достоинствомъ, но безъ рѣзкихъ выраженій.

Урусову оно показалось дерзкимъ потому, что въ немъ былъ намекъ на покровительство Урусова казакамъ.

Сдѣлавъ выписку изъ письма только нѣкоторыхъ и то неполныхъ фразъ, Урусовъ препроводилъ ее въ ярмарочную полицію для производства надъ Толстымъ слѣдствія.

Я немедля объяснилъ Урусову неправильность наряженія этого слѣдствія, и онъ уже готовъ былъ отмѣнить его, когда пріѣхалъ въ Нижній Николай Андріановичъ Дивовъ, бывшій гофмейстеръ двора великаго князя Михаила Павловича, а въ это время находившійся въ отставкѣ.

Дивовъ, по своей маніи къ поддержанію всякой власти, увѣрилъ Урусова, что послѣдній долженъ написать объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, и Толстого сошлютъ безъ суда. Урусовъ исполнилъ по совѣту Дивова и слѣдствія не отмѣнилъ.

Министръ не обратилъ вниманія на жалобу Урусова, но слѣдствіе продолжалось. Нѣсколько дней сряду требовали Толстого, жившаго въ верхней части города, къ слѣдствію, производившемуся въ ярмарочной полиціи. Я научилъ Толстого отвѣтить, что по закону заявленіе, имъ сдѣланное, не можетъ быть поводомъ къ производству слѣдствія, но такъ какъ, несмотря на это, слѣдствіе все продолжалось и Толстому надоѣло ежедневно ѣздить въ полицію, то я ему совѣтовалъ заявить слѣдователю, что онъ не будетъ отвѣчать на вопросы, дѣлаемые по отрывкамъ изъ его письма, а требовать, чтобы все письмо было передано Урусовымъ слѣдователю; тогда послѣдній увидитъ, что нѣтъ повода продолжать слѣдствіе.

Въ письмѣ, хотя и уклончиво, высказывалась правда, которая ко-

лола глаза Урусову. По этой причинѣ онъ не хотѣлъ передать всего письма къ слѣдствію, и затѣмъ оно прекратилось.

Въ ту же ярмарку Урусовъ имѣлъ столкновеніе съ бывшимъ губернскимъ предводителемъ дворянства С. В. Шереметевымъ. Въ Кунавинѣ запрещено было курить на дворахъ. Между тѣмъ казаки, ѣхавшіе мимо дома Шереметева, замѣтили, что во дворѣ курятъ. Ворота во дворъ были заперты, но казаки вломились въ него и хотѣли взять курящихъ въ полицію.

Шереметевъ, раздраженный этимъ поступкомъ казаковъ, проходя мимо казацкой гауптвахты, находившейся посрединѣ моста черезъ р. Оку, остановился въ то время, когда караульный казачій офицеръ разсылалъ казаковъ на разные ярмарочные посты по ихъ собственному желанію. Каждый казакъ назначалъ тотъ постъ, на которомъ онъ стаивалъ прежде и надѣялся поболѣе собрать незаконными путями денегъ.

Шереметевъ сказалъ громко: «Вотъ какъ у васъ дѣлается разводъ часовыхъ?» На это казачій офицеръ отвѣчалъ ему: «Проваливай, не мѣшайся не въ свое дѣло». Но Шереметевъ началъ объяснять, что онъ самъ долго служилъ въ военной службѣ и подобнаго безобразія не видывалъ. Тогда казачій офицеръ повторилъ ему, чтобы онъ убирался, а то онъ посадитъ его подъ арестъ, къ чему прибавилъ: «Вишь какой, надѣлъ на шею Станиславскій крестъ, да и умничаетъ».

Шереметевъ часто носилъ польскій крестъ за военную доблесть (Virtuti militari), который въ послѣднюю польскую войну роздали всѣмъ и затѣмъ болѣе не давали. 2-я степень, которая носилась на шеѣ, была дана участвовавшимъ въ этой войнѣ въ чинѣ генералъ-лейтенанта или генералъ-майора. Казачій офицеръ принялъ этотъ крестъ за Станиславскій.

Описанная сцена была немедленно доведена до свѣдѣнія Урусова, который, позвавъ къ себѣ казачьяго офицера, заставилъ его подписать рапортъ о происшедшемъ съ нимъ наканунѣ и нарядилъ по этому дѣлу слѣдствіе. Казачій офицеръ, узнавъ, что дѣлавшій ему наканунѣ замѣчанія знатный и богатый баринъ, очень испугался и униженно просилъ прощенія у Шереметева и защиты у бывшаго старшаго полиціймейстера полковника Махотина, умоляя послѣдняго, чтобы онъ упросилъ Урусова прекратить дѣло, но просьбы его были безуспѣшны.

Шереметевъ на другой день уѣхалъ въ свое имѣніе, куда къ нему пріѣзжалъ чиновникъ, назначенный производить слѣдствіе. Я не знаю, отвѣчалъ-ли Шереметевъ на его вопросы, или уклонился отъ отвѣтовъ; знаю только, что онъ говорилъ чиновнику, что онъ еще помѣряется съ Урусовымъ.

Всѣ въ Нижнемъ и въ томъ числѣ вице-губернаторъ Пановъ, человѣкъ весьма умный, были увѣрены, что Шереметевъ будетъ преданъ уголовному суду. Однакоже это дѣло не имѣло никакихъ послѣдствій.

Не только самъ Урусовъ былъ глупъ, но и окружалъ себя большею частію такими же глупцами. При немъ состоялъ по особымъ порученіямъ

капитанъ Казаковъ, жена котораго была очень хорошенькая и умная женщина. Объ умѣ же Казакова можно судить по слѣдующему разсказу. Когда Урусовъ сказалъ Казакову, что онъ ежедневно обходитъ водопроводныя работы для моціона послѣ питья какихъ-то травъ, которыя сдѣлали ему много пользы, Казаковъ отвѣчалъ: «Это извѣстно, что всякая скотина отхаживается отъ болѣзней, когда ее пустятъ на траву». Говоря это, Казакову и въ голову не приходило, что его слова обидны для Урусова.

Съ назначеніемъ меня начальникомъ работъ по устройству Нижняго-Новгорода, я дѣлался постояннымъ его жителемъ и потому распорядился перевозкою въ Нижній всей моей мебели и другихъ вещей, хранившихся съ 1843 г. въ Москвѣ. Отправленіе ихъ изъ Москвы приняла на себя жившая у насъ Е. Е. Радзевская. Исправивъ въ Москвѣ нашу рояль, за сто слишкомъ рублей, она, соблюдая нашу экономію, отправила всѣ наши вещи на баркѣ, которая затонула на Окѣ. На этой баркѣ былъ весьма дорогой грузъ. Часть его, принадлежащая намъ, стоившая отъ 6 до 7 тыс. руб. сер., составляла въ сравненіи съ остальнымъ грузомъ весьма малую цѣнность.

Подобные случаи съ барками на Окѣ были весьма рѣдки, и едва-ли въ томъ году этотъ случай не былъ единственнымъ. Всѣ наши вещи пролежали въ водѣ очень долго, сверхъ того были попорчены разлившеюся купоросною кислотою, которая составляла часть груза барки.

По доставленіи моихъ вещей въ Нижній, онѣ были въ такомъ положеніи, что большая часть ихъ была брошена, и пришлось обзаводиться вновь.

Е. Е. Радзевская очень досадовала, что разныя мелкія вещи, которыя такъ любила жена моя, остались цѣлы, и въ томъ числѣ картонный рояль собственной работы моей жены, тогда какъ нашъ прекрасный рояль, за починку котораго она только что заплатила болѣе ста рублей, и вся наша мебель, купленная женѣ въ приданое, оказались никуда негодными.

Въ числѣ испорченныхъ вещей былъ замѣчательный коверъ, прекрасно вышитый двоюродною теткою моею Варварою Ивановною Колесовою. Коверъ этотъ былъ разыгранъ въ лотерею въ стоимости 5000 р. асс. (1428 р. 57 к. с.) Я взялъ два билета по 10 р. асс. (2 р. 85 к. с.) каждый и выигралъ коверъ, но это счастіе повело меня только къ убыткамъ. Коверъ до розыгрыша лотереи висѣлъ въ петербургскомъ магазинѣ Юнкера. Получивъ извѣстіе о выигрышѣ, я просилъ родственника моего Н. И. Кутузова переслать его ко мнѣ въ Москву, гдѣ я тогда жилъ (въ 1839 г.). Кутузовъ выслалъ его, но не увѣдомилъ меня о его высылкѣ и только послѣ повторенія моей просьбы отвѣчалъ, что коверъ давно высланъ черезъ контору транспортовъ.

При полученіи ковра изъ этой конторы оказалось, что въ немъ завелись черви и часть ковра уничтожена. Контора объявила, что она отвѣчаетъ только за наружную цѣлость посылокъ, и не выдала мнѣ вознагражденія за понесенный убытокъ. Я отдалъ коверъ исправить за 120 р. с. Исправленіе продолжалось болѣе года и кончилось только передъ первымъ

моимъ отъѣздомъ въ 1840 г. на Кавказъ. Съ того времени я въ продолженіе 6-ти лѣтъ былъ въ постоянныхъ разъѣздахъ и ковра не развертывалъ. Въ Нижній онъ былъ доставленъ облитый весь купороснымъ масломъ и слѣдовательно никуда негоднымъ.

При разъѣздахъ Клейнмихеля мѣстные начальники обыкновенно встрѣчали его на границѣ своихъ управленій. 1-го ноября онъ долженъ былъ пріѣхать на завѣдываемый мною участокъ шоссе. Я съ дистанціоннымъ инженеромъ ожидалъ его у пограничнаго столба Нижегородской и Владимірской губерніи. На этомъ мѣстѣ не было никакого пристанища. Клейнмихель опоздалъ своимъ пріѣздомъ, и мы, въ ожиданіи его на морозѣ и снѣгу, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ сильно померзли. Не на что было ни лечь, ни сѣсть, кромѣ замерзлой земли, покрытой снѣгомъ.

Проскакавъ въ темную холодную ноябрьскую ночь по завѣдываемому мною участку шоссе, Клейнмихель былъ встрѣченъ на границѣ городской земли Нижегородскимъ полиціймейстеромъ Зенгбушемъ, недавно назначеннымъ въ эту должность. Онъ доложилъ Клейнмихелю, что по случаю ледохода на р. Окѣ ему отведена квартира въ предмѣстьѣ Кунавинѣ, расположенномъ на лѣвомъ берегу Оки. Зенгбушъ былъ верхомъ и его сопровождали нѣсколько дѣсятковъ верховыхъ полицейскихъ и разнаго званія людей съ фонарями въ рукахъ.

Въ то время въ Кунавинѣ не было ни одного сколько-нибудь сноснаго дома съ печами, а потому комнаты, отведенныя Клейнмихелю, были холодны. Онъ разсердился, не хотѣлъ въ нихъ оставаться и послалъ Зенгбуша на берегъ Оки посмотрѣть, нѣтъ-ли возможности переправиться черезъ Оку въ городъ.

По его возвращеніи, Клейнмихель раздраженнымъ голосомъ спросилъ, можно-ли переправиться черезъ Оку, прибавивъ, что онъ пріѣхалъ осмотрѣть Нижній, а не его предмѣстье, въ которомъ хотятъ его заморозить. Зенгбушъ, перепуганный, отвѣчалъ ни то, ни се, и тогда Клейнмихель, еще болѣе вышедшій изъ себя, послалъ его снова осмотрѣть возможность переправы.

Встрѣченный по возвращеніи тѣмъ же крикомъ Клейнмихеля и не зная, что угоднѣе послѣднему, оставаться въ Кунавинѣ или, несмотря на видимую опасность, переѣхать въ городъ, онъ опять далъ уклончивый отвѣтъ. Тогда Клейнмихель приказалъ мнѣ ѣхать съ Зенгбушемъ на берегъ Оки и удостовѣриться въ возможности переправы черезъ нее.

Ночь была совершенно темная и холодная, съ берега ничего нельзя было видѣть; слышенъ былъ только шумъ плывущихъ льдинъ. Возвратясь къ Клейнмихелю, я доложилъ положительно, что переправа черезъ Оку невозможна. Тогда Клейнмихель сказалъ Зенгбушу, что вотъ какъ слѣдуетъ исполнять его приказанія, а не отвѣчать, что и можно и нельзя переправиться, причемъ передразнилъ и голосъ и манеры Зенгбуша, прибавивъ:

— Что вы думали, что я пріѣхалъ сюда топиться? Если завтра и возможно будетъ переѣхать черезъ Оку, я не поѣду въ городъ, а поѣду отсюда обратно. Хороши у васъ порядки, я доложу о нихъ Государю.

Затѣмъ Клейнмихель спросилъ у Зенгбуша:

— Который часъ?

Когда послѣдній отвѣтилъ ему, то онъ, посмотрѣвъ на свои часы и *увидавъ, что на нихъ 30 минутами менѣе*, закричалъ, что даже часы у *полиціймейстера невѣрны, и выгналъ* его изъ комнаты, сказавъ:

— Все у васъ дурацкое въ городѣ, и часы дурацкіе, и полиціймейстеръ дурацкій.

Между тѣмъ подали самоваръ. Клейнмихель за чаемъ удивлялся, откуда берутъ такихъ дураковъ въ полиціймейстеры. Я замѣтилъ, что онъ напрасно разбранилъ Зенгбуша за невѣрность его часовъ. Клейнмихель отвѣтилъ, что онъ свои часы переставилъ въ Москвѣ на полчаса впередъ. Я возразилъ, что въ Нижнемъ часы идутъ впередъ 30 минутами противъ московскихъ, а онъ на это сказалъ:

— Опять будутъ увѣрять, что этому причиною какой-то меридіанъ; послѣ этого всякій паршивый городишка будетъ имѣть свой меридіанъ.

Инженеры, члены строительной комиссіи и служащіе въ ней, а равно Зенгбушъ и всѣ полицейскіе, помѣстились на ночь въ грязной нетопленой кухнѣ, лежа на полу, подостлавъ подъ себ свои шинели. Я понялъ, что причиною раздраженія Клейнмихеля было то, что губернаторъ не выѣхалъ къ нему навстрѣчу. Когда я вошелъ въ кухню, Зенгбушъ обиженнымъ тономъ сказалъ мнѣ, что ни для кого не дѣлали подобной встрѣчи, а еще этотъ инженерный генералъ-лейтенантишка (такъ выразился Зенгбушъ) позволяетъ себѣ кричать и ругаться. Удивительно, что Зенгбушъ не имѣлъ понятія о значеніи Клейнмихеля.

Я объяснилъ Зенгбушу, что Клейнмихель давно полный генералъ и генералъ-адъютантъ, что онъ министръ и, главное, любимецъ Государя, и что напрасно Урусовъ не переѣхалъ вмѣстѣ съ Зенгбушемъ въ Кунавино для встрѣчи Клейнмихеля.

Тогда Зенгбушъ послалъ просить Урусова немедля пріѣхать. Посланный квартальный надзиратель сѣлъ въ лодку на Окѣ, но не могъ пристать къ противоположному берегу, а былъ занесенъ льдинами въ Волгу и присталъ къ берегу ниже города у Печерскаго монастыря. Урусовъ пріѣхалъ въ 7 часу утра въ полной парадной формѣ: въ бѣлыхъ панталонахъ и ботфортахъ. Онъ принужденъ былъ ожидать пріема Клейнмихеля въ той же кухнѣ, гдѣ нѣкоторые изъ чиновниковъ валялись еще на полу, а другіе вставали полуодѣтые и умывались. Это положеніе сильно оскорбляло чрезвычайно гордаго Урусова.

Почтовыя лошади, привезшія Клейнмихеля и меня съ послѣдней почтовой станціи Орловки, вернулись на эту станцію, а такъ какъ онъ объявилъ, что рано утромъ, не заѣзжая въ городъ, поѣдетъ обратно и въ Кунавинѣ нельзя было достать лошадей, то я послалъ за свѣжими почтовыми

лошадьми въ Орловку. Серебряковъ ему доложилъ о пріѣздѣ Урусова, но не получилъ никакого отвѣта. Когда я пилъ чай вмѣстѣ съ Клейнмихелемъ, то по просьбѣ Урусова напомнилъ ему о томъ, что послѣдній ждетъ его пріема. Клейнмихель отвѣчалъ шутя, что я, какъ нижегородскій помѣщикъ, вздумалъ покровительствовать Урусову, и прибавилъ: «Пусть подождетъ». Я передалъ это Урусову, который горячась увѣрялъ, что немедля уѣдетъ, но не трогался съ мѣста. Клейнмихель, выдержавъ Урусова часа четыре въ кухнѣ, велѣлъ его позвать и обошелся съ нимъ любезно.

Въ коридорѣ, передъ комнатами Клейнмихеля, были выстроены инженеры, архитекторы и другіе чины вѣдомства путей сообщенія. По приглашенію Урусова, Клейнмихель, выйдя къ нимъ, изъявилъ благодарность за то, что губернаторъ, ихъ ближайшій начальникъ, о нихъ хорошо отзывается. Это должно было всѣхъ удивить, такъ какъ было извѣстно, что Урусовъ, перессорившись почти со всѣми инженерами и архитекторами, собирался на нихъ жаловаться Клейнмихелю. Клейнмихель тутъ же объявилъ, что онъ желаетъ лично осмотрѣть труды тѣхъ, которыхъ такъ одобрялъ губернаторъ.

Льду на Окѣ было менѣе, чѣмъ ночью. Мы переправились благополучно.

При осмотрѣ отстроеннаго вчернѣ водоподъемнаго зданія, я подвелъ Клейнмихеля къ находящемуся близъ этого зданія ключевому бассейну, устроенному по изобрѣтенному мною дешевому способу.

Клейнмихель, не понимая ни чертежа этого бассейна, ни моего разсказа объ его устройствѣ, не сказалъ ни слова, но на лицѣ его было видно неудовольствіе.

Конечно, если бы вмѣсто этого простого, дешеваго устройства, былъ построенъ, сообразно прежнимъ проектамъ, большой кирпичный ключевой бассейнъ, то Клейнмихель осмотрѣлъ бы его въ подробности и поблагодарилъ бы меня, какъ постоянно благодарилъ за всѣ произведенныя мною работы и въ особенности за кирпичныя.

Клейнмихелю не было дѣла до того, что подобный бассейнъ стоилъ бы въ 20 или 30 разъ дороже; было бы, по крайней мѣрѣ, на что посмотрѣть.

Клейнмихель приказалъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ Москву. Для того, чтобы я могъ надѣть на дорогу сюртукъ, вмѣсто мундира, въ которомъ я его встрѣтилъ, онъ остановился у воротъ занимаемаго мною дома. Мой свояк Толстой былъ въ это время у моей жены. Увидѣвъ изъ окна, что Клейнмихель подъѣзжаетъ къ нашему дому, и полагая, что послѣдній зайдетъ ко мнѣ, онъ поспѣшилъ уйти. На Толстомъ было надѣто три пальто, изъ которыхъ верхнее было короче нижнихъ и самое верхнее было изъ лѣтней матеріи. На головѣ была кучерская шапка, а черная его борода была покрыта хлопьями снѣга. Въ такомъ видѣ Толстой прошелъ мимо коляски, въ которой сидѣли Клейнмихель и Урусовъ. Послѣдній, конечно, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы представить Толстого не признающимъ властей революціонеромъ.

По возвращеніи моемъ изъ дому, Клейнмихель сказалъ мнѣ, что если бы онъ зналъ, для какихъ родныхъ я просилъ его ходатайства у Государя, то, конечно, онъ не исполнилъ бы моей просьбы.

По окончаніи осмотра городскихъ работъ, мы завтракали у Урусова. Клейнмихель за завтракомъ очень любезничалъ съ женою Урусова. Послѣ завтрака Клейнмихель и я поѣхали въ Москву и успѣли еще засвѣтло доѣхать до Владимірской губерніи, гдѣ оканчивался завѣдываемый мною участокъ шоссе.

Такимъ образомъ Клейнмихель успѣлъ въ продолженіе семи часовъ осмотрѣть не только всѣ работы, производившіяся въ Нижнемъ, но и шоссе на протяженіи 50 верстъ и сверхъ того позавтракать у губернатора. Этотъ осмотръ онъ описалъ въ отданномъ имъ 11 ноября за № 207 приказѣ, изъ котораго я привожу здѣсь нѣсколько выписокъ.

«Нижегородское шоссе отъ Москвы до Нижняго Новгорода (389 вер.), при проѣздѣ моемъ нынѣ, я нашелъ совершенно въ удовлетворительномъ состояніи. Участокъ шоссе отъ Нижняго до с. Краснаго (52½ вер.), въ 1843 г. совершенно разрушившійся, отдѣланъ отлично и во всѣхъ частяхъ надежно».

«Губернаторы губерній, черезъ которыя шоссе это пролегаетъ, мѣстные жители и купечество, которыхъ я нарочно въ проѣздъ мой призывалъ, удостовѣряютъ, что Нижегородское шоссе, во все время нынѣшняго года, было въ отличномъ положеніи, и какъ проѣзжающіе, такъ и обозы не имѣли ни малѣйшей остановки».

«Справедливо заслуживаютъ мою признательность и я вполнѣ благодарю за таковое состояніе Нижегородскаго шоссе: начальника IV округа путей сообщенія, инженеръ генералъ-маіора Трофимовича, исправляющаго должность начальника V округа инженеръ-полковника Шуберскаго, начальниковъ отдѣленій инженеръ-подполковниковъ Жилинскаго и Запольскаго и въ особенности завѣдывающаго послѣднимъ участкомъ отъ с. Краснаго до Нижняго, состоящаго при мнѣ инженеръ-подполковника барона Дельвига, и всѣхъ дистанціонныхъ офицеровъ».

«Общее состояніе Нижегородскаго шоссе, какъ выше сказано, весьма хорошо, но въ частности, кромѣ участка барона Дельвига, я долженъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія».

Далѣе слѣдуютъ замѣчанія, которыхъ я не переписываю. Послѣ полученія означеннаго приказа въ Нижнемъ, я въ первый разъ видѣлся съ вице-губернаторомъ Пановымъ 25 декабря въ Нижегородскомъ каѳедральномъ соборѣ. Стоя на колѣняхъ во время благодарственнаго молебствія, Пановъ поздравилъ меня съ благодарностью Клейнмихеля и къ этому прибавилъ, что послѣ такой благодарности нечего уже будетъ толковать объ этихъ, какъ онъ выразился, hommes de paille, какими были, по его мнѣнію, Вейсбергъ и Тимофѣевъ.

Ясно было, что онъ полагалъ, что подрядчикомъ по устройству шоссе былъ я, а Вейсбергъ только подставнымъ лицомъ. Я ему отвѣчалъ, что въ

церкви неудобно объяснять ему ложность его предположенія, но что я для этого заѣду къ нему прямо изъ собора.

По пріѣздѣ къ нему, я заявилъ мое удивленіе, что онъ, при своемъ большомъ умѣ и зная меня болѣе трехъ лѣтъ, не понялъ, что я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые не въ состояніи обирать казну для своего обогащенія. Онъ мнѣ отвѣчалъ на это:

— Дѣйствительно, всѣ подрядчики по городскимъ работамъ увѣряютъ, что вы, помогая имъ во всемъ, что не противно заключеннымъ ими контрактамъ, ничего съ нихъ не берете. Но я полагалъ, что вы такъ дѣйствуете собственно по городскимъ работамъ по причинѣ ничтожности употребляемыхъ на нихъ суммъ. Что же касается до устройства шоссе, на что употреблено болѣе полумилліона рублей, то я полагалъ, что вы довольно умны, чтобы не упустить подобнаго случая для поправленія вашихъ разстроенныхъ обстоятельствъ; убѣжденный же вашими объясненіями, что я въ этомъ ошибался, мнѣ остается только извиниться передъ вами въ томъ, что я полагалъ васъ умнѣе, чѣмъ вы оказываетесь въ дѣйствительности.

Онъ былъ и уменъ и остроуменъ. Въ строительной комиссіи существовало обыкновеніе передъ Новымъ годомъ разсылать всѣмъ ея членамъ разныя канцелярскія принадлежности; ихъ присылали и Панову, какъ предсѣдательствовавшему въ комиссіи въ продолженіе всего ярмарочнаго времени и вообще во время отсутствія губернатора изъ Нижняго.

Пановъ получилъ эти принадлежности на 1847 г., за исключеніемъ карандашей, на что и обратилъ мое вниманіе. Я ему отвѣчалъ, что это сдѣлано по моему приказанію, такъ какъ карандаши враги его, и я хотѣлъ его отъ нихъ избавить. Пановъ на поляхъ журналовъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, которые онъ долженъ былъ подписывать, дѣлалъ карандашомъ злостныя замѣтки, чѣмъ пріобрѣлъ себѣ много враговъ.

Далѣе въ томъ же приказѣ Клейнмихеля отъ 11 ноября сказано:

«Въ Нижнемъ Новгородѣ сдѣланы для опыта два шоссе: одно изъ искусственнаго кирпичнаго щебня, а другое изъ чугунной руды. Опытъ этотъ я велѣлъ произвести потому, что во многихъ мѣстахъ нѣтъ камня, а въ другихъ онъ доходитъ уже до цѣны неимовѣрной.

«Опытныя шоссе устроены на самой проѣзжей Ямской улицѣ изъ искусственнаго кирпичнаго щебня на 150 погонныхъ саженяхъ, а изъ чугунной руды на 95 саженяхъ. Первое изъ нихъ окончено осенью 1845 г., а послѣднее въ концѣ іюля мѣсяца текущаго года.

«По шоссе изъ кирпичнаго щебня прошли значительные обозы Нижегородской ярмарки нынѣшняго года и въ продолженіе весны перевезли по этому пути большое количество канатовъ съ близъ лежащей фабрики, имѣя на возахъ отъ 150 до 200 пудовъ. Шоссе сохранилось въ совершенной цѣлости, а ремонту въ теченіе всего года употреблено на него только $1^1/_2$ куб. сажени. Нѣтъ сомнѣнія въ возможности устройства шоссе изъ этого матеріала, но для большаго удостовѣренія я велѣлъ, по особо составленной

на основаніи опытовъ инструкціи, сдѣлать таковые участки шоссе во всѣхъ округахъ путей сообщенія *).

«По шоссе изъ чугунной руды также шли обозы Нижегородской ярмарки и перевозились канатныя тяжести, безъ всякаго для него поврежденія; но, по краткости времени его существованія, нельзя еще сдѣлать надлежащаго объ немъ заключенія. Завѣдывающему этимъ шоссе инженеръ-подполковнику барону Дельвигу продолжать наблюденія и о послѣдствіи донести мнѣ.

«На пространствѣ, отдѣляющемъ шоссе изъ руды отъ шоссе изъ искусственнаго щебня, вмѣсто мостовой сдѣлать также шоссе изъ кирпичнаго щебня».

Членъ общаго присутствія правленія X (Кіевскаго) округа инженеръ полковникъ Борейша представилъ Клейнмихелю записку о возможности замѣнить булыжный щебень для шоссе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ очень дорогъ, кирпичнымъ, обожженнымъ по особому способу. Клейнмихель передалъ мнѣ въ Москвѣ въ 1844 г. записку Борейши для объясненія дѣла.

Записка была составлена непонятно. Я изложилъ дѣло съ большею ясностію и получилъ приказаніе Клейнмихеля прочитать мою записку нѣсколькимъ инженерамъ, и въ томъ числѣ Трофимовичу, съ тѣмъ, чтобы они ее подписали. Всѣ инженеры за исключеніемъ Трофимовича, по прочтеніи записки, охотно ее подписали; послѣдній же, мало понимая дѣло, требовалъ времени для изученія записки и не хотѣлъ читать ее при мнѣ.

Я замѣтилъ ему, что Клейнмихель уѣзжаетъ на другой день изъ Москвы, и я долженъ представить записку до его отъѣзда, тогда Трофимовичъ ее подписалъ.

За обѣдомъ у Клейнмихеля въ этотъ же день Трофимовичъ сказалъ, что много значитъ умѣнье писать складно; хотя мысль о шоссе изъ кирпичнаго щебня принадлежитъ Борейшѣ, но она сдѣлалась для всѣхъ понятною и возможною къ осуществленію только послѣ ея обработки мною.

Я тогда же получилъ приказаніе устроить въ видѣ опыта шоссе изъ кирпичнаго щебня. Такое же приказаніе дано было и Борейшѣ объ устройствѣ опыта въ Кіевѣ. Устроенное мною въ 1845 г. шоссе изъ кирпичнаго щебня въ Нижнемъ вполнѣ удалось, а устроенное Борейшею въ Кіевѣ было очень неудачно.

Въ ноябрѣ 1846 г. я снова съ Клейнмихелемъ былъ въ Москвѣ, гдѣ представилъ ему подробное описаніе употребленнаго мною способа для обжога кирпичнаго щебня и устройства изъ него шоссе. Это описаніе было издано особою брошюрою и, кажется, помѣщено въ Журналѣ путей сообщенія. Вмѣстѣ съ устройствомъ опыта шоссе изъ кирпичнаго щебня, Клейнмихель поручилъ мнѣ устроить, въ видѣ опыта, шоссе изъ болотной желѣзной руды, которая имѣется въ значительномъ количествѣ близъ Нижегородскаго шоссе на границѣ Нижегородской губерніи.

*) Этихъ опытовъ произведено не было.

Эти шоссе изъ кирпичнаго щебня и изъ руды содержались въ бытность мою въ Нижнемъ въ большой исправности. Они представляли совершенно ровную поверхность, въ особенности шоссе изъ кирпичнаго щебня. На обыкновенныхъ, наилучшимъ образомъ укатанныхъ, шоссе имѣются всегда небольшія рябины. Проходящіе тяжелые возы производятъ въ нихъ удары, которые все болѣе и болѣе увеличиваютъ эти рябины. На шоссе же изъ кирпичнаго щебня, если онъ обожженъ надлежащимъ образомъ, поверхность не имѣетъ упомянутыхъ рябинъ, тяжелые возы не производятъ на немъ тѣхъ ударовъ, каковымъ подвергается шоссе изъ булыжнаго щебня, а потому на его ремонтъ требуется незначительное количество щебня.

Далѣе въ томъ же приказѣ отъ 11 ноября сказано:

«Строительную часть Нижняго Новгорода я нашелъ въ удовлетворительномъ состояніи: городъ обстраивается красивыми зданіями; въ теченіе нынѣшняго года устроено до 2000 кв. саж. мостовой и до 5 вер. тротуаровъ изъ торца, кирпича и плиты».

Строительною частью въ Нижнемъ завѣдывала строительная комиссія, въ которой предсѣдательствовалъ губернаторъ, а потому Клейнмихелю невозможно было офиціально относить ко мнѣ похвалу объ удовлетворительномъ состояніи строительной части въ Нижнемъ, хотя ему было извѣстно, что я былъ главный по этой части дѣятель. То же замѣчаніе относится ко всему изложенному въ окончаніи приказа Клейнмихеля отъ 11-го ноября, которое привожу въ буквальной выпискѣ.

«Казармы, для двухъ батальоновъ и жандармской команды возводимыя, уже окончены, исключая наружной штукатурки и вставки оконныхъ рамъ. Работы произведены хорошо.

«Рамы вставить немедленно и топить зданіе въ теченіе зимы непремѣнно; усмотрѣнныя на лѣстницахъ деревянныя площадки и ступени замѣнить чугунными, по примѣру сдѣланныхъ тамъ же двухъ главныхъ лѣстницъ.

«Въ подвальныхъ этажахъ зданія, куда, по мѣстному положенію ихъ, проникаетъ весенняя вода, для отвращенія сырости устроить кирпичные полы на цементѣ, согласно даннымъ мною на мѣстѣ приказаніямъ; дворъ между казармами и службами, имѣющій значительный скатъ къ казармамъ, выровнять, сдѣлавъ у службъ террасу, съ лѣстницами и спусками. Все это и самую оштукатурку зданія кончить къ 1-му августа 1847 г.

«Военно-губернаторскій домъ окончательно исправленъ съ устройствомъ въ подвальномъ этажѣ каменныхъ столбовъ и арокъ; этимъ способомъ прекратились дальнѣйшія въ стѣнахъ трещины. Домъ этотъ вообще значительно улучшенъ противу прежняго и содержится весьма чисто. Остается только укрѣпить обрушившіеся въ саду откосы. Работу эту исполнить въ 1847 г.

«Для снабженія верхней части города водою изъ Оки*) устраиваются

*) Вода проведена въ Нижній изъ ключей, находящихся на берегу р. Волги; въ приказѣ ошибка.

водопроводы. Главное водоподъемное зданіе на берегу р. Волги у казанскаго съѣзда возведено подъ крышу; при немъ сдѣланъ водоподъемный колодезь, ключевые бассейны и проложены отъ нихъ къ зданію трубы, а на верхне-базарной площади приготовлено основаніе подъ фонтанъ. Работы производятся успѣшно и тщательно и будутъ совершенно окончены въ 1847 г.

«Всѣ спуски, съѣзды и земляные откосы въ городѣ исправлены и содержатся хорошо, кромѣ Похвалинскаго съѣзда и Нижне-Окской набережной. Похвалинскій съѣздъ поправленъ сколько возможно было для безостановочнаго во время ярмарки проѣзда, но совершенное его устройство не могло быть сдѣлано по значительности потребной для того суммы. По этой же причинѣ не исправлена и Нижне-Окская набережная.

«Нижегородской губернской строительной комиссіи немедленно представить мнѣ проекты и смѣты на эти двѣ работы, ограничивъ ихъ мѣрою крайней необходимости и не допуская ни въ чемъ излишества.

«Ярмарочный гостинный дворъ въ порядкѣ: въ немъ окончательно возведены, вмѣсто погорѣвшихъ, новые два корпуса; произведены всѣ необходимыя ремонтныя исправленія; очищены подземельныя галлереи и устроены брандмауэры; но два корпуса Шуйскій и Пушной, отъ подгнившихъ подъ фундаментомъ свай, имѣютъ большія трещины, дѣлающія во многихъ лавкахъ торговлю невозможною.

«Начальнику VI округа генералъ-маіору Гермесу и подполковнику барону Дельвигу ускорить представленіемъ мнѣ, на основаніи даннаго имъ мною въ 1845 г. предписанія, проектовъ на перестройку этихъ корпусовъ и на огражденіе ярмарочнаго гостиннаго двора отъ затопленія разливомъ весеннихъ водъ рѣкъ Волги и Оки.

«Тюремное зданіе чисто, но въ немъ необходимо произвести нѣкоторыя устройства. Нижегородской строительной комиссіи представить мнѣ проекты, согласно лично даннымъ мною на мѣстѣ приказаніямъ.

«Арестантская рота помѣщается въ зданіи приказа общественнаго призрѣнія; зданіе ветхо и не соотвѣтствуетъ помѣщенію роты; въ ротѣ все въ порядкѣ. Предположено построить новое зданіе».

Прочитавъ эти выписки изъ приказа отъ 11 ноября, кто бы могъ повѣрить, что онъ былъ послѣдствіемъ осмотра Клейнмихелемъ работъ, продолжавшагося менѣе 7-ми часовъ. Конечно, приказъ былъ не что иное, какъ сокращеніе поданныхъ мною о каждой работѣ записокъ. Послѣднюю выписку изъ приказа я объясню подробно.

Производителемъ работъ, по устройству упомянутыхъ въ приказѣ казармъ, сначала былъ архитекторъ Кизеветтеръ, а впослѣдствіи Фостниковъ. Онѣ устроены на нижней набережной Волги. По причинѣ жидкаго грунта потребовалось подъ нихъ забивать сваи частоколомъ и дѣлать глубокій фундаментъ, на что потребовались огромныя издержки.

Это мѣсто было избрано Государемъ. Когда я былъ назначенъ началь-

никомъ работъ по устройству Нижняго, зданія были вчернѣ почти окончены. Въ подвальные этажи зданія, какъ сказано въ приказѣ, проникала весенняя вода; для отвращенія этого проникновенія сырости, я предложилъ устроить въ нихъ кирпичные полы на искусственномъ цементѣ (тогда еще рѣдко употребляли настоящій цементъ) и тѣмъ же цементомъ оштукатурить стѣны и своды. Это предположеніе было приведено въ исполненіе въ 1847 г. и съ успѣхомъ.

Военно-губернаторскій домъ построенъ наверху крутого берега р. Волги. Въ стѣнахъ его, по причинѣ осадки фундамента, оказывались щели; самыя значительныя изъ нихъ были въ средней продольной стѣнѣ дома. Эти щели происходили отъ того, что въ подвальномъ этажѣ дома былъ коридоръ, котораго не было въ слѣдующихъ этажахъ, такъ что сводъ въ коридорѣ опирался съ одной стороны на стѣну, которая поднималась во всѣ этажи, а съ другой на стѣну, оканчивавшуюся въ подвальномъ этажѣ. Первая стѣна отъ своей тяжести садилась, черезъ что на ней, равно какъ и на коридорномъ сводѣ, образовались трещины. Предположеннымъ мною устройствомъ въ подвальномъ этажѣ каменныхъ столбовъ и арокъ, дѣйствительно, прекратилось образованіе трещинъ въ средней поперечной стѣнѣ. Прочія же щели были перебраны, и такъ какъ осадка фундамента дома прекратилась, то онѣ болѣе не показывались.

Урусовъ жилъ чисто, что и отмѣчено Клейнмихелемъ въ приказѣ. Обрушившійся въ саду дома откосъ, при чемъ разрушилась и стоявшая въ немъ церковь, былъ исправленъ въ слѣдующемъ году, при чемъ церковь разобрана до основанія. Иконы и прочія ея принадлежности перенесены въ одну изъ залъ верхняго этажа губернаторскаго дома, въ которой устроена новая церковь.

При назначеніи меня начальникомъ работъ по устройству Нижняго, всѣ земляныя сооруженія, служившія для соединенія верхней части города съ нижней, а равно для украшенія верхней волжской набережной, были очень запущены. Образовались провалы на съѣздахъ и на откосахъ, и дерновая кладка на послѣднихъ во многихъ мѣстахъ обвалилась. Все это по возможности было исправлено мною въ два лѣта, такъ что столь требовательный начальникъ, какимъ былъ Клейнмихель, остался доволенъ, сравнивая положеніе съѣздовъ и набережныхъ въ 1846 г. съ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ бытность свою въ Нижнемъ въ 1845 г.

Ярмарочный гостинный дворъ былъ въ 1845 г. и 1846 г. также значительно ремонтированъ. Корпуса этого двора были устроены на сваяхъ. При ихъ постройкѣ предполагалось посредствомъ шлюзовъ задерживать весеннюю воду въ окружающихъ каналахъ на высотѣ горизонта свай, но съ удаленіемъ генерала Бетанкура отъ званія главнаго директора путей сообщенія устройство шлюзовъ отмѣнено.

Это было причиною, что верхняя часть свай, забитыхъ подъ ярмарочные корпуса, которая выше горизонта самыхъ низкихъ водъ въ рѣкахъ Волгѣ и Окѣ, обратилась въ труху. Я полагалъ обрѣзать сваи на томъ

горизонтѣ, на которомъ онѣ оставались неповрежденными, и на нихъ устроить каменный фундаментъ на цементѣ.

Ярмарочные корпуса представляютъ такое легкое строеніе, что, по моему мнѣнію, они могли бы стоять и безъ свайной подъ ними забивки. Образуются же въ нихъ трещины именно потому, что подъ ихъ стѣнами подгнили сваи. Въ приведенномъ приказѣ сказано, что составленіе проектовъ на работы по перестройкѣ ярмарочныхъ корпусовъ и огражденію ихъ отъ затопленія весенними водами было поручено вмѣстѣ со мною и начальнику VI округа; такое распоряженіе было сдѣлано съ цѣлью дать мнѣ средства, т.-е. инженеровъ, для производства изысканій, и чертежниковъ для черченія плановъ. Эти лица имѣлись въ распоряженіи правленія округа, а у меня ихъ не было. Впрочемъ, первый изъ означенныхъ проектовъ былъ мною составленъ безъ участія начальника VI округа, а второго вовсе составлено не было.

По должности начальника работъ, я завѣдывалъ Нижегородскою арестантскою ротою гражданскаго вѣдомства, на правахъ отдѣльнаго баталіоннаго командира. Составленный проектъ на устройство для нея новаго зданія былъ уже представленъ. Содержаніе арестантскихъ ротъ стоило дорого, но онѣ приносили мало пользы.

Въ 1845 г., при осмотрѣ Клейнмихелемъ Нижегородской роты, одинъ изъ арестантовъ, стоя во фронтѣ, заговорилъ съ нимъ. Клейнмихель обругалъ арестанта, который былъ немедля выведенъ изъ фронта. Въ 1846 г., при осмотрѣ Клейнмихелемъ роты, ничего подобнаго не случилось. Я хотя и требовалъ, чтобы арестанты работали болѣе прежняго въ пользу города, но наблюдалъ за тѣмъ, чтобы ихъ пища и вообще ихъ положеніе были по возможности улучшены, что они очень цѣнили, хотя не обходилось безъ безпорядковъ. Жизнь въ ротѣ до того надоѣдала арестантамъ, что они, желая подвергнуться болѣе строгому по законамъ наказанію, безпрерывно ложно показывали участіе свое въ тяжкихъ преступленіяхъ и готовы были на совершеніе новыхъ преступленій, чтобы только выйти изъ настоящаго положенія.

Однажды командиръ роты капитанъ Брезгунъ прибѣжалъ ко мнѣ безъ кивера и шапки и доложилъ, что арестанты бунтуютъ и онъ не можетъ съ ними справиться. Я немедля поѣхалъ въ роту, приказалъ караульному унтеръ-офицеру взять зачинщиковъ и наказать ихъ розгами. Это было единственное средство для укрощенія начинавшагося между арестантами возмущенія, и, дѣйствительно, вслѣдъ за этимъ все въ ротѣ пришло въ порядокъ.

Кстати о безпорядкахъ, которыхъ нельзя избѣгнуть даже и въ ограниченномъ кругу служебной дѣятельности, несмотря на полное вниманіе къ сохраненію казеннаго интереса, разскажу слѣдующее.

Клейнмихель приказалъ, чтобы при ст. Орловкѣ, въ 16 верстахъ отъ Нижняго, была къ ярмаркѣ 1846 г. устроена застава для взиманія шоссейнаго сбора. Клейнмихель подтвердилъ это приказаніе, несмотря на мое

представленіе о безполезности заставы при существованіи таковой же на первыхъ верстахъ шоссе во Владимірской губерніи, почти на границѣ Нижегородской.

На мѣстности, окружающей шоссе въ послѣдней губерніи, имѣются самыя незначительныя поселенія. За исключеніемъ ихъ, всѣ пассажиры и грузы, проѣзжающіе черезъ Орловскую шоссейную заставу, по причинѣ болотной мѣстности, не могутъ миновать слѣдующей заставы. Команды на шоссейныхъ заставахъ состояли изъ офицера, переведеннаго изъ арміи въ одну изъ бывшихъ тогда военно-рабочихъ ротъ путей сообщенія, и изъ нижнихъ чиновъ этихъ ротъ: одного или двухъ писарей, унтеръ-офицера и шести рядовыхъ.

Клейнмихель предоставилъ мнѣ отыскать офицера въ начальники заставнаго дома при ст. Орловкѣ. Весною 1846 г. явился ко мнѣ въ Нижній молодой человѣкъ, лѣтъ 30 отъ роду, высокій ростомъ и вообще красивый собою. Онъ мнѣ заявилъ, что онъ отставной капитанъ конной артиллеріи и желаетъ занять означенное мѣсто.

Я объяснилъ ему, что содержаніе начальника заставнаго дома незначительно, что въ этой должности онъ не можетъ ожидать производства въ слѣдующій чинъ и никакихъ наградъ, что обыкновенно подобныя должности занимаются людьми мало образованными и бѣдными, а такъ какъ онъ артиллеристъ и одѣтъ очень прилично, то просимое имъ мѣсто гораздо ниже его.

Козловскій отвѣчалъ мнѣ, что при готовой квартирѣ ему достаточно содержанія, и что, находясь вблизи отъ Нижегородской ярмарки, ему удобнѣе будетъ торговать коврами, которые выдѣлываются на небольшой его фабрикѣ близъ Москвы.

Мнѣ было совѣстно, изъ-за своихъ предубѣжденій противъ артиллеристовъ, отказать просителю, и я представилъ о принятіи его на службу. Представленіе мое было утверждено, и Козловскій явился на Орловскую станцію въ началѣ ярмарки 1846 г.

Проѣзжая въ исходѣ этой ярмарки по участку шоссе отъ границы Владимірской губерніи, я, по принятому мною правилу, осматривалъ у нѣкоторыхъ извозчиковъ, везшихъ грузы, выданные имъ на Орловскомъ заставномъ домѣ ярлыки (квитанціи), при чемъ замѣтилъ, что они большею частью были выданы на проѣздъ шоссе отъ Нижняго до Москвы, разстояніемъ 389 верстъ.

Запомня номера этихъ квитанцій, я, по пріѣздѣ въ заставный домъ, спросилъ книгу, въ корешкѣ которой остаются дубликаты выданныхъ квитанцій, и нашелъ, что подъ замѣченными мною номерами на дубликатахъ значится, что квитанціи выданы отъ Нижняго до ст. Мачкова, разстояніемъ около 75-ти верстъ, такъ что по нимъ въ приходъ записано только около одной пятой части той суммы шоссейнаго сбора, которая значилась въ видѣнныхъ мною ярлыкахъ.

Не показавъ Козловскому замѣченной мною неправильности, я про-

силъ начальника V отдѣленія IV округа, въ которомъ находилась послѣдняя застава на Нижегородскомъ шоссе, отбиравшая у проѣзжающихъ и вощиковъ полученныя ими квитанціи въ уплатѣ денегъ за проѣздъ по шоссе до Москвы, чтобы онъ прислалъ мнѣ нѣсколько квитанцій, выданныхъ въ послѣднее время въ Орловскомъ заставномъ домѣ и отобранныхъ у вощиковъ на заставѣ близъ Москвы.

По полученіи этихъ квитанцій, я, въ присутствіи начальника мѣстной дистанціи инженера Авдѣева, сравнилъ ихъ съ дубликатами, оставшимися въ корешкѣ книги. Хотя я при этомъ сравненіи не сказалъ ни слова Козловскому, но его лицо сильно измѣнялось въ продолженіе моей повѣрки.

Покончивъ ее, я приказалъ Авдѣеву немедля принять отъ Козловскаго книги, собранныя деньги и все заставное имущество въ присутствіи имѣющаго немедля пріѣхать на заставу инженеръ-подполковника Стремоухова. Этотъ пріемъ былъ сдѣланъ въ тотъ же день. Оказался недостатокъ въ собранной суммѣ съ проѣзжающихъ противъ записанной въ книгѣ; я немедля пополнилъ этотъ недостатокъ.

Въ тотъ же день Авдѣевъ донесъ мнѣ, что Козловскій опасно боленъ. Я немедля просилъ инспектора врачебной управы съѣздить въ Орловку для помощи Козловскому. Медикъ вернулся на другой день и объявилъ мнѣ, что положеніе больного безнадежно. Дѣйствительно, онъ умеръ въ слѣдующую ночь. У него не нашлось вовсе денегъ, и потому я снова изъ собственныхъ средствъ далъ порядочную сумму на его похороны.

Похоронили его при церкви с. Гордѣевки, смежномъ съ предмѣстьемъ Нижняго, Кунавинымъ. Похороны происходили со всѣми подобающими почестями. На другой день похоронъ прибыли въ Нижній братъ и сестра покойнаго, которые подали губернатору Урусову просьбу о дозволеніи перевезти тѣло ихъ брата въ Москву и обѣщались мнѣ уплатить издержанныя мною деньги, какъ недостававшія въ кассѣ заставнаго дома, такъ и на похороны.

Впрочемъ, они непріязненно смотрѣли на меня, виновнаго, по ихъ мнѣнію, въ смерти ихъ брата. Дѣйствительно, впослѣдствіи говорили, будто Козловскій отравился. Это мнѣ было передано въ Москвѣ въ ноябрѣ 1846 г. въ Московскомъ англійскомъ клубѣ артиллерійскимъ генералъ-лейтенантомъ Чадинымъ, также сожалѣвшимъ о смерти молодого человѣка.

Говорили даже, что Козловскій отравился по моему совѣту. В ноябрѣ того же 1846 г. и въ слѣдующемъ году, въ бытность мою въ Москвѣ, гдѣ жили братъ и сестра Козловскаго, я безуспѣшно обращался къ нимъ съ требованіемъ объ уплатѣ мнѣ долга; тѣло же ихъ брата, о перевозкѣ котораго ими была подана просьба, осталось на кладбищѣ с. Гордѣевки.

Подполковникъ Жилинскій узналъ, что Козловскій сговорился съ начальникомъ ближайшаго къ Москвѣ заставнаго дома на Нижегородскомъ шоссе, чтобы уничтожать тѣ квитанціи, которыя будутъ имѣть услов-

ленный между ними знакъ, и такимъ образомъ неправильныя квитанціи, которыя, по ихъ отобраніи на шоссейныхъ заставахъ, должны были отсылаться въ департаментъ ревизіи отчетовъ путей сообщенія, не подвергались контролю департамента, а считались утраченными.

Жилинскій прислалъ мнѣ эти квитанціи, отмѣченныя особыми знаками, которыхъ еще не успѣли уничтожить.

Начальникъ заставнаго дома, ближайшаго къ Москвѣ,былъ немедленно уволенъ отъ службы, и это дѣло не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій.

Возвращаюсь къ разсказу о поѣздкѣ моей съ Клейнмихелемъ изъ Нижняго въ Москву.

Клейнмихель, проѣзжая въ 1845 г. по моему участку, когда онъ еще устраивался, нашелъ, что толщина одежды недостаточна и что она должна быть доведена до 12 дюймовъ. Несмотря на увѣреніе мое, что это утолщеніе было бы безполезно, Клейнмихель предписалъ мнѣ немедля заготовить булыжный щебень на слой, толщиною въ 3 дюйма.

Я долженъ былъ повиноваться, но, чтобы уменьшить по возможности безполезный расходъ денегъ, я разсрочилъ поставку означеннаго щебня на 3 года, чѣмъ могъ достигнуть уменьшенія цѣны щебня съ 49 руб. за куб. саж. до 37 р. 50 к.

Клейнмихель, проѣзжая въ 1846 г. по перестроенному мною участку шоссе, былъ вообще имъ очень доволенъ и нашелъ его прекрасно укатаннымъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы убѣдить его въ безполезности утолщать щебеночную одежду на столь прочномъ и хорошо укатанномъ шоссе, и получилъ дозволеніе не разсыпать заготовленнаго щебня, для доведенія толщины одежды до 12 дюймовъ, пока шоссе будетъ въ хорошемъ положеніи, а изъ щебня, выставленнаго въ это число въ 1846 г. и заподряженнаго къ поставкѣ въ 1847 г. и 1848 г., употреблять незначительное количество, по мѣрѣ дѣйствительной надобности, на обыкновенный ремонтъ.

Это распоряженіе было впослѣдствіи пагубно для одного изъ дистанціонныхъ инженеровъ участка, М. В. Авдѣева. Все лѣто 1847 г. я былъ за границею; часть лѣта 1848 г. я провелъ въ Симбирскѣ и Петербургѣ. Временно завѣдывавшій участкомъ шоссе В. П. Стремоуховъ не довольно строго слѣдилъ за пріемомъ щебня, черезъ что Авдѣевъ сдѣлался еще менѣе усерднымъ къ дѣлу. Подрядчикъ Д. В. Климовъ или его приказчики воспользовались этой небрежностію инженеровъ. Послѣ моего отъѣзда изъ Нижняго, Авдѣевъ получилъ другое назначеніе по службѣ. При пріемѣ отъ него дистанціи шоссе, оказалось, что многія кучи выставленнаго на ней щебня состояли изъ земли и песку, обложенныхъ только щебнемъ; находили даже остовы лошадей, обложенныхъ щебнемъ.

Бѣдный Авдѣевъ, для пополненія недостающаго щебня, долженъ былъ поплатиться всѣмъ состояніемъ, которое онъ получилъ отъ своего отца. Впослѣдствіи Авдѣевъ говорилъ мнѣ, что причиною его разоренія моя постоянная забота о сбереженіи казенныхъ денегъ, потому что если

бы я не испросилъ разрѣшенія не разсыпать щебень, то онъ былъ бы разсыпанъ до сдачи Авдѣевымъ дистанціи и, конечно, никто не замѣтилъ бы, при отличномъ состояніи существующей щебеночной одежды шоссе, что на нѣкоторыхъ верстахъ имъ насыпанъ на эту одежду слой новаго щебня, менѣе чѣмъ въ 3 дюйма.

На границѣ Владимірской губерніи, въ проѣздъ мой съ Клейнмихелемъ въ 1846 г., его встрѣтилъ исправляющій должность начальника V (Ярославскаго) округа путей сообщенія полковникъ Шуберскій, который поѣхалъ со мною въ одной коляскѣ до Москвы.

На другой день выѣзда изъ Нижняго, Клейнмихель былъ въ дурномъ расположеніи духа. Чувствуя себя нездоровымъ, онъ не хотѣлъ ничего ѣсть и кухню свою отправилъ впередъ. На одной изъ станцій за Владиміромъ онъ остановился, чтобы поѣсть бульонъ, который приказалъ приготовить состоящему при немъ инженеръ-подполковнику Серебрякову. Послѣдній, зная нетерпѣніе Клейнмихеля, когда требуемое имъ не подавалось немедленно, просилъ Шуберскаго и меня занять Клейнмихеля до подачи изготовленнаго Серебряковымъ супа, въ надеждѣ, что при насъ Клейнмихель не будетъ выказывать сильнаго нетерпѣнія. Но мы, воспользовавшись тѣмъ, что Клейнмихель не пригласилъ насъ къ нему въ комнату, благоразумно удалились и на свободѣ ѣли очень хорошую телятину, которая въ деревенскихъ трактирахъ была рѣдкостью.

Въ Москвѣ я пробылъ съ Клейнмихелемъ съ недѣлю, въ продолженіе которой составилъ описаніе устройства шоссе изъ кирпичнаго щебня и инструкцію о производствѣ опытовъ таковыхъ шоссе во всѣхъ округахъ путей сообщенія.

Въ 1846 г. младшій шуринъ мой Николай, оставившій до окончанія курса Московскій дворянскій институтъ и поступившій юнкеромъ въ одинъ изъ драгунскихъ полковъ, стоявшій въ Курскѣ, ждалъ производства въ офицеры. Производство затруднялось тѣмъ, что онъ не имѣлъ документовъ отъ департамента герольдіи о принадлежности къ дворянскому роду Левашовыхъ. Въ бумагахъ тестя моего я нашелъ, что при царѣ Василіи Шуйскомъ предку Левашова за сидѣніе подъ Москвою было пожаловано имѣніе и теперь еще состоящее во владѣніи Левашовыхъ въ Нижегородской губерніи, но весьма трудно было добыть метрическія свидѣтельства о рожденіи дѣда и прадѣда Николая Левашова для доказательства, что онъ происходитъ отъ нихъ.

Въ этомъ дѣлѣ мнѣ помогъ М. Н. Муравьевъ.

Въ 1846 году, помнится мнѣ, состоялось Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы всѣ, носящіе баронскій титулъ, представили доказательства, что имѣютъ на это право; тѣ же, которые черезъ годъ не будутъ утверждены въ баронскомъ достоинствѣ, не должны болѣе писаться баронами.

Фамилія Дельвиговъ была весьма древняя, значившаяся въ дворянской родословной книгѣ во время присоединенія Эстляндіи и Лифляндіи къ Россіи. Баронскій титулъ былъ пожалованъ королемъ Шведскимъ въ

1721 г. одному изъ членовъ этой фамиліи, бывшему полковникомъ въ шведской службѣ.

Для доказательства моего происхожденія отъ этого полковника потребовалась длинная переписка съ Эстляндскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, который отвѣчалъ мнѣ по нѣмецки, употребляя въ началѣ своихъ писемъ длиннѣйшіе титулы, такъ что я затруднялся въ придумываніи, какъ величать его въ письмахъ. Чтобы прекратить эту длинную переписку, я просилъ объ утвержденіи меня и брата моего въ баронскомъ достоинствѣ не по происхожденію отъ упомянутаго шведскаго полковника, а какъ потомка древней фамиліи, записанной въ Лифляндскую дворянскую родословную книгу при присоединеніи балтійскихъ губерній къ Россіи, и которой члены и въ томъ числѣ братъ и я неоднократно были именованы въ грамотахъ Русскихъ Императоровъ баронами. Вслѣдствіе этой просьбы было утверждено за мною и братомъ право на ношеніе потомственнаго баронскаго титула.

Послѣ смерти матери моей остались ея крѣпостные дворовые люди: бывшій мой дядька Дорофей Сергѣевъ, жена его—моя нянька съ дѣтьми и служившій у меня кучеромъ Дмитрій Ивановъ, подаренный мнѣ дядею моимъ княземъ Дмитріемъ Волконскимъ; по закону они должны быть или отпущены на волю или приписаны къ населенному имѣнію.

Мой прежній дядька и нянька не хотѣли слышать о томъ, чтобы ихъ отпустили на волю, а кучера Дмитрія я хотѣлъ удержать. Ихъ можно было бы приписать къ имѣнію сестры моей, но дѣло по наслѣдству ея отъ мужа не было еще окончено, и она такъ же, какъ я и братъ мой Николай, не имѣла недвижимаго имѣнія.

Это побудило меня, при всемъ моемъ безденежьѣ, купить небольшое населенное имѣніе, къ которому я могъ бы приписать означенныхъ людей.

М. А. Кустаревскій по довѣренности моей купилъ съ аукціона въ Московскомъ опекунскомъ совѣтѣ нѣсколько душъ въ Елатомскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи. Я былъ недоволенъ этою покупкою, потому что для означенной цѣли можно было ограничиться еще меньшимъ имѣніемъ.

Это имѣніе, не приносившее мнѣ никакого дохода, только вводило меня въ разныя хлопоты. Въ немъ по послѣдней ревизіи предъ манифестомъ 19-го февраля 1861 г., съ приписанными къ нему дворовыми, числилась 21 ревизская душа мужескаго пола, такъ что я не могъ воспользоваться льготами, предоставленными означеннымъ манифестомъ мелкопомѣстнымъ помѣщикамъ, имѣющимъ не болѣе 20 душъ, а долженъ былъ дать надѣлъ крестьянамъ, за что получилъ незначительный выкупъ, именно, менѣе 100 р. съ души.

Оставшіяся въ моемъ владѣніи 77 десятинъ земли не приносили никакого дохода. Продать эти земли я не могъ, потому что никто не давалъ просимыхъ мною четырехъ руб. за десятину.

Въ ноябрѣ 1846 г., по возвращеніи моемъ изъ Москвы въ Нижній, пріѣхала къ намъ сестра съ ея двумя дочерьми, мой старшій шуринъ Василій

Левашовъ и двоюродная сестра моей жены, дочь родной сестры ея отца, вдова Анна Петровна Бекетова, жившая недалеко отъ Нижняго въ небольшомъ имѣніи въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской губерніи. При дочеряхъ сестры была новая гувернантка, Елисавета Францовна Смитъ, молодая и хорошенькая англичанка, родившаяся въ Россіи.

Такимъ образомъ однихъ жившихъ съ нами садилось за обѣдъ одиннадцать человѣкъ.

А. П. Бекетова говорила безпрестанно и такъ скоро, что трудно было ее понимать. Главнымъ предметомъ ея разговоровъ было хозяйство и доходъ съ посѣянной ею горчицы, такъ что ее прозвали горчицею.

Шуринъ мой Василій превосходно ее передразнивалъ и самъ часто начиналъ съ ней разговоръ о хозяйствѣ такъ же скороговоркою и тѣмъ же тономъ, какимъ говорила Бекетова, причемъ съ намѣреніемъ отпускалъ фразы, не имѣвшія никакого смысла.

Это очень забавляло мою сестру, которую разговоръ моего шурина съ Бекетовою довелъ однажды до истерическаго смѣха, такъ что ее принуждены были отвести въ спальную комнату и положить въ постель, гдѣ долго не могли остановить ея смѣха.

Въ это время Бекетова, узнавъ, что моей сестрѣ сдѣлалось дурно, хотѣла непремѣнно войти въ спальню. Понятно, что, увидавъ ее, истерическій смѣхъ сестры еще болѣе увеличился бы, и мы не пустили къ ней Бекетову.

Въ праздникъ Рождества Христова мы приготовили двѣ прекрасно освѣщенныя елки съ очень большимъ количествомъ подарковъ. Дочери сестры, изъ которыхъ одной было 9, а другой 7 лѣтъ, были въ восхищеніи. Старшая изъ нихъ, Валентина, еще въ 1872 г. говорила мнѣ, что эта елка одно изъ лучшихъ воспоминаній ея дѣтства, такъ что она еще помнитъ всѣ подарки, висѣвшіе тогда на елкахъ.

У Ю. М. Мессингъ была тогда незамужняя сестра, Фанни (Феона), очень бойкая и довольно образованная. На одномъ изъ танцовальныхъ вечеровъ жившій у меня въ домѣ поручикъ Глинскій получилъ ея позволеніе просить ея руки.

На другой день Глинскій, всегда скромный и услужливый, вошелъ въ мундирѣ въ чайную комнату въ то время, когда всѣ уже отпили чай.

За чайнымъ столомъ сидѣла Е. Е. Радзевская. Глинскій, увидавъ, что на столѣ нѣтъ стакана, изъ котораго онъ обыкновенно пилъ чай, сказалъ, повелительнымъ тономъ, чтобы Е. Е. Радзевская дала ему чай въ его стаканѣ. Не будь это потребовано такимъ тономъ, она, вѣроятно, исполнила бы его желаніе. На повелительное требованіе Глинскаго она отвѣчала, что онъ самъ можетъ приказать подать свой стаканъ. Эта польская выходка была мнѣ очень не по сердцу.

Не прошло часу послѣ этой сцены, какъ Глинскій объявилъ мнѣ, что Климовъ отказалъ выдать за него свою дочь, но что онъ надѣется еще на послѣднюю.

Въ тотъ же день у кого-то на балѣ они свидѣлись, но Климова не хотѣла говорить съ Глинскимъ, и онъ уѣхалъ немедля съ бала. Самымъ униженнымъ образомъ (помнится, на колѣняхъ), со слезами на глазахъ, онъ упросилъ меня дозволить ему немедля уѣхать изъ Нижняго съ тѣмъ, что онъ перепросится на другое мѣсто, такъ какъ, по его мнѣнію, ему невозможно было оставаться въ Нижнемъ послѣ полученнаго отказа.

По существовавшимъ постановленіямъ я не имѣлъ права давать отпускъ безъ разрѣшенія высшаго начальства, но, сжалясь надъ Глинскимъ, отпустилъ его, хотя терялъ въ немъ лучшаго помощника по службѣ.

Впослѣдствіи Глинскій женился на дѣвицѣ Аслановичъ, очень красивой брюнеткѣ, которой родная сестра, столь же красивая блондинка, была за Боборыкинымъ.

Я видѣлъ въ первый разъ Глинскаго съ женою въ Витебскѣ, гдѣ онъ состоялъ при строительной комиссіи. Они жили въ очень маленькомъ домѣ и довольно бѣдно. Выйдя вскорѣ въ отставку, Глинскій занимался частными дѣлами, но, вѣроятно, безуспѣшно, потому что каждый разъ, когда бывалъ у меня и у жены моей въ Москвѣ и въ Петербургѣ, жаловался на крайне стѣсненное положеніе.

Послѣднее время онъ жилъ изъ экономіи въ Ригѣ и наконецъ въ 1872 году снова поступилъ на службу по вѣдомству путей сообщенія начальникомъ какой-то дистанціи. По способностямъ и усердію его къ службѣ онъ заслуживалъ лучшей участи.

1-го января 1847 г. назначенъ былъ маскарадъ у губернатора. Шуринъ мой Василій Левашовъ вздумалъ явиться почталіономъ съ сумкою, наполненною запечатанными письмами къ разнымъ лицамъ, приглашеннымъ на маскарадъ. Каждое письмо состояло изъ стиховъ, или пословицы. Составленіе стиховъ и пріисканіе пословицъ занимали всѣхъ, живущихъ у насъ въ домѣ.

Впрочемъ, шуринъ мой имѣлъ способность къ риѳмотворству и всѣ написанные стихи были звучны.

Своякъ мой Толстой не участвовалъ въ составленіи писемъ и очень уговаривалъ Василія Левашова не приводить въ исполненіе своего предположенія. Во время же маскарада, на которомъ, конечно, Толстой не былъ, онъ безпрерывно ѣздилъ къ дому губернатора въ ожиданіи того, что шурина нашего Василія арестуютъ, или что кто-нибудь вызоветъ его на дуэль, или даже побьетъ.

Письма во время маскарада были розданы по адресамъ; замѣтны были не совсѣмъ довольныя лица; говорили даже громко о неприличіи подавать на балѣ, и въ особенности у губернатора, подобныя письма, но лично на почталіона никто не нападалъ, а большая часть въ маскарадѣ и не знали, кто этотъ почталіонъ, такъ какъ Василій Левашовъ рѣдко бывалъ въ Нижнемъ и всегда оставался въ немъ короткое время.

Долго еще судили и рядили о появленіи почталіона на маскарадѣ и

о нѣкоторыхъ розданныхъ имъ письмахъ. Вообще же эта шутка принята была въ обществѣ съ удовольствіемъ. Эту зиму провели мы очень пріятно. Всѣ жившіе въ нашемъ домѣ проводили вмѣстѣ бо́льшую часть дня.

Сестрѣ моей и женѣ полюбилось шампанское вино. У насъ часто его подавали и было очень забавно, когда онѣ по не привычкѣ отъ одного бокала дѣлались замѣтно веселѣе. Меня очень тревожилъ въ эту зиму постоянный проигрышъ въ карты, при постоянно дурныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Хотя я игралъ не въ большую игру, но почти каждый день и каждый разъ проигрывалъ, такъ что къ половинѣ марта, когда я уѣхалъ изъ Нижняго, мною было проиграно въ первые 2½ мѣс. 1847 г. болѣе тысячи рублей.

Нижегородскіе медики совѣтовали женѣ моей, послѣ ея преждевременныхъ родовъ, пользоваться германскими минеральными водами. Сестрѣ моей, послѣ претерпѣнныхъ ею невзгодъ отъ процесса съ пасынками и падчерицами, также необходимо было пользованіе минеральными водами, а потому мы согласились ѣхать вмѣстѣ за границу, вслѣдствіе чего я просилъ ѣздившаго въ началѣ 1847 г. въ Петербургъ губернатора Урусова испросить мнѣ пятимѣсячный заграничный отпускъ. Въ половинѣ февраля сестра уѣхала въ Москву; мы ее провожали въ саняхъ верстъ за 60. Вскорѣ по ея отъѣздѣ вернулся Урусовъ, который сказалъ мнѣ, что онъ съ большимъ трудомъ уговорилъ Клейнмихеля исходатайствовать мнѣ заграничный отпускъ. Я готовъ вѣрить этому. Тогда не любили дозволять поѣздокъ за границу. Это запрещеніе вполнѣ соотвѣтствовало понятіямъ Клейнмихеля. Сверхъ того, я въ 1846 г. началъ работы по устройству водопровода въ Нижнемъ и онъ долженъ былъ быть пущенъ въ дѣйствіе осенью 1847 г., а потому Клейнмихель, хотя лично видѣлъ и отъ меня слышалъ, что лѣтомъ 1847 г. оставалось только установить водоподъемныя машины на совершенно готовомъ фундаментѣ и въ готовомъ зданіи и что мое присутствіе въ Нижнемъ не было необходимо, не хотѣлъ меня отпускать.

Урусовъ увѣрялъ меня, что онъ убѣдилъ будто бы Клейнмихеля, сказавъ ему, что я, недовольный, перейду въ другого рода службу, которую при моихъ способностяхъ и усердіи всегда могу найти.

Дѣйствительно, многіе принимавшіе тогда во мнѣ участіе, и въ томъ числѣ М. Н. Муравьевъ, находили, что моя служба въ вѣдомствѣ путей сообщенія будетъ только причиною окончательнаго разоренія имѣнія жены моей и что для того, чтобы не сдѣлать служебной карьеры, достаточно носить мундиръ инженера путей сообщенія.

М. Н. Муравьевъ, бывшій въ то время сенаторомъ и главнымъ директоромъ межевого корпуса, очень желалъ, чтобы я перешелъ на службу подъ его начальство, но я, желая оставаться съ нимъ въ прежнихъ отношеніяхъ, никогда не соглашался.

По полученіи отъ Урусова свѣдѣнія, что я буду отпущенъ на лѣто

1847 г. за границу, жена моя поѣхала къ сестрѣ въ Москву, чтобы подробно сговориться съ нею о заграничной поѣздкѣ. Оставшись одинъ въ Нижнемъ, я имѣлъ еще болѣе времени для карточной игры и постоянно проигрывалъ. Въ это время мнѣ пришлось еще сдѣлать довольно значительную издержку по слѣдующему обстоятельству.

Въ продолженіе трехъ лѣтъ, которыя я провелъ въ Нижнемъ, я бывалъ на балахъ почти у всѣхъ Нижегородскихъ властей. Мнѣ казалось необходимымъ отплатить баломъ за всѣ балы, на которыхъ я бывалъ въ Нижнемъ.

Пользуясь отсутствіемъ моей жены въ Москву, я пригласилъ все нижегородское общество на танцовальное утро въ субботу на масляницѣ, въ подражаніе утру, ежегодно даваемому въ этотъ день въ Московскомъ дворянскомъ собраніи. Какъ ни великъ былъ занимаемый нами домъ, но въ немъ нельзя было принять все нижегородское общество, а потому я пригласилъ его въ залы дворянскаго собранія.

Въ самомъ началѣ этихъ приготовленій начали разсказывать въ городѣ, что я дѣлаю балъ для Е. Н. Родіоновой, а ее то и не было на данномъ мною балѣ, на которомъ было почти все нижегородское общество, и въ томъ числѣ губернаторъ Урусовъ со своею хорошенькою женою.

Конечно, Родіонова была приглашена, и я полагалъ, что она будетъ; я не знаю, что было причиной ея отсутствія: сама ли она разсудила лучшимъ не пріѣзжать, чтобы заглушить нелѣпые толки о томъ, что я даю балъ собственно для нея, или она повиновалась въ этомъ требованіямъ сосланнаго въ это время въ Нижній подъ надзоръ полиціи князя Гагарина, имѣвшаго на нее вліяніе.

Балъ доставилъ много удовольствія нижегородскому обществу. Обѣдъ, заказанный мною тогдашнему эконому дворянскаго собранія, отличному повару Никитѣ Егорову, который впослѣдствіи содержалъ буфеты на Московской станціи Николаевской и на Нижегородской станціи Нижегородской желѣзныхъ дорогъ, былъ изготовленъ превосходно. Много танцовали и веселились, но не обошлось, какъ это бываетъ въ провинціальныхъ городахъ, безъ исторій: помнится, что И. И. Мессингъ обидѣлся за свою свояченицу Фанни Климову и дошло до очень крупнаго разговора, который я съ трудомъ утишилъ, находясь въ затруднительномъ положеніи и хозяина на балѣ и старшины въ дворянскомъ собраніи, въ каковую должность я былъ выбранъ въ 1846 г.

Князь Гагаринъ былъ очень хорошъ собою, довольно образованъ, остроуменъ и пріятенъ въ обществѣ, особливо въ дамскомъ, имѣлъ хорошее состояніе и родственныя связи съ высокопоставленными лицами; между прочимъ, онъ былъ родной племянникъ генералъ-адъютанта князя Александра Сергѣевича Меньшикова и князя Павла Павловича Гагарина.

Можно было, конечно, полагать, что онъ сдѣлаетъ блестящую карьеру по службѣ, но вышло иначе. Многія шалости во время службы его въ Петербургѣ не нравились Императору Николаю, который, какъ разска-

зывали, спрашивалъ у Меньшикова, зачѣмъ его племянникъ ничего не дѣлаетъ, такъ что Государь его безпрерывно вездѣ встрѣчаетъ.

Когда Меньшиковъ передалъ это замѣчаніе Государя Гагарину, послѣдній отвѣчалъ, что въ его лѣта (ему было тогда около 20 лѣтъ) и въ его маленькомъ чинѣ ему подобаетъ вездѣ шляться, но что гораздо удивительнѣе то, что онъ такъ часто встрѣчаетъ Государя.

Гагаринъ, подсмѣиваясь и подтрунивая надъ всѣми, былъ трусливъ, такъ что, когда шутки его обращались къ лицамъ, не хотѣвшимъ допускать ихъ, и когда эти лица требовали удовлетворенія, то онъ пасовалъ, просилъ прощенія и выслушивалъ обращенныя къ нему дерзости. Однимъ словомъ, въ немъ не было развито чувство чести и этотъ недостатокъ уничтожалъ всѣ его достоинства.

Это не помѣшало ему жениться на очень приличной особѣ, которая однакоже, несмотря на то, что они имѣли дѣтей, нашлась вынужденною его оставить. Онъ между тѣмъ надѣлалъ много долговъ; имѣніе его, во избѣжаніе продажи для ихъ уплаты, было отдано, по просьбѣ его родныхъ, въ опеку, а онъ самъ за разныя шалости былъ посланъ подъ надзоръ полиціи въ какой-то отдаленный городъ, а впослѣдствіи переведенъ въ Нижній.

Въ Нижнемъ Гагаринъ продолжалъ свои шалости, отпускалъ остроты про всѣхъ, и если кто за эти остроты обращался къ нему въ рѣзкихъ выраженіяхъ, онъ трусилъ и прижималъ, какъ говорится, хвостъ.

Въ Нижнемъ въ семьяхъ, сколько-нибудь себя цѣнящихъ, его не принимали; такъ, онъ никогда не бывалъ въ домахъ Б. Е. Прутченко и моемъ. Онъ очень нравился бо́льшей части мужской молодежи и хорошенькимъ дамамъ, съ которыми весьма ловко любезничалъ. Я говорилъ уже о вліяніи его на хорошенькую Е. Н. Родіонову; такое же вліяніе онъ имѣлъ на жену губернатора Урусова, а черезъ нее и на ея мужа.

Эти отношенія къ губернатору дали возможность Гагарину безнаказанно продолжать шалости, тревожившія городскихъ обывателей, какъ-то: скаканіе на тройкахъ во всю прыть по городскимъ улицамъ съ громкимъ крикомъ, созывъ къ губернатору на танцовальный вечеръ всего нижегородскаго общества въ то время, когда послѣдній и не думалъ приглашать, такъ что всѣ пріѣхавшіе должны были воротиться и т. п.

Спустя нѣсколько времени послѣ моего переѣзда изъ Нижняго въ Петербургъ, Урусову не понравились отношенія Гагарина къ его женѣ.

Онъ просилъ объ удаленіи Гагарина, который и былъ сосланъ въ Вологду также подъ надзоръ полиціи. Я съ нимъ болѣе не встрѣчался.

Жена моя пробыла въ Москвѣ у сестры недѣлю. Я съ нею, съ Е. Е. Радзевскою и съ служанкою Аграфеною въ половинѣ марта выѣхалъ изъ Нижняго за границу.

Въ Москвѣ мы остановились у сестры, которая, оставивъ гувернантку Е. Ф. Смитъ въ Москвѣ изъ опасенія, что она по слабости здоровья не вынесетъ дальней дороги, поѣхала съ нами въ почтовой каретѣ вмѣстѣ съ двумя своими малолѣтними дочерьми и съ слугою Иваномъ, который

меня сопровождалъ во второмъ моемъ путешествіи на Кавказъ. Въ Петербургъ мы пріѣхали 10-го апрѣля и остановились въ гостиницѣ Серапина, гдѣ такъ долго жили въ началѣ 1842 г.

Въ этотъ день родился великій князь Владиміръ Александровичъ, и мы, подъѣзжая къ Петербургу, слышали пушечные выстрѣлы по случаю его рожденія. Въ той же гостиницѣ остановился инженеръ-полковникъ Шуберскій, который 13 апрѣля, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Онъ ѣздилъ въ этотъ день къ заутренѣ въ Зимній дворецъ. Я въ то время еще ни разу не бывалъ при торжественныхъ дворцовыхъ выходахъ, а потому разсказъ его о видѣнномъ имъ на выходѣ очень занималъ меня. Между прочимъ, онъ говорилъ, что непремѣнно надо побывать на этихъ выходахъ, чтобы видѣть безчисленное множество лицъ высшихъ чиновъ, разукрашенныхъ лентами и звѣздами, и вполнѣ постигнуть ничтожность всѣхъ инженеровъ путей сообщенія въ служебной іерархіи.

Для заграничнаго путешествія мы взяли кредитивъ изъ конторы барона Штиглица на 40 тысячъ франковъ, изъ коихъ одна четверть принадлежала мнѣ, а остальныя сестрѣ. Для полученія этого кредита я былъ въ банкирской конторѣ, чего мнѣ прежде никогда не случалось. Управляющій конторою, выслушавъ мое желаніе, пригласилъ меня войти, съ привезеннымъ мною большимъ узломъ кредитныхъ билетовъ на 10 тысячъ руб. сер., въ другую комнату, въ которой я нашелъ хорошо одѣтаго крестьянина.

Этотъ послѣдній, взявъ мой узелъ съ деньгами и сосчитавъ ихъ, сказалъ, что я могу снова итти къ управляющему конторою, который, немедля по моемъ входѣ въ его кабинетъ, выдалъ мнѣ кредитивъ. Вся эта процедура чрезвычайно меня удивила: для чего деньги принимаетъ какой-то бородачъ въ особой комнатѣ и какимъ способомъ онъ даетъ знать, что объявленная сумма оказалась при счетѣ вѣрною? Теперь, когда развелось столько банковъ, каждому извѣстно, что такое артельщикъ, а тогда можно было получить порядочное образованіе, имѣть довольно значительные обороты по денежнымъ дѣламъ и дожить, какъ я, до 34 лѣтъ, не имѣя понятія о банкирскихъ конторахъ.

По возвращеніи въ Россію, мы получили счетъ отъ конторы Штиглица, по которому внесенныя мною 10 тыс. руб. оказались стоющими не 40, а 41 тысячу франковъ. Такъ высоко стоялъ тогда нашъ курсъ. Помнится, что онъ доходилъ до 414 сантимовъ за серебряный рубль.

Въ С.-Петербургѣ меня нашелъ мой товарищъ по Институту инженеровъ путей сообщенія Ефимъ Михеевичъ Фроловъ и пригласилъ къ себѣ обѣдать. Въ Институтѣ, за его манеры, его прозвали мужикомъ сильвопласомъ. Прошло 15 лѣтъ, что мы разстались, и до меня доходили слухи, что Фроловъ играетъ роль въ Петербургскомъ аристократическомъ кругу и живетъ роскошно. Довольно было одинъ разъ увидѣть его, когда онъ пріѣзжалъ приглашать меня къ себѣ, чтобы убѣдиться, что онъ попрежнему остался мужикомъ. Жилъ же онъ дѣйствительно съ нѣкоторою

роскошью и бывалъ кое-гдѣ вслѣдствіе веденной имъ сильной карточной игры. Послѣ обѣда, на которомъ, кромѣ меня, было еще два гостя, мы сѣли играть, по мнѣнію Фролова, по ничтожному, а по моимъ понятіямъ, очень большому кушу въ ералашъ. Я много проигралъ. Тогда перемѣнили ералашъ на ландскне, въ которое я проигралъ еще болѣе, такъ что уже мой проигрышъ былъ въ двѣ тысячи слишкомъ рублей. У меня съ собою было нѣсколько сотъ рублей, которые я немедля отдалъ Фролову, а на остальные просилъ дозволенія выдать заемное письмо, такъ какъ всѣ бывшія у меня деньги я передалъ Штиглицу на кредитивъ, и негдѣ было достать мнѣ денегъ для немедленной уплаты. Фроловъ согласился.

Фролова впослѣдствіи объиграли, вѣроятно, шулера, болѣе его искусные. Онъ послѣдніе годы своей жизни жилъ въ бѣдности и разбитый параличемъ. Въ такомъ положеніи онъ нѣсколько разъ бывалъ у меня въ Москвѣ въ 50-хъ годахъ.

По возвращеніи моемъ домой послѣ обѣда у Фролова, я сказалъ женѣ, что проигралъ всѣ деньги, которыя были со мною и еще долженъ былъ выдать заемное письмо. Помню, что на это расшумѣлась не жена моя, а сестра, укоряя меня за то, что я такъ много проигрываю при стѣсненномъ положеніи. Я тогда рѣшился во все заграничное путешествіе не играть ни въ карты, ни въ рулетку, а по возвращеніи въ Россію играть какъ можно менѣе и по возможно малому кушу. Это данное себѣ обѣщаніе я вполнѣ выдержалъ.

19-го апрѣля, въ субботу на Свѣтлой недѣлѣ, мы выѣхали изъ Петербурга по Варшавскому шоссе въ прекрасной почтовой каретѣ. Не буду описывать всего видѣннаго мною въ заграничномъ путешествіи, а ограничусь только главными впечатлѣніями, которыя оно произвело на меня.

Вечеромъ 21 апрѣля мы подъѣхали къ Западной Двинѣ въ Динабургѣ, но предъ самымъ нашимъ пріѣздомъ тронулся ледъ и перевозъ былъ прекращенъ.

Мы вернулись въ Динабургъ, гдѣ переночевали въ весьма грязной гостиницѣ, но могли добыть бутылку хорошаго шампанскаго вина, которую роспили, такъ какъ въ этотъ день сестра моя праздновала свои именины. На другой день утромъ мы переѣхали Двину на паромѣ, а на слѣдующее утро рѣку Нѣманъ въ Ковнѣ также на паромѣ.

Высокій правый берегъ Нѣмана былъ уже покрытъ зеленью. Разница температуры была очень замѣтна, и потому Алексота на этомъ берегу Нѣмана произвела на насъ пріятное впечатлѣніе. Тогда еще существовала таможенная линія между Россіею и Польшею, и я въ первый разъ видѣлъ, какъ досматриваются пассажирскія вещи на таможняхъ.

Прекрасная почтовая карета, въ которой мы ѣхали изъ Петербурга, доходила только до Ковны. Наслышавшись объ удобствахъ путешествій за границею и о томъ, что тамъ все устроено гораздо лучше, чѣмъ въ Россіи, мы думали, что отъ Ковны до Варшавы мы найдемъ экипажъ еще болѣе удобный, чѣмъ наша почтовая карета. Но вмѣсто того въ Алексотѣ мы

нашли очень плохую почтовую карету, которую, по имени содержателя этихъ каретъ, называли стенкелеркою.

Въ этой каретѣ всего было шесть мѣстъ, считая въ томъ числѣ и наружныя, а насъ было восемь человѣкъ, но мы кое-какъ съ большими неудобствами помѣстились въ ней. Хорошо еще, что я успѣлъ занять въ ней всѣ мѣста прежде другихъ, въ одно время съ нами ѣхавшихъ въ Варшаву пассажировъ. Въ Алексотѣ была всего одна стенкелерка, и потому эти пассажиры принуждены были или ѣхать въ почтовыхъ бричкахъ, или ожидать слѣдующаго дня.

Въ день празднованія рожденія моей жены и нашей свадьбы, 24 апрѣля, мы обѣдали на какой-то станціи, гдѣ также достали шампанскаго вина и радовались весеннему воздуху.

Въ Варшавѣ мы остановились въ англійской гостиницѣ, гдѣ имѣли удобное помѣщеніе и отличный столъ. Варшава, при хорошей погодѣ, своими садами и многолюдствомъ на большихъ улицахъ, произвела на меня пріятное впечатлѣніе. Въ это время жилъ въ Варшавѣ мой двоюродный дядя Петръ Ивановичъ Колесовъ съ женою, бывшею прежде красавицею, и нѣсколькими дѣтьми, изъ которыхъ старшая дочь Елисавета, воспитывавшаяся у Е. Ф. Скордули, дочери Д. Н. Лопухиной, и жившая впослѣдствіи въ Москвѣ у Елисаветы Николаевны Давыдовой, была по Москвѣ старая знакомая женѣ моей и мнѣ.

Мы видались съ этою семьею каждый день, также съ завѣдывавшимъ почтовою частію въ Царствѣ Польскомъ, княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ, старымъ знакомымъ моей сестры. По совѣту его я, во избѣжаніе неудобнаго путешествія въ стенкелеркѣ отъ Варшавы до Прусской границы, ходилъ къ Стенкелеру просить дать намъ болѣе удобный экипажъ для этого пути. Стенкелеръ обѣщался и прислалъ длинную карету, которая хотя была помѣстительнѣе стенкелерки, но чрезвычайно тряская; стукъ каретныхъ оконъ былъ невыносимъ; у стѣнъ кареты были скамьи до того узкія, что не только лечь, но и сидѣть на нихъ было неловко. Жена моя постлала себѣ и племянницамъ постель на днѣ кузова между каретными скамейками. Жена и сестра утверждали, что эта карета безпокойнѣе стенкелерки и обвиняли меня, что я, у Стенкелера, не осмотрѣлъ экипажа, который онъ полагалъ намъ дать.

Я утѣшалъ ихъ, что недалеко до Пруссіи и что въ этой просвѣщенной странѣ, конечно, мы поѣдемъ въ болѣе удобномъ экипажѣ.

Наслышавшись, что всевозможныя злоупотребленія существуютъ только въ Россіи, въ Европѣ же, а въ особенности въ Пруссіи, всѣ чиновники самые честные люди, я былъ очень удивленъ, когда на границѣ прусскій таможенный чиновникъ объявилъ мнѣ, что не подобаетъ дѣлать осмотра чемоданамъ, принадлежащимъ русскому штабъ-офицеру и его семейству, но что вѣрно я его не оставлю безъ благодарности за то, что онъ насъ не безпокоитъ; я ему далъ нѣсколько талеровъ.

На Прусской пограничной станціи мы взяли двѣ почтовыя кареты.

Я уплатилъ до Познани деньги за экипажи (Wagengeld), путевыя на пятч лошадей (Pferdegeld) и разныя другія приплаты, какъ-то: надсмотрщику надъ экипажами (№ agenmeistergeld), за смазку (Schmurgeld), шоссейныя (Chausseegeld) и мостовыя (Bruekengeld). Весь этотъ аптекарскій счетъ, состоявшій въ каждой статьѣ изъ талеровъ, зильбергрошей и пфенниговъ, простирался до $47^1/_3$ талеровъ.

Я далъ почтмейстеру бумажку въ 50 талеровъ и просилъ сдачи, но онъ мнѣ только поклонился и оставилъ $2^1/_4$ талера въ свою пользу. Я тогда не могъ понять, откуда же происходили эти похвалы о честности прусскихъ чиновниковъ, и только впослѣдствіи понялъ, что мы, Русскіе, любимъ хвалить все заграничное и бранить все свое, и что мы у себя очень требовательны, тогда какъ за границею дѣлаемся тише воды, ниже травы. Четырехмѣстная карета, въ которую сѣла сестра, была сносная; двухмѣстная же, данная мнѣ и женѣ моей, была безобразна. Обѣ онѣ были очень высоки, въ нихъ не было ступенекъ, и для того, чтобы въ нихъ влѣзть, подставляли деревянную лѣстницу безъ поручней, по которой лазать было очень неудобно, особливо женѣ моей, женщинѣ тучной, съ больными ногами. Карета внутри ничѣмъ не была обита, такъ что нельзя было къ стѣнамъ прислонить голову; ногъ некуда было протянуть; ко всему этому присоединялась тряска, одинаковая съ тряскою нашей почтовой телѣги.

Несмотря на всѣ неудобства кареты, жена, чтобы избѣжать затруднительнаго вылазиванія и влѣзанія, просила не мѣнять кареты до Познани, но почтмейстеры на это не согласились. И такъ, мое обѣщаніе имѣть удобные экипажи по переѣздѣ за границу не исполнилось. Ѣхали мы очень тихо по 8 $^1/_2$ верстъ въ часъ, несмотря на то, что шоссе и лошади были хорошія. Ни просьбы, ни угрозы, ни обѣщанія дать на водку не помогали. Плата почталіонамъ (ямщикамъ) на водку (Trinkgeld) на каждой станціи постановлена закономъ и эта плата была довольно большая, а такъ какъ почталіоны увѣряли, что они ее сполна отдаютъ почтовымъ содержателямъ, то по ихъ просьбамъ надо было еще добавлять, хотя ни ѣздою и ничѣмъ они не заслуживали этой добавки.

На вопросы о названіи селеній, черезъ которыя мы проѣзжали, они отзывались незнаніемъ. Ихъ лица, выражавшія тупоуміе и наводившія скуку, доказывали, что они дѣйствительно ничего не знаютъ, а ихъ военные мундиры, плохо пригнанные, и вообще ихъ костюмъ насъ очень смѣшили. Мы вспоминали о лихихъ русскихъ ямщикахъ, ѣдущихъ скоро, поющихъ пѣсни и охотно, а часто и очень остроумно отвѣчающихъ на вопросъ проѣзжающихъ.

Познань, первый прусскій городъ, мнѣ не понравился. Онъ былъ наполненъ евреями, а такъ какъ мы пріѣхали въ субботу, то всѣ магазины были заперты, и онъ показался мнѣ очень скучнымъ, притомъ онъ былъ довольно грязенъ. Во избѣжаніе скучной тихой ѣзды, въ Познани я взялъ курьерскихъ лошадей, плата за которыя была, кажется, вдвое выше, чѣмъ

плата за обыкновенныхъ почтовыхъ, хотя и послѣдняя была тоже очень значительна.

На курьерскихъ лошадяхъ мы ѣхали по 12 верстъ въ часъ. Въ Познани почему-то не хотѣли взять съ меня платы за лошадей и прочихъ налоговъ съ проѣзжающихъ за весь путь до Берлина, такъ что приходилось расплачиваться на каждой станціи. Почтмейстеры долго вписывали въ печатную квитанцію всѣ уплаты, а при подведеніи итога постоянно ошибались. Конечно, при раздѣленіи талера на 30 зильбергрошей, а послѣднихъ на 12 пфениговъ, счетъ былъ нѣсколько затруднителенъ, но казалось, что они должны были бы къ нему привыкнуть. Мнѣ этотъ счетъ былъ новостью, но по легкости для меня всякаго рода вычисленій, я немедля опредѣлялъ итогъ уплаты за извѣстное число миль и нетерпѣливо выжидалъ, когда почтмейстеръ кончитъ свое вычисленіе. Вслѣдствіе этого, я рѣшилъ, что не одни почталіоны (ямщики) тупоумны, но тупоумны и почтмейстеры.

Послѣдніе выходили къ проѣзжающимъ обыкновенно безъ сюртуковъ, что очень удивляло ѣхавшихъ со мною дамъ, которыя привыкли, что наши необразованные почтмейстеры выходятъ къ проѣзжающимъ въ сюртукахъ, сшитыхъ по военной формѣ.

Сверхъ того, на почтовыхъ станціяхъ не было комнатъ для проѣзжающихъ и при желаніи остановиться для обѣда, ужина или чая, надо было ѣхать въ плохую гостиницу, часто довольно отдаленную отъ почтовой станціи. На каждой станціи мѣнялись кареты и слѣдовательно перекладывались наши вещи, которыя почталіоны очень неловко и небрежно всовывали въ особо устроенныя позади каретъ помѣщенія.

Бывшій съ нами человѣкъ сестры, Иванъ, очень ловкій и сильный, которому нѣмцы не нравились уже за то, что «по нашему» ничего не понимали, постоянно бранилъ ихъ, конечно, по-русски, и когда они укладывали наши вещи, онъ, отталкивая ихъ отъ кареты, очень ловко управлялся съ вещами.

На замѣчаніе мое, чтобы онъ не кричалъ на нѣмцевъ и не толкалъ ихъ, онъ обыкновенно отвѣчалъ:

— Да, вѣдь, они всѣ вещи попортятъ, а еще наши господа все толкуютъ, что нѣмцы народъ и умный и аккуратный. Какой тутъ умъ; просто дураки, да еще такіе неловкіе и небрежные.

Въ Берлинѣ мы остановились въ Hôtel de St-Petersbourg, въ нижнемъ этажѣ. Мы пріѣхали послѣ table d'hôte, который начинался въ часъ пополудни. Намъ принесли въ нашъ номеръ обѣдъ, состоявшій изъ большого числа блюдъ, на которыхъ лежало по нѣскольку кусочковъ всевозможныхъ яствъ. Супъ не возбудилъ въ насъ, голодныхъ послѣ дороги, того отвращенія, котораго онъ заслуживалъ; прочія кушанья, по той же причинѣ, мы ѣли съ аппетитомъ, но когда принесли жаркое (rehbraten) совершенно испорченное, то мы, чтобы избавиться отъ вони, приказали немедля его вынести. На вопросъ нашъ, какъ можно подавать такое мясо, кельнеръ отвѣчалъ намъ: «man ist das gern a la table d'hôte».

Мы не могли надивиться, какъ каждый изъ служившихъ намъ кель-

неровъ искусно приносилъ вдругъ по нѣскольку блюдъ съ кушаньями, тарелокъ и столовыхъ приборовъ.

Мы довольно долго прожили въ Берлинѣ и обѣдали каждый день за общимъ столомъ, за исключеніемъ жены моей, которая, не любя показываться въ обществѣ, обѣдала въ занимаемыхъ нами комнатахъ; сестра иногда дѣлала ей компанію. Цѣна обѣда была вдвое болѣе въ номерѣ, чѣмъ за общимъ столомъ. Кушаньевъ постоянно было много, но они были весьма дурно приготовлены изъ плохой провизіи, которая была разрѣзана на чрезвычайно мелкіе кусочки, такъ что маленькаго тощаго цыпленка разрѣзали на 12 и даже болѣе частей. Подливокъ весьма невкусныхъ было множество. По срединѣ обѣда подавали дурную селедку, разрѣзанную на мелкіе кусочки, приправленную дурнымъ малиновымъ вареньемъ. Однимъ словомъ, покончивъ обѣдъ изъ 10 блюдъ, останешься голоднымъ.

Во время же обѣда меня потѣшала суета кельнеровъ, хотя и ловко, но безтолково прислуживающихъ, и въ особенности важный видъ распоряжающагося ими оберъ-кельнера, походившаго на главнокомандующаго арміей.

Чтобы покончить съ съѣстною частію, скажу, что во всемъ Берлинѣ я не могъ отыскать лучшаго обѣда.

Бѣлый хлѣбъ подавался въ видѣ маленькихъ, круто испеченныхъ, булокъ, которыхъ нельзя было раскусить самыми крѣпкими зубами. Мои маленькія племянницы обыкновенно просили мою жену раздавить эти булки нѣсколькими ударами кулака; только послѣ этого онѣ могли ихъ ѣсть.

Къ чаю я привезъ однажды пироги изъ лучшей кондитерской, но они оказались до того масляными, что ихъ не ѣли. Въ большей части кондитерскихъ не имѣли понятія о конфектахъ, а въ тѣхъ, гдѣ онѣ имѣлись, онѣ были очень дурны. Въ газетныхъ объявленіяхъ прославлялась кондитерская Фукса, съ изображеніемъ ея зеркальныхъ комнатъ. Я пригласилъ пріѣхавшихъ со мною въ эту кондитерскую и приказалъ подать шесть чашекъ шоколада, но онъ былъ до того невкусенъ, что даже дѣти не хотѣли пить.

Описываю эти подробности, чтобы показать, въ какомъ положеніи находилось тогда кулинарное искусство въ Берлинѣ. Сверхъ того, намъ, избалованнымъ нашею хорошею кухнею, было очень жутко отъ нѣмецкой ѣды.

Гостиница наша была на лучшей улицѣ «Подъ липами» (Unter den Linden). Строенія на ней показались мнѣ красивыми, но меньшихъ размѣровъ, чѣмъ строенія на лучшихъ петербургскихъ улицахъ. Вообще городъ былъ менѣе красивъ, чѣмъ С.-Петербургъ, канавки же между тротуарами и улицами, покрытыя полугнилыми досками, испускали зловоніе.

Посрединѣ улицы «Подъ липами» былъ бульваръ, плохо содержавшійся, несравненно худшій, чѣмъ бульвары въ Москвѣ. Вечеромъ на бульварѣ «Подъ липами» происходили такія сцены распутства, которыя неудобно описывать.

Берлинъ показался мнѣ городомъ на столько же военнымъ, какъ Петербургъ, съ тою разницею, что большая часть нашихъ гвардейскихъ офицеровъ ведетъ себя вѣжливо относительно встрѣчающихся не въ военной формѣ, тогда какъ прусскіе офицеры нисколько не сторонились при встрѣчѣ съ проходящими и смотрѣли на всѣхъ съ какимъ-то презрѣніемъ.

Нарядившись во фракъ, я представился нашему посланнику барону Мейендорфу, воображая, по неопытности, что это было моею обязанностію. Мейендорфъ сказалъ мнѣ, что мы оба обучались въ одномъ заведеніи. Въ его разговорѣ со мною онъ не только дурно относился о корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, въ которомъ началъ службу, но была замѣтна нелюбовь его къ Россіи и Русскимъ, что меня очень поразило въ русскомъ посланникѣ.

Мнѣ тогда еще не была вполнѣ извѣстна вся ненависть остзейскихъ дворянъ, моихъ земляковъ, къ Россіи, къ которой они присоединены болѣе 150 лѣтъ, но не признаютъ ее своимъ отечествомъ, а служатъ, какъ они говорятъ, не ей, а Государю и этою преданностію эксплоатируютъ въ свою пользу всю русскую землю.

Находясь въ первый разъ за границей, мы посѣтили въ Берлинѣ дворцы, театры, музеи, картинныя галлереи, загородные дворцы и гулянья. Все это на насъ, видѣвшихъ дворцы въ Петербургѣ, не могло произвести особаго впечатлѣнія.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ дворцовъ я замѣтилъ слишкомъ много простоты: такъ, во многихъ комнатахъ были простые досчатые полы и даже худо окрашенные, а между тѣмъ въ этихъ комнатахъ жили принцессы и даже останавливалась принцесса Шарлотта. Показывавшіе намъ комнаты во дворцахъ такъ постоянно называли Императрицу Александру Ѳеодоровну.

Богатѣйшія малахитовыя и яшмовыя вазы были подарены русскими Императорами. Нѣкоторыя изъ нихъ стояли въ комнатахъ, которыя нисколько не соотвѣтствовали этимъ богатѣйшимъ произведеніямъ природы и искусства.

Одно произведеніе искусства запечатлѣлось навсегда въ моей памяти: это памятникъ красавицы королевы Луизы съ ея изображеніемъ изъ мрамора.

Въ тотъ день, въ который мы ѣздили въ Потсдамъ, тамъ былъ большой смотръ. Поѣздъ желѣзной дороги отправился болѣе четверти часа позже положеннаго по расписанію времени, въ ожиданіи какого-то прусскаго принца. Много этихъ принцевъ собралось на платформѣ станціи, и мы успѣли замѣтить какую-то грубость и неотесанность въ ихъ манерахъ.

Смотръ войскамъ происходилъ на дворѣ Потсдамскаго дворца, обнесенномъ рѣшеткою, къ которой не дозволялось близко подходить. Между тѣмъ, какой-то старичокъ съ орденскими ленточками въ петлицѣ стоялъ у самой рѣшетки и не только не послушался полицейскаго, который его отгонялъ, но жестоко бранилъ его по-русски.

Мы отъ него узнали, что онъ одинъ изъ тѣхъ русскихъ военныхъ музыкантовъ, которые были, кажется, въ числѣ 15 подарены(!) Императоромъ Александромъ I королю прусскому для полка имени Императора Александра I.

Онъ объяснилъ намъ, что ихъ осталось въ живыхъ трое и что они и всѣ потомки прочихъ музыкантовъ живутъ въ устроенной недалеко отъ Потсдама колоніи. Мы поѣхали въ нее послѣ обѣда и нашли, что эти потомки, имѣя матерей нѣмокъ, уже совершенно онѣмечились.

Въ колоніи была небольшая, но красивая приходская церковь, въ которой изрѣдка отправлялось богослуженіе нашимъ берлинскимъ священникомъ.

Загородное гулянье Тиргартенъ было тогда еще не устроено. Оно было похоже на сокольничью рощу подъ Москвою, но гораздо меньше, и показалось намъ ничтожнымъ. Въ его звѣринцѣ не было никакихъ животныхъ, кромѣ обезьянъ, и тѣхъ было немного и не замѣчательныхъ породъ; нѣкоторыя были безъ хвостовъ.

Эти обезьяны понравились моей младшей племянницѣ Эмиліи, она тогда получила прозваніе обезьянки. Въ Тиргартенѣ было по воскресеньямъ гулянье въ экипажахъ. Мимо нашихъ оконъ проѣзжали туда пустые королевскіе экипажи, не довольно великолѣпные, чтобы насъ поразить. Насъ очень смѣшилъ этотъ обычай посылать на гулянье на показъ пустые экипажи. Но еще болѣе показался намъ страннымъ обычай бросать на гулянье въ экипажи незнакомыхъ дамъ букеты цвѣтовъ.

Сестра была тогда еще очень хороша собою, и потому мы были забрасываемы букетами отъ лицъ, намъ незнакомыхъ, и въ томъ числѣ отъ нѣсколькихъ принцевъ королевскаго дома. Эти гулянья насъ вовсе не занимали и въ Троицынъ день мы не поѣхали въ Тиргартенъ.

Хозяинъ гостиницы, узнавъ объ этомъ, зашелъ къ намъ, чтобы убѣдить ѣхать на гулянье, которое онъ считалъ самымъ великолѣпнымъ въ мірѣ. Вообще въ бытность мою въ Берлинѣ я неоднократно замѣчалъ чрезвычайную наивность нѣмцевъ и умѣнье восхищаться весьма простыми вещами, въ особенности когда онѣ были берлинскія или нѣмецкія.

Театры въ Берлинѣ не представляли ничего замѣчательнаго ни въ отношеніи игры артистовъ, ни въ отношеніи зданій. Пріѣхавъ однажды въ оперу, я позабылъ спросить номеръ привезшей насъ кареты. Мои дамы были этимъ недовольны, опасаясь, что при выходѣ придется долго ожидать экипажа. Оказалось, что онъ былъ единственный, хотя театръ былъ полонъ: вся публика разошлась изъ театра пѣшкомъ.

Во французскомъ театрѣ сидѣвшій возлѣ меня офицеръ обратился ко мнѣ съ вопросомъ на нѣмецкомъ языкѣ. Когда я ему отвѣчалъ по-французски, онъ мнѣ сказалъ, что онъ французскаго языка вовсе не знаетъ.

Отвѣтивъ на его вопросъ по-нѣмецки, я спросилъ, зачѣмъ же онъ ходитъ во французскій театръ, не понимая языка, на что онъ мнѣ объяснилъ, что въ каждомъ полку берлинскаго гарнизона есть нѣсколько билетовъ во всѣ

театры, что офицеры чередуются въ пользованіи ими, что въ тотъ день была его очередь и что быть или не быть въ театрѣ зависитъ, впрочемъ, отъ желанія офицеровъ, которые однакоже рѣдко пропускаютъ свою очередь.

Въ сороковыхъ годахъ въ Россіи было очень мало лицъ, путешествовавшихъ за границей, а потому сестра и жена не знали, что шитье хорошаго дамскаго платья въ Берлинѣ труднѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, и оставили весь свой гардеробъ въ Россіи. Но оказалось, что матеріи на платья, которыя въ большомъ количествѣ присылали разные торговцы въ нашу гостиницу и показывали по цѣлымъ часамъ, давно вышли изъ моды. Наконецъ, эти торговцы такъ надоѣли, что ихъ перестали впускать къ намъ.

Между тѣмъ, необходимо было сшить нѣсколько платьевъ для сезона. Жена и сестра рѣшились купить матеріи для нихъ въ магазинѣ Герсона, который тогда не былъ такъ разнообразенъ, какъ теперь: онъ обогатился въ послѣднее время отъ множества проѣзжающихъ черезъ Берлинъ русскихъ путешественниковъ. Шитье платьевъ было еще затруднительнѣе.

Сестра не хотѣла, чтобы мужчина снималъ съ нея мѣрку и потомъ примѣривалъ на ней сшитое имъ платье. Съ трудомъ отыскали старую француженку-портниху, которая, живя долго между нѣмцами, потеряла вкусъ и не знала послѣднихъ модъ.

Но нечего было дѣлать, пришлось сестрѣ взять эту портниху; женѣ же моей шилъ платье какой-то нѣмецъ, очень добродушный. Когда узнали, что онъ не женатъ и спросили его, отчего онъ не женится, онъ отвѣчалъ, что ему некогда.

Съ изготовляемою въ Берлинѣ обувью было еще затруднительнѣе. Мои дамы утверждали, что носить ее вовсе невозможно.

Я долженъ былъ также въ Берлинѣ сшить себѣ статское платье. Тамъ я надѣлъ фракъ въ первый разъ въ мою жизнь. Мое платье, хотя ничего особаго не представляло, стоило дорого.

Множество торговцевъ, приходившихъ къ намъ, говорили по-нѣмецки разными нарѣчіями, что было очень непривычно намъ, привыкшимъ къ чистому нѣмецкому языку, а въ особенности бывшей съ нами курляндкѣ Е. Е. Радзевской.

Считая всѣхъ нѣмцевъ людьми честными и образованными, она старалась насъ увѣрить, что всѣ. приходившіе къ намъ съ явнымъ намѣреніемъ насъ надуть и говорившіе такими разнообразными нарѣчіями, не нѣмцы, а евреи.

Дѣйствительно, между ними было много евреевъ, но нѣмцы ни въ чемъ отъ нихъ не отличались. Я тогда сдѣлалъ между ними то различіе, что евреи были плутоваты, но умны, тогда какъ нѣмцы, столько же плутоватые, были бо́льшею частію тупоумны.

Впрочемъ, мы видались съ берлинцами и изъ болѣе образованнаго класса, которые, къ удивленію Е. Е. Радзевской, также не чисто говорили по-нѣмецки.

Въ Берлинѣ намъ въ первый разъ представился обычай стучаться въ дверь передъ входомъ въ комнату. Обычай очень хорошій, но нѣмцы насъ очень забавляли его утрированіемъ. Они не входили въ комнату иначе, какъ постучавшись въ дверь и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ этомъ явно не представлялось никакой надобности.

Случалось, что они входили въ комнату, забывъ постучаться въ дверь. Тогда они, уже поклонившись сидящимъ въ комнатѣ и даже начавъ говорить, возвращались къ двери и стучали въ нее изъ комнаты. Это неоднократно повторялось и въ послѣдующія мои поѣздки по Германіи и Швейцаріи. Такое стучанье по двери, послѣ входа въ комнату, производили не простые люди, а довольно образованные, и именно: въ Германіи Логценштейнъ, имѣвшій въ Гамбургѣ одну изъ самыхъ большихъ и лучшихъ вагонныхъ фабрикъ, въ Швейцаріи одинъ изъ богатѣйшихъ тамошнихъ часовщиковъ и многіе другіе.

Въ Берлинѣ нѣмецкій языкъ непріятно поражалъ мой слухъ, а особливо надоѣли мнѣ слова «ja wohl» и «adieu», которыя, какъ и большая часть словъ, произносились нараспѣвъ и выходило: «я вооль» и «адіеее». Впрочемъ, эти всхлипыванія провожали меня во все время моего пребыванія въ Германіи.

Сестра моя была послана на воды извѣстнымъ московскимъ докторомъ Оверомъ, а жена петербургскимъ акушеромъ Шмидтомъ.

Оба совѣтывали обратиться къ берлинскимъ знаменитымъ докторамъ съ тѣмъ, чтобы они назначили, какія воды должны пить сестра и жена моя. Подобные совѣты даютъ и теперь русскіе медики своимъ паціентамъ, отправляющимся на заграничныя воды, а пора бы имъ знать, что большая часть нѣмецкихъ докторовъ, не изучивъ ни сколько положеніе больныхъ, отправляютъ ихъ на тѣ воды, отъ содержателей которыхъ или отъ состоящихъ при водахъ докторовъ они получаютъ условленную плату. Такъ случилось и съ нами. Мы обратились къ берлинской знаменитости, лейбъ-акушеру Бушу (кажется, такъ была его фамилія), и онъ сестру съ ея дѣтьми послалъ въ Киссингенъ, а меня съ женою и Е. Е. Радзевской, положеніемъ здоровья которой почти совсѣмъ не занялся, въ Гомбургъ.

Впослѣдствіи оказалось, что эти воды были вредны женѣ моей, и въ особенности Е. Е. Радзевской, которая, послѣ питья ихъ, постоянно чувствовала себя дурно.

Сестра, не рѣшаясь ѣхать по желѣзной дорогѣ, купила въ Берлинѣ четырехмѣстную коляску и просила, чтобы я въ берлинскомъ почтамтѣ произвелъ впередъ за все разстояніе до Готы всѣ обязательные платежи.

Въ почтамтѣ мнѣ дали печатный бланкъ, въ которомъ обозначили полученныя деньги за все разстояніе по каждому изъ разнообразныхъ платежей, но въ бланкѣ было напечатано, что вся плата произведена за исключеніемъ тринкгельда (trinkgeld exclusiert). Съ трудомъ я упросилъ взять эти деньги и въ словѣ exclusiert слогъ «ex» замѣнить слогомъ «in».

Отправивъ сестру съ ея дѣтьми на почтовыхъ лошадяхъ, я поѣхалъ

съ женою по желѣзной дорогѣ до Готы, гдѣ она оканчивалась и гдѣ мы должны были дождаться пріѣзда сестры, которая опоздала нѣсколькими часами по слѣдующей причинѣ.

По пріѣздѣ ея въ Потсдамъ, почтовый смотритель требовалъ отъ нея уплаты узаконенныхъ денегъ на водку почталіону.

Старшая дочь ея, Валентина 10 л., объяснила, что въ Берлинѣ уплачено все, что слѣдовало, въ томъ числѣ и узаконенныя деньги на водку почталіону и что сверхъ того нѣсколько зильбергрошей даны послѣднему. Но почтовый смотритель ничего не хотѣлъ слышать, объясняя, что по его расчету, который онъ дѣйствительно неоднократно дѣлалъ на бумагѣ, деньги на водку почталіонамъ въ Берлинѣ уплачены не были.

Валентина убѣждала его тѣмъ, что онѣ проѣхали промежуточную станцію между Берлиномъ и Потсдамомъ, гдѣ съ нихъ этихъ денегъ не требовали, но ничего не помогало: имъ не давали лошадей.

Между тѣмъ наступила ночь, и сестра объявила, что съ наступленіемъ утра она будетъ жаловаться Потсдамскимъ властямъ. Но утромъ почтовый смотритель, не требуя болѣе вторичной уплаты тринкгельда, далъ сестрѣ лошадей.

На Веймарской станціи желѣзной дороги кто-то мнѣ указалъ на виднѣющуюся вдали крышу дома, въ которомъ жилъ Шиллеръ. Въ то время желѣзныя дороги были новость и, конечно, еще странно было видѣть проѣзжающихъ черезъ Веймаръ и не заходящихъ смотрѣть на дома, въ которыхъ жили Шиллеръ и Гете.

Послѣ того я нѣсколько разъ проѣзжалъ черезъ Веймаръ и никто уже не помнилъ, что туда нарочно ѣздили и ходили пѣшкомъ, чтобы видѣть означенные дома. Кто-то очень справедливо замѣтилъ, что съ распространеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ, она сдѣлается для путешествующихъ terra incognita, такъ какъ имъ будутъ извѣстны только большіе центры, какъ Парижъ, Вѣна и т. п., и мѣста, въ которыхъ имѣются цѣлебныя воды.

Изъ Готы во Франкфуртъ на Майнѣ мы поѣхали въ двухъ каретахъ. Подъѣхавъ въ Франкфуртѣ къ Hôtel de Russie, мы оглушены были звономъ въ большой колоколъ гостиницы, на который выбѣжали хозяинъ гостиницы, человѣкъ очень богатый, и нѣсколько кельнеровъ.

Намъ дали помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ и кормили порядочно. Послѣднее я считалъ слѣдствіемъ того, что Франкфуртъ входилъ въ составъ Вестфальскаго королевства при Наполеонѣ I и водворившуюся въ немъ французскую кухню нѣмцы не могли выгнать.

Во Франкфуртѣ насъ встрѣтила хорошая погода. Въ немъ не было берлинской военщины, и улицы, за исключеніемъ жидовскаго квартала, были чище. Вообще городъ намъ понравился. Мы сдѣлали въ немъ большой запасъ бѣлья въ магазинѣ еврея «Доктора», который показался намъ и приличнѣе и обходительнѣе берлинскихъ торговцевъ изъ нѣмцевъ и евреевъ.

Впослѣдствіи мы были постоянно знакомы съ хозяиномъ этого магазина, который первый во Франкфуртѣ имѣлъ вывѣску съ русской надписью: «Рубашки» и т. д.

Одно обстоятельство оставило въ насъ непріятное впечатлѣніе о Франкфуртѣ. Когда мы ѣхали въ очень красивой коляскѣ, нанятой у содержателя гостиницы, уличные мальчишки бросали въ насъ засохшею грязью и даже маленькими камушками. Мои дамы говорили, что вѣрно тѣмъ Франкфуртъ и вольный городъ, что въ немъ вольно мальчишкамъ обижать проѣзжающихъ.

Изъ Франкфурта сестра съ дочерьми и нашею дѣвушкою Аграфеною поѣхали въ Киссингенъ, а я съ женою, съ Е. Е. Радзевской и съ слугою сестры Иваномъ—въ Гомбургъ. Гомбургъ былъ тогда очень незначительнымъ городомъ. При водахъ былъ всего одинъ докторъ Трапъ. Изъ всѣхъ жителей и посѣтителей Гомбурга только онъ и ландграфъ Гессенъ Гомбургскій имѣли экипажи. Ландграфъ выѣзжалъ очень рѣдко, такъ что Трапъ одинъ разъѣзжалъ по городу, сидя весьма важно на высокой подушкѣ, положенной на сидѣньи коляски.

Медицинскія познанія его показались мнѣ весьма ограниченными. На все, что мы ему говорили о нашихъ недугахъ, онъ отвѣчалъ одно:

— Пейте воду, конечно, минеральную.

Около минеральныхъ источниковъ была тогда только одна аллея и не было никакихъ удобствъ. Видѣть въ городѣ было нечего, но услужливые коммисіонеры изъ-за нѣсколькихъ крейцеровъ предлагали осмотрѣть дворецъ и картинную галлерею, которая состояла изъ небольшого числа копій съ картинъ извѣстныхъ художниковъ. Дворецъ былъ плохъ и бѣденъ. Предъ нимъ билъ тонкою струею на очень малую высоту фонтанъ. Количество прѣсной воды, изливаемой имъ, было весьма ничтожно. Обыватели Гомбурга привозили прѣсную воду изъ рѣчки, раздѣлявшей великое герцогство Гессенъ-Дармштадтское, пограничное съ Гессенъ-Гомбургскимъ ландграфствомъ, отъ Гессенъ-Кассельскаго курфюршества, верстахъ въ шести отъ Гомбурга. По противоположному направленію была въ ландграфствѣ хорошо устроенная аллея. Она вела къ небольшой горѣ, съ которой открывался довольно красивый видъ.

Одинъ изъ Гомбургскихъ ландграфовъ былъ женатъ на англійской принцессѣ и на ея деньги была устроена эта аллея. Ландграфство было очень невелико. Медіатизированное въ 1806 г., оно, вѣроятно, по причинѣ родства ландграфа съ Великобританскимъ королевскимъ домомъ, было снова образовано въ 1815 г. Ландграфъ въ 1847 г. былъ старъ, его единственный наслѣдникъ, молодой человѣкъ, весьма неуклюжій, съ огромными ногами, каждый день бывалъ на водахъ и любезничалъ съ какою-то Ангальтскою принцессою, которая была недурна собою. Вскорѣ ландграфъ и его наслѣдникъ умерли и ландграфство тогда было присоединено къ Гессенъ-Дармштадтскому великому герцогству, а въ 1871 г. къ Прусскому королевству.

Владѣніе ландграфства состояло изъ двухъ отдѣльныхъ полосъ земли,

одна, заключавшая городъ Гомбургъ съ тремя небольшими селеніями, была величиною 1 ½ квадрат. мили, а другая Прирейнская, отдаленная болѣе чѣмъ на 8 миль отъ первой, была величиною въ 3 ½ кв. мили. Контингентъ войскъ ландграфа, который онъ обязанъ былъ выставить по требованію бывшей германской конфедераціи, былъ менѣе, чѣмъ во сто человѣкъ.

Это войско ежедневно собиралось въ 7-мъ часу вечера, и ему производилось ученье его главнокомандующимъ, какимъ-то старымъ капитаномъ. Несмотря на то, что часъ ежедневнаго сбора былъ опредѣленъ, каждый день шесть военныхъ музыкантовъ обходили городъ Гомбургъ и смежныя съ нимъ три селенія и трубили сборъ. Войско ландграфа не могло похвалиться хорошимъ строемъ.

Столовая провизія и приготовленіе пищи въ Гомбургѣ были до того плохи, что мы съ отвращеніемъ встрѣчали часъ обѣда и часто голодали. Я перепробовалъ всѣ городскія кухмистерскія, заказывалъ кушанья хозяйкѣ дома: все и вездѣ было невыносимо дурно.

Е. Е. Радзевская, убѣжденная, что въ нѣмецкой сторонѣ живутъ люди съ достаткомъ, увѣряла, что она непремѣнно достанетъ въ смежныхъ съ городомъ селеніяхъ порядочныхъ куръ, цыплятъ, яицъ и молока. Для этого она обошла ихъ и была вполнѣ разочарована, удостовѣрившись, что ни у одного изъ сельскихъ хозяевъ не было ни коровы, ни куръ, а, слѣдовательно, ни молока, ни яицъ.

Бѣдность крестьянъ ее поразила, они пахали, нанимая для этого скотъ въ городѣ. Противъ нашихъ окошекъ было поле, на немъ пахали тощею коровою, которая вдругъ исчезла, и я увѣрялъ, что когда она отъ трудовъ и дурной пищи обезсилѣла, ее зарѣзали, и что мясо ея намъ подавали въ видѣ разныхъ неудобоѣдомыхъ кушаньевъ.

За работы въ Гомбургѣ крестьяне получали чрезвычайно малую плату, едва достаточную на прокормъ. 1847 годъ въ этихъ мѣстахъ былъ голодный и хлѣбъ былъ очень дорогъ. Бѣдность населенія еще много увеличивалась отъ игры въ рулетку въ Гомбургскомъ курзалѣ. Хотя и были приняты мѣры, чтобы мѣстное населеніе не участвовало въ этой игрѣ, но эти мѣры оказывались недѣйствительными: въ воскресенье мастеровые и рабочіе часто въ нѣсколько минутъ проигрывали деньги, съ величайшимъ трудомъ заработанныя ими въ продолженіе предыдущей недѣли.

Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ я нанялъ для жены рояль, но его очень долго намъ не доставляли. Я ѣздилъ во Франкфуртъ, чтобы узнать о причинѣ. Мнѣ сказали, что невыгодно посылать одинъ рояль и что ждали, когда наймутъ еще другой, чтобы ихъ прислать вмѣстѣ, а такъ какъ было уже нанято посѣтителями Гомбурга еще фортепіано, то его вмѣстѣ съ роялемъ не замедлятъ прислать.

Дѣйствительно, на другой день оба инструмента на большой телѣжкѣ были привезены двумя тощими истомленными рабочими. Мы не могли понять, какъ эти люди могли совершить въ нѣсколько часовъ такую перевозку на разстояніи 14 верстъ по довольно гористому шоссе.

Когда нашъ человѣкъ хотѣлъ имъ помочь внести рояль по ступенямъ наружнаго крыльца, то они не допустили его, говоря, что онъ можетъ что-либо повредить въ инструментѣ, а имъ придется отвѣчать передъ владѣльцемъ рояля своими деньгами.

Этотъ рояль доставлялъ намъ большое наслажденіе въ нашей скучной жизни. Жена много пѣла и у нашихъ окошекъ постоянно стояла куча нѣмцевъ, съ видимымъ удовольствіемъ слушавшихъ пѣніе жены моей.

Е. Е. Радзевской пришлось въ Гомбургѣ разочароваться еще во многомъ, а именно, въ ея понятіяхъ объ обращеніи хозяевъ съ ихъ наемниками, о чистотѣ семейной жизни нѣмцевъ, объ ихъ умѣ и честности. Въ доказательство того, что были причины къ разочарованію, разскажу только по одному примѣру, по каждой изъ приведенныхъ категорій.

Хозяйка нашего дома была итальянка, вдова Гомбургскаго уроженца. Прислуга при домѣ и садѣ ограничивалась однимъ мужчиною, кухаркою и дѣвушкою. Хозяйка требовала отъ нихъ столько работы, что мы рѣшительно не понимали, когда эти люди спятъ. Она постоянно ворчала, и не только бранила ихъ самыми грубыми выраженіями, но кухарку и дѣвушку била и первую даже кусала со злости.

Между тѣмъ, и кухарка и дѣвушка были очень услужливы. Когда мы ихъ спрашивали, зачѣмъ онѣ остаются у такой сварливой женщины, онѣ отвѣчали, что имъ некуда дѣваться, что всѣ хозяйки не лучше той, у которой онѣ служатъ, и что имъ нечего будетъ ѣсть въ то время, пока онѣ не найдутъ новаго мѣста.

Это не мѣшало нашей служанкѣ ходить на балъ курзала, гдѣ она, по своему хорошенькому личику и манерамъ, несмотря на простоту ея одежды, была замѣтнѣе многихъ другихъ, такъ какъ вообще бывшія на водахъ нѣмки отличались безобразіемъ и безвкусіемъ въ одеждѣ и обуви на ихъ огромнаго размѣра ногахъ.

Въ числѣ этихъ нѣмокъ была одна принцесса владѣтельнаго дома Рейссъ, которая ѣздила на балы курзала въ какомъ-то дурно сшитомъ и чрезвычайно короткомъ платьѣ, а ноги ея и обувь были до чрезвычайности безобразны; бѣдный головной ея уборъ, помнится, чуть ли не изъ фольги, былъ также безобразенъ.

Докторъ Трапъ пріѣзжалъ къ намъ каждый день и, обращая большое вниманіе на здоровье жены моей, не обращалъ почти никакого, несмотря на усиленныя наши просьбы, на здоровье Е. Е. Радзевской.

Въ одно изъ посѣщеній Трапа мы увидали, что какая-то бѣдная женщина упала безъ чувствъ у воротъ нашего дома. Мы просили его поспѣшить подать ей помощь. Онъ обѣщался, немедля вышелъ, но прошелъ мимо женщины, не посмотрѣвъ на нее, и уѣхалъ. Помощь этой женщинѣ была подана Радзевскою.

Безсердечная натура нѣмцевъ выказывалась и въ обращеніи съ животными. Насъ поразила перевозка разныхъ тяжестей собаками, которыхъ, когда они ложились отъ усталости, жестоко били.

Жена моя, видя эти сцены изъ окна, не могла удержаться, чтобы не бранить этихъ жестокосердыхъ хозяевъ нѣмецкими выраженіями, которыя ее выучилъ московскій докторъ Ѳ. Н. Гильдебрандтъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ въ Гомбургъ, когда мы жили еще въ гостиницѣ, мнѣ сказали, что въ мое отсутствіе заходилъ М. С. Волковъ, бывшій профессоръ Института инженеровъ путей сообщенія. Онъ отыскивалъ въ гостиницѣ своего свояка генералъ-адъютанта барона Ливена, который вскорѣ пріѣхалъ въ Гомбургъ, гдѣ я познакомился съ нимъ черезъ Волкова.

Русскихъ посѣтителей въ Гомбургѣ было тогда немного: семейство князя А. М. Горчакова (впослѣдствіи государственнаго канцлера), я съ женою, баронъ Ливенъ, Волковъ и генералъ-адъютантъ Гринвальдъ.

По окончаніи курса водъ въ Гомбургѣ Ливенъ хотѣлъ возвратиться въ Россію, но такъ какъ его здоровье было еще плохо, то его уговорили остаться на зиму во Франкфуртѣ, а чтобы онъ не скучалъ о русскомъ чаѣ, мы оставили ему самоваръ, который привезли изъ Россіи. Если бы Ливенъ тогда не остался зимовать во Франкфуртѣ, то, конечно, не могъ бы прожить такъ долго.

Гринвальда по его костюму трудно было различить отъ туземныхъ нѣмцевъ. Мы смѣялись при Ливенѣ надъ нѣмецкою обувью Гринвальда. Ливенъ замѣтилъ, что и ему придется вскорѣ пріобрѣсть такую же готовую обувь, такъ какъ заготовленіе заказанныхъ имъ придворному мастеру сапоговъ откладывается со дня на день.

Этому же мастеру были заказаны моею женою ботинки, и онъ ихъ также очень долго не доставлялъ. Когда онъ ихъ принесъ, Е. Е. Радзевская обратила вниманіе на его неаккуратность и замѣтила, что онъ теряетъ черезъ это практику и жены моей, и Ливена, и другихъ русскихъ, которые хорошо платятъ. На это мастеръ отвѣчалъ ей, при мнѣ и женѣ моей, что на доходъ отъ шитья сапоговъ и ботинокъ ему нельзя было бы прожить, а потому онъ мало на него обращаетъ вниманія; главный же доходъ доставляютъ ему и другимъ мастерамъ, живущимъ на водахъ, ихъ жены и дочери, находящіяся на временномъ содержаніи у пріѣзжающихъ въ Гомбургъ игроковъ. Это сказано имъ было безъ всякихъ обиняковъ. Изъ приличія онъ могъ бы избавить насъ отъ своей откровенности.

Я часто ѣзжалъ изъ Гомбурга во Франкфуртъ. Поѣздка на почтовыхъ лошадяхъ стоила очень дорого и, помнится, вдесятеро дороже, чѣмъ въ омнибусахъ, а потому, несмотря на ихъ неудобства, я садился въ омнибусы. Поѣздка въ особой почтовой коляскѣ влекла за собою еще большіе расходы тѣмъ, что во Франкфуртской гостиницѣ пріѣхавшему въ коляскѣ почти насильно отводили дорогой номеръ, въ которомъ онъ, пріѣхавъ на нѣсколько часовъ во Франкфуртъ, вовсе не нуждался.

Омнибусы, ходившіе между Франкфуртомъ и Гомбургомъ, были длинныя, узкія и очень тряскія кареты со стеклами кругомъ всего кузова безъ занавѣсокъ, такъ что солнце страшно въ нихъ пекло. По узкости каретъ,

скамейки, расположенныя по длинѣ кареты, были такъ узки, что сидѣть на нихъ было весьма неудобно, а между скамейками былъ до того узкій проходъ, что колѣни сидѣвшихъ одинъ противъ другого сходились. Омнибусы были всегда полны, въ нихъ курили дурныя сигары, и потому жаръ и запахъ сигаръ были нестерпимы.

На 14-верстномъ разстояніи нѣмцы успѣвали познакомиться съ сидѣвшими рядомъ съ ними нѣмками, и любезничанью, доходившему до распутства, не было предѣла.

Такъ, въ одну изъ моихъ поѣздокъ, въ жаркую погоду, въ наполненномъ до-нельзя омнибусѣ сѣла противъ меня довольно смазливая молодая нѣмка. Подлѣ нея сѣлъ молодой нѣмецъ, съ нею незнакомый, но они на этомъ небольшомъ разстояніи успѣли познакомиться до того, что конецъ этой сцены не можетъ быть описанъ. Послѣ этого я рѣшился, несмотря на значительность расходовъ, ѣздить во Франкфуртъ не въ омнибусахъ, а въ почтовыхъ коляскахъ.

Я объяснилъ Радзевской, сколько позволяло приличіе, причину, по которой пересталъ ѣздить въ омнибусѣ, и она, имѣвшая высокое понятіе о чистотѣ нѣмецкихъ нравовъ, должна была въ этомъ вполнѣ разочароваться.

Впослѣдствіи я много ѣздилъ по Франціи и Англіи въ омнибусахъ, но ничего подобнаго видѣть не случалось. Это убѣдило меня въ томъ, что нигдѣ нѣтъ такого разврата, какъ между нѣмцами.

Большая часть мастеровыхъ въ Германіи умѣютъ дѣлать только то, что имъ обычно; при малѣйшемъ требованіи отступить отъ обычнаго они съ трудомъ понимаютъ это требованіе.

Жена моя хотѣла, чтобы токарь, дѣлавшій для нея въ Гомбургѣ зонтикъ, сдѣлалъ, для удобнѣйшаго свертыванія зонтика, пуговицу, которой тогда не дѣлали еще на нѣмецкихъ зонтикахъ. Она очень внятно растолковала ему свое требованіе и нарисовала весьма отчетливо то, чего она желала, но тупоумный нѣмецъ ничего не понялъ.

Большую часть покупокъ для меня и для жены моей дѣлала Е. Е. Радзевская и при этомъ она убѣдилась, что продавцы старались ее обманывать всѣми способами; она говорила, что они не честнѣе московскихъ гостинодворцевъ.

На балахъ въ курзалѣ, которые были очень монотонны и на которыхъ я въ первый разъ видѣлъ распорядителя, громко провозглашающаго танцующимъ: «шассе-анъ-аванъ, шассе-анъ-арръеръ» и т. п., жена моя, конечно, не бывала, а я былъ раза три. Всѣ дамы танцовали также неуклюже, какъ сами были неуклюжи съ ихъ безвкусными нарядами.

Кромѣ баловъ въ курзалѣ, бывали и концерты съ пѣвицами, бо̀льшею частію плохими. На одномъ изъ этихъ концертовъ пѣла знаменитая тогда Віардо Гарсія. Жена моя, не любившая бывать въ большомъ обществѣ, рѣшилась ее послушать, но была ею недовольна, такъ какъ Гарсія пропѣла только какую-то мазурку, была нездорова и не въ голосѣ и съ какимъ-то пренебреженіемъ относилась къ собравшейся публикѣ.

Верхній этажъ дома, въ которомъ мы жили, былъ нанятъ княземъ А. М. Горчаковымъ. Я съ нимъ часто сходился въ нашемъ общемъ садикѣ и, судя по его тогдашнимъ разговорамъ, я не ожидалъ, чтобы онъ когда-либо могъ получить европейскую извѣстность. Онъ мнѣ неоднократно говорилъ, что выходя изъ Лицея, онъ никакъ не могъ полагать, что его выпускъ будетъ прославленъ Пушкинымъ, плохо учившимся въ Лицеѣ. Онъ и въ 1847 г. не понималъ всей прелести Пушкинской поэзіи, что надо приписать его 30-лѣтнему отсутствію изъ Россіи. Онъ въ этотъ долгій періодъ успѣлъ отвыкнуть отъ всего русскаго, а для полнаго пониманія Пушкина, конечно, необходимо быть русскимъ до мозга костей.

Докторъ Трапъ требовалъ, чтобы жена моя оставалась въ Гомбургѣ семь недѣль. Проживъ четыре недѣли въ домѣ, въ которомъ намъ надоѣла хозяйка постоянными криками на свою прислугу, мы, въ ожиданіи пріѣзда сестры съ ея дочерьми изъ Киссингена, переѣхали въ одинъ изъ домовъ Киселевой.

Эта госпожа, бывшая нѣкогда красавицею, что еще было замѣтно и въ 1847 г., жена генералъ-адъютанта графа Киселева, бывшаго въ то время министромъ государственныхъ имуществъ, а впослѣдствіи посломъ при Наполеонѣ III, давно съ нимъ разъѣхавшаяся, проводила цѣлое лѣто въ Гомбургѣ и каждый день съ 11 час. утра до 11 час. вечера играла въ рулетку.

Непріятно было видѣть ее безпрерывно за игрою, но постоянное участіе, которое принимали въ игрѣ ея двое малолѣтнихъ незаконныхъ дѣтей (такими ихъ считали въ Гомбургѣ), было отвратительно.

По пріѣздѣ сестры, мы ей сказали, что будемъ кормить ее очень дурно. Она на это отвѣчала, что въ Киссингенѣ поневолѣ привыкла къ нѣмецкой кухнѣ, что въ одной съ ней гостиницѣ стоялъ тогдашній баварскій наслѣдный принцъ и она получала одинаковый съ нимъ обѣденный столъ, но это не мѣшало ему быть дурнымъ. Даже въ день рожденія баварскаго короля, когда къ наслѣдному принцу былъ приглашенъ къ обѣду Наслѣдникъ русскаго престола, прочіе члены русской Императорской фамиліи, находившіеся въ Киссингенѣ и другія высокія особы, столъ былъ дуренъ.

Сестра слышала отъ лейбъ-медика Енохина, что Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, вернувшись голодный съ обѣда баварскаго наслѣднаго принца, немедля приказалъ подать себѣ обѣдъ.

Но кухня въ Гомбургѣ оказалась еще хуже Киссингенской, такъ что отъ одной мысли о приближеніи времени обѣда тошнило и сестру и дѣтей ея. Мною были перепробованы всѣ кухмистерскія Гомбурга. Я рѣшился обратиться къ повару ландграфа, но его обѣдъ былъ немногимъ лучше другихъ.

Окончивъ свой 4-недѣльный курсъ питья водъ, я, оставивъ жену съ сестрою въ Гомбургѣ, поѣхалъ въ Лондонъ. Я плылъ по Рейну, великолѣпные берега котораго производили на меня сильное впечатлѣніе. Не

могу сказать того же о развалинахъ разныхъ замковъ, видимыхъ съ парохода; я ожидалъ отъ нихъ гораздо болѣе.

Въ Кельнѣ, конечно, я осмотрѣлъ соборъ. Онъ привелъ меня въ восхищеніе. Пароходъ, на которомъ я плылъ, былъ наполненъ пассажирами. Между ними былъ одинъ русскій князь Лобановъ, котораго я ребенкомъ, а потомъ студентомъ, зналъ въ Москвѣ; впослѣдствіи онъ былъ женатъ на дочери фельдмаршала князя Паскевича.

Когда накрыли столъ на палубѣ парохода, я и Лобановъ сѣли рядомъ. Всѣ нѣмцы говорили вмѣстѣ и этотъ говоръ намъ крѣпко надоѣлъ. Лобановъ спросилъ меня, нѣтъ ли возможности заставить ихъ молчать. Я отвѣчалъ, что это очень просто, стоитъ только спросить шампанскаго, и нѣмцы разинутъ рты.

Это средство оказалось удачнымъ, но мы не могли выпить бутылки, такъ какъ только что кончили курсъ минеральныхъ водъ. Лобановъ однако же, видя, что мое средство достигло цѣли, чтобы еще долѣе заставить молчать нѣмцевъ, спросилъ еще бутылку шампанскаго, тогда какъ изъ первой выпито было нами только по одному бокалу. Тогда нѣмцы, перешептываясь, выводили заключеніе, что мы должно быть два русскихъ князя.

Въ Лондонъ пріѣхалъ я на пароходѣ изъ Остенде. На Темзѣ я восхищался огромнымъ числомъ шнырявшихъ пароходовъ, которые тогда были на нашихъ рѣкахъ большою рѣдкостію, и удивлялся, что въ этой свободной странѣ все, какъ-то: разныя общества, каналы и пр., носитъ названіе королевскихъ.

Пароходъ нашъ присталъ у Блеквальской пристани, гдѣ на таможнѣ осмотрѣнъ былъ пассажирскій багажъ. Изъ Блеквала я отправился по желѣзной дорогѣ, идущей по самому Лондону, часто надъ крышами его домовъ. Эта дорога имѣетъ около 6 верстъ протяженія. Въ то время вагоны на ней приводились въ движеніе постоянными паровыми машинами, поставленными на обѣихъ ея оконечностяхъ.

Въ Лондонѣ я остановился въ пансіонѣ г-жи Сандерсъ (родъ меблированныхъ комнатъ со столомъ) на Гольденскверѣ, который мнѣ былъ рекомендованъ Волковымъ. Въ нѣкоторые изъ этихъ пансіоновъ принимаютъ постояльцевъ только по выбору. Со мною пріѣхалъ какой-то пруссакъ; его не приняли, хотя и были пустыя комнаты, меня же впустили, вѣроятно, какъ русскаго, такъ какъ тогдашніе русскіе путешественники въ Европѣ бо̀льшею частію принадлежали къ высшему обществу, а можетъ быть хозяйка пансіона была предварена Волковымъ, котораго я нашелъ въ этомъ же пансіонѣ. Мои окна выходили на Гольденскверъ.

Въ 8 час. утра подавали чай и кофе, въ часъ пополудни былъ завтракъ, которымъ я ни разу не воспользовался, а въ 6 час. обѣдъ за общимъ столомъ, изъ хорошей провизіи и сытный.

Недоставало только супа, но предупредительная хозяйка, зная, что русскій человѣкъ безъ супа не обходится, приготовляла таковой для меня одного. Передо мною ставили миску горячаго душистаго бульона, чѣмъ-то

приправленнаго. Изъ учтивости приходилось съѣсть хотя нѣсколько ложекъ этой бурды.

За столъ ежедневно садилось человѣкъ 20, частію живущихъ въ пансіонѣ, частію приходившихъ только обѣдать; изъ послѣднихъ было нѣсколько лицъ въ продолженіи десятка лѣтъ ежедневно обѣдавшихъ въ пансіонѣ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ англичанинъ, среднихъ лѣтъ, большой шутникъ, говорившій по французски и занимавшій своимъ разговоромъ новыхъ обитателей пансіона.

Онъ со мною и Волковымъ ѣздилъ въ Виндзоръ и Ричмондъ въ омнибусѣ. Мы сидѣли въ верхнихъ наружныхъ мѣстахъ, чтобы лучше обозрѣвать мѣстность.

Дорогою нашъ англичанинъ-чичероне прикинулся французомъ, говоря со мною и Волковымъ по-французски, а съ своими соотечественниками нѣсколько исковерканнымъ англійскимъ языкомъ, и очень часто употребляя имя Веллингтона, постоянно называя его Villainton.

Лондонъ поразилъ меня своею громадностію, многолюдностію и своими общественными учрежденіями. Кто не былъ въ Лондонѣ, тотъ не можетъ представить себѣ массы скачущихъ экипажей и бѣгущихъ пѣшеходовъ по Лондонскимъ улицамъ, которыхъ большая часть довольно узки.

Все это происходитъ въ необыкновенномъ порядкѣ, благодаря врожденному каждому англичанину уваженію къ законности и огромному числу полисменовъ, постоянно наблюдающихъ за сохраненіемъ порядка.

Эти полисмены истинные друзья человѣчества и въ особенности иностранцевъ. Въ тѣ дни, въ которые я не бралъ ни коммисіонера, ни лонъ-лакея, полисмены не только съ большою готовностію провожали меня до отыскиваемыхъ мною магазиновъ, но по моему приглашенію входили въ нихъ со мною, служа мнѣ пособниками при моихъ покупкахъ, и все съ ихъ пособіемъ купленное было хорошо и стоило недорого.

Лондонскіе полисмены отличаются необыкновенною смѣтливостію. Разскажу одинъ изъ многихъ примѣровъ этой смѣтливости, въ которомъ я былъ дѣйствующимъ лицомъ.

На другой день моего пріѣзда въ Лондонъ я вышелъ рано изъ дома, обѣдалъ въ какомъ-то ресторанѣ и возвращался часу въ 12-мъ ночи. Идя по Regent-Street, я заглядывалъ въ поперечныя улицы, вспоминая ту, которая ведетъ къ пансіону Сандерсъ. Полисменъ, замѣтя это, подошелъ ко мнѣ, сказавъ: «сэръ, Гольденскверъ № 6», и провелъ меня до дома.

Нельзя не удивляться тому, что въ городѣ съ двухмилліоннымъ населеніемъ полисмены могли замѣтить только что пріѣхавшаго иностранца, ничѣмъ не отличавшагося, ни фигурою, ни ростомъ, ни дородствомъ, такъ какъ я потолстѣлъ позже. Но это покажется еще удивительнѣе, когда вспомнишь, что въ этой свободной странѣ не имѣли понятія о паспортахъ, которые тогда еще требовались во всѣхъ европейскихъ государствахъ, и что въ пансіонѣ, въ которомъ я остановился, даже не записали моей фамиліи.

Сессія парламента еще продолжалась, и я былъ съ Волковымъ въ верхней и нижней палатахъ. Изъ нихъ только первая помѣщалась въ своей великолѣпной залѣ, прочія части этого строенія не были еще отдѣланы.

Въ верхней палатѣ я усѣлся на хорахъ. Ко мнѣ подошелъ какой-то служащій при палатѣ и спросилъ мою визитную карточку. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и объяснилъ, что лордъ-канцлеръ, который былъ предувѣдомленъ о моемъ приходѣ нашимъ посланникомъ (впослѣдствіи посломъ) барономъ Брунновымъ, просилъ меня сойти внизъ въ залу, въ которой засѣдали лорды.

Я просилъ поблагодарить лорда канцлера и сказать, что мнѣ очень хорошо и на хорахъ. Однако же черезъ нѣсколько секундъ я получилъ вторичное приглашеніе лорда-канцлера сойти въ залу и такъ какъ въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ, то я согласился съ условіемъ, чтобы со мною впустили въ залу и Волкова, на что посланный отъ лорда-канцлера согласился, потребовавъ отъ меня словеснаго удостовѣренія, что Волковъ въ Россіи пользуется, хотя и не имѣетъ баронскаго титула, одинаковыми со мною привилегіями.

Насъ провели въ залу засѣданій верхней палаты и посадили на одну изъ скамеекъ, на которыхъ сидѣли лорды. Мы очутились подлѣ какого-то старика, который, какъ мы узнали впослѣдствіи, былъ лордъ Брумъ.

Такимъ образомъ, я, благодаря моему баронскому достоинству и рекомендаціи Бруннова, сидѣлъ въ залѣ, въ которой не имѣютъ права засѣдать даже Великобританскіе министры, если они не англійскіе лорды, и даже никогда не засѣдалъ ворочавшій всею Европою Пальмерстонъ, который хотя и былъ лордомъ, но не англійскимъ, а шотландскимъ.

Въ день посѣщенія мною парламента было чрезвычайно жарко. Солнце пекло черезъ огромныя окна залы верхней палаты. Сессія парламента приходила къ концу, и нижняя палата сообщала много рѣшенныхъ въ ней дѣлъ въ верхнюю палату. Эти сообщенія производились при слѣдующей церемоніи. Лордъ-канцлеръ, по полученіи извѣщенія, что депутація отъ нижней палаты ожидаетъ его для врученія сообщенія, вставалъ съ своего мѣста, состоявшаго изъ мѣшка, набитаго шерстью, и отправлялся мимо оконъ на противоположную сторону залы, гдѣ находилась рѣшетка, у которой ожидала депутація нижней палаты.

По подходѣ лорда-канцлера къ рѣшеткѣ, депутація ему кланялась и передавала сообщеніе съ принадлежащимъ къ нему письменнымъ дѣломъ.

Лордъ-канцлеръ передавалъ это дѣло въ руки служащаго при палатѣ, его сопровождавшаго, и возвращался къ своему мѣсту, съ котораго громко прочитывалось содержаніе сообщенія, и потомъ дѣло передавалось на особый столъ, за которымъ сидѣли служащіе въ палатѣ, записывавшіе полученное дѣло въ реестръ.

Въ это время собравшіеся и вновь приходившіе лорды не обращали никакого вниманія на чтеніе означенныхъ сообщеній. Нѣкоторые изъ нихъ

разговаривали между собою, другіе сидѣли полулежа и хлопали тросточками по ногамъ; они были одѣты въ обыкновенныхъ городскихъ сюртукахъ. Лордъ-канцлеръ, по существующимъ обычаямъ, долженъ для пріема каждаго сообщенія нижней палаты продѣлывать вышеописанную церемонію, а такъ какъ онъ былъ въ длинномъ парикѣ и черной мантіи, то, вслѣдствіе его тучности и страшной жары, послѣ пріема нѣсколькихъ сообщеній, потъ градомъ лилъ съ его лица.

Послѣ десятка подобныхъ похожденій, сидѣвшій возлѣ меня маленькій старичокъ (лордъ Брумъ) очень живо спрыгнулъ съ своего мѣста, подошелъ къ стоявшему посреди залы столу и остановилъ лорда-канцлера, шедшаго за полученіемъ новаго сообщенія нижней палаты, прося дозволенія сказать нѣсколько словъ.

Когда лордъ-канцлеръ сѣлъ на свой мѣшокъ, лордъ Брумъ сказалъ, что въ то время, когда европейскій политическій горизонтъ полонъ грозными тучами (намекъ на послѣдствіе голода, денежнаго кризиса и волненій во Франціи) и когда палатѣ предстоитъ еще столько дѣла, а между тѣмъ членамъ ея пора-бы отправиться въ свои помѣстья, палата теряетъ время на пустѣйшую изъ всѣхъ пустѣйшихъ церемоній, подвергая совершенно безполезной усталости своего почтеннаго предсѣдателя, который отъ этой пустѣйшей церемоніи видимо сильно утомленъ. Онъ прибавилъ, что можно было бы устроить гораздо удобнѣйшій способъ для полученія сообщеній изъ нижней палаты.

Многіе лорды улыбались, слушая эту живую рѣчь, и конечно раздѣляли мнѣніе лорда Брума, но сила обычая такъ велика въ Англіи, что никто его не поддержалъ. Лордъ Брумъ сѣлъ снова возлѣ меня, а лордъ-канцлеръ попрежнему продолжалъ свои странствованія черезъ всю залу для полученія сообщеній нижней палаты.

Когда, наконецъ, эти странствованія кончились, начали обсуждать предположеніе о суммѣ, потребной на перенесеніе статуи герцога Веллингтона, поставленной на воротахъ, построенныхъ на какой-то площади.

Лордъ Брумъ снова вскочилъ и, подбѣжавъ къ столу, бывшему посреди залы, сказалъ, что онъ противится перенесенію этой статуи съ воротъ, стоящихъ противъ оконъ дома, принадлежащаго Веллингтону, котораго не было въ этотъ день въ палатѣ. Лордъ Брумъ выразилъ, что не принадлежитъ къ политической партіи Веллингтона, но тѣмъ не менѣе уважаетъ въ немъ славу Англіи и потому полагалъ, что хотя статуя Веллингтона на воротахъ поставлена неизящно, но что Веллингтону, конечно, пріятно постоянно видѣть передъ собою знакъ признательности англійскаго народа, и что то утро, въ которое онъ, вставъ отъ сна, не увидитъ болѣе этого памятника, конечно, будетъ для него горько. Съ мнѣніемъ Брума согласилось большинство, и статуя Веллингтона осталась на прежнемъ мѣстѣ.

Воспользовавшись перемежкою засѣданія, я и Волковъ вышли изъ верхней палаты и пошли въ нижнюю, гдѣ заняли мѣста вмѣстѣ со всѣми

прочими посѣтителями, и на мою визитную карточку никто не обратилъ никакого вниманія.

Въ этотъ день къ вечеру разразилась надъ Лондономъ сильнѣйшая продолжительная гроза. Я не былъ свидѣтелемъ другой подобной грозы во всю жизнь мою. Передъ нею я въ первый разъ почувствовалъ сильнѣйшее нервное раздраженіе, вѣроятно, частію по причинѣ нестерпимаго жара, усталости и выпитаго инбирнаго пива, къ которому я былъ непривыченъ, а пилъ его потому, что оно было холодно, вкусно и продавалось на каждомъ шагу. Эта гроза имѣла сильное вліяніе на мои нервы, такъ что я впослѣдствіи долго не любилъ грозъ.

Въ бытность мою въ Лондонѣ пѣла въ оперѣ знаменитая пѣвица Женни Линдъ. Я видѣлъ въ оперѣ королеву Викторію и ея мужа принца Альберта. Кресло стоило два фунта стерлинговъ (около 13 р.). Когда я объ этомъ сказалъ бывшему со мною въ одно время въ Лондонѣ князю Орлову (впослѣдствіи нашъ посолъ въ Парижѣ), то онъ, по своей бережливости, несмотря на громадность его состоянія, замѣтилъ, что вольно мнѣ брать кресло, когда также хорошо можно слышать съ мѣстъ, находящихся за партеромъ, гдѣ, по его предположенію, не нужно быть въ бѣломъ галстухѣ, какъ въ другихъ мѣстахъ театра. Мы взяли два билета въ эти мѣста, помнится, по 12 шиллинговъ (около 4 р.) за каждый. Но Орлова не пустили въ театральную залу, находя, что онъ одѣтъ неприлично, а я долженъ былъ за уплаченныя мною деньги стоять въ большой тѣснотѣ. Во время второго акта пьесы, одного изъ стоящихъ подлѣ меня стошнило; послѣ этого я не въ состояніи былъ оставаться и немедля ушелъ.

Въ нѣкоторыхъ лондонскихъ ресторанахъ меня удивляло отсутствіе скатертей и салфетокъ. Конечно, столовыя доски изъ мрамора, но все же неудобно обходиться безъ столоваго бѣлья. Провизія вездѣ хорошая, но кушанья очень однообразны, а суповъ вовсе нѣтъ, за исключеніемъ черепашнаго и до того наперцованнаго, что его ѣсть непривычному невозможно.

Много говорятъ о ловкости лондонскихъ воровъ, объ огромномъ числѣ распутныхъ женщинъ въ Лондонѣ. Въ этомъ городѣ никто не держитъ денегъ дома, всѣ деньги лежатъ въ банкѣ, изъ котораго владѣльцы берутъ по чекамъ столько, сколько имъ нужно на расходъ нѣсколькихъ дней, а иные и одного дня. Черезъ это, а равно и черезъ вниманіе и расторопность полисменовъ, которые каждый вечеръ осматриваютъ хорошо ли заперты двери и ставни магазиновъ, уменьшены размѣры воровства.

Распутныхъ женщинъ, дѣйствительно, бездна, въ нѣкоторыхъ кварталахъ онѣ безотвязчиво пристаютъ къ мужчинамъ, пока не покажется полисменъ, при видѣ котораго отходятъ въ сторону. Но это распутство женщинъ по профессіи, а не распутство въ семьяхъ.

Между обывателями Лондона очень много рослыхъ и здоровыхъ людей, въ особенности женщинъ и между ними много очень красивыхъ. Это какая-то особая отъ другихъ европейскихъ народовъ раса, полная и нравственныхъ и физическихъ силъ.

Каждый англичанинъ носитъ на себѣ отпечатокъ полнаго убѣжденія въ томъ, что онъ человѣкъ свободный. Меня особенно занимали взаимныя отношенія при встрѣчахъ англичанъ съ нѣмцами; послѣдніе, привыкшіе ко всякаго рода униженіямъ то предъ феодалами, то предъ высшими начальниками и хозяевами, какъ-то робко смотрятъ на англичанъ, которые ихъ трактуютъ съ какою-то особою важностію.

Хотя я не говорю по-англійски, но меня по нѣсколькимъ заученнымъ мною англійскимъ словамъ, съ прибавленіемъ нѣмецкихъ и французскихъ, понимали, тогда какъ нѣмцы, несмотря на то, что я довольно хорошо говорю по-нѣмецки, ничего не понимали сразу и обращались съ вопросомъ:-«Wie, meinen Sie?» Меня постоянно бѣсило, что они, не понимая, что я говорю, еще хотятъ знать, что я думаю.

Вообще люди въ Лондонѣ со всѣмъ ихъ окружающимъ показались мнѣ на столько грандіозными, на сколько мизерными въ Германіи. Вотъ почему я не могу допустить великой будущности нѣмцамъ и дай Богъ, чтобы я не ошибался, а то они вездѣ распространятъ свою грубость нравовъ, безсердечіе, милитаризмъ и невыносимыя отношенія между людьми разныхъ сословій и состояній.

Возвратясь въ Гомбургъ, я купилъ въ большой мастерской, въ какомъ-то городкѣ близъ Франкфурта, двухмѣстную коляску. Ее заказывалъ для себя и почему-то не взялъ курфюрстъ Гессенъ-Кассельскій, котораго всѣ его подчиненные очень не любили. Для осмотра экипажа я ѣздилъ съ женою и сестрою во Франкфуртъ и на 14-верстномъ разстояніи мы проѣхали черезъ Гессенъ-Гомбургское ландграфство, Дармштадтское великое герцогство, Кассельское курфюршество и область свободнаго города Франкфурта.

Возвращаясь, мы проѣхали по другой дорогѣ, чтобы заѣхать въ городъ, гдѣ купили коляску. Разстояніе по этой дорогѣ равнялось 17-ти верстамъ и мы проѣхали черезъ территоріи означенныхъ четырехъ государствъ и сверхъ того герцогства Нассаускаго.

Въ каждомъ изъ означенныхъ государствъ были устроены шоссейныя заставы, у которыхъ почтальоны (ямщики) останавливались. Изъ окна домиковъ, устроенныхъ при этихъ заставахъ, немедля высовывался длинный шестъ съ кошелькомъ на его концѣ, въ которомъ лежала квитанція въ полученныхъ отъ проѣзжающаго крейцерахъ въ уплату за шоссе и мосты. Проѣзжающій бралъ эти квитанціи и клалъ въ кошелекъ означенное въ квитанціи количество крейцеровъ. Тогда по знаку сборщика, а большею частію сборщицы, почтальонъ ѣхалъ далѣе.

Эти частыя остановки были очень скучны и сверхъ того непріятны, особенно въ темное время, такъ какъ очень легко могло случиться, что шестъ, который высовывался для полученія крейцеровъ, задѣнетъ лицо проѣзжающаго.

Изъ Франкфурта мы поѣхали по желѣзной дорогѣ на Кель и Страсбургъ. Проѣзжающихъ по желѣзнымъ дорогамъ было тогда такъ мало,

что вагоны перваго класса прицѣплялись къ поѣздамъ только въ случаѣ требованія наканунѣ отъѣзда.

Не зная этого, я пріѣхалъ со всею моею семьею на станцію желѣзной дороги во Франкфуртѣ, не заявивъ наканунѣ, и мнѣ отказали дать билеты на мѣста I класса, убѣждая, что въ этомъ мнѣ и не предстоитъ надобности, такъ какъ въ этомъ же поѣздѣ ѣдетъ одинъ изъ принцевъ Виртембергскихъ въ вагонѣ II класса. Тогда существовала конвенція съ княземъ Туръ Таксисъ на содержаніе почтовыхъ лошадей въ Германіи. Желѣзныя дороги отнимали путешественниковъ у почтъ, а потому для вознагражденія убытковъ князя Туръ Таксисъ, за всѣ перевозимые по желѣзнымъ дорогамъ экипажи, ему уплачивались установленныя прогонныя деньги, такъ что сверхъ платы за наши мѣста въ вагонахъ и за платформы, на которыя нагружались наши экипажи, я платилъ деньги за пять почтовыхъ лошадей, какъ будто экипажи везлись этими лошадьми; все это составляло большой счетъ.

До Келя мы ѣхали по великолѣпной мѣстности, которою не могли довольно налюбоваться. Рейнъ мы переѣхали въ экипажахъ по наплавному мосту. На французской таможнѣ, узнавъ отъ меня, что я русскій подполковникъ, требовали въ доказательство этого мою визитную карточку. Карточки были уложены въ чемоданъ, а потому я, вмѣсто карточки, предъявилъ свой паспортъ, требовать который не имѣли права, а потому и разсматривать его не сейчасъ согласились.

По прочтеніи паспорта, мнѣ его немедля возвратили и нашихъ вещей вовсе не осматривали. Я хотѣлъ дать 20-франковую монету надсмотрщику, но онъ отказался, сказавъ, что у нихъ маленькіе люди не берутъ, намекая этимъ на подкупъ бывшаго министра публичныхъ работъ Теста, надъ которымъ около этого времени производился судъ въ Парижѣ.

Осмотрѣвъ все примѣчательное въ Страсбургѣ и размѣнявъ деньги на серебряныя 5-франковыя монеты, которыхъ я взялъ съ собою цѣлый мѣшокъ для расплаты на почтовыхъ станціяхъ, мы поѣхали въ Парижъ.

Выѣхавъ изъ Страсбурга, сестра замѣтила, что какая-то вещь забыта въ гостиницѣ, и мы должны были стоять около часа въ ожиданіи привоза этой вещи посланнымъ за нею. По пріѣздѣ на слѣдующую станцію съ насъ потребовали за время, которое мы стояли на дорогѣ, ту плату, которую могли бы выработать задержанныя нами пять лошадей, если бы онѣ были въ гоньбѣ.

Это было правильно, но такъ какъ въ Россіи въ подобныхъ случаяхъ отдѣлываются незначительною дачею на водку ямщику, то требованіе довольно значительной платы меня удивило. Лошади на всѣхъ станціяхъ были очень хороши, бо́льшею частію сѣрой масти. При запряжкѣ нѣсколько почталіоновъ держали ихъ. Ѣзда была довольно скорая. Почталіоны, эльзасцы, хотя и нѣмецкаго корня, но настолько офранцузились, что были разговорчивы и учтивы и пѣли пѣсни, тогда какъ почталіоны въ Германіи надоѣли намъ своимъ молчаніемъ и грубостію.

Проѣхавъ около половины второй станціи за Страсбургомъ, нашъ почталіонъ слѣзъ съ лошади, на которой онъ, по тамошнему обычаю, ѣхалъ верхомъ, и просилъ у меня, въ виду его тучности, позволенія сѣсть на козлы коляски, которые не всегда бываютъ въ иностранныхъ экипажахъ. Я согласился и онъ, сѣвъ на козлы, началъ распѣвать и разговаривать со мною. Между прочимъ онъ мнѣ разсказалъ, что при вступленіи союзныхъ армій во Францію въ 1814 г. онъ былъ мальчикомъ лѣтъ шести, что русскіе солдаты и казаки не только не грабили обывателей, но были къ нимъ добры. Онъ очень ругалъ нѣмцевъ и именно баварцевъ за ихъ жестокость, и прибавилъ:

— Русскіе дурно сдѣлали, что на спинахъ своихъ привели этихъ баварцевъ; я былъ голоденъ, казакъ меня взялъ на руки, далъ хлѣба и отпустилъ. Баварецъ отнялъ было у меня этотъ кусокъ хлѣба; я заплакалъ; русскій обернулся и, отнявъ у баварца кусокъ хлѣба и снова взявъ меня на руки, отдалъ его мнѣ.

Въ Нанси мы остановились на нѣсколько дней въ гостиницѣ. Рядомъ съ нашимъ номеромъ стоялъ генералъ Летанъ, пріѣхавшій инспектировать кавалерійскую дивизію. Мы невольно слышали все, что дѣлалось въ его номерахъ. Насъ, воображавшихъ, что пріѣхали въ свободную страну, очень удивляло, что генералъ Летанъ долго заставлялъ ожидать въ передней комнатѣ полковыхъ командировъ, принимая ихъ послѣ того, какъ напьется кофе или позавтракаетъ, а также и то, что онъ выбрасывалъ изъ оконъ маленькія записочки, которыя были подхватываемы стоявшими подъ его окнами ординарцами изъ уланъ и немедля отвозимы ими по назначенію.

Нѣкоторыя изъ этихъ записочекъ были явно не служебныя, а составляли его частную корреспонденцію.

Въ Нанси мы осмотрѣли всѣ достопримѣчательности. Я бывалъ ежедневно въ уголовномъ судѣ. Никакихъ замѣчательныхъ процессовъ не обсуждалось, но для меня вся обстановка суда, рѣчи защитниковъ, обвинительной власти и предсѣдателя суда были совершенною новостью, до того меня занимавшею, что я готовъ былъ остаться еще нѣсколько дней въ Нанси для присутствованія въ этомъ судѣ. Мы поспѣшили однако же въ Парижъ въ виду того, что у насъ оставалось мало денегъ.

Мы могли бы доѣхать съ ними до Парижа, если бы по дорогѣ не ломался нѣсколько разъ экипажъ, купленный сестрою въ Берлинѣ. Надо было платить за починку его и за задержку почтовыхъ лошадей.

Не доѣзжая нѣсколькихъ десятковъ верстъ до Парижа, мы, разсчитавъ, что у насъ едва хватитъ на уплату за лошадей до Парижа, отказались отъ обѣда, который всего стоилъ отъ 3 до 4 фр. съ каждаго, а спросили только по одной котлетѣ. Котлеты были плохи и небольшія, а въ поданномъ счетѣ хозяиномъ было написано на каждое лицо обѣдъ въ 3 франка.

Я протестовалъ, что обѣда мы не спрашивали и намъ его не подавали, на что хозяинъ отвѣчалъ, что это была наша воля не спросить полнаго

обѣда. Пришлось уплатить по его требованію, а такъ какъ почтовыя лошади были уже запряжены, то мы немедля и уѣхали голодными.

На серединѣ предпослѣдней станціи отъ Парижа снова изломалась коляска сестры. Шелъ сильный дождь и было очень темно. Мы съ трудомъ уговорили почталіоновъ не бросать насъ посрединѣ дороги. Пришлось дорого заплатить за эту новую задержку, и мы пріѣхали въ Парижъ, не имѣя ни копѣйки въ карманѣ, такъ что за почтовыхъ лошадей послѣдняго перегона мы просили уплатить въ гостинницѣ Hôtel des Princes, Rue Rechelieu, въ которой мы остановились.

Пріѣхавъ въ Парижъ послѣ полуночи, совершенно голодные, мы просили дать намъ что-либо поѣсть, но получили рѣшительный отказъ, потому что буфетъ запирается въ 12 часовъ. Мы даже не могли допроситься горячей воды, чтобы напиться чаю. Моихъ глазъ поразило освѣщеніе улицъ Парижа, отъ котораго въ нашихъ комнатахъ было свѣтло, я же нашелъ его освѣщеннымъ хуже, чѣмъ Лондонъ. Только когда бывшій противъ нашихъ комнатъ магазинъ былъ освѣщенъ по вечерамъ, въ нихъ было дѣйствительно свѣтло, какъ днемъ.

Первый мой выѣздъ былъ, конечно, къ банкиру съ кредитивомъ Штиглица.

Парижъ былъ тогда грязенъ и во многихъ улицахъ была нестерпимая вонь. Извѣстно, что своею перестройкою, причемъ уширены многія улицы и устроены большіе парки, сады и бульвары, онъ обязанъ второй имперіи. При этомъ, конечно, не обошлось безъ злоупотребленій, но тѣмъ не менѣе Парижъ обязанъ своимъ необыкновеннымъ улучшеніемъ Наполеону III и бывшему при немъ префекту барону Гаусману, котораго Французы, коверкающіе по-своему всѣ иностранныя имена и убѣжденные, что они ихъ произносятъ правильно, называли Османь.

Изъ загородныхъ гуляній мы посѣтили только Версаль. Въ самомъ Парижѣ были въ Chateau des fleurs, на Елисейскихъ поляхъ, а я одинъ ѣздилъ на балъ la Chaumière, гдѣ въ первый разъ видѣлъ, какъ люди не только веселятся, но бѣснуются при танцахъ.

Дѣйствительно, нигдѣ не встрѣтишь такой веселости и такой живости, какъ на гуляньяхъ въ Парижѣ. Чтобы оцѣнить эту веселость и живость достаточно было пройтись вечеромъ по бульварамъ или, лучше сказать, по улицамъ, носившимъ имя бульваровъ, хотя на нихъ не было деревьевъ. Сверхъ того Французы показались мнѣ не взыскательными и добродушными въ своихъ увеселеніяхъ.

Наканунѣ дня Успенія Богородицы по нашему стилю сестра не хотѣла ѣхать въ театръ и мы рѣшили итти на представленіе въ домѣ № 12, Boulevard Monmartre. Въ этомъ представленіи наиболѣе интереснымъ было то, что на письменные вопросы, дѣлаемые на одномъ концѣ двора, немедля отвѣчали на другомъ его концѣ и то, что дама, сидѣвшая въ коляскѣ, описывала въ вертикальной плоскости кругъ, такъ что въ его нижней части голова ея была обращена къ землѣ.

Передача вопросовъ и отвѣтовъ производилась посредствомъ обыкновеннаго электрическаго телеграфа, который былъ уже тогда довольно извѣстенъ, а круговращеніе дамы производилось по желѣзнымъ рельсамъ и также не представляло ничего необыкновеннаго. Французы очень смѣялись надъ собою, что ихъ поймали въ ловушку, заставивъ заплатить нѣсколько франковъ за то, что не стоило смотрѣть, и нисколько не нападали за это на хозяина представленія. Въ одномъ изъ театровъ въ это время шла ежедневно пьеса «Les chiffoniers», которую играли хорошо; намъ она очень понравилась.

Въ Hôtel des Princes обѣдъ былъ по 6 франковъ, довольно посредственный, но мои дамы были имъ довольны послѣ нѣмецкихъ обѣдовъ; я же почти ежедневно обѣдалъ въ одномъ изъ ресторановъ.

Въ Парижѣ я нашелъ Нижегородскаго губернскаго предводителя Н. В. Шереметева и Н. А. Дивова, пріѣхавшихъ такъ же, какъ и мы, изъ Гомбурга, гдѣ они постоянно играли въ рулетку и весьма счастливо. Съ послѣднимъ я познакомился въ Гомбургѣ у Шереметева. Эти господа, а равно братъ Дивова, Александръ Андріановичъ, постоянно жившій въ Парижѣ, и нѣкоторые другіе русскіе согласились давать другъ другу обѣды, къ чему пригласили и меня.

По жребію, первый обѣдъ былъ данъ мною, и это было для меня выгодно, такъ какъ мой обѣдъ, данный въ Café de Paris, хотя былъ и хорошъ и дорогъ, но не могъ итти въ сравненіе съ утонченностями обѣдовъ, которые были даны впослѣдствіи другими лицами. На моемъ обѣдѣ Н. В. Шереметевъ, расхваливая и кушанье и вино, сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что подаютъ шампанское не Клико, а другихъ марокъ, тогда какъ мнѣ не безызвѣстно, что онъ пьетъ только Клико.

Я ему отвѣчалъ, что Клико нельзя достать во всемъ Парижѣ. Никто не хотѣлъ этому вѣрить, и Шереметевъ объявилъ, что на его обѣдѣ на другой день непремѣнно будетъ Клико, но не могъ сдержать слова, такъ какъ сколько ни хлопоталъ, а Клико въ Парижѣ не нашлось.

Онъ давалъ обѣдъ съ китайскими гнѣздами и другими утонченностями у знаменитаго Филиппа, а Н. А. Дивовъ въ занимаемой имъ квартирѣ. Обѣдъ Дивова былъ изготовленъ его крѣпостнымъ человѣкомъ, учившимся въ Парижѣ и нѣсколько времени жившимъ у Гизо. Обѣдъ, конечно, былъ ничѣмъ не хуже обѣдовъ, которые Шереметевъ и другіе давали въ ресторанахъ.

За этими обѣдами я видѣлъ нашего тогдашняго посланника въ Парижѣ Киселева, брата графа П. Д. Киселева, и нашего инженеръ-генерала Дестрема.

Во время обѣда у Филиппа, въ смежной съ нами комнатѣ, обѣдало общество Французовъ, повидимому очень богатыхъ. Узнавъ, что мы Русскіе, они вошли къ намъ съ бокалами шампанскаго въ рукахъ и просили дозволенія выпить за наше здоровье. Тостъ сопровождался спичемъ, въ которомъ выхвалялись русскій умъ, храбрость, щедрость и готовность помочь

въ нуждѣ ближнему, причемъ произнесена была благодарность Императору Николаю за ссуду золота на нѣсколько десятковъ милліоновъ франковъ въ то время, какъ голодъ и происшедшій отъ того денежный кризисъ угрожали великими бѣдствіями Франціи; вслѣдъ затѣмъ Французы выпили за здоровье Русскаго Императора.

Мы выпили также за ихъ здоровье и за здоровье короля Людовика Филиппа, хотя послѣдній тостъ видимо не всѣми Французами былъ принятъ съ удовольствіемъ.

Мы прожили всего одну недѣлю въ Hôtel des Princes по слѣдующей причинѣ. Мои племянницы находили, что шоколадъ, который имъ подавали, не многимъ лучше берлинскаго. Желая доказать, что Парижъ не Берлинъ, я приказалъ въ кондитерской, находившейся на углу бульваровъ и Rue Richelieu, принести намъ нѣсколько чашекъ шоколаду. Метръ д'отель нашей гостиницы, увидѣвъ это, сдѣлалъ намъ чрезвычайно грубую сцену, такъ какъ мы не имѣли права, по постановленіямъ гостинницы, ничего съѣстного брать иначе, какъ изъ ея буфета.

Эта сцена побудила меня искать другого помѣщенія и несмотря на убѣжденія того же метръ д'отеля, чтобы мы не оставляли его гостиницы, мы переѣхали въ гостиницу Rue Neuve St. Augustin, 75, гдѣ было и дешевле и лучше.

Сестра моя дѣлала много покупокъ и заказовъ для себя и для своихъ дочерей. Все это стоило гораздо болѣе того, что предполагалось израсходовать въ Парижѣ, а потому я неоднократно ѣздилъ съ кредитивомъ Штиглица къ банкиру за полученіемъ денегъ.

Наканунѣ нашего отъѣзда, я взялъ у банкира деньги, требовавшіяся на уплату за недоставленныя еще сестрѣ вещи, согласно сдѣланному сю расчету, и на проѣздъ до Вѣны. Но вечеромъ и даже ночью приносили столько вещей, что снова денегъ не достало, и въ то время, какъ уже были приведены почтовыя лошади для нашего выѣзда изъ Парижа, я снова ѣздилъ къ банкиру за деньгами. Хотя я каждый разъ бралъ болѣе денегъ, чѣмъ сестра назначала, но и въ этотъ разъ надо было столько заплатить за покупки въ Парижѣ, что у насъ осталась незначительная сумма.

Экипажи наши были исправлены въ Парижѣ. Каретникъ, ихъ исправлявшій, былъ очень разговорчивъ. Онъ объяснялъ свое неудовольствіе противъ правительства и высшихъ классовъ. Вообще, по общему расположенію умовъ, можно было ожидать сильнаго потрясенія во Франціи. Оружейникъ Девимъ, у котораго я купилъ пистолетъ для стрѣльбы въ цѣль въ комнатахъ, и который былъ приглашаемъ на нѣкоторые изъ вышеописанныхъ обѣдовъ, жаловался, что лица, возвысившіяся при Людовикѣ Филиппѣ, невѣжливѣе прежнихъ аристократовъ, и выражалъ противъ нихъ неудовольствіе.

Въ свою очередь рабочіе при всякомъ случаѣ изъявляли свое неудовольствіе противъ притѣсненій буржуазіи. Процессъ противъ министра публичныхъ работъ Теста указалъ на безчестность многихъ лицъ, стоя-

вшихъ во главѣ администраціи и въ томъ числѣ бывшаго военнаго министра.

Живя въ улицѣ Neuve St. Augustin, я увидалъ рано утромъ толпу, идущую по одному направленію, и узналъ, что она направляется къ дому герцога Шуазель-Праленъ, который въ предшедшую ночь убилъ свою жену, дочь извѣстнаго маршала Себастіани, съ которой онъ имѣлъ восемь дѣтей. Это ужасное убійство возбудило еще большее неудовольствіе низшихъ классовъ противъ высшаго. Герцогъ былъ пэромъ Франціи, а потому для сужденія его было созвано чрезвычайное собраніе палаты пэровъ.

До отъѣзда моего изъ Парижа происходило только одно вступительное засѣданіе палаты по означенному дѣлу.

Упомянувъ о распутныхъ женщинахъ въ Германіи и Лондонѣ, нельзя умолчать и о парижскихъ, но въ Парижѣ менѣе явнаго распутства въ семьяхъ, чѣмъ въ Германіи, а женщины, которыхъ распутство составляетъ ихъ профессію, были подчинены извѣстной регламентаціи; между прочимъ, двѣ такія женщины не имѣли права ходить по улицамъ вмѣстѣ и не смѣли переходить при своихъ прогулкахъ за указанный каждой изъ нихъ предѣлъ.

Путешествіе наше изъ Парижа до Берна не представляло ничего замѣчательнаго, кромѣ того, что нѣкоторыя протяженія по этому пути были не шоссированы, а вымощены довольно крупнымъ камнемъ, по которому ѣзда была очень тряская.

Изъ Берна мы поѣхали въ Люцернъ. Конечно, въ обоихъ городахъ мы осмотрѣли всѣ достопримѣчательности. Въ послѣднемъ меня особенно поразило изваяніе льва, художественное произведеніе Торвальдсена. Я съ трудомъ взобрался на самую вершину горы Риги, съ которой любовался великолѣпнѣйшею картиною и былъ столько счастливъ, что видѣлъ захожденіе солнца за горы.

Я ночевалъ въ плохой гостиницѣ и за туманомъ не видѣлъ восхожденія солнца. Чтобы видѣть его, нѣсколько Англичанъ жили уже почти недѣлю въ некомфортабельной гостиницѣ, я же немедля вернулся въ Люцернъ.

Мы переѣхали на пароходѣ черезъ озеро четырехъ кантоновъ и, сойдя на берегъ, были поражены болѣзненнымъ видомъ множества кретиновъ съ ихъ зобами. У знаменитаго «Чортова моста» мы выходили изъ экипажей и долго восхищались видами. На вершинѣ С.-Готарда насъ встрѣтилъ снѣгъ и холодъ. Шоссе на горахъ было хорошо, но тѣмъ не менѣе крутые извороты на крутыхъ спускахъ очень пугали моихъ дамъ.

Вообще Швейцарія не произвела пріятнаго впечатлѣнія. Жена моя находила, что чувствуешь себя придавленнымъ окружающими горами и между ними, по недостатку воздуха, дышется не свободно. Сверхъ того, на нѣкоторыхъ станціяхъ почталіоны были очень грубы.

Въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, составлявшемъ тогда часть Австрійской имперіи, мы заѣхали къ старому другу моей жены, графинѣ

Корніани, урожденной Тютчевой. Замокъ ея, купленный на деньги, подаренныя ей княжною Щербатовою, находился близъ озера Комо, въ великолѣпной мѣстности.

Графиню Корніани мы нашли въ одеждѣ бѣлаго цвѣта. Расцѣловавшись по русскому обычаю съ гостями, она сказала женѣ моей: «Эмилія, помѣняемся мужьями». Ея фигура, какъ-то особенно драпированная ея одеждою, съ необыкновенно выразительными черными глазами, была въ это время очень замѣчательна.

Изъ словъ графини мы могли заключить, что ея жизнь не очень пріятна, несмотря на то, что у нея уже былъ сынъ Робертъ.

Дѣйствительно, характеръ ея мужа былъ невыносимый, и, сверхъ того, онъ вскорѣ промоталъ большую часть капитала своей жены. Онъ намъ показался лицомъ, манерами и образомъ мыслей очень похожимъ на свояка моего, графа Н. С. Толстого. Графъ Корніани возилъ насъ по прекраснымъ окрестностямъ озера Комо, гдѣ я въ первый разъ видѣлъ искусственно орошаемые сады, огороды и поля. Корніани жаловался, что нѣмцы, засѣдающіе въ судахъ Ломбардіи, не имѣютъ понятія о важности раздѣленія между сосѣдними владѣльцами воды, назначенной для орошенія, а потому вкривь и вкось судятъ о принадлежности одному одного дюйма, а другому полдюйма воды и т. д., и удивляются, какъ можно о такихъ бездѣлицахъ судиться.

Насъ угощали у Корніани прекраснымъ копченымъ языкомъ, и когда мы его похвалили, то хозяинъ намъ объявилъ, что языкъ лошадиный. Сестра моя очень брезглива на пищу, но копченый языкъ такъ ей понравился, что она продолжала его ѣсть, несмотря на упомянутое заявленіе.

Въ Миланѣ и Венеціи всего болѣе насъ поразили соборы и въ послѣднемъ, сверхъ того, площадь Св. Марка и дворецъ Дожей. Въ Венецію мы пріѣхали въ дождливое время, ея зданія и гондолы показались намъ очень грязными и вообще видъ ея не соотвѣтствовалъ тому, чѣмъ она намъ представлялась.

Въ Миланѣ нечѣмъ было заплатить за расходы въ гостиницѣ. Кредитивъ Штиглица, по которому мы не получили еще всѣхъ денегъ, былъ адресованъ къ банкирамъ, которыхъ имена и мѣста жительства были въ немъ прописаны; въ числѣ ихъ не было миланскихъ банкировъ, и потому мы въ этомъ городѣ по немъ не могли получить ни копѣйки. Жену мою чрезвычайно огорчило, что мы въ чужомъ городѣ остаемся безъ возможности уплатить въ гостиницѣ. Намъ оставалось одно средство: снестись съ вѣнскимъ банкиромъ, къ которому мы были адресованы въ кредитивѣ Штиглица.

Телеграфовъ тогда не было, а почтовыя сношенія, по неимѣнію желѣзныхъ дорогъ, были медленны. Жена объявила, что она не встанетъ съ постели до того времени, пока у насъ не будутъ деньги, и вскорѣ заснула. Сестра же и я поѣхали къ русскимъ, бывшимъ въ это время въ Миланѣ, и къ другимъ лицамъ добывать денегъ. Попытки сестры были неудачны, я же

не помню, у кого нашелъ немного денегъ, но достаточно, по моему разсчету, на проѣздъ до Вѣны, полагая проѣхать изъ Венеціи въ Тріестъ на пароходѣ.

Жена моя имѣла отвращеніе къ плаванію по водѣ и потому не согласилась совершить переѣздъ на пароходѣ. Мы поѣхали изъ Венеціи на Брукъ, гдѣ тогда начиналась открытая часть желѣзной дороги, въ своихъ экипажахъ на почтовыхъ лошадяхъ. Это доставило намъ удовольствіе любоваться великолѣпными видами, представляющимися на каждомъ шагу, такъ что эта часть Австріи женѣ моей понравилась болѣе Швейцаріи, но по этой дорогѣ мы до того издержались, что въ Брукѣ нечѣмъ было заплатить за проѣздъ по желѣзной дорогѣ до Вѣны.

Я объяснилъ наше положеніе инженеру, завѣдывавшему дистанціею желѣзной дороги въ Брукѣ, и просилъ его помочь своему собрату, инженеру же, только русскому, выдачею нужныхъ для проѣзда до Вѣны денегъ подъ залогъ моихъ золотыхъ часовъ и цѣпочки, что онъ немедля и исполнилъ.

Въ Вѣнѣ, конечно, первый мой визитъ былъ къ банкиру, который немедля мнѣ его отдалъ, предложилъ моимъ дамамъ билеты въ абонируемыя имъ въ театрахъ ложи и вообще былъ очень любезенъ во все, весьма короткое впрочемъ, пребываніе наше въ Вѣнѣ.

Въ это время этотъ городъ былъ довольно грязенъ и не производилъ хорошаго впечатлѣнія. Конечно, мы осмотрѣли всѣ его достопримѣчательности и были въ загородномъ паркѣ Шенбруннѣ. Наканунѣ отъѣзда изъ Вѣны мы взяли ложу въ Пратерѣ, чтобы позабавить моихъ племянницъ представленіемъ обезьянъ и собакъ, очень хорошо обученныхъ разнымъ фарсамъ. Въ этотъ день я обѣдалъ въ какомъ-то ресторанѣ и засталъ своихъ уже въ ложѣ въ Пратерѣ. Немедля по моемъ входѣ въ ложу сестра объявила мнѣ, что по принесеннымъ ей счетамъ она должна была уплатить всѣ деньги, и что мнѣ необходимо взять у банкира еще денегъ по кредитиву Штиглица, чтобы доѣхать до Варшавы.

Мнѣ это заявленіе сестры было досадно. Я опасался, что вечеромъ не застану банкира въ его конторѣ. Дѣйствительно, въ ней никого не было. Я отправился на домъ къ банкиру, и онъ былъ такъ любезенъ, что немедля снабдилъ меня деньгами, согласно моему требованію. Я пробылъ слишкомъ мало времени въ Вѣнѣ, чтобы судить объ ея обывателяхъ, но вообще они мнѣ показались вѣжливыми, добросердечными, gemutlich. Въ австрійцѣ нѣтъ грубости и нахальства нѣмца сѣверной и средней Германіи; нельзя не приписать этихъ хорошихъ качествъ въ Австріи смѣси нѣмецкаго племени съ славянскимъ и итальянскимъ.

Варшаво-Вѣнская желѣзная дорога въ предѣлахъ Царства Польскаго была въ то время открыта отъ Варшавы только до Ченстохова, а потому мы должны были при Острау въѣхать въ Прусскую Силезію и по страшнымъ ея пескамъ тащиться шагомъ, хотя въ наши коляски запрягли въ четырехмѣстную, вмѣсто трехъ лошадей, восемь, а въ двухмѣстную, вмѣ-

сто двухъ, шесть. Конечно, брали прогонныя деньги за всѣхъ четырнадцать лошадей, что составляло, по значительности прогонныхъ денегъ, большой счетъ; при этомъ брали деньги и за шоссе,—вѣроятно, предположено было его построить.

Таможню на Прусской границѣ мы проѣхали безъ приключеній, но за то таможня на границѣ Царства Польскаго будетъ мнѣ и спутницамъ моимъ всегда памятна.

На этой границѣ песчаная почва измѣнилась въ низменную, болотистую, по которой, при сильномъ дождѣ, ѣзда была еще затруднительнѣе. Мы подъѣхали къ рогаткѣ вечеромъ. Было совершенно темно и холодно. На рогаткѣ долго продержали взятые у насъ паспорта и объявили, что мы можемъ доѣхать до таможеннаго дома, отстоящаго отъ рогатки на версту. Здѣсь обшарили обѣ наши коляски и вынесли всѣ сундуки, ящики, мѣшки и пр. въ весьма небольшую комнатку, которую ими всю завалили. Изо всѣхъ сундуковъ, ящиковъ и пр. было вынуто все, безъ исключенія.

Несмотря на столь тщательный осмотръ, продолжавшійся болѣе шести часовъ, таможенные чиновники не нашли ничего недозволеннаго къ безпошлинному провозу, исключая маленькаго сигарнаго ящика, который они, не раскрывая, конфисковали въ свою пользу, чему я и не противился.

Но когда я передалъ объ этомъ женѣ моей, то она сказала, что въ этомъ ящикѣ лежатъ не сигары, а ея мелкія золотыя и другія галантерейныя вещи, и я отобралъ его назадъ у чиновниковъ.

Ввозъ иностранныхъ экипажей въ Россію былъ тогда безпошлинный, а въ Царство Польское былъ обложенъ довольно значительною пошлиною. Мы ѣхали въ Россію, а потому экипажи наши проходили только транзитомъ черезъ Польшу, но для этого мы должны были или немедля внести пошлину, которая была бы намъ возвращена при въѣздѣ въ Россію, чего мы не могли сдѣлать по недостатку у насъ въ наличности денегъ, или отпустить наши экипажи запечатанными до русской границы, съ платою за ихъ перевозку, а самимъ ѣхать въ почтовыхъ экипажахъ, которыхъ налицо не было.

Наконецъ, чиновники согласились призвать, несмотря на ночное время, писаря, который написалъ намъ прошеніе въ таможню объ отпускѣ обоихъ экипажей подъ мою расписку, которою я обязывался, немедля по пріѣздѣ въ Варшаву, заявить о ввозѣ иностранныхъ экипажей и внести установленную пошлину. За это снисхожденіе и за труды писаря, писавшаго прошеніе и подписку по-польски, таможенные чиновники выразили надежду, что я не оставлю ихъ безъ вознагражденія, и я имъ далъ нѣсколько русскихъ золотыхъ полуимперіаловъ.

Когда они меня отпустили и я хотѣлъ ѣхать, то чиновникъ, пришедшій съ рогатки въ одно время съ поѣздомъ нашимъ къ таможнѣ и просидѣвшій болѣе 6 час. въ одной комнатѣ со мною, объявилъ, что онъ не исполнилъ на рогаткѣ какую-то формальность съ нашими паспортами, при которой необходимо мое присутствіе, и потому требовалъ, чтобы я съ нимъ вернулся къ рогаткѣ.

Приходилось мнѣ, утомленному отъ безсонной ночи, въ холодное дождливое время совершить эту прогулку по непроходимой грязи пѣшкомъ, потому что нельзя было требовать, чтобы лошади, проѣхавшія станцію и простоявшія у таможни запряженными болѣ 6-ти часовъ, еще возвращались къ рогаткѣ. Полуимперіалъ, данный мною этому чиновнику съ рогатки, сдѣлалъ возможнымъ исполнить формальность съ нашими паспортами и безъ меня, но тѣмъ не менѣе мы еще должны были простоять нѣсколько времени у таможни въ ожиданіи возвращенія означеннаго чиновника.

Во все время осмотра нашихъ вещей въ таможнѣ, сестра, ея дѣти и жена моя сидѣли въ коляскѣ и очень озябли. Прусскіе почталіоны за такую долгую стоянку у таможни потребовали отъ насъ довольно значительную сумму денегъ. Не знаю, былъ ли это обыкновенный случай на польскихъ таможняхъ, или желаніе притѣснить русскаго человѣка.

По пріѣздѣ нашемъ въ Варшаву, князь А. М. Голицынъ рекомендовалъ намъ г. Лахтина, который немедля освободилъ наши экипажи отъ секвестра и снабдилъ письмомъ къ начальнику Алексотовской пограничной таможни о свободномъ пропускѣ насъ въ Россійскую имперію.

Въ Ковнѣ, на русской таможнѣ, открывали всѣ наши сундуки, но поступили вообще очень гуманно. Въ этомъ городѣ мы встрѣтились съ возвращающимся изъ-за границы Н. В. Шереметевымъ, съ которымъ также гуманно поступили на таможнѣ. По обычаю, мы находили нужнымъ отблагодарить досматривавшаго, но онъ рѣшительно отказался отъ нашихъ подарковъ, завѣряя, что пассажиры ошибаются, полагая, что на русскихъ таможняхъ надо платить чиновникамъ, что онъ все нами провезенное осмотрѣлъ по установленнымъ правиламъ, а если мы имъ довольны, то онъ очень этому радъ.

Желая поспѣть къ 19-му сентября, сроку моего отпуска, въ Нижній Новгородъ, я въ Ковнѣ разстался съ женою и сестрою и поскакалъ одинъ въ телѣгѣ до Петербурга, въ почтовой каретѣ до Москвы, и опять въ телѣгѣ до Нижняго, куда и пріѣхалъ 19-го сентября.

Вскорѣ пріѣхали въ Нижній жена моя съ Е. Е. Радзевскою, оставивъ сестру съ ея дѣтьми въ Москвѣ. Меня везли очень хорошо по Петербурго-Варшавскому шоссе, а я все время погонялъ ямщиковъ, давая имъ на водку не болѣе двугривеннаго, причемъ невольно припоминалъ разницу скорости ѣзды по Россіи и по Германіи, и до какой степени мы, Русскіе, скромничая за границей, дѣлаемся требовательными въ своемъ отечествѣ, гдѣ большая часть проѣзжающихъ позволяли себѣ не только всячески бранить, но даже бить ямщиковъ, готовыхъ загнать своихъ лошадей, чтобы избавиться отъ брани, побоевъ, или чтобы заслужить какую-нибудь мелкую монету на водку.

Въ Петербургѣ и Москвѣ я былъ только проѣздомъ. Въ Москвѣ я видѣлъ въ послѣдній разъ моего дядю, князя Александра Волконскаго, умершаго мѣсяца черезъ два послѣ моего проѣзда. Это была для меня

страшная потеря: я его любилъ и уважалъ болѣе, чѣмъ всѣхъ прочихъ дядей и тетокъ.

Тѣло его было похоронено въ Бородинской пустынѣ, гдѣ прежде еще былъ похороненъ послѣдній его малолѣтній сынъ и гдѣ послѣ его смерти его вдова поселилась съ своею матерью, княгинею А. И. Урусовою.

Имѣніе покойнаго досталось дядѣ моему, князю Дмитрію Волконскому, за исключеніемъ части, принадлежавшей по закону вдовѣ покойнаго, но въ надѣленіи ее этой частью она встрѣтила много затрудненій.

Сынъ ея сестры, Натальи Васильевны Коптевой, мой внучатный братъ, В. И. Коптевъ, игравшій въ 1849 и 1850 гг. довольно значительную роль при тогдашнемъ Московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ, графѣ Закревскомъ, впослѣдствіи внезапно его удалившемъ, не хотѣлъ принять никакого участія въ ея положеніи, такъ какъ онъ готовъ былъ услуживать только богатымъ и знатнымъ, а родная тетка его осталась съ весьма ограниченнымъ состояніемъ и безъ всякаго значенія въ обществѣ, которое почти не могло знать ее по причинѣ ея уединенной жизни.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось покончить дѣло между ею и моимъ роднымъ дядею, княземъ Дмитріемъ, что, конечно, поставило меня въ затруднительное положеніе.

Многіе были увѣрены, что дядя мой Александръ оставитъ свое родовое имѣніе мнѣ, а благопріобрѣтенное женѣ своей, но онъ не успѣлъ сдѣлать никакого завѣщанія и уже передъ смертью заявилъ, что желалъ бы передать своимъ тремъ роднымъ племянникамъ кружку, пожалованную Петромъ Великимъ его прадѣду, князю Григорію Ивановичу Волконскому, въ 1696 г. за скорое сформированіе и приведеніе къ Азову девяти драгунскихъ полковъ; книгу, съ весьма значительнымъ числомъ писемъ князя Н. Д. Меньшикова къ означенному Волконскому (въ этой же книгѣ два письма Петра къ Волконскому) и золотые часы, подаренные въ Воронежѣ дядѣ моему князю Александру Волконскому послѣднимъ крымскимъ ханомъ Шагинъ-Гиреемъ.

Кружка досталась мнѣ и теперь находится у меня; о томъ же, гдѣ находятся упомянутыя книга и часы, мнѣ неизвѣстно. Письма князя Меньшикова, писанныя въ продолженіе четверти столѣтія, замѣчательны, между прочимъ, и различіемъ въ обращеніи Меньшикова къ Волконскому въ началѣ и въ концѣ этого періода.

Въ первыхъ письмахъ Меньшиковъ называетъ Волконскаго своимъ благодѣтелемъ и обращается къ нему въ почтительномъ тонѣ; въ послѣднихъ же этотъ тонъ измѣняется на повелительный, несмотря на то, что Волконскій былъ въ это время генераломъ-отъ-кавалеріи и занималъ важныя должности.

Дядя мой, князь Александръ, сохранилъ до смерти чудесные черные волосы, всѣ считали его моложе, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. При разговорѣ о его лѣтахъ, онъ любилъ вынимать изъ кармана упомянутые часы, на внутренней крышкѣ которыхъ было вырѣзано, что они пода-

рены ханомъ малолѣтнему Александру Волконскому въ 1784 г., и при этомъ говорилъ:

— Положимъ даже, что мнѣ было тогда только четыре года, а затѣмъ считайте сколько мнѣ лѣтъ.

Домъ Запольскаго, который мы нанимали въ Нижнемъ, во время моего заграничнаго путешествія, былъ проданъ Улыбышеву, извѣстному любителю музыки, и мы должны были переѣхать на Большую Покровку въ домъ Савельева, который оказался неудобенъ.

Въ это время жившаго въ Нижнемъ бригаднаго генерала Грессера перевели директоромъ кадетскаго корпуса въ Москву, и я нанялъ его квартиру въ домѣ Дерновой, на Большой же Покровкѣ, рядомъ съ домомъ предсѣдателя казенной палаты.

Передъ отъѣздомъ изъ Нижняго Грессеръ продавалъ свое движимое имущество и настоятельно требовалъ, чтобы я осмотрѣлъ его, отъ чего я не могъ отдѣлаться и пошелъ вмѣстѣ съ Е. Е. Радзевской осмотрѣть продаваемыя имъ вещи. Мы согласились съ нею ничего не покупать въ виду того, что намъ не представлялось ни въ чемъ особенной надобности, а заграничное путешествіе опустошило и безъ того бѣдный нашъ карманъ. Но Грессеръ, несмотря на то, что былъ богатъ по женѣ, умѣлъ такъ мастерски показывать свои вещи и такъ убѣдительно упрашивать, чтобы ихъ купили, что ему позавидовали бы сидѣльцы Московскаго гостинаго двора.

Показывая всякую дрянь, онъ ее превозносилъ и убѣждалъ въ ея необходимости. Такъ, напримѣръ, онъ привелъ насъ, въ осеннюю ненастную погоду, на задній дворъ, чтобы показать простое деревянное корыто и разныя, самыя простыя, принадлежности для мытья дѣтей. На мое замѣчаніе, что у меня нѣтъ дѣтей, Грессеръ отвѣчалъ, что будутъ и что тогда придется за все платить гораздо дороже, но не убѣдилъ.

Однако мы не умѣли отдѣлаться вполнѣ отъ навязыванія Грессера и купили нѣсколько вещей. Е. Е. Радзевская извинялась въ этомъ передъ женою тѣмъ, что ей не случалось встрѣчать жида столь навязчиваго, какъ Грессеръ. Между купленными у него вещами были подушки для подоконниковъ. Онѣ были набиты сгнившими мочалами, такъ что ихъ пришлось по пріѣздѣ нашемъ въ домъ Дерновой немедля выбросить.

Онъ такъ дурно кормилъ кадетъ 1-го Московскаго корпуса, что кадеты произвели шумъ, за что, конечно, были наказаны, а морившій ихъ голодомъ директоръ былъ переведенъ въ ту же должность въ Московскій Александровскій кадетскій корпусъ, у Арбатскихъ воротъ. Онъ оставался на этомъ мѣстѣ очень долго, едва ли не до смерти своей.

Лѣтомъ 1847 г. въ Нижнемъ Новгородѣ были установлены, въ устроенномъ мною въ 1846 г. водоподъемномъ зданіи, двѣ паровыя водоподъемныя машины, поставлена чугунная чаша съ другими металлическими принадлежностями на приготовленномъ для фонтана въ 1846 г. каменномъ основаніи, и проложены чугунныя трубы между означеннымъ зданіемъ и фонтаномъ.

Для окончанія устройства водопровода оставалось произвести нѣкоторыя незначительныя работы въ разныхъ его частяхъ и испробовать его. Губернаторъ, князь Урусовъ, желалъ непремѣнно открыть дѣйствіе водопровода въ день своего рожденія, 1-го октября.

Я находилъ, что въ десять дней остававшіяся мелочныя работы будутъ производиться на-скоро, а слѣдовательно небрежно, и что мы не успѣемъ испробовать до 1-го октября ни дѣйствія машинъ, ни сопротивленія водопроводныхъ трубъ.

Однакоже, уступая желанію Урусова, я пріѣхалъ къ фонтану 1-го октября въ 4 часа утра, чтобы испробовать машины и трубы съ тѣмъ, что если окажется что-либо въ нихъ требующее исправленія, то отложить день открытія. Я нашелъ Урусова у фонтана.Ославъ одного изъ моихъ подчиненныхъ пустить паровую машину, я приказалъ ему воротиться съ донесеніемъ, что она пущена.

Когда Урусову и мнѣ сказали, что устанавливавшій водоподъемныя машины главный механикъ Шепелевскихъ заводовъ Копьевъ пустилъ одну изъ машинъ въ ходъ, а между тѣмъ вода въ фонтанѣ не показывалась, Урусовъ пришелъ въ отчаяніе и сказалъ мнѣ, что я, предложивъ поднять воду на столь значительную высоту, издержалъ напрасно деньги и поставилъ его, одобрившаго мое предположеніе, въ смѣшное положеніе, и что вообще эта вещь невозможная и ея невозможность была ему предрекаема Копьевымъ, который, какъ техникъ, не хуже меня долженъ знать, на какую высоту могутъ поднять воду изготовленныя имъ паровыя машины.

Я убѣждалъ Урусова, что мой расчетъ былъ вѣренъ, что Копьевъ говорилъ ему вздоръ, что вода должна, прежде чѣмъ изливаться въ фонтанъ, наполнить всѣ трубы между зданіемъ и фонтаномъ, и даже опредѣлилъ ему минуту, въ которую вода, наполнивъ трубы, польется изъ фонтана, — но всѣ мои убѣжденія были напрасны: отчаяніе Урусова продолжалось до того времени, пока вода не полилась въ фонтанный бассейнъ. Отчаяніе Урусова превратилось въ необыкновенную радость, и онъ не зналъ, какъ благодарить меня.

Когда фонтанный бассейнъ наполнился водою, дѣйствіе машины было остановлено. Найдя, что она и весь водоводъ находятся въ полной исправности, я объявилъ Урусову, что подъемъ воды можно будетъ производить безостановочно, если будутъ нужные припасы для дѣйствія паровыхъ машинъ, какъ-то: дрова, масло и пр.

По пріѣздѣ моемъ изъ-за границы, я узналъ, что эти припасы не были заготовлены, и что, по невнесенію въ городскую смѣту статьи расхода на ихъ пріобрѣтеніе, городская дума не приступаетъ къ ихъ заготовленію. Урусовъ увѣрялъ, что къ 1-му октября всѣ припасы будутъ выставлены, но этого исполнено не было. Не желая откладывать до 1-го января открытіе водопровода, я распорядился доставленіемъ дровъ и другихъ потребностей по самымъ дешевымъ цѣнамъ, уплативъ за нихъ изъ собственности.

Засимъ не было болѣе препятствія къ открытію водопровода, и онъ былъ въ тотъ же день, послѣ литургіи, освященъ Нижегородскимъ епископомъ Іереміею.

Я очень хлопоталъ, чтобы стоимость устройства водопровода была, по возможности, наименьшая, равно какъ и сумма, потребная на его содержаніе. Въ первомъ я вполнѣ успѣлъ: все его устройство стоило до 45 тыс. рублей; во второмъ же не могъ успѣть по слѣдующей причинѣ. Заготовку припасовъ на весь 1848 г. производилъ, по распоряженію Урусова, смотритель Мартыновской городской больницы, который, уплачивая поставщику деньги, требовалъ, чтобы онъ расписался въ гораздо большей суммѣ, чѣмъ стоили по его счету поставленные имъ припасы на три мѣсяца 1847 г. и на весь 1848 г. Поставщикъ жаловался мнѣ на это требованіе.

Когда я передалъ его жалобу Урусову, то послѣдній объявилъ мнѣ, что это дѣлается по его приказанію, что на ремонтъ городской больницы отпускается недостаточно денегъ, чтобы сдѣлать въ ней необходимыя улучшенія, а потому онъ набавляетъ цѣны на заготовляемыя для больницы дрова и другія потребности, а деньги, образуемыя этою надбавкою, употребляетъ на улучшеніе больницы; такъ какъ главную статью расходовъ на водоподъемныя машины составляютъ дрова, то онъ не можетъ допустить, чтобы они могли стоить почти вдвое дешевле заготовляемыхъ для больницы, причемъ онъ, желая убѣдить меня, что эти деньги дѣйствительно идутъ на больницу, показалъ мнѣ секретную книгу, въ которой велся приходъ и расходъ деньгамъ, образуемымъ увеличеніемъ цѣнъ на разныя заготовленія.

Я представлялъ Урусову, что не мое дѣло входить въ эти хозяйственныя его распоряженія по больницѣ, и просилъ его только не подчинять имъ содержаніе вновь устроеннаго водопровода, но всѣ мои убѣжденія были напрасны.

Это обстоятельство подало поводъ къ первой сильной между нами размолвкѣ. Къ нему присоединились нѣсколько другихъ, что и побудило меня въ 1848 г. оставить службу въ Нижнемъ.

О занятіяхъ моихъ по Нижегородскому водопроводу въ формулярномъ о службѣ моей спискѣ сказано:

«За составленіе проекта по устройству водопроводовъ и фонтановъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и самое приведеніе этого проекта въ исполненіе объявлено Монаршее благоволеніе».

Съ цѣлью ознакомиться съ состояніемъ зданій присутственныхъ мѣстъ, тюремныхъ, этапныхъ и другихъ я осенью 1847 г. посѣтилъ нѣкоторые уѣздные города Нижегородской губерніи. Ѣздилъ я вмѣстѣ съ предсѣдателемъ казенной палаты Б. Е. Прутченко, который осматривалъ уѣздныя казначейства, винные и соляные магазины. Меня чрезвычайно поразило, что многіе старшіе уѣздные чиновники, подчиненные Прутченко, цѣловали у него руку. Каково же было мое удивленіе, когда уѣздные инвалидные начальники, мнѣ нисколько не подчиненные, отрапортовавъ по военной

формѣ передъ входомъ моимъ въ остроги, также ловили мои руки, чтобы ихъ цѣловать.

Уѣздныя власти до того боялись лицъ, имѣвшихъ значеніе въ губернской іерархіи, что даже Макарьевскій земскій исправникъ, отставной маіоръ, съ нѣсколькими орденами, бросился цѣловать руку у Прутченко и у меня, тогда какъ, по имѣнію жены моей въ Макарьевскомъ уѣздѣ, я болѣе зависѣлъ отъ него, чѣмъ онъ отъ меня.

Всѣ осмотрѣнныя мною зданія я нашелъ въ жалкомъ положеніи, въ особенности этапныя, которыя совершенно развалились. О послѣднихъ производилась нѣсколько лѣтъ переписка между губернскимъ правленіемъ и строительною комиссіею. Первое требовало, чтобы комиссія ихъ фундаментально исправила, а послѣдняя находила, что положеніе этапныхъ зданій таково, что исправленіе ихъ невозможно и употребленныя на него деньги были бы брошены напрасно и что зданія эти требуется построить вновь. Смѣшное въ этомъ было то, что губернаторъ былъ одновременно предсѣдателемъ обоихъ означенныхъ присутственныхъ мѣстъ и утверждалъ ихъ журналы, которые противорѣчили другъ другу.

Чтобы прекратить многолѣтнюю безплодную переписку, Урусовъ просилъ меня приказать губернскому архитектору составить смѣту на исправленіе этапныхъ зданій съ тѣмъ, чтобы по этой смѣтѣ можно было издержать въ 1848 г. деньги изъ земскихъ сборовъ. Я отвѣчалъ Урусову, что соглашаюсь съ мнѣніемъ строительной комиссіи о невозможности исправленія этапныхъ зданій, по причинѣ ихъ ветхости. Урусовъ за этотъ отвѣтъ не могъ скрыть своего неудовольствія. Между тѣмъ, на мелкія исправленія въ этапныхъ домахъ ежегодно назначались, безъ вѣдома строительной комиссіи, довольно значительныя суммы изъ земскихъ сборовъ, но онѣ не доходили до своего назначенія.

Въ самый день новаго 1848 г. въ одномъ изъ этапныхъ домовъ обрушившимся потолкомъ задавило двухъ арестантовъ, слѣдовавшихъ въ Сибирь. Высочайшее повелѣніе о томъ, что всякій расходъ въ казенныхъ и общественныхъ зданіяхъ подлежитъ контролю губернскихъ строительныхъ и дорожныхъ комиссій, получено было въ Нижнемъ въ началѣ 1848 г.

Я немедля справился, не было-ли сдѣлано уже въ этомъ году расходовъ на исправленіе таковыхъ зданій, и узналъ, что на исправленіе однихъ этапныхъ домовъ уже отпущено въ 1848 г. по пяти предложеніямъ губернскаго правленія до 3000 руб. О полученной мною справкѣ я немедля сказалъ Урусову, предваривъ его, что такъ какъ строительной комиссіи неизвѣстно, на что требовалась эта сумма, то она должна будетъ потребовать объ этомъ свѣдѣніе отъ губернскаго правленія. Урусовъ напомнилъ мнѣ мой отказъ составить смѣты для исправленія этаповъ на счетъ земскаго сбора и увѣрялъ, что вслѣдствіе этого отказа никакихъ суммъ не было назначаемо на исправленіе этаповъ, а потому онъ считаетъ мою справку невѣрною. Я убѣждалъ его въ противномъ, привовокупивъ, что каждый годъ выписывалось изъ земскаго сбора на содержаніе въ исправности эта-

повъ до 10 тыс. руб., но до воспослѣдованія вышеупомянутаго Высочайшаго повелѣнія, этотъ расходъ не подлежалъ контролю строительной комиссіи, а потому я о немъ ничего не говорилъ Урусову.

Вслѣдъ засимъ я просилъ его, для удостовѣренія справедливости моего заявленія, позвать къ себѣ губернскаго казначея. Послѣдній вполнѣ подтвердилъ все сказанное мною. Послѣ этого разговора, строительная комиссія потребовала отъ губернскаго правленія свѣдѣнія, въ чемъ именно состояли исправленія этапныхъ домовъ на суммы, отпущенныя въ 1848 г. Несмотря на неоднократныя мои напоминанія Урусову, отвѣта въ комиссію, до отъѣзда моего изъ Нижняго въ августѣ этого года, не послѣдовало.

Оказалось, что деньги на исправленія этаповъ назначались по отдѣленію совѣтника губернскаго правленія Трубникова и большею частію оставались въ карманахъ чиновниковъ этого правленія, а земскіе исправники только расписывались въ ихъ полученіи; этапные же дома оставались безъ ремонта. Мои напоминанія Урусову о томъ, чтобы губернское правленіе отвѣчало на требованіе комиссіи, очень не нравилось ему, такъ какъ Трубниковъ состоялъ подъ его особымъ покровительствомъ. Полагаю, что Урусовъ не участвовалъ съ Трубниковымъ въ дѣлежѣ денегъ, назначенныхъ на этапы, но мнѣ была противна поблажка его Трубникову въ подобномъ дѣлѣ, что еще болѣе отдалило меня отъ Урусова.

Объѣзжая нѣкоторые уѣздные города Нижегородской губерніи, я заѣзжалъ въ имѣніе моего покойнаго тестя, гдѣ видѣлся съ шуриномъ моимъ В. Н. Левашовымъ и съ своякомъ графомъ Н. С. Толстымъ, которые прожили все лѣто въ имѣніи.

Они были очень недовольны дѣйствіями управлявшаго имѣніемъ, купца Пономарева, находя, что онъ, получая весьма значительное жалованіе, не извлекаетъ въ пользу помѣщиковъ всѣхъ выгодъ, которыя представляетъ имѣніе, а между тѣмъ безъ цѣли отягощаетъ крестьянъ и не хлопочетъ о возвращеніи заложенныхъ С. В. Абазѣ земель, или о полученіи за потерею ихъ вознагражденія. С. В. Абаза передалъ значительную часть земель моего тестя безъ представленія залогомъ по откупамъ брату своему М. В. Абазѣ; послѣдній имѣлъ деньги и потому онъ могъ освободить отъ аукціонной продажи довѣренную ему часть или заплатить за нее наслѣдникамъ моего тестя.

Толстой брался принудить М. В. Абазу заплатить большую сумму. При этомъ настроеніи наслѣдниковъ моего тестя и имѣя въ виду, что и младшій мой шуринъ Николай достигъ совершеннолѣтія, а недоимка по Московскому опекунскому совѣту была покрыта описаннымъ выше способомъ, большая же часть частныхъ долговъ уплочена, я отказался отъ всякаго участія въ управленіи имѣніемъ моего покойнаго тестя.

Пономаревъ вслѣдъ же засимъ былъ расчитанъ В. Н. Левашевымъ и Толстымъ. Въ началѣ зимы они оба пріѣхали въ Нижній. Толстой почувствовалъ, что онъ болѣе не зависитъ отъ меня и что, напротивъ

того, онъ можетъ всѣхъ наслѣдниковъ тестя моего поставить въ зависимое положеніе. Критикуя мои дѣйствія по управленію имѣніемъ, Толстой въ моемъ присутствіи, по своей дикости и необразованности, дозволялъ себѣ такія выраженія, что я находилъ лучшимъ съ нимъ совсѣмъ не видѣться и потому просилъ его перестать ѣздить ко мнѣ въ домъ.

Съ этого времени я въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не видался съ Толстымъ, который въ то время далеко не былъ еще тѣмъ добродушнымъ существомъ, какимъ я и многіе знали его лѣтъ десять спустя, въ которые онъ много надъ собою работалъ. Вмѣстѣ съ Толстымъ и В. Левашовымъ и другіе шурья возстали на меня, недовольные моимъ управленіемъ имѣніемъ ихъ отца, позабывъ, что я ихъ спасъ отъ нищеты, но это напущенное Толстымъ неудовольствіе ихъ противъ меня продолжалось недолго: они вскорѣ не могли не оцѣнить, насколько были мнѣ обязаны въ сохраненіи ихъ имущества.

Немедля по моемъ возвращеніи въ Нижній секретарь строительной комиссіи Золотницкій принесъ мнѣ представленіе къ Клейнмихелю, подписанное Урусовымъ и членами комиссіи и скрѣпленное секретаремъ. Въ этомъ представленіи комиссія жаловалась на губернскаго прокурора Волоцкаго за то, что онъ будто бы задерживаетъ пропускъ журналовъ комиссіи, и просила Клейнмихеля объ этомъ сообщить на распоряженіе министра юстиціи графа Панина.

Золотницкій мнѣ сказалъ, что Урусовъ приказалъ непремѣнно въ этотъ же день отправить упомянутое представленіе. Я потребовалъ у Золотницкаго журналъ, вслѣдствіе котораго написано это представленіе. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что представленіе написано безъ составленія журнала. Я съ этимъ представленіемъ пошелъ къ Урусову, который былъ очень недоволенъ тѣмъ, что оно еще не отправлено, и еще болѣе разсердился, когда я ему сказалъ, что оно и не можетъ быть отправлено, такъ какъ представленія комиссіи должны имѣть основаніемъ ея журналы, а журнала о принесеніи жалобы на прокурора въ комиссіи не состоялось. Сверхъ того я говорилъ Урусову, что Волоцкій не задерживалъ журналовъ комиссіи, а если задержка случилась разъ или два, то на это не стоитъ жаловаться, что, впрочемъ, онъ можетъ жаловаться лично отъ себя, не вмѣшивая въ это дѣло членовъ комиссіи и секретаря, которыхъ онъ черезъ это подвергаетъ отвѣтственности.

Урусовъ съ трудомъ убѣдился моими доводами и, отмѣнивъ посылку жалобы отъ строительной комиссіи, написалъ отъ себя лично жалобу, но она осталась безъ послѣдствій. Между тѣмъ Волоцкій, узнавъ объ этой продѣлкѣ, спустя нѣсколько дней, въ присутствіи комиссіи, прочиталъ по этому поводу членамъ и секретарю сильную, но справедливую нотацію.

Къ зимѣ 1847—1848 г. пріѣхали къ Б. Е. Прутченко обѣ его дочери съ своими мужьями и дѣтьми и старшій сынъ Дмитрій, бывшій въ это время конно-гренадерскимъ офицеромъ.

Характеръ моей невѣстки баронессы Александры Борисовны вполнѣ

уяснился. Злая, вспыльчивая и капризная, она, какъ предварялъ ея отецъ, дѣлала изъ мужа все, что хотѣла, безпрерывно ворчала на него и бранила, а своего полугодового ребенка Дмитрія колотила своими костлявыми руками по головѣ такъ, что я опасался, чтобы послѣдній не вышелъ идіотомъ.

Заочно она ругала всѣхъ родныхъ и въ особенности мою сестру, выдумывая и разсказывая всѣмъ всякія о ней небылицы, и все это собственно изъ ревности къ мужу, которая не знала въ ней предѣловъ. Однакоже, чтобы не совсѣмъ удалиться отъ нашей семьи, она старалась сохранить хорошія отношенія съ моею женою, но и это ей не удавалось. Мы жили рядомъ съ Прутченко, что давало возможность брату бывать у насъ довольно часто, но она ему это запрещала.

Братъ обыкновенно забѣгалъ къ намъ позавтракать, зная, что для него всегда у насъ готово любимое имъ блюдо, телячьи ножки,—или вечеромъ, чтобы поиграть въ билліардъ. Онъ былъ большой охотникъ до этой игры. Жена брата, узнавъ, что онъ у насъ, присылала за нимъ, и онъ, не кончивъ завтрака или билліардной игры, стремглавъ бѣжалъ домой, во избѣжаніе непріятной сцены, которой, конечно, все же не избѣгалъ.

1 января 1848 г., по случаю празднованія именинъ моей жены, у насъ обѣдала вся семья Прутченко и многіе другіе. Вскорѣ послѣ обѣда, когда я сидѣлъ съ гостями въ билліардной комнатѣ, а братъ игралъ на билліардѣ, вдругъ вбѣжала въ эту комнату его жена, видимо сильно раздраженная, и сказала брату нѣсколько словъ. Онъ подошелъ ко мнѣ, чтобы взять лежавшую подлѣ меня его фуражку и сказалъ: «что это твоя Эмилія все обижаетъ мою жену». Я не успѣлъ отвѣтить, какъ братъ уже исчезъ. Эта сцена происходила при многихъ гостяхъ. Поводомъ къ раздраженію моей невѣстки было ея требованіе отъ моей жены, чтобы послѣдняя ей уступила въ какой-то шуткѣ, и когда она этого не достигла, то посыпались отъ нея всякаго рода неистовства и заявленія, что ни она, ни мужъ ея никогда у насъ болѣе не будутъ. Вскорѣ она прислала бывшія у нея и ея мужа наши книги при весьма неприличной запискѣ къ женѣ моей, которая эту записку вставила въ рамку и повѣсила на стѣну надъ своимъ письменнымъ столомъ.

Послѣ этого около недѣли не приходили къ намъ ни она, ни мужъ ея. Черезъ недѣлю она пришла, однакоже, къ женѣ моей и, увидѣвъ означенную записку, спросила, зачѣмъ она повѣшена. Жена моя отвѣчала, что она, при плохой памяти, боится забыть, какая у нея есть невѣстка, а эта записка ей объ этомъ напоминаетъ. По настоятельной просьбѣ моей невѣстки, жена сняла записку. Но это примиреніе ни къ чему не послужило; невѣстка моя продолжала со всѣми ссориться и всѣхъ бранить.

По пріѣздѣ сына Б. Е. Прутченко въ Нижній, находившійся въ этомъ городѣ подъ надзоромъ полиціи князь Левъ Андреевичъ Гагаринъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ жены губернатора княгини Урусовой, недовольный тѣмъ, что Б. Е. Прутченко не приглашалъ его къ себѣ, заявлялъ вездѣ, что онъ утретъ носъ молодому гвардейцу. Послѣдній въ

первый свой визитъ у княгини Урусовой имѣлъ неосторожность какъ-то неблаговидно отозваться о ея петербургскомъ родственникѣ. Это еще болѣе возбудило противъ него ея мужа.

Въ первыхъ числахъ января у управляющаго Нижегородскою палатою государственныхъ имуществъ Василія Ефимовича Корвинъ-Круковскаго былъ домашній спектакль любителей и балъ. По окончаніи спектакля я остался въ театральной залѣ, а когда спустя четверть часа вошелъ во второй этажъ, въ которомъ послѣ спектакля начались танцы, то увидалъ посрединѣ залы князя Урусова и молодого Прутченко, которыхъ обступили множество дамъ и мужчинъ. Князь Урусовъ сильно топалъ ногами и, обращаясь къ Прутченко, кричалъ:

— Въ солдаты, въ солдаты разжалую, донесу Государю и безъ суда въ солдаты.

Опасаясь, чтобы Прутченко не отвѣтилъ какими-нибудь грубостями военному губернатору, что ни въ какомъ случаѣ не прошло бы ему, Прутченко, безъ дурныхъ послѣдствій, я сталъ на мѣсто послѣдняго и просилъ Урусова объяснить мнѣ причину его гнѣва.

Урусовъ, обращаясь ко мнѣ, продолжалъ кричать:

— Я этого мальчишку разжалую въ солдаты, безъ суда въ солдаты, въ солдаты.

Въ это время молодой Прутченко уже галопировалъ въ другой комнатѣ. Отецъ его, войдя въ ту комнату, гдѣ были я и Урусовъ, услыхалъ, несмотря на свою глухоту, послѣднія слова Урусова. Не зная, что я только что заступилъ мѣсто его сына, онъ вообразилъ, что эти слова относятся ко мнѣ и опасаясь, что бы я не отвѣчалъ грубостью на обращенныя ко мнѣ Урусовымъ слова, просилъ меня предоставить ему переговорить съ Урусовымъ. Я отошелъ и былъ свидѣтелемъ смѣшной, несмотря на ея неприличіе, сцены. Урусовъ продолжалъ кричать, обращаясь къ старику Прутченко:

— Въ солдаты, въ солдаты!

А когда послѣдній спросилъ Урусова о причинѣ его гнѣва, то Урусовъ ему отвѣчалъ, что въ солдаты разжалуютъ его сына, чего Прутченко по глухотѣ не разслышалъ и продолжалъ распрашивать, за что Урусовъ обѣщается меня разжаловать въ солдаты, а когда получилъ въ отвѣтъ, что эта угроза относится не ко мнѣ, а къ его сыну, то старикъ не могъ ничего понять и просилъ прекратить крикъ и объясниться на другой день.

Тогда Урусовъ ему громко сказалъ:

— Вы не можете мнѣ давать совѣтовъ; вы позабываете, что я и самъ начальникъ.

Прутченко сказалъ, что послѣ этого остается ему только отойти отъ Урусова, который вслѣдъ за симъ уѣхалъ съ бала, а я старику Прутченко разсказалъ о происходившемъ до его прихода въ той комнатѣ, въ которой онъ засталъ меня и кричавшаго Урусова.

Подобныя сцены повторялись довольно часто въ тѣхъ домахъ, въ ко-

торые былъ приглашаемъ Урусовъ. Бывали цѣлыя недѣли, въ которыхъ каждый день ознаменовывался какою-нибудь исторіею въ высшемъ кругу Нижегородскаго общества, почему я и называлъ этотъ городъ «историческимъ». Въ нихъ почти постоянно участвовалъ Урусовъ. Разсказъ многихъ этихъ исторій былъ бы слишкомъ утомителенъ, а потому я ограничусь одной изъ нихъ.

Въ Нижнемъ издавались губернскія вѣдомости, редакторомъ которыхъ былъ Павелъ Ивановичъ Мельниковъ, извѣстный впослѣдствіи въ литературѣ подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго. Пріѣхавъ въ Нижній въ 1843 г., я засталъ Мельникова учителемъ въ Нижегородской гимназіи. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Нижній Урусова Мельниковъ читалъ публичныя лекціи о смутномъ времени въ Россіи. Урусовъ назначилъ Мельникова чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ и употреблялъ его преимущественно по слѣдствіямъ о раскольникахъ. Вскорѣ Мельниковъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и отъ этого министерства былъ также назначаемъ на слѣдствія по раскольничьимъ дѣламъ. Впослѣдствіи онъ участвовалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», издаваемыхъ Катковымъ и Леонтьевымъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Нижегородскихъ губернскихъ вѣдомостей» 1847 г. была помѣщена статья, въ которой общественная жизнь въ Нижнемъ была описана не съ выгодной стороны. Въ день Рождества Христова, послѣ обѣдни, Нижегородское общество собралось у княгини Урусовой для поздравленія съ праздникомъ. Нѣсколько лицъ изъ этого общества жаловались Урусову на помѣщеніе означенной статьи въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Они находили въ ней особенно обиднымъ то, что ея авторъ, перечисляя разныя городскія учрежденія, помѣстилъ клубъ между арестантскою ротою и острогомъ, какъ будто, говорили они, члены клуба то же, что арестанты и острожники.

Урусовъ возражалъ, что въ Нижнемъ общество такъ разъединено, что дѣйствительно жизнь въ немъ очень скучна, что онъ въ продолженіе 3½ лѣтъ употреблялъ всѣ способы, чтобы соединить общество и придать ему болѣе живости, но что не могъ въ этомъ успѣть. Читатель могъ видѣть изъ предыдущаго разсказа, на сколько Урусовъ въ домахъ, въ которые онъ былъ приглашаемъ, способствовалъ къ соединенію общества. На балахъ же и вечерахъ, которые давалъ у себя, онъ почти ни съ кѣмъ не говорилъ, а занимался увеличеніемъ и уменьшеніемъ огня въ лампахъ и грызъ ногти.

Когда Урусову, на его замѣчаніе о скучной жизни въ Нижнемъ, возразили, что въ немъ довольно часто бываютъ званые вечера и обѣды, онъ сказалъ, что жизнь скучна въ особенности для дамъ, что кругъ приглашаемыхъ въ частные дома очень ограниченъ, что многіе изъ приглашаемыхъ не ѣздятъ по неимѣнію свѣжихъ бальныхъ туалетовъ и что только мужчины имѣютъ возможность собираться каждый день въ клубѣ, а слѣдовало бы предоставить дамамъ хотя одинъ разъ въ недѣлю бывать въ клубѣ въ ихъ ежедневныхъ платьяхъ, гдѣ онѣ могли бы танцовать, играть въ карты

и заниматься рукодѣліемъ, однимъ словомъ назначить одинъ день въ недѣлю для такъ называемыхъ ситцевыхъ вечеровъ въ клубѣ.

Пріѣхавшій во время этого объясненія къ Урусову совѣтникъ губернскаго правленія Григорьевъ, одинъ изъ четырехъ старшинъ клуба, заявилъ, что подобные вечера будутъ немедля устроены.

Онъ съ другимъ старшиною клуба Т. Г. Погуляевымъ составили протоколъ правленія клуба, которымъ полагалось учредить въ клубѣ ситцевые вечера по одному разу въ недѣлю и пригласить на эти вечера всѣхъ дамъ и дѣвицъ Нижегородскаго благороднаго общества. Они прислали мнѣ этотъ протоколъ для подписи, такъ какъ я былъ въ это время также старшиною. Я его не подписалъ, а послалъ отзывъ, въ которомъ изложилъ, что женскій полъ не можетъ быть допущенъ въ клубъ безъ согласія общаго собранія его членовъ и что, въ случаѣ ихъ согласія, долженъ быть опредѣленъ источникъ для покрытія расходовъ, которыхъ потребуютъ ситцевые вечера, такъ какъ обыкновенныхъ доходовъ клуба не доставало даже на его обыкновенное содержаніе и клубъ постоянно былъ въ долгу.

Четвертый старшина клуба присоединился къ моему мнѣнію. Погуляевъ былъ старшиною распорядителемъ клуба, а потому несмотря на мое и другого старшины несогласіе, назначенъ былъ одинъ день въ недѣлю для ситцевыхъ вечеровъ и разосланы были приглашенія. Конечно, въ день, назначенный для перваго вечера, я не поѣхалъ въ клубъ. Урусовъ объявилъ старшинамъ, Погуляеву и Григорьеву, что онъ пріѣдетъ на ситцевый вечеръ въ сюртукѣ и потому всѣ военные должны быть въ сюртукахъ.

Въ день, назначенный для перваго ситцеваго вечера въ клубѣ, князь Левъ Гагаринъ посылалъ во многіе дома приглашать къ себѣ женскую прислугу на Аѳинскій вечеръ, который долженъ былъ начаться у него на квартирѣ послѣ полуночи.

Большая часть военныхъ пріѣхали въ клубъ на ситцевый вечеръ въ сюртукахъ, а тѣхъ, которые пріѣзжали въ мундирахъ, не зная о распоряженіи Урусова, отсылали съ тѣмъ, чтобы они надѣли сюртуки.

Въ этотъ день къ Урусову на нѣсколько часовъ заѣхалъ проѣзжавшій черезъ Нижній братъ его флигель-адъютантъ князь Павелъ Александровичъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и генералъ-отъ-инфантеріи), а потому онъ не могъ быть въ клубѣ.

Жена его была торжественно встрѣчена обоими бывшими на вечерѣ старшинами клуба, Погуляевымъ и Григорьевымъ. Въ одно время съ нею пріѣхалъ князь Левъ Гагаринъ. Урусова, наученная послѣднимъ, сказала старшинамъ, что неприлично быть на танцовальномъ вечерѣ въ сюртукахъ и потому проситъ, чтобы мужчины, одѣтые въ сюртуки, удалились изъ танцовальной залы, въ которую она до ихъ удаленія не войдетъ.

Григорьевъ, объявивъ объ этомъ военнымъ, которые были въ сюртукахъ, просилъ ихъ съѣздить домой переодѣться въ мундиры, но они возразили, что пріѣхали въ этой формѣ по распоряженію губернатора и просили заявить объ этомъ женѣ послѣдняго. Григорьевъ снова вернулся къ

нимъ и сказавъ, что Урусова повторила свое требованіе, заставилъ ихъ удалиться.

Они вмѣстѣ съ пріѣхавшими съ ними дамами пошли на хоры танцовальной залы. Въ числѣ удаленныхъ изъ залы были братъ мой Николай съ его женою и братъ послѣдней Д. Б. Прутченко. При выходѣ изъ залы всѣхъ военныхъ, князь Левъ Гагаринъ смотрѣлъ на нихъ съ насмѣшливою улыбкою, Д. Б. Прутченко сказалъ ему нѣсколько дерзостей.

Но на этомъ полѣ бой съ Гагаринымъ былъ для всѣхъ неровный. Онъ, возбуждая своимъ поведеніемъ противъ себя дерзости, сносилъ, потерявъ всякое понятіе о чести, всякую обращенную къ нему дерзость, чему я былъ неоднократно свидѣтелемъ. Изъ всѣхъ военныхъ, удалившихся изъ залы, вернулся только одинъ инженеръ путей сообщенія, капитанъ Дмитріевъ, бывшій въ это время начальникомъ судоходной дистанціи въ Нижнемъ.

Вообще Дмитріевъ былъ очень хорошій человѣкъ, но желаніе быть постоянно въ хорошихъ отношеніяхъ съ начальствующими лицами взяло верхъ надъ желаніемъ оставаться со всѣми въ мирѣ; за это молодые военные, ушедшіе на хоры танцовальной залы, громко назвали его «pomme cuite», такъ что эти слова можно было слышать въ упомянутой залѣ.

Музыка, игравшая на танцовальномъ вечерѣ, должна была съ полуночи играть у Гагарина на его Аѳинскомъ вечерѣ, а потому мазурку, которою обыкновенно заканчивались балы, заиграли довольно рано. Многіе въ публикѣ были этимъ недовольны, знавшіе же о томъ, что музыка должна уйти къ Гагарину на Аѳинскій вечеръ, объяснили этимъ раннее начинаніе мазурки.

Нижегородскій старшій полиціймейстеръ, полковникъ Зенгбушъ, услышавъ эти объясненія, заявилъ, что нельзя изъ-за Гагарина лишить удовольствія всю публику и въ особенности княгиню Урусову. Тогда какой-то шутникъ сказалъ ему, что и княгиня ѣдетъ на Аѳинскій вечеръ Гагарина. Зенгбушъ, не понявъ шутки, почелъ своимъ долгомъ сообщить Урусову о томъ, что его жена изъ клуба поѣдетъ къ Гагарину, и получилъ приказаніе Урусова сказать его женѣ, чтобы она немедля воротилась домой, но она объявила Зенгбушу, что желаетъ остаться на вечерѣ до полуночи.

Зенгбушъ вернулся съ этимъ къ Урусову, который послалъ жандармскаго унтеръ-офицера съ приказаніемъ немедля привезть его жену.

Жандармъ, пріѣхавъ въ клубъ, вызвалъ Урусову, которая немедля уѣхала домой. Злые языки выдумали впослѣдствіи, что жандармъ насильно ее увезъ съ бала на своемъ сѣдлѣ. На другой день въ 10 ч. утра я былъ приглашенъ къ Урусову, гдѣ нашелъ старшинъ клуба. Онъ требовалъ отъ нихъ протокола о безобразныхъ поступкахъ Д. Б. Прутченко и другихъ лицъ во вчерашнемъ собраніи клуба; онъ говорилъ, что и съ своей стороны, какъ военный губернаторъ, не оставитъ виновныхъ безъ взысканія.

Я отвѣчалъ, что не былъ на вечерѣ, ничего не знаю о томъ, что тамъ происходило. Это была совершенная правда, такъ какъ я никого еще не видалъ изъ участвовавшихъ на балѣ. Черезъ нѣсколько часовъ прислали

мнѣ протоколъ, составленія котораго требовалъ Урусовъ, но я его не подписалъ. Этотъ скандалъ не имѣлъ послѣдствій, кромѣ постоянныхъ придирокъ Урусова къ молодому Прутченко и разныхъ колкостей, которыя на счетъ послѣдняго распускалъ Гагаринъ, за что Прутченко платилъ ему тою же монетою.

Гагаринъ въ эту зиму все болѣе и болѣе получалъ значенія въ домѣ губернатора и черезъ это позволялъ себѣ всякія гадости и шалости, изъ которыхъ одну, а именно скаканіе въ темные вечера на тройкѣ во всю прыть по главной городской улицѣ «Большой Покровкѣ», я видѣлъ каждый день изъ моихъ оконъ.

Получивъ предписаніе Клейнмихеля о составленіи проекта водопровода въ Симбирскѣ, я въ январѣ 1848 г. ѣздилъ въ Симбирскъ, чтобы познакомиться съ мѣстностью.

Жена ѣздила со мною. По дорогѣ мы заѣзжали къ Б. Е. Прутченко въ его Борисовскій хуторъ, гдѣ любовались красивыми коровами и были очень хорошо угощены, въ особенности отличными молочными произведеніями.

Въ Симбирскѣ мы остановились въ гостиницѣ, но вскорѣ мнѣ была отведена квартира на площади, на которой поставленъ памятникъ Карамзину. Симбирскъ меньше Нижняго и постройки его, бо́льшею частію деревянныя, весьма не изящны и невелики. Между тѣмъ, я нашелъ въ немъ дворянское общество не въ примѣръ бо́льшее, чѣмъ въ Нижнемъ. Многіе изъ его членовъ бывали за границею. Тогда говорили о симбирскихъ помѣщикахъ, что они могутъ жить только или въ Парижѣ, или въ Симбирскѣ.

Я встрѣчался съ ними ежедневно на обѣдахъ у губернатора Булдакова и по вечерамъ въ клубѣ, который помѣщался въ обширномъ и хорошо устроенномъ дворянскомъ домѣ.

Въ немъ каждый вечеръ бывалъ Булдаковъ и было очень много играющихъ въ карты. Булдаковъ, женившійся на женѣ П. А. Клейнмихеля, былъ человѣкъ очень умный. Овдовѣвъ, онъ вторично женился на очень хорошенькой особѣ. Онъ имѣлъ дѣтей и отъ первой жены; изъ нихъ старшая дочь, лѣтъ около 20, была очень умная дѣвица, собою очень дурная. Въ ихъ обществѣ я проводилъ время пріятно. Обѣды Булдакова были очень вкусны, а послѣ обѣда играли въ карты до ухода въ клубъ.

При мнѣ у Булдакова гостили нѣсколько дней бывшій тогда Тамбовскимъ губернаторомъ, а впослѣдствіи статсъ-секретаремъ съ состояніемъ по военному министерству, Петръ Алексѣевичъ Булгаковъ и его жена, тогда еще красивая женщина. Булгаковъ былъ большой говорунъ и хвастунъ. Между прочимъ онъ разсказывалъ мнѣ, что за какой-то проступокъ посадилъ инженернаго офицера путей сообщенія въ острогъ. На мое замѣчаніе, что если въ Тамбовѣ есть военная гауптвахта, то за подобные проступки обыкновенно военныхъ офицеровъ сажаютъ не въ острогъ, а на гауптвахту; Булгаковъ возразилъ, что онъ, какъ начальникъ губерніи, имѣетъ право сажать въ острогъ не только служащихъ и живущихъ въ ней,

но и пріѣзжающихъ, такъ что если бы пріѣхалъ въ Тамбовскую губернію самъ мой начальникъ Клейнмихель, то онъ могъ бы посадить и его въ острогъ.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ оказалось, что воду въ Симбирскѣ предполагалось провести изъ ближайшихъ къ городу ключей, лежащихъ въ мѣстности, называемой «Маришки», а въ случаѣ малаго количества даваемой ими воды, остальную поднять изъ Волги.

По осмотрѣ мною ключей и берега Волги, я убѣдился, что ключи должны давать весьма незначительное количество воды и что Симбирскъ стоитъ на берегу вдвое болѣе возвышенномъ надъ Волгою, чѣмъ Нижній, и потому рѣшилъ, сверхъ проведенія воды изъ ключей «Маришки», поднять воду не изъ Волги, а изъ р. Свіяги, протекающей также близъ города саж. на 40 выше Волги. Эти двѣ рѣки представляютъ при Симбирскѣ необыкновенное явленіе: онѣ, находясь въ очень близкомъ разстояніи, текутъ одна на сѣверъ, а другая на югъ, при разности горизонта слишкомъ на 40 саж., такъ что Свіяга, протекши нѣсколько сотъ верстъ, впадаетъ въ Волгу при г. Свіяжскѣ, при которомъ горизонтъ Волги выше горизонта ея при Симбирскѣ, конечно, на нѣсколько саженъ. Измѣреніе количества воды, даваемаго ключами «Маришки», и нивеллировка отъ нихъ и отъ Свіяги до частей города, въ которыя предполагалось провести воду, отложена мною до лѣтняго времени.

По возвращеніи моемъ въ Нижній, мои натянутыя отношенія къ Урусову постоянно ухудшались вслѣдствіе сплетенъ Гагарина и неодобренія мною разныхъ неудобоисполнимыхъ предположеній Урусова по развитію водопровода, паровыя машины котораго онъ очень часто посѣщалъ и дѣлалъ при этомъ безъ моего вѣдома неумѣстныя распоряженія, какъ-то: останавливалъ въ сильные морозы дѣйствіе машинъ, черезъ что вода въ водопроводныхъ трубахъ могла замерзнуть и т. п. Это подавало поводъ къ непріятнымъ между нами объясненіямъ.

Въ Свѣтлый праздникъ, 4 апрѣля, я получилъ орденъ Св. Анны 2 ст. Мнѣ показалось, что Урусовъ, всегда находившій, что меня мало подвигаютъ по службѣ, былъ недоволенъ тѣмъ, что я получилъ награду.

Въ маѣ пріѣхалъ ко мнѣ погостить мой старый другъ А.И.Нарышкинъ, любившій громко выражать свое мнѣніе. Въ Нижегородскомъ обществѣ онъ, говоря объ Урусовѣ, постоянно называлъ его дуракомъ, что не могло не сдѣлаться извѣстнымъ послѣднему, а Нарышкинъ могъ судить объ Урусовѣ только по моимъ словамъ. По пріѣздѣ въ Нижній онъ не сдѣлалъ визита послѣднему, и этимъ Урусовъ былъ также очень недоволенъ.

Однажды, прогуливаясь со мною, Нарышкинъ по своему обыкновенію говорилъ громко и прибавлялъ, что будто я держу Урусова въ рукахъ.

Во время этихъ объясненій Нарышкина я увидалъ, что Урусовъ слѣдуетъ за нами и по выраженію его лица замѣтно было, что онъ все слышалъ. Въ это же время князь Левъ Гагаринъ началъ вмѣшиваться и въ строительную часть, хвастаясь въ клубѣ, что какой-то журналъ

строительной комиссіи, мною и другими членами подписанный, не будетъ по просьбѣ Гагарина утвержденъ подписью Урусова. Когда предсказаніе Гагарина сбылось, я откровенно сказалъ Урусову, что, при допущеніи вліянія Гагарина на дѣла строительной комиссіи, я долженъ буду оставить Нижній.

Считая Урусова человѣкомъ безкорыстнымъ, я за это качество извинялъ его глупость и вспыльчивость. Конечно, понятія наши о взяточничествѣ были неодинаковыя, въ доказательство чего разскажу слѣдующее. На праздникъ Рождества Христова еще въ 1845 г. явился ко мнѣ купецъ Бугровъ, подрядчикъ по работамъ строительной комиссіи. Найдя въ моемъ кабинетѣ брата моего Николая, Бугровъ объявилъ, что имѣетъ до меня просьбу, которую желаетъ передать мнѣ наединѣ. Я ему отвѣчалъ, что онъ можетъ все говорить при моемъ братѣ, но онъ настоялъ, чтобы я его выслушалъ безъ свидѣтелей. Когда я съ нимъ перешелъ въ другую комнату, онъ мнѣ поднесъ завязанный носовымъ платкомъ узелъ, наполненный кредитными билетами, котораго я не взялъ, заявивъ, что я никакихъ подарковъ не принимаю.

Объ этой продѣлкѣ Бугрова я тогда же разсказалъ Урусову, который очень сожалѣлъ, что я не взялъ предложенныхъ мнѣ Бугровымъ денегъ. Онъ полагалъ, что мнѣ слѣдовало ихъ взять и представить въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Впослѣдствіи начали ходить слухи, что Урусовъ не брезгаетъ взятками и даже не платитъ за забираемые для его дома припасы. Я этому не вѣрилъ, но въ зиму 1847—1848 г. я случайно былъ свидѣтелемъ, какъ изъ губернаторскаго дома выгоняли поставщика, у котораго забирали какіе-то (кажется, съѣстные) припасы, и не хотѣли платить по представленному имъ счету. Послѣ этой сцены Урусовъ совершенно мнѣ опротивѣлъ и я рѣшился просить Клейнмихеля дать мнѣ другое назначеніе, но отложилъ это до окончанія изысканій по составленію проекта водопровода въ Симбирскѣ.

Въ началѣ лѣта открылась въ Москвѣ сильная холера. Изъ писемъ сестры, жившей въ это время въ Москвѣ, видно было, что она очень боялась этой болѣзни. Такъ какъ во время эпидеміи всего важнѣе сохранять бодрость духа и по возможности веселость, а жена моя не только умѣла сохранять ихъ, но и возбуждать въ лицахъ ей близкихъ, то она поѣхала съ Е. Е. Радзевской въ Москву, а я въ Симбирскъ.

Отношенія моего шурина В. Н. Левашова и свояка графа Н. С. Толстого къ бывшему ихъ управляющему купцу Пономареву, оставшемуся управлять только тою частію имѣнія, которая принадлежала женѣ моей, были весьма дурны. Это побудило меня, при поѣздкѣ въ Симбирскъ, заѣхать въ имѣніе, гдѣ, для прекращенія столкновеній съ моимъ шуриномъ, я уволилъ Пономарева отъ управленія, которое принялъ на себя мой шуринъ.

Проѣздомъ изъ имѣнія въ Симбирскъ я заѣзжалъ въ Лысково къ

его владѣльцу 90-лѣтнему князю Егору Александровичу Грузинскому. Эта личность, извѣстная своими жестокими, достойными азіатскихъ хановъ, порывами и безграничнымъ самоуправствомъ, заслуживаетъ подробнаго описанія. Я провелъ цѣлый день очень пріятно съ этимъ начитаннымъ старикомъ, у котораго была большая библіотека. Его очень занимала французская революція 1848 г. Часть проведеннаго мною у него дня онъ употребилъ на чтеніе нѣсколькихъ номеровъ полученнаго при мнѣ Journal de Francfort, отличавшагося мелкою печатью. Онъ при чтеніи не употреблялъ очковъ, я же, сидя противъ него, по слабости моихъ глазъ, читалъ въ очкахъ.

Въ Симбирскѣ я произвелъ всѣ нужныя изслѣдованія по составленію проекта проведенія воды въ этотъ городъ. Эти изысканія подтвердили сдѣланное мною зимою заключеніе о недостаточномъ количествѣ воды, даваемомъ ключами «Маришки» (оказалось, что они даютъ всего 7000 ведеръ въ сутки), и о необходимости, сверхъ проведенія этой воды въ городъ, поднять въ него воду изъ Свіяги.

Время, свободное отъ занятій, въ Симбирскѣ я проводилъ въ домѣ губернатора и въ клубѣ, а также у разныхъ городскихъ обывателей, у которыхъ часто встрѣчался съ чиновниками, командированными министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для производства какого-то слѣдствія въ губерніи и бывшими въ большихъ неладахъ съ губернаторомъ.

На обратномъ пути изъ Симбирска въ Нижній я заѣзжалъ къ Б. Е. Прутченко въ его имѣніе, лежащее на р. Пьянѣ. Мѣстность около этой рѣки плодородная и красивая; въ ея берегахъ въ имѣніи Прутченко находится множество изобильныхъ родниковъ минеральной воды. Я съ точностію опредѣлилъ количество воды, даваемое этими родниками. Таковые же родники имѣются и въ ложѣ рѣки. Въ ямы, ими образуемыя, опускали камни на длинныхъ веревкахъ, но не находили дна.

Вообще теченіе р. Пьяны очень своеобразно и во многомъ отличается отъ теченія обыкновенныхъ рѣкъ. Б. Е. Прутченко возилъ меня къ своей сосѣдкѣ Крюковой, въ ея имѣніе «Отраду». Она была вдова бывшаго Нижегородскаго губернатора. Оба ея сына пострадали въ 1825 г. и находились въ Сибири. Дочь же ея княгиня Черкасская жила въ Москвѣ.

Домъ и паркъ въ «Отрадѣ» были очень хороши. По смерти Крюковой это имѣніе купилъ Б. Е. Прутченко и отдалъ вмѣстѣ съ другими своими имѣніями на р. Пьянѣ моей невѣсткѣ. Въ упомянутомъ домѣ въ 1870 г. умеръ братъ мой Николай.

Въ проѣздъ мой изъ имѣнія Прутченко въ Нижній, холера была сильна во всѣхъ селеніяхъ, черезъ которыя лежалъ мой путь. По дорогѣ встрѣчалось мало проѣзжающихъ и обозовъ. Въ селеніяхъ не только не было хороводовъ и другихъ сборищъ, но почти никто не выходилъ на улицы, и крестьяне, въ опасеніи заразы, не пускали проѣзжающихъ въ избы.

Въ Нижнемъ большая часть жителей, опасаясь холеры, сидѣли по домамъ, и городъ казался опустѣвшимъ. Подчиненные мои, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, прислали мнѣ записки, въ которыхъ просили дозволенія не являться ко мнѣ по случаю моего пріѣзда, а если они нужны мнѣ по дѣламъ службы, то чтобы я ихъ объ этомъ увѣдомилъ и они немедля прибудутъ.

Я просилъ пятерыхъ изъ моихъ подчиненныхъ, которые у меня бывали чаще другихъ, пріѣхать ко мнѣ въ 4 ч. и такія же приглашенія послалъ къ начальнику судоходной дистанціи Дмитріеву и къ вышедшему изъ этой должности въ отставку, проживавшему въ Нижнемъ, Николаю Ивановичу Лику. Они всѣ пріѣхали въ весьма мрачномъ настроеніи. Я пригласилъ ихъ въ 4 часа со мною отобѣдать; нѣкоторые съ трудомъ согласились. Сначала всѣ ѣли съ большимъ опасеніемъ, вина же почти не пили, но я настоятельно требовалъ, чтобы выпили по крайней мѣрѣ по одному бокалу шампанскаго, что всѣ исполнили, а потомъ нѣкоторые выпили и по другому.

Пошли разные толки о происходившемъ въ городѣ и къ вечеру при общей веселости было забыто о холерѣ. Я убѣждалъ всѣхъ, что во время эпидеміи не слѣдуетъ мѣнять рода жизни, и въ особенности не падать духомъ и пригласилъ всѣхъ обѣдать у меня на другой день.

Обѣдъ этотъ и за нимъ вечеръ прошли еще веселѣе, чѣмъ наканунѣ, и такъ продолжалось до возвращенія жены моей. Она, пріѣхавъ въ Москву въ самый разгаръ холеры, уѣхала вмѣстѣ съ моею сестрою и ея дочерьми въ Екатерининскую пустынь, гдѣ сестра наняла домикъ и гдѣ онѣ, вслѣдствіе живости и всегда веселаго настроенія моей жены, жили очень пріятно, несмотря на близость Москвы (около 20 верстъ), въ которой свирѣпствовала холера.

Узнавъ о моемъ возвращеніи въ Нижній, жена моя и сестра, несмотря на сильную въ Нижнемъ холеру, пріѣхали ко мнѣ. Съ сестрою были двѣ дочери и двѣ гувернантки, англичанки, родившіяся въ Россіи, Елисавета и Маргарита Францовны Смитъ. О первой я упоминалъ выше, а вторая, принявшая православіе, поступила не задолго передъ этимъ къ сестрѣ: жена моя подружилась съ нею въ Екатерининской пустыни.

По пріѣздѣ жены, я просилъ товарищей, въ послѣднее время у меня обѣдавшихъ, продолжать ежедневно обѣдать у меня, что большая часть изъ нихъ исполняла. Насъ садилось за столъ въ иные дни человѣкъ по пятнадцати. Общество было веселое, живое и, несмотря на продолжавшуюся холеру, въ особенности опасную въ ярморочное время, мы совсѣмъ о ней забывали.

Въ это время, въ виду непріятныхъ отношеній къ Урусову и того, что служебныя мои занятія въ Нижнемъ не представляли болѣе ничего замѣчательнаго, я письмомъ просилъ Клейнмихеля объ освобожденіи меня отъ этихъ занятій. Въ отвѣтъ на мою просьбу я получилъ дозволеніе

только пріѣхать въ Петербургъ для объясненія, но чѣмъ бы оно ни кончилось, я рѣшилъ болѣе въ Нижній не возвращаться, а потому, несмотря на то, что не получилъ еще увольненія отъ службы въ Нижнемъ, передъ отъѣздомъ изъ него продалъ мебель и вообще неудобоперевозимое имущество. Продажа эта была произведена по весьма низкимъ цѣнамъ, въ особенности по причинѣ эпидеміи, когда трудно было отыскать покупщиковъ. Въ началѣ августа я съ женой, съ сестрою и ея дочерьми выѣхалъ изъ Нижняго Новгорода.

ГЛАВА VI.

1848—1852 г.

Пріѣздъ въ Москву. Пріѣздъ въ Петербургъ съ княземъ Максутовымъ, А. И. Нарышкинымъ и В. Н. Левашовымъ. Помѣщеніе наше въ Петербургѣ. Запросъ министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго о Симбирскомъ губернаторѣ Булдаковѣ. Безуспѣшность переговоровъ по дѣлу о земляхъ, заложенныхъ въ неисправныхъ откупахъ С. В. и М. В. Абазы. Продолженіе этого дѣла и понесенныя при этомъ потери. Жизнь въ Петербургѣ съ Максутовымъ, Нарышкинымъ и Левашовымъ. А. И. Ланъ, И. Н. Колесовъ и его сватовство. Разрѣшеніе инженерамъ путей сообщенія носить усы. Переѣздъ къ Колесовымъ. Посѣщеніе дома Клейнмихеля. Л. С. Пушкинъ въ Петербургѣ. Жалоба Государю Нижегородскаго военнаго губернатора князя М. А. Урусова на С. В. Шереметева. Переѣздъ въ гостиницу Демута. Переѣздъ жены моей въ Петербургъ. Освобожденіе отъ должности въ Нижнемъ-Новгородѣ съ оставленіемъ при главноуправляющемъ путями сообщенія. Переѣздъ въ нанятую квартиру. Порученіе объ осмотрѣ работъ въ порожистой части Днѣпра и слѣдствіе надъ ихъ начальникомъ маіоромъ Каптеромъ. Описаніе работъ въ порожистой части Днѣпра. Замѣна начальника IX (Екатеринославскаго) округа путей сообщенія Шипова Семичевымъ. Производство слѣдствія надъ Каптеромъ. Членъ общаго присутствія правленія IX-го округа путей сообщенія Ивашевскій. Неудовольствіе сенатора Каптера и членовъ ауditоріата главнаго управленія путей сообщенія противъ произведеннаго слѣдствія надъ маіоромъ Каптеромъ. Рѣшеніе Клейнмихеля по этому слѣдствію. Плаваніе по Днѣпру для осмотра каналовъ, устроенныхъ въ обходъ пороговъ. Инженеры Ивановъ и фонъ-Дортезенъ. Крушеніе барки у Вильнаго порога. Донесеніе объ осмотрѣ работъ въ порожистой части Днѣпра. Екатеринославское общество: губернаторъ А. Я. Фабръ, Гавриленко, баронъ Франкъ, Струковъ, докторъ Саксъ и другіе. Баронъ Фиркъ (Schedo-Ferotі). Отъѣздъ въ Петербургъ. Извѣстіе о движеніи нашихъ войскъ въ Придунайскія княжества и Венгрію. Пріѣздъ въ Петербургъ. Болѣзнь жены. Назначеніе инспекторомъ военныхъ сообщеній дѣйствующей въ Венгріи арміи. Инженеръ Рейнгардтъ. Переѣздъ жены моей на Черную рѣчку. Верховая ѣзда въ манежѣ и князь А. С. Меньшиковъ. Варшава и дежурный генералъ дѣйствующей арміи. Генералъ-адъютантъ баронъ Ливенъ въ Варшавѣ. Поѣздка изъ Варшавы до Мискольца. Представленіе князю М. Д. Горчакову и князю И. Ѳ. Паскевичу. Помѣщеніе у коменданта главной квартиры арміи Бевада. Порученіе отъ Паскевича. Исправляющій должность начальника инженеровъ дѣйствующей арміи Сорокинъ. Э. И. Герстфельдъ. Исполненіе порученій Паскевича. А. П. Мельниковъ. Порученіе отъ Горчакова. Положеніе мое въ арміи. С. А. Хрулевъ. Грабежи, производимые нашими войсками. Чиновникъ Грассъ. Ссора Бевада съ генералъ-интендантомъ арміи, Затлеромъ. Походный атаманъ Верзилинъ. Вайценъ. Тиссафюретъ. Переходъ на лѣвый берегъ Тейсы. Измѣна уланскаго корнета. Цеге. Движеніе на правый берегъ Тейсы и возвращеніе въ Цеге. Движеніе на Уйварышъ и Дебречинъ. Дебречинъ. Приходъ въ Дебречинъ 2-го кавалерійскаго и 4-го пѣхотнаго корпусовъ. Смѣна начальника штаба 4-го корпуса Веселицкаго. Депутація Венгерскаго правительства

къ Паскевичу и пріѣздъ къ нему посланнаго отъ главнокомандующаго венгерскими войсками Гёргея. Сдача Гёргея. Движеніе въ Гросъ-Варденъ. Знакомство съ Гёргеемъ. Венгерскіе офицеры изъ Буковинскаго отряда. Сдача венгерскихъ генераловъ австрійскимъ властямъ. Знакомство съ однимъ изъ нихъ. Римско-католическое, уніатское, православное и реформатское духовенство въ Венгріи. Непопулярность венгерской войны въ Россіи и въ арміи. Пробившіеся сквозь аванпосты австрійцевъ офицеръ и нѣсколько гусаръ въ Гросъ-Варденѣ. Семейство Коссута въ Гросъ-Варденѣ. Еврейка, владѣлица дома въ Гросъ-Варденѣ. Невыгодныя послѣдствія венгерской войны для Россіи.Представленіе Горчакову и Паскевичу передъ моимъ отъѣздомъ изъ арміи. Порученіе отъ Паскевича. Награда за походъ въ Венгрію. Причина неполученія австрійскаго ордена. Галиція. В. А. Жуковскій и графъ Ламбертъ въ Варшавѣ. Клейнмихель и А. А. Вонлярлярскій въ гор. Островѣ. Полученіе Клейнмихелемъ ордена Андрея Первозваннаго. Пріѣздъ въ Петербургъ. А. Г. и Н. А. Замятнины. Г. И. Филипсонъ. А. С. Комаровъ. Мои вечернія собранія. Проектъ Симбирскаго водопровода. Инженеръ Гергардтъ. Нахальство издателей «Bibliothèque universelle des contemporains illustrez». Назначеніе членомъ комитетовъ: учебнаго главного управленія путей сообщенія и по сооруженію постояннаго черезъ р. Неву моста и технической комиссіи при департаментѣ желѣзныхъ дорогъ. Занятія въ этихъ комитетахъ и комиссіи. Порученіе осмотрѣть Днѣпровскіе пороги. Перемѣна въ обществѣ и въ личномъ составѣ инженеровъ въ Екатеринославѣ. Жизнь въ Екатеринославѣ. Вызовъ къ больному Клейнмихелю въ его Курскую деревню. Клейнмихель въ его Курской деревнѣ. Клейнмихель въ имѣніи А. А. Нелидова близъ Курска. Клейнмихель въ мѣстечкѣ Почепѣ. Поѣздка въ Нижегородское имѣніе. В. Н. Левашовъ и графъ Н. С. Толстой. Б. Е. Прутченко и бѣжавшій изъ Сибири чиновникъ. Пріѣздъ въ Москву. Порученіе отъ Клейнмихеля произвести слѣдствіе о паденіи моста въ гор. Луцкѣ. Пріѣздъ въ Луцкъ и Житомиръ. Строитель упавшаго моста Проскуряковъ. Волынскій военный губернаторъ князь И. И. Васильчиковъ. Рѣшеніе Клейнмихеля по дѣлу о паденіи моста въ Луцкѣ. Назначеніе слѣдователемъ по случаю пожара въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Клейнмихель и Кербедзъ передъ открытіемъ моста черезъ Неву. Открытіе этого моста. Награда за его сооруженіе и степень заслуги награжденныхъ. Подача въ отставку. Объясненіе съ Клейнмихелемъ по случаю подачи въ отставку. Полученіе пособія и производство въ полковники. Назначеніе въ слѣдственную комиссію по Императорскому ботаническому саду. Порученіе осмотрѣть Днѣпровскіе пороги. Клейнмихель по дорогѣ въ Екатеринославъ. Ожиданія Клейнмихеля губернаторомъ Фабромъ и управляющимъ IX округомъ путей сообщенія Осинскимъ въ Екатеринославѣ. Клейнмихель въ Екатеринославѣ. Осмотръ Клейнмихелемъ работъ на порожистой части Днѣпра. Послѣдствія этого осмотра. Порученіе обревизовать правленіе IX округа путей сообщенія. Производство ревизіи. Жизнь моя въ Екатеринославѣ. К. П. Шабельскій. Первый проѣздъ Государя по желѣзной дорогѣ между столицами. Пріѣздъ мой въ Москву. В. И. Назимовъ и С. Ф. фонъ-Бринъ. Поѣздка въ Петербургъ въ первомъ пассажирскомъ поѣздѣ по желѣзной дорогѣ между столицами. Назначеніе въ комиссію для изслѣдованія претензій А. А. Вонлярлярскаго по устройству шоссе между Мало-Ярославцемъ и Бобруйскомъ. Участіе Государя въ этомъ дѣлѣ. Поѣздка въ Могилевъ съ Мясоѣдовымъ и Серебряковымъ. Управляющій Могилевскимъ округомъ путей сообщенія. Описаніе нѣкоторыхъ изъ претензій Вонлярлярскаго. Вонлярлярскій, прозванный Монте-Кристо. Заключеніе комиссіи о претензіяхъ Вонлярлярскаго. Разсмотрѣніе этого заключенія по Высочайшему повелѣнію въ совѣтѣ главного управленія путей сообщенія. Гнѣвъ Государя на Клейнмихеля и совѣтъ. Назначеніе въ комиссію для уплаты рабочимъ Вонлярлярскаго въ Смоленскѣ. Отдача ремонтнаго содержанія шоссе между Мало-Ярославцемъ и Бобруйскомъ. Окончательный журналъ совѣта главнаго управленія путей сообщенія по разбору претензій Вонлярлярскаго. Поѣздка въ Смоленскъ. Ѳ. Е. Гурбандтъ въ Смоленскѣ. Жизнь въ Смоленскѣ. Занятія въ комиссіи по уплатѣ рабочимъ Вонлярлярскаго. Смоленскій жандармскій штабъ-офицеръ Слезкинъ. Смоленскій помѣщикъ Шембель. Высочайшее по-

Въ Москвѣ мы остановились у моей сестры А. И. Викулиной. Въ это время князь П. Н. Максутовъ, жившій также въ Москвѣ, и А. И. Нарышкинъ, пріѣхавшій изъ Орловскаго имѣнія, собирались въ Петербургъ. Къ нимъ присоединился я и пріѣхавшій изъ Нижегородскаго имѣнія шуринъ мой В. Н. Левашовъ. Всѣхъ трехъ моихъ спутниковъ влекла въ Петербургъ одна цѣль. Въ сенатѣ въ это время назначены были торги на винные откупа, къ которымъ долженъ былъ пріѣхать въ Петербургъ М. В. Абаза.

Я говорилъ выше, что тесть мой и жена довѣрили С. В. Абазѣ, первый 22900, а послѣдняя 9500 десятинъ земли для представленія залогомъ по винным откупамъ съ 1843 по 1847 г. и что по неисправности С. В. Абазы эти земли подверглись секвестру. С. В. Абаза большую часть земель моего тестя передалъ брату своему Михаилу Васильевичу. В. Н. Левашовъ надѣялся, что М. В. Абаза или освободитъ весь означенный залогъ отъ наложеннаго на него секвестра, или уплатитъ Левашовымъ по обоюдному согласію деньги за ту часть земли, которая была секвестрована, какъ по откупамъ, которые содержалъ М. В. Абаза, такъ и по откупамъ его брата Саввы Васильевича.

Нѣкоторая часть земли Левашовыхъ, бывшей въ дѣлахъ М. В. Абазы, была представлена имъ въ залогъ по исправнымъ откупамъ, а потому не подвергалась секвестру. С. В. Абаза предлагалъ мнѣ помѣстить землю жены моей въ залогъ по исправнымъ откупамъ брата его Михаила Васильевича, замѣнивъ ее землею моихъ шурьевъ. Я, конечно, на это не согласился и затѣмъ вся земля жены моей, отданная въ залогъ С. В. Абазѣ, подверглась секвестру.

Князь П. Н. Максутовъ, придумавшій отдачу земель тестя моего и жены въ залогъ Абазѣ, въ надеждѣ этимъ помочь намъ и Абазѣ и получить отъ послѣдняго за эту операцію вознагражденіе, былъ очень взволно-

ванъ тѣмъ, что, вмѣсто полученія нами ежегодно большой суммы денегъ, мы лишились нашего достоянія, и что онъ, войдя въ долги и не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, не могъ ожидать отъ С. В. Абазы полученія обѣщаннаго ему вознагражденія.

Онъ надѣялся въ Петербургѣ убѣдить М. В. Абазу, котораго дѣла вообще шли хорошо, вознаградить меня и Левашовыхъ за теряемыя нами земли и получить отъ него хотя часть обѣщаннаго ему С. В. Абазою. Я не полагалъ, чтобы Левашовъ и въ особенности Максутовъ могли достигнуть цѣли, но А. И. Нарышкинъ, болѣе насъ знакомый съ Абазами и вообще съ откупными дѣятелями, былъ противнаго мнѣнія. Онъ почему-то надѣялся, что въ этомъ дѣлѣ поможетъ и Аггѣй Васильевичъ Абаза, старшій братъ вышеупомянутыхъ. Сверхъ того, Нарышкинъ, разоренный винокуреннымъ заводомъ, котораго постройку онъ предпринялъ по совѣту своего свояка С. В. Абазы, надѣялся, что братья Абазы и нѣкоторые другіе откупщики помогутъ ему, давъ нѣсколько паевъ въ откупахъ, которые имъ достанутся на торгахъ; это тогда дѣлалось довольно часто.

Я съ своими тремя спутниками нанялъ цѣлый дилижансъ первоначальнаго заведенія Серапина. Проведя нѣсколько дней въ Москвѣ у сестры и оставивъ у нея жену мою, мы выѣхали въ Петербургъ. Нарышкину съ Максутовымъ пришлось сидѣть другъ противъ друга. Съ первой же станціи начался между нами споръ, сопровождаемый сильнымъ крикомъ, о политикѣ, объ откупахъ и о разныхъ вопросахъ общественной жизни. Хотя споръ былъ товарищескій, но крикъ былъ до того страшный, что мы разсадили ихъ насколько это было возможно, сидя въ одной каретѣ. Крики и даже взаимныя колкости продолжались всю дорогу.

Передъ выѣздомъ изъ Москвы, Нарышкинъ и Максутовъ просили Колесова, служившаго тогда въ департаментѣ внѣшней торговли, нанять для нихъ и для меня комнаты въ центрѣ города, не выше второго этажа и недороже 50 р. въ мѣсяцъ. Колесовъ увѣдомилъ ихъ, что онъ нашелъ по ихъ желанію квартиру на Большой Морской, въ домѣ бывшемъ Калугина. Мы прямо пріѣхали въ этотъ домъ, но квартира наша, вмѣсто второго этажа, очутилась въ четвертомъ у содержательницы меблированныхъ комнатъ г-жи Феде. Въ нашу квартиру мы вошли черезъ довольно большую комнату, въ которой стоялъ обѣденный столъ; за нею слѣдовала одна небольшая комната объ одномъ окнѣ и одна большая, изъ оконъ которой видны были дворецъ великой княгини Маріи Николаевны и площадь, на которой впослѣдствіи устроенъ Исаакіевскій скверъ.

По снятіи дорожнаго платья въ послѣднихъ двухъ комнатахъ, когда одинъ изъ насъ захотѣлъ выйти въ первую комнату, въ которой стоялъ обѣденный столъ, онъ увидалъ, что г-жа Феде сидитъ въ этой комнатѣ за письменнымъ столомъ. Сначала мы думали, что она не успѣла убрать своихъ бумагъ и выжидали ея ухода, но такъ какъ она не покидала своего мѣста, то одинъ изъ насъ принялъ на себя упросить ее удалиться въ виду того, что намъ, часто одѣтымъ въ халатахъ, неудобно имѣть такую постоянную гостью.

Она объяснила, что Колесовъ нанялъ только двѣ послѣднія комнаты за 50 р., а что комната, въ которой она сидѣла, и черезъ которую необходимо было проходить въ наши комнаты, осталась въ ея распоряженіи. Это значило, что мы не можемъ выйти изъ нашихъ комнатъ иначе, какъ въ полномъ туалетѣ, и потому мы нашли необходимымъ нанять и эту комнату, за что прибавили еще 50 р. въ мѣсяцъ.

Въ день нашего пріѣзда былъ у насъ И. Н. Колесовъ, на котораго Нарышкинъ и Максутовъ напали за наемъ комнатъ, изъ которыхъ не было свободнаго выхода. Напротивъ, Колесовъ, сохранившій и до настоящаго времени страсть превозносить все, что онъ сдѣлалъ или что ему принадлежитъ, очень хвастался тѣмъ, что нашелъ намъ такъ дешево квартиру, удовлетворявшую всѣмъ требованіямъ Нарышкина и Максутова. Когда же послѣдніе ему замѣтили, что вмѣсто второго этажа нанято помѣщеніе въ четвертомъ, онъ просилъ ихъ не говорить мнѣ объ этомъ, полагая, что я не замѣтилъ и не замѣчу числа ступеней подобно тому, какъ онъ по своей наивности и разсѣянности не только не замѣтилъ ихъ, но даже увѣрялъ, что ихъ гораздо менѣе.

На другой день нашего пріѣзда въ Петербургъ я былъ очень удивленъ полученною мною запискою отъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Л. А. Перовскаго, которою онъ приглашалъ меня быть у него. Я не былъ знакомъ съ графомъ, не имѣлъ никакого дѣла въ его министерствѣ и не полагалъ, чтобы онъ могъ такъ скоро узнать о моемъ пріѣздѣ. Когда я прибылъ согласно приглашенію, то вмѣсто графа меня принялъ Оржевскій, директоръ департамента полиціи исполнительной, котораго я нѣсколько разъ видалъ при жизни еще двоюроднаго брата моего А. А. Дельвига. Онъ, по порученію Перовскаго, спросилъ меня конфиденціально объ управленіи Булдакова Симбирскою губерніею, объ отношеніяхъ его къ чиновникамъ министерства внутреннихъ дѣлъ, командированнымъ для какого-то изслѣдованія, и о дурныхъ отзывахъ, которые Булдаковъ дозволялъ себѣ будто бы въ обществѣ и при мнѣ насчетъ центральныхъ учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ и самаго министра. Я отвѣчалъ, что Булдаковъ, какъ человѣкъ очень умный, не можетъ, по моему мнѣнію, дурно управлять губерніей, что отношенія его къ находящимся въ Симбирскѣ чиновникамъ министерства внутреннихъ дѣлъ приличны, и что его дурныхъ отзывовъ о министерствѣ и центральныхъ учрежденіяхъ министерства я не слыхалъ. Оржевскій, видимо недовольный моими отвѣтами, сказалъ, что онъ передастъ ихъ Перовскому, который не замедлитъ меня вызвать къ себѣ, но этого вызова не послѣдовало. Оржевскій изъ моихъ отвѣтовъ увидалъ, что я не буду ему полезенъ въ его стремленіи смѣнить Булдакова съ губернаторскаго мѣста.

Я уже сказалъ, что цѣлью пріѣзда моихъ трехъ спутниковъ въ Петербургъ были переговоры съ А. В. и М. В. Абаза о вознагражденіи Лутошовыхъ и жены моей за земли, подвергшіяся секвестру по неисправнымъ откупамъ, бывшимъ въ содержаніи съ 1843 по 1847 г. у М. В. и С. В. Абазы,

полученіе Максутовымъ хотя части вознагражденія, обѣщаннаго ему С. В. Абазою за то, что Максутовъ досталъ послѣднему означенныя земли, и полученіе Нарышкинымъ паевъ въ откупахъ, которые поступятъ въ содержаніе близко знакомыхъ ему откупщиковъ.

Чтобы не повторяться, я теперь же разскажу не только о результатахъ нашихъ хлопотъ по дѣлу о земляхъ въ бытность нашу въ Петербургѣ въ 1848 г., но и дальнѣйшую исторію этого дѣла.

Я и мои спутники видались очень часто съ М. В. Абазою, а я и Нарышкинъ и съ братомъ его Аггеемъ Васильевичемъ. Первый кормилъ насъ обѣдами, поилъ преимущественно шампанскимъ съ сельтерскою водою, забавлялъ насъ шутками, остротами и импровизованными стихами, на все это онъ былъ большой мастеръ, но всѣми способами уклонялся отъ разговора о вознагражденіи за секвестрованныя земли. Съ большимъ трудомъ мы добились отъ него обѣщанія освободить отъ секвестра часть земли Левашовыхъ съ тѣмъ, что за ту, которая не будетъ имъ освобождена, онъ уплатитъ Левашовымъ по обоюдному ихъ согласію.

Относительно же части земель Левашовыхъ, оставшейся залогомъ по неисправнымъ откупамъ С. В. Абазы, а равно и земель жены моей, М. В. Абаза далъ обѣщаніе убѣдить брата своего выдать намъ заемныя письма, такъ какъ послѣдній не имѣлъ средствъ къ немедленному вознагражденію. А. В. Абаза кормилъ меня и Нарышкина хорошими обѣдами и любилъ со мною бесѣдовать, а я очень любилъ слушать умныя рѣчи этого старика. О землѣ жены моей мы ничего не говорили тѣмъ болѣе, что С. В. Абаза, всегда зависѣвшій отъ своего старшаго брата, пріѣхавъ въ 1842 г. на торги по виннымъ откупамъ съ ввѣренными ему лично залогами, вышелъ изъ повиновенія у А. В. Абазы и взялъ откупа на срокъ 1843—1847 г. въ противность совѣту своего старшаго брата.

Максутовъ, конечно, не могъ добиться никакого вознагражденія изъ обѣщаннаго ему С. В. Абазою, а Нарышкинъ, помнится, получилъ нѣсколько паевъ въ какомъ-то ничтожномъ откупѣ. Такимъ образомъ мои три спутника, пробывъ цѣлый мѣсяцъ въ Петербургѣ, не достигли той цѣли, для которой пріѣзжали.

Послѣ долгой переписки С. В. Абаза выслалъ мнѣ и Левашовымъ заемныя письма за земли, бывшія у него въ залогѣ и подвергшіяся секвестру. Заемныя письма были приняты Левашовыми и мною, такъ какъ намъ было извѣстно, что С. В. Абаза не имѣлъ никакихъ средствъ къ уплатѣ намъ денегъ. Мы могли надѣяться на полученіе денегъ по этимъ заемнымъ письмамъ только въ случаѣ поправленія его дѣлъ, чего трудно было ожидать. М. В. Абаза полагалъ было отдѣлаться тѣмъ же относительно Левашовыхъ за ихъ землю, секвестрованную по неисправнымъ его откупамъ. Между тѣмъ было извѣстно, что вообще дѣла его идутъ хорошо и нѣтъ причины уступать ему землю, поступившую въ залогъ по 9 р. за десятину, за незначительную сумму и довольствоваться заемными письмами, когда онъ могъ заплатить наличными. Но надо было найти чело-

вѣка, который съумѣлъ бы заставить М. В. Абазу раскошелиться. Мой своякъ графъ Н. С. Толстой вызвался на это дѣло. Для этого онъ поѣхалъ въ Одессу, мѣсто жительства М. В. Абазы, гдѣ эксцентричными, въ англійскомъ клубѣ и въ разныхъ домахъ, разсказами о разореніи Абазою Левашовыхъ и дикими противъ него ругательствами, довелъ послѣдняго до того, что онъ рѣшился заплатить Левашовымъ весьма значительную сумму съ цѣлью отдѣлаться отъ такого неотвязчиваго распространителя дурныхъ о немъ слуховъ. Изъ этой суммы Левашовы отдали своей сестрѣ графинѣ Л. Н. Толстой 20 тыс. руб. въ виду того, что она получила отъ ихъ отца меньше имѣнія, чѣмъ жена моя. Но эти деньги были безтолково прожиты Толстыми, равно какъ и все прочее ихъ имѣніе.

С. В. Абаза по заемнымъ письмамъ никогда не платилъ процентовъ. Послѣ смерти его осталась вдова Варвара Сергѣевна, урожденная Цурикова, съ многочисленными дѣтьми, безъ всякихъ средствъ къ жизни. Зная, какія мѣры были употреблены Толстымъ для полученія денегъ отъ М. В. Абазы, и будучи поручительницею по мужѣ на заемныхъ письмахъ, она очень опасалась, что Толстой, пользуясь довѣренностью Левашовыхъ, подастъ ихъ заемныя письма ко взысканію и привлечетъ ее къ личной отвѣтственности. Поэтому она сама и черезъ своего брата А. С. Цурикова и зятя А. И. Нарышкина просила меня о возвращеніи ей заемныхъ писемъ, выданныхъ моей женѣ, и о моемъ содѣйствіи къ возвращенію заемныхъ писемъ, выданныхъ Левашовымъ. Она за возвращеніе этихъ обязательствъ, простиравшихся на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, предоставляла единственное оставшееся послѣ ея мужа имѣніе, состоявшее изъ небольшого количества замли въ Полтавской губерніи, гдѣ находился не дѣйствовавшій ветхій разрушенный винокуренный заводъ.

Въ виду бѣдственнаго положенія В. С. Абазы, я согласился на возвращеніе ей заемныхъ писемъ, выданныхъ женѣ моей, и уговорилъ моихъ шурьевъ Левашовыхъ возвратить выданныя имъ заемныя письма, причемъ объяснилъ имъ, что имѣніе, которое В. С. Абаза предоставляетъ намъ въ вознагражденіе, до того незначительно, что не стоитъ и брать его, но не получилъ на это согласія. Означенное имѣніе было передано намъ и, по желанію моихъ шурьевъ, купчая крѣпость на него была совершена на мое имя.

Имѣніе это не давало никакого дохода, а причиняло мнѣ расходы по завѣдыванію имъ, и потому я поспѣшилъ его продать, взявъ за него немногимъ болѣе тысячи рублей. Эти деньги я раздѣлилъ между женою и ея братьями въ пропорціи количества десятинъ принадлежащей ей и имъ земли, поступившей подъ секвестръ по неисправнымъ откупамъ С. В. Абазы.

Вотъ чѣмъ ограничилось вознагражденіе жены моей за потерю ею 9500 дес. земли. Эта потеря, сверхъ того, была поводомъ ко многимъ издержкамъ и хлопотамъ. Я уже говорилъ о томъ, что заложенную по откупамъ землю необходимо было вымежевать изъ населеннаго имѣнія, заложен-

наго въ Московской сохранной казнѣ, для чего пришлось выкупить это имѣніе и снова его заложить, на что потребовались значительныя издержки.

Между тѣмъ, многимъ залогодателямъ по неисправнымъ виннымъ откупамъ были даны разныя льготы, состоявшія большею частію въ разсрочкѣ уплаты недоимки, накопившейся на ихъ залоги, на 20 и 25 лѣтъ съ обязанностью уплачивать ее ежегодно по ровной части безъ процентовъ. Залогодателямъ предоставлялось право всю сумму уплатить немедля съ учетомъ изъ 6 процентовъ; при этомъ учетѣ сумма долга уменьшалась почти вдвое.

Надѣясь, что землю жены моей можно будетъ продать рублей по пяти за десятину, я въ 1860 г., черезъ бывшаго тогда министромъ финансовъ Александра Максимовича Княжевича, испросилъ женѣ моей означенную льготу. Я былъ въ это время предсѣдателемъ правленія Московско-Ярославской желѣзной дороги, а Иванъ Ѳеодоровичъ Мамонтовъ былъ директоромъ этого правленія. Онъ удивился, что я такъ дешево продаю землю съ лѣсомъ близъ р. Ветлуги, по которой лѣсъ сплавлялся въ Волгу и, видя мое твердое намѣреніе продать землю, ударилъ со мною по рукамъ въ знакъ того, что она имъ куплена, но я потребовалъ, чтобы до окончанія сдѣлки онъ послалъ уполномоченнаго отъ себя для осмотра лѣса.

Переговоры мои съ Мамонтовымъ происходили при А. И. Нарышкинѣ, который, по дружбѣ ко мнѣ, былъ очень радъ, что я отдѣлался отъ нескончаемыхъ хлопотъ по этому залогу и даже получу хотя небольшую сумму, но, при моемъ совершенномъ безденежьѣ, имѣвшую для меня значеніе. Я все еще не вѣрилъ тому, что продажа состоится, но Нарышкинъ увѣрялъ, что Мамонтовъ не измѣнитъ своего слова, а что на осмотръ Мамонтовъ согласился изъ деликатности.

Нарышкинъ въ этотъ день обѣдалъ у меня и съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ поздравилъ меня и жену мою съ продажею земли.

Спустя нѣсколько времени Мамонтовъ сказалъ мнѣ, что уполномоченный имъ для осмотра земли жены моей вернулся и объявилъ, что она далеко не стоитъ 5 р. за десятину, къ чему Мамонтовъ прибавилъ, что онъ отъ своего слова не отступается. Я ему возразилъ, что въ такомъ случаѣ я отказываюсь отъ продажи, и на томъ дѣло съ Мамонтовымъ кончилось.

Впослѣдствіи я въ Москвѣ и въ Петербургѣ старался продать означенную землю по 5 руб. за десятину, но старанія мои, какъ съ конторами, занимающимися продажею имѣній, такъ и съ частными лицами, были безуспѣшны. Наконецъ, въ началѣ 1862 г. нашелся человѣкъ, который заявилъ мнѣ, что ищетъ купить землю для одного богатаго московскаго купца, котораго фамиліи не припомнитъ. Послѣ длинныхъ переговоровъ этотъ повѣренный московскаго купца на Страстной недѣлѣ въ 1862 г. заключилъ со мною домашнюю сдѣлку на пріобрѣтеніе земли по 5 р. за десятину и взялъ у меня планъ этой земли съ тѣмъ, что онъ воротится изъ Москвы недѣли черезъ двѣ для совершенія купчей крѣпости.

Между тѣмъ прошло уже около двухъ лѣтъ со времени данной мнѣ

льготы, по которой должно было уплачивать ежегодно часть суммы, въ которой была заложена земля жены моей, и въ эти два года мною ничего не было уплачено. По этой причинѣ я принужденъ былъ выхлопотать черезъ того же А. М. Княжевича, передъ самымъ увольненіемъ его отъ должности министра финансовъ, новое повелѣніе о дозволеніи женѣ моей вносить означенную сумму по частямъ, начиная съ 1862 г. Но эти хлопоты были напрасны: лица, заключившаго со мною домашнюю сдѣлку на покупку земли, я болѣе не видалъ и съ трудомъ получилъ отъ него обратно планъ земли.

Въ свидѣтельствѣ гражданской палаты, выданномъ женѣ моей для представленія ея земли залогомъ по откупамъ, ничего не упоминалось о растущемъ на ней лѣсѣ, а потому я полагалъ законнымъ производить въ немъ рубку для крестьянскихъ нуждъ и для продажи, которая впрочемъ, по изобилію лѣса въ томъ краѣ, была незначительна.

Такъ продолжалось болѣе 20 лѣтъ, но по истеченіи этого времени, въ бытность мою на службѣ въ Петербургѣ, шуринъ мой Николай Левашовъ, постоянно враждующій съ мѣстными полицейскими властями, продалъ на срубъ въ пользу жены, но безъ ея и моего вѣдома, нѣсколько лѣса, который былъ задержанъ мѣстнымъ исправникомъ въ виду того, что земля, на которой росъ этотъ лѣсъ, подлежитъ секвестру за недоимку по виннымъ откупамъ и должна быть подвергнута описи.

Это распоряженіе исправника было утверждено Нижегородскимъ губернскимъ правленіемъ. Между тѣмъ въ это время начался поземельный сборъ на земскія повинности, и шуринъ мой находилъ, что требованіе этихъ повинностей предполагаетъ, что платящій ихъ получаетъ доходы съ земли, а такъ какъ въ залогѣ состояла земля, а не лѣсъ, то онъ просилъ жену мою подать просьбу въ Сенатъ объ отмѣнѣ распоряженія Нижегородскаго губернскаго правленія. Но Сенатъ, основываясь на отзывѣ министра финансовъ, утвердилъ это распоряженіе и затѣмъ прекратилась возможность пользоваться лѣсомъ съ пустоши,которая наконецъ въ 1868 г., послѣ 25-лѣтней переписки, была описана и надъ нею учреждена опека.

Между тѣмъ шуринъ мой Николай Левашовъ, видя мое желаніе раздѣлаться окончательно съ имѣніемъ жены моей въ Нижегородской губерніи, предложилъ оставшееся у нея за надѣломъ крестьянъ до 1400 дес. земли купить за 4000 рублей съ разсрочкою уплаты, вслѣдствіе чего и выслалъ первую тысячу рублей.

За симъ считая эту землю своею собственностью, хотя купчей крѣпости еще совершено не было, онъ продалъ на срубъ часть на ней растущаго лѣса. Мѣстная полиція, заподозривъ, что лѣсъ рубили не только на землѣ, оставшейся отъ надѣла крестьянъ, но и на землѣ, состоящей залогомъ по неисправнымъ откупамъ, не дозволила торговцамъ сплавить лѣсъ къ низовьямъ Волги.

Нижегородское губернское правленіе не только утвердило ея распоряженіе, но сверхъ того, въ предположеніи, что при продажѣ съ аукціона

заложенной по откупамъ земли можетъ не выручиться той суммы, въ которой она была заложена, нашло нужнымъ наложить запрещеніе на все имѣніе жены моей, гдѣ бы таковое ни оказалось. Это постановленіе губернскаго правленія было противозаконно и я, находя нужнымъ подать жалобу въ Сенатъ объ его отмѣнѣ, избралъ для веденія дѣла присяжнаго повѣреннаго Герарда за условленное вознагражденіе.

Герардъ подалъ въ іюлѣ 1868 г. просьбу въ Сенатъ, но по малозначительности онъ о дѣлѣ вовсе не заботился, такъ что, по возвращеніи моемъ изъ за-границы въ половинѣ 1869 г., просьба Герарда не только не была еще назначена къ слушанію въ Сенатѣ, но я съ трудомъ нашелъ и самую просьбу, которая была передана изъ 1-го департамента въ 7-ой по предполагаемой связи этого дѣла съ жалобою, поданною торговцами, купившими лѣсъ у моего шурина, на задержаніе этого лѣса мѣстною полиціею. За упраздненіемъ 7-го департамента жалобы эти поступили во 2-ой департаментъ.

Видя полное пренебреженіе къ моему дѣлу со стороны Герарда, я взялъ у него обратно бумаги, причемъ онъ не потребовалъ никакого вознагражденія за свои, конечно, незначительныя хлопоты. Съ трудомъ добился я, чтобы просьба, поданная Герардомъ, была снова передана въ 1-ый департаментъ и чтобы въ немъ она была заслушана. Въ ноябрѣ 1870 г. Сенатъ опредѣлилъ распоряженіе губернскаго правленія о наложеніи запрещенія на все имѣніе жены моей, какъ противузаконное, отмѣнить, оставивъ подъ запрещеніемъ только ту землю, которая состояла залогомъ по неисправнымъ откупамъ, и послалъ свое опредѣленіе на заключеніе министра финансовъ.

Сенаторъ Н. И. Любимовъ зашелъ ко мнѣ прямо изъ Сената объявить объ означенномъ опредѣленіи, которое было принято сенаторами единогласно, послѣ довольно сильныхъ преній со стороны тѣхъ, которые, полагая правильнымъ сберечь интересы казны, хотѣли утвердить распоряженіе губернскаго правленія несмотря на то, что это распоряженіе было противузаконно.

Въ концѣ 1870 г. я получилъ повѣстку о назначенномъ въ Москвѣ (по неуспѣшности торговъ, произведенныхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ) окончательномъ торгѣ на 9500 дес. земли, принадлежащихъ женѣ моей и описанныхъ по неисправности откуповъ, въ которыхъ онѣ состояли залогомъ. Вслѣдъ за тѣмъ одинъ мой московскій знакомый телеграфировалъ, что цѣна за эти земли на торгу состоялась менѣе 3000 р. и приглашалъ пріѣхать на переторжку, чтобы, возвысивъ эту цѣну, оставить землю за мною.

Я не могъ по служебнымъ моимъ занятіямъ ѣхать въ Москву, но состоявшій при мнѣ по особымъ порученіямъ инженеръ Евгеній Михайловичъ Духовской изъявилъ согласіе явиться на переторжку для покупки земли на мое имя. Совсѣмъ готовый къ отъѣзду въ Москву, онъ заѣхалъ ко мнѣ, чтобы получить послѣднее наставленіе о томъ, какую наибольшую сумму слѣдуетъ предложить на переторжкѣ. Но la nuit porte conseil, я сначала

полагалъ, что можно дать за землю до 10 тыс. руб., но за ночь передумалъ, частію потому, что счелъ неприличнымъ покупать за эту сумму землю, заложенную женою моею въ 85 тыс. руб., а частію и потому, что 10 тыс. руб. даютъ вѣрныхъ процентовъ до 600 р. въ годъ, а при моихъ тогдашнихъ безпрерывныхъ служебныхъ занятіяхъ я могъ бы и не выручать такого дохода съ купленной земли. Вслѣдствіе этого Духовской не поѣхалъ въ Москву и высшая цѣна за землю на переторжкѣ достигла только 3050 р.

Несмотря на то, что торги были окончательные, они не были утверждены министромъ финансовъ, который предложилъ министру государственныхъ имуществъ взять землю въ казну, на что послѣдній согласился съ тѣмъ, чтобы земля, оцѣненная мѣстными цѣновщиками въ 4 р. 50 к. за десятину,—что онъ признавалъ слишкомъ высокимъ,—была подвергнута переоцѣнкѣ, на каковую сенаторы 1-го департамента Сената согласились только по настоянію, заявленному министромъ государственныхъ имуществъ въ отзывѣ на состоявшемся опредѣленіи Сената. Оберъ-прокуроръ же 1-го департамента въ виду того, что торгъ на землю въ Москвѣ былъ окончательный, протестовалъ противъ опредѣленія Сената, согласнаго съ отзывомъ министра, и 4-го декабря 1872 г. Сенатомъ положено: или министерству государственныхъ имуществъ немедля принять эту землю безъ ея переоцѣнки, или за отказомъ его отдать ее предъявившему высшую за нее цѣну на послѣднемъ торгу въ Москвѣ.

Въ началѣ 1871 г., управляя министерствомъ путей сообщенія, я часто видался съ министромъ финансовъ и просилъ его поскорѣе дать заключеніе, затребованное у него 1-мъ департаментомъ Сената по состоявшемуся въ немъ единогласному опредѣленію объ отмѣнѣ вышеупомянутаго постановленія Нижегородскаго губернскаго правленія, которымъ полагалось запрещеніе на всѣ имѣнія жены моей.

Рейтернъ обѣщался заняться этимъ дѣломъ, и я 20-го мая 1871 г., за нѣсколько минутъ до входа графа В. А. Бобринскаго въ мой кабинетъ, пріѣхавшаго ко мнѣ прямо изъ Царскаго Села, чтобы объявить объ увольненіи меня отъ всѣхъ должностей по министерству путей сообщенія, получилъ отъ Рейтерна записку, которую переписываю буквально: «J'ai étudié hier le dossier du Senat dont Vous m' avez parlé et á mon très grand regret, je' n'ai pu arriver á une décision favorable aux intérêts de Madame la Baronne de Delvig. Je vous prie d'être assuré que le devoir seul d'assurer la valeur des sûretés que le trésor accepté comme залогъ, m'a forcé á cette décision. Reutern. Jeudi».

Впослѣдствіи я узналъ, что Рейтернъ, вѣроятно, основываясь на докладѣ департамента неокладныхъ сборовъ, далъ 20 мая 1871 г. отзывъ Сенату слѣдующаго содержанія. Обойдя статьи закона, изъ которыхъ одною воспрещается,—въ виду того, что залогъ можетъ, при его продажѣ, не покрыть числящейся на немъ недоимки,—привлекать къ отвѣтственности другія имѣнія владѣльца залога, а другою постановляется, что залогодатель при неисправности откуповъ отвѣчаетъ только тѣмъ, что

имъ представлено въ залогъ, Рейтернъ требовалъ, чтобы наложенное на имѣніе жены моей повсемѣстное запрещеніе оставалось въ силѣ, такъ какъ изъ дѣла, производившагося по продажѣ заложенной земли видно, что на послѣднихъ окончательныхъ торгахъ за эту землю, заложенную въ 85.500 руб., высшая цѣна состоялась 3050 р. и что на ней происходили порубки лѣса, а землевладѣлица не употребляла средствъ для сохраненія заложеннаго лѣса и даже имѣется подозрѣніе, что она для своихъ выгодъ рубила его, хотя это и не доказано произведеннымъ слѣдствіемъ.

Я уже говорилъ, что до запрещенія Сенатомъ рубки лѣса на заложенной землѣ, дѣйствительно, мы продавали его на срубку небольшими частями, находя это совершенно правильнымъ, такъ какъ представленное на откупа свидѣтельство гражданской палаты было выдано на землю, и о лѣсѣ въ немъ ничего не упоминалось. Послѣ же запрещенія, сдѣланнаго Сенатомъ, конечно, мы болѣе не продавали ни одного бревна на этой землѣ, а рубка лѣса лѣсопромышленниками, будто бы производившаяся послѣ запрещенія и слѣдствіемъ не доказанная, не могла лежать на отвѣтственности жены моей, такъ какъ никакой законъ не обязываетъ владѣльца наблюдать за подобными лѣсными дачами, и онъ этого фактически, послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, исполнять не можетъ.

Затѣмъ предложеніе министра финансовъ, что жена моя должна была оберегать лѣсъ на заложенной землѣ, не имѣло никакого основанія.

За полученіемъ этого отзыва министра финансовъ дѣло должно было перейти въ общее собраніе первыхъ трехъ сенатскихъ департаментовъ и департамента герольдіи, но въ 1-мъ департаментѣ рѣшили воспользоваться первымъ присутствіемъ въ его засѣданіи товарища министра финансовъ генералъ-адьютанта Грейга (такъ какъ министръ финансовъ самъ въ Сенатъ никогда не ѣздилъ) и объясниться съ нимъ по вышеупомянутому отзыву.

Узнавъ объ этомъ, я заѣзжалъ къ Грейгу для объясненія дѣла, и онъ мнѣ заявилъ, что согласенъ со мною, но такъ какъ онъ не можетъ подобнымъ дѣламъ давать заключеніе въ Сенатѣ, несогласное съ мнѣніемъ министра, то обѣщался переговорить съ Рейтерномъ и поступить согласно окончательному мнѣнію послѣдняго.

Грейгъ по разнымъ причинамъ не могъ быть въ засѣданіяхъ 1-го департамента Сената ранѣе февраля 1872 г. и только въ это время согласился съ опредѣленіемъ этого департамента, указъ котораго о снятіи запрещенія съ имѣній жены моей, за исключеніемъ земли, состоявшей залогомъ по неисправнымъ виннымъ откупамъ, былъ посланъ въ Нижегородское губернское правленіе въ іюнѣ 1872 г.

Я разсказалъ это дѣло, причинившее мнѣ столько хлопотъ, съ нѣкоторою подробностію съ тѣмъ, чтобы показать, до какой степени подобныя дѣла производятся медленно, при чемъ казна чрезвычайно много теряетъ. Если бы заложенная земля была продана вскорѣ по открытіи неисправности откуповъ Абазы, то лѣсъ былъ бы на ней еще не срубленъ.

Я же, предвидя неизбѣжную ея продажу, конечно, мало заботился о сохраненіи лѣса, на что потребовались бы весьма значительные расходы. Со времени же описи этой земли и поступленія ея въ опеку, назначенные опекуны, какъ видно изъ жалобъ, принесенныхъ моимъ шуриномъ Николаемъ Левашовымъ, много порубили лѣса, извлекая изъ этого доходъ для себя, а не для казны.

Дальнѣйшій ходъ дѣла по продажѣ этой земли будетъ описанъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ «Моихъ воспоминаній».

Земля шурьевъ моихъ Левашовыхъ, отданная въ залогъ С. В. Абазѣ, имѣла другую участь. Я уже говорилъ, что большая ея часть была передана послѣднимъ брату своему М. В. Абазѣ, что только часть залоговъ послѣдняго подверглась секвестру, и что за эту часть Левашовы были имъ вознаграждены; за симъ около половины ихъ земли была свободна отъ секвестра.

Тесть мой предоставилъ С. В. Абазѣ для представленія залогомъ по откупамъ 22.900 дес. земли. При отмежеваніи пустошей отъ населенныхъ имѣній моихъ шурьевъ и моей жены, оказалась примѣрная земля, изъ которой шурья, въ противность существующимъ законамъ, ничего не дали женѣ моей; затѣмъ въ ихъ владѣніи оказалось до 30.000 десят. Нижегородская гражданская палата выдала одно свидѣтельство на всю землю, состоявшую въ пустошѣ, принадлежащей моему тестю, а потому, несмотря на то, что только менѣе половины земель моихъ шурьевъ находилось залогомъ по неисправнымъ откупамъ, вся земля въ ихъ пустоши была секвестрована и должна была подвергнуться аукціонной продажѣ.

Шуринъ мой Валерій Левашовъ исходатайствовалъ такъ же, какъ и я, чтобы уплата суммы, въ которую была заложена земля моего тестя, находившаяся залогомъ по неисправнымъ откупамъ, была разложена на 20 лѣтъ. Получивъ эту льготу, онъ внесъ означенную сумму вдругъ съ учетомъ изъ 6% и тѣмъ освободилъ отъ продажи 30 тыс. десят. земли, для чего сдѣланъ имъ въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита заемъ подъ Симбирское имѣніе жены его, урожденной Зиновьевой, которая наслѣдовала это имѣніе по духовному завѣщанію отъ своей тетки Маріи Васильевны Левашовой, также урожденной Зиновьевой. Валерій Левашовъ скупилъ части, принадлежавшія его брату Василію и сестрѣ графинѣ Лидіи Толстой.

Я уже говорилъ, что по пріѣздѣ въ Петербургъ въ августѣ 1848 г., А. И. Нарышкинъ, князь П. Н. Максутовъ, В. Н. Левашовъ и я поселились въ одной квартирѣ. Шумъ, крикъ и споры, впрочемъ всегда дружественные, не имѣли предѣловъ. Нарышкинъ вообще любилъ шумѣть и защищать демократическія тенденціи, хотя трудно быть аристократичнѣе по его наружному виду и по его привычкамъ. Февральская революція 1848 г. была имъ превозносима до небесъ и онъ сильно надѣялся, что она повліяетъ на весь міръ и его идеи скоро осуществятся. Максутовъ, напротивъ того, сильно придерживался правъ дворянскаго сословія и, ненавидя Французовъ, осуждалъ все, что происходило во Франціи. Ненависть

его къ Французамъ была послѣдствіемъ непримиримой вражды его къ своему тестю доктору Лану, родомъ французу. Левашовъ придерживался соціалистическаго ученія, но тогда еще не вполнѣ высказывался. Конечно, онъ былъ ближе по своимъ понятіямъ къ Нарышкину, чѣмъ къ Максутову.

Большая наша комната была на углу Вознесенской и Большой Морской. Нарышкинъ, котораго кровать стояла въ этой комнатѣ, каждое утро, вставъ съ постели, подходилъ къ угловому окну, выходящему на площадь, гдѣ впослѣдствіи поставленъ памятникъ Императору Николаю 1, и ругалъ, какъ онъ выражался, «ma cousine». 30-го августа была свадьба великаго князя Константина Николаевича; на свадьбу, а также на балъ, бывшій въ этотъ вечеръ, было назначено собраться, между прочими, и всѣмъ штабъ-офицерамъ. Мнѣ до этого времени не случалось быть въ Зимнемъ дворцѣ и я воспользовался настоящимъ случаемъ. Нарышкинъ, при моемъ отъѣздѣ на свадьбу и потомъ на балъ, напутствовалъ меня слѣдующими словами: «Ну, поѣзжай, бѣлый (такъ онъ обыкновенно называлъ меня), во дворецъ, только, пожалуйста, тамъ не подличай».

Самые шумные споры, сопровождавшіеся необыкновеннымъ крикомъ, происходили почти каждый день послѣ обѣда, когда къ намъ приходилъ шуринъ Максутова, Андрей (Henri) Ипполитовичъ Ланъ, который признавалъ самодержавіе наилучшимъ правленіемъ и изъ всѣхъ самодержавій наиболѣе превозносилъ русское. Понятно, что это возбуждало нескончаемые споры между нимъ и Нарышкинымъ. Ланъ ненавидѣлъ французскую республику, но, будучи самъ французскаго происхожденія, защищалъ Французовъ противъ Максутова, который постоянно ихъ бранилъ.

Ненависть Максутова къ Французамъ доходила до того, что онъ не ходилъ съ нами въ рестораны, чтобы не способствовать обогащенію ихъ содержателей французовъ, а обѣдалъ дома, хотя содержательница меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ мы остановились, была тоже француженка г-жа Феде, но онъ полагалъ, что ея цѣны на кушанья умѣреннѣе, чѣмъ въ ресторанахъ. Максутовъ даже не стригся у парикмахеровъ-французовъ, а призывалъ для стрижки русскаго цырюльника. Но расчетъ его былъ ошибоченъ.

При отъѣздѣ хозяйка нашей квартиры подала намъ счетъ, въ которомъ цѣна за всѣ кушанья была выставлена такая же высокая, какъ въ наилучшихъ ресторанахъ, а такъ какъ Максутовъ, чтобы избѣжать общества Французовъ, не ходилъ за общій столъ (table d'hôte), а требовалъ кушанья въ свою комнату по картѣ, то ему пришлось много заплатить за обѣды и завтраки.

Не говоря уже о томъ, что кушанья у г-жи Феде были хуже, чѣмъ въ хорошихъ ресторанахъ, гдѣ имѣлись обѣды по $1^1/_2$ руб. и даже по 1 рублю, самыя порціи были гораздо менѣе. Намъ случалось иногда всѣмъ завтракать дома и цѣна за кофейную чашку бульона была выставлена по 60 коп. Это была дѣйствительно цѣна порціи бульона въ хорошихъ ресторанахъ, но эта порція была суповая миска, въ которой было болѣе 4-хъ кофей-

ныхъ чашекъ, а за нихъ намъ пришлось заплатить 2 р. 40 коп. Стрижка волосъ стоила у французскихъ парикмахеровъ 20 коп., а призванный Максутовымъ цырюльникъ потребовалъ за стрижку 50 коп.

Не могу удержаться отъ разсказа, дающаго понятіе, до какой степени хозяйки меблированныхъ квартиръ эксплоатировали подобныхъ намъ жильцовъ. Передъ отъѣздомъ моихъ товарищей въ Москву, наша хозяйка прислала счетъ, въ которомъ они увидали непомѣрныя цѣны за кушанья и особую статью за бумагу 25 коп. Меня, при полученіи этого счета, который ихъ сильно раздражилъ, не было дома, и они, рѣшивъ, что я одинъ занимался писаніемъ бумагъ, положили, что я одинъ и заплачу за нее 25 коп. Они мнѣ все это объявили по моемъ возвращеніи, но я сказалъ, что бумаги у хозяйки никогда не бралъ, вслѣдствіе чего эта статья была вычеркнута изъ счета и выслана хозяйкѣ вся сумма, значившаяся по счету, за исключеніемъ 25 коп. Тогда сынъ хозяйки пришелъ требовать и эти 25 коп., объяснивъ, что эти деньги требуются за бумагу, употребленную нами въ отхожемъ мѣстѣ.

Однимъ изъ самыхъ частыхъ нашихъ посѣтителей былъ И. Н. Колесовъ, который также участвовалъ въ спорахъ и крикахъ, доказывая необходимость бюрократическаго элемента, которому онъ, по наивности своей, былъ вполнѣ преданъ и который былъ ненавистенъ Нарышкину.

Мы нѣсколько разъ ѣздили всѣ вмѣстѣ въ Павловскъ, гдѣ и тогда прогуливалось много дамъ изъ такъ называемаго полусвѣта, необыкновенно пышно разряженныхъ въ длинныя платья и съ дорогими шалями, надѣтыми такъ, что ихъ концы мели полы.

Максутовъ изъ шалости приставалъ къ нимъ, а Колесовъ, по наивности своей, останавливалъ его, говоря, что дамы, къ которымъ пристаетъ Максутовъ, должны принадлежать къ высшему обществу.

Максутовъ, шутя, отвѣчалъ, что дѣйствительно это все маркизы и графини, и затѣмъ заговаривалъ съ ними или наступалъ, какъ будто нечаянно, на ихъ платья, или на концы ихъ шалей, что приводило въ страхъ Колесова.

Максутовъ, любившій устраивать всякаго рода дѣла и такъ дурно помѣстившій земли тестя и жены моей по залогамъ въ откупахъ и такъ дурно распоряжавшійся подрядомъ Вейсберга по Нижегородскому шоссе, задумалъ женить Колесова. Н. А. Дивовъ, женатый на побочной дочери графа Сергѣя Петровича Румянцова, Зинаидѣ, не имѣлъ дѣтей. Мужъ и жена были очень богаты и взяли къ себѣ на воспитаніе бѣдную сиротку Зинаиду Петровну, которую по имени Дивова прозвали Зинаидой Николаевной. Они ее воспитывали въ предположеніи передать ей большую часть своихъ имѣній, но, по прошествіи 19 лѣтъ замужества, Дивова родила сына. Въ это время состояніе мужа и жены Дивовыхъ, по нерасчетливости ихъ жизни, значительно уменьшилось и они желали поскорѣе пристроить свою воспитанницу, назначая ей, мужъ и жена, по 15 тыс. р. приданаго. Максутовъ находилъ, что эта женитьба была

бы выгодна для Колесова и уговорилъ его пріѣхать въ Москву по полученіи письма отъ Максутова, которымъ онъ увѣдомитъ о томъ, какъ его предположеніе будетъ принято Дивовыми.

Вскорѣ Колесовъ, по вызову Максутова, уѣхалъ въ Москву. Онъ воротился въ Петербургъ женихомъ воспитанницы Дивовыхъ, о которой впрочемъ мало говорилъ, а въ разсказахъ о своемъ московскомъ путешествіи превозносилъ красоту и умъ жены Максутова, такъ что можно было полагать, что онъ влюбился въ послѣднюю, а не въ свою невѣсту, что впрочемъ дѣлало честь его вкусу. Но какъ бы то ни было, онъ женился въ половинѣ января, и я, проѣзжая въ это время черезъ Москву въ Екатеринославъ, былъ его посаженымъ отцомъ.

Во II главѣ «Моихъ воспоминаній» я упомянулъ о томъ, что по желанію Главноуправляющаго путями сообщенія герцога Александра Виртембергскаго не было дозволено носить усы инженерамъ путей сообщенія въ то время, когда приказано было ихъ носить всей пѣхотѣ. Инженеръ генералъ-лейтенантъ Дестремъ, заявивъ въ августѣ 1848 г., что онъ, по неимѣнію зубовъ, не можетъ брить усы, просилъ, въ случаѣ если его хотятъ удержать на службѣ, дать ему такой мундиръ, при которомъ онъ могъ бы не брить усовъ. Вслѣдствіе этого приказано было всѣмъ инженерамъ путей сообщенія носить усы.

Мать Ивана и Николая Николаевичей Колесовыхъ, Юлія Самойловна, жила въ это время вмѣстѣ съ своими обоими сыновьями и съ сестрою вдовою Татьяною Самойловною Даниловою. Они нанимали небольшую квартиру на углу Знаменской улицы и Спасскаго переулка. По отъѣздѣ пріѣхавшихъ со мною въ Петербургъ спутниковъ, я переѣхалъ къ Колесовымъ, но, заболѣвъ, перебрался въ гостиницу Демута.

Вторую половину августа я провелъ въ Петербургѣ, не видавъ моего начальника графа Клейнмихеля, который жилъ все лѣто на дачѣ Сивкова, у Нарвской заставы. Я ѣздилъ къ нему представляться, но онъ, перепуганный свирѣпствовавшею въ Петербургѣ въ 1848 г. холерою, почти никого не принималъ. Только по окончаніи эпидеміи и по переѣздѣ его въ занимаемый имъ въ Петербургѣ казенный домъ, я былъ приглашаемъ къ его обѣдамъ и вечерамъ.

Когда я не бывалъ у него нѣсколько дней сряду, онъ попрежнему присылалъ меня звать къ себѣ, и я попрежнему часто говорилъ его посланному, что меня нѣтъ дома и вообще старался бывать у него рѣдко, чтобы избѣгнуть тѣхъ фамильярностей, которыя онъ позволялъ себѣ съ П. А. Языковымъ и многими лицами, часто у него бывавшими.

На вечерахъ Клейнмихеля я часто встрѣчалъ графа Д. Н. Блудова, Берга (впослѣдствіи графа и фельдмаршала), І. Р. Анрепа и многихъ другихъ, пріѣзжавшихъ поклоняться временщику. Я бывалъ на этихъ вечерахъ приблизительно одинъ разъ въ недѣлю. Поведеніе Клейнмихеля со своими гостями было прежнее.

Осенью 1848 г. пріѣзжалъ въ Петербургъ Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Мы съ нимъ часто видались и обѣдали въ ресторанахъ, при чемъ онъ былъ очень воздержанъ и вообще экономенъ. Онъ въ это время служилъ въ Одесской таможнѣ. Къ женѣ своей, оставшейся въ Одессѣ, онъ писалъ каждый день, несмотря на то, что почта ходила изъ Петербурга въ Одессу только раза два или три въ недѣлю.

Въ комнатѣ, которую онъ нанималъ, висѣлъ грудной портретъ его жены. Онъ не находилъ словъ для ея расхваливанія во всѣхъ отношеніяхъ и добивался отъ меня, чтобы я сказалъ, что его жена красивѣе жены его покойнаго брата-поэта, бывшей въ это время во второмъ бракѣ за генераломъ Ланскимъ, съ чѣмъ я не могъ согласиться. Какъ все это мало походило на прежняго Левушку Пушкина!

Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ для раздѣла имѣнія, оставшагося послѣ его отца, незадолго передъ этимъ умершаго. Ничего не понимая въ подобныхъ дѣлахъ, онъ назначилъ меня своимъ уполномоченнымъ по раздѣлу, для чего я нѣсколько разъ бывалъ у Ланскихъ. По окончаніи этихъ переговоровъ, Левъ Пушкинъ уѣхалъ въ Одессу. Ланскіе же меня не приглашали продолжать съ ними знакомство, я съ тѣхъ поръ у нихъ болѣе не бывалъ, а потому и незнакомъ съ дѣтьми поэта Пушкина.

Вскорѣ я узналъ, что жена Льва Пушкина его оставила. Онъ умеръ въ весьма горестномъ положеніи.

Въ то время, какъ я жилъ у Демута, Василій Александровичъ Шереметевъ (впослѣдствіи министръ государственныхъ имуществъ) заѣзжалъ ко мнѣ въ одинъ день два раза, но не засталъ. Такое посѣщеніе показалось мнѣ страннымъ и я поспѣшилъ на другой день поранѣе быть у него, но онъ уже уѣхалъ въ опекунскій совѣтъ, въ которомъ состоялъ почетнымъ опекуномъ.

Между тѣмъ его жена, Юлія Васильевна, сестра С. В. и Н. В. Шереметевыхъ, приняла меня несмотря на ранній часъ. Она сказала мнѣ, что Нижегородскій военный губернаторъ князь Урусовъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, жаловался Государю на брата ея Сергѣя Васильевича, которому можетъ предстоять высылка въ Сибирскія губерніи, и умоляла меня узнать, въ чемъ состояла жалоба Урусова, и помочь ея брату всѣми зависящими отъ меня средствами. Она надѣялась, что М. Н. Муравьевъ знаетъ болѣе ея объ этой жалобѣ, и просила меня немедля ѣхать къ нему. Муравьевъ объяснилъ мнѣ, что до него дошелъ слухъ о жалобѣ Урусова Государю на побои, причиненные будто бы ему Шереметевымъ, и просилъ меня разузнать подробно отъ Урусова и отъ Клейнмихеля, которому, по его предположенію, Государь сообщилъ объ этой жалобѣ. Я, немедля представился Урусову, какъ моему начальнику, потому что все еще не былъ освобожденъ отъ должности начальника роботъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Урусовъ мнѣ ничего не сказалъ о причинѣ своего пріѣзда въ Петербургъ, и я ничего не могъ узнать отъ него по дѣлу его съ Шереметевымъ. Клейнмихель же мнѣ сказалъ, что Урусовъ жаловался Государю на то,

что Шереметевъ его побилъ, что ему житья нѣтъ въ Нижнемъ отъ Шереметева до такой степени, что онъ долженъ носить оружіе для самозащиты, и что онъ наточилъ свою саблю, причемъ вынимая ее изъ ноженъ, приглашалъ Клейнмихеля удостовѣриться, что лезвіе дѣйствительно наточено. Клейнмихель при этомъ, передразнивая, какъ Урусовъ, сидя противъ него, вынималъ саблю изъ ноженъ,—сказалъ мнѣ, что «мой дуракъ» въ самомъ дѣлѣ воображалъ, что Клейнмихель согласится обрѣзать свои пальцы объ его саблю. Съ того времени Клейнмихель ему не давалъ въ разговорахъ со мною другого названія, хотя я никогда не могъ понять, почему Урусовъ преимущественно «мой» дуракъ. Я въ разговорахъ съ Клейнмихелемъ никогда его такъ не называлъ, хотя Клейнмихель утверждалъ противное, такъ что это дошло до Урусова, который многимъ неоднократно на это жаловался.

Клейнмихель поручилъ мнѣ узнать черезъ вѣрнаго человѣка о происходившемъ между Урусовымъ и Шереметевымъ и сообщить ему. Я просилъ М. В. Авдѣева (начальника шоссейной дистанціи отъ Нижняго) описать мнѣ столкновеніе между Урусовымъ и Шереметевымъ. Авдѣевъ отвѣчалъ, что бывшій въ 1844 и 1845 г. подрядчикъ по устройству мостовъ и надолбовъ на перестроенномъ мною участкѣ Нижегородскаго шоссе, купецъ Мичуринъ, былъ свидѣтелемъ этого столкновенія, которое происходило слѣдующимъ образомъ:

Мичуринъ былъ въ кабинетѣ Урусова, когда въ него вошелъ Шереметевъ и немедля спросилъ Урусова, зачѣмъ послѣдній, изъ личной къ нему вражды, разоряетъ крестьянъ Шереметева, лишая ихъ, посредствомъ неправильныхъ распоряженій, слишкомъ 20 лавокъ въ Нижегородскомъ ярмарочномъ гостиномъ дворѣ, въ которыхъ они торговали нѣсколько десятковъ лѣтъ сряду. Урусовъ, возвыся голосъ, сказалъ, что Шереметевъ позабылъ съ кѣмъ онъ говоритъ, что онъ не смѣетъ дѣлать начальнику губерніи замѣчаній, и предложилъ ему выйти изъ кабинета. Они оба въ это время стояли другъ противъ друга у письменнаго стола. Шереметевъ отвѣчалъ Урусову, что онъ выйдетъ изъ кабинета не иначе, какъ вмѣстѣ съ Урусовымъ, при чемъ протянулъ черезъ столъ руку. Растерявшійся Урусовъ машинально протянулъ и свою руку. Шереметевъ схватилъ ее, стараясь оттащить Урусова отъ стола, у котораго они стояли, но послѣдній, вырвавъ руку свою, убѣжалъ въ другую комнату. Шереметевъ, послѣдовавъ за нимъ до двери этой комнаты, которую Урусовъ заперъ ключомъ, ударилъ нѣсколько разъ палкою по двери, при чемъ сказалъ, что мальчишка испугался и бѣжалъ, и затѣмъ уѣхалъ изъ дома Урусова.

Я разсказалъ сообщенное мнѣ Авдѣевымъ Клейнмихелю, который потребовалъ у меня письмо Авдѣева и мнѣ его не возвращалъ. Не знаю, было ли оно доведено до свѣдѣнія Государя, но вскорѣ Урусову черезъ министра внутреннихъ дѣлъ приказано было воротиться въ Нижній. Онъ не получилъ отвѣта на свою жалобу и вообще это дѣло не имѣло никакихъ послѣдствій.

Въ Петербургѣ я въ это время часто обѣдалъ и проводилъ вечера въ семействѣ Клейнмихеля. Каждый четвергъ обѣдалъ у А. И. Рокосовскаго и бывалъ у М. Н. Муравьева, І. Р. Анрепа, П. А. Плетнева, А. И. Балландина и другихъ знакомыхъ, а также въ маскарадахъ дворянскаго собранія, которые были постоянно посѣщаемы Императоромъ Николаемъ.

Жена моя, пріѣхавъ въ Петербургъ, застала меня больнымъ. Меня лечилъ докторъ Вейсбергъ, бывшій подрядчикомъ на перестроенномъ мною участкѣ Нижегородскаго шоссе въ 1844 и 1845 г. Я вскорѣ выздоровѣлъ и до 1868 г., т.-е. въ продолженіе 20 лѣтъ, нигдѣ не встрѣчался съ Вейсбергомъ.

Клейнмихель не дѣлалъ никакого распоряженія объ освобожденіи меня отъ занятій въ Нижнемъ и ничего не говорилъ о возвращеніи моемъ въ этотъ городъ.

По неопредѣленности моего положенія, я долженъ былъ продолжать жить съ женою въ гостиницѣ Демута въ довольно большомъ помѣщеніи, которое, равно какъ и вообще жизнь въ гостиницѣ, стоило дорого, что при нашихъ ограниченныхъ средствахъ было очень обременительно. Наконецъ, только 2 декабря 1848 г., приказомъ Клейнмихеля, я освобожденъ отъ должности начальника работъ Нижняго-Новгорода и отъ завѣдыванія участкомъ шоссе, съ оставленіемъ по особымъ порученіямъ при главноуправляющемъ путями сообщенія. Я нанялъ тогда квартиру въ 3-мъ этажѣ дома, стоящаго рядомъ съ Институтомъ инженеровъ путей сообщенія, ближайшаго къ Обухову мосту. Квартиру надо было омеблировать и мнѣ удалось тогда купить дешево порядочную мебель, которая служитъ и до сего времени.

По полученіи приказа отъ 2 декабря, я благодарилъ Клейнмихеля и выразилъ надежду, что въ виду весьма ограниченныхъ моихъ денежныхъ средствъ Клейнмихель не будетъ мнѣ давать порученій, сопряженныхъ съ долгимъ отсутствіемъ изъ Петербурга. Мнѣ казалось, что онъ на это согласился, но вскорѣ А. И. Рокосовскій заявилъ мнѣ, что Клейнмихель полагаетъ послать меня въ Екатеринославъ для разслѣдованія дѣлъ по Днѣпровскимъ порогамъ и совѣтовалъ употребить всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы уклониться отъ этого порученія, такъ какъ результатомъ его было бы обвиненіе не только корпуса инженеровъ путей сообщенія маіора Капгера, уже обвиненнаго слѣдствіемъ, представленнымъ и разсмотрѣннымъ въ аудиторіатѣ главнаго управленія путей сообщенія; но и обвиненіе начальника IX (Екатеринославскаго) округа путей сообщенія и многихъ другихъ лицъ, а быть обвинителемъ, или procureur du roi, какъ выразился Рокосовскій, во всякомъ случаѣ непріятно, особливо при моихъ понятіяхъ и характерѣ. Но легко было совѣтовать отказаться отъ какого бы то ни было порученія Клейнмихеля, а нелегко и даже невозможно было исполнить подобный совѣтъ.

Впрочемъ, меня нисколько не страшилъ характеръ порученія. Я находилъ, что виноватые должны подвергаться взысканію, но вмѣстѣ съ тѣмъ

зная, что объясненіе степени виновности много зависитъ отъ лица, объясняющаго ее, я былъ доволенъ тѣмъ, что это порученіе было возложено на меня, а не на такое лицо, которое изъ угожденія Клейнмихелю, или изъ злобы къ имѣющимъ оказаться виновными, или по другимъ причинамъ, могло бы усилить степень виновности начальника означеннаго округа и служащихъ въ немъ. Порученіе это состояло въ слѣдующемъ:

Днѣпровскіе пороги, приписанныя къ нимъ лоцманскія селенія и работы по устройству каналовъ въ руслѣ Днѣпра для обхода пороговъ были въ вѣдѣніи III отдѣленія IX (Екатеринославскаго) округа путей сообщенія. Начальникомъ этого отдѣленія былъ корпуса инженеровъ путей сообщенія маіоръ Адольфъ Христіановичъ Капгеръ (впослѣдствіи подполковникъ, губернскій инженеръ строительнаго отдѣленія Ставропольскаго губернскаго правленія). По слѣдствію, произведенному комиссіею, состоявшею изъ членовъ военнаго вѣдомства при депутатѣ со стороны вѣдомства путей сообщенія инженеръ-подполковникѣ Осипѣ Васильевичѣ Ивашевскомъ (впослѣдствіи дѣйствительный статскій совѣтникъ), Капгеръ обвинялся во многихъ преступленіяхъ, изъ коихъ главныя, насколько осталось въ моей памяти, состояли въ слѣдующемъ:

1. Въ устройствѣ канала въ обходъ Вильнаго порога (послѣдняго по теченію Днѣпра) не на томъ мѣстѣ, на которомъ постройка канала была назначена по Высочайше утвержденному проекту.

Каналъ этотъ, стоившій до 20 тыс. руб., устроенъ, по словамъ слѣдственной комиссіи, по такому направленію, что на продолженіи магистральной линіи канала находится каменная скала, о которую барки, вышедшія изъ канала, будутъ разбиваться.

2. Капгеръ бралъ взятки съ торговцевъ при проходѣ ихъ судовъ черезъ пороги.

3. Капгеръ жестоко наказывалъ нижнихъ чиновъ команды путей сообщенія, состоявшей при порогахъ. и одинъ изъ рядовыхъ этой команды умеръ вскорѣ послѣ сѣченія его по приказанію Капгера.

4. Капгеръ, получая разъѣздныя деньги для осмотра судоходства по порогамъ и производимыхъ при нихъ работъ, употреблялъ для этихъ разъѣздовъ безплатно лошадей, принадлежащихъ лоцманамъ.

5. Капгеръ, жившій въ казенномъ домѣ, построенномъ въ лоцманскомъ селеніи Каменкѣ при Старокайдацкомъ порогѣ, имѣлъ при своихъ лошадяхъ кучерами двухъ лоцмановъ, которыхъ употреблялъ безплатно и для другихъ услугъ.

6. Капгеръ кормилъ своихъ лошадей овсомъ изъ запасного лоцманского магазина.

Произведенное комиссіею слѣдствіе было разсмотрѣно въ ауди-торіатѣ главнаго управленія путей сообщенія, который полагалъ предать Капгера по означеннымъ обвиненіямъ военному суду. Клейнмихель, всегда весьма строгій, на этотъ разъ, по просьбѣ брата Капгера, сенатора Христіана Христіановича, воспитанника второго выпуска Цар-

скосельскаго Лицея, а можетъ быть, по другимъ причинамъ, не согласился на представленіе аудиторіата, а поручилъ мнѣ переслѣдовать всѣ обвиненія, возводимыя на Капгера. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручилъ мнѣ подробно осмотрѣть работы, производимыя для улучшенія судоходства по порогамъ, и представить мои предположенія объ измѣненіяхъ, которыя я найду необходимыми для болѣе удобнаго судоходства по строющимся, а частію уже отстроеннымъ каналамъ.

Въ началѣ января я выѣхалъ изъ Петербурга въ Екатеринославъ черезъ Москву, гдѣ былъ на свадьбѣ И. Н. Колесова. Въ Харьковѣ я остановился у С. В. Абазы и былъ нѣсколько разъ у тогдашняго генералъ-губернатора Кокошкина, брата первой жены Клейнмихеля, у котораго я познакомился съ Кокошкинымъ.

Главное занятіе правленія IX (Екатеринославскаго) округа путей сообщенія состояло въ наблюденіи за устройствомъ каналовъ для обхода пороговъ Днѣпра. Улучшеніе судоходства въ порожистой части этой рѣки было неоднократно предпринимаемо, но постоянно безъ успѣха. Въ началѣ 40-хъ годовъ остановились на проектѣ инженера генералъ-маіора Шишова. Проектъ Шишова состоялъ въ устройствѣ, для обхода 9-ти пороговъ, при каждомъ изъ нихъ канала въ руслѣ Днѣпра, шириною въ 15 саженъ. Для этого предполагалось прочистить дно Днѣпра въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ пороги, такъ сказать параллельно послѣднимъ, на глубину, при которой могли употребляемыя на Днѣпрѣ суда итти свободно внизъ по теченію при самой низкой водѣ. Для этого требовалось въ мелкихъ мѣстахъ Днѣпра углубить его каменное дно, частію взорваніемъ его порохомъ.

Камень, полученный изъ дна, вмѣстѣ съ камнемъ, добываемымъ на берегу рѣки, полагалось употребить на стѣнки, ограничивающія съ обѣихъ сторонъ прочищаемый каналъ. Стѣнки эти должны были образоваться изъ насыпного камня безъ всякой связи и возвышаться на извѣстную высоту надъ низкимъ уровнемъ воды въ Днѣпрѣ, при которомъ проходъ судовъ черезъ пороги дѣлается совершенно невозможнымъ.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ назначалось быть каналамъ, полагалось устроить отъ берега до этихъ мѣстъ временные мосты для перехода рабочихъ и перевозки съ берега каменьевъ и вообще рабочихъ принадлежностей, необходимыхъ при очисткѣ русла. Хотя на изысканія по улучшенію порожистой части Днѣпра было употреблено много времени и ассигновано много денегъ, но послѣднія, вѣроятно, не были употреблены по назначенію, такъ что ничего необходимаго для исполненія проекта не было надлежащимъ образомъ изучено. Ширина Днѣпра при каналахъ, глубина очистки и направленіе струй воды были показаны на планахъ невѣрно.

Для приведенія проекта Шишова въ исполненіе, онъ при преобразованіи округовъ путей сообщенія, Высочайше утвержденномъ 2-го іюля 1843 г., назначенъ былъ начальникомъ IX (Екатеринославскаго) округа. Шишовъ, зная хорошо недостатки своего проекта и не гоняясь за очень большою

наживою отъ работъ, довольствовался устройствомъ, —по спадѣ горизонта воды въ Днѣпрѣ, что бываетъ обыкновенно въ началѣ осени,—вышеупомянутыхъ мостовъ отъ берега къ мѣстамъ, гдѣ назначалось устроить каналы въ руслѣ Днѣпра. Эти мосты ежегодно сносило и работы по устройству каналовъ не начинались. Въ какомъ размѣрѣ дѣйствительно устраивались мосты, нельзя было освидѣтельствовать по ихъ снесеніи, и сколько изъ показываемой на ихъ устройство суммы попадало въ карманъ Шишова и сколько пропадало въ Днѣпровскихъ волнахъ, опредѣлить не было возможности.

Подобное веденіе дѣлъ надоѣло Клейнмихелю и онъ въ 1846 г., прибывъ на мѣсто работъ, замѣнилъ Шишова инженеръ-полковникомъ Семичевымъ, бывшимъ его помощникомъ по управленію округомъ, назначивъ къ нему помощникомъ инженеръ-полковника Четверикова (Василія Филипповича). Эти два лица, вмѣстѣ съ членами общаго присутствія правленія, инженеръ-подполковниками Боровскимъ и Ивашевскимъ, составляли правленіе IX округа, когда я пріѣхалъ въ 1849 г. въ Екатеринославъ. Семичевъ былъ произведенъ въ 1847 г. въ генералъ-маіоры. Четверикова я не засталъ въ Екатеринославѣ, онъ по болѣзни былъ въ отпускѣ и вскорѣ вышелъ въ отставку. Они оба, также какъ и Боровской, давно умерли.

Клейнмихель, назначая новаго начальника округа, приказалъ ему немедля приступить къ устройству каналовъ и запретилъ дѣлать донесенія о сносѣ водою мостовъ, устраиваемыхъ отъ берега до мѣстъ, на которыхъ предполагались эти каналы. Эти мосты во время управленія Семичева не сносились болѣе водою, и онъ въ 1846 г. приступилъ къ расчисткѣ дна для каналовъ и къ устройству стѣнокъ около расчищенныхъ мѣстъ, производя эти работы по необдуманному и несоотвѣтствующему мѣстности проекту Шишова.

Когда были устроены нѣкоторые каналы, въ которыхъ, впрочемъ, еще не вездѣ было расчищено дно до проектной глубины, замѣтили, что струи воды, по стремленію которыхъ направляются барки, идутъ мимо устроеныхъ каналовъ, такъ что барки не могутъ попадать въ нихъ. Тогда, для направленія въ каналы струй воды, нашли нужнымъ устроить передъ входомъ въ нихъ длинныя крылья, состоящія, также какъ и стѣны каналовъ, изъ набросаннаго камня и составляющія съ послѣдними тупые углы. Эти важныя въ техническомъ и денежномъ отношеніи работы были поручены маіору Капгеру, переведенному изъ строительнаго отряда путей сообщенія въ инженеры по случаю уничтоженія Клейнмихелемъ отряда. Небольшія познанія, пріобрѣтенныя имъ въ бывшемъ военностроительномъ училищѣ, были имъ вполнѣ забыты, и онъ вообще лишенъ былъ всякаго образованія.

Предсѣдатель и члены правленія, на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за работами, также не имѣли никакихъ познаній по гидравлическимъ работамъ.

Генералъ-маіоръ Семичевъ весьма рѣдко ихъ посѣщалъ и только твердо помнилъ, какая сумма была выдана подрядчику, еврею Раппопорту, потому что, по общему отзыву служившихъ въ его округѣ инженеровъ, получалъ съ него условленные проценты (по слухамъ 10%) съ выдаваемой ему суммы. Четвериковъ всю свою службу провелъ на шоссейныхъ работахъ и хотя былъ честный человѣкъ, но подчинялся направленію Ивашевскаго, который разными интригами хотѣлъ занять мѣсто Капгера, конечно, для собственныхъ выгодъ, а не для улучшенія дѣла, къ чему онъ не имѣлъ ни способности, ни необходимыхъ познаній. Боровской, бывшій въ то время, когда я учился въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія, репетиторомъ начертательной геометріи, такъ же ничего не понималъ въ гидравлическихъ работахъ. При его вздорномъ характерѣ, онъ только постоянно со всѣми ссорился. Такимъ образомъ возникали постоянныя пререканія предсѣдателя и членовъ правленія между собою, завязывалась безконечная переписка о каждой бездѣлицѣ и дѣло, имъ порученное, шло очень дурно.

Въ Екатеринославѣ мнѣ отвели отъ города довольно большое помѣщеніе, и я немедля приступилъ къ порученному мнѣ слѣдствію, при началѣ котораго Капгеръ былъ удаленъ отъ должности. Губернаторъ назначилъ депутатомъ къ слѣдствію Екатеринославскаго исправника Дмитріева. Судопромышленники, съ которыхъ требовалось снять допросы, были большею частію евреи. Изъ нихъ нѣкоторые забѣгали ко мнѣ до вызова ихъ къ допросу съ явнымъ желаніемъ жаловаться на судоходное начальство. Я имъ говорилъ, что они будутъ въ свое время спрошены. Передъ допросомъ были приведены къ присягѣ промышленники, какъ христіане, такъ и евреи.

Обрядъ присяги послѣднихъ я видѣлъ въ первый разъ. Надѣваніе при этомъ на присягающихъ особой одежды и кивота, тушеніе свѣчи и звукъ рога меня очень поразили. Всѣмъ промышленникамъ было предложено нѣсколько вопросныхъ пунктовъ. Ни одинъ изъ нихъ не показалъ въ своихъ отвѣтахъ, чтобы со стороны судоходнаго начальства были какія-либо злоупотребленія, и затѣмъ второе изъ вышеприведенныхъ обвиненій противъ Капгера падало само собой.

По окончаніи допросовъ, я спрашивалъ нѣкоторыхъ изъ евреевъ, почему они постоянно жалуются на притѣсненія судоходнаго начальства, а въ то время, когда ихъ спрашиваютъ подъ присягою, ничего не показываютъ. Они отвѣчали мнѣ, что у Капгера есть жена и много дѣтей и они не желаютъ его гибели.

Для разслѣдованія 3, 4, 5 и 6 обвиненій противъ Капгера я ѣздилъ въ с. Каменку, гдѣ въ казенномъ домѣ, занимаемомъ Капгеромъ, допрашивалъ лоцмановъ Каменки и другихъ селеній и нижнихъ чиновъ команды путей сообщенія, состоявшей при порогахъ. Изъ ихъ отвѣтовъ ясно было, что Капгеръ никогда жестоко не наказывалъ нижнихъ чиновъ и что тотъ рядовой, который, какъ утверждало первое слѣдствіе,

умеръ будто бы вскорѣ послѣ наказанія, передъ смертію своею вовсе не былъ наказываемъ. Такимъ образомъ падало само собою и третье изъ вышеприведенныхъ обвиненій противъ Капгера.

Крестьяне лоцманскихъ селеній показывали, что Капгеръ бралъ у нихъ для своихъ разъѣздовъ лошадей, однимъ платилъ, другимъ нѣтъ, но они никогда не объявляли противъ этого никакихъ претензій и теперь ихъ не заявляютъ и что вообще они довольны управленіемъ Капгера.

При этихъ допросахъ я увидѣлъ, что за добрый и умный народъ эти лоцмана, потомки запорожскихъ казаковъ, которыхъ большая часть перешли на Кубань и образовали Черноморское казачье войско. Объ отвагѣ этихъ людей нечего и говорить. Особенно умомъ и ловкостью отличался атаманъ лоцмановъ Григорій Бойко.

Одинъ изъ служившихъ у Капгера кучеровъ показалъ, что они ежемѣсячно получаютъ небольшое жалованье отъ Капгера, на малость его не жаловались; что же касается до корма лошадей Капгера, то овесъ берется изъ запаснаго лоцманскаго магазина, каковое показаніе Капгеръ отрицалъ. При очной ставкѣ Капгеръ напоминалъ кучеру, гдѣ и когда онъ покупалъ овесъ для своихъ лошадей, но кучеръ, не отрицая, что овесъ иногда покупался, утверждалъ, что за весьма рѣдкими исключеніями овесъ брался изъ лоцманскаго магазина. Капгеръ же объяснялъ, что если ему и случалось брать овесъ изъ магазина, то онъ его немедля пополнялъ, но этого не могъ доказать. Другой кучеръ Капгера былъ въ это время боленъ цынгою весьма опасно. Когда я, исправникъ и священникъ вошли къ нему, онъ лежалъ почти безъ чувствъ. Я обратилъ вниманіе моихъ спутниковъ на то, что едва ли онъ, находясь въ такомъ положеніи, можетъ быть приводимъ къ присягѣ и допрашиваемъ. Они согласились со мною и нами по этому случаю былъ составленъ актъ, который въ тотъ же день подписанъ медикомъ.

Не желая, чтобы Капгеръ могъ пострадать по моему слѣдствію за вину, которая, къ сожалѣнію, была тогда слишкомъ обыкновенна, я былъ радъ, что не допросилъ больного кучера, потому что, въ случаѣ его показанія, согласнаго съ показаніемъ допрошеннаго кучера, были бы противъ Капгера два присяжныя свидѣтельскія показанія, достаточныя по закону для его обвиненія.

За симъ оставалось мнѣ разслѣдованіе только по 1-му пункту обвиненій, именно по постройкѣ канала у Вильнаго порога не на назначенномъ по проекту мѣстѣ и осмотръ всѣхъ произведенныхъ работъ, чего я не могъ сдѣлать ранѣе весны. Между тѣмъ многія лица Екатеринославскаго высшаго общества, начальникъ округа Семичевъ, принимавшій сторону Капгера и утверждавшій, что Ивашевскій безсовѣстно дѣйствовалъ противъ Капгера и убѣдилъ Четверикова, въ отсутствіе Семичева, послать слѣдственное дѣло въ Петербургъ, а равно и депутатъ при производимомъ мною слѣдствіи Дмитріевъ, упрашивали меня съѣздить еще разъ въ Каменку для допроса выздоравливающаго кучера,

который своимъ показаніемъ въ пользу Капгера уничтожилъ показаніе прежде допрошеннаго кучера. Я долго не ѣхалъ, опасаясь услышать подтвержденіе показанія противъ Капгера. Въ Екатеринославѣ меня обвиняли въ лѣни, что я не хочу исполнить того, что требуется закономъ для оправданія обвиняемаго. Наконецъ и Капгеръ рѣшился меня лично просить о томъ же, увѣряя, что допрошенный кучеръ показалъ на него изъ злобы.

Капгеръ выказалъ себя въ отвѣтахъ на мои вопросные пункты до того тупымъ, что вмѣсто того, чтобы защищать себя, онъ часто самъ на себя взводилъ обвиненія. Его и общее желаніе я, наконецъ, исполнилъ только потому, что оно было дѣйствительно законно. Больной кучеръ при допросѣ показалъ то же, что и прежде допрошенный. Должно быть онъ обѣщалъ Капгеру показать противное, а, принявъ присягу на одрѣ болѣзни, не рѣшился солгать.

Капгеръ повторялъ прежнее показаніе, что овесъ, взятый имъ изъ лоцманскихъ магазиновъ для своихъ лошадей, былъ пополняемъ тѣмъ, который онъ покупалъ впослѣдствіи. Я немедля распорядился освидѣтельствованіемъ при Дмитріевѣ наличности въ запасныхъ лоцманскихъ магазинахъ съ книгами. Это сдѣлано было мною для подкрѣпленія показанія Капгера. Овса оказалось количество, показанное по приходнымъ книгамъ; слѣдовательно, если Капгеръ бралъ овесъ изъ магазиновъ, то онъ взятое пополнялъ покупнымъ овсомъ. Оно едва ли было такъ на самомъ дѣлѣ, но такое послѣдствіе можно вывести по бюрократическимъ понятіямъ.

По наступленіи весны, я ѣздилъ на Вильный порогъ, куда пригласилъ Ивашевскаго, бывшаго депутатомъ отъ вѣдомства путей сообщенія при слѣдственной надъ Капгеромъ комиссіи. Оказалось, при осмотрѣ мѣстности, что каналъ въ обходъ Вильнаго порога былъ построенъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ показанъ на Высочайше утвержденномъ генеральномъ планѣ работъ по порожистой части Днѣпра, а на томъ, которое указано было на подробномъ чертежѣ, утвержденномъ бывшимъ департаментомъ проектовъ и смѣтъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что каналъ построенъ по такому направленію, что на магистральной линіи канала находится скала, о которую барки, вышедшія изъ канала, будутъ разбиваться. Оказалось, что саженъ на 300 ниже устья канала дѣйствительно есть скала, лежащая по направленію его магистральной линіи, которое и отмѣчено Ивашевскимъ на скалѣ особымъ знакомъ, но на этомъ 300 саженномъ протяженіи Днѣпръ образуетъ весьма широкій плесъ, въ которомъ теченіе весьма незначительно, и потому барки вышедшія изъ канала могутъ быть остановлены въ плесѣ въ весьма дальномъ разстояніи отъ скалы. Всѣ геодезическія дѣйствія произведены были мною самимъ въ присутствіи Ивашевскаго, Капгера и другихъ инженеровъ.

На письменный запросъ, сдѣланный мною Ивашевскому, на чемъ основывала слѣдственная комиссія, при которой онъ былъ депутатомъ,

свое обвиненіе по неправильному устройству Вильнаго канала, онъ отвѣчалъ, что комиссія утверждала только то, что оказалось и при моемъ осмотрѣ, именно, что каналъ устроенъ не на мѣстѣ, указанномъ на Высочайше утвержденномъ планѣ работъ по порожистой части Днѣпра и что по направленію магистральной линіи канала ниже ея находится скала. Но Ивашевскому, какъ члену общаго присутствія правленія IX округа, было извѣстно, что мѣсто для канала измѣнено въ подробномъ чертежѣ, одобренномъ департаментомъ проектовъ и смѣтъ и онъ, какъ инженеръ и депутатъ со стороны вѣдомства путей сообщенія, обязанъ былъ объяснить комиссіи, что барки, вышедшія изъ канала, не будутъ разбиваться о лежащую ниже скалу. Такимъ образомъ обвиненіе противъ Капгера и по этому предмету оказалось неправильнымъ.

Чтобы не возвращаться болѣе къ этому слѣдствію, я теперь же разскажу, чѣмъ оно кончилось. Слѣдственное дѣло слишкомъ на 600 полулистахъ было мною представлено Клейнмихелю по возвращеніи моемъ въ Петербургъ въ маѣ 1849 г. и передано имъ въ аудиторіатъ главнаго управленія путей сообщенія.

Братъ Капгера, сенаторъ Иванъ Христіановичъ, заявилъ мнѣ свое полное неудовольствіе, упрекая меня въ томъ, что я своимъ изслѣдованіемъ доказалъ, что братъ его безплатно употреблялъ лоцманскихъ лошадей для своихъ разъѣздовъ и своихъ лошадей кормилъ лоцманскимъ овсомъ. Онъ говорилъ, что всѣ начальники это дѣлаютъ, а полковые командиры дѣлаютъ и хуже и нельзя ставить въ преступленіе одному то, что дѣлается всѣми и никѣмъ не считается преступленіемъ. Я отвѣчалъ, что не мною были придуманы пункты обвиненія противъ его брата, что они были выведены наружу первымъ слѣдствіемъ, а Клейнмихель поручилъ мнѣ переслѣдовать всѣ доказанные слѣдствіемъ пункты обвиненія, въ числѣ которыхъ были и вышеупомянутые. Я не понималъ, какъ могъ братъ Капгера быть недовольнымъ произведеннымъ мною слѣдствіемъ, тогда какъ меня можно было бы обвинять въ излишнемъ снисхожденіи къ его брату. Сенаторъ Капгеръ не могъ не понимать, какъ важно для участи его брата то, что главныя противъ него обвиненія были мною вполнѣ опровергнуты.

Представленное мною слѣдственное дѣло было разсмотрѣно въ аудиторіатѣ главнаго управленія путей сообщенія только осенью 1849 г., по возвращеніи моемъ изъ Венгерской кампаніи. Предсѣдатель аудиторіата А. И. Рокосовскій, члены его И. М. Бибиковъ и другіе говорили мнѣ, что въ аудиторіатѣ называли меня спасителемъ и нѣкоторые передавали мнѣ это съ видимымъ неудовольствіемъ, которое происходило, вѣроятно, вслѣдствіе того, что моимъ слѣдствіемъ опровергалась необходимость преданія Капгера военному суду, что уже было рѣшено аудиторіатомъ по разсмотрѣніи имъ дѣла комиссіи. Они меня обвиняли въ излишней снисходительности, но я просилъ, чтобы мнѣ указали, въ чемъ именно она заключалась и въ чемъ произведенное мною слѣдствіе было неполно, и на это не получалъ отвѣта.

Не знаю, доволенъ ли былъ Клейнмихель моимъ исполненіемъ этого порученія. Онъ, по своему обыкновенію, не говорилъ о порученныхъ имъ дѣлахъ съ лицами, ихъ исполнявшими, когда они уже представили письменныя донесенія, не говорилъ со мною и о произведенномъ надъ Капгеромъ слѣдствіи. Но нѣтъ сомнѣнія, что и онъ находилъ меня слишкомъ снисходительнымъ слѣдователемъ и годнымъ для производства слѣдствій только надъ тѣми лицами, которыхъ онъ желалъ видѣть по возможности оправданными. На докладѣ аудиторіата, послѣдовавшемъ по разсмотрѣніи представленнаго мною слѣдственнаго дѣла, Клейнмихель положилъ резолюцію: арестовать Капгера на двѣ недѣли съ содержаніемъ на гауптвахтѣ.

Каналы, устроенные для обхода пороговъ, я могъ осмотрѣть только въ концѣ апрѣля. Для этого осмотра я выѣхалъ изъ Екатеринослава вечеромъ такъ, чтобы, переночевавъ въ лоцманской Каменкѣ, отправиться на другой день рано утромъ внизъ по Днѣпру. Генералъ-маіоръ Семичевъ поѣхалъ со мною. Въ Каменкѣ ему доложили, что для насъ приготовлены два судна, именно: барка,обыкновенно употребляемая на Днѣпрѣ шириною въ 8 саж., и такъ называемая берлинка шириною въ 4 саж. Первая была не совсѣмъ прочной постройки и по своей неуклюжести плохо слушалась руля, который называется на мѣстномъ нарѣчіи стерломъ. Вторая же была очень прочной постройки и удобная для поворотовъ.

Семичевъ, никогда не плававшій ни по порогамъ, ни по каналамъ, а ѣздившій для осмотра работъ по берегу, не имѣлъ понятія о недостаткахъ большой барки, и потому выбралъ ее для нашего плаванія, желая показать мнѣ, что и такія барки удобно проходятъ по каналамъ; берлинкѣ же приказано было слѣдовать за нами.

Съ нами отправились нѣсколько инженеровъ, завѣдывавшихъ работами и, кромѣ ихъ, назначенный на мѣсто находившагося подъ слѣдствіемъ маіора Капгера подполковникъ Ивановъ, человѣкъ очень разумный, къ сожалѣнію вскорѣ умершій,и инженеръ капитанъ фонъ-Дортезенъ, отличавшійся весьма благороднымъ характеромъ и большимъ общимъ образованіемъ въ сравненіи съ его товарищами. Въ три мѣсяца, проведенные мною до конца апрѣля въ Екатеринославѣ, я успѣлъ хорошо узнать его, и онъ мнѣ очень полюбился, такъ что я, постоянно шутя съ нимъ, уговаривалъ его сдѣлаться совсѣмъ русскимъ и называлъ его не Отобальдомъ Вильгельмовичемъ, а Антономъ Васильевичемъ.

Впослѣдствіи Дортезенъ перешелъ въ VIII (Кавказскій) округъ путей сообщенія, участвовалъ въ экспедиціяхъ противъ горцевъ и, вслѣдствіе полученной имъ тяжкой раны, вышелъ въ отставку съ небольшою пенсіею, которою умѣлъ обходиться, живя въ продолженіе 7 лѣтъ за границею. Когда биржевой курсъ нашихъ кредитныхъ рублей сильно упалъ, а заграничная жизнь очень вздорожала, пенсія его оказалась недостаточною, и онъ снова вступилъ въ службу. Ему поручено было на особыхъ правахъ улучшеніе Харьковскаго шоссе, а при открытіи работъ по Курско-

Азовской желѣзной дорогѣ, онъ назначенъ былъ инспекторомъ этой дороги, съ оставленіемъ и при прежней должности.

Прошло почти 20 лѣтъ со времени моего знакомства съ нимъ въ Екатеринославѣ, и онъ показался мнѣ не тѣмъ, какимъ я его зналъ прежде. Онъ сдѣлался болтуномъ, много говорилъ о себѣ и постоянно заявлялъ неудовольствіе на свое положеніе, хотя по обѣимъ исправляемымъ имъ должностямъ получалъ значительное содержаніе.

Возвратясь осенью 1870 г. изъ довольно продолжительнаго заграничнаго отпуска, которымъ пользовался для излеченія болѣзни, онъ нашелъ разныя злоупотребленія по пріему для шоссе, въ его отсутствіе, матеріаловъ и заявилъ о нихъ начальству. Инженеры, имъ обвиняемые, доставили бывшему начальнику управленія шоссейныхъ дорогъ и водяныхъ сообщеній князю Щербатову письменныя приказанія Дортезена, изъ которыхъ было видно, что послѣдній приказывалъ деньги, употребленныя имъ и его подчиненными на разъѣзды по пріисканію нужныхъ для ремонта шоссе матеріаловъ, возвращать себѣ и имъ и для этого показывать число рабочихъ на шоссейныя работы больше, чѣмъ дѣйствительно ихъ было употреблено.

Эти приказанія отдавались не словесно и не въ видѣ частныхъ записокъ, а форменными предписаніями за номерами. Нѣмецкая аккуратность была при этомъ соблюдена до мелочности; такъ, если было кѣмъ-либо употребляемо на разъѣзды 3 руб., то въ мѣсячномъ спискѣ добавлялись 6 рабочихъ по 50 к. каждому. Щербатовъ, недовольный Дортезеномъ, вѣроятно, потому, что съ послѣдняго взятки были гладки и что онъ не допустилъ бы Щербатова до невыгодныхъ для казны распоряженій, показалъ эти предписанія исправлявшему должность министра путей сообщенія графу Владимиру Алексѣевичу Бобринскому, который передалъ ихъ мнѣ и просилъ совѣта, что дѣлать при этомъ случаѣ. Я отвѣчалъ, что, по моему мнѣнію, слѣдуетъ объ управленіи Дортезена судить по результатамъ, которые состояли въ томъ, что онъ каждый годъ представлялъ многіе десятки тысячъ рублей сбереженія противъ того, что издерживали его предшественники, притомъ не только не запуская, но еще улучшая шоссе; что давать предписанія о замѣнѣ разъѣздныхъ денегъ записками большаго числа рабочихъ, чѣмъ то, которое дѣйствительно было употреблено, конечно, неправильно, но самая мелочность этихъ расчетовъ и откровенность, съ которою Дортезенъ дѣйствовалъ, доказываютъ, что во всемъ этомъ не было съ его стороны желанія нажиться на счетъ казны. Я уговорилъ Бобринскаго не давать хода дѣлу, при разсмотрѣніи котораго пострадалъ бы честный человѣкъ, тогда какъ большая часть взяточниковъ, а ихъ легіонъ, не подвергаются никакимъ взысканіямъ.

При преобразованіи корпуса инженеровъ путей сообщенія изъ военнаго въ гражданское устройство, Дортезенъ, какъ офицеръ, бывшій въ сраженіяхъ противъ горцевъ, сохранилъ военный чинъ съ переводомъ въ военные инженеры. Постоянно недовольный своею судьбою, онъ въ началѣ 1871г. неоднократно увѣрялъ меня, что если бы онъ дѣйствительно

перешелъ на службу въ военное инженерное вѣдомство, то получалъ бы гораздо большее содержаніе и вскорѣ могъ бы получить отставку съ весьма значительною пенсіею.

Несмотря на мое возраженіе, что онъ жестоко ошибается, я, управляя министерствомъ путей сообщенія, вскорѣ получилъ отношеніе товарища генералъ-инспектора по инженерной части генералъ-адъютанта Тотлебена съ просьбою о дозволеніи Дортезену перейти на службу въ военное инженерное вѣдомство, на что я не медля согласился съ большимъ удовольствіемъ, потому что мнѣ надоѣли его нескончаемыя жалобы и претензіи. Онъ былъ вскорѣ переведенъ, и я съ того времени потерялъ его изъ виду.

Возвращаюсь къ моему путешествію по Днѣпру. На другой день по пріѣздѣ въ Каменку, рано утромъ я и сопровождавшіе меня инженеры отправились въ баркѣ внизъ по Днѣпру. Горизонтъ воды былъ средній, самый удобный для плаванія. Верхняя часть стѣнъ каналовъ была уже значительно выше этого горизонта. Погода была прекрасная, почти безъ вѣтра; такимъ образомъ все благопріятствовало нашему плаванію. Мы прекрасно прошли черезъ первый каналъ при Старокайдацкомъ порогѣ. Передъ слѣдующимъ за нимъ Сурскимъ порогомъ лоцманъ нашей барки, атаманъ лоцмановъ Григорій Бойко, заявилъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, что каналы въ обходъ Сурскаго и слѣдующаго за нимъ Лаханскаго порога построены такъ, что стремленіемъ воды по выходѣ изъ Сурскаго канала барка направляется на фарватеръ въ Лаханскомъ порогѣ и никакими средствами нельзя ввести ее въ каналъ, устроенный въ его обходъ. Если же пройти не по Сурскому каналу, а черезъ фарватеръ Сурскаго порога, то можно направиться въ Лаханскій каналъ. Слѣдовательно надо было выбирать, черезъ какой изъ этихъ каналовъ пройти.

Семичевъ, не имѣвшій понятія о стремленіяхъ воды между каналами, приказалъ итти по Сурскому каналу и по выходѣ изъ него направить барку такъ, чтобы она взошла въ Лаханскій каналъ. Мы проплыли по Сурскому каналу благополучно, но по выходѣ изъ него стремленіе воды направляло насъ на фарватеръ Лаханскаго порога. Лоцманъ Бойко, исполняя приказаніе генерала Семичева, силился направить барку въ каналъ, устроенный для обхода этого порога, такъ что она приняла среднее направленіе, по которому неслась на камни, расположенные въ руслѣ Днѣпра между порогомъ и каналомъ.

Видя это, Бойко громко сказалъ, что дальнѣйшій ходъ по этому направленію привелъ бы насъ къ гибели, и въ то же время сильно повернулъ барку къ фарватеру Лаханскаго порога, по которому мы прошли благополучно, равно какъ и по каналамъ, устроеннымъ въ обходъ слѣдующихъ двухъ пороговъ Звонецкаго и Тягинскаго.

Каналъ въ обходъ самаго значительнаго изъ пороговъ, Ненасытецкаго, не былъ еще вполнѣ расчищенъ, а потому мы прошли по фарватеру этого порога. Вода въ немъ, ударяясь о подводные камни, частію выходящіе

и наружу, превращается по всему протяженію порога въ сплошную клубящуюся пѣнистую влагу. Камни въ фарватерѣ разсыпаны не по прямой линіи, такъ что плывущей въ немъ баркѣ надо безпрерывно давать новое направленіе, что и производится посредствомъ весьма длиннаго и тяжелаго стерла (руля), вороченіе котораго въ сильномъ быстротокѣ требуетъ усилія нѣсколькихъ здоровыхъ и привычныхъ къ этому дѣлу людей. Постоянно казалось, что барка наткнется на находящіеся въ фарватерѣ огромные камни, но она, безпрерывно измѣняя направленіе, обходила ихъ, при поворотахъ происходилъ въ ея строеніи сильный трескъ, увеличивавшійся и тѣмъ, что волнами расшатывало дно барки.

Команда атамана Бойко и исполненіе его команды десяткомъ лоцмановъ производились отчетливо безъ всякой суеты. Я чувствовалъ большое наслажденіе, видя побѣду человѣка надъ бушующею стихіею. На лицахъ моихъ спутниковъ, за исключеніемъ Иванова и Дортезена, замѣтно было чувство страха, или по крайней мѣрѣ неудовольствіе. Ивановъ былъ покоенъ, какъ будто стоялъ на землѣ. Лицо его не изображало ни страха, ни удовольствія. Дортезенъ же видимо испытывалъ удовольствіе даже болѣе меня.

По выходѣ изъ Ненасытецкаго порога я замѣтилъ какіе-то переговоры между Семичевымъ, Ивановымъ и Бойко. Впослѣдствіи я узналъ, что послѣдній просилъ дозволенія по выходѣ изъ порога причалить къ ближайшему острову, на которомъ слѣдовало, по принятому обыкновенію, помолиться въ благодарность за счастливый проходъ черезъ порогъ, дать отдыхъ рабочимъ людямъ и возможность поѣсть, такъ какъ они ничего не ѣли съ утра; я же и сопровождавшіе меня инженеры плотно позавтракали на баркѣ. Семичевъ не согласился на просьбу Бойко въ виду того, что остановка для обѣда была назначена по проходѣ черезъ каналъ, устроенный въ обходъ Волничскаго порога, при которомъ имѣлся казенный домъ для помѣщенія одного изъ производителей работъ по устройству каналовъ.

Это несогласіе Семичева исполнить справедливую просьбу Бойко было причиною слѣдующаго непріятнаго случая. Рабочіе, утомленные безпрерывною тяжелою работою и ничего не ѣвшіе съ утра, не смогли направить неуклюжую барку, на которой мы плыли, въ русло Волничскаго канала. Стремленіемъ воды ее относило направо по теченію, по направленію къ фарватеру порога, и барка наша ударилась о крыло правой стѣны канала носомъ, который разбился, равно какъ и всѣ весла, а самая барка, обернувшись при этомъ ударѣ, вошла кормою впередъ въ каналъ, по которому прошла почти прикасаясь правой его стѣны. Вода быстро наполняла поврежденную барку, которая, если бы задѣла за небольшой даже выступъ въ означенной стѣнѣ, могла пойти ко дну. Но эта была не единственная опасность. Вслѣдъ за нами шла берлинка, которую вслѣдствіе быстраго теченія никакими средствами нельзя было остановить предъ входомъ въ каналъ. Она вошла въ каналъ вскорѣ послѣ насъ и если бы задѣла нашу барку, то могла бы ее совсѣмъ потопить и сама повредиться.

Во избѣжаніе этого, лоцманъ берлинки направилъ ее такъ, чтобы она прошла по каналу у самой лѣвой его стѣны. Ширина канала была при тогдашнемъ горизонтѣ воды не много болѣе 15 саж., а берлинки 4 саж., и потому между баркою и берлинкою оставался промежутокъ, но надо было большое искусство со стороны лоцмана, управлявшаго берлинкою, чтобы не задѣть нашей барки, которая, наполненная водою, шла по каналу медленно, тогда какъ берлинка шибко обгоняла насъ. На ней красовался лоцманъ Шевченко совершенно въ той позѣ, въ которой изображаютъ Петра Великаго, управляющаго судномъ во время бури. Шевченко, ростомъ и вообще своимъ станомъ и даже нѣсколько лицомъ, походилъ на Петра. Несмотря на опасность, въ которой мы находились въ эту минуту, я и Дортезенъ любовались имъ и его искусствомъ. Вслѣдъ за выходомъ берлинки изъ канала вышла изъ него и наша барка. Мы не имѣли никакихъ средствъ управлять ею. Стремленіемъ воды насъ нанесло на скалу, находящуюся ниже канала, на которую мы всѣ вышли изъ разбившейся барки и потомъ сѣли въ лодки, которыя намъ прислали съ берега. Генералъ Семичевъ заболѣлъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, сначала отъ опасности, въ которой мы находились, а впослѣдствіи отъ боязни, что о случившемся съ нами будетъ мною доведено до свѣдѣнія графа Клейнмихеля и онъ подвергнется гнѣву послѣдняго. Управлявшій нашею баркою лоцманскій атаманъ Григорій Бойко былъ въ отчаяніи. Лоцманъ, допустившій управляемую имъ барку повернуться кормою впередъ, подвергался насмѣшкамъ другихъ лоцмановъ, что было въ особенности прискорбно Григорію Бойко, какъ атаману лоцмановъ, и потому что подобнаго случая во всю его жизнь съ нимъ не бывало.

Пообѣдавъ въ казенномъ домѣ при Волничскомъ каналѣ, мы сѣли въ сопровождавшую насъ берлинку и благополучно прошли по каналамъ, устроеннымъ въ обходъ Будиловскаго, Лишняго и Вильнаго пороговъ. На всѣхъ этихъ порогахъ, за исключеніемъ Лишняго, вода дѣйствительно падаетъ на бо̀льшую или меньшую высоту, но при Лишнемъ порогѣ она течетъ съ довольно умѣренною скоростію и потому достаточно было бы въ этомъ мѣстѣ очистить фарватеръ отъ камней, а не строить въ обходъ дорого стоющаго канала. Подобныхъ мѣстъ, изобилующихъ камнями, въ Днѣпрѣ много между порогами и въ той его части, которая выше начала пороговъ; они называются заборами. Всѣ инженеры были согласны, что не было никакой надобности строить Лишняго канала, и шутили надъ его названіемъ, говоря, что онъ дѣйствительно лишній.

Я не буду подробно описывать моего осмотра произведенныхъ работъ и результата этого осмотра. Скажу только, что я представилъ о немъ Клейнмихелю весьма подробное донесеніе, въ которомъ, какъ мнѣ помнится, полагалъ необходимымъ:

1. Мѣста въ каналахъ, не вполнѣ расчищенныя, расчистить до проектной глубины.

2. Для направленія струй теченія въ каналы, увеличить длину крыль-

евъ передъ ихъ стѣнами и въ особенности правое крыло Лаханскаго канала съ цѣлію достигнуть возможности баркѣ, прошедшей черезъ Сурскій каналъ, войти въ Лаханскій, а въ крайнемъ случаѣ перестроить Сурскій каналъ по новому направленію.

3. Головы стѣнъ и крыльевъ одѣть тесанымъ камнемъ во избѣжаніе поврежденія ихъ напоромъ льда.

4. Расчистить отъ камней фарватеръ въ заборахъ, находящихся между порогами.

Въ общемъ я полагалъ, что каналы могуть быть полезны только по спадѣ горизонта воды въ Днѣпрѣ, когда проходъ барокъ по порогамъ представляетъ большія затрудненія и наконецъ дѣлается даже невозможнымъ. При самой высокой водѣ теченіе такъ быстро, что плаваніе по порожистой части Днѣпра дѣлается невозможнымъ. Въ это время стѣны каналовъ покрыты водою. Онѣ открываются только по нѣкоторомъ спадѣ воды, когда направленіе водяныхъ струй несетъ барки въ фарватеры пороговъ и онѣ еще такъ сильны, что трудно направить барки въ русла каналовъ. Въ это время проходъ барокъ по фарватерамъ пороговъ не очень опасенъ, такъ какъ бо́льшая часть находящихся въ нихъ камней при довольно высокомъ горизонтѣ воды находятся на такой глубинѣ, что барки не могутъ на нихъ наѣхать. При дальнѣйшемъ же спадѣ воды, когда камни начинаютъ быть опасными, быстрота теченія воды уменьшается и барки искусными лоцманами могутъ быть направлены въ русла каналовъ.

Въ четырехмѣсячное мое пребываніе въ Екатеринославѣ я познакомился почти со всѣмъ городскимъ обществомъ. Губернаторомъ былъ въ то время тайный совѣтникъ Андрей Яковлевичъ Фабръ, странности и скупость котораго превосходили всякую мѣру. Почти каждый день появлялись новые, весьма занимательные разсказы про него и дѣйствительно изъ нихъ можно было бы составить цѣлый томъ анекдотовъ.

Самымъ лучшимъ разскащикомъ этихъ анекдотовъ былъ Екатеринославскій помѣщикъ Гавриленко, который былъ женатъ на моей троюродной сестрѣ Александрѣ Дмитріевнѣ Есаковой. Онъ проводилъ зимы въ Екатеринославѣ въ домѣ своей матери, по второму мужу баронессы Франкъ. Гавриленко имѣлъ пріятную наружность, на его лицѣ было написано здоровье и искренность. Я очень скоро съ нимъ сошелся. Баронъ Франкъ, человѣкъ очень добрый, былъ въ это время губернскимъ предводителемъ дворянства. Въ Екатеринославѣ жилъ въ то же время отставной генералъ-маіоръ Струковъ, двоюродный братъ Гавриленко. Они были между собою въ ссорѣ, такъ что городъ раздѣлялся на два лагеря: приверженцевъ Франка и приверженцевъ Струкова. Съ послѣднимъ я также познакомился. Его жена была красивая женщина, старшая дочь командовавшаго гвардейскою пѣхотою генералъ-адъютанта Арбузова. Она имѣла много дѣтей, тогда малолѣтнихъ. Струковъ постоянно былъ навеселѣ и часто пьянъ и въ такомъ видѣ принималъ во множествѣ съѣзжавшихся къ нему по понедѣльникамъ на вечеръ гостей. Разговоръ его

былъ вообще весьма пустой. Сверхъ того, я познакомился съ семьею Романовыхъ, гдѣ были взрослыя дочери, съ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ, умнымъ и весьма хитрымъ малороссомъ (фамиліи его не припомню) и съ вице-губернаторомъ Вульфомъ, человѣкомъ довольно образованнымъ, впослѣдствіи предсѣдателемъ Московской казенной палаты.

Во всѣхъ этихъ домахъ, равно какъ въ клубѣ, у генерала Семичева и у исправника Дмитріева, у котораго была жена недурна собою и хорошенькая дочь, бывали обѣды и карточные, а въ нѣкоторыхъ и танцовальные вечера. Конечно, я былъ всюду приглашаемъ. Жили всѣ, за исключеніемъ губернатора, хорошо, а нѣкоторые даже довольно роскошно.

Вскорѣ по моемъ пріѣздѣ поселился въ Екатеринославѣ Щербаковъ, управляющій акцизами въ Новороссійскомъ краѣ, которые содержала тогда компанія винныхъ откупщиковъ. Онъ своими обѣдами и вечерами не отставалъ отъ самыхъ богатыхъ Екатеринославскихъ жителей. Я бывалъ у него довольно часто.

Губернаторъ, несмотря на свою скупость, давалъ обѣды, но очень рѣдко. На его обѣдахъ было всего по одной бутылкѣ каждаго вина и когда кто-либо изъ заѣзжихъ спрашивалъ вторую рюмку, то оказывалось, что требуемаго вина болѣе не имѣется.

Моимъ занятіемъ на обѣдахъ и вечерахъ была карточная игра. Всего чаще обѣдалъ я и проводилъ вечера у генерала Семичева, котораго жена Наталья Васильевна была очень пріятная и любезная женщина.

Гомбургскія воды нисколько не облегчили меня отъ сильнаго кашля, которымъ я страдалъ каждое утро и который доводилъ меня до головокруженія. Въ Екатеринославѣ считался лучшимъ докторомъ Саксъ, крещеный еврей, находившійся на службѣ медикомъ правленія IX округа путей сообщенія. Онъ часто видалъ меня у Семичевыхъ и просилъ позволенія бывать у меня. Приходилъ онъ ко мнѣ очень рано и, замѣтивъ мой кашель, совѣтывалъ разныя противъ него средства. Впослѣдствіи онъ началъ посѣщать меня почти каждое утро.

При отъѣздѣ моемъ изъ Екатеринослава я былъ въ большомъ затрудненіи относительно платы за леченье. Онъ показывалъ видъ, что пріѣзжаетъ ко мнѣ не какъ докторъ, а какъ знакомый, и потому платить ему за визиты, которыхъ я не требовалъ и которые были безполезны, я нашелъ излишнимъ. Между тѣмъ, въ бытность мою въ 1850 г. въ Екатеринославѣ, когда Саксъ уже умеръ, я узналъ отъ Н. В. Семичевой, за которой онъ очень ухаживалъ, несмотря на то, что имѣлъ жену недурную собой и до десятка дѣтей, что онъ меня не любилъ за то, что будто бы г-жа Семичева меня предпочитала ему и между прочимъ обвинялъ меня въ томъ, что я ничего не заплатилъ ему за множество его визитовъ.

Въ бытность мою въ Екатеринославѣ пріѣхалъ въ этотъ городъ баронъ Фиркъ, товарищъ мой по Институту инженеровъ путей сообщенія. Онъ остался такимъ же пустымъ болтуномъ и хвастуномъ, какимъ я его

зналъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ Москвѣ онъ сватался за Екатерину Александровну Соймонову. Сватовство было неудачно, вслѣдствіе чего онъ перепросился на службу въ IX (Екатеринославскій) округъ путей сообщенія съ назначеніемъ въ распоряженіе Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора графа (впослѣдствіи князя) Михаила Семеновича Воронцова, при которомъ состояло нѣсколько инженеровъ путей сообщенія. Какъ ловкій танцоръ, говорящій порядочно по-французски, онъ скоро познакомился съ одесскимъ обществомъ и былъ приглашаемъ на вечера къ князю Воронцову. Я уже говорилъ о его безпримѣрномъ нахальствѣ и теперь приведу этому еще новый примѣръ.

Однажды онъ пришелъ рано утромъ къ князю Воронцову. По приходѣ назначеннаго въ этотъ день на дежурство адъютанта Воронцова, этотъ адъютантъ опросилъ Фиркса, желаетъ ли онъ, чтобы о немъ было доложено Воронцову. Фирксъ отвѣтилъ, что онъ назначенъ состоять при Воронцовѣ за адъютанта и получилъ извѣщеніе о томъ, что онъ долженъ дежурить именно въ этотъ день. Адъютантъ выразилъ удивленіе, что и онъ получилъ такое же извѣщеніе, но, полагая, что оно было прислано ему по ошибкѣ, удалился. Когда Воронцовъ позвалъ дежурнаго адъютанта, къ нему вошелъ Фирксъ. Воронцовъ сказалъ, что ему нужно видѣть дежурнаго адъютанта, и Фирксъ объяснилъ, что онъ въ этотъ день дежуритъ за адъютанта. Воронцовъ изъявилъ удивленіе, но сказалъ Фирксу, что, конечно, и онъ можетъ исполнить то, что Воронцовъ хотѣлъ поручить своему адъютанту, и передалъ ему свое приказаніе. Фирксъ исполнилъ его и съ этого времени чередовался въ дежурствѣ съ адъютантами Воронцова. Когда Фирксъ въ 1842 г. пріѣзжалъ въ Петербургъ, онъ останавливался въ домѣ Воронцова на Малой Морской. Заѣхавъ ко мнѣ и не заставъ меня, онъ оставилъ карточку, на которой было налитографировано: «Le Baron de Firks, Hôtel Worontzow, petite Morskaya». Этимъ онъ хотѣлъ показать близость своихъ отношеній къ Воронцову, который можетъ быть и не зналъ о томъ, что Фирксъ останавливается въ его петербургскомъ домѣ.

Впрочемъ Фирксъ вскорѣ надоѣлъ Воронцову, который, для удаленія его отъ себя, поручилъ ему устройство набережной въ Ростовѣ на городскія суммы. Въ то время нельзя было приступать къ подобнымъ сооруженіямъ на городскія средства, безъ предварительнаго утвержденія проекта главнымъ управленіемъ путей сообщенія.

Представленный проектъ не былъ одобренъ, но къ работамъ уже было приступлено по распоряженію Воронцова. На слѣдующую весну набережная была снесена. Завязалась переписка между Клейнмихелемъ и Воронцовымъ, въ которой первый указывалъ на напрасную потерю городскихъ суммъ вслѣдствіе неправильнаго приступа къ работамъ, такъ что для ея прекращенія Воронцовъ, какъ говорили тогда, внесъ свои восемь тысячъ рублей въ городскую казну взамѣнъ издержанныхъ этою казною на устройство развалившейся набережной, но вмѣстѣ съ тѣмъ откомандировалъ отъ

себя Фиркса въ IX (Екатеринославскій) округъ путей сообщенія, въ которомъ онъ числился состоящимъ при Воронцовѣ.

Изъ извѣстныхъ мнѣ похожденій Фиркса въ это время я зналъ, что онъ, произведенный въ декабрѣ 1843 г. въ маіоры въ томъ приказѣ, въ которомъ была произведена бо̀льшая часть инженеровъ путей сообщенія, не найдя ни въ Ростовѣ, ни въ Таганрогѣ штабъ-офицерскихъ эполетъ изъ серебряной мишуры, носилъ на инженерномъ мундирѣ занятыя имъ у какого-то армейскаго штабъ-офицера эполеты изъ золотой мишуры, пока ему не прислали новыхъ эполетъ изъ Одессы.

Подлѣ Ростова Фиркъ завелъ, съ помощью тамошнихъ торговцевъ, стеклянный заводъ, изъ котораго толку не вышло. Для воспоминанія о немъ осталось нѣсколько бутылокъ съ фамильнымъ гербомъ Фиркса.

Отосланный Воронцовымъ и ничего не пріобрѣтя отъ своего завода, Фиркъ явился въ Екатеринославъ, гдѣ не полюбился своимъ товарищамъ за то, что постоянно выказывалъ имъ превосходство и своего образованія и своего рода. Несмотря на его недостатки, мнѣ жаль было моего стараго товарища, которому было болѣе 35 лѣтъ и нечего было ѣсть. Я ему совѣтовалъ жениться, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что въ Екатеринославѣ нѣтъ ему невѣсты, что всѣ дѣвицы, которыхъ мы видѣли на балахъ, ne sont que des blanchisseuses. Я обратилъ его вниманіе на двухъ молодыхъ дѣвицъ недурныхъ собою, всегда изящно одѣтыхъ и о которыхъ говорили, что у каждой изъ нихъ до 12 тыс. рублей ежегодного дохода. Онъ мнѣ возразилъ; «Cette somme ne suffirait pas pour la chaussure de la Baronne de Firks», и при этомъ напомнилъ о высокомъ значеніи своего имени, въ доказательство котораго прислалъ мнѣ какую-то книгу о нашихъ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Изъ нея я узналъ, что Фирксы прибыли въ этотъ край въ первой половинѣ XIII столѣтія. Я отвыкъ отъ чтенія книгъ нѣмецкой печати, а потому возвратилъ Фирксу книгу недочитанною, сообщивъ ему, что я дочиталъ ее до того мѣста, которое онъ хотѣлъ мнѣ сдѣлать извѣстнымъ.

Впослѣдствіи Фиркъ, видя, что служа въ вѣдомствѣ путей сообщенія карьеры не сдѣлаешь и не только ничего не наживешь, но и умрешь съ голоду, пріѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о переходѣ въ то вѣдомство, въ которомъ чиновники получали тогда наибольшее содержаніе. Черезъ свои прежнія знакомства онъ успѣлъ упросить Пашкова, бывшаго директора департамента внѣшней торговли (что нынѣ таможенныхъ сборовъ), дать ему мѣсто члена Рижской таможни.

Получивъ его согласіе, онъ отправился къ Клейнмихелю, который вообще не любилъ выпускать своихъ подчиненныхъ изъ службы. На возраженія Клейнмихеля, что онъ не выпуститъ Фиркса, послѣдній увѣрялъ, что онъ никогда не вышелъ бы изъ-подъ столь высокоуважаемаго начальства, но что этого требуетъ для пользы имѣнія 80-лѣтній его отецъ, котораго каждое слово онъ со дня рожденія считаетъ закономъ. Все это Фиркъ лгалъ, такъ какъ отецъ его давно умеръ.

Клейнмихель, довольный такою сыновнею покорностью, убѣжденный Фирксомъ, выпустилъ послѣдняго въ отставку, послѣ чего Фиркъ немедля былъ опредѣленъ въ члены Рижской таможни. Въ 1854 г. появился первый выпускъ сочиненія Шедо-ферроти (псевдонимъ Фиркса), подъ названіемъ «Sur l'avenir de la Russie». Въ эту эпоху общаго гнета въ Россіи, которому, конечно, подвергалась и печать, подобная книга, въ которой разсказывались разные факты изъ тогдашней жизни и излагались нѣкоторыя либеральныя идеи, обратила на себя вниманіе. Конечно, она была напечатана не въ Россіи, а въ Берлинѣ. Въ ней излагались разные недостатки администраціи и злоупотребленія чиновниковъ и именно только по вѣдомствамъ путей сообщенія и таможенному, такъ какъ Фирксу были извѣстны только эти два вѣдомства.

Книга была написана довольно хорошимъ французскимъ языкомъ, что было непонятно для всѣхъ, знавшихъ недостаточныя познанія Фиркса въ этомъ языкѣ. Это объясняли тѣмъ, что въ составленіи книги участвовалъ Петръ Александровичъ Валуевъ, служившій, въ бытность Фиркса въ Ригѣ, при генералъ-губернаторѣ Прибалтійскихъ губерній князѣ Суворовѣ, а впослѣдствіи Курляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ, назначенный въ 1861 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ 1872 г. министромъ государственныхъ имуществъ, а въ 1880 г. предсѣдателемъ комитета министровъ. Онъ и Фирксъ, оба порядочные пустозвоны, могли легко сойтись.

Въ первомъ выпускѣ своего сочиненія Фирксъ между прочимъ разсказываетъ, что когда потребовалось построить въ Варшавѣ таможенные пакгаузы, то таможенное начальство назначило на эту постройку мало свѣдущаго архитектора, который произвелъ ее очень дурно, и только тогда оно вспомнило, что въ это время находился случайно въ таможенномъ вѣдомствѣ знаменитый строитель, бывшій прежде инженеромъ путей сообщенія, и командировало его для перестройки дурно построеннаго и приведенія всего въ порядокъ. Фирксъ хотѣлъ этимъ доказать, до какой степени администрація въ Россіи мало заботится при выборѣ лицъ, которымъ даетъ важныя порученія. Но этотъ разсказъ Фиркса вполнѣ противорѣчилъ истинѣ. Таможенное начальство, имѣя въ виду его прежнюю службу, назначило его въ самомъ началѣ для постройки пакгаузовъ. Онъ, по незнанію дѣла, выстроилъ ихъ дурно, и тогда, вмѣсто него, назначили архитектора, который исправилъ все дурно построенное Фирксомъ. Это начальство послѣдняго до того взволновало бывшаго директора департамента внѣшней торговли Пашкова, что онъ хотѣлъ увеличить Фиркса отъ службы. Только настоянія моего внучатнаго брата И. Н. Колесова, бывшаго вице-директоромъ этого департамента и въ хорошихъ отношеніяхъ съ Пашковымъ, побудили послѣдняго оставить это нахальство Фиркса безъ послѣдствій.

Фирксъ, продолжая служить въ Ригѣ, напечаталъ въ Берлинѣ нѣсколько выпусковъ своего сочиненія «Sur l'avenir de la Russie». Женившись въ Ригѣ на женщинѣ безъ имени, которая, при встрѣчѣ моей въ Дрезденѣ

въ 1860 г., показалась мнѣ принадлежащею къ такъ называемому полусвѣту, онъ не могъ, по понятіямъ прибалтійскихъ бароновъ, оставаться долѣе въ Ригѣ и перепросился въ члены Одесской таможни.

Въ это время открылась вакансія агента отъ русскаго правительства по промышленнымъ дѣламъ въ Бельгіи, и Фиркъ сумѣлъ получить это мѣсто съ 12 тыс. франковъ годового содержанія.

Въ Брюсселѣ ему не предстояло никакой служебной дѣятельности, тѣмъ болѣе онъ увеличилъ свою дѣятельность какъ публицистъ. Изданія его, состоявшія изъ компиляцій, связанныхъ между собою пустымъ фразерствомъ, нравились однако же многимъ людямъ, отличавшимся замѣчательнымъ умомъ и между прочимъ Александру Васильевичу Головнину. Въ бытность послѣдняго министромъ народнаго просвѣщенія, Фиркъ, съ согласія его, осматривалъ въ 1864 г. по дорогѣ отъ Одессы въ Петербургъ гимназіи и уѣздныя училища, при чемъ держалъ себя очень высокомѣрно, какъ надлежитъ истому Курляндскому барону. По пріѣздѣ его въ Петербургъ, говорили, что онъ будетъ назначенъ попечителемъ какого-то учебнаго округа, но это назначеніе не состоялось и Головнинъ въ 1866 г. долженъ былъ оставить министерское мѣсто. Разныя выходки Фиркса противъ русской національности, въ угожденіе бывшей тогда въ русскомъ правительствѣ особой партіи, такъ возстановили меня и стараго моего друга А. С. Цурикова противъ Фиркса, что я приказалъ не принимать его.

Осенью 1864 г. вышла книга Шедо-Ферроти подъ заглавіемъ: «Que fera-t-on de la Pologne!», въ которой онъ унижалъ русскую національность въ сравненіи съ польскою. Эта книга заставила меня еще болѣе возненавидѣть его. Составленіе ея приписывали въ обществѣ (полагаю, неправильно) А. В. Головнину подъ патронажемъ великаго князя Константина Николаевича, который, будто бы, снабдилъ Фиркса деньгами съ тѣмъ, чтобы онъ напечаталъ ее подъ своимъ именемъ.

Каждый писака, унижающій русскую національность, былъ бы мнѣ не любъ, а тѣмъ болѣе русскій чиновникъ, живущій русскимъ жалованіемъ и въ то же время идущій на подкупъ, чтобы дать свое имя сочиненію, въ которомъ унижается русскій народъ.

Въ концѣ 60-хъ годовъ мѣсто, которое Фиркъ занималъ въ Брюсселѣ, было упразднено и онъ, оставшись за штатомъ, получалъ въ отставкѣ полное содержаніе. Едва ли кому-нибудь изъ товарищей, бывшихъ болѣе полезными на службѣ, удавалось получить такую пенсію. Онъ переѣхалъ жить въ Дрезденъ, гдѣ продолжалъ свою карьеру публициста и въ послѣднее время, послѣ долгаго перерыва нашихъ сношеній, прислалъ мнѣ брошюру объ улучшеніи хозяйства въ Россіи. Несмотря на то, что я ему не отвѣчалъ, онъ мнѣ прислалъ еще, кажется, два выпуска о томъ же предметѣ. Въ началѣ 1873 г. онъ умеръ въ Дрезденѣ.

Перехожу къ повѣствованію о себѣ въ 1849 г. Окончивъ въ половинѣ мая порученіе въ Екатеринославѣ, я выѣхалъ въ Петербургъ. Меня провожали за Днѣпръ начальникъ округа генералъ-маіоръ Семичевъ, боль-

шая часть служащихъ въ Екатеринославѣ инженеровъ путей сообщенія и нѣкоторыя лица Екатеринославскаго общества.

По дорогѣ изъ Екатеринослава въ Петербургъ я встрѣтилъ какого-то полковника Молдавской службы, который мнѣ сообщилъ, что войска 5-го пѣхотнаго корпуса, въ штабѣ котораго служитъ мой братъ Николай, были двинуты въ Молдавію, за что выхвалялъ Императора Николая, считая движеніе нашихъ войскъ единственнымъ спасеніемъ противъ революціонныхъ стремленій, выказавшихся въ Дунайскихъ княжествахъ. Тотъ же полковникъ сообщилъ мнѣ, что вѣроятно наши войска будутъ посланы въ Венгрію для усмиренія мятежа противъ австрійскаго правительства.

Въ Петербургѣ я нашелъ жену мою въ постели, опасно больную послѣ преждевременныхъ родовъ. Когда я явился къ Клейнмихелю, онъ, несмотря на то, что зналъ объ ея болѣзни, объявилъ мнѣ, что я долженъ немедля ѣхать въ дѣйствующую противъ венгерцевъ армію, въ которую я назначаюсь инспекторомъ военныхъ сообщеній. Полагая, что, нося военный мундиръ, нельзя отказываться отъ подобнаго назначенія, я нисколько этому ни противился. Между тѣмъ, самъ Клейнмихель выразилъ мнѣ свое неудовольствіе, что у него требуютъ на войну офицеровъ, приговаривая:

— Вѣдь не я воюю и знать ничего о войнѣ не хочу; зачѣмъ же требуютъ туда моихъ подчиненныхъ, которымъ довольно есть дѣла и безъ войны.

Тонъ, которымъ Клейнмихель говорилъ это, до того былъ рѣзокъ, что можно было подумать, что дѣйствительно отъ него могло зависѣть объявленіе войны. Тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ исполнить повелѣніе Государя.

Приказомъ отъ 30 мая были назначены: я инспекторомъ военныхъ сообщеній дѣйствующей противъ венгровъ арміи и ко мнѣ два помощника, изъ которыхъ одинъ по моему выбору бывшій мой подчиненный Авдѣевъ, а другой по выбору Клейнмихеля, состоявшій при немъ инженеръ штабсъ-капитанъ Рейнгардтъ (Матвѣй Ивановичъ, впослѣдствіи тайный совѣтникъ).

Рейнгардтъ плохо учился въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія и былъ выпущенъ въ строительный отрядъ. При уничтоженіи этого отряда, онъ былъ со многими другими переведенъ въ инженеры путей сообщенія. Клейнмихель, зная, что онъ хорошо играетъ на фортепіано, назначилъ его къ себѣ для дежурства поочереди съ адъютантами. Надѣясь много выиграть по службѣ во время войны, онъ упросилъ Клейнмихеля назначить его ко мнѣ помощникомъ въ Венгрію.

Несмотря на то, что я почти не былъ знакомъ съ Рейнгардтомъ, онъ послѣ своего назначенія пришелъ представиться мнѣ въ растегнутомъ сюртукѣ, что вовсе не было принято въ корпусѣ путей сообщенія. При этомъ представленіи онъ мнѣ объяснилъ, что получилъ много рекомендательныхъ писемъ въ армію и между прочими къ фельдмаршалу Паскевичу, и просилъ позволенія остаться еще нѣсколько дней въ Петербургѣ, чтобы добыть еще писемъ къ лицамъ высокопоставленнымъ въ арміи. Я совѣты-

валъ Рейнгардту ѣхать поскорѣе въ армію и отказаться отъ принятой имъ на себя обязанности почталіона. Онъ меня не послушался, остался собирать новыя письма и вовсе не попалъ въ армію.

Въ концѣ 1850 г. я подавалъ прошеніе объ отставкѣ. Въ своемъ мѣстѣ я разскажу, какъ Клейнмихель уговаривалъ меня взять прошеніе обратно. Рейнгардтъ вслѣдъ за этими уговорами также подалъ прошеніе объ отставкѣ. Клейнмихель сказалъ мнѣ объ этомъ, присовокупивъ, что Рейнгардъ, равняя себя со мною, вѣроятно полагалъ, что онъ удостоится такого же благосклоннаго убѣжденія со стороны Клейнмихеля, который, напротивъ того, сейчасъ же его выпустилъ, находя его безполезнымъ для службы.

Рейнгардъ, немедля по увольненіи изъ вѣдомства путей сообщенія, поступилъ на службу ко двору великой княгини Маріи Николаевны и уже въ 1863 г. былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ въ то время, какъ его товарищи, оставшіеся на службѣ въ инженерахъ путей сообщенія, конечно, болѣе его работавшіе и болѣе способные, были не болѣе, какъ подполковники. Я привожу это, какъ новое доказательство тому, какъ трудно было сдѣлать хотя бы незначительную служебную карьеру, оставаясь на службѣ въ инженерахъ путей сообщенія, и что инженеру для составленія карьеры достаточно было перейти въ другой родъ службы.

Десять дней, проведенныхъ мною въ Петербургѣ по пріѣздѣ изъ Екатеринослава, были переполнены заботами. Лечившій мою жену Яковъ Яковлевичъ Шмидтъ, искусный акушеръ и очень хорошій человѣкъ, требовалъ, чтобы жена моя провела лѣто на дачѣ и не ходила по высокимъ лѣстницамъ. Наша квартира была въ третьемъ этажѣ и потому необходимо было ее перемѣнить. Я сдалъ ее Владиміру Петровичу Соболевскому, бывшему тогда помощникомъ директора по учебной части (впослѣдствіи директоромъ) Института путей сообщенія. Городской квартиры въ нижнемъ этажѣ въ цѣну, соотвѣтствующую моимъ средствамъ, я не нашелъ, а нанялъ очень небольшую дачу на Черной рѣчкѣ, куда жена переѣхала по выздоровленіи послѣ моего отъѣзда. Съ нею переѣхала Маргарита Францовна Смитъ. Она и сестра ея Елизавета жили въ деревнѣ моей сестры Викулиной гувернантками, но почему то оставили ее и, пріѣхавъ въ Петербургъ, Елизавета, больная чахоткою, поступила въ больницу, а Маргарита поселилась у моей жены.

Меня очень заботило то, что пріютъ, данный Маргаритѣ Смитъ, дурно разставшейся съ сестрою моею, можетъ повлечь непріятныя отношенія между послѣднею и женою моею, но по добротѣ моей сестры это не имѣло никакихъ послѣдствій. Маргарита Смитъ, выдержавъ экзаменъ въ университетѣ на званіе домашней учительницы, чему способствовали мои хлопоты и покровительство, поступила гувернанткою къ Демидовой, съ которой уѣхала въ Пермскую губернію.

Въ короткое время, проведенное мною предъ отъѣздомъ въ Венгрію въ Петербургѣ, горничная моей жены Аграфена, молодая дѣвушка, весьма хорошо служившая уже 10 лѣтъ, внезапно заболѣла холерою и въ тотъ

же день умерла въ больницѣ. Оставлять больную жену съ новой горничной мнѣ было очень непріятно.

Передъ походомъ на войну, всѣмъ офицерамъ было выдано денежное вспоможеніе. Я уже говорилъ, что инженеры путей сообщенія, не принадлежа ни къ военному, ни къ гражданскому вѣдомству, были постоянно лишаемы тѣхъ льготъ, которыя назначались служащимъ въ томъ или другомъ вѣдомствѣ. На этомъ же основаніи канцелярія Клейнмихеля хотѣла лишить меня и двухъ назначенныхъ ко мнѣ помощниковъ, и вспоможенія на покупку лошади, утверждая, что оно назначается только военнымъ. Я настоялъ на выдачѣ этого вспоможенія, указавъ, что даже полковые священники имъ пользуются.

Я всегда дурно ѣздилъ верхомъ и по возвращеніи моемъ съ Кавказа въ продолженіи 7 лѣтъ не садился на лошадь. Въ виду предстоящаго похода по Венгріи, я воспользовался кратковременнымъ моимъ пребываніемъ въ Петербургѣ, чтобы поучиться въ манежѣ верховой ѣздѣ, гдѣ я ежедневно встрѣчалъ князя Александра Сергѣевича Меньшикова, бывшаго тогда морскимъ министромъ.

Меньшиковъ, во время моей ѣзды, замѣтилъ, что слѣдовало бы мнѣ поранѣе хватиться за это ученье. Вмѣстѣ со мною ѣздилъ еще хуже меня лейтенантъ флота, и я отвѣчалъ Меньшикову, что и его подчиненные также поздно принимаются за ученіе верховой ѣзды. Меньшиковъ мнѣ сказалъ, что этотъ лейтенантъ переходитъ въ уланы, куда ему, по выраженію Меньшикова, и дорога. Тогда я объяснилъ причину, по которой я принялся за верховую ѣзду.

По пріѣздѣ моемъ въ Варшаву, я явился къ дежурному генералу дѣйствующей арміи, оставленному въ Варшавѣ для распоряженій въ тылу арміи. Тогда было сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ офицеры, вновь поступающіе въ дѣйствующую армію, были отправлены не въ Венгрію, а въ мѣста, гдѣ были расположены резервы. На этомъ основаніи дежурный генералъ Викинскій приказалъ мнѣ немедля отправиться въ резервъ. Я объяснилъ ему, что корпусъ инженеровъ путей сообщенія не имѣетъ резерва, что я назначенъ въ дѣйствующую армію собственно по случаю выступленія ея въ походъ и что на основаніи положенія объ арміи въ военное время я долженъ находиться въ ея штабѣ. Но дежурный генералъ не хотѣлъ слушать моихъ объясненій и только кричалъ: «Въ резервъ, въ резервъ!» Тогда я обратился къ бывшему начальникомъ военно-походной канцеляріи Государя графу Владиміру Ѳеодоровичу Адлербергу, который и приказалъ дежурному генералу отправить меня немедля въ Венгрію.

Въ это время я видѣлся въ главной квартирѣ Государя, между прочимъ, съ генералъ-адъютантомъ барономъ Ливеномъ и съ свиты Его Величества генералъ-маіоромъ фонъ-Бринъ. Первый, слѣдившій съ Государемъ за передвиженіями войскъ въ Венгріи, обрадовался тому, что видитъ инспектора военныхъ сообщеній дѣйствующей арміи, отъ котораго можетъ получить

разныя свѣдѣнія, относящіяся до географіи Венгріи. Я ему объяснилъ, что въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія не преподаютъ подробной географіи сосѣднихъ государствъ и что въ настоящую мою должность я попалъ экспромтомъ, такъ что онъ во всякомъ случаѣ, имѣя подробныя карты Венгріи, знаетъ ея географію лучше меня.

Фонъ-Бринъ повелъ меня съ собою къ такъ называемому кавалерскому столу, къ которому ежедневно собиралась обѣдать многочисленная свита Государя. Я въ первый разъ обѣдалъ за этимъ столомъ и видѣлъ, какъ велики должны быть издержки, на него употребляемыя.

Изъ Варшавы до границы Галиціи я проѣхалъ по желѣзной дорогѣ, а на этой границѣ пересѣлъ въ перекладную почтовую телѣгу. Я остановился на одинъ день въ Краковѣ и тамъ въ кондитерскихъ читалъ французскія газеты, которыя печатали, что русская армія, назначенная для вспомоществованія Австріи противъ мятежныхъ венгровъ, перешла границу, командуемая — подъ главнымъ начальствомъ фельдмаршала князя Паскевича и начальника его штаба князя Горчакова - - нѣмецкими генералами. Газеты называли такъ не только генераловъ съ нѣмецкими фамиліями, какъ-то: Ридигера, Анрепа, Граббе и т. п., но и генераловъ съ русскими фамиліями, коверкая ихъ безпощадно, въ томъ числѣ Купреянова, Чедаева, Белогужева и др..

При переѣздѣ черезъ Карпатскія горы я былъ пораженъ сходствомъ везшихъ меня крестьянъ съ крестьянами великорусскаго племени, ихъ лошадей, упряжи и телѣгъ съ русскими крестьянскими лошадьми, упряжью и телѣгами. Лошади были малы и тощи, упряжь веревочная, а телѣги крайне безпокойны; не было скамейки для сидѣнія кучера. Везшіе меня крестьяне были Русины, нѣсколько сотъ лѣтъ не имѣвшіе ничего общаго съ ихъ единоплеменниками, обитающими въ Россійской Имперіи, а между тѣмъ сохранившіе такъ много съ ними общаго.

Строенія въ ихъ селеніяхъ были также бѣдны, какъ большая часть русскихъ селеній въ безлѣсныхъ мѣстахъ. Церкви были деревянныя, небольшія, похожія архитектурою на наши старыя церкви въ бѣдныхъ селеніяхъ: даже окраска церковныхъ главъ была та же. По случаю значительнаго проѣзда, у всѣхъ церквей, расположенныхъ на большой дорогѣ, стояли священники съ причтомъ, испрашивая подаянія для церквей. Священники уніаты были одѣты такъ же, какъ наши православные, они были въ рясахъ и эпитрахиляхъ чрезвычайно бѣдныхъ. Бѣдность уніатскихъ церквей и духовенства въ сравненіи съ римско-католическими должна была весьма непріятно поражать проѣзжающаго, въ особенности православнаго.

При переѣздѣ черезъ границу я узналъ, что главная квартира нашей арміи въ Мискольцѣ, куда я доѣхалъ, промокнувъ до костей, вслѣдствіе двухдневнаго сильнѣйшаго дождя, отъ котораго и дорога сильно испортилась. Передъ въѣздомъ въ Мискольцъ, я былъ остановленъ на аванпостахъ и пока носили кому-то показывать мою подорожную, слышалъ ропоть

солдатъ, которые жаловались на то, что ихъ поставили безъ всякой надобности на сырое мѣсто, на которомъ они, какъ мухи, валятся отъ холеры. Дѣйствительно, тогдашній генеральный штабъ вовсе не обращалъ вниманія на то, чтобы войска были располагаемы въ здоровой мѣстности; ближайшія же начальства разныхъ частей войска были до того запуганы, что они не смѣли заикнуться о дурной стоянкѣ ввѣренныхъ имъ частей.

Я весь промокшій ѣздилъ 20-го іюня съ 6 до 8 час. утра по гор. Мискольцу, не находя нигдѣ пристанища и не подумавъ, что прежде всего надо было отыскать коменданта главной квартиры арміи. Усталый я рѣшился войти въ комнату, кѣмъ-то занятую, и приказать человѣку моему внести въ нее мои вещи. Оказалось, что эту комнату занималъ генеральнаго штаба подполковникъ Нордстренгъ, который только что проснулся. Я объявилъ ему, кто я и почему я такъ безцеремонно къ нему вошелъ. Онъ возражалъ, что ему одному тѣсно въ небольшой комнатѣ, но я настоялъ на своемъ и остался.

Въ его присутствіи я снялъ съ себя мокрое платье и бѣлье, но и бывшее въ чемоданѣ было также сыро, до того былъ силенъ дождь въ проѣздъ мой по сѣверной Венгріи. Надѣвъ сырое бѣлье и платье, я явился сначала къ начальнику штаба арміи князю Горчакову, который, сколько помнится, при моемъ представленіи мнѣ ничего не сказалъ, кромѣ того, чтобы я явился къ фельдмаршалу князю Паскевичу. Когда я вошелъ въ пріемную залу послѣдняго и обо мнѣ доложилъ его адъютантъ, Паскевичъ въ рубашкѣ, подштанникахъ и туфляхъ, вытирая лицо длиннымъ полотенцемъ, которое было перекинуто черезъ его плечи, вбѣжалъ въ означенную комнату и съ гнѣвомъ спросилъ меня:

— Зачѣмъ вы пріѣхали?

Я отвѣчалъ, что назначенъ инспекторомъ военныхъ сообщеній дѣйствующей арміи. Паскевичъ закричалъ:

— Я это прежде васъ знаю, но вы зачѣмъ пріѣхали?

Я отвѣчалъ то же, Паскевичъ продолжалъ мнѣ дѣлать тѣ же вопросы, а мнѣ запретилъ отвѣчать одно и тоже. Тогда я пересталъ вовсе отвѣчать, и Паскевичъ сердился за мое молчаніе. Наконецъ онъ меня отпустилъ. Что означалъ подобный пріемъ? Я тогда объяснялъ его тѣмъ, что многіе пріѣзжали изъ Петербурга въ дѣйствующую армію для полученія знаковъ отличія, и Паскевичъ полагалъ, что я принадлежу къ числу этихъ господъ.

Впослѣдствіи этотъ пріемъ могъ быть объясненъ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ маѣ 1849 г. Клейнмихель послалъ Государю докладъ, которымъ извѣщалъ, что во исполненіе повелѣнія Его Величества назначены въ дѣйствующую армію инспекторъ военныхъ сообщеній и два помощника изъ инженеровъ путей сообщенія, но что подобное ихъ откомандированіе затрудняетъ его за недостаткомъ будто-бы инженеровъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія. Докладъ Клейнмихеля былъ полученъ Государемъ во время торжественнаго перехода нашихъ войскъ изъ Галиціи въ Венгрію. Государь послалъ его на заключеніе Паскевича, который до-

ложилъ, что ему инженеры путей сообщенія совсѣмъ не нужны, о чемъ и было сообщено Клейнмихелю. Послѣдній, получивъ это извѣщеніе, по отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, удержалъ отъ поѣздки въ Венгрію назначенныхъ ко мнѣ двухъ помощниковъ, а за мною въ погоню послалъ курьера съ бумагою къ графу В. Ѳ. Адлербергу, въ которой просилъ возвратить меня въ Петербургъ. Курьеръ Клейнмихеля пріѣхалъ въ Варшаву черезъ нѣсколько часовъ по отъѣздѣ моемъ изъ этого города. Адлербергъ доложилъ Государю бумагу Клейнмихеля и Его Величество, въ виду того, что я уже отправился въ дѣйствующую армію, приказалъ меня оставить при ней. Вотъ по какой причинѣ два назначенные ко мнѣ помощника не прибыли въ армію, но я объ этой причинѣ узналъ только по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ.

Подполковникъ Нордстренгъ, по возвращеніи моемъ отъ фельдмаршала, посовѣтовалъ мнѣ пойти къ коменданту главной квартиры, жандармскому полковнику Бевaду, и просить его приказать отвести мнѣ квартиру. Бевадъ сказалъ мнѣ, что весь городъ занятъ постоемъ, но что въ занимаемой имъ квартирѣ есть лишняя комната, которую онъ мнѣ уступаетъ. Сверхъ того, имѣя въ виду, что я не имѣю въ арміи ни товарищей по службѣ, ни подчиненной команды, онъ предложилъ мнѣ ежедневно обѣдать у него. Я. конечно, поблагодарилъ за такое любезное предложеніе, которое было для меня неоцѣнимо. Другіе офицеры, состоявшіе при главной квартирѣ арміи, во время нашихъ переходовъ, добывали себѣ помѣщенія чрезъ подчиненныхъ имъ чиновъ, часто посылаемыхъ впередъ. Не имѣя таковыхъ, конечно, я оставался бы большею частію безъ всякаго пристанища, по распоряженію же Бевада, жандармскіе квартиргеры на всѣхъ стоянкахъ заготовляли и мнѣ помѣщеніе, большею частію въ одномъ домѣ съ Бевадомъ.

По возвращеніи моемъ отъ Бевада къ Нордстренгу, онъ мнѣ сказалъ, что за мной присылалъ фельдмаршалъ, по приходѣ къ которому меня сейчасъ ввели въ его кабинетъ. Фельдмаршалъ былъ въ сюртукѣ съ эполетами. Онъ очень любезно отнесся о служившихъ подъ его начальствомъ инженерахъ путей сообщенія и объявилъ, что онъ даетъ мнѣ порученіе ѣхать на р. Гантару (можетъ быть ошибаюсь въ названіи рѣки) для осмотра устройства моста на этой рѣкѣ 2-мъ сапернымъ баталіономъ подъ командою полковника Алексѣева, при чемъ далъ мнѣ право разрѣшать именемъ главнокомандующаго употребленіе всѣхъ нужныхъ для устройства моста запасныхъ вещей и приказалъ принять мѣры къ немедленному окончанію моста, для слѣдованія возвращавшагося изъ похода на Дебречинъ 4-го пѣхотнаго корпуса.

Паскевичъ изложилъ приказаніе свое очень ясно, указалъ, гдѣ именно устраивается переправа и замѣтилъ, что такъ какъ я только прибылъ въ армію, то вѣрно у меня нѣтъ лошади, а потому мнѣ не на чѣмъ будетъ ѣхать. Отвѣтъ мой, что не медля найму казачью лошадь, очень понравился фельдмаршалу, отъ котораго я пошелъ къ Горчакову, чтобы доложить о полученномъ мною порученіи. Горчаковъ мнѣ сказалъ:

— Ну, поѣзжайте, если вы вернетесь ночью, то въ которомъ бы часу ни вернулись, вы разбудите меня, чтобы передать о результатѣ вашей поѣздки. Такъ будете поступать и впередъ по исполненіи даваемыхъ вамъ порученій.

Горчакову и въ голову не приходило то, о чемъ позаботился Паскевичъ, а именно то, что мнѣ не на чемъ ѣхать для исполненія возложеннаго на меня порученія.

Пока мой слуга Аркадій отыскивалъ мнѣ верховую лошадь и конвойнаго казака, я почелъ обязанностію заявить о данномъ мнѣ порученіи исправлявшему должность начальника инженеровъ дѣйствующей арміи генералъ-лейтенанту Сорокину (впослѣдствіи инженеръ-генералу и коменданту С.-Петербургской крѣпости, уже умершему), такъ какъ саперные баталіоны находились въ его вѣдѣніи.

Я былъ очень удивленъ, что Сорокинъ не имѣлъ понятія, гдѣ находится 2-ой саперный баталіонъ и чѣмъ онъ занятъ. Впослѣдствіи я узналъ, что фельдмаршалъ, недовольный присылкою Сорокина въ армію, совершенно удалилъ его отъ всякаго дѣла. При началѣ Венгерскаго похода Государь назначилъ начальникомъ инженеровъ дѣйствующей арміи генералъ-адьютанта Шильдера, который въ это время производилъ какое-то слѣдствіе на Кавказѣ и прибылъ къ арміи по окончаніи войны. Паскевичъ полагалъ, до прибытія Шильдера, исправленіе его должности поручить генералъ-маіору Герстфельду (Эдуарду Ивановичу, впослѣдствіи инженеръ-генералу и члену Государственнаго Совѣта). Государь, находя, что онъ еще молодъ,—что не помѣшало его назначить въ слѣдующемъ 1850 г. товарищемъ главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, прислалъ въ армію Сорокина, по пріѣздѣ котораго временное назначеніе Герстфельда прекратилось, а такъ какъ Сорокина не допускали ни до какого дѣла, то собственно начальника инженеровъ въ дѣйствующей арміи не было, и саперные баталіоны и понтонный паркъ были безполезно обременяемы тяжкою службою, объ облегченіи которой никто не заботился. Впослѣдствіи я позволялъ себѣ обращать на эту безполезную тягость вниманіе генералъ-квартирмейстера генералъ-лейтенанта Фрейтага, единственное изъ старшихъ лицо въ главномъ штабѣ арміи, которое было всегда доступно и разсудительно.

Изъ Мискольца на р. Гантару ведетъ длинная дамба, насыпанная въ болотистой мѣстности. Мостъ на этой рѣкѣ былъ оконченъ при мнѣ, и я на другой день часу въ 5-мъ утра вернулся въ Мискольцъ, никѣмъ изъ нашихъ войскъ не опрошенный о томъ, кто я и откуда ѣду. Разбудивъ Горчакова согласно данному имъ приказанію, я ему доложилъ объ окончаніи моста. Онъ, спросонья ничего не понявъ, приказалъ мнѣ быть у него въ 8 час. утра. Не мнѣ одному было приказано будить его во всякое время ночи по пріѣздѣ послѣ исполненнаго порученія, а всѣмъ тѣмъ, кого посылалъ онъ или фельдмаршалъ. Такимъ образомъ его безпрестанно будили безъ всякой пользы, и онъ, безъ того тщедушный и слабый здоровьемъ, безпо-

лезно утомлялся и утомлялъ другихъ. Онъ говорилъ очень неразборчиво, необходимъ былъ большой навыкъ, чтобы понимать его приказанія, для перевода которыхъ на удобопонятный языкъ находился при немъ генеральнаго штаба подполковникъ Ненарокомовъ. Ненарокомова онъ довелъ до изнеможенія. Тогда Ненарокомовъ просилъ о незначительной помощи для излеченія болѣзни, но не получилъ просимаго и умеръ. Когда Горчаковъ отдавалъ приказанія въ отсутствіи Ненарокомова и замѣчалъ, что его не понимали, онъ выходилъ изъ себя, позволялъ себѣ самыя дерзкія выраженія относительно подчиненныхъ и непонимавшихъ его неясныхъ приказаній, чему я могъ бы привести много примѣровъ. Собственно со мною Горчаковъ былъ всегда вѣжливъ.

Мостъ на Гантарѣ, по проходѣ черезъ него 4-го пѣхотнаго корпуса, не былъ разобранъ и Венгерская армія, подъ командою Гёргея, при отступленіи отъ Вейцена на Дебречинъ, воспользовалась этимъ мостомъ. Гёргей, послѣ капитуляціи, шутя, говорилъ мнѣ въ Гросѣ-Вардейнѣ, что если бы онъ еще имѣлъ право раздавать знаки отличія, то наградилъ бы меня таковымъ за устройство моста, который былъ ему столь полезенъ. При отступленіи Гёргея, если бы отрядъ генералъ-адъютанта Граббе (Павла Христофоровича) поспѣлъ предупредить переходъ арміи Гёргея черезъ этотъ мостъ, то она очутилась бы сжатою между отрядовъ Граббе и 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, но Граббе не поспѣлъ во время, а по длинной дамбѣ (узкому дефилею) преслѣдовать Гёргея не рѣшился.

Черезъ недѣлю по моемъ пріѣздѣ въ армію, Горчаковъ, по приказанію фельдмаршала, посылалъ меня осмотрѣть работы по наведенію моста на р. Шоѣ для прохода 4-го пѣхотнаго корпуса, при чемъ поручилъ мнѣ осмотрѣть позицію, на которой стоятъ люди понтоннаго парка, наводившіе мостъ, и прикрывающіе ихъ уланы. Конвой было приказано мнѣ взять у начальствовавшаго авангардомъ арміи генералъ-адьютанта Анрепа.

Анрепъ, къ которому я пріѣхалъ, сказалъ мнѣ, что онъ въ этотъ день сдалъ командованіе авангардомъ, но что я могу получить конвой изъ расположеннаго вблизи его квартиры казачьяго полка. Во время слѣдованія моего къ этому полку, я встрѣтилъ Алексѣя Петровича Мельникова. Мельниковъ, въ бытность камандиромъ какого-то гусарскаго полка, за дерзкое выраженіе своего бригаднаго генерала Шиллинга, ударилъ его саблею, за что былъ по суду разжалованъ въ рядовые, но вскорѣ, однако же, ему былъ возвращенъ чинъ полковника, и онъ въ то время, когда я его встрѣтилъ, состоялъ въ этомъ чинѣ, не имѣя никакой команды. Онъ увѣрилъ меня, что наканунѣ былъ у командира казачьяго полка, который я отыскивалъ, но что этотъ полкъ снялся съ того мѣста, гдѣ былъ расположенъ и пошелъ по дорогѣ, которую Мельниковъ мнѣ указалъ. Я проѣхалъ согласно его указанію верстъ десять и перегналъ шедшій по этой дорогѣ пѣхотный корпусъ. Опередивъ его и не встрѣчая болѣе никакихъ войскъ, я подъѣхалъ къ постоялому двору, устроенному на пригоркѣ надъ большою дорогою, и спросилъ стоявшихъ передъ

постоялымъ дворомъ о томъ, какъ проѣхать въ деревню, при которой устраивалась переправа черезъ р. Шою. Содержатель постоялаго двора отвѣчалъ по-нѣмецки, что будетъ говорить со мною только при условіи, чтобы я подъѣхалъ къ нему одинъ, оставивъ сопровождавшаго меня казака на дорогѣ. Когда я исполнилъ его требованіе, онъ мнѣ сказалъ, что я долженъ вернуться по той же дорогѣ, по которой пріѣхалъ. Не желая на такомъ большомъ протяженіи глотать снова дорожную пыль, производимую движущимися войсками, и изъ опасенія, что они будутъ разспрашивать, куда я ѣздилъ и откуда такъ скоро возвращаюсь, я сказалъ содержателю постоялаго двора, что между его дворомъ и деревнею, въ которую я слѣдую, должна быть кратчайшая проселочная дорога. Сначала онъ утверждалъ, что нѣтъ такой дороги, а потомъ сказалъ, что есть тропинка, по которой трудно проѣхать даже верхомъ. Я рѣшился ѣхать по этой тропинкѣ, но чтобы не сбиться съ пути, требовалъ, чтобы со мною отпустили рабочаго съ постоялаго двора, которому обѣщался заплатить. Съ трудомъ согласился на это рабочій, говорившій только по-венгерски. Всю дорогу онъ шелъ со мною босой и вдали отъ меня, боясь казака и постоянно на него указывая. Казаку также видимо хотѣлось меня оставить одного, и онъ не дѣлалъ этого только изъ опасенія не найти дороги въ свой полкъ. Мы ѣхали большею частью лѣсомъ, то поднимаясь на возвышенія, то спускаясь въ долины, въ которыхъ находили сотни венгерцевъ, скрывшихся со своими стадами въ лѣса передъ проходомъ нашихъ войскъ. Меня никто не останавливалъ, и большая часть венгерцевъ передо мною снимали шапки.

Ясное доказательство, что народной войны въ Венгріи не было. Та часть Венгріи, по которой проходили наши войска, населена мадьярами и разными славянскими плѣнниками, преимущественно словаками. Мадьяры, конечно, относились къ намъ недружелюбно, но и не враждебно. Словаки же выказывали радость при встрѣчѣ съ одноплеменниками, звуки языка которыхъ были для нихъ родственные.

Внутренность избъ какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ была очень похожа на внутренность избъ нашихъ малороссовъ. Но замѣтно было, что славянскія селенія, находившіяся рядомъ съ мадьярскими, были гораздо бѣднѣе послѣднихъ. Нѣкоторые относили это къ врожденной безпечности Славянъ, но, кажется, причину этого слѣдуетъ искать въ тѣхъ льготахъ, которыми мадьяры пользовались отъ своего правительства, и въ тѣхъ стѣсненіяхъ, которыя тоже правительство налагало на Славянскія племена.

Поздно вечеромъ пріѣхалъ я въ деревню, гдѣ были расположены нашъ понтонный паркъ и прикрывавшіе его уланы.

Я присутствовалъ при наведеніи понтоновъ. При мнѣ нѣсколько саперовъ заболѣли сильною холерою; лекаря не было для оказанія помощи заболѣвшимъ. По пріѣздѣ на другой день рано утромъ въ главную квартиру, я разбудилъ Горчакова, который приказалъ мнѣ, какъ и въ первый разъ, прійти къ нему въ 8 час. утра. Узнавъ отъ меня, между прочимъ, и о

томъ, что заболѣвающіе въ отрядѣ, который я осматривалъ, лишены медицинской помощи, онъ замѣтилъ это генералъ-штабъ-доктору арміи Четыркину, который въ продолженіе всего похода не могъ мнѣ простить этого донесенія Горчакову.

При возвращеніи моемъ съ Шои ночью мимо войскъ 2-го пѣхотнаго корпуса, я ѣхалъ одинъ безъ казака, отпущеннаго мною въ полкъ для перемѣны бѣлья. Никто меня не опрашивалъ о томъ, кто я и куда ѣду, что показываетъ, какъ дурно исполнялась аванпостная служба. Я вошелъ въ спальню Горчакова, никѣмъ не остановленный и никѣмъ неопрошенный.

По значительности ширины р. Шои въ мѣстѣ устройства переправы, предполагалось послать для наведенія моста оба понтонные парка: русскій и австрійскій. Передъ выступленіемъ ихъ изъ Мискольца, имъ произведенъ былъ смотръ въ присутствіи находившагося при нашей арміи австрійскаго фельдмаршалъ-лейтенанта. Лошади нашего парка были въ отличномъ состояніи, тогда какъ нѣкоторыя повозки австрійскаго парка были запряжены волами, пріобрѣтенными вмѣсто павшихъ лошадей; остававшіяся же лошади были сильно истощены, вслѣдствіе этого рѣшено было на р. Шою послать одинъ русскій паркъ. Положеніе австрійскаго понтоннаго парка, повидимому, нисколько не поражало упомянутаго фельдмаршалъ-лейтенанта. Въ остальное время венгерской кампаніи много лошадей австрійскаго парка пришли въ совершенную негодность, тогда какъ лошади русскаго парка, бывшаго въ большемъ употребленіи, хорошо выдержали всю кампанію. Это объясняли мнѣ тѣмъ, что тогда не было въ австрійскомъ паркѣ одного общаго начальника, а что понтоны были подчинены инженерному офицеру, нижніе чины при паркѣ линейному офицеру, а лошади фурштадтскому, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько фурлейтовъ, обязанныхъ ходить за лошадьми, для чего число ихъ было недостаточно, и лошади были безъ надлежащаго ухода, тогда какъ нижніе чины русскаго парка, по приходѣ на стоянку, прежде всего заботились о лошадяхъ, а послѣ уже о себѣ.

Въ формулярномъ о службѣ моей спискѣ сказано: «Во время этой (венгерской) кампаніи, по приказанію генералъ-фельдмаршала, находился 26 и 27 іюня при устройствѣ моста черезъ р. Гернатъ(?) у деревни Пого, для слѣдовавшаго къ арміи 4-го пѣхотнаго корпуса изъ Дебречина». Не знаю, почему записано въ формулярѣ только одно это порученіе, а не записано другихъ, которыя мнѣ давали во время войны. Впрочемъ, они были столь же не важны, и я не буду ихъ описывать.

24-го іюня мнѣ дано было предписаніе состоять при исправляющемъ должность дежурнаго генерала арміи, генералъ-маіорѣ Заболоцкомъ. Это предписаніе было безполезно и по формѣ и по существу дѣла. Въ «Положеніи о дѣйствующей арміи въ военное время» были опредѣлены обязанности инспектора военныхъ сообщеній, который подчинялся дежурному генералу, слѣдовательно нечего было меня назначать состоять при немъ.

Но на меня не было возложено исполненія означенныхъ обязанностей и вообще я отъ генерала Заболоцкаго никакихъ порученій не имѣлъ, а постоянно ихъ получалъ отъ Горчакова, а иногда отъ фельдмаршала, такъ что предписаніе отъ 24 іюня осталось втунѣ.

«Положеніемъ о дѣйствующей арміи въ военное время» разрѣшалось имѣть повозки для вещей только генераламъ и тѣмъ полковникамъ, которые завѣдуютъ отдѣльными частями. Инспекторъ военныхъ сообщеній хотя и завѣдываетъ отдѣльною частію, но такъ какъ я былъ тогда подполковникомъ, то дежурный генералъ не согласился разрѣшить мнѣ имѣть повозку; положить же мои вещи во вьюки было затруднительно.

Горчаковъ по просьбѣ моей разрѣшилъ, чтобы я имѣлъ повозку, считая это за исключеніе изъ правила. Каково же было мое удивленіе, когда, при объявленіи внезапнаго движенія изъ Гайтвана къ Вейцену, приказано было бригаднымъ генераламъ и всѣмъ полковникамъ оставить повозки въ Гайтванѣ и взять съ собою только вьючныхъ лошадей; въ спискѣ же тѣхъ, которые имѣютъ право имѣть при себѣ повозки, былъ назначенъ и инспекторъ военныхъ сообщеній.

Въ бытность главной квартиры арміи въ Мискольцѣ я купилъ себѣ верховыхъ и упряжныхъ лошадей. Послѣднихъ купилъ я у калужскихъ крестьянъ, привезшихъ какія-то принадлежности для арміи. Фельдмаршалъ, проходя по улицѣ, заговорилъ съ ними и, получая умные отвѣты, замѣтилъ, что во всемъ управляемомъ имъ Царствѣ Польскомъ нѣтъ такихъ умныхъ и развязныхъ крестьянъ.

Противъ оконъ квартиры Бевада въ Мискольцѣ, въ которой я жилъ, былъ переулокъ; въ него заворачивали всѣ фуры съ принадлежностями для арміи и съ больными съ тѣмъ, чтобы не безпокоить фельдмаршала, который помѣщался въ домѣ, отстоявшемъ въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ нашей квартиры. Фуры съ больными, по случаю сильно свирѣпствовавшей холеры, были переполнены, такъ что, при довольно крутомъ поворотѣ съ нашей улицы въ переулокъ, больные иногда падали изъ тѣлегъ. Вообще обращалось мало вниманія на здоровье и хорошую пищу нижнихъ чиновъ.

Одежда ихъ была также очень неудобна. Недавно введенныя въ арміи каски ссохлись отъ жары и не держались на головахъ солдатъ, такъ что имъ приходилось поддерживать каски руками. Тесаки, совершенно безполезное оружіе, били солдатъ по ляжкамъ, такъ что при длинныхъ переходахъ оказывались на ляжкахъ синяки и даже раны. Бѣлые штаны безпрестанно пачкались, и такъ какъ по вступленіи въ города бывали обыкновенно церковные парады, при которыхъ провозглашалось воцареніе незадолго передъ тѣмъ свергнутаго революціоннымъ правительствомъ императора Франца-Іосифа, то необходимо было къ параду вымыть бѣлые штаны, которые часто надѣвались не высушенными, что еще болѣе увеличивало жертвы эпидеміи. По приходѣ въ городъ, высохшія отъ жары каски ставились въ ручей для того, чтобы возможно было, когда онѣ отсырѣютъ, надѣть ихъ на головы.

Общества въ арміи я не имѣлъ никакого. Военныхъ инженеровъ было очень мало и я никого изъ нихъ не зналъ. Офицеры генеральнаго штаба показались мнѣ необыкновенно высокомѣрными, хотя мало знающими и еще менѣе радѣющими объ исполненіи своихъ обязанностей. Впрочемъ, я очень радъ, что не попалъ въ ихъ общество, потому что многіе изъ нихъ пили, что называется, мертвую чашу.. Если бы не общество Бевада, то я не зналъ бы, что дѣлать отъ скуки. Бывалъ я еще иногда у генералъ-квартирмейстера арміи Фрейтага, умнаго и пріятнаго въ обращеніи. Только позже я видался часто съ Анрепомъ и гусарскимъ маіоромъ княземъ Лобановымъ, котораго зналъ прежде, а черезъ него сошелся съ кружкомъ генераловъ Свиты Его Величества и флигель-адъютантовъ, которые постоянно смѣнялись, посылаемые для перевозки донесеній фельдмаршала къ Государю, жившему въ Варшавѣ. Въ этомъ кружкѣ постоянно осуждали всѣ дѣйствія фельдмаршала и бранили его безпощадно; въ особенности этимъ отличался князь Лобановъ, женившійся впослѣдствіи на дочери фельдмаршала.

При переходахъ я обыкновенно ѣхалъ верхомъ подлѣ Анрепа, котораго сопровождалъ полковникъ Хрулевъ (впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, столь извѣстный по Севастопольской оборонѣ), исправлявшій при Анрепѣ должность начальника штаба въ бытность послѣдняго начальникомъ авангарда арміи.

Въ одинъ изъ переходовъ намъ послышался невдалекѣ отъ насъ шумъ, подобный движенію войскъ. Мы вообразили, что это отрядъ венгерскихъ войскъ, и Хрулевъ немедленно поскакалъ въ сторону, гдѣ слышенъ былъ шумъ, и такъ шибко, что бывшіе при насъ казаки не успѣли догнать его. Хрулевъ, воротясь, сказалъ, что это идутъ обозы съ принадлежностями для нашей арміи.

На стоянкахъ мы часто нуждались въ съѣстныхъ припасахъ, такъ какъ положенныя порціи для офицеровъ и фуражъ на лошадей не всегда имѣлись въ достаточномъ количествѣ при главной квартирѣ арміи; маркитанты же явились въ армію очень поздно. Вина вездѣ было достаточно и бывшій со мной слуга Аркадій, братъ умершей въ Петербургѣ холерою служанки моей жены, отъ нездоровой пищи или отъ излишней выпивки, заболѣлъ было холерою, но мнѣ удалось, съ помощію военныхъ врачей, его вылечить.

Въ тѣ дни, въ которые намъ не отпускалось изъ магазина главной квартиры ни съѣстныхъ припасовъ для меня и слуги моего, ни фуража для лошадей, все это пріобрѣталось по весьма высокимъ цѣнамъ на собственныя средства и впослѣдствіи эти деньги не возвращались на томъ основаніи, что вѣдь прожили и безъ отпуска положенныхъ по закону припасовъ. Фуражъ отпускался не по положенію, а по числу дѣйствительно имѣвшихся налицо лошадей, конечно, когда ихъ было не болѣе назначеннаго по положенію.

Эти лишенія, которыя были еще большими у фронтовыхъ офицеровъ,

а также крайняя распущенность, были причиною того, что наши войска предавались непозволительному грабежу.

Нижніе чины въ этомъ поддерживались тѣмъ, что офицеры покупали у нихъ ими награбленное. Главные грабители были чины конвоя фельдмаршала съ своимъ начальникомъ, котораго прозвали въ арміи Максимка-воръ. Онъ изъ Вейцена повезъ на лошадяхъ и на ослахъ цѣлыя фуры награбленнаго. Число ословъ при арміи ежедневно увеличивалось, а сильная холера выхватывала много людей, и мы въ шутку говорили, что вся наша армія скоро преобразуется въ ословъ. Грабежи дошли до того, что въ Вейценѣ нижніе чины конвоя фельдмаршала ограбили погреба, находившіеся на дворѣ имъ занимаемаго дома.

При проходѣ моемъ по улицѣ Вейцена, я видѣлъ кондитерскія лавки съ разбитыми зеркалами и посудою. Услыхавъ въ одномъ домѣ крики людей, просившихъ помощи, я вошелъ въ этотъ домъ, въ которомъ нашелъ нѣсколько нижнихъ чиновъ изъ конвоя фельдмаршала съ обнаженными кинжалами, которыми они угрожали хозяевамъ дома въ то время, какъ другіе вынимали разное добро изъ поломанныхъ ими сундуковъ и ящиковъ. Я приказалъ нижнимъ чинамъ сейчасъ выйти изъ дома, что они неохотно исполнили послѣ моихъ угрозъ и когда я объявилъ имъ, что не выйду изъ дома прежде ихъ.

Когда я объ этомъ передалъ коменданту главной квартиры Бевaду, онъ послалъ въ означенный домъ жандарма для его охраненія. Во время нашего обратнаго движенія изъ г. Вейцена, мы видѣли, что нѣкоторые дома селеній, казавшіеся довольно богатыми при первомъ нашемъ проходѣ, были совершенно разорены. Даже перины и подушки были распороты, такъ что мѣстами улицы селеній были покрыты пухомъ, точно снѣгомъ, и это буквально безъ всякаго преувеличенія.

Вступленіе наше въ Дебречинъ, въ который мы вошли послѣ сраженія, сопровождалось не только грабежомъ, но даже звѣрствомъ, произведеннымъ мусульманами, находившимися въ конвоѣ фельдмаршала. Жители Дебречина тѣмъ менѣе могли ожидать такого грабежа и звѣрства, со стороны русскаго войска, что при первомъ занятіи этого города 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, въ немъ сохраненъ былъ совершенный порядокъ.

Комендантъ главной квартиры арміи Бевадъ принималъ зависѣвшія отъ него мѣры къ прекращенію грабежа, но что могъ онъ сдѣлать, когда самъ фельдмаршалъ неоднократно запрещалъ ему и, между прочимъ, въ Вейценѣ, по разграбленіи погребовъ на дворѣ занимаемаго имъ дома, строго взыскивать съ нижнихъ чиновъ, пойманныхъ въ грабежѣ. Конечно, нѣтъ въ мірѣ солдатъ, добродушнѣе русскихъ, они же отличаются и безпрекословнымъ послушаніемъ. Но распущенность со стороны начальства довела и этихъ добродушныхъ и послушныхъ солдатъ до неслыханнаго грабежа, въ которомъ ему служили примѣромъ мусульмане изъ конвоя фельдмаршала.

Между тѣмъ, въ высшей сферѣ арміи всѣ роптали на допущеніе ниж-

нихъ чиновъ къ грабежу, и между прочимъ, высказывалъ свое неудовольствіе великій князь Константинъ Николаевичъ, дѣлавшій походъ въ Венгрію. Объ его отзывахъ я зналъ черезъ графа Н. А. Орлова (впослѣдствіи князя и посла въ Парижѣ). Слухи объ этомъ ропотѣ доходили до фельдмаршала и онъ, желая обвинить младшихъ въ допущеніи грабежа, нападалъ на это безъ толку на кого случится и между прочимъ очень безцеремонно обошелся съ Анрепомъ, который также часто жаловался на грабежи, и его жалобы дошли до фельдмаршала. Наконецъ, вѣсти о грабежахъ русской арміи дошли до Государя, и фельдмаршалъ получилъ повелѣніе не медля ихъ прекратить. Это повелѣніе было передано всѣмъ отдѣльнымъ начальникамъ съ угрозою, что фельдмаршалъ взыщетъ съ того изъ нихъ, подчиненный котораго попадется въ грабежѣ. Съ этой минуты грабежи прекратились, что ясно доказываетъ истину, что нѣтъ на свѣтѣ солдата добродушнѣе и послушнѣе русскаго.

Выходы наши изъ селеній, въ которыхъ мы остановились для ночлега, бывали бо́льшею частію въ послѣобѣденное время, потому что ранѣе не могли добиться отъ фельдмаршала приказаній о выступѣ. Это вовсе не дѣлалось съ цѣлью избѣжать похода во время жары: объ этомъ никто не думалъ. Такіе поздніе выступы относили къ дурному расположенію, въ которомъ фельдмаршалъ находился каждое утро, и которое приписывали безсоннымъ ночамъ, проводимымъ имъ съ распутными женщинами, заготовляемыми для него на каждой станціи состоявшимъ при главной квартирѣ арміи коллежскимъ совѣтникомъ Грассомъ (служившимъ впослѣдствіи въ полиціи въ Петербургѣ, явной или тайной, не знаю).

Грассу отводилось обыкновенно лучшее положеніе, такъ какъ фельдмаршалъ часто проводилъ ночи у него. При назначеніи квартиры въ городахъ и селеніяхъ для лицъ главной квартиры, ихъ званія и имена писались на воротахъ и дверяхъ сокращенно; на дверяхъ же дома, отведеннаго Грассу, красовалась обыкновенно длинная надпись: «Помѣщеніе, отведенное коллежскому совѣтнику Грассу». Многіе не могли понять, почему этому господину дѣлается бо́льшій почетъ, чѣмъ многимъ заслуженнымъ генераламъ.

Я почти никогда не видалъ фельдмаршала, но и въ тѣ рѣдкіе случаи, когда встрѣчалъ его на улицахъ, могъ замѣтить его страхъ потерять репутацію при слухѣ о томъ, что гдѣ-то вблизи нашихъ двухъ пѣхотныхъ корпусовъ появилось нѣсколько батальоновъ гонведовъ. Конечно, онъ былъ лично храбръ, но трусость и нерѣшительность, выказывавшіяся размахиваніемъ рукъ и отрывистымъ произношеніемъ нѣсколькихъ словъ по-французски, происходили отъ опасенія потерять свою огромную репутацію.

1-го іюля, во время молебна, при которомъ находились всѣ высшіе чины, по случаю дня рожденія Императрицы, пріѣхалъ полковникъ графъ Адлербергъ 3 (Николай Владиміровичъ, впослѣдствіи Финляндскій генералъ-губернаторъ и генералъ-отъ-инфантеріи) съ извѣстіемъ о занятіи

имъ Песта съ нѣсколькими сотнями казаковъ безъ всякаго сопротивленія. Это, видимо, обрадовало фельдмаршала.

Бевадъ и Затлеръ, исправлявшій должность генералъ-провіантмейстера, были оба чрезвычайно вспыльчивы. По происшедшему между ними недоразумѣнію, они вызвали другъ друга на дуэль; я съ трудомъ ихъ убѣдилъ, что имъ не изъ-за-чего драться, а тѣмъ болѣе во время войны. Бевадъ былъ человѣкъ добрый, но, по своему малому образованію и вспыльчивости, самовольно подвергалъ тѣлеснымъ наказаніямъ мирныхъ жителей занимаемыхъ нами городовъ и селеній за проступки, которые весьма часто представлялись таковыми только Беваду.

3-го іюля вечеромъ, въ бытность главной квартиры въ Гайтванѣ, разослано было повелѣніе немедля выступить къ Вайцену, откуда было получено извѣстіе, что генералъ-лейтенантъ Зассъ, посланный для розысканія направленія арміи Гёргея, завязалъ съ нею дѣло, при чемъ, по малочисленности нашего отряда, потерпѣлъ пораженіе и въ особенности большую потерю артиллеристовъ. Я всю ночь проѣхалъ съ походнымъ казачьимъ атаманомъ генералъ-лейтенантомъ Верзилинымъ, который жаловался на нездоровье. Верзилинъ былъ со мною въ свойствѣ. Въ его домѣ въ Пятигорскѣ произошла ссора поэта Лермонтова и Николая Соломоновича Мартынова, слѣдствіемъ которой была между ними дуэль и смерть поэта.

Передъ Вайценомъ стояла 40-тысячная армія Гёргея, которую предполагалось атаковать. Наша главная квартира остановилась въ нѣсколькихъ верстахъ, не доходя Вайцена, въ деревнѣ, въ которой не было достаточнаго помѣщенія для всѣхъ чиновъ главной квартиры. Помѣстивъ Верзилина въ избѣ, я легъ спать на землѣ подъ открытымъ небомъ. Только къ слѣдующей ночи мнѣ устроили шалашикъ изъ древесныхъ вѣтвей. На другой день нашего прихода въ эту деревню Верзилинъ умеръ. Въ день вступленія нашихъ войскъ въ г. Вайценъ, я похоронилъ его тѣло вблизи церкви означенной деревни.

4-го іюля утромъ я заходилъ въ сараи, въ которыхъ были расположены наши нижніе чины, раненые наканунѣ въ дѣлѣ, въ которое такъ некстати вступилъ Зассъ со своимъ небольшимъ отрядомъ противъ арміи Гёргея. Раненыхъ было нѣсколько сотъ человѣкъ и болѣе всего артиллеристовъ. Увѣчья были ужасныя: у иныхъ не было обѣихъ рукъ, у другихъ обѣихъ ногъ и т. п. Я въ первый разъ видѣлъ такую массу столько тяжко раненыхъ людей и понятно, какое горькое впечатлѣніе производилъ на меня ихъ видъ.

По осмотрѣ этой юдоли печали, я отправился въ передовую линію, участвовалъ въ этотъ день въ перестрѣлкѣ съ войсками Гёргея, и на другой день, 5-го іюля, въ сраженіи передъ Вайценомъ, которое заставило Гёргея отступить, а намъ открыло свободный входъ въ городъ. Для преслѣдованія Гёргея, отступавшаго къ сѣверу, былъ посланъ небольшой кавалерійскій отрядъ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Анрепа, а

главныя силы 2-го и 3-го пѣхотныхъ корпусовъ пошли обратно къ Гайтвану и оттуда къ Тисса-фюрсту.

При послѣднемъ мѣстѣ назначено было перейти на лѣвый берегъ р. Тейса, на которой полагалось устроить мосты изъ русскаго и австрійскаго понтонныхъ парковъ. Для устройства этой переправы былъ посланъ Горчаковъ, которому генералъ-маіоръ Герстфельдъ предлагалъ взять меня съ собою. Горчаковъ отвѣчалъ, что я имѣю особое порученіе, изъ котораго еще не вернулся. Когда же я явился къ Горчакову, по окончаніи этого порученія, то онъ забылъ приказать мнѣ находиться при устройствѣ переправы черезъ Тейсъ, и такимъ образомъ я при этомъ не былъ.

Впрочемъ, это дѣло, которое по реляціи кажется весьма важнымъ, не представляло, по разсказамъ очевидцевъ, ничего особеннаго. По наведеніи мостовъ, былъ посланъ на лѣвый берегъ Тейса отрядъ съ орудіями, который послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ занялъ м. Тисса-фюрстъ.

Въ темный вечеръ въ отрядѣ Горчакова на правомъ берегу Тейса было смятеніе: своихъ гусаръ приняли за венгерскихъ, вступили въ рукопашный бой и нѣсколько человѣкъ было ранено прежде, чѣмъ замѣтили ошибку. Мнѣ разсказывали, что Герстфельдъ въ то время очень дурно говорилъ по-русски, погонялъ нагайкою австрійскихъ солдатъ, не хотѣвшихъ при наводѣ мостовъ итти въ воду, при чемъ ругалъ ихъ и съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ называлъ ихъ проклятыми нѣмцами. Горчаковъ за устройство переправы получилъ Андрея Первозваннаго, а Герстфельдъ за участіе въ этомъ дѣлѣ шпагу, усыпанную брилліантами.

По наведеніи мостовъ черезъ Тейсъ, 2-ой и 3-ій корпуса перешли въ Тисса-фюрстъ. Здѣсь нашли мы нѣсколько сильно израненныхъ сабельными ударами нашихъ уланскихъ нижнихъ чиновъ. Изъ разспросовъ оказалось, что, когда ихъ полкъ былъ расположенъ на правомъ берегу р. Тейса еще до прихода Горчакова съ отрядомъ, они въ числѣ до 20 человѣкъ ходили для водопоя лошадей и вдругъ были окружены сотнею венгерскихъ гусаръ. Начальствовавшій ими корнетъ польскаго происхожденія приказалъ сдаться, но ихъ унтеръ-офицеръ приказалъ сѣсть на лошадей и защищаться. Въ этомъ рукопашномъ бою всѣ они были страшно изрублены, многіе оставались на мѣстѣ мертвыми, живые же перевезены въ Тисса-фюрстъ.

По взятіи въ плѣнъ офицера, командовавшаго венгерскими гусарами, окружившими уланъ, при немъ найдено было письмо нашего уланскаго корнета, изъ котораго видно было, что послѣдній предварялъ венгерскаго офицера о желаніи своемъ передаться Венгерскому правительству, но что, во избѣжаніе отвѣтственности за побѣгъ изъ арміи, онъ хотѣлъ сдаться военно-плѣннымъ и приглашалъ венгерскаго офицера окружить его и командуемыхъ имъ нижнихъ чиновъ во время водопоя.

По сдачѣ Гёргея, означенный уланскій офицеръ явился въ Гроссъ-Варденѣ въ нашу главную квартиру къ коменданту ея Бевaду, не заставъ котораго онъ объяснилъ мнѣ, такъ какъ я въ Гроссъ-Варденѣ жилъ вмѣстѣ съ Бевадомъ, о томъ, какъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ. Я сказалъ ему,

чтобы онъ подождалъ Бевада, который, возвратясь немедля, отправилъ его на гауптвахту, и онъ въ тотъ же день преданъ военному суду, по рѣшенію котораго на другой день разстрѣлянъ, хотя умолялъ, чтобы уговорили фельдмаршала не лишать его жизни.

Это былъ очень высокій, статный молодой человѣкъ, красивой наружности. Оказалось, что послѣ сдѣланной имъ измѣны, которая стоила жизни нѣсколькимъ солдатамъ, онъ являлся къ Гёргею, но послѣдній не принялъ его, какъ измѣнника, и онъ отправился въ венгерскій отрядъ, бывшій подъ начальствомъ Бема, а по разсѣяніи этого отряда, не зная куда приклонить голову, рѣшился явиться въ нашу главную квартиру и объявить себя воротившимся изъ плѣна въ увѣренности, что у насъ ничего не знаютъ объ его измѣнѣ.

Въ Тисса-фюрстѣ было получено извѣстіе, что Гёргей прошелъ мимо 4-го пѣхотнаго корпуса на большую дорогу, ведущую въ Мискольцъ, въ которомъ оставались наши лазареты и разныя принадлежности арміи; объ отрядѣ же генералъ-адъютанта Граббе долго не было извѣстій. Фельдмаршалъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено: снять одинъ изъ мостовъ, устроенныхъ при Тисса-фюрстъ, и навести его выше по Тейсу при с. Цеге, куда перейти 2-му и 3-му пѣхотнымъ корпусамъ, затѣмъ, притянувъ къ себѣ чрезъ означенный мостъ войска 4-го пѣхотнаго корпуса, со всѣми этими корпусами итти на Гёргея.

Саперы, измученные снятіемъ моста у Тисса-фюрста, въ страшный жаръ перешли въ Цеге, гдѣ немедля устроили мостъ. Я уже говорилъ, что никто въ главной квартирѣ не заботился объ инженерныхъ войскахъ, которыя часто безполезно были черезъ силу утомляемы. По переходѣ главныхъ силъ къ с. Цеге, въ то время, какъ мы ожидали перехода черезъ наведенный мостъ 4-го пѣхотнаго корпуса, неожиданно было получено приказаніе, по обыкновенію около 4-хъ часовъ вечера, всѣмъ главнымъ силамъ перейти на правый берегъ р. Тейса. Артиллерійскія орудія, обозы, пѣхота, кавалерія, все это такъ столпилось на мосту, что прекратилось всякое движеніе. Задержка увеличивалась еще черезъ то, что на лѣвомъ берегу рѣки Тейса передъ самымъ въѣздомъ на мостъ оказались ключистыя мѣста, въ которыхъ завязали тяжелыя повозки.

Въ это время подъѣхалъ къ мосту фельдмаршалъ. Недовольный безпорядкомъ, онъ накинулся на исправлявшаго должность начальника инженеровъ генералъ-лейтенанта Сорокина, котораго обругалъ самымъ грубымъ и неприличнымъ образомъ, заключивъ слѣдующими словами:

— Если тебѣ это не нравится, такъ отправляйся въ Петербургъ.

Потомъ фельдмаршалъ накинулся на начальника штаба князя Горчакова, въ грубыхъ выраженіяхъ упрекая его, что онъ ни за чѣмъ не смотритъ. Когда движеніе по мосту было приведено въ порядокъ, такъ что фельдмаршалъ могъ проѣхать, по мосту проѣхало нѣсколько фуръ одинаковаго устройства. Фельдмаршалъ спросилъ, чьи это фуры, и когда ему объяснили, что онѣ принадлежатъ великому князю Константину Николае-

вичу, онъ съ видимымъ неудовольствіемъ отнесся о немъ, замѣтивъ при этомъ, что никому не слѣдуетъ имѣть такъ много фуръ.

Въ главной квартирѣ всѣхъ поразило приказаніе перейти на правый берегъ р. Тейса, тогда какъ не задолго передъ этимъ придавали такую важность нашему занятію лѣваго берега. Увидя генералъ-квартирмейстера арміи Фрейтага, я его спросилъ, куда мы идемъ. Онъ вмѣсто отвѣта пожималъ только плечами. Оказалось, что фельдмаршалъ, долго не получая никакого извѣстія изъ отряда Граббе, думалъ, что послѣдній и армія Гёргея стоятъ еще около Мискольца и что онъ успѣетъ отрѣзать отступленіе Гёргея къ Токаю. Между тѣмъ, почти всѣмъ было извѣстно, что Гёргей уже отступилъ за Токай по направленію къ Дебречину.

Войска долго шли въ темнотѣ. Фельдмаршалъ поѣхалъ впередъ въ экипажѣ. Около полуночи мимо той части войскъ, къ которой я присталъ, проскакалъ казачій офицеръ, кричавшій:

— Назадъ, назадъ; фельдмаршалъ приказалъ итти назадъ.

Онъ вскорѣ скрылся изъ глазъ и ничего болѣе нельзя было узнать отъ него; вѣроятно, онъ и не могъ бы ничего объяснить. Войска пошли обратно, но я, очень усталый, рѣшился съ нѣсколькими штабными офицерами отдохнуть въ ближайшей деревнѣ.

Проснувшись утромъ, мы узнали, что всѣ войска воротились и фельдмаршалъ проѣхалъ въ Цеге. Это обратное движеніе было слѣдствіемъ того, что онъ на дорогѣ удостовѣрился въ томъ, что Гёргей давно удалился изъ окрестности Мискольца.

О нашемъ переходѣ изъ Цеге на правую сторону р. Тейса фельдмаршалъ не доносилъ Государю, узнавшему объ этомъ переходѣ только изъ письма великаго князя Константина Николаевича, написаннаго въ одной изъ деревень, лежащихъ на правой сторонѣ Тейса, въ которой его высочество останавливался для отдыха.

20-го іюля изъ Цеге 2-ой и 3-ій пѣхотные корпуса и часть 4-го двинулись на Уйварошъ по направленію къ Дебречину, гдѣ надѣялись еще захватить армію Гёргея. Было чрезвычайно жарко, небо чистое и ни одного облачка. Я ѣхалъ рядомъ съ Герстфельдомъ и, шутя, говорилъ ему, что Илья пророкъ позабылъ насъ и не намѣренъ прокатиться. Не прошло получаса, какъ все небо покрылось тучами; началась страшная гроза и дождь съ вѣтромъ, такъ что лошади не двигались съ мѣста. Герстфельдъ со мною и другими офицерами скрылись подъ какой-то навѣсъ и, когда дождь уменьшился, поѣхали далѣе. Дождь успѣлъ промочить почву до того, что наши верховыя лошади едва вытаскивали изъ нея ноги, а артиллерія, обозы и наши повозки завязли въ грязи такъ, что моя легкая повозка прибыла въ Уйварошъ только съ разсвѣтомъ, часовъ на шесть позже меня.

Въ это время воротились посланные изъ Уйвароша развѣдчики изъ казаковъ, въ числѣ которыхъ были и раненые. Они увѣряли, что подъ Дебречиномъ стоитъ видимо невидимо непріятельскаго войска. Вслѣдствіе этого нашимъ войскамъ приказано было немедля двинуться къ Дебречину

такъ, чтобы быть готовыми вступить въ сраженіе. Мнѣ приказано было слѣдовать за фельдмаршаломъ, на случай надобности въ устройствѣ вышки, съ которой онъ могъ бы видѣть сраженіе. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дебречина, фельдмаршалъ остановился на возвышенности, съ которой можно было видѣть Дебречинъ и расположенныя передъ нимъ венгерскія войска, и, подозвавъ къ себѣ генералъ-квартирмейстера Фрейтага, производившаго рекогносцировку, спросилъ его о числѣ непріятельскихъ войскъ. Фрейтагъ отвѣчалъ, что ихъ около 10 тысячъ. Фельдмаршалъ, видимо недовольный этимъ отвѣтомъ, сказалъ, что ихъ гораздо болѣе и при этомъ случаѣ дерзко отозвался объ офицерахъ генеральнаго штаба.

Началось артиллерійское дѣло. Я поѣхалъ на перевязочный пунктъ, чтобы позавтракать. Ко мнѣ подошли завтракать со мною два австрійскіе офицеры и прежде бывавшіе у Бевада. Я замѣтилъ, что они стали обходиться между собою на болѣе церемонную ногу. Оказалось, что одинъ изъ нихъ произведенъ былъ въ штабъ-офицеры, тогда какъ другой остался ротмистромъ. Впрочемъ, впослѣдствіи я не замѣчалъ въ австрійской арміи этого чинопочитанія внѣ службы, столь сильно развитаго въ прусскихъ войскахъ.

Во время моего завтрака принесли на перевязочный пунктъ командира 2-го пѣхотнаго корпуса генерала Купріянова, которому ядромъ оторвало ногу; немедля произведена была ему операція.

Послѣ нашей атаки праваго фланга венгерскихъ войскъ, они отступили по дорогѣ, проложенной передъ Дебречиномъ, такъ что они прошли между городомъ и нашими войсками, именно кавалерійскою дивизіею генералъ-лейтенанта Глазенапа. Если бы эта дивизія, спрятанная въ кукурузѣ, напала на бѣгущихъ венгерцевъ, то перехватила бы ихъ всѣхъ живьемъ. Вслѣдствіе бездѣйствія Глазенапа, появились карикатуры, въ которыхъ онъ былъ изображенъ въ кукурузномъ вѣнкѣ. Вообще его сильно обвиняли. Не берусь судить, до какой степени онъ виноватъ въ томъ, что согласно дислокаціи не тронулся изъ кукурузы, не получивъ на это приказанія отъ начальствующихъ лицъ, которые всѣ были отъ него въ самомъ близкомъ разстояніи.

Въ Дебречинъ я въѣхалъ 21 іюля въ сумерки. Поднимаясь въ городъ, я видѣлъ нѣсколько убитыхъ изъ мѣстныхъ жителей, вѣроятно, вышедшихъ изъ города ради любопытства или для вспомоществованія своимъ войскамъ. Никогда не забуду лежавшаго на дорогѣ убитаго старика съ красивымъ лицомъ, длинными распущенными сѣдыми волосами и съ распростертыми руками. Онъ былъ одѣтъ въ красной курткѣ и въ синихъ шароварахъ.

Въ Дебречинѣ мнѣ была назначена квартира на большой улицѣ, на которой стоялъ фельдмаршалъ, неподалеку отъ Бевада. Мой хозяинъ оказался зажиточный бургомистръ города, владѣлецъ близлежащаго имѣнія. Онъ меня принялъ очень хорошо, угостилъ прекраснымъ венгерскимъ виномъ, но извинялся въ томъ, что не имѣетъ ничего съѣстного и что на другой день также не въ состояніи накормить меня, такъ какъ, по приказанію со-

провождавшаго нашу армію комиссара австрійскаго правительства графа Зича, онъ представилъ всѣ имѣвшіяся у него деньги, въ видѣ ассигнацій (коссутокъ), въ слѣдовавшее съ нами австрійское казначейство. Представленіе коссутокъ требовалось во всѣхъ городахъ и селеніяхъ, въ которые входили наши войска, и они немедля уничтожались. Затѣмъ жители оставались совершенно безъ денегъ, пока за продаваемые намъ предметы не получали нашихъ ассигнацій, которымъ были очень рады.

Австрійское правительство ничего не давало взамѣнъ отобранныхъ имъ коссутокъ и впослѣдствіи ничѣмъ не вознаграждало пострадавшихъ.

Мой хозяинъ, чтобы не умереть съ голода, занялъ у меня нѣсколько рублей и на другой день, несмотря на мои отказы, упросилъ меня обѣдать за его столомъ. Онъ не говорилъ по-нѣмецки и намъ переводчицею служила женщина, жившая у него экономкою.

На другой день вступленія нашего въ Дебречинъ былъ парадъ войскъ и церковная служба, за которою тотъ же пасторъ, который незадолго передъ этимъ провозгласилъ установленіе республики, долженъ былъ провозгласить возстановленіе императора и по этому случаю говорилъ длинную рѣчь по-мадьярски, которую никто изъ насъ, сидѣвшихъ въ церкви, конечно, не понималъ: вѣроятно, она была предварительно процензурована.

Въ Дебречинѣ пришли къ намъ въ одинъ день 2-ой кавалерійскій корпусъ подъ командою генералъ-адъютанта Сакена (Дмитрія Ерофеевича, впослѣдствіи графа и члена Государственнаго Совѣта) и часть 4-го пѣхотнаго корпуса, остававшаяся на правомъ берегу р. Тейса. Войска Сакена, извѣстнаго педанта, вошли въ городъ въ необыкновенномъ порядкѣ: люди и лошади были до того вычищены, что могли бы пойти въ такомъ видѣ на парадъ въ Петербургъ.

Это педантство было очень тягостно для служащихъ подъ его начальствомъ. Но при этомъ надо сказать, что Сакенъ до того наблюдалъ порядокъ въ своемъ корпусѣ, что во все время его прохода по Венгріи былъ одинъ случай грабежа мѣстныхъ жителей и тотъ немедля былъ строго наказанъ. Новое доказательство того, что грабежи, производившіеся войсками 2-го и 3-го пѣхотныхъ корпусовъ, были допущены распущенностію нижнихъ чиновъ и невниманіемъ начальствующихъ лицъ. Паскевичъ съ давняго времени не любилъ Сакена, однакоже вышелъ навстрѣчу къ его войскамъ и обошелся съ ними ласково.

Не въ такомъ порядкѣ вошли войска 4-го пѣхотнаго корпуса подъ командою генерала Чеодаева. Онъ былъ очень дурно принятъ Паскевичемъ за то, что пропустилъ Гёргея у Мискольца, хотя многіе обвиняли въ этомъ штабъ арміи, изъ котораго ежедневно посылались Чеодаеву приказанія то приблизиться къ Мискольцу, то присоединиться къ главнымъ силамъ арміи, такъ что его войска двигались постоянно по одному протяженію, то въ одну, то въ другую сторону, какъ маятникъ. Исправляющимъ должность начальника штаба 4-го пѣхотнаго корпуса былъ полковникъ Веселиц-

кій, женатый на моей дальней родственницѣ Марьѣ Сергѣевнѣ Зуевой. Я немедля отправился къ нему и засталъ его очень разстроеннымъ, одѣтымъ въ обыкновенный армейскій сюртукъ, тогда какъ за полчаса передъ этимъ видѣлъ его изъ моихъ оконъ распоряжающимся въ мундирѣ генеральнаго штаба, на который онъ имѣлъ право по званію начальника корпуснаго штаба.

Онъ мнѣ сказалъ, что фельдмаршалъ его смѣнилъ съ должности, въ которую назначилъ Свиты Его Величества генералъ-маіора Глинку-Маврина (впослѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи и членъ военнаго совѣта). Веселицкій разсказалъ мнѣ причины неуспѣха войскъ 4-го корпуса въ сраженіи съ войскомъ Гёргея, но, несмотря на свой умъ, не успѣлъ увѣрить меня въ томъ, что начальники нашихъ войскъ исполнили все, какъ слѣдовало.

Въ Дебречинъ пріѣзжала къ Паскевичу депутація отъ Венгерскаго правительства съ предложеніемъ о переговорахъ. Паскевичъ не принялъ ее, сказавъ, что онъ присланъ для усмиренія мятежниковъ, а не для переговоровъ, съ которыми они могутъ обратиться къ главнокомандующимъ австрійскими войсками. Вслѣдствіе этого Коссутъ принужденъ былъ отказаться отъ диктаторства и диктаторомъ Венгріи провозглашенъ былъ главнокомандующій венгерскими войсками Гёргей, который вскорѣ прислалъ къ Паскевичу адъютанта маіора барона (фамиліи не помню) въ сопровожденіи 20 венгерскихъ гусаръ, чтобы испросить дозволеніе съ нимъ видѣться. Можно себѣ представить, до какой степени въ нашихъ войскахъ была дурно исполняема аванпостная служба и другія постановленія военнаго времени: означенный отрядъ гусаръ прошелъ мимо 2-го пѣхотнаго корпуса и другихъ нашихъ войскъ и прискакалъ къ воротамъ фельдмаршала въ Дебречинъ, такъ что начальникъ отряда былъ остановленъ только въ пріемной залѣ Паскевича. Впрочемъ, это можно объяснить сходствомъ мундировъ венгерскихъ гусаръ съ нашими.

1-го августа въ главной квартирѣ узнали, что Гёргей сдается безусловно и что командиръ 3-го пѣхотнаго корпуса графъ Ридигеръ прислалъ адресованное къ нему по этому случаю письмо Гёргея, съ котораго немедля разошлось много копій. Это письмо принадлежитъ исторіи, всѣ были ему чрезвычайно рады, но на меня оно легло тяжелымъ камнемъ: я не видалъ въ немъ безусловной покорности, которую Паскевичъ требовалъ отъ Гёргея. Послѣдній представлялъ участь своихъ подчиненныхъ весьма извѣстному (какъ онъ выразился) великодушію Его Величества Царя Русскаго. Меня тревожило, до какой степени, по заключенной между русскимъ и австрійскимъ императорами конвенціи, могъ первый изъ нихъ оказать свое великодушіе къ подчиненнымъ Гёргея.

Мнѣ казалось, что Паскевичъ не имѣлъ права, не спросивъ предварительно Государя, принять предложенную Гёргеемъ сдачу. Я полагалъ, что слѣдовало требовать отъ Гёргея, чтобы онъ не двигался съ мѣста въ продолженіе 8-ми дней, а между тѣмъ послать къ Государю въ Варшаву вопросъ, желаетъ ли онъ и можетъ ли оказать великодушіе, на которое

Гёргей столько надѣялся и, въ случаѣ нежеланія Государя или невозможности, требовать отъ Гёргея рѣшительно безусловной сдачи, а въ случаѣ отказа—вступить съ нимъ въ бой, результатъ котораго не могъ подлежать сомнѣнію. Всѣ тѣ, которымъ я выражалъ мои чувства и мнѣнія, не раздѣляли ихъ и нѣкоторые даже не понимали. На другой день мы узнали, что Гёргей съ 28 тысячами войска и 140 орудіями сдался графу Ридигеру при с. Виллаюсѣ. Главная наша квартира съ главными силами арміи двинулась въ Гроссъ-Варденъ.

Сдачу Гёргея не замедлили приписать измѣнѣ, но тѣ, которые были очевидцами описываемыхъ событій, конечно, понимали, что ему не оставалось болѣе никакихъ средствъ къ продолженію борьбы. Начальствуя необученнымъ, кое-какъ сформированнымъ войскомъ, при которомъ не было устроено правильнаго управленія для его продовольствія, онъ сумѣлъ уйти изъ Вайцена съ 40-тысячною арміею отъ русскихъ силъ, вдвое его сильнѣйшихъ. Впослѣдствіи, преслѣдуемый отрядомъ генерала Засса, смѣнившаго сначала посланный отрядъ генералъ-адъютанта Анрепа, онъ сумѣлъ не только избѣгнуть его, но пройти мимо русскаго 4-го пѣхотнаго корпуса и скрыть направленіе, по которому отступалъ, отъ генералъ-адъютанта Граббе, наступавшаго на него съ сѣвера, и отъ самого маршала, и весь этотъ переходъ до Гроссъ-Вардена онъ совершилъ по странѣ, опустошенной прежде проходившими черезъ нее войсками, при чемъ во встрѣчахъ своихъ съ русскими войсками имѣлъ иногда и перевѣсъ. Но потерявъ въ этихъ стычкахъ весьма мало людей, его армія между Вайценомъ и Виллаюсомъ уменьшилась на одну треть; явно, что солдаты произвольно оставляли ее, частію отъ недостатка въ продовольствіи, а еще болѣе отъ потери надежды привести къ благопріятному окончанію начатое дѣло.

По прибытіи въ окрестности Гроссъ-Вардена, армія Гёргея не имѣла болѣе ни продовольствія, ни боевыхъ снарядовъ, а между тѣмъ была окружена русскою и австрійскою арміями, въ совокупности въ пять разъ ее сильнѣйшими. Положеніе войска Гёргея ухудшалось еще тѣмъ, что слѣдовало большое число семействъ воиновъ, такъ какъ имъ некуда было приклонить головы. Гёргей сообщилъ о сдачѣ немедля всѣмъ начальникамъ венгерскихъ войскъ, расположенныхъ въ разныхъ частяхъ Венгріи, предписывая имъ, какъ диктаторъ Венгріи, окончить безполезную борьбу. Онъ послалъ такое же приказаніе, между прочимъ, и къ генералу Клапкѣ, бывшему въ крѣпости Коморнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему же, какъ своему другу, письмо, сдѣлавшееся общеизвѣстнымъ, въ которомъ объясняетъ причины, побудившія его къ сдачѣ. Извѣстно, что изъ отдѣльныхъ начальниковъ венгерскихъ войскъ одинъ Клапка его не послушался и продолжалъ защищаться въ Коморнѣ, для осады котораго былъ посланъ Граббе.

Въ письмѣ Гёргея о сдачѣ графу Ридигеру мнѣ не нравилось высказываемое имъ презрѣніе къ Австріи и къ австрійскимъ войскамъ. Лично отъ себя онъ могъ писать, слѣдуя своимъ чувствамъ, но онъ писалъ какъ дикта-

торъ многочисленной націи и главнокомандующій значительнымъ войскомъ, а потому долженъ былъ знать, что по его сдачѣ эта нація и войско могутъ подвергнуться за каждое непріятное для австрійцевъ въ его письмѣ слово ихъ мщенію. Его рѣзкія выраженія относительно Австріи были тѣмъ страннѣе, что онъ никогда не раздѣлялъ мнѣнія той партіи, которая желала видѣть Венгрію совершенно отдѣленною отъ Австріи. За это онъ былъ въ постоянной непріязни съ Коссутомъ и съ польскими генералами, пришедшими въ Венгрію въ надеждѣ, по освобожденіи Венгріи, освободить части Польши, присоединенныя къ русской и австрійской имперіямъ и къ прусскому королевству.

Гёргей желалъ только сохраненія для Венгріи тѣхъ конституціонныхъ правъ, которыя были ей даны отказавшимся въ концѣ 1848 г. отъ престола императоромъ и королемъ Фердинандомъ I. Воюя съ императорскими австрійскими войсками для поддержанія правъ Венгріи, онъ считалъ себя вѣрноподданнымъ упомянутаго императора и короля и въ своихъ распоряженіяхъ по арміи даже дѣйствовалъ его именемъ.

Конечно, такой образъ дѣйствій можетъ показаться нелогичнымъ, но, вникнувъ въ тогдашнее положеніе Венгріи, онъ дѣлается удобопонятнымъ. Большая часть населенія во всѣхъ сословіяхъ раздѣляла понятія Гёргея. Я могъ бы привести этому множество доказательствъ; ограничусь однимъ слѣдующимъ.

Въ длинный переходъ изъ Дебречина въ Гроссъ-Варденъ, который мы совершили въ одинъ день, я съ нѣсколькими русскими офицерами останавливался на полъ-дорогѣ позавтракать. Одинъ изъ бывшихъ съ нами полковниковъ требовалъ отъ хозяина постоялаго двора, чтобы онъ съ нами выпилъ за здоровье Императора. Хозяинъ съ охотою выпилъ за здоровье Императора Николая. Когда ему объяснили, что отъ него требуютъ, чтобы онъ пилъ за здоровье Австрійскаго императора, то онъ громко сказалъ:

— Пью за здоровье императора и короля Фердинанда.

Ему грозили нагайкою, которую казакъ держалъ надъ его головою, и требовали, чтобы онъ пилъ за здоровье молодого императора Франца Іосифа, но онъ, несмотря на то, что ежеминутно ожидалъ приведенія въ исполненіе угрозъ, повторялъ, что пьетъ за здоровье то Николая, то Фердинанда, и ни разу не произнесъ имени Франца-Іосифа. Венгерскій народъ признавалъ только королей, коронованныхъ венгерскою короною. Фердинандъ былъ коронованъ, а Францъ-Іосифъ не былъ.

По вступленіи нашемъ въ Гроссъ-Варденъ, я вскорѣ познакомился съ Гёргеемъ, къ чему мнѣ способствовало то, что отведенныя мнѣ комнаты были рядомъ съ комнатами коменданта главной квартиры Бевада, съ которымъ Гёргей имѣлъ постоянныя сношенія. Наружность Гёргея говорила много въ его пользу. Ему было 33 года отъ роду. Ростъ его былъ болѣе средняго. Онъ былъ бѣлокуръ съ голубыми глазами и пріятнымъ выраженіемъ лица. Онъ носилъ черную повязку на головѣ для прикрытія по-

лученной имъ раны. Его свѣтлые усы были очень коротки, что, конечно, не могло нравиться мадьярамъ, у которыхъ длинные усы имѣли особый почетъ. Но большой природный умъ и мастерство хорошо выражаться скоро его возвысили при тогдашнемъ положеніи Венгріи. Юношею онъ служилъ въ венгерской гвардіи, близко стоявшей къ особѣ австрійскаго императора. По недостаточности состоянія для продолженія этого рода службы, онъ, произведенный въ армейскіе поручики, оставилъ военную службу и занялся изученіемъ химіи.

Въ 1848 г. австрійскій императоръ, для усмиренія не соглашавшихся на его нововведенія, которыя принудили его сдѣлать бо́льшая часть его народовъ, созвалъ гонведовъ въ Венгріи. Въ командиры одного баталіона этихъ гонведовъ былъ выбранъ Гёргей. Исторія этого времени разскажетъ, какимъ образомъ созванные императорскимъ правительствомъ гонведы сдѣлались врагами Австріи и какимъ образомъ Гёргей попалъ въ главнокомандующіе венгерской арміи, которая, не будь вмѣшательства Россіи, вѣроятно перевернула бы въ 1849 г. карту Европы.

Гёргей въ Гроссъ-Варденѣ ходилъ въ обыкновенномъ статскомъ платьѣ. Его милостиво приняли фельдмаршалъ и великій князь Константинъ Николаевичъ. Всѣ русскіе генералы и офицеры смотрѣли на него съ уваженіемъ. Одинъ начальникъ штаба Горчаковъ обходился съ нимъ не совсѣмъ привѣтливо, а иногда и неучтиво.

Однажды, когда онъ сидѣлъ у меня, Горчаковъ прислалъ за нимъ своего адъютанта. По возвращеніи, Гёргей мнѣ разсказалъ, что Горчаковъ позабылъ, зачѣмъ онъ за нимъ посылалъ, и потому отпустилъ его, сказавши только здравствуйте и прощайте, при чемъ называлъ его «Мосье Жоржей». Для выслушанія этого Гёргею пришлось пройти вечеромъ довольно большое разстояніе. Конечно, Горчаковъ дѣлалъ все это по разсѣянности, но Гёргею отъ этого было не легче.

Гёргей, по сдачѣ а̀рміи, не сохранилъ при себѣ ни гроша, такъ что на его содержаніе отпускалось изъ нашей главной квартиры 10 гульденовъ въ день. Не знаю, кѣмъ была назначена эта сумма, но она была, по дороговизнѣ всего въ Гросъ-Варденѣ, весьма недостаточна для прокормленія Гёргея и нѣсколькихъ человѣкъ, находившихся при немъ. Мнѣ извѣстно, что Бевадъ прибавлялъ изъ своихъ денегъ повару Гёргея, но не много, съ тѣмъ, чтобы послѣдній не могъ этого замѣтить. Гёргей находилъ очень хорошею нашу привычку ужинать и часто приходилъ къ нашему ужину. Когда узнали объ этомъ въ главной квартирѣ, начали напрашиваться къ нашимъ ужинамъ разныя лица, и тутъ Гёргей могъ подивиться, какихъ людей у насъ производятъ въ генералы.

Наблюденіе за сдавшеюся арміею, въ которой было до 3000 штабъ и оберъ-офицеровъ, было поручено генералъ-адъютанту Анрепу; для наблюденія ему даны были нѣсколько сотъ казаковъ. Анрепъ видѣлъ въ этомъ желаніе фельдмаршала подвергнуть его отвѣтственности въ случаѣ побѣговъ изъ сдавшейся арміи, для присмотра за которой данныя ему средства

были недостаточны. Я передалъ объ этомъ опасеніи побѣговъ Гёргею, который просилъ меня увѣрить Анрепа, что венгерцы народъ высокой честности и, разъ сдавшись, не измѣнятъ своему слову, онъ увѣрялъ, что число войскъ, принятое Анрепомъ, будетъ имъ сдано, кому будетъ назначено, безъ убыли. Вслѣдъ за этимъ я познакомилъ Гёргея съ Анрепомъ, и онъ повторилъ послѣднему сказанное мнѣ и слова его оправдались на дѣлѣ.

Во время нашего пребыванія въ Гроссъ-Варденѣ пріѣхали изъ одного венгерскаго отряда, кажется, стоявшаго въ Буковинѣ, полковникъ и капитанъ, присланные для объясненія съ Гёргеемъ, вслѣдствіе полученнаго отъ него приказанія сдаться русскимъ войскамъ. Пока комендантъ главной квартиры Бевадъ ходилъ за разрѣшеніемъ допустить означеннаго полковника къ свиданію съ Гёргеемъ, полковникъ, очень красивый собою, молодой мужчина, въ самыхъ выспреннихъ выраженіяхъ, объяснялъ мнѣ, что ихъ отрядъ многочисленъ и что въ немъ всѣ готовы умереть и не сдаваться Русскимъ, которые передадутъ ихъ австрійцамъ.

По полученіи разрѣшенія, полковникъ пошелъ къ Гёргею, а оставшійся со мною капитанъ объяснилъ мнѣ, что полковникъ представляетъ себѣ положеніе дѣлъ вовсе не въ томъ видѣ, какъ оно есть на дѣлѣ; что почти всѣмъ, и въ томъ числѣ ему, надоѣла явно безполезная борьба и хотѣлось бы поскорѣе вернуться въ свои семьи къ мирнымъ занятіямъ.

Гёргей успѣлъ своею осанкою и краснорѣчіемъ подѣйствовать на пылкаго полковника, который вернулся отъ него кроткою овцою, соглашаясь, что не слѣдуетъ безполезно проливать венгерскую кровь.

Паскевичъ, немедля послѣ сдачи Гёргея, писалъ къ австрійскому императору, прося о пощадѣ возмутившихся венгерцевъ. Отвѣтъ императора былъ тогда же опубликованъ; онъ былъ очень уклончивъ.

Въ то же время Императоръ Николай посылалъ Наслѣдника въ Вѣну просить о помилованіи Гёргея, который, вслѣдствіе всѣхъ этихъ просьбъ, надѣялся, что ему позволятъ удалиться въ Россію, чего онъ желалъ всею душею и эту надежду передавалъ мнѣ ежедневно. Но она не сбылась: получено было изъ Вѣны приказаніе отправить Гёргея въ Клагенфуртъ въ Штиріи подъ надзоръ полиціи, а прочихъ начальствовавшихъ въ его войскѣ лицъ и самое войско передать австрійскимъ властямъ.

Паскевичъ прислалъ Гёргею нѣсколько сотъ червонцевъ для покупки экипажа, но онъ ихъ возвратилъ и поѣхалъ подъ присмотромъ австрійцевъ въ простой почтовой повозкѣ. Я уѣхалъ изъ Гроссъ-Вардена прежде него. Онъ меня провожалъ и горько завидовалъ моему счастію, что я ѣду въ Россію.

Но самое горькое чувство долженъ былъ испытывать Гёргей оттого, что участь только его одного была рѣшена; участь же его боевыхъ товарищей была покрыта неизвѣстностью, но можно было отгадывать ее по тому обращенію, которому подвергались бывшіе генералы венгерской арміи при передачѣ ихъ австрійскимъ властямъ. Эти генералы послѣ капиту-

ляціи находились подъ наблюденіемъ генералъ-адъютанта Апрепа, который съ ними обходился самымъ вѣжливымъ образомъ и у котораго они почти ежедневно обѣдали. Послѣ одного изъ этихъ обѣдовъ, явились австрійскія власти съ приказаніемъ передать имъ означенныхъ плѣнниковъ, на которыхъ не только немедля надѣли кандалы, но и обращались съ ними самымъ грубымъ образомъ. Всѣ они, по уходѣ нашей арміи, были казнены смертію. Легко себѣ представить мученіе Гёргея, когда онъ узналъ объ этихъ казняхъ.

Въ числѣ казненныхъ былъ одинъ генералъ, съ которымъ я познакомился слѣдующимъ образомъ. Вскорѣ по вступленіи нашемъ въ Гроссъ-Варденъ, я съ маіоромъ княземъ Лобановымъ для развлеченія поѣхалъ верстъ за восемь въ Феликсбадъ, гдѣ за столомъ познакомились съ жившимъ на этихъ водахъ венгерцемъ замѣчательной наружности. Онъ насъ познакомилъ съ красивою своею женою лѣтъ 20, которая держала на рукахъ малолѣтняго ребенка, и разсказалъ, что онъ служилъ маіоромъ въ венгерскихъ войскахъ до революціи, а во время дѣйствія этихъ войскъ противъ австрійцевъ командовалъ бригадою, былъ раненъ прежде, чѣмъ русское войско вошло въ Венгрію, и съ тѣхъ поръ лечится въ Феликсбадѣ, такъ что онъ не воевалъ противъ Русскихъ и не былъ подъ начальствомъ Гёргея. Лобанову и мнѣ весьма понравились и мужъ и жена, но мы очень удивлялись тому, что столь образованный человѣкъ, кончившій курсъ наукъ въ университетѣ, такъ мало знаетъ о политическомъ положеніи европейскихъ государствъ, въ чемъ намъ пришлось впослѣдствіи еще болѣе убѣдиться.

Я уже говорилъ, что въ іюлѣ треть войска Гёргея разбрелась по Венгріи, изъ другихъ венгерскихъ отрядовъ разбрелось также множество. Большая часть оставившихъ свои знамена не имѣли ни крова, ни пищи. Изъ нихъ образовались небольшія шайки, грабившія мирныхъ жителей. Чтобы положить этому конецъ, фельдмаршалъ велѣлъ объявить, чтобы всѣ принадлежавшіе къ мятежнымъ венгерскимъ войскамъ являлись къ русскимъ начальствамъ, отъ которыхъ, если они заявятъ о своей нуждѣ, будутъ получать ежедневно извѣстное число гульденовъ, или крейцеровъ, смотря по ихъ чину, для своего прокормленія. Мой знакомый генералъ, жившій въ Феликсбадѣ, почелъ обязанностью заявить нашему штабу о принадлежности его къ мятежническимъ войскамъ, о мѣстѣ настоящаго своего жительства и о томъ, что онъ ни въ чемъ не нуждается.

Въ штабѣ предвидѣли, что этотъ генералъ подвергалъ себя жестокой опасности и потому, узнавъ, что Лобановъ и я познакомились съ нимъ, придумали намъ поручить съѣздить въ Феликсбадъ и объяснить ему цѣль отданнаго фельдмаршаломъ выше упомянутаго приказанія и то положеніе, въ которое онъ себя ставитъ по своей волѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ посовѣтывать ему, пользуясь присутствіемъ русскихъ войскъ въ бо́льшей части Венгріи, уѣхать въ такое мѣсто, гдѣ онъ былъ бы внѣ вліянія австрійскихъ властей. Мы передали это, какъ-будто отъ себя, нашему новому зна-

комому, но вмѣсто благодарности выслушали отъ него весьма непріятную рацею.

Онъ удивлялся, что русскіе офицеры могутъ давать ему совѣты не сообразные съ повелѣніемъ ихъ фельдмаршала, и рѣшительно не хотѣлъ ими пользоваться, несмотря на то, что мы намекнули, что дѣйствуемъ по приказанію старшихъ.

Видя, что мы опечалены его рѣшеніемъ, онъ вздумалъ насъ утѣшить слѣдующимъ разсказомъ о томъ, что ожидающая его участь не можетъ быть дурною. Онъ говорилъ, что Императоръ Николай, который одинъ могъ покорить Венгрію, явится въ Пестъ на сеймъ, гдѣ всѣ венгерцы, всегда монархисты въ душѣ, въ лицѣ своихъ представителей, падутъ на колѣни передъ великимъ Монархомъ и объяснятъ ему въ подробности, какъ венгерское войско, преданное своему королю, вышло для защиты его противъ непослушныхъ его волѣ, и какъ вдругъ измѣнническимъ образомъ австрійскія войска, предводимыя австрійскимъ эрцгерцогомъ, оказались на сторонѣ ихъ противниковъ. Онъ говорилъ подробно и я только въ сжатомъ видѣ привожу его слова, которыя онъ заключилъ полною увѣренностію, что столь умный, благородный и сильный Монархъ, какъ Императоръ Николай, не можетъ не понять, на чьей сторонѣ справедливость и, принявъ ихъ сторону, выброситъ (wird ausschmeussen) всѣхъ тѣхъ, которые посовѣтовали австрійскому правительству его безчестные поступки, и возвратитъ Венгріи тѣ привилегіи, на которыя она имѣетъ полное право. Повторяю, что это говорилъ человѣкъ образованный и въ полномъ умѣ.

Лобановъ и я увѣряли его, что Императоръ Николай въ Пестъ не поѣдетъ, а тѣмъ менѣе не будетъ присутствовать на сеймѣ, что онъ, какъ самодержавный Монархъ, врагъ всѣхъ привилегій и сеймовъ. Онъ стоялъ на своемъ, упрекалъ насъ въ маломъ уваженіи къ величайшему изъ Монарховъ. Впослѣдствіи онъ былъ разстрѣлянъ австрійскими властями; я недавно еще помнилъ его фамилію.

Читатель, конечно, замѣтитъ, какъ высоко въ то время стоялъ Императоръ Николай въ понятіяхъ даже революціонеровъ; консерваторы же реакціонеры 1849 г. видѣли въ немъ единственное спасеніе Европы и воспѣвали ему въ журналахъ хвалебные гимны.

На другой день нашего вступленія въ Гроссъ-Варденъ, на главной площади города на устроенномъ возвышеніи былъ совершенъ походнымъ протоіереемъ арміи торжественный молебенъ. На этомъ возвышеніи стояли мѣстный римско-католическій архіепископъ, пріѣхавшій въ прекрасной каретѣ, запряженной отличными воронымі лошадьми, мѣстный уніатскій епископъ и протоіерей православной церкви. Нашъ походный протоіерей во время служенія обращался къ римско-католическому архіепископу тѣмъ порядкомъ, которымъ обращаются наши священники къ православнымъ епископамъ. Онъ кадилъ ему первому, а за нимъ уніатскому епископу, православному протоіерею, фельдмаршалу и всѣмъ присутствовавшимъ. Я въ первый разъ видѣлъ такое мирное соединеніе властей,

принадлежащихъ къ разнымъ исповѣданіямъ. Мнѣ объяснили, что въ Венгріи онѣ гораздо ближе между собою, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, что христіанскія церкви управлялись въ ней двумя консисторіями, одной католической и другой реформатскою, и что къ первой относятся духовныя дѣла всѣхъ католическихъ, а къ другой всѣхъ реформатскихъ и лютеранскихъ исповѣданій.

Такимъ образомъ въ одной консисторіи засѣдаютъ духовные: католики западные и восточные и уніаты, но такъ какъ первые гораздо богаче и важнѣе, то имъ принадлежитъ предсѣдательство, тогда какъ восточно-католическое (православное) духовенство занимаетъ обыкновенно послѣднее мѣсто.

6-го августа я былъ въ хорошо устроенной православной церкви, въ которой служба постоянно идетъ на церковно-славянскомъ языкѣ. Духовенство произноситъ букву О съ особымъ удареніемъ. Въ Мискольцѣ я былъ въ прекрасной православной церкви, но въ ней служба была на греческомъ языкѣ.

Война, предпринятая Императоромъ Николаемъ въ помощь австрійцамъ, была непопулярна въ Россіи, это не могло не отразиться на нашей арміи. Въ продолженіе всей кампаніи наши войска были холодно учтивы съ австрійцами, тогда какъ оказывали сочувствіе къ плѣннымъ и большое участіе къ раненымъ венгерцамъ. Эти чувства въ особенности выказались послѣ сдачи Гёргея: русскіе офицеры и нижніе чины братались съ венгерскими, угощали ихъ и поили, для чего не жалѣли послѣдней копѣйки.

Было нѣсколько встрѣчъ въ ресторанахъ, гдѣ русскіе офицеры давали явное предпочтеніе венгерцамъ передъ австрійцами. Дѣло доходило даже до дуэлей. Не помню, по какому случаю познакомился я съ какимъ-то австрійскимъ капитаномъ, родомъ англичаниномъ, человѣкомъ очень образованнымъ и красивымъ. На другой день нашего знакомства я узналъ, что онъ поссорился съ однимъ русскимъ офицеромъ и былъ убитъ на дуэли. Фельдмаршалъ не далъ огласки этой дуэли и вообще ссоры русскихъ офицеровъ съ австрійскими не имѣли официальныхъ послѣдствій. Онъ ненавидѣлъ австрійцевъ, и въ арміи говорили, что если бы намъ приказали повернуть орудія противъ нашихъ союзниковъ, то мы дали бы знать о себѣ, и что самъ фельдмаршалъ, казавшійся разстроеннымъ, снова пріобрѣлъ бы свою энергію и молодечество, такъ что мы могли бы занять Вѣну черезъ нѣсколько дней.

При австрійской арміи состоялъ съ нашей стороны генералъ-адъютантъ Бергъ (Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, впослѣдствіи графъ, генералъ-фельдмаршалъ и намѣстникъ Царства Польскаго), который вторилъ австрійскимъ главнокомандующимъ, за что Паскевичъ называлъ его: «le plus mauvais des généraux autrichiens».

Со всѣхъ сторонъ сходились въ Гроссъ-Варденъ венгерцы, служившіе въ мятежническихъ войскахъ. Однажды явился офицеръ въ сопровожденіи нѣсколькихъ гусаръ и остановился противъ моихъ оконъ. Войдя, за

отсутствіемъ Бевада ко мнѣ, онъ объявилъ, что, узнавъ о сдачѣ Гёргея, онъ, не желая сдаться австрійцамъ, пробился сквозь ихъ аванпосты, при чемъ не обошлось безъ пролитія крови съ обѣихъ сторонъ. Я ему объяснилъ, что этимъ молодечествомъ нельзя хвалиться передъ нами, союзниками австрійцевъ.

По докладѣ Бевада Горчакову объ этихъ храбрецахъ, онъ приказалъ арестовать ихъ, но фельдмаршалъ, въ виду ожидавшаго ихъ наказанія за то, что, зная о сдачѣ Гёргея, они еще напали вооруженною рукою на австрійцевъ, приказалъ Бевaду дать имъ нѣсколько червонцевъ на прокормленіе съ тѣмъ, чтобы они на своихъ лошадяхъ немедля убирались, куда знаютъ, что и было немедля исполнено. Горчаковъ за это и подобныя дѣйствія Бевада, всегда исполняемыя по приказанію фельдмаршала, выказывалъ Беваду неудовольствіе.

Венгерскіе гонведы приходили въ Гроссъ-Варденъ цѣлыми отрядами; ихъ немедля обезоруживали.

Нельзя было безъ особаго пріятнаго чувства видѣть, какъ русскіе солдаты терпѣливо выжидали, пока гонведы, часто очень неловкіе, снимали съ себя оружіе, и съ какимъ-то соболѣзнованіемъ къ нимъ отбирали его. Они поступали по русской пословицѣ: «лежачаго не бьютъ».

Не одни бывшія мятежническія войска собирались въ Гроссъ-Варденѣ. Въ этотъ же городъ, подъ покровительствомъ русскаго начальства, пріѣхала престарѣлая мать Коссута съ тремя дочерьми и дѣтьми послѣднихъ; помнится, что все семейство состояло изъ 8-ми человѣкъ. Комнаты, въ которыхъ они остановились, отдѣлялись отъ моей коридоромъ. Вскорѣ по ихъ пріѣздѣ къ нимъ вошли мѣстный австрійскій комендантъ, какой-то подполковникъ и комендантъ нашей главной квартиры полковникъ Бевадъ.

Престарѣлая мать Коссута, окруженная своимъ семействомъ, лежала больная въ постели подъ одѣяломъ. Австрійскій комендантъ, не снимая шапки, въ весьма суровыхъ выраженіяхъ спросилъ у ней, зачѣмъ она пріѣхала съ семействомъ. Бевадъ просилъ его быть вѣжливѣе съ дамами и, видя передъ собою старшаго чиномъ съ открытою головою, снять шапку. Австрійскій подполковникъ исполнилъ это требованіе, но замѣтилъ Беваду, что онъ дѣлаетъ слишкомъ большія церемоніи съ этими женщинами, давъ имъ самое грубое, нецензурное названіе. Тогда Бевадъ выпроводилъ его изъ комнаты.

Австрійское начальство, опасаясь, что семейство Коссута можетъ предпринять какія-либо дѣйствія противъ правительства, требовало, чтобы оно было посажено въ тюрьму. Фельдмаршалъ на это не согласился; онъ только просилъ передать членамъ семейства Коссута его желаніе, чтобы они не выходили изъ дома, но и это распоряженіе было вскорѣ отмѣнено.

Видя злобу австрійскаго высшаго начальства противъ венгерцевъ, австрійскіе офицеры и нижніе чины также дозволяли себѣ разныя противъ нихъ несправедливости.

Вскорѣ по вступленіи нашемъ въ Гроссъ-Варденъ, прогуливаясь вечеромъ по этому городу, я услышалъ шумъ и женскій крикъ въ одномъ небольшомъ домѣ. Полагая, что этотъ шумъ можетъ происходить отъ грабежа, производимаго нашими нижними чинами, я вошелъ въ домъ, гдѣ увидалъ австрійскихъ офицеровъ, ругающихъ какую-то среднихъ лѣтъ женщину. Она, увидѣвъ меня, бросилась на колѣни и упрашивала избавить ее отъ дерзкихъ постояльцевъ, которымъ она отдала въ полное распоряженіе отведенныя имъ комнаты, но они не даютъ ей возможности оставаться и въ остальной части ея дома. На просьбу мою удалиться въ отведенныя имъ комнаты офицеры отвѣчали, что я не долженъ защищать эту женщину, потому что она жена капитана, служащаго въ мятежническихъ войскахъ. Я имъ объяснилъ, что мы пришли воевать не съ женщинами и что Русскіе не позволятъ дурно обращаться съ обывателями, а чтобы они могли услыхать заявленное мною отъ русской компетентной власти, то я назвалъ свою фамилію, потребовалъ отъ нихъ, чтобы они себя назвали. Они этого не сдѣлали, но сейчасъ вышли изъ комнаты.

Владѣлица дома не знала, какъ благодарить меня, и просила заходить къ ней. Я ей далъ свой адресъ и адресъ коменданта нашей главной квартиры, сказавъ, что къ нему она, въ случаѣ дальнѣйшихъ притѣсненій, всегда можетъ обратиться за защитою.

Въ слѣдующій разъ, когда я зашелъ къ ней, она мнѣ объявила, что австрійскіе офицеры, вслѣдъ за описанной сценой, оставили ея домъ. Она къ этому прибавила, что если бы я зналъ кто она такая, то вѣрно бы не сталъ ее защищать. Я отвѣчалъ ей, что мнѣ до того, кто она, нѣтъ дѣла, что она, какъ обывательница города, занятаго русскими войсками, всегда найдетъ защиту. Она долго требовала, чтобы я сказалъ ей, за кого я считаю ее, и видя, что я не понимаю ея вопроса, спросила меня, какой, я полагаю, она вѣры, и что ей извѣстно, что большая часть Русскихъ исповѣдуютъ католическую вѣру. Я отвѣчалъ ей, что я дѣйствительно православный, но что въ Россіи мало обращаютъ вниманія на исповѣданіе лицъ, такъ что, вѣроятно, многіе изъ моихъ соотечественниковъ, судя по моей фамиліи, считаютъ меня лютераниномъ, каковымъ дѣйствительно былъ мой отецъ, но что черезъ это я не менѣе русскій и никакихъ недоброжелательствъ отъ лицъ, носящихъ русскія фамиліи, не имѣю и ожидать не могу. Тогда она мнѣ сказала, что во всякомъ случаѣ она рѣшилась сознаться передо мною, кто она такая, хотя и можетъ потерять черезъ это защитника, и вслѣдъ за тѣмъ съ такимъ выраженіемъ голоса и лица, по которому можно было полагать, что она боится подвергнуться чему-то непріятному съ моей стороны, сказала мнѣ:

— Я еврейка.

Конечно, я ее успокоилъ, повторивъ, что мнѣ дѣла нѣтъ до вѣры, которую она исповѣдуетъ. Вотъ до какой степени было сильно въ то время въ Венгріи недоброжелательство между христіанами и евреями.

Вообще образованіе въ Венгріи стояло тогда на очень низкой степени,

на каковой находилось и все наружное устройство. Города, черезъ которые мы проходили, были выстроены безпорядочно, мостовыхъ на улицахъ было мало, освѣщеніе дурное. Въ Венгріи не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни шоссе. Только дома магнатовъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ были хорошо выстроены и меблированы и къ нимъ прилегали обширные парки и сады. Много зелени лежало необработанною и вообще все вмѣстѣ напоминало мнѣ родину.

Движеніе войскъ въ Венгріи много затруднялось тѣмъ, что почти каждый городъ, мѣстечко и селеніе имѣютъ три названія: мадьярское, нѣмецкое и славянское, часто нисколько между собою несхожія.

Нашъ походъ въ Венгрію, столь непопулярный въ Россіи и столь повидимому успѣшно оконченный, имѣлъ, по моему мнѣнію, самыя невыгодныя послѣдствія для Россіи. Венгерцы насъ возненавидѣли; славянскія племена, обманутыя въ своей надеждѣ на нашу защиту предъ угнетающимъ ихъ австрійскимъ правительствомъ, стали къ намъ равнодушнѣе; австрійцы были недовольны тѣмъ, что должны были пользоваться пособіемъ Россіи, и вскорѣ выказали свою неблагодарность. Вся Европа, завидуя русскому могуществу, пожелала потрясти его, чему черезъ четыре года представился случай въ войнѣ между Россіею съ одной стороны и Турціею съ ея тремя союзниками: Франціею, Англіею и Италіею, съ другой. Конечно, о томъ, что русскій солдатъ былъ дурно накормленъ и одѣтъ и еще хуже вооруженъ, что русская армія не имѣла хорошихъ генераловъ, было и безъ венгерской войны извѣстно Европѣ, но она въ продолженіе этой войны вполнѣ убѣдилась во всемъ выше сказанномъ. Не будь ея, французское и англійское правительства, можетъ быть, не рѣшились бы допустить Турцію до объявленія намъ войны въ 1853 г., столь несчастливо для насъ окончившейся.

Со сдачею Гёргея война кончилась, а затѣмъ по «Положенію объ арміи въ военное время» упразднялась и должность инспектора военныхъ сообщеній. Жизнь моя въ главной квартирѣ, за исключеніемъ возможности видѣться съ Гёргеемъ, также собиравшимся въ путь, была очень скучна. Высокомѣріе офицеровъ генеральнаго штаба не дозволяло мнѣ сообщаться съ ними. Состоявшіе при главной квартирѣ арміи генералы Свиты Его Величества и флигель-адьютанты, въ обществѣ которыхъ я проводилъ большую часть времени, уѣхали въ Варшаву, и я оставался одинокимъ. Дерзкое со всѣми обращеніе фельдмаршала, недоступность и холодность Горчакова и безконечныя интриги чиновъ въ многочисленной главной квартирѣ до того мнѣ опротивѣли, что я считалъ себя какъ въ аду, изъ котораго надо было вырваться какъ можно скорѣе.

Служба при Клейнмихелѣ, конечно, была не совсѣмъ пріятная и около него было не мало интригъ, но все же она казалась мнѣ несравненно предпочтительнѣе. Сверхъ того мнѣ хотѣлось поскорѣе увидѣть мою жену, съ которою былъ разлученъ съ самаго начала 1849 г.

Вслѣдствіе этого я 11 августа просилъ Горчакова о дозволеніи ѣхать

въ Петербургъ, такъ какъ мои обязанности при арміи кончились. Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Вы ѣдете, ну прощайте», и болѣе ни слова.

Фельдмаршалъ при прощаніи спросилъ меня, какую награду получилъ я за участіе въ кампаніи, и послѣ моего отвѣта, что я ничего не получилъ, приказалъ мнѣ сходить къ начальнику наградного отдѣленія генералъ-маіору Ушакову и передать ему приказаніе о представленіи меня къ наградѣ, что мною и было немедля исполнено. Вмѣстѣ съ тѣмъ фельдмаршалъ сказалъ, что онъ мнѣ даетъ порученіе осмотрѣть по тракту отъ Гроссъ-Вардена черезъ Токай до Змигорода военную дорогу и почтовыя станціи и чтобы я къ нему пришелъ черезъ день.

Графъ Оперманъ, единственный изъ адъютантовъ фельдмаршала, съ которымъ я сошелся, человѣкъ очень хорошій и вовсе непохожій на своего старшаго брата, совѣтовалъ мнѣ хорошенько поклониться Ушакову, чтобы получить надлежащую награду, напр., чинъ, а что иначе дадутъ мнѣ самую ничтожную. Въ главной квартирѣ даже говорили, что полученіе наградъ не обходится безъ денежныхъ подарковъ. Конечно, я не намѣренъ былъ давать деньги для полученія наградъ и не пошелъ, несмотря на настоянія Опермана, кланяться Ушакову.

Въ день моего отъѣзда я былъ у фельдмаршала согласно его приказанію, и онъ снова спросилъ меня о томъ, чѣмъ я награжденъ, и когда я ему доложилъ, что я его милостивое приказаніе по этому предмету передалъ генералъ-маіору Ушакову, то онъ мнѣ сказалъ, что самъ ему подтвердитъ объ этомъ, что немедля исполнилъ, подозвавъ къ себѣ бывшаго въ той же комнатѣ Ушакова.

Читатель, конечно, замѣтитъ разницу въ прощаніи со мною Паскевича и Горчакова. Отъ перваго я имѣлъ всего одно порученіе, а отъ послѣдняго очень много и эти порученія были мною исполнены совершенно удовлетворительно.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ Клейнмихель неоднократно спрашивалъ, къ чему я представленъ за кампанію, на что я отзывался незнаніемъ. Видно было, что ему хотѣлось, чтобы я былъ представленъ къ слѣдующему чину съ тѣмъ, чтобы я перегналъ въ чинахъ состоявшаго при Клейнмихелѣ подполковника Серебрякова, который двумя годами ранѣе меня вышелъ изъ Института инженеровъ путей сообщенія и потому при производствѣ въ подполковники въ 1846 г. стоялъ по списку выше меня. Конечно, Клейнмихелю ничего не стоило бы дать мнѣ при первомъ производствѣ чинъ полковника, обойдя Серебрякова, но онъ считалъ это неудобнымъ, потому что послѣдній, хотя и не былъ имъ любимъ въ то время, все же былъ къ нему самымъ близкимъ лицомъ. Наконецъ въ декабрѣ 1849 г. я получилъ за отлично-усердную и ревностную службу въ бытность инспекторомъ военныхъ сообщеній дѣйствующей арміи во время похода въ Венгрію корону на орденъ св. Анны 2-ой степени.

Клейнмихель былъ этимъ недоволенъ, частію по выше приведенной причинѣ, а частію и потому, что такъ мало наградили посланнаго имъ въ

армію, состоявшаго при немъ, штабъ-офицера. Сверхъ этой награды я получилъ серебряную медаль за участіе въ этой войнѣ для ношенія въ петлицѣ и большую медаль, выбитую по случаю венгерской войны. На ней изображенъ бой между гидрой (революціей) и двуглавымъ орломъ (Австріею), защищаемымъ другимъ двуглавымъ орломъ (Россіею), и вырѣзаны слова: «Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ». Медаль эта вообще, по моему мнѣнію, неудачная. Не знаю, почему ея сочиненіе не было поручено графу Ѳеодору Петровичу Толстому, который въ то время лѣпилъ модели медалей, выбиваемыхъ на торжественные случаи. Большая часть русскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, состоявшихъ при штабѣ арміи, получили австрійскій орденъ желѣзной короны, первые на шею, а послѣдніе въ петлицу, нѣкоторые же орденъ Леопольда или другіе ордена. Въ Петербургѣ я получилъ требованіе штаба дѣйствующей арміи о высылкѣ моего формулярнаго списка для отсылки къ австрійскому правительству при представленіи меня къ австрійскому ордену.

Жена моя, какъ и большая часть русскаго общества, недовольная тѣмъ, что войска наши ходили помогать австрійцамъ, и почитая унизительнымъ носить австрійскій орденъ, настояла на томъ, чтобы я, несмотря на повторенія означеннаго требованія, не высылалъ своего формулярнаго списка, вслѣдствіе чего я за венгерскую кампанію никакой награды отъ австрійскаго правительства не получилъ. Впослѣдствіи, завѣдывая желѣзными дорогами, я старался отдѣлываться отъ полученія иностранныхъ орденовъ, въ чемъ и успѣлъ.

Продавъ въ Гроссъ-Варденѣ за нѣсколько гульденовъ лошадей, купленныхъ мною за нѣсколько сотъ гульденовъ, я отправился для исполненія даннаго мнѣ порученія черезъ Дебречинъ, гдѣ былъ принятъ съ особою радостію моимъ прежнимъ хозяиномъ, по тракту до Змигорода и оттуда въ Варшаву. Въ Галиціи были увѣрены, что Императоръ Николай, въ вознагражденіе за оказанную помощь Австріи, возьметъ Галицію.

И Русины и Поляки говорили, что они были бы этимъ очень довольны. Послѣдніе находили, что Полякамъ въ Царствѣ Польскомъ гораздо лучше, чѣмъ въ Галиціи, изъ чего можно было заключить, что они предполагали, что будутъ присоединены не къ Русской Имперіи, а къ Царству Польскому.

По прибытіи на станцію Ченстохово на Варшаво-Вѣнской желѣзной дорогѣ, я нашелъ тамъ поэта Василія Андреевича Жуковскаго, остановившагося переночевать.

Я остался съ нимъ до слѣдующаго поѣзда; мы поѣхали въ Варшаву въ одномъ вагонѣ.

Жуковскій, конечно, вспоминалъ при мнѣ о прежнемъ житьѣ-бытьѣ, о поэтахъ Пушкинѣ и Дельвигѣ. Кромѣ того, его очень занимала мысль, что по мѣрѣ того, какъ человѣчество ищетъ все бо́льшей и бо́льшей свободы, оно дѣлается болѣе и болѣе рабомъ новыхъ условій жизни, такъ что путешественникъ на желѣзныхъ дорогахъ обращается во что-то подобное почтовому конверту.

Въ Варшавѣ Жуковскій остановился въ гостиницѣ «Римъ», а я по обыкновенію въ англійской гостиницѣ. Мы видѣлись ежедневно. Въ одно изъ моихъ посѣщеній я нашелъ у него только что произведеннаго Свиты Его Величества генералъ-маіора графа Ламберта, бывшаго въ 1861 г. очень короткое время намѣстникомъ Царства Польскаго и столь постыдно оставившаго этотъ постъ.

Ламбертъ, котораго считали человѣкомъ умнымъ, увѣрялъ, что всѣ европейскіе безпорядки 1848 и 1849 гг. происходятъ отъ того, что слишкомъ многимъ лицамъ дается образованіе; что слѣдуетъ давать образованіе только заранѣе опредѣленному, ограниченному числу молодыхъ людей. Можно себѣ представить, какое непріятное впечатлѣніе производила эта мысль на Жуковскаго, но Ламбертъ, утверждая, что излишнее образованіе уже явно дало дурные плоды, находилъ необходимымъ попробовать давать въ нашихъ университетахъ и гимназіяхъ образованіе, согласно его мысли, только ограниченному числу молодежи.

30-го августа я видѣлъ въ православномъ соборѣ Жуковскаго въ мундирѣ, разукрашенномъ звѣздами и крестами, стоящаго подлѣ Наслѣдника, своего прежняго воспитанника, который, равно какъ и Государь, видимо были огорчены за нѣсколько дней передъ этимъ послѣдовавшей кончиной великаго князя Михаила Павловича.

Въ Ковнѣ я взялъ мѣсто въ почтовой каретѣ, а мой слуга съ вещами продолжалъ ѣхать на перекладныхъ, обгоняя меня и ожидая моего пріѣзда на нѣкоторыхъ изъ почтовыхъ станцій. Въ г. Островѣ Клейнмихель, ѣхавшій осматривать шоссе, увидѣвъ меня въ почтовой каретѣ, потребовалъ къ себѣ.

Онъ подробно меня разспрашивалъ о венгерской кампаніи и о томъ, кто 30-го августа получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Я назвалъ ему получившихъ этотъ орденъ, но онъ, сомнѣваясь въ правильности моего показанія о новыхъ кавалерахъ, сказалъ, что я вѣрно не имѣю точныхъ свѣдѣній, и спросилъ отъ кого я могъ ихъ получить въ Варшавѣ. Я указалъ на свиты Его Величества генералъ-маіора князя Владиміра Александровича Меньшикова, который въ это время постоянно разъѣзжалъ съ Государемъ и завѣдывалъ разсылкою наградъ.

Клейнмихель, не получавшій никакихъ наградъ въ послѣднія 7 лѣтъ со времени назначенія его главноуправляющимъ путями сообщенія, узнавъ, что младшій его по производству графъ Владиміръ Ѳеодоровичъ Адлербергъ получилъ Андреевскую ленту, видимо былъ этимъ недоволенъ. Отношенія Государя къ Клейнмихелю сдѣлались съ начала 1849 г. холодны.

Клейнмихель, прибывъ изъ Острова въ Витебскъ, былъ очень мраченъ, капризенъ и не хотѣлъ никого видѣть. Не знаю, кто похлопоталъ о Клейнмихелѣ, но Государь, вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ, приказалъ начальнику I отдѣленія Своей канцеляріи статсъ-секретарю Танѣеву прислать ему проектъ грамоты на пожалованіе Клейнмихелю ордена св. Андрея. Государь, нѣсколько исправивъ этотъ проектъ, запечаталъ его въ конвертъ и ошибочно сдѣлалъ надпись «Клейнмихелю», вмѣсто «Танѣеву». Когда

послѣдній вмѣстѣ съ прочими бумагами получилъ особенный конвертъ съ надписью Государя «Клейнмихелю», онъ поспѣшилъ этотъ конвертъ переслать въ канцелярію главноуправляющаго путями сообщенія, откуда онъ съ курьеромъ былъ посланъ къ Клейнмихелю въ Витебскъ. По полученіи этого конверта, Клейнмихель совсѣмъ измѣнился, сдѣлался со всѣми любезенъ. Подлинная грамота съ знаками ордена не замедлила прибыть въ Витебскъ.

По окончаніи разспросовъ Клейнмихеля о венгерской войнѣ и о лицахъ, получившихъ Андреевскія ленты, я узналъ, что почтовая карета, въ которой я ѣхалъ изъ Ковно, отправилась въ Петербургъ, а мой слуга еще до ея отъѣзда уѣхалъ на перекладной, такъ что я остался одинъ и безъ вещей.

Это было вечеромъ, но я еще не обѣдалъ. Въ продолженіе моего разговора съ Клейнмихелемъ, ѣхавшій съ нимъ Александръ Александровичъ Вонлярлярскій распорядился приготовленіемъ для меня прекраснаго обѣда. Столъ былъ накрытъ въ маленькой комнатѣ, занимаемой подполковникомъ Серебряковымъ и докторомъ Фейхтнеромъ въ домѣ, въ которомъ остановился Клейнмихель. Обѣдомъ моимъ распоряжался Вонлярлярскій, потому что кухмистерская часть во время путешествія Клейнмихеля съ Вонлярлярскимъ составляла обязанность послѣдняго. Клейнмихель уговаривалъ меня ѣхать съ ними въ Витебскъ и далѣе, но я ему представилъ мою невозможность ѣхать, не имѣя съ собою ни одежды, ни бѣлья. Это извиненіе не было принято, и я упросилъ отпустить меня въ виду болѣзненнаго положенія жены моей.

Такимъ образомъ я не былъ съ Клейнмихелемъ въ Витебскѣ. Все разсказанное мною о пребываніи его въ этомъ городѣ, я впослѣдствіи слышалъ отъ Серебрякова. Вонлярлярскій спросилъ меня, какъ я доѣду до Петербурга. Я объяснилъ, что возьму подорожную у городничаго и поѣду на перекладной. Онъ этого не могъ понять и взялся достать для меня рессорный экипажъ. Я отвѣчалъ, что мнѣ этого не нужно, и такъ какъ Вонлярлярскій былъ совсѣмъ чужой человѣкъ въ Островѣ, то полагалъ, что онъ не достанетъ экипажа.

Между тѣмъ, на другое утро на дворѣ дома, гдѣ остановился Клейнмихель, я увидѣлъ маленькую коляску, приготовленную для моей поѣздки въ Петербургъ. Я сказалъ Вонлярлярскому, что не намѣренъ ею воспользоваться. Онъ отвѣчалъ, что, конечно, это будетъ зависѣть отъ меня, но что если я въ ней не поѣду въ Петербургъ, гдѣ могу ее доставить въ его домъ, то она, оставаясь въ Островѣ безъ всякаго присмотра, совсѣмъ пропадетъ.

По отъѣздѣ на другой день Клейнмихеля въ Витебскъ, я разсудилъ, что выгодно и мнѣ и Вонлярлярскому воспользоваться его предложеніемъ, и доѣхалъ до Петербурга въ его колескѣ.

Въ Петербургѣ я нашелъ жену мою въ новой квартирѣ, которую она наняла въ Троицкомъ переулкѣ въ домѣ Кривоносовой за 600 р. въ годъ.

Квартира была небольшая, въ нижнемъ этажѣ; одна комната была холодна и одна сыра. Я говорилъ уже, что лѣто 1849 г. жена занимала не-

большую дачу на Черной рѣчкѣ, гдѣ у нея часто бывалъ мужъ моей родной тетки, полковникъ Александръ Гавріиловичъ Замятнинъ, оставившій по какимъ-то неудовольствіямъ мѣсто жандармскаго губернскаго штабъ-офицера въ Рязани съ прикомандированіемъ къ образцовому кавалерійскому полку, квартировавшему въ Павловскѣ.

Въ одно изъ его посѣщеній жены моей, онъ у нея опасно заболѣлъ. Больному оказаны были всевозможныя попеченія, въ особенности ухаживала за нимъ добрѣйшая Екатерина Егоровна Радзевская.

Замятнинъ, всегда добрый и мягкій въ обращеніи, былъ несносно капризенъ во время болѣзни. Объ его капризахъ долго вспоминали жена моя и Радзевская. Тетка моя П. А. Замятнина, узнавъ о болѣзни мужа, неожиданно пріѣхала въ Петербургъ.

Первое слово Замятнина женѣ своей было: «Пашенька, ахъ, зачѣмъ ты пріѣхала?» Можно себѣ представить, какимъ холодомъ обдалъ этотъ вопросъ мою очень вспыльчивую и впечатлительную тетку, спѣшившую видѣть больного мужа.

Она помѣстилась на той же тѣсной дачѣ, по выздоровленіи же ея мужа хотя они и наняли квартиру въ Павловскѣ, но тетка бо́льшую часть времени жила на нашей городской квартирѣ, куда часто пріѣзжалъ и мужъ ея. Теткѣ моей было тогда подъ пятьдесятъ лѣтъ, но она, по своей эксцентричности, все продолжала учиться, и въ это время начала учиться англійскому языку. Этимъ ученіемъ она могла заниматься только въ нашей гостиной, которая служила намъ вмѣстѣ и столовою и бильярдною.

Изъ передней въ мой кабинетъ не было другого хода, какъ черезъ означенную комнату, и всѣ меня повѣщавшіе должны были проходить мимо этой пожилой, весьма некрасивой женщины, которая громко выговаривала разныя англійскія слова самымъ неправильнымъ образомъ.

Мужъ ея былъ переведенъ изъ жандармовъ въ какой-то уланскій полкъ, куцый мундиръ котораго вовсе не шелъ къ его маленькому росту при значительной тучности. Онъ старался отыскать себѣ должность и былъ назначенъ командующимъ бригадою Сибирскаго казачьяго войска, а потому сшилъ себѣ казачій мундиръ. Почему-то онъ не поѣхалъ въ Сибирь, а взялъ мѣсто плацъ-маіора въ Вильнѣ съ оставленіемъ по кавалеріи и надѣлъ соотвѣтствующій мундиръ.

Несмотря на то, что онъ былъ человѣкъ умный, что ему было за 50 лѣтъ и что никакой мундиръ не шелъ къ его неуклюжей фигурѣ, его радовало это переодѣванье, столь накладное для его пустого кармана.

Жена и я прямо не говорили Замятнинымъ, что они насъ стѣсняютъ, но выказывали имъ это. Однако же они провели у насъ бо́льшую часть зимы 1849 и 1850 г. передъ отъѣздомъ въ Вильну.

Осенью 1849 г. пріѣхалъ въ Петербургъ генералъ-маіоръ Филипсонъ, бывшій въ послѣднее время начальникомъ штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи. Я очень удивился, узнавъ отъ него, что онъ совсѣмъ оставилъ Кавказъ, на которомъ онъ служилъ столь отлично во всѣхъ

отношеніяхъ въ продолженіе 14 лѣтъ. Причину этого онъ изъяснялъ слѣдующимъ образомъ:

Графъ Воронцовъ (тогдашній главнокомандующій на Кавказѣ) съ самаго пріѣзда своего на Кавказъ не взлюбилъ меня, полагая, что я нѣмецъ, но когда онъ узналъ, что я русскій, то онъ меня возненавидѣлъ.

Говорили,что онъ имѣлъ слабость къ туземцамъ, а изъ европейскихъ народовъ уважалъ только Англичанъ. Филипсонъ, получившій назначеніе начальника штаба 4-го пѣхотнаго корпуса, которымъ въ это время командовалъ генералъ-адъютантъ Сакенъ (Дмитрій Ерофѣевичъ), оставилъ молодую беременную жену въ Петербургѣ, гдѣ она въ концѣ декабря родила дочь Варвару (умерла 9 апрѣля 1873 г. замужемъ за Василіемъ Ивановичемъ Солдатенковымъ).

Зиму 1849 и 1850 года я бывалъ въ тѣхъ же домахъ, которые посѣщалъ въ прошедшую зиму. Сверхъ того, я проводилъ каждую недѣлю одинъ вечеръ у профессора Института инженеровъ путей сообщенія полковника Александра Сергѣевича Комарова. Онъ, окончивъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата, поступилъ воспитанникомъ въ институтъ однимъ годомъ позже меня, а такъ какъ кандидаты университета имѣли право въ гражданской службѣ на X классъ, соотвѣтствующій чину штабсъ-капитана, то его прозвали «штабсъ-капитаномъ», а по особаго рода его вертлявости «буравчикомъ»; эти названія онъ сохранилъ всю жизнь. Онъ былъ большой хвастунъ, нахально лгалъ безъ всякой надобности.

Отецъ его былъ уволенъ отъ должности начальника Императорскаго стекляннаго завода за какія-то злоупотребленія, но въ это время онъ, несмотря на свои преклонныя лѣта, снова состоялъ на службѣ членомъ совѣта главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ. А. С. Комаровъ былъ женатъ на дочери сенатора Лукаша и имѣлъ въ домѣ своего отца хорошее помѣщеніе.

А. И. Баландинъ обѣдалъ у него каждый вторникъ и оставался до поздней ночи, отдыхая послѣ обѣда на диванѣ, Комаровы, мужъ и жена, за нимъ ухаживали. Мнѣ также случалось обѣдать у Комаровыхъ по вторникамъ, но большею частію я приходилъ по вечерамъ. У Комарова собирались преимущественно инженеры путей сообщенія и нѣкоторые литераторы, сообщались новости дня, пересуживались. Комаровъ любилъ показывать волшебный фонарь, туманныя картины и т. п., что очень было скучно. Ужинали у Комарова очень поздно и подавали за ужиномъ разные сыры и колбасы, носившіе названія разныхъ странъ свѣта, но въ весьма малыхъ кусочкахъ, такъ что И. Н. Колесовъ говаривалъ про эти ужины, что на нихъ ѣсть нечего. На вечерахъ Комарова я продолжалъ бывать до самаго переѣзда моего въ 1852 г. въ Москву.

Въ подражаніе вечерамъ Комарова начали и у меня собираться одинъ разъ въ недѣлю. Сначала бывали только Колесовы и товарищъ мой по военно-строительному училищу путей сообщенія инженеръ-подполковникъ Ни-

колай Карловичъ Кольманъ, завѣдывавшій въ это время домомъ главноуправляющаго путями сообщенія. Онъ вскорѣ вышелъ въ отставку и поселился во Франціи, гдѣ купилъ домъ въ Мезонѣ.

Послѣ смерти товарища главноуправляющаго генералъ-лейтенанта Рокасовскаго, умершаго въ апрѣлѣ 1850 г., я назначилъ свои вечера по четвергамъ, и вскорѣ они, при тѣснотѣ нашей квартиры, сдѣлались довольно многолюдны.

Хотя не было у меня ни такого простора, ни такой роскошной мебели, какъ у Комарова, за то былъ билліардъ, игра на которомъ много всѣхъ занимала. Жена моя порядочно играла на немъ. Разговоры были живѣе, вѣроятно, потому, что оставались у меня не такъ долго, обыкновенно съ 9 часовъ вечера до второго часу ночи. За ужиномъ подавали два блюда, хорошо приготовленныя моимъ искуснымъ поваромъ. Изъ инженеровъ путей сообщенія на моихъ вечерахъ постоянно бывали А. И. Баландинъ, Петръ Ивановичъ Собко и Сулима,—всѣ трое въ то время профессора Института инженеровъ путей сообщенія. Первый изъ нихъ, несмотря на старую со мною дружбу, долго не знакомился съ моею женою, но, наконецъ, познакомясь, былъ у насъ какъ свой.

Впослѣдствіи я помѣнялся днями съ Комаровымъ. Онъ уступилъ мнѣ вторники, а у него были четверги, такъ какъ четвергъ былъ докладной день Клейнмихеля у Государя и мнѣ, вслѣдствіе этого, иногда приходилось вечеромъ этого дня являться на службу. Впрочемъ, эта перемѣна дня не избавила меня отъ приглашенія Клейнмихеля на вечеръ по вторникамъ.

Именно въ этотъ день являлся обыкновенно курьеръ съ приглашеніемъ его и графини на вечеръ. Я приказывалъ сказать, что меня нѣтъ дома, и никогда въ этотъ день къ Клейнмихелю не ѣздилъ, а когда пріѣзжалъ къ нему на другой или третій день, онъ мнѣ выговаривалъ, что я у него не былъ по его приглашенію. Я подозрѣвалъ, что онъ, узнавъ, что у меня собираются на вечеръ по вторникамъ, нарочно посылалъ меня приглашать въ эти дни, чтобы поставить меня въ нѣкоторое затрудненіе, что ему, вѣроятно, доставляло удовольствіе, хотя онъ и былъ постоянно ко мнѣ очень расположенъ.

Выше я говорилъ, что лѣтомъ 1848 г. мною произведены были изысканія для составленія проекта по устройству водопровода въ Симбирскѣ. Командировка моя въ Екатеринославъ въ январѣ 1849 г. не дала мнѣ возможности заняться составленіемъ этого проекта. По возвращеніи изъ Екатеринослава, я немедля былъ назначенъ въ дѣйствующую въ Венгріи армію. Тогда же, по приказанію Клейнмихеля, свѣдѣнія, собранныя мною для составленія проекта устройства водопровода въ Симбирскѣ я передалъ состоявшему при Клейнмихелѣ инженеру путей сообщенія, полковнику Гергардту, для составленія проекта.

Возвратясь изъ Венгріи, я нашелъ, что это дѣло нисколько не подвинулось впередъ. Оно было снова передано мнѣ, и я въ концѣ 1849 г. представилъ Клейнмихелю подробный проектъ и смѣту на устройство Симбир-

скаго водопровода, которые тогда же были вполнѣ одобрены бывшимъ департаментомъ для разсмотрѣнія проектовъ и смѣтъ, но водопроводъ въ Симбирскѣ по моему проекту устроенъ не былъ.

При этомъ случаѣ скажу нѣсколько словъ объ упомянутомъ Гергардтѣ. Мнѣ казалось, что онъ на службѣ всегда выдвигался впередъ только тѣмъ, что умѣлъ придавать себѣ высокое значеніе и дѣйствовать черезъ своихъ подчиненныхъ, а такъ какъ таковыхъ у него въ 1849 г. не было, то онъ ничего не сдѣлалъ по порученному ему составленію проекта водопровода въ Симбирскѣ. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ начальникомъ I округа путей сообщенія, гдѣ отличался тѣмъ, что, помѣщаясь въ одномъ домѣ съ правленіемъ округа, рѣдко бывалъ въ правленіи и вообще доступъ къ нему былъ весьма затруднителенъ, что было неудобно для домовладѣльцевъ Петербурга, такъ какъ тогда ни одинъ домъ не могъ строиться, перестраиваться и исправляться безъ разрѣшенія правленія I округа.

Устройство электрическихъ телеграфовъ въ Россіи было вначалѣ возложено на это правленіе, а по развитіи ихъ былъ учрежденъ въ главномъ управленіи путей сообщенія особый телеграфный департаментъ, директоромъ котораго назначенъ былъ Гергардтъ.

Съ переходомъ этого департамента въ 1863 г. въ министерство почтъ и телеграфовъ, онъ, прослуживъ всего 5 лѣтъ въ чинѣ генералъ-маіора, былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, тогда какъ не только его товарищи по производству, оставшіеся въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, но и гораздо его старшіе продолжали службу въ томъ же чинѣ. Въ примѣръ приведу извѣстнаго строителя моста черезъ р. Неву Кербедза, который въ 1850 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры; онъ, несмотря на то, что считался всегда отличнымъ инженеромъ и усерднымъ служакою, только по преобразованіи корпуса инженеровъ путей сообщенія въ гражданское устройство былъ въ 1868 г. произведенъ въ тайные совѣтники. Это можетъ служить новымъ доказательствомъ не разъ заявленной мною трудности служебной карьеры въ инженерахъ путей сообщенія и того, что стоило инженеру путей сообщенія поступить въ другое вѣдомство, чтобы немедля быть повышеннымъ въ чинахъ. Гергардтъ по болѣзни долженъ былъ вскорѣ оставить службу. Его біографія съ портретомъ во всѣхъ орденахъ помѣщена въ издаваемой въ Женевѣ «Bibliothéque universelle des contemporains illustres».

Можно было бы отнести помѣщеніе этой статьи и портрета къ его тщеславію, если бы мнѣ не было извѣстно нахальство издателей упомянутой библіотеки, съ какимъ они добиваются подобныхъ статей, черезъ что и мой портретъ и біографія едва не попали въ эту библіотеку.

Въ началѣ 60-хъ годовъ я получилъ отъ издателей письмо, въ которомъ они просили меня доставить мою біографію и портретъ. Я имъ не отвѣчалъ на нѣсколько писемъ, но по полученіи отъ нихъ письма съ упрекомъ за мое равнодушіе къ полезному, по ихъ мнѣнію, изданію, я отвѣчалъ, что моя дѣятельность весьма обыкновенная, и что, вѣроятно, они желаютъ

имѣть портретъ и біографію моего брата, одного изъ защитниковъ Севастополя. Они отвѣчали, что я ошибаюсь, что имъ очень извѣстна моя дѣятельность и между прочимъ превосходное устройство водопроводовъ въ Москвѣ и что они желаютъ получить именно мой портретъ и біографію.

Состоявшій тогда при мнѣ инженеръ путей сообщенія Зальманъ упросилъ меня исполнить эту просьбу, и въ 1864 г. былъ посланъ къ издателю «библіотеки» мой фотографическій портретъ и переводъ съ моей біографіи, помѣщенной въ издававшемся художникомъ Тимомъ художественномъ листкѣ за 1860 г.

Въ бытность мою въ Карлсбадѣ въ 1864 г. я получилъ отъ упомянутыхъ издателей увѣдомленіе, что они приступили къ гравированію моего портрета, при чемъ просили дать имъ знать о томъ, какъ долженъ быть гравированъ мой портретъ, съ орденами или безъ орденовъ, присовокупляя, что въ первомъ случаѣ я долженъ буду имъ уплатить 1000, а въ послѣднемъ 500 франковъ, о чемъ они прежде не упоминали ни слова ни въ своихъ письмахъ, ни въ программахъ изданія.

Я отвѣчалъ, что никогда не желалъ помѣщать своего портрета и біографію въ ихъ изданіи; при сообщенныхъ же ими условіяхъ заявляю о рѣшительномъ моемъ нежеланіи и требую возвращенія посланныхъ къ нимъ данныхъ. Завязалась между нами довольно непріятная переписка, но, наконецъ, они выслали мнѣ портретъ, оставивъ біографію у себя.

Въ 1872 г. они возобновили свои требованія, выражая надежду, что я по крайней мѣрѣ вышлю біографическія о себѣ свѣдѣнія и что въ подобномъ изданіи они не могутъ умолчать о такомъ, какъ я, дѣятелѣ, а имъ, конечно, и мнѣ желательно, чтобы означенныя свѣдѣнія были вѣрныя. Я имъ опять ничего не отвѣчалъ. Не знаю, что побудило ихъ возобновить свои требованія; вѣроятно, они позабыли о бывшей между нами въ 1864 г. перепискѣ.

Служебныя мои занятія въ зиму 1849 и 1850 г. состояли въ исполненіи разныхъ порученій Клейнмихеля въ Петербургѣ. 18 марта 1850 г. я былъ назначенъ членомъ комитетовъ: учебнаго главнаго управленія путей сообщенія и по сооруженію постояннаго черезъ р. Неву моста и технической комиссіи при департаментѣ желѣзныхъ дорогъ, съ оставленіемъ при главноуправляющемъ, такъ что сверхъ занятій въ означенныхъ комитетахъ и комиссіи продолжалъ исполнять разныя служебныя порученія, даваемыя мнѣ Клейнмихелемъ.

Въ учебномъ комитетѣ старшимъ по чину былъ инженеръ путей сообщенія генералъ-лейтенантъ Рербергъ (впослѣдствіи инженеръ-генералъ и сенаторъ, уже умершій), но всѣмъ дѣломъ руководилъ бывшій членомъ этого комитета, отказавшійся отъ предложенія предсѣдательствовать въ немъ, генералъ-адъютантъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Правителемъ дѣлъ комитета былъ неоднократно мною упоминаемый А. И. Баландинъ.

Комитетъ собирался очень рѣдко. Протоколы будто бы бывшихъ засѣданій разсылались къ членамъ его для подписи. Благодаря правителю

дѣлъ они были всегда хорошо составлены и чрезвычайно аккуратно переписаны.

Въ засѣданіяхъ комитета говорилъ почти одинъ Ростовцевъ. Случалось поднимать голосъ Рербергу и Языкову (П. А.), которые постоянно спорили другъ съ другомъ. Сидѣвшій подлѣ меня членъ комитета, инженеръ путей сообщенія подполковникъ Редеръ (бывшій впослѣдствіи дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и инспекторомъ классовъ Института путей сообщенія, уже умершій), весьма талантливый рисовщикъ, отлично изображалъ этихъ господъ въ карикатурахъ.

Ростовцевъ обыкновенно раздавалъ разныя занятія членамъ комитета и хотѣлъ на меня возложить переводъ какой-то нѣмецкой книги. Я отказался, возражая, что я плохо знаю нѣмецкій языкъ. Ростовцевъ, кажется, этому не повѣрилъ и упрекнулъ меня, что я не хочу употреблять мои знанія и способности по учебной части. Я продолжалъ участвовать въ засѣданіяхъ комитета до переѣзда моего въ Москву въ 1852 г., а когда, спустя 9 лѣтъ, я снова переведенъ былъ на службу въ Петербургъ, меня болѣе въ него не приглашали.

Засѣданія комитета по сооруженію постояннаго черезъ Неву моста происходили каждый понедѣльникъ. Предсѣдателемъ его былъ генералъ Дестремъ. Членовъ комитета было много и въ числѣ ихъ строитель моста, инженеръ путей сообщенія полковникъ Кербедзъ. Когда послѣдній представлялъ о какихъ-либо улучшеніяхъ въ постройкѣ моста, Клейнмихель спрашивалъ черезъ комитетъ, о чемъ же Кербедзъ думалъ прежде, и приказывалъ дѣлать ему выговоры. Предсѣдатель комитета Дестремъ, конечно, исполнялъ эти приказанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый разъ поздравлялъ Кербедза съ тѣмъ, что онъ постоянно съ особою заботливостію придумываетъ все къ улучшенію ввѣренной ему постройки. Кербедзъ дѣйствительно сильно о ней заботился, не жалѣлъ денегъ для приданія ей совершенной прочности и былъ до того строгъ при пріемѣ матеріаловъ у подрядчиковъ, что послѣдніе брали весьма высокія цѣны и несмотря на это, вслѣдствіе излишней строгости Кербедза, оставались безъ выгодъ и даже разорялись. Всѣ эти причины, несмотря на честное веденіе дѣлъ Кербедзомъ, значительно возвысили стоимость моста.

Императоръ Николай Павловичъ часто посѣщалъ постройку и разными путями дошелъ до убѣжденія, что Кербедзъ не имѣетъ никакихъ незаконныхъ выгодъ при постройкѣ, что тогда было довольно рѣдкимъ исключеніемъ.

11 апрѣля 1850 г. Государь по обыкновенію неожиданно посѣтилъ работы почти оконченнаго моста и, изъявивъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ Кербедзу свое особое благоволеніе, приказалъ ему передать Клейнмихелю, чтобы онъ объявилъ объ этомъ въ приказѣ, равно какъ о благоволеніи Государя предсѣдателю и всѣмъ членамъ комитета. На проектѣ приказа, посланномъ Клейнмихелемъ на одобреніе Государя, Его Величество приписалъ: «подполковника Кербедза въ полковники».

И дѣйствительно пора было наградить его, такъ какъ со времени производства его въ 1843 г. въ подполковники, Клейнмихель не давалъ ему никакой награды въ ожиданіи окончанія моста. Кербедзъ не получалъ наградъ за преподаваніе въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которымъ онъ занимался и во время постройки моста, тогда какъ другіе преподаватели въ тѣхъ же заведеніяхъ получали награды каждые два года. Я былъ въ числѣ членовъ комитета, получившихъ Высочайшее благоволеніе; такимъ образомъ послѣ трехъ недѣль моего пребыванія въ комитетѣ въ мой формулярный списокъ занесено: «За удовлетворительное производство работъ постояннаго черезъ р. Неву моста, объявлено Монаршее благоволеніе».

Въ числѣ членовъ комитета были инженеры генералъ-лейтенантъ Рербергъ и подполковникъ Шешбель, оба Ѳеодоры Ивановичи. Послѣдній втихомолку трунилъ надъ первымъ, увѣряя, что его тезка старается даже въ присутствіи комитета принимать на себя объясненія съ подрядчиками, чтобы ихъ обирать (конечно, это была злая шутка), на что онъ большой мастеръ, такъ какъ онъ будто бы крадетъ деньги имъ же подаренныя своимъ малолѣтнимъ дѣтямъ.

Техническая комиссія при департаментѣ желѣзныхъ дорогъ собиралась два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ. Предсѣдателемъ ея былъ также Дестремъ. Комиссія занималась дѣлами по устройству желѣзной дороги между двумя столицами, какъ относительно разсмотрѣнія проектовъ, такъ и расчетовъ съ подрядчиками. Эта дорога была раздѣлена на двѣ дирекціи; первая отъ Петербурга до Бологова была ввѣрена полковнику Мельникову, а вторая отъ Бологова до Москвы полковнику Крафту.

Большая часть жалобъ подрядчиковъ на неправильные расчеты поступала по первой дирекціи, и многіе изъ членовъ комиссіи каждый разъ съ неудовольствіемъ отзывались по этому случаю о Мельниковѣ.

Хотя я зналъ Крафта за самаго благороднаго человѣка, но приписывалъ рѣдкія его столкновенія съ подрядчиками его равнодушію, а частые съ ними споры Мельникова къ его горячему участію къ интересамъ казны.

Только впослѣдствіи я увидалъ, на сколько я въ этомъ ошибался и что бо́льшая часть споровъ Мельникова съ подрядчиками происходили отъ его безпечности и неумѣнья вести дѣло. Это отзывалось еще и по прошествіи четверти столѣтія по окончаніи работъ: многіе споры еще разсматриваются въ Сенатѣ, который признаетъ бо́льшую часть требованій подрядчиковъ справедливыми, вслѣдствіе чего казна уплачиваетъ всю слѣдовавшую имъ сумму съ наросшими процентами.

Разобрать во время постройки Николаевской желѣзной дороги споръ между начальствомъ желѣзной дороги и подрядчиками мнѣ, незнакомому съ ея дѣлами, было невозможно, такъ какъ Клейнмихель часто требовалъ отъ членовъ комиссіи, чтобы они излагали свое мнѣніе, и не давалъ имъ времени ознакомиться съ дѣлами. Приведу слѣдующій примѣръ. Мельниковъ отвергалъ право подрядчиковъ на полученіе весьма значительной суммы за поставленные ими рабочіе инструменты и катальныя доски.

Всѣ члены комиссіи находили правильнымъ сдѣлать нѣкоторую уплату. Мнѣ прислали на домъ журналъ комиссіи для подписи и при немъ семь огромныхъ дѣлъ по означенному предмету съ приказаніемъ Клейнмихеля подписанный мною журналъ немедля представить ему.

Я поѣхалъ объясниться съ Мельниковымъ, который въ виду того, что я не имѣю никакой возможности въ такое короткое время ознакомиться съ столь сложнымъ дѣломъ, совѣтовалъ мнѣ согласиться съ большинствомъ. Только впослѣдствіи, предсѣдательствуя въ совѣтѣ министерства путей сообщенія и засѣдая въ 1-мъ департаментѣ Сената, я убѣдился, что члены технической комиссіи при департаментѣ желѣзныхъ дорогъ были правы въ своемъ неудовольствіи противъ представленій Мельникова, основанныхъ бо́льшею частію на непониманіи законныхъ правъ тѣхъ лицъ, съ которыми были заключены контракты на поставку рабочихъ и матеріаловъ.

Въ маѣ 1850 г. я получилъ предписаніе Клейнмихеля ѣхать на Днѣпровскіе пороги, наблюсти за работами, производящимися по устройству въ обходъ ихъ каналовъ и ожидать въ Екатеринославѣ его пріѣзда. Предувѣдомленный еще прошедшею зимою о томъ, что получу эту командировку, я устроилъ такъ, чтобы жена моя, которой здоровье требовало пребыванія на свѣжемъ воздухѣ, провела лѣто въ прекрасномъ имѣніи сестры моей А. И. Викулиной, с. Колодезскомъ близъ Задонска. Въ маѣ я привезъ жену и Е. Е. Радзевскую въ это имѣніе и, проведя въ немъ нѣсколько весьма пріятныхъ дней, съ грустью разстался съ женою, сестрою и племянницами и поспѣшилъ въ Екатеринославъ.

Изъ моихъ прошлогднихъ знакомыхъ я не нашелъ въ живыхъ доктора Сакса и баронессу Франкъ, мужъ которой былъ въ это время, равно какъ и много другихъ зимнихъ обитателей города, въ деревнѣ. Между инженерами путей сообщенія произошла слѣдующая перемѣна. Помощникъ начальника IX округа полковникъ Четвериковъ вышелъ въ отставку; на его мѣсто былъ назначенъ полковникъ Осинскій. Маіоръ Капгеръ былъ переведенъ на Кавказъ и одинъ изъ молодыхъ офицеровъ, фамилію котораго не помню, женился на хорошенькой дочери исправника Дмитріева.

Осинскій мнѣ показался очень усерднымъ служакою, знакомымъ съ гидравлическими работами, и честнымъ человѣкомъ. Все это придавало ему цѣну въ моихъ глазахъ и давало надежду, что, несмотря на его безтактность и недостатокъ общаго образованія, онъ дастъ хорошее направленіе производящимся на Днѣпрѣ работамъ.

Упомянутый молодой инженеръ съ своею молодою женою составляли очень хорошенькую парочку. Я бывалъ у нихъ и надѣялся, что ихъ счастливое супружество будетъ продолжительно. Обѣимъ этимъ надеждамъ не пришлось сбыться.

Большую часть времени, свободную отъ занятій, я проводилъ въ домѣ начальника IX округа Семичева.

Я нѣсколько разъ ѣздилъ осматривать работы, произведенныя въ

1849 г. въ порожистой части Днѣпра, и дѣлалъ съ мѣстными инженерами предположенія о продолженіи ихъ.

Въ маѣ и іюнѣ 1850 г., по высокому горизонту водъ въ Днѣпрѣ, никакихъ работъ не производилось. Въ Екатеринославѣ я часто получалъ письма отъ жены и сестры, которая писала, что она почти не видитъ жены моей, съ ранняго утра уходившей въ садъ ловить рыбу въ прудѣ. Я радъ былъ, что она нашла себѣ занятіе, но опасался, чтобы черезъ это не увеличились ея ревматизмы, отъ которыхъ она уже много страдала.

Начальникъ IX округа Семичевъ, узнавъ, что Клейнмихель вскорѣ пріѣдетъ въ Курскъ, находившійся въ раіонѣ его округа, поѣхалъ къ нему навстрѣчу, но вскорѣ вернулся весьма недовольный своею поѣздкою.

Клейнмихель разругалъ его и приказалъ воротиться въ Екатеринославъ, куда обѣщался вскорѣ пріѣхать. Между тѣмъ, гражданскія начальства Екатеринослава, и въ особенности губернаторъ, тайный совѣтникъ Андрей Яковлевичъ Фабръ, дѣлали разныя приготовленія въ городѣ, чтобы достойно принять столь высокое лицо. Боязнь, съ которою Фабръ ожидалъ Клейнмихеля, доходила до смѣшного. Ему постоянно мерещилось: «вотъ, вотъ онъ ѣдетъ».

Несмотря на то, что я увѣрялъ Фабра, что передовой курьеръ Клейнмихеля пріѣдетъ ко мнѣ 12-ью часами ранѣе пріѣзда послѣдняго и мы будемъ имѣть время нарядиться въ парадную форму для его встрѣчи, Фабръ часто, въ тревогѣ ожиданія Клейнмихеля, надѣвалъ мундиръ и ленту.

Въ этотъ пріѣздъ мой въ Екатеринославъ мнѣ были отведены три комнаты, составлявшія половину второго этажа двухъ-этажнаго дома. Другая половина была нанята очень красивою женщиною Добрянскою, у которой бывало много знакомыхъ, но съ которою я познакомился только въ слѣдующій мой пріѣздъ въ Екатеринославъ въ 1851 г.

Ложась спать обыкновенно въ 11-мъ часу ночи, я отпускалъ моего слугу ужинать и запиралъ за нимъ дверь. Однажды, лежа въ постели и читая книгу въ ожиданіи возвращенія моего слуги, я услыхалъ стукъ въ дверь и полагалъ, что пріѣзжіе стучатся къ моей сосѣдкѣ, но оказалось, что это былъ частный приставъ Абаза, присланный губернаторомъ съ извѣщеніемъ, что Клейнмихель пріѣхалъ и что губернаторъ, одѣтый въ полную форму, ждетъ меня, чтобы ѣхать вмѣстѣ на встрѣчу къ Клейнмихелю. Я отвѣчалъ, что Клейнмихель не могъ пріѣхать и что не встану съ постели.

Вскорѣ пріѣхалъ ко мнѣ самъ губернаторъ, который объяснилъ, что получилъ съ почтовой станціи извѣщеніе о пріѣздѣ Клейнмихеля. Я ему замѣтилъ, что куда же могъ дѣваться Клейнмихель и неужели онъ ожидаетъ насъ на станціи. Оказалось, что проѣхалъ чрезъ Екатеринославъ адъютантъ Клейнмихеля, Бутурлинъ, и такъ какъ у страха глаза велики, то прислали сказать губернатору, что пріѣхалъ самъ Клейнмихель, а не адъютантъ его.

Клейнмихель, по неизвѣстной причинѣ, долго не ѣхалъ. Во второй половинѣ іюня пріѣхалъ отъ него курьеръ, съ таинственнымъ видомъ ска-

завшій мнѣ, что Клейнмихель опасно боленъ въ Курской деревнѣ своей жены и требуетъ моего немедленнаго туда пріѣзда. О болѣзни Клейнмихеля курьеру не приказано было говорить никому ни слова. Я немедля выѣхалъ и въ своей коляскѣ, по курьерской подорожной, въ 16 часовъ поспѣлъ изъ Екатеринослава въ деревню Клейнмихеля, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Обояни.

На другой день я видѣлъ Клейнмихеля очень больнымъ въ постели, онъ мнѣ сказалъ, чтобы я подписался свидѣтелемъ на его завѣщаніи. Прошло нѣсколько дней, болѣзнь туго подавалась средствамъ доктора Фейхтнера и докторовъ, пріѣхавшихъ изъ Харькова; я нѣсколько дней не видалъ больного.

Свита его состояла изъ чиновниковъ особыхъ порученій Мицкевича (бывшаго впослѣдствіи директоромъ канцеляріи главноуправляющаго путями сообщенія) и Боричевскаго (бывшаго послѣ Мицкевича директоромъ той же канцеляріи, впослѣдствіи членъ совѣта министерства путей сообщенія) и изъ состоявшихъ при Клейнмихелѣ инженеръ-подполковника Серебрякова (впослѣдствіи генералъ-лейтенанта), капитана Адамовича (впослѣдствіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника) и меня. Вся эта свита помѣщалась въ маленькомъ флигелѣ господскаго дома подлѣ отхожаго мѣста, такъ что въ немъ отъ тѣсноты, жары и вони было невыносимо.

Мы, за исключеніемъ Адамовича, распредѣлили между собою наши занятія въ случаѣ смерти Клейнмихеля. Когда Адамовичу случилось подслушать наши объ этомъ толки, онъ воскликнулъ: «Нѣтъ, онъ не умретъ». Адамовичъ оказался правъ.

Когда Клейнмихелю сдѣлалось лучше, первымъ его дѣйствіемъ была слѣдующая комедія. Онъ приказалъ свое завѣщаніе принести потихоньку въ кабинетъ его жены и положить на ея столъ. Этимъ завѣщаніемъ онъ дѣлалъ жену свою наслѣдницею всего своего имѣнія, состоявшаго изъ благопріобрѣтеннаго имъ м. Почепа, населеннаго 4800 крѣпостными крестьянами. Этотъ актъ былъ не только безполезенъ, но могъ быть и убыточенъ. Графиня имѣла по закону право только на $^1/_7$ часть имѣнія и слѣдовательно, наслѣдуя всѣмъ имѣніемъ, должна была бы внести за остальныя $^6/_7$ имѣнія пошлинныя деньги, которыя составили бы до 20 т. рублей. Графиня же, имѣя собственное большое состояніе, вовсе не нуждалась въ предоставленіи ей этого имѣнія, которое, впрочемъ, никогда ничего не приносило, кромѣ убытковъ: оно было заложено въ сохранной казнѣ, куда ежегодный платежъ процентовъ простирался свыше 20 тыс. руб. Каждый годъ накоплялась на немъ недоимка, по временамъ уплачивавшаяся изъ доходовъ съ собственныхъ имѣній графини.

Когда здоровье Клейнмихеля дозволило ему выходить изъ комнаты, онъ сиживалъ во время обѣденнаго стола, накрытаго въ аллеѣ сада, перпендикулярной къ дому, на террасѣ передъ домомъ и оттуда смотрѣлъ въ зубы намъ, сидѣвшимъ за столомъ. Онъ очень былъ недоволенъ, когда состоящіе при немъ инженеры рѣдко показывались въ его семействѣ, такъ что Серебря-

ковъ рѣшился мнѣ сказать о заявленномъ Клейнмихелемъ неудовольствіи на то, что я прихожу только обѣдать, о чемъ Клейнмихель выражался слѣдующимъ образомъ:

— Я пригласилъ сюда Дельвига въ надеждѣ, что онъ своею бесѣдою разсѣетъ деревенскую скуку семьи моей, а онъ только валяется на постели, задравъ вверхъ ноги, и обжираетъ меня, получая сверхъ того мои порціоны.

Подъ этимъ Клейнмихель разумѣлъ 2 р. 50 к. суточныхъ денегъ, которыя состоящіе при немъ получали во время командировокъ изъ Петербурга, конечно, не отъ него, а изъ казны, но въ его понятіяхъ это было одно и то же. Серебряковъ мнѣ передалъ слова Клейнмихеля. Я отвѣчалъ откровенностью за откровенность, сказавъ ему:

— Клейнмихель мнѣ неоднократно говорилъ, что онъ пригласилъ меня въ гости, а что отъ васъ онъ требуетъ разныхъ услугъ, а вы ничего не дѣлаете.

Клейнмихель долго не поправлялся отъ болѣзни и назначилъ себѣ неподалеку отъ господскаго дома мѣсто, на которомъ желалъ быть похороненнымъ.

Въ Дмитріевское пріѣзжали какіе-то помѣщики, а болѣе помѣщицы, родные и знакомые графини, отличавшіеся малымъ образованіемъ и ничѣмъ болѣе. Графиня была съ ними любезна, графъ высокомѣренъ до такой степени, что не хотѣлъ, чтобы она съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ съѣздила на богомолье въ Бѣлгородъ. Она просила меня поѣхать съ нею, и мы въ каретѣ на почтовыхъ лошадяхъ съѣздили туда и назадъ въ одинъ день, побывавъ въ Бѣлгородѣ у обѣдни и у Харьковскаго архіерея въ его лѣтнемъ помѣщеніи. Впрочемъ, сообщенія наши съ Харьковомъ были почти ежедневныя: туда посылали и за докторами, и лекарствами, и за всякою бездѣлицею, нужною въ домашнемъ обиходѣ. Напримѣръ, испортится самая дешевая лампа; починка ея стоитъ рубль; между тѣмъ снаряжается курьеръ изъ казенно-служащихъ; ему выдаются прогонныя деньги на три лошади до Харькова и обратно и суточныя деньги по положенію; все это изъ казенныхъ суммъ.

Клейнмихелю въ голову не приходило, что поступаетъ незаконно. Онъ, впрочемъ, и не думалъ объ этомъ. Такимъ образомъ онъ расходовалъ казенныя суммы для своихъ надобностей. Но въ публикѣ существовали ложныя мнѣнія, что Клейнмихель наживалъ отъ своей должности милліоны рублей, которые переводилъ въ англійскій банкъ, и что Государь дарилъ ему значительныя суммы. Первое мнѣніе, какъ совершенную нелѣпость, я не намѣренъ опровергать, а второе также несправедливо, такъ какъ мало было лицъ, которыя, возвысясь въ чиновной іерархіи подобно Клейнмихелю, получали бы такъ мало арендъ и другихъ денежныхъ выдачъ. Онъ не хотѣлъ ихъ испрашивать, чему приведу слѣдующій примѣръ. Въ 1851 г. предстояло открытіе желѣзной дороги между двумя столицами и въ семействѣ Клейнмихеля говорили о наградѣ, которую онъ получитъ по этому случаю. Увѣряли, что онъ желалъ получить титулъ князя, но что жена его въ виду ихъ долговъ и большого числа дѣтей желала получить хорошую

сумму денегъ, которую, конечно, дали бы не иначе, какъ по особой просьбѣ ея мужа, а просить онъ не соглашался.

Однажды вечеромъ, улучивъ время, въ которое мы остались наединѣ, Клейнмихель мнѣ сказалъ, что жена уговариваетъ его просить у Государя, чтобы по имѣнію Почепъ, заложенному въ сохранной казнѣ, взыскивали съ него только капитальную сумму безъ процентовъ, и что тогда придется ежегодно вносить въ эту казну въ 6 разъ менѣе, противъ настоящаго ихъ взноса. Передавая мнѣ это, Клейнмихель обратилъ мое вниманіе, что подобная выдача капиталовъ съ возвращеніемъ ихъ въ казну безъ процентовъ часто производится лицамъ и менѣе его заслуженнымъ, но что онъ не понимаетъ, какъ можно при такомъ ничтожномъ ежегодномъ платежѣ уплатить въ 37 лѣтъ весь занятый капиталъ, при чемъ просилъ объяснить ему это просто безъ вычурныхъ выраженій. Я отвѣчалъ, что его разсужденіе правильно и объяснилъ ему это тѣмъ, что онъ платитъ теперь съ занятаго изъ сохранной казны капитала ежегодно 6%, т.-е. на каждые занятые 100 р. платитъ 6 р.; въ то число собственно въ уплату капитала платитъ только 1%, т.-е. 1 рубль, такъ что въ послѣднемъ случаѣ онъ уплатилъ бы въ продолженіе 37 лѣтъ, вмѣсто занятыхъ имъ 100 р., 37 рублей.

Онъ это понялъ и съ того времени рѣшительно отказалъ въ просьбѣ своей жены, которая догадалась, что это было слѣдствіемъ моихъ поясненій и нѣсколько времени на меня дулась.

Читателю покажется страннымъ, что я не объяснилъ Клейнмихелю теорію погашенія займа въ сохранной казнѣ, но я зналъ, что онъ ничего не понялъ бы изъ моего объясненія и не далъ бы мнѣ даже его окончить. Это мнѣ напоминаетъ слѣдующую сцену. Князь Кочубей испрашивалъ концессію на желѣзную дорогу отъ Харькова до Одессы съ гарантіею 5% на капиталъ и какой-то части процентовъ на его погашеніе. Въ Петербургѣ въ гостиной графини Клейнмихель сидѣли она, мужъ ея, братъ его первой жены нашъ посланникъ при Неаполитанскомъ дворѣ Кокошкинъ и П. А. Языковъ. Кокошкинъ спросилъ у Клейнмихеля, что значитъ, что Кочубей проситъ сверхъ 5% на капиталъ еще какіе-то проценты. Клейнмихель, не зная что отвѣчать, сказалъ:

— Кочубей дуракъ, самъ не знаетъ, что проситъ.

Языковъ же вздумалъ при этомъ объяснить теорію погашенія занятаго капитала. Клейнмихель взглянулъ на него очень сурово и Языковъ, съ перепугу, началъ молоть о погашеніи такую безсмыслицу, что никто не въ состояніи былъ бы понять то, что онъ объяснялъ.

Въ половинѣ іюня Клейнмихель началъ говорить, что для его здоровья пребываніе въ его имѣніи Почепѣ Черниговской губерніи предпочтительнѣе, и началъ туда собираться. Каждый вечеръ назначался выѣздъ на другое утро и утромъ отмѣнялся. Все время пребыванія Клейнмихеля въ деревнѣ уѣздный исправникъ и окружный начальникъ государственныхъ имуществъ не сходили со двора господскаго дома и у нихъ были въ готовности 60 лошадей для экипажей Клейнмихеля, его семейства, свиты, прислуги и кухни.

Отъ Курскаго имѣнія с. Дмитрієвскаго до с. Почепа, на протяженіи 400 верстъ, черезъ каждыя 20 верстъ было съ тою же цѣлію приготовлено по 60 лошадей. Этихъ лошадей, по распоряженію мѣстныхъ губернаторовъ, брали у окрестныхъ владѣльцевъ. Были такіе помѣщики въ весьма маломъ числѣ, какъ, напримѣръ, мой старый другъ А. С. Цуриковъ, которые не слушались исправниковъ и не высылали своихъ лошадей, но тѣмъ тягостнѣе было ихъ сосѣдямъ, такъ какъ во всякомъ случаѣ требовалось на каждую станцію не менѣе 60 лошадей. Эти лошади прождали Клейнмихеля 6 недѣль въ самую жаркую рабочую пору, въ іюлѣ и августѣ.

Каждое утро Клейнмихель вставалъ съ ругательствами, и всѣ его ругательства выносилъ на себѣ Серебряковъ, обязанный быть у него, какъ только онъ поднимется съ постели. Послѣ того Серебряковъ приходилъ въ нашъ флигель и обыкновенно уговаривалъ меня итти къ Клейнмихелю, чтобы развлечь его. Я всегда отказывался, опасаясь подвергнуться такой же руготнѣ. На это Серебряковъ обыкновенно возражалъ, что Клейнмихель дѣйствительно всталъ озлобленнымъ, но что Серебряковъ его подковалъ, и теперь Клейнмихель находится въ наилучшемъ духѣ. Конечно, это было пустое хвастовство со стороны Серебрякова, но вся свита Клейнмихеля очень тѣшилась надъ его выраженіемъ, что онъ подковываетъ Клейнмихеля. По этому случаю я поднесъ ему древній каменный молотъ, выброшенный изъ русла Днѣпра при взрываніи камней въ его порожистой части. Длинный адресъ, при которомъ былъ поднесенъ молотъ, былъ весьма удачно написанъ Боричевскимъ на славянско-церковномъ языкѣ. Въ адресѣ мы удивлялись искусству великаго мужа, умѣющаго подковывать ноги человѣка, на подобіе ногъ конскихъ и т. д.

Хотя Боричевскій былъ человѣкъ умный и въ извѣстномъ отношеніи ученый, но Серебряковъ и я любили подшучивать надъ нимъ, не имѣвшимъ понятія объ общественныхъ приличіяхъ. Въ деревнѣ Клейнмихеля, конечно, всѣ ходили безъ орденовъ; одинъ Боричевскій являлся къ обѣденному столу съ Анненскимъ крестомъ въ петлицѣ.

Несмотря на то, что онъ былъ тогда только надворнымъ совѣтникомъ, мы его звали «Ваше Превосходительство», полагая, что едва ли онъ дослужится до этого титула, а между тѣмъ онъ до него дослужился еще въ началѣ 1855 г., а въ 1856 г. получилъ уже Станислава I ст., тогда какъ мы были произведены въ генералъ-маіоры только въ августѣ 1858 г.

Отхожее мѣсто, бывшее подлѣ нашего флигеля, было зародышемъ безчисленнаго роя мухъ и всякаго рода насѣкомыхъ. Онѣ кусали мои губы, такъ что я иные дни вовсе не могъ ходить въ домъ къ Клейнмихелю. Мои распухшія губы очень забавляли его и онъ въ эти дни заходилъ ко мнѣ посмѣяться надъ ними.

Мы не могли понять, что задерживаетъ отъѣздъ Клейнмихеля и держитъ его въ постоянномъ раздраженіи. Департаментскія бумаги получались каждые два дня изъ Петербурга съ курьерами. Нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно могли раздражать его, но не до такой степени. Сколько

помню, одно только назначеніе военнаго инженеръ-генералъ-маіора Герстфельда товарищемъ главноуправляющаго путями сообщенія могло причинить ему сильное раздраженіе. Это назначеніе случилось слѣдующимъ образомъ.

Когда въ апрѣлѣ 1850 г. умеръ А. И. Рокосовскій, Императоръ Николай желалъ, чтобы Клейнмихель выбралъ одного изъ инженеровъ путей сообщенія къ себѣ товарищемъ, но онъ нѣсколько разъ положительно утверждалъ, что никто изъ нихъ неспособенъ занять этой должности.

Государь, считая необходимымъ, чтобы хотя товарищъ главноуправляющаго былъ спеціалистомъ по строительной части, увидѣвъ въ Варшавѣ Герстфельда, строившаго Варшаво-Вѣнскую желѣзную дорогу въ предѣлахъ Царства Польскаго, назначилъ его товарищемъ главноуправляющаго безъ предварительнаго согласія Клейнмихеля.

Но его приближеннымъ было извѣстно, что всѣ эти неудовольствія для него не представляли важности и что должна быть другая причина его раздраженія. Всѣ знали, что когда Государь не обращаетъ на него вниманія, онъ притворяется больнымъ и даже на самомъ дѣлѣ заболѣваетъ, но между тѣмъ пронесся слухъ, что онъ во время болѣзни получилъ собственноручное письмо отъ Государя. Надо полагать, что оно было не довольно ласково, и потому его не удовлетворило, такъ какъ онъ этого письма никому не показывалъ.

Въ началѣ же августа Клейнмихель получилъ, несмотря на значительно уменьшившееся съ 1849 г. къ нему расположеніе Государя, новое письмо, въ которомъ Его Величество выражалъ живое участіе къ болѣзни Клейнмихеля. Это письмо было показываемо всѣмъ и каждому, не исключая исправника и окружнаго начальника государственныхъ имуществъ, на которыхъ Клейнмихель въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ не обращалъ никакого вниманія, какъ-будто не зналъ, что они проводили цѣлые дни на господскомъ дворѣ.

Путь изъ с. Дмитріевскаго въ м. Почепъ слѣдовалъ черезъ Курскъ. Верстахъ въ 4-хъ отъ этого города было помѣстье Аркадія Аркадіевича Нелидова, вдовца, который былъ женатъ на сестрѣ графини Клейнмихель.

Онъ пригласилъ графа съ семьею и со свитою остановиться у него въ домѣ. Не будучи знакомъ съ А. А. Нелидовымъ и не получивъ отъ него личнаго приглашенія, я нашелъ болѣе удобнымъ остановиться въ Курскѣ на какомъ-то довольно грязномъ постояломъ дворѣ. Конечно, я каждый день ѣздилъ въ имѣніе Нелидова, очень высокомѣрнаго господина, имѣвшаго одну дочь, тогда еще ребенка, со временемъ богатую невѣсту.

Всѣ курскія власти являлись къ Клейнмихелю. Подобострастіе къ нему губернатора Устимовича, состоявшаго подъ его особымъ покровительствомъ, понятно, но мнѣ показалось страннымъ, что вице-губернаторъ Селецкій, человѣкъ повидимому порядочный, велъ себя относительно Клейнмихеля съ такимъ же подобострастіемъ.

По цѣлымъ часамъ мы ходили по прекрасному парку въ имѣніи Нели-

лова, и всѣ курскія власти, а въ томъ числѣ и Селецкій, подъ жгучимъ солнцемъ, никогда не надѣвали шляпъ. Клейнмихель, конечно, ни слова не сказалъ бы имъ, если бы они накрылись. Принадлежавшіе къ его свитѣ шли рядомъ въ фуражкахъ; онъ же никогда не приглашалъ надѣть шляпы. Впрочемъ не одно чувство подобострастія умѣлъ вселять Клейнмихель въ лицахъ, которымъ хотѣлъ нравиться.

Проведя цѣлый день съ Селецкимъ въ имѣніи Нелидова, я получилъ приглашеніе воротиться въ Курскъ въ его каретѣ. По дорогѣ онъ распѣвалъ разныя похвалы Клейнмихелю, и это вовсе не притворно. Я молчалъ. Но когда Селецкій сказалъ мнѣ, что какъ-то на душѣ легче, проведя день въ такомъ (не помню, какое онъ употребилъ прилагательное) семействѣ, отцу котораго онъ приписывалъ всякія добродѣтели, то я не могъ болѣе удержаться, чтобы не высказать моего мнѣнія о послѣднемъ и о томъ, какъ онъ ведетъ свое семейство и какъ мнѣ трудно было провести въ этомъ семействѣ послѣднія 6 недѣль.

По пріѣздѣ въ м. Почепъ, Клейнмихель былъ недоволенъ тѣмъ, что не нашелъ тамъ ни Черниговскаго губернатора Гессе, ни губернскаго предводителя дворянства Бороздню, хотя и зналъ, что они два раза были въ Почепѣ въ ожиданіи все откладывавшагося его пріѣзда и что они задержаны въ Черниговѣ проѣздомъ Наслѣдника. Эти власти были такъ же подобострастны къ Клейнмихелю, какъ и Курскія. Бороздна, бывшій впослѣдствіи губернаторомъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, особенно поразилъ меня тѣмъ, что онъ лобызалъ то грудь, то плечо Клейнмихеля.

Почепъ былъ въ числѣ имѣній, пожалованныхъ Петромъ Великимъ знаменитому князю Меньшикову. При его паденіи это имѣніе было отобрано въ казну и впослѣдствіи дано Императрицею Елисаветою Петровною князю Разумовскому. Послѣдній владѣлецъ Почепа князь Рѣпнинъ надѣлалъ неоплатные долги. Его дѣлами завѣдывалъ Ѳеодоръ Петровичъ Лубяновскій, бывшій тогда сенаторомъ, котораго старшій сынъ Петръ служилъ старшимъ адъютантомъ въ главномъ штабѣ Его Величества въ бытность Клейнмихеля дежурнымъ генераломъ.

На Почепѣ были большія недоимки по неплатежу процентовъ въ сохранную казну, въ которой онъ былъ заложенъ. При продажѣ Почепа съ аукціоннаго торга, предлагаемая за него сумма не покрывала капитальнаго долга съ недоимками. Ѳ. П. Лубяновскій, желая подслужиться Клейнмихелю, устроилъ такъ, что Почепъ, по Высочайшему повелѣнію, велѣно было передать послѣднему, переведя на него только капитальный долгъ, сдѣланный на 4200 душъ, числившихся по прежней ревизіи. По новой ревизіи оказалось 600 душами болѣе, такъ что при перезалогѣ Почепа по этой ревизіи осталось у Клейнмихеля до 50 тыс. руб. Клейнмихель, ничего не смысля въ этихъ расчетахъ, вообразилъ, вѣроятно, что это доходъ съ имѣнія, и впослѣдствіи никакъ не могъ понять, отчего доходы съ него такъ недостаточны, что графиня должна была, какъ выше мною сказано, прибавлять къ нимъ значительную сумму для уплаты процентовъ въ со-

хранную казну. Въ 1850 г. Почепомъ управлялъ отставной офицеръ Гуюсъ, товарищъ А. А. Вонлярлярскаго по шоссейнымъ подрядамъ. А. И. Рокосовскій находилъ фамилію этого управляющаго неприличною и, говоря съ графинею Клейнмихелъ, краснѣлъ, когда надо было назвать Гуюса.

Послѣдній взялся устроить дѣла по имѣнію такъ, чтобы оно приносило доходъ, и не успѣлъ въ этомъ. Но въ тѣ годы, въ которые онъ управлялъ имѣніемъ, графиня ничего не добавляла для уплаты процентовъ; его управленіе продолжалось только три или четыре года.

Въ Почепѣ былъ великолѣпный господскій домъ, садъ, большой паркъ, нѣсколько каменныхъ домовъ, выстроенныхъ торгующимъ въ мѣстечкѣ купечествомъ, и десять церквей, изъ которыхъ ближайшая къ господскому дому называлась придворною. На иконостасѣ церкви были позолоченные вензеля Е, въ воспоминаніе Императрицы Елисаветы Петровны.

Въ Почепѣ Клейнмихель былъ еще высокомѣрнѣе. Онъ гордился тѣмъ, что это имѣніе, принадлежавшее Меньшикову и Разумовскому, составляетъ теперь его собственность: ему казалось, что это придаетъ ему аристократическій лоскъ.

Въ Почепъ пріѣзжало къ нему болѣе посѣтителей, чѣмъ въ Дмитріевское. Пріѣзжалъ къ нему гостить родной его племянникъ генералъ-адъютантъ Николай Александровичъ Огаревъ и почти каждый день, между прочими, бывалъ состоявшій при немъ по особымъ порученіямъ, камергеръ Андрей Михайловичъ Гулевичъ съ женою, жившіе въ своемъ сосѣднемъ имѣніи.

Свита Клейнмихеля была помѣщена довольно просторно, такъ что къ Серебрякову пріѣхала его жена.

Клейнмихель любилъ хвастаться своею собственностью и всѣмъ, что она вмѣщаетъ. Жена старалась ему угодить, превознося Почепъ, хотя очень сожалѣла о деньгахъ, которыхъ онъ имъ стоилъ.

Въ наше пребываніе были устраиваемы рыбныя ловли и охота на зайцевъ. На рыбной ловлѣ изъ невода вытаскивали множество рыбы такого рода, что ихъ не могло быть въ протекающей въ имѣніи рѣчкѣ. Явно было, что вся рыба купленая. Когда ходили на охоту съ ружьями, то послѣ каждаго выстрѣла поднимали прежде разбросанныхъ зайцевъ, также купленныхъ въ ближайшемъ городѣ.

Клейнмихель не давалъ себѣ труда подумать, а то, конечно, догадался бы, что его надуваютъ. Вѣроятно, замѣтивъ на моемъ лицѣ улыбку сомнѣнія при вынутіи невода изъ рѣки, онъ особенно настаивалъ передо мною въ томъ, что его имѣніе дѣйствительно изобилуетъ всѣмъ, и въ доказательство прислалъ ко мнѣ въ комнату показать медвѣдя, который, какъ его увѣрили, былъ также пойманъ на его земляхъ, что впрочемъ и не представляло невѣроятности.

Земли въ имѣніи было 40 тысячъ десятинъ. Клейнмихель не допускалъ мысли, чтобы можно было видѣть ея границы. Такъ, идя съ женою своею, мною и приказчикомъ имѣнія, онъ говорилъ, что лѣсъ, который виденъ былъ

на концѣ поля, принадлежитъ ему и что за лѣсомъ лежащая земля также его. Приказчикъ доложилъ, что земля Клейнмихеля кончается въ лѣсу, что прежде Почепскія земли дѣйствительно шли далѣе, но что прежній владѣлецъ, князь Рѣпнинъ, ихъ продалъ.

Клейнмихель сердито закричалъ:

— Ахъ, онъ подлецъ такой, какъ онъ смѣлъ продавать мои земли.

Этому приказчику постоянно доставалось отъ Клейнмихеля. Когда онъ пришелъ однажды доложить, что пріѣхали купцы для покупки липоваго лѣса, Клейнмихель спросилъ, зачѣмъ имъ этотъ лѣсъ; приказчикъ отвѣчалъ, чтобы ободрать кору на мочала. Тогда Клейнмихель, разсердясь, закричалъ:

— Хотятъ обдирать кору съ моего лѣса, а ты не содралъ съ нихъ кожи. Клеопарта, Клеопарта, — обращаясь къ женѣ своей, — нашлись люди, осмѣливавшіеся предлагать мнѣ покупку моего лѣса для обдиранія съ него коры, а этотъ мошенникъ не содралъ съ нихъ живыхъ кожи.

Я объяснилъ Клейнмихелю, что полезно продавать на срубку старый лѣсъ, что этимъ способомъ можно было бы получить доходъ съ его бездоходнаго имѣнія. Онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, мои дѣти не скажутъ, чтобы я что-либо продалъ изъ имѣнія, которое они послѣ меня наслѣдуютъ.

Казарменное неприличіе въ его обращеніи доходило до невѣроятія. Разныя нецензурныя выраженія, на которыя Клейнмихель былъ большой мастеръ, раздавались очень часто при его дѣтяхъ. Это, а равно и вообще обращеніе Клейнмихеля съ лицами, ниже его поставленными, весьма дурно дѣйствовало на его сыновей, которые старались во многомъ подражать ему, и это до такой степени, что я находилъ для себя обязательнымъ предупредить ихъ мать.

Она понимала это, благодарила за вниманіе, но не могла ничѣмъ помочь. Обѣ старшія дочери, Елисавета, впослѣдствіи баронесса Пиллеръ, и Александра, впослѣдствіи баронесса Розенъ, вполнѣ отъ нея зависѣвшія, были очень милы и скромны; характеръ старшей былъ мягче, но мнѣ болѣе нравилась младшая.

Клейнмихель не обращалъ вниманія на воспитаніе своихъ дѣтей. Онъ училъ ихъ драться еще на рукахъ кормилицъ, а какъ только они начинали произносить слова, то и ругаться.

При разрываніи порохомъ камней въ руслѣ порожистой части Днѣпра, вылетали разныя весьма древнія монеты, инструменты и другіе предметы; нѣкоторые изъ нихъ я хотѣлъ передать Клейнмихелю.

Въ с. Дмитріевскомъ, по причинѣ его болѣзни, я не могъ этого сдѣлать. Въ Почепѣ же я принесъ всѣ эти вещи въ большой домъ и, оставивъ ихъ въ передней, вошелъ въ залу, гдѣ, найдя Клейнмихеля, началъ было ему говорить о предметахъ, привезенныхъ мною съ пороговъ, но онъ не любя, чтобы ему доказывали словесно о чемъ-либо касающемся до технической части и, вѣроятно, вообразивъ, что мой разговоръ относится до

этой части, не дослушавъ меня, подойдя къ бывшему въ той же залѣ на рукахъ кормилицы своему младшему сыну (впослѣдствіи нашему младшему военному агенту въ Парижѣ, тамъ умершему), сказалъ ему: «Мишка, бей ее (т.-е. кормилицу), хорошенько бей», и. взявъ его ручонки, билъ ими по щекамъ кормилицы. Вслѣдъ за этимъ онъ исчезъ изъ комнаты, а означенные предметы съ Днѣпровскихъ пороговъ и до сего времени находятся у меня.

Въ концѣ августа я получилъ увѣдомленіе отъ жены, жившей все лѣто въ имѣніи сестры моей, что она выѣзжаетъ въ Петербургъ, а отъ ея брата Валерія—что мнѣ необходимо пріѣхать въ Нижегородское имѣніе для смѣны бурмистра, мало пекущагося о сборѣ оброка, и для обзора дѣйствій землемѣра, отмежевывающаго пустошь въ 9500 дес. земли, заложенныхъ по неисправнымъ откупамъ Абазы и предназначенныхъ къ продажѣ съ аукціона. Я ничѣмъ не былъ занятъ въ Почепѣ, а потому просилъ Клейнмихеля уволить меня въ 28-дневный отпускъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ по Нижегородскому имѣнію, которое, при всей малодоходности, все же составляло, сверхъ убогаго содержанія по службѣ, единственный источникъ моихъ средствъ къ жизни.

Но Клейнмихель мнѣ наотрѣзъ отказалъ. Онъ не желалъ, чтобы свита его уменьшалась и, вѣроятно, считалъ преступленіемъ желаніе покинуть его. Я обязанъ только сильному ходатайству его жены и его племянника Огарева за то, что наконецъ былъ отпущенъ.

Въ имѣніи я остановился въ тѣсной комнатѣ конторы и на другой день по пріѣздѣ былъ въ Богородскомъ, въ господскомъ домѣ котораго жили шурья мои Валерій и Николай. Къ обѣду пріѣхалъ мой своякъ графъ Толстой, съ которымъ мы не имѣли никакого сношенія почти три года.

Въ комнатахъ, въ которыхъ жили мои шурья, было чрезвычайно холодно, несмотря на то, что осень только еще начиналась. Стѣны комнатъ и мебель были грязны. Валерій требовалъ смѣны моего бурмистра, который съ своей стороны утверждалъ, что оброкъ плохо собирается вслѣдствіе неправильныхъ распоряженій моего шурина, отдаваемыхъ будто бы имъ изъ-за своихъ выгодъ.

Конечно, я долженъ былъ повѣрить шурину и смѣнилъ бурмистра.

Съ Толстымъ мы обошлись холодно. Онъ мнѣ сказалъ, что при отмежеваніи въ дачахъ моихъ шурьевъ пустоши, заложенной по неисправнымъ откупамъ Абазы, въ нее не включаются сѣнокосы, составляющіе главный доходъ крестьянъ, а при отмежеваніи таковой же пустоши въ дачахъ жены моей въ нее домежеваны и всѣ сѣнокосныя мѣста; за отходомъ же ихъ отъ имѣнія, крестьяне жены моей будутъ лишены возможности платить оброкъ.

Толстой вызвался указать означенныя мѣста землемѣру, котораго я упросилъ снова обойти пустошь въ дачѣ жены моей, исключивъ изъ нея сѣнокосныя мѣста, что мнѣ стоило новыхъ издержекъ.

Дикость Толстого доходила до того, что, будучи вообще честнымъ человѣкомъ, онъ иногда дѣлалъ безчестные поступки и даже ими хвастался.

Въ имѣніи жены моей было нѣсколько водяныхъ мельницъ, которыя за безцѣнокъ были сдаваемы въ аренду ея крестьянамъ. По распоряженію шурина моего Валерія, эти мельницы въ 1849 г. были сданы за нѣсколько высшую цѣну Толстому, въ имѣніи жены котораго, по сосѣдству, было также нѣсколько мельницъ. Толстой вмѣсто того, чтобы употребить въ дѣло мельницы, принадлежащія женѣ моей, совершенно запустилъ ихъ и даже срылъ мельничныя плотины, такъ что лишилъ жену и того малаго дохода, который она получала съ нихъ.

На вопросъ мой Толстому, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, онъ отвѣчалъ самымъ грубымъ образомъ, что неужели, зная, что означенныя мельницы беретъ на аренду сосѣдъ, владѣлецъ такихъ же мельницъ, я могъ предполагать, что онъ беретъ ихъ съ другою цѣлію, а не для того, чтобы ихъ уничтожить, и что онъ такъ и сдѣлалъ, приказавъ навозъ изъ плотинъ, который накладывали (онъ употребилъ другое выраженіе) въ нихъ со временъ Петра Великаго, вывезти на поля. Это сужденіе было до такой степени дико, что я оставилъ его безъ отвѣта.

Проѣздомъ черезъ Нижній Новгородъ въ оба пути я останавливался въ домѣ предсѣдателя казенной палаты Б. Е. Прутченко. Я всегда любилъ бесѣду умнаго старика. У него въ это время я каждый день обѣдалъ съ служившимъ въ казенной палатѣ красивымъ молодымъ человѣкомъ, весьма прилично одѣтымъ и съ изящными манерами. Онъ говорилъ по-русски безъ акцента и казался хорошо образованнымъ. Прутченко, вслѣдствіе всѣхъ этихъ достоинствъ, приблизилъ его къ себѣ, и я удивлялся, что такая замѣчательная личность служитъ въ губернскомъ городѣ. Онъ долго оставался на этой службѣ, постоянно отличаемый Прутченко. Онъ былъ уже помолвленъ съ дочерью отставного инженера путей сообщенія Лина, какъ вдругъ былъ арестованъ и посланъ въ Сибирь. Оказалось, что этотъ господинъ былъ изъ сосланныхъ въ Сибирь, гдѣ онъ, неизвѣстно какимъ образомъ, присвоилъ себѣ паспортъ и имущество какого-то умершаго и по этому паспорту поступилъ на службу. Узнали кто онъ такой очень страннымъ способомъ. Понятно, что многіе чиновники не полюбили такого изящнаго господина. Одинъ изъ писцовъ его стола въ палатѣ имѣлъ брата писцомъ въ Нижегородскомъ губернскомъ правленіи, который, прочитывая извѣщенія сибирскихъ начальствъ, нашелъ, что примѣты одного бѣглаго точно списаны съ столоначальника его брата, и сообщилъ ему объ этомъ. Послѣдній, разсердясь однажды на своего начальника, назвалъ его именемъ бѣглаго и замѣтилъ въ немъ перемѣну въ лицѣ. Онъ объ этомъ донесъ полиціи, и по распоряженію губернатора молодой человѣкъ былъ схваченъ и во всемъ сознался.

Въ Москвѣ я нашелъ Клейнмихеля, который немедля по моемъ пріѣздѣ поручилъ мнѣ изслѣдовать причину обрушенія моста въ г. Луцкѣ и возобновить его. При этомъ обрушеніи сильно изувѣчены три солдата изъ лагеря, стоявшаго въ Луцкѣ. Въ самый день паденія моста Наслѣдникъ Великій Князь Александръ Николаевичъ проѣхалъ черезъ него четыре раза.

Я поѣхалъ въ Луцкъ черезъ Пинскъ. Окружающія его болота, по причинѣ сильнаго дождливаго времени, были неудобопроѣзжаемы. Въ Луцкѣ грязь была по ступицу, ходить пѣшкомъ было невозможно, ѣхать затруднительно. Войска, стоявшія лагеремъ около Луцка, уже разошлись по зимнимъ квартирамъ. Для свиданія съ начальникомъ штаба 4-го пѣхотнаго корпуса Филипсономъ, я предполагалъ ѣхать въ штабную квартиру, но узналъ, что онъ послѣ лагеря вышелъ въ отставку, будучи не въ состояніи продолжать службу съ такимъ формалистомъ, какимъ былъ корпусный командиръ Д. Е. Сакенъ.

Въ мостѣ обрушилась устроенная на его срединѣ подъемная часть, которая до моего пріѣзда была возобновлена столоначальникомъ Волынской строительной комиссіи строительнаго отряда путей сообщенія штабсъ-капитаномъ Проскуряковымъ (впослѣдствіи коллежскимъ совѣтникомъ и губернскимъ инженеромъ Кіевскаго губернскаго правленія), который былъ и первоначальнымъ строителемъ моста.

Проскуряковъ по возобновленіи моста уѣхалъ въ Житоміръ. По пріѣздѣ моемъ въ этотъ городъ, я узналъ отъ него, что по проекту, утвержденному главнымъ управленіемъ путей сообщенія, слѣдовало мостъ въ Луцкѣ устроить безъ подъемной части, но что таковая была устроена по приказанію Волынскаго военнаго губернатора, князя Илларіона Илларіоновича Васильчикова, основанному на томъ, что въ иные годы подъ этимъ мостомъ проходитъ десятка полтора барокъ; при этомъ Васильчиковъ требовалъ, чтобы на устройство висячей части моста было употреблено менѣе 600 р., каковую сумму онъ имѣлъ право отпустить изъ земскихъ сборовъ безъ разрѣшенія министра. Проскуряковъ, не знакомый съ устройствомъ висячихъ мостовъ, устроилъ эту часть моста неправильно. Впослѣдствіи за ней не было никакого присмотра; грязь съ нея не счищалась.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ Житомірѣ, я узналъ, что Проскуряковъ чиновникъ способный, весьма усердный, но мало учившійся, что онъ съ своимъ семействомъ находится въ крайней бѣдности, что онъ не прочь отъ полученія нѣкоторыхъ незаконныхъ выгодъ по службѣ, но что онѣ не превосходятъ нѣсколькихъ сотъ рублей въ годъ, которыя съ двумя стами рублей его жалованья едва были достаточны для его существованія. Посланный къ Проскурякову мой слуга сказалъ мнѣ, что онъ живетъ за городомъ на грязной улицѣ и помѣщается съ большимъ семействомъ въ двухъ грязныхъ комнатахъ, что обѣдъ дѣтей, самый простой, готовится ихъ нянькою, и что жена Проскурякова, по полученіи извѣстія о паденіи моста, отъ испуга заболѣла и вскорѣ умерла. Проскуряковъ въ нѣсколько дней похудѣлъ и, дѣйствительно старый, его мундиръ сидѣлъ на немъ, какъ мѣшокъ.

Васильчиковъ, говоря со мною, обвинялъ Проскурякова и полагалъ, что онъ по суду будетъ разжалованъ въ рядовые. Я старался объяснить Васильчикову, что если бы мостъ былъ выстроенъ по проекту, утвержденному главнымъ управленіемъ путей сообщенія, то не произошло бы обру-

шенія, что висячая часть моста была выстроена по его приказанію въ противность утвержденнаго проекта. Онъ, не понимая меня, приказалъ принесть чертежъ моста въ доказательство того, что проектъ утвержденъ, и объяснилъ, что по закону онъ имѣлъ право употребить до 600 р. изъ земскаго сбора на дополнительную работу. Я съ своей стороны утверждалъ, что измѣненіе, потребованное имъ въ утвержденномъ проектѣ, могло быть допущено только по разсмотрѣніи его департаментомъ проектовъ и смѣтъ, который указалъ бы, какъ должно строить висячую часть, и затѣмъ не произошло бы ея паденія. Я старался навести Васильчикова на мысль, чтобы онъ принялъ на себя часть вины и тѣмъ, не подвергая себя по своему положенію отвѣтственности, снялъ бы часть таковой съ Проскурякова; но, при всей добротѣ Васильчикова, въ началѣ мои старанія были безуспѣшны.

Васильчиковъ такъ сильно былъ раздраженъ противъ Проскурякова, что съ удовольствіемъ ожидалъ разжалованія его въ рядовые. Позвавъ послѣдняго для дачи при мнѣ объясненій, онъ обходился съ нимъ высокомѣрно и съ презрѣніемъ. Въ кабинетѣ Васильчикова вмѣстѣ съ нами былъ столоначальникъ Волынскаго губернскаго правленія, молодой человѣкъ, замѣтно съ хорошими способностями. При выходѣ Васильчикова со мною для прогулки по городу, въ передней его дома не было прислуги; упомянутый столоначальникъ, въ присутствіи моемъ и Проскурякова, надѣлъ калоши Васильчикову, который принялъ эту услугу, какъ что-то должное.

На другой день я передалъ Проскурякову о раздраженіи Васильчикова противъ него, и онъ мнѣ объяснилъ, что этому причиной мѣстный жандармскій полковникъ Ардаренко (впослѣдствіи Архангельскій губернаторъ), который имѣетъ большое значеніе у Васильчикова, такъ что всѣ губернскіе чины во всѣхъ случаяхъ относятся къ нему съ особымъ подобострастіемъ, ѣздятъ его поздравлять съ большими праздниками, и что Ардаренко недоволенъ Проскуряковымъ за то, что онъ въ этомъ не подражаетъ другимъ чиновникамъ.

Одна и та же исторія съ инженерами путей сообщенія повторяется во всѣхъ губернскихъ городахъ: они не хотятъ и кланяться губернаторамъ и другимъ лицамъ, имѣющимъ значеніе въ губерніи, хотя ихъ служебная дѣятельность большею частію такъ же не безкорыстна, какъ и другихъ чиновниковъ.

Я обратилъ вниманіе Проскурякова на то, что когда мы наканунѣ выходили изъ дома Васильчикова, то бывшій у послѣдняго такой же столоначальникъ, какъ и Проскуряковъ, бросился надѣвать калоши Васильчикову, что, конечно, я не учу его дѣлать то же, но Васильчикову, который долженъ считать обоихъ столоначальниковъ равными между собою, должна казаться странною разница между ихъ обхожденіями съ нимъ, что если всѣ и даже вице-губернаторъ ищутъ въ жандармскомъ полковникѣ, то я не вижу причины, чтобы и онъ, безъ униженія

себя, не дѣлалъ того же,что и я, для избавленія его отъ бѣды, немедля поѣду къ Ардаренко просить быть за него ходатаемъ у Васильчикова.

Я такъ и сдѣлалъ, и дѣйствительно; вмѣстѣ съ Ардаренко уговорилъ Васильчикова принять часть вины на себя, что онъ и изложилъ въ письмѣ къ Клейнмихелю. По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ и по объясненіи послѣднему всего дѣла, онъ вздумалъ было отдать въ приказѣ о неправильныхъ дѣйствіяхъ Васильчикова, но сейчасъ же раздумалъ и все, что относилось къ Васильчикову, исключилъ изъ приказа, оставивъ въ немъ только изложеніе вины Проскурякова, при чемъ назначилъ выдержать его семь дней на гауптвахтѣ. Итакъ, мои старанія увѣнчались успѣхомъ. Проскуряковъ, подлежавшій военному суду, подвергся только дисциплинарному взысканію.

Изъ Житоміра въ Петербургъ я ѣхалъ черезъ Могилевъ-на-Днѣпрѣ. Въ этомъ городѣ я нашелъ моего стараго товарища по Институту инженеровъ путей сообщенія, Н. Ф. Ястржембскаго, который, оставивъ занятія по званію профессора механики и строительнаго искусства, перешелъ на службу въ VII (Могилевскій) округъ путей сообщенія. Онъ имѣлъ большое семейство, жилъ въ очень хорошемъ собственномъ домѣ и былъ при деньгахъ, которыхъ, повидимому, неоткуда ему было взять, какъ дѣлая злоупотребленія по состоявшему въ его вѣдѣніи шоссе. Этими злоупотребленіями отличался VII округъ путей сообщенія.

Впрочемъ, Ястржембскій имѣлъ и другой источникъ для полученія денегъ: это сильная картежная игра, но онъ, кажется, болѣе проигрывалъ, чѣмъ выигрывалъ, и тѣмъ неоднократно ставилъ свою семью въ самое ужасное положеніе.

Изъ Москвы до Луцка и обратно до Могилева я ѣхалъ въ своемъ тарантасѣ, а оттуда до Петербурга поѣхалъ въ почтовой каретѣ, тарантасъ же оставилъ у Ястржембскаго съ тѣмъ, чтобы онъ мнѣ былъ доставленъ при случаѣ, но о немъ не было болѣе и помину.

Такимъ образомъ, состоя по особымъ порученіямъ у Клейнмихеля, я, при всей моей безденежности, принужденъ былъ бросить свои экипажи.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, въ началѣ ноября, былъ пожаръ въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія: обгорѣлъ незначительно паркетъ въ кабинетѣ помощника директора по учебной части Соболевскаго.

Клейнмихель поручилъ директору строительнаго училища полковнику (впослѣдствіи генералъ-лейтенанту) Лишину и мнѣ изслѣдовать причины пожара. По сдѣланнымъ нами допросамъ, мы не дознали причины пожара, но Лишинъ, который надѣялся замѣнить Энгельгардта въ должности директора института, изыскивалъ разными путями способъ доказать, что пожаръ произошелъ по непростительной неосторожности, въ чемъ будто бы онъ убѣдился изъ разсказовъ своего сына, обучавшагося въ то время въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и слышавшаго это отъ другого его сына, обучавшагося въ Институтѣ.

Я объяснилъ Лишину, что мы можемъ дѣлать наши заключенія только

по формальныхъ показаніямъ, а потому не угодно ли ему будетъ при мнѣ допросить своего сына, юнкера гвардейской школы, на что онъ не согласился. Затѣмъ мы представили Клейнмихелю всѣ отобранныя нами показанія при мною редижированномъ и подписанномъ обоими нами рапортѣ, въ которомъ изложили наше заключеніе.

При открытіи постояннаго моста черезъ Неву, Лишинъ сказалъ мнѣ, что Клейнмихель положилъ на нашемъ рапортѣ резолюцію: «Я не вѣрю обоимъ слѣдователямъ». Я отвѣчалъ Лишину, что никогда не справляюсь о резолюціяхъ Клейнмихеля на моихъ донесеніяхъ, а если онъ намъ не вѣритъ, то не слѣдовало ему назначать насъ слѣдователями.

Въ томъ же ноябрѣ окончилась постройка постояннаго на Невѣ моста. За нѣсколько дней до открытія я зашелъ къ его строителю Кербедзу, котораго нашелъ не въ духѣ. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ съ самаго начала устройства моста почти ежедневно выслушивалъ всякаго рода непріятности отъ Клейнмихеля и все терпѣлъ въ виду желанія окончить это важное дѣло, которое ему было поручено. Но теперь, когда оно окончено, Клейнмихель вывелъ его изъ терпѣнія.

Мѣстность около строившагося моста была завалена огромною массою матеріаловъ, которые должно было свезти ко дню открытія моста. Для отвозки этихъ матеріаловъ былъ найденъ подрядчикъ за оптовую плату. Обязанность строителя моста заключалась только въ томъ, чтобы подрядчикъ выставлялъ ежедневно такое количество лошадей, которыми можно было бы окончить очистку моста своевременно.

Кербедзъ долженъ былъ представлять Клейнмихелю ежедневную вѣдомость о числѣ выставленныхъ подрядчикомъ лошадей. Не довольствуясь этимъ, Клейнмихель поручилъ инженеръ генералъ-маіору Кролю, человѣку весьма дурной репутаціи, повѣрять показанія Кербедза.

Въ тотъ день, когда я пришелъ къ послѣднему, Кроль нашелъ число лошадей, отвозившихъ матеріалы, нѣсколько меньше, чѣмъ было показано въ вѣдомости Кербедза. Послѣдній не могъ утвердительно сказать: солгалъ ли Кроль, чтобы подслужиться Клейнмихелю, или же не досчиталъ онъ лошадей по затруднительности ихъ сосчитать во время работы, или, дѣйствительно, подрядчикъ уменьшилъ число лошадей послѣ счета ихъ Кербедзомъ.

Клейнмихель призвалъ къ себѣ послѣдняго и очень грубо выговаривалъ ему за ложное показаніе лошадей въ представленной вѣдомости. Кербедзъ не выдержалъ этого выговора и въ первый разъ дозволилъ себѣ отвѣчать Клейнмихелю. Онъ сказалъ, что свое дѣло—постройку моста — исполнилъ съ усердіемъ, а очистку мусора, конечно, можно поручить и Кролю. Клейнмихель, не привыкшій къ подобнаго рода отвѣтамъ, ушелъ изъ своего кабинета. Кербедзъ, не дождавшись его возвращенія, также ушелъ.

21-го ноября было назначено торжественное открытіе моста. Набережныя обѣихъ сторонъ были покрыты безчисленною массою народа. При

входѣ на мостъ съ Англійской набережной стояли по одной сторонѣ предсѣдатель и члены комитета по устройству моста, въ числѣ послѣднихъ и строитель; а на другой представители Петербургскаго биржевого комитета и городскаго управленія. Производители работъ стояли каждый на устроенномъ подъ его наблюденіемъ быкѣ моста.

Представители биржевого комитета были приглашены къ церемоніи открытія моста потому, что онъ строился на заемный капиталъ, который долженъ былъ быть погашенъ добавочнымъ сборомъ съ приходящихъ къ Петербургскому порту иностранныхъ товаровъ.

Государь, выйдя изъ экипажа, поблагодарилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ всѣхъ инженеровъ, трудившихся надъ устройствомъ моста, и въ особенности предсѣдателя комитета и строителя, и поздравилъ представителей биржевого комитета и городского управленія съ столь полезнымъ сооруженіемъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, по совершеніи молебствія, онъ, сопровождаемый великими князьями, взошелъ на мостъ. За нимъ бросилась вся масса народа при нескончаемыхъ крикахъ «ура». Конечно, мостъ никогда не подвергнется болѣе такому испытанію, буквально негдѣ было упасть яблоку.

Государь прошелъ по вновь построенной набережной на Васильевскомъ островѣ, еще разъ поблагодарилъ всѣхъ трудившихся, тутъ же поздравилъ Дестрема инженеръ-генераломъ, а Кербедза инженеръ генералъ-маіоромъ и кавалеромъ Владиміра 3 ст., хотя онъ имѣлъ только орденъ Анны 3 ст., и приказалъ наградить всѣхъ членовъ комитета, а помощникамъ Кербедза дать по двѣ награды. Обратно черезъ мостъ Государь и вся его свита проѣхали въ экипажахъ. Дестремъ и Кербедзъ обѣдали въ этотъ день у Государя въ Царскомъ Селѣ.

А. А. Вонлярлярскій достраивалъ въ это время огромный домъ на углу Англійской набережной (впослѣдствіи Фалькенгагена), внутренность котораго, по капризамъ Клейнмихеля, нѣсколько разъ передѣлывалась.

По отъѣздѣ Государя, Клейнмихель и всѣ инженеры, участвовавшіе въ устройствѣ моста, вошли въ нетопленную угловую комнату второго этажа дома Вонлярлярскаго. На каминѣ этой комнаты Клейнмихель, въ присутствіи всѣхъ, дѣлалъ вполнѣ произвольныя распоряженія по полученному имъ Высочайшему повелѣнію о наградахъ участвовавшимъ въ устройствѣ моста. Вмѣсто двухъ наградъ, какъ приказалъ Государь, каждому изъ помощниковъ Кербедза, онъ только тремъ назначилъ по двѣ награды: чинъ и орденъ, а остальнымъ по одной, или чинъ или орденъ, и нѣкоторымъ высшій, а другимъ низшій орденъ, нисколько не сообразуясь съ заслугами награждаемыхъ, о которыхъ могъ свидѣтельствовать только Кербедзъ, но его не спрашивали. Членамъ же комитета по устройству моста, а въ ихъ числѣ и мнѣ, вмѣсто наградъ, было объявлено въ Высочайшемъ приказѣ Монаршее благоволеніе и удовольствіе, что и внесено въ мой и ихъ формулярные списки.

Во всей Россіи много говорили о значительной денежной наградѣ,

данной будто бы Кербедзу за постройку моста. Нѣкоторые полагали, что ему подарены были употребленныя для укладки чугунныхъ фермъ моста подмостки, которыя были свинчены дорого стоющими длинными, толстыми, желѣзными болтами. Но всѣ эти слухи были несправедливы. По открытіи моста, несмотря на то, что Кербедзъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, содержаніе его уменьшилось на 200 р.

При постройкѣ моста онъ получалъ, сверхъ содержанія, 1340 руб. по чину инженеръ-полковника, 1000 р. добавочныхъ; отпускъ послѣднихъ съ открытіемъ моста былъ прекращенъ, и все его содержаніе по чину генералъ-маіора равнялось 2140 р. Упомянутые же желѣзные болты достались не Кербедзу, а по весьма дешевой цѣнѣ племяннику Клейнмихеля, генералъ-адъютанту Огареву.

Послѣдній обязался поставить таковые болты для деревянныхъ фермъ американской системы мостовъ, строившихся на желѣзной дорогѣ между двумя столицами. Онъ заявилъ, что, по неимѣнію въ продажѣ въ Петербургѣ круглаго желѣза потребной на болты толщины и по причинѣ закрытія навигаціи, онъ не въ состояніи ихъ поставить къ сроку (черезъ это задерживалось открытіе движенія по строющейся дорогѣ), а такъ какъ желѣзные болты, употребленные для подмостей моста черезъ Неву, оказываются болѣе не нужными, то просилъ ихъ продать ему.

Всего проще было бы избавить Огарева отъ поставки болтовъ, замѣнивъ ихъ имѣвшимися въ распоряженіи казны. Казалось, что Клейнмихель и полагалъ такъ сдѣлать, браня заочно Огарева за постоянно испрашиваемыя имъ льготы и пособія и называя его «безштанникомъ», но по ходатайству, какъ говорили тогда, своей жены далъ предписаніе комитету по устройству моста передать болты Огареву съ 20% скидки съ заготовительной цѣны.

Болты эти были привезены изъ Англіи безпошлинно, какъ мнѣ помнится, по 2 р. за пудъ и уступлены Огареву по 1 р. 60 к. за пудъ. Цѣна же, по которой обязался Огаревъ поставлять болты для мостовъ желѣзной дороги, была 4 р. 50 к. за пудъ, а такъ какъ передаваемые ему болты могли быть употреблены на означенныхъ мостахъ безъ всякой передѣлки, то онъ и получилъ чистой выгоды за каждый пудъ по 2 р. 90 к., а на всѣхъ болтахъ, сколько помнится, болѣе 50 тыс. рублей.

Клейнмихель въ день открытія моста получилъ брилліантовые знаки къ ордену св. Андрея Первозваннаго, тогда какъ лица, получившія этотъ орденъ въ прошедшемъ году, ранѣе его, еще не получили этого украшенія. Въ числѣ ихъ былъ близкій къ Императору человѣкъ, графъ В. Ѳ. Адлербергъ, который получилъ это украшеніе только въ 1856 г. Эта награда имѣла тѣмъ большее значеніе для Клейнмихеля, что полученіе Андреевскаго ордена было для него сопряжено съ большими затрудненіями.

Читателю, конечно, покажутся странными шумъ и награды вслѣдствіе постройки моста, тогда какъ въ настоящее время строится много весьма значительныхъ мостовъ и ихъ строители не всегда получаютъ

награды. За 20 лѣтъ, съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, искусство устройства мостовъ сдѣлало большіе успѣхи, но въ 40-хъ годахъ постройка постояннаго моста на Невѣ была мудреною задачею не для однихъ русскихъ инженеровъ.

Полагаю умѣстнымъ здѣсь объяснить, какія именно заслуги по устройству моста оказали награжденныя лица. Клейнмихель, конечно, ничего не понималъ въ этомъ дѣлѣ, своимъ постояннымъ вмѣшательствомъ въ дѣло постройки и бранью, которою осыпалъ строителя, онъ дѣлалъ только вредъ. Но, съ другой стороны, надо сказать, что при другомъ начальникѣ, не столько самостоятельномъ и энергичномъ, постройка моста могла бы не быть приведена къ окончанію.

Сдѣлавъ выборъ строителя, Клейнмихель, несмотря на говоръ многихъ, что Кербедзъ никогда ничего не строилъ и неопытенъ въ постройкахъ, что онъ не представляетъ своевременно отчетности по принятымъ формамъ, держался за Кербедза. Перемѣна личности строителя, а тѣмъ болѣе наряженіе комиссіи для приведенія въ порядокъ отчетности и неминуемая остановка работъ на время ея засѣданій, къ чему могли прибѣгнуть другого свойства начальники, могли бы быть причиною, что разъ остановленныя работы не возобновились бы. Сверхъ того, скорыя разрѣшенія всего представляемаго строителемъ черезъ комитетъ по устройству моста и энергичныя требованія Клейнмихеля о скорѣйшемъ производствѣ работъ были полезны, въ особенности, принимая въ соображеніе врожденную Кербедза медленность и нерѣшительность.

Дестремъ былъ всегда готовъ поддержать человѣка со способностями и усерднаго, а потому всѣми отъ него зависѣвшими способами облегчалъ труды Кербедза. Хотя Дестремъ любилъ увѣрять всѣхъ, что онъ главный строитель моста, такъ же какъ и главный строитель форта въ Кронштадтѣ, поминутно называя ихъ mon pont и mon port, такъ что получилъ названіе: «Prince de Monpont, Duc de Monport», но это не мѣшало ему съ должнымъ уваженіемъ относиться къ Кербедзу. Послѣднему, конечно, принадлежитъ вся заслуга по устройству моста. Обширныя познанія, усердіе и безкорыстіе его въ этомъ дѣлѣ несомнѣнны. Его можно обвинять только въ томъ, что онъ не жалѣлъ ни казенныхъ денегъ, употребляя такіе матеріалы, которые могли бы быть и меньшихъ размѣровъ и не столь высокихъ качествъ, ни поставщиковъ этихъ матеріаловъ, требуя отъ нихъ буквально, часто безъ всякой надобности, исполненія контрактовъ, черезъ что они за всѣ предметы требовали высокихъ цѣнъ, и несмотря на то, вслѣдствіе слишкомъ строгаго пріема, разворялись.

Понятно, что при этихъ условіяхъ мостъ съ набережными при немъ стоилъ огромныхъ суммъ. Чтобы показать, до какой степени была вредна строгость пріема Кербедзомъ матеріаловъ, разскажу слѣдующее. Знаменитый впослѣдствіи въ исторіи Николаевской желѣзной дороги и даже русскихъ финансовъ, американецъ Уайненсъ, тогда еще бѣдный заводчикъ, взялся изготовить на содержимомъ имъ Александровскомъ заводѣ чугун-

ныя фермы моста. Первыя, поставленныя имъ фермы, были Кербедзомъ забракованы, по недостаточной, какъ говорили, причинѣ.

Уайненсъ понесъ убытокъ, но впослѣдствіи, наживъ десятки милліоновъ по своимъ контрактамъ съ казною, онъ говорилъ, что всѣмъ своимъ богатствомъ обязанъ Кербедзу, который, придираясь къ буквѣ контракта, не принялъ отъ него фермъ, и съ того времени Уайненсъ понялъ, какіе контракты слѣдуетъ заключать съ русскою казною. Дѣйствительно, два его знаменитые контракта на ремонтъ подвижного состава Николаевской желѣзной дороги, доставившіе ему десятки милліоновъ рублей барыша, были составлены такъ, что они давали обширное поле Уайненсу толковать ихъ въ свою пользу.

Помощники Кербедза, производители работъ.—а ихъ было по одному на каждомъ быкѣ и устоѣ,—были весьма усердны и не могли быть иными при столь строгомъ и неограниченно требовательномъ начальникѣ. Члены комитета по устройству моста, конечно, менѣе другихъ принесли пользы, и въ особенности я, по недавности моего назначенія, но все же они были недовольны, что Клейнмихель, вмѣсто обѣщанныхъ Государемъ наградъ, т.-е. чиновъ или орденовъ, ограничился объявленіемъ имъ Монаршаго благоволенія и удовольствія.

На сооруженіе моста черезъ Неву была выбита сочиненная графомъ Ѳ. П. Толстымъ (умеръ въ 1873 г.) медаль. На одной ея сторонѣ изображенъ Геркулесъ, который, перебросивъ палицу черезъ воду, льющуюся изъ урны лежащей нимфы, переходитъ по палицѣ, ведомый Минервою; надъ этою группою надпись: «бысть». На другой сторонѣ медали изображеніе моста, надъ которымъ паритъ коронованный двуглавый орелъ съ лавровымъ вѣнкомъ въ одной лапѣ и громами въ другой. Участвовавшіе въ постройкѣ моста генералы получили таковыя медали, большой величины, золотыя, а прочіе чины, въ томъ числѣ и я, такой же величины серебряныя.

По пріѣздѣ въ Петербургъ изъ командировокъ 1850 г., я представилъ отчетъ въ отпущенной мнѣ авансомъ суммѣ на прогоны и суточныя деньги по 2 р. 50 к. въ сутки. Чиновники, командируемые военнымъ министромъ для исполненія особыхъ порученій, получали по закону двойныя прогонныя деньги.

Клейнмихель, не желая ни въ чемъ быть ниже другихъ министровъ, испросилъ Высочайшее повелѣніе, чтобы командируемые имъ чиновники для исполненія особыхъ порученій также пользовались двойными прогонными деньгами, но прибавилъ къ этому слова: „по усмотрѣнію главноуправляющаго“. Съ этого времени всѣ командируемые Клейнмихелемъ чиновники особыхъ порученій, въ томъ числѣ и я, получали двойныя прогонныя деньги.

Въ такомъ видѣ представленъ былъ мною счетъ прогоннымъ деньгамъ по моимъ поѣздкамъ въ 1850 г., но Клейнмихель, имѣя въ виду выше приведенныя слова «по усмотрѣнію главноуправляющаго», приказалъ расчесть меня одиночными прогонными деньгами и потребовать отъ меня излишне

записанныя въ расходъ деньги, что составляло нѣсколько сотъ рублей.

Бывшіе постоянно въ свитѣ Клейнмихеля говорили мнѣ, что я напрасно отъ нихъ отдѣлился, такъ какъ въ противномъ случаѣ получилъ бы, наравнѣ съ ними, не только двойныя прогонныя деньги за дѣйствительно произведенныя поѣздки, но и за такія, которыхъ вовсе не было. Серебряковъ, получавшій для поѣздокъ Клейнмихеля авансомъ деньги изъ департамента хозяйственныхъ дѣлъ, обязанъ былъ въ продолженіе этихъ поѣздокъ содержать его и его свиту на полученныя имъ на прогоны деньги, что было возможно при краткости времени поѣздокъ и значительномъ ихъ протяженіи.

Въ 1850 г. прогонныхъ денегъ по совершеннымъ поѣздкамъ было на это недостаточно, и Серебрякову пришлось выписать прогоны за такія поѣздки, которыхъ Клейнмихель не дѣлалъ, и именно — нѣсколько поѣздокъ по р. Сейму.

Такимъ образомъ, состоявшіе постоянно въ свитѣ Клейнмихеля, проѣхавъ изъ Петербурга въ его Курское, а оттуда въ его Черниговское имѣніе и обратно черезъ Москву въ Петербургъ, получили гораздо болѣе меня, проѣхавшаго изъ Петербурга не только въ оба означенныя имѣнія, но и на Днѣпровскіе пороги и изъ Москвы въ Луцкъ, Житоміръ и Петербургъ.

Отказъ Клейнмихеля въ выдачѣ мнѣ двойныхъ прогонныхъ денегъ ставилъ меня въ невозможность исполнять его порученія, сопряженныя съ разъѣздами, влекущими за собою значительныя издержки. Къ тому же я получилъ отъ завѣдывавшаго имѣніемъ жены моей, брата ея В. Н. Левашова, извѣщеніе, что, несмотря на смѣну бурмистра, нельзя ожидать полученія безнедоимочно оброка съ крестьянъ, по случаю ихъ значительнаго раззоренія прежними управляющими, и предлагалъ купить все имѣніе за такую сумму, что по вычетѣ долга, лежащаго на имѣніи по залогу его въ Московскомъ опекунскомъ совѣтѣ, оставалось бы около 30 тыс. руб.

Оброкъ сбирался не по числу ревизскихъ душъ, которыхъ въ имѣніи жены моей было 1067, а по особой раскладкѣ, по которой въ 1850 г. состояло оброчныхъ душъ до 900, обязанныхъ платить въ годъ 8100 р., а такъ какъ ежегодная плата въ опекунскій совѣтъ составляла около 5000 р., то и оставалось чистаго дохода 3000 рублей.

Конечно, оброкъ не сбирался вполнѣ, но съ другой стороны получались небольшіе доходы съ продаваемаго лѣса, съ аренды мельницъ и другихъ угодій, такъ что, дѣйствительно, получалось ежегодно дохода до 3 тыс. руб. Сверхъ того, означенною ежегодною уплатою 5000 р. уплачивалась часть капитальнаго долга, и по прошествіи нѣкотораго числа лѣтъ уплаты, имѣніе могло быть перезаложено, при чемъ получалась нѣкоторая сумма на руки. При продажѣ же имѣнія за 30 тыс. рублей, я могъ получить вѣрныхъ процентовъ только 1500 р. въ годъ, а потому на продажу не согласился. Но получая содержанія всего около 1000 руб. въ годъ и 3000 р. дохода съ имѣнія, я не могъ долѣе жить въ Петербургѣ, несмотря на то, что жена моя

ничего на себя не тратила и вообще сдѣлалась до нельзя разсчетливою, а жившая у насъ Е. Е. Радзевская чрезвычайно экономничала въ нашемъ хозяйствѣ.

Читатель, конечно, замѣтилъ въ моемъ разсказѣ, что моею цѣлію было сдѣлать служебную карьеру, но теперь уже я потерялъ на нее всякую надежду. Для карьеры необходимо быстрое повышеніе въ низшихъ чинахъ, такъ какъ въ высшихъ чинахъ награды замѣтнѣе и потому онѣ даются преимущественно въ сравненіи съ сверстниками.

Между тѣмъ, я состоялъ въ офицерскихъ чинахъ уже 22-ой годъ и, несмотря на мои похожденія на Кавказѣ и въ Венгріи и близость мою къ Клейнмихелю, я еще не достигъ полковничьяго чина, котораго многіе достигали тогда въ 10 лѣтъ и даже менѣе.

По этимъ причинамъ, а также и потому, что мнѣ надоѣло быть свидѣтелемъ капризовъ Клейнмихеля, я рѣшился 16-го декабря 1850 г. послать къ нему прошеніе на Высочайшее имя объ увольненіи меня отъ службы, расчитывая по полученіи отставки заняться въ деревнѣ хозяйствомъ и въ особенности торговлею лѣсомъ, а въ случаѣ неуспѣшнаго хода моего хозяйства—поступить въ гражданскую службу, въ которой М. Н. Муравьевъ обѣщался, по дружбѣ своей съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Перовскимъ, опредѣлить меня на первую вице-губернаторскую вакансію. При открытіи же вакансіи предсѣдателя межевой канцеляріи Муравьевъ желалъ, чтобы я принялъ на себя эту должность.

Двѣ недѣли просьба моя объ отставкѣ оставалась безъ всякаго движенія. Я въ это время не ѣздилъ къ Клейнмихелю и постоянно бранилъ его за то, что онъ не даетъ хода моей просьбѣ. Въ ночь съ 30 на 31 декабря я былъ разбуженъ повѣсткою, которою я приглашался быть у Клейнмихеля 31-го декабря въ часъ по полудни. Я пріѣхалъ нѣсколькими минутами ранѣе. Дежурный адъютантъ Бутурлинъ сказалъ мнѣ, что Клейнмихель не приказалъ никого принимать, кромѣ меня, а обо мнѣ не докладывать, такъ какъ онъ самъ позоветъ меня къ себѣ. Спустя нѣсколько минутъ Бутурлинъ спросилъ меня, не доложить ли обо мнѣ. Я ему отвѣчалъ, что, по моему, лучше придержаться приказанія, даннаго Клейнмихелемъ, а впрочемъ, чтобы дѣлалъ, какъ онъ знаетъ.

Почти въ это самое время Клейнмихель показался у двери своего кабинета и позвалъ меня въ кабинетъ. Когда я вошелъ въ него, Клейнмихель сидѣлъ на кругломъ купэ, стоявшемъ посрединѣ кабинета. Придавъ своему лицу болѣзненный видъ, онъ самымъ нѣжнымъ голосомъ сказалъ мнѣ, что полученное имъ прошеніе мое объ отставкѣ его крайне удивило, что онъ не можетъ постичь причины такого поступка съ моей стороны, что онъ не только теперь, но и всегда былъ отлично расположенъ ко мнѣ, что онъ никогда на меня не возлагалъ никакихъ обязанностей, кромѣ служебныхъ, такъ что моя служба есть служба Государю, равно какъ и его служба, конечно, въ разныхъ положеніяхъ, опредѣлившихся и долговременностію

его службы и тѣмъ, что онъ въ ея началѣ былъ уже близокъ къ Государю и занималъ важныя должности.

Затѣмъ онъ выразилъ неудовольствіе на то, что я, не переговоривъ съ нимъ, прислалъ рапортъ съ прошеніемъ объ отставкѣ, который, бывъ распечатанъ въ канцеляріи, сдѣлался извѣстнымъ, что ему очень не нравится, такъ какъ многіе приходятъ въ канцелярію справляться, что дѣлается съ моею отставкою, и въ особенности это занимаетъ Серебрякова (состоявшаго также при немъ по особымъ порученіямъ), котораго онъ при этомъ разсказѣ назвалъ «бѣлою вошью».

Въ заключеніе онъ меня спросилъ, что могло понудить меня просить объ отставкѣ, сколько лѣтъ я состою при немъ, былъ ли во все это время хотя одинъ случай, при которомъ онъ сдѣлалъ бы мнѣ какую-либо непріятность и что можетъ быть я недоволенъ, не получая достаточно наградъ по службѣ.

Я отвѣчалъ Клейнмихелю, что единственною причиною желанія моего выйти въ отставку служитъ совершенное разстройство моихъ дѣлъ и вслѣдствіе этого невозможность продолжать службу въ Петербургѣ. По настоянію его, чтобы я отвѣчалъ и на другіе его вопросы, я сказалъ, что служу при немъ 8 лѣтъ и во все время былъ почтенъ добрымъ его расположеніемъ, за которое всегда буду благодаренъ; что я получилъ послѣдній чинъ, перегнавъ многихъ старшихъ меня, что имѣю всѣ знаки отличія, соотвѣтствующіе моему чину и не настолько самолюбивъ, чтобы полагать имѣть право на скорѣйшее производство, что дѣйствительно Клейнмихель не возлагалъ на меня никакихъ другихъ порученій, кромѣ служебныхъ, хотя я готовъ былъ бы, при исполненіи служебныхъ обязанностей, быть полезнымъ и по собственнымъ его дѣламъ; прислалъ же я рапортъ съ прошеніемъ объ отставкѣ, а не представилъ его лично, зная, какъ Клейнмихель не любитъ вообще выпускать въ отставку, а тѣмъ болѣе людей, которыхъ онъ къ себѣ приблизилъ; что при поданіи лично ему прошенія, онъ, конечно, вспылилъ бы противъ меня и это было бы весьма непріятно мнѣ, а можетъ быть впослѣдствіи и ему.

На это Клейнмихель возразилъ, что я не имѣю права обвинять его, чтобы онъ не только пылилъ противъ меня, но когда-либо возвысилъ въ разговорахъ со мною голосъ. Я отвѣчалъ, что это правда, но что я столько разъ былъ свидѣтелемъ его вспыльчивости, что могъ и за себя опасаться. На это Клейнмихель, улыбаясь, замѣтилъ, что я уже слишкомъ много отъ него требую, чтобы онъ не только на меня не пылилъ, но даже не пылилъ бы и при мнѣ.

Потомъ Клейнмихель сказалъ, что находитъ меня очень полезнымъ для службы не только въ настоящее время, но видитъ во мнѣ человѣка, который со временемъ можетъ занять одну изъ весьма важныхъ должностей, для которыхъ представляется такъ мало способныхъ, а потому онъ, какъ непосредственный мой начальникъ, почитаетъ обязаннымъ убѣдить меня не оставлять службы, а какъ человѣкъ искренно меня любящій и надѣющійся

на взаимность, онъ полагаетъ, что я пойму, что въ его лѣта трудно лишаться людей приближенныхъ и выбирать новыхъ и, сверхъ того, онъ увѣренъ, что я буду сожалѣть объ оставленіи службы, такъ какъ, проведя лучшіе годы моей жизни, такъ же какъ и онъ, на государственной службѣ, я уже сдѣлался неспособенъ къ мелочному хозяйству: мѣрить овесъ и т. п., какъ онъ выразился.

Я, поблагодаривъ его за добрый отзывъ обо мнѣ, сказалъ, что съ сожалѣніемъ оставляю мою при немъ службу и чувствую свою малую способность къ хозяйству, но что невозможность существовать въ Петербургѣ моимъ содержаніемъ и доходами съ имѣнія заставляютъ меня просить объ отставкѣ.

На это Клейнмихель предложилъ мнѣ выдачу денегъ изъ суммы, назначенной на пособіе бѣднымъ инженерамъ путей сообщенія. Я отказался, представляя Клейнмихелю, что сумма эта весьма незначительна, а большая часть инженеровъ бѣднѣе меня и потому имѣютъ болѣе меня право на пособіе изъ этой суммы. Убѣжденія Клейнмихеля продолжались болѣе четверти часа. Въ это время входила къ нему въ кабинетъ на нѣсколько минутъ жена его, которая мнѣ выговаривала, что я ее совсѣмъ забылъ. Наконецъ, Клейнмихель сказалъ: «Ну, что дѣлать, насильно милъ не будешь», и приказалъ мнѣ исполнить послѣднее его порученіе: передать директору его канцеляріи о внесеніи моей отставки въ проектъ Высочайшаго приказа, который онъ представитъ въ первый его докладной день, къ чему прибавилъ, что, конечно, при отставкѣ мнѣ будетъ дано все положенное по закону и мною заслуженное.

Во время разговора онъ не приглашалъ меня сѣсть. Отпущенный такъ милостиво, я повернулся, размышляя о томъ, какъ напрасно я много бранилъ столь внимательнаго начальника.

Когда я взялся за ручку двери, ведущей изъ кабинета Клейнмихеля, я почувствовалъ, что меня кто-то схватилъ за руку. Я обернулся и увидалъ передъ собою Клейнмихеля, который мнѣ сказалъ, что значитъ я съ вами навсегда простился и мы болѣе не увидимся. Я отвѣчалъ, что когда буду бывать въ Петербургѣ, то съ его позволенія буду попрежнему посѣщать графиню и надѣюсь у нея видѣть его.

Клейнмихель при этомъ, улыбаясь, сказалъ, что изъ моихъ словъ онъ заключаетъ, что я воображаю уже себя въ отставкѣ. Я отвѣчалъ, что основываю это на только что данномъ имъ мнѣ приказаніи о внесеніи моей отставки въ проектъ Высочайшаго приказа. На его замѣчаніе, что Государь, принявъ во вниманіе его постоянно похвальные обо мнѣ отзывы, можетъ меня не выпустить, я отвѣчалъ, что Государь часто увольняетъ людей болѣе меня заслуженныхъ, и если Клейнмихель не будетъ представлять Государю объ оставленіи меня на службѣ, то, конечно, нельзя ожидать отказа со стороны Государя, при чемъ просилъ его не задерживать меня на службѣ, которую я не могу нести по недостатку денежныхъ средствъ.

Клейнмихель мнѣ на это сказалъ, что хотя я состою при немъ 8 лѣтъ,

но мало его знаю, если могъ вообразить, что онъ такъ легко со мною разстанется и что онъ вовсе не дастъ ходу моей просьбѣ, при чемъ спросилъ, что я буду дѣлать въ такомъ случаѣ.

Я отвѣчалъ, что буду его просить письмами дать ей ходъ.

На его возраженіе, что письма эти онъ будетъ присоединять къ прошенію, которое уже двѣ недѣли лежитъ въ его бюро и можетъ вмѣстѣ съ будущими моими письмами пролежать въ немъ неопредѣленное время, я отвѣчалъ, что я надѣюсь, что онъ или, наконецъ, сжалится надо мною, или что мои письма ему надоѣдятъ.

Онъ на это сказалъ, что никогда не сжалится, а письма мои не могутъ ему надоѣсть, потому что, зная впередъ въ чемъ они состоятъ, онъ ихъ и читать не будетъ. Къ этому онъ прибавилъ, что такъ какъ теперь дальнѣйшее наше поведеніе намъ обоимъ извѣстно, т.-е. что я буду ему отъ времени до времени присылать письма, а онъ, не читая ихъ, будетъ пріобщать къ поданному мною прошенію, то болѣе объ этомъ и говорить нечего, а лучше заняться дѣломъ, при чемъ пригласилъ меня сѣсть и взять книгу, въ которой напечатанъ списокъ генераловъ и штабъ-офицеровъ корпуса инженеровъ путей сообщенія съ тѣмъ, чтобы я выбралъ новаго начальника въ IX (Екатеринославскій) округъ, такъ какъ онъ намѣренъ смѣнить Семичева.

Я выбралъ помощника начальника этого округа полковника Осинскаго, и онъ немедля приказалъ его назначеніе внести въ проектъ Высочайшаго приказа.

Въ это время вошелъ въ кабинетъ Клейнмихеля лейбъ-медикъ Мандтъ, который лечилъ Императора Николая въ предсмертную его болѣзнь. При самомъ входѣ онъ сказалъ, что очень радъ, найдя насъ обоихъ въ дружеской бесѣдѣ, а Клейнмихеля сверхъ того нисколько не взволнованнымъ, тогда какъ онъ опасался, что послѣ нашего свиданія могутъ послѣдовать болѣзненные признаки у послѣдняго; онъ намекалъ на рвоту желчью, которая возобновлялась у Клейнмихеля при каждой тревогѣ. Откланявшись Клейнмихелю и Мандту, я нашелъ въ билліардной комнатѣ, бывшей рядомъ съ кабинетомъ, племянника Клейнмихеля, генералъ-адъютанта Н. А. Огарева, который одинъ каталъ шары по билліарду и, увидя меня, подбѣжалъ съ вопросомъ: «Ну, какъ, ну, что?» Не желая ему ничего объяснять, я отвѣчалъ, что ничего нѣтъ особаго.

Въ слѣдующей комнатѣ меня встрѣтила жена Клейнмихеля съ приглашеніемъ не забывать ея вечеровъ. Изъ появленія въ кабинетѣ Клейнмихеля, во время моего разговора, жены его и Мандта и изъ того, что Огаревъ одинъ въ билліардной ожидалъ окончанія этого разговора, можно представить себѣ, какъ близкіе Клейнмихеля опасались, что бесѣда моя съ нимъ можетъ кончиться неблагополучно и дурными послѣдствіями для его здоровья.

Пріѣхавъ домой, я обсудилъ съ женою, слѣдуетъ ли мнѣ продолжать надоѣдать Клейнмихелю моею отставкою, или покориться моей участи. Имѣя въ виду, что онъ во всякомъ случаѣ захочетъ настоять на своемъ,

а если я ему надоѣмъ, можетъ даже отправить меня членомъ въ какую-нибудь дальнюю (можетъ быть и Сибирскую) губернскую строительную комиссію, куда я, до полученія отставки, обязанъ былъ бы ѣхать и куда жена моя по болѣзненному своему состоянію ѣхать не можетъ, я рѣшился не говорить болѣе Клейнмихелю о моей отставкѣ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, директоръ канцеляріи Заика, по приказанію Клейнмихеля, пригласилъ меня въ канцелярію, гдѣ передалъ мнѣ тысячу рублей, пожалованныхъ по Высочайшему повелѣнію изъ секретныхъ суммъ. Въ этихъ деньгахъ онъ не взялъ съ меня расписки и сказалъ, что, при полученіи пособія изъ этихъ суммъ, не слѣдуетъ являться начальству съ официальною благодарностію.

Въ концѣ марта 1851 г. я узналъ, что къ Святой недѣлѣ Клейнмихель представляетъ меня въ полковники, но что списокъ представляемыхъ нѣсколько разъ переписывался изъ-за того, что Клейнмихель ежедневно измѣняетъ награду, къ которой онъ представляетъ Серебрякова.

Я говорилъ, что послѣдній былъ старше меня по службѣ, но не имѣлъ короны на орденѣ Анны 2 ст., и Клейнмихель, узнавъ, что Серебряковъ часто приходилъ въ канцелярію съ явнымъ намѣреніемъ узнать о представленныхъ къ наградамъ, и желая его помучить, назначалъ ему то чинъ полковника, то корону на Анну 2 ст.; послѣднимъ Серебряковъ былъ крайне недоволенъ, такъ какъ, конечно, находилъ неправильнымъ, чтобы я его обошелъ производствомъ въ чинѣ.

Окончательно 8-го апрѣля мы были оба произведены въ полковники, при чемъ мы обошли очень многихъ и никто вмѣстѣ съ нами не былъ произведенъ въ этотъ чинъ.

Все содержаніе мое по этому чину простиралось до 1340 р., т.-е. увеличилось противъ прежняго на 340 р. –плохая поддержка для жизни разсчитывать же на повтореніе пособія изъ секретныхъ суммъ я не считалъ себя въ правѣ. Слѣдовательно мое существованіе все же оставалось попрежнему необезпеченнымъ, но нечего было дѣлать, необходимо было кое-какъ пробиваться.

Въ концѣ февраля 1851 г. я былъ въ первый разъ въ великолѣпномъ петербугскомъ ботаническомъ саду по слѣдующему случаю. Министръ Императорскаго двора князь Петръ Михайловичъ Волконскій, въ вѣдѣніи котораго состоялъ этотъ садъ, былъ чрезвычайно недоволенъ директоромъ сада и просилъ Государя поручить Клейнмихелю производство надъ нимъ слѣдствія, такъ какъ директоръ сада обвинялся между прочимъ и въ излишнихъ расходахъ по перестройкамъ оранжерей.

Клейнмихель назначилъ слѣдственную комиссію, которой я былъ членомъ. Изъ отвѣтовъ директора сада на наши вопросы я вынесъ впечатлѣніе, что онъ былъ человѣкъ ученый, любившій свою часть, мало понимавшій въ постройкахъ и еще менѣе въ отчетности, но что съ его стороны злоупотребленій не было, а если таковыя и были между его подчиненными, то не въ

большомъ размѣрѣ; преслѣдованіе же противъ деректора казалось мнѣ слѣдствіемъ интригъ.

Не помню, чѣмъ это дѣло кончилось. Впослѣдствіи садъ изъ вѣдѣнія министерства двора былъ переданъ въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ.

Жена моя, хотя очень пріятно провела лѣто 1850 г. въ деревнѣ сестры, не хотѣла однако ѣхать туда лѣтомъ въ 1851 г. Надо было нанять ей дачу, которую я нашелъ близъ Лѣсного института. Болѣзненное ея положеніе не дозволяло намъ оставаться далѣе въ нашей сырой городской квартирѣ, а потому я и въ городѣ нанялъ новую квартиру на углу Знаменской и Итальянской, въ домѣ бывшемъ Ильчевскаго.

Въ началѣ мая мы переѣхали на дачу и вытерпѣли страшный холодъ. 10-го мая выпало много снѣгу, который лежалъ три дня. Въ концѣ мая семейство Клейнмихеля отправилось въ Курское имѣніе и въ первый разъ проѣхало значительное протяженіе по желѣзной дорогѣ, что однако же не обошлось безъ приключеній, такъ какъ и дорога не была готова и на ней не были еще размѣщены сторожа. Впрочемъ, при этихъ приключеніяхъ, кажется, не было несчастія съ людьми.

Я получилъ предписаніе ѣхать въ Екатеринославъ, гдѣ ожидать пріѣзда Клейнмихеля, чтобы, по осмотрѣ работъ на порожистой части Днѣпра, сопровождать его въ дальнѣйшемъ его путешествіи. Въ Москвѣ у Клейнмихеля часто бывалъ родственникъ его первой жены, служившій по почтовому вѣдомству, Зубовъ, который сказалъ Клейнмихелю, что его всѣ боятся, за исключеніемъ его подчиненныхъ инженеровъ путей сообщенія.

Этого достаточно было, чтобы заставить Клейнмихеля ругать всѣхъ инженеровъ, которые его встрѣчали по дорогѣ въ Екатеринославъ. Въ словахъ Зубова была доля правды: инженеры свыклись съ бранью Клейнмихеля и обращали на нее менѣе вниманія, чѣмъ чины другихъ вѣдомствъ.

На всемъ протяженіи отъ Москвы до Екатеринослава, всѣ губернаторы вычищали губернскіе города, а уѣздные исправники и окружные начальники государственныхъ имуществъ, задолго до проѣзда Клейнмихеля, ожидали его на границѣ своихъ уѣздовъ и округовъ.

Въ Екатеринославѣ всѣхъ болѣе страшился пріѣзда Клейнмихеля губернаторъ Фабръ. Новый же управляющій IX (Екатеринославскимъ) округомъ путей сообщенія Осинскій считалъ Клейнмихеля за великаго человѣка. Когда я ему указывалъ на необходимость перечертить не совсѣмъ чистые планы, имѣющіе быть представленными Клейнмихелю, и на нѣкоторые другіе предметы, съ цѣлію угодить послѣднему, Осинскій находилъ, что я слишкомъ дурного мнѣнія о Клейнмихелѣ и не вѣрилъ, что бы онъ сталъ обращать вниманіе на такіе пустяки.

Фабръ такъ же, какъ и въ прошломъ году, въ ожиданіи Клейнмихеля, надѣвалъ парадный мундиръ при каждой фальшивой тревогѣ. Разъ утромъ онъ пріѣхалъ на мою квартиру, которая была та же, какъ и въ про-

шедшемъ году, и не заставъ меня дома, явился въ парадной формѣ къ Осинскому, у котораго, найдя меня, объявилъ, что Клейнмихель сейчасъ будетъ.

Я его успокаивалъ увѣреніемъ, что курьеръ Клейнмихеля пріѣдетъ ко мнѣ за 12 час. до его пріѣзда, но онъ мнѣ отвѣчалъ, что теща секретаря приказа общественнаго призрѣнія пріѣхала въ Екатеринославъ и объявила, что она перегнала курьера Клейнмихеля. Курьеры послѣдняго ѣздили не медленнѣе фельдъегерей, а потому я спросилъ, на какихъ же лошадяхъ скакала упомянутая дама, чтобы обогнать курьера; оказалось, на собственныхъ. Самому Фабру показалось тогда смѣшнымъ его предположеніе.

Наконецъ, насталъ день пріѣзда Клейнмихеля. Осинскій въ телѣгѣ выѣхалъ къ нему навстрѣчу на первую станцію, я же съ губернаторомъ остались дожидаться въ приготовленномъ ему домѣ Романова, передъ которымъ былъ поставленъ почетный караулъ изъ Екатеринославскаго гарнизона.

Фабръ безпрестанно спрашивалъ меня, слѣдуетъ-ли ему при подъѣздѣ Клейнмихеля приложить руку къ треугольной шляпѣ, или стоять со шпагою въ рукахъ; дѣлалъ репетиціи своимъ поклонамъ въ шляпѣ и безъ шляпы, и такъ какъ онъ стоялъ возлѣ часового солдата, то спрашивалъ послѣдняго:

— Не безпокою-ли я васъ?

Часовой сначала не могъ понять этихъ тонкостей, а потомъ отвѣчалъ:

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

Фабръ просилъ часового сдѣлать ружьемъ на караулъ, какъ онъ сдѣлаетъ по пріѣздѣ Клейнмихеля, чтобы вполнѣ удостовѣриться, что они не будутъ взаимно мѣшать одинъ другому.

По пріѣздѣ Клейнмихеля часу въ 6-мъ вечера, онъ принялъ Фабра и сказалъ ему, въ которомъ часу будетъ принимать на другой день служащихъ и куда и въ какое время поѣдетъ для осмотра города. За обѣдомъ я замѣтилъ, что Клейнмихель былъ недоволенъ Осинскимъ, ѣздившимъ къ нему навстрѣчу.

Вечеромъ Фабръ снова пріѣхалъ къ Клейнмихелю, который, выразивъ неудовольствіе за причиняемое ему этимъ пріѣздомъ безпокойство, принялъ однакоже Фабра и спросилъ его, что ему надобно. Фабръ отвѣчалъ, что пріѣхалъ узнать, не будетъ-ли какихъ приказаній. Клейнмихель на это сказалъ ему: «Я вамъ отдалъ уже мои приказанія», и затѣмъ съ нимъ простился.

Клейнмихель назначилъ пріемъ на другой день въ 11 часовъ утра. Часомъ ранѣе назначеннаго времени въ залѣ Клейнмихеля собрались всѣ старшіе Екатеринославскіе чиновники и многіе помѣщики, не только живущіе въ Екатеринославѣ, но и пріѣхавшіе изъ деревни, чтобы взглянуть на «вельможу», какъ они называли Клейнмихеля.

Послѣдній недовольный говоромъ, происходившимъ въ залѣ его за часъ до времени, назначеннаго имъ для пріема, сдѣлалъ объ этомъ замѣчаніе Серебрякову, передавшему его Фабру, который немедля вывелъ

всѣхъ изъ залы на улицу въ страшный іюньскій жаръ; и несмотря на мое приглашеніе, чтобы онъ вошелъ въ комнату, оставался на улицѣ, пока Клейнмихель за четверть часа до 11 часовъ не велѣлъ всѣхъ позвать въ залу. Онъ готовъ былъ выйти въ нее, но не выходилъ, узнавъ, что не пріѣхали еще управляющій округомъ путей сообщенія Осинскій и никто изъ его подчиненныхъ, которые не прибыли и къ 11 часамъ, несмотря на то, что за ними посылали.

Клейнмихель, подождавъ еще минутъ десять, вышелъ въ залу въ ту самую минуту, какъ въ другую дверь входили Осинскій съ своими подчиненными, что произвело суматоху въ рядахъ выстроенныхъ чиновниковъ и помѣщиковъ.

Клейнмихель прошелъ мимо Осинскаго и его подчиненныхъ, не сказавъ имъ ни слова.

Послѣ пріема, Клейнмихель сѣлъ съ Фабромъ въ коляску, которую послѣдній выпросилъ у одного изъ богатыхъ помѣщиковъ, и поѣхалъ осматривать городъ, зданіе присутственныхъ мѣстъ, тюрьмы, больницы, правленіе IX округа путей сообщенія и строительную комиссію.

Помѣщеніе правленія IX округа онъ нашелъ не довольно опрятнымъ, а поданные ему чертежи разныхъ частей округа и работъ не чистыми, за что сдѣлавъ выговоръ Осинскому, удивлялся, что я, пріѣхавъ въ Екатеринославъ ранѣе его, не указалъ, въ какомъ видѣ послѣдніе должны быть ему представлены.

Конечно, я промолчалъ о данномъ мною Осинскому совѣтѣ на счетъ чертежей и о томъ, что онъ меня не послушался, чтобы не возбудить еще большаго гнѣва.

Въ тюрьмѣ Клейнмихель нашелъ содержащагося въ ней, за неимѣніемъ въ городѣ гауптвахты, инженернаго офицера, женившагося въ 1850 г. на дочери Екатеринославскаго исправника Дмитріева. Онъ обвинялся въ кражѣ у помѣщика Клевцова мѣшка съ деньгами. Выше я упсминалъ, что въ 1850 г. я бывалъ у означеннаго офицера, который съ своею молодою женою составляли миленькую парочку. Мать молодой, женщина безнравственная пустила и дочь свою по безнравственной колеѣ; съ этою цѣлью возила ее, въ противность воли ея мужа, въ Одессу.

Послѣдній, замѣтивъ, что жена его посылаетъ къ помѣщику Клевцову, жившему въ деревнѣ, свой мѣшокъ съ вложенными въ него письмами и узнавъ, что Клевцова нѣтъ въ деревнѣ, поѣхалъ къ нему и взялъ изъ его кабинета означенный мѣшокъ при свидѣтеляхъ.

Клевцовъ подалъ жалобу, въ которой показалъ, что въ мѣшкѣ были деньги. По произведенному слѣдствію кража мѣшка была доказана, но не было доказательства, что въ немъ были деньги. Офицеръ былъ отданъ подъ судъ арестованнымъ.

Клейнмихель, въ день посѣщенія тюрьмы, былъ въ сюртукѣ формы, присвоенной тогда инженерамъ путей сообщенія. Въ такомъ же сюртукѣ былъ и содержавшійся въ тюрьмѣ. Клейнмихель выразилъ неудовольствіе

видѣть въ острогѣ своего подчиненнаго офицера, носящаго съ нимъ одинаковую форму.

Въ этотъ день былъ обѣдъ у Фабра, за которымъ Клейнмихель былъ очень любезенъ. Онъ былъ на это большой мастеръ, когда хотѣлъ казаться таковымъ. Вечеромъ назначено было ѣхать на другую сторону Днѣпра для указанія мѣста, гдѣ предполагалось начать шоссе.

Когда Клейнмихель увидалъ изъ окна присланный для него Осинскимъ экипажъ, онъ вышелъ изъ себя и разбранилъ Серебрякова за то, что послѣдній могъ думать, что Клейнмихель поѣдетъ въ такой колясченкѣ, какъ онъ выразился.

При этомъ заочно былъ разруганъ и Осинскій за то, что онъ не имѣетъ лучшихъ экипажа и лошадей, при чемъ было сказано:

— Ну, хорошъ же начальникъ округа, не имѣетъ даже порядочнаго экипажа.

Коляска, лошади и кучерская одежда были дѣйствительно очень обыкновенныя. Содержаніе, получаемое начальникомъ округа, едва давало средство имѣть и такой экипажъ, а просить дать Клейнмихелю лучшій экипажъ у кого-либо изъ жителей Екатеринослава Осинскій или не хотѣлъ, или не догадался.

Клейнмихель рѣшительно объявилъ, что онъ вовсе не поѣдетъ, если не будетъ приличнаго экипажа. Серебряковъ добылъ тотъ же прекрасный экипажъ, въ которомъ Клейнмихель съ губернаторомъ разъѣзжалъ цѣлое утро.

На мѣстѣ, гдѣ предполагалось начать работы шоссе, Клейнмихель разбранилъ Осинскаго, который вслѣдствіе этого совсѣмъ растерялся. Я не былъ свидѣтелемъ этой сцены. Тонъ Клейнмихеля мнѣ до того надоѣлъ, что я старался какъ можно рѣже видѣть его; конечно, отсутствіе мое было имъ замѣчено.

На другой день предполагалось ѣхать по Днѣпру для осмотра работъ въ порожистой его части, но начались дожди и грозы, при которыхъ это плаваніе было неудобно, и потому оно откладывалось со дня на день. Клейнмихель, вообще боязливый, особенно боялся воды, и потому нервы его были очень разстроены въ виду предстоящаго плаванія, съ откладываніемъ котораго они болѣе и болѣе разстраивались.

На основаніи выше сказаннаго мною о Клейнмихелѣ читатель можетъ представить себѣ, до чего доходили его капризы въ дни, проведенные въ Екатеринославѣ. Мнѣ изъ этого времени остался памятнымъ пріѣздъ командира корпуса внутренней стражи генерала-отъ-инфантеріи Гартунга, съ которымъ Клейнмихель обходился, какъ съ своимъ подчиненнымъ. За обѣдомъ при мнѣ Клейнмихель напоминалъ Гартунгу, какъ въ началѣ столѣтія нѣсколько армейскихъ офицеровъ были назначены для обученія къ отцу Клейнмихеля. Гартунгъ былъ въ это время маіоромъ, а Клейнмихель мальчикомъ.

Въ кабинетѣ, въ которомъ занимался Клейнмихель, былъ прекрасный

коверъ. Кто-то замѣтилъ, что нѣжные цвѣта его узоровъ портятся отъ проливанія на него спиртовыхъ жидкостей. Клейнмихель тогда же вылилъ на него стклянку одеколону. Хотя онъ и дулся на меня за Осинскаго, но иногда обращался ко мнѣ съ разговорами, между прочимъ, говоря, что очень скучаетъ отъ бездѣйствія, спрашивалъ, что я дѣлаю цѣлые дни. Я отвѣчалъ, что читаю. На вопросъ его, что именно я читаю, я отвѣчалъ: «геологію». Онъ спросилъ, что это за птица, и на мое объясненіе замѣтилъ, что французишки выдумываютъ всякій вздоръ, а мы готовы имъ вѣрить и теряемъ время въ чтеніи ихъ фантазіи.

Наконецъ, наступилъ ясный день. Мы поплыли внизъ по Днѣпру въ большой лодкѣ, въ которую сѣли Клейнмихель, Фабръ, я, Серебряковъ, Осинскій, Ивановъ и производитель работъ этого участка, по которому мы плыли; другая лодка слѣдовала за нами. Опасаясь, что Клейнмихель не захочетъ плыть водою до послѣдняго порога, на лѣвомъ берегу Днѣпра были разставлены экипажи, въ которые могъ бы сѣсть Клейнмихель и всѣ его сопровождавшіе. Экипажи были разставлены въ трехъ мѣстахъ, такъ какъ нельзя было предугадать мѣста, гдѣ Клейнмихель вздумаетъ выйти на берегъ. Экипажи были выпрошены у сосѣднихъ помѣщиковъ и вмѣстѣ съ лошадьми ожидали Клейнмихеля все то время, которое онъ оставался въ Екатеринославѣ.

Подходя къ первому каналу (старокайдацкому), Клейнмихель спросилъ Фабра: «который часъ». Фабръ былъ до того скупъ, что не носилъ карманныхъ часовъ, но несмотря на это, началъ шарить рукою въ жилетныхъ карманахъ въ ожиданіи, что кто-либо другой отвѣтитъ за него. Такъ и случилось, но Клейнмихель все же спросилъ Фабра:

— А какъ по вашимъ часамъ?

Тогда послѣдній долженъ былъ сознаться, что у него нѣтъ часовъ. Клейнмихель ему на это сказалъ полунасмѣшливымъ, полупрезрительнымъ тономъ:

— А еще губернаторъ, а еще губернаторъ!

Тогда для плаванія нашего была великолѣпная поверхность воды. Но при подходѣ къ порогамъ и въ такую погоду дуетъ вѣтеръ и поверхность воды дѣлается волнистою, что еще болѣе чувствуется въ самыхъ порогахъ и въ устроенныхъ для ихъ обхода каналахъ.

Замѣтна была перемѣна въ лицѣ Клейнмихеля при ходѣ по каналу. Я говорилъ выше, что каналы въ обходъ Сурскаго и слѣдующаго за нимъ Лаханскаго пороговъ устроены такъ, что барка, прошедшая по первому, не можетъ попасть во второй, а такъ какъ Сурскій порогъ незначителенъ, то мы плыли по его фарватеру, а затѣмъ по каналамъ, устроеннымъ въ обходъ Лаханскаго, Звонецкаго и Тягинскаго пороговъ.

Проходъ по фарватеру Сурскаго порога еще болѣе взволновалъ Клейнмихеля. Онъ потребовалъ указанія на чертежѣ порожистой части Днѣпра, причинъ невозможности плыть по Сурскому каналу и потомъ войти въ

Лаханскій. Недовольный, онъ надорвалъ поданный ему чертежъ и бросилъ въ воду, чему подверглись и всѣ другіе чертежи пороговъ.

Подъѣзжая къ Ненасытецкому порогу, онъ потребовалъ, чтобы ему показали планъ его и на отвѣтъ Серебрякова, что нѣтъ болѣе плановъ, онъ сказалъ послѣднему:

— Хоть роди, а чтобы чертежъ былъ.

Серебряковъ, сидѣвшій на лодкѣ возлѣ Клейнмихеля, вскорѣ послѣ этого удалился отъ него и сѣлъ на скамью ниже другихъ, плывшихъ съ нами.

Тогда Клейнмихель сказалъ ему:

— Съ чего ты взялъ тамъ усѣсться; садись на прежнее мѣсто.

Серебряковъ принужденъ былъ воротиться. Съ этого времени во весь этотъ день Клейнмихель не говорилъ со мною ни слова.

Обѣдали мы въ господскомъ домѣ с. Николаевки, принадлежащемъ Синельникову, на правомъ берегу Днѣпра близъ Ненасытецкаго порога. Во время обѣда, за которымъ всѣ молчали, пошелъ дождь. Это, кажется, очень обрадовало Клейнмихеля, который, придравшись къ дождю, могъ замѣнить плаваніе по Ненасытецкому и остальнымъ порогамъ поѣздкою по берегу.

Экипажи близъ Ненасытецкаго порога были приготовлены на лѣвомъ берегу Днѣпра, на который мы переѣхали въ лодкѣ.

Клейнмихель поѣхалъ въ одномъ экипажѣ съ Фабромъ, за ними слѣдовалъ экипажъ, въ который сѣли Серебряковъ и Осинскій.

Опасаясь, что Клейнмихель, вслѣдствіе дурной дороги по берегу, будетъ выходить изъ себя и можетъ обрушить на меня свой гнѣвъ, я отсталъ отъ его экипажа, который, дѣйствительно, въ двухъ или трехъ мѣстахъ едва не опрокинулся.

Доѣхавъ въ экипажѣ до послѣдняго порога (Вильнаго), Клейнмихель переѣхалъ въ лодкѣ на правый берегъ Днѣпра въ д. Лачинову, въ которой приготовленъ ему былъ ночлегъ и куда я пріѣхалъ позже его.

На другой день, когда онъ садился въ экипажъ, чтобы возвращаться въ Екатеринославъ, по почтовой дорогѣ, проложенной на правомъ берегу Днѣпра, я стоялъ на крыльцѣ дома, въ которомъ онъ ночевалъ. Онъ мнѣ поклонился и не сказалъ ни слова.

По пріѣздѣ въ Екатеринославъ, Клейнмихель далъ предписаніе Осинскому, Серебрякову и мнѣ разсмотрѣть представленную мною записку о работахъ на порожистой части Днѣпра и на другой же день представить ему наше заключеніе. Этимъ заключеніемъ одобрялись мои представленія, съ нѣкоторыми незначительными въ нихъ измѣненіями. Клейнмихель нашелъ въ немъ какую-то неясность и въ предписаніи правленію IX (Екатеринославскаго) округа путей сообщенія, которымъ поручалъ привести въ исполненіе мои предположенія, не упустилъ выставить на видъ эту неясность, съ прибавленіемъ словъ: «А обсуждавшіе и представившіе мнѣ все полковники».

Изъ моей записки было составлено краткое извлеченіе состоявшимъ при Клейнмихелѣ чиновникомъ особыхъ порученій Мицкевичемъ, обращенное въ приказъ по вѣдомству путей сообщенія, въ которомъ Клейнмихель описываетъ пороги и работы при оныхъ (главныхъ онъ вовсе не видалъ) и предписываетъ, какъ слѣдуетъ улучшить произведенныя работы и какъ ихъ продолжать. Такимъ образомъ онъ побѣждалъ препятствія, противъ которыхъ не находили средствъ самые искусные инженеры; онъ тутъ былъ выше Аннибала, который пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ, а онъ, не видя и даже не приходя, побѣдилъ.

Я уже говорилъ, что Клейнмихель никогда не занимался съ директорами департаментовъ и съ другими высшими чинами управленія. Докладчиками его были директоръ его канцеляріи и гражданскіе чиновники особыхъ порученій, а всего чаще избранный имъ писарь.

При назначеніи Клейнмихеля главноуправляющимъ путями сообщенія, онъ взялъ съ собою изъ военнаго вѣдомства писаря Иванова, весьма ловкаго и смышленаго, который, имѣя постоянно личный докладъ у Клейнмихеля, конечно, игралъ значительную роль. Произведенный вскорѣ въ гражданскій офицерскій чинъ, онъ нѣсколько лѣтъ еще исполнялъ ту же должность. По выходѣ его въ отставку, онъ былъ замѣненъ писцомъ Леоновымъ, также толковымъ и расторопнымъ и сверхъ того красивымъ молодымъ человѣкомъ.

Леоновъ, остававшійся во время плаванія нашего по Днѣпру въ Екатеринославѣ, позабылъ отпустить съ Клейнмихелемъ какую-то бумагу. По возвращеніи въ Екатеринославъ, Клейнмихель, при входѣ Леонова въ его кабинетъ, пустилъ въ него стуломъ и сверхъ того приказалъ дать ему большое число ударовъ розгами. По положенію, которое Леонову далъ Клейнмихель, казалось, что онъ долженъ былъ быть избавленъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Намъ было его очень жаль и мы всѣ, находившіеся при Клейнмихелѣ, принявъ на себя вину Леонова, упросили его отмѣнить это наказаніе.

Клейнмихель, недовольный правленіемъ IX округа путей сообщенія и недовольный мною, далъ мнѣ предписаніе обревизовать это правленіе. Этимъ было отмѣнено прежнее распоряженіе о сопутствованіи ему въ Кіевъ, такъ что я въ 1851 г., такъ же какъ и осенью 1843 г., не попалъ въ этотъ городъ.

Нѣсколько дней послѣ отъѣзда Клейнмихеля изъ Екатеринослава, когда я зашелъ къ Фабру сказать, что получилъ извѣщеніе о выѣздѣ Клейнмихеля изъ Кременчуга и что онъ долженъ быть уже въ Кіевѣ, Фабръ заперъ всѣ двери въ домѣ, чтобы никто не могъ подслушать нашего разговора, хотя у него былъ, кажется, всего одинъ слуга и сказалъ мнѣ:

— Охъ, какъ трудно провести недѣлю съ его сіятельствомъ.

Для производства ревизіи правленія IX округа путей сообщенія мнѣ выслали изъ Петербурга печатные вопросы, на которые ревизующій долженъ дать письменные отвѣты по разсмотрѣніи дѣлъ правленія. Конечно, первымъ дѣйствіемъ моимъ по ревизіи должно было быть освидѣтель-

ствованіе наличныхъ денежныхъ суммъ и удостовѣреніе въ правильности веденія приходо-расходныхъ книгъ. Суммъ въ наличности оказалось нѣсколько менѣе, чѣмъ значилось по книгамъ. Я немедля сообщилъ объ этомъ Осинскому, который сильно этимъ встревожился; онъ обижался тѣмъ, что я могъ сомнѣваться въ ихъ цѣлости. Я просилъ его не тревожиться напрасно, говоря, что недостатокъ суммъ, вѣроятно, объяснится при дальнѣйшей ревизіи, и дѣйствительно оказалось, что билетовъ сохранной казны было болѣе показаннаго въ книгахъ, именно на сумму, недостававшую въ наличности.Но эта ошибка повторялась въ книгахъ въ продолженіе полугода, тогда какъ наличныя деньги и билеты сохранной казны свидѣтельствовались каждый мѣсяцъ и слѣдовательно ошибка должна была бы открыться при первомъ же свидѣтельствованіи. Это явно показывало, что свидѣтельство на самомъ дѣлѣ не производилось, а предсѣдатель правленія Осинскій и члены правленія ежемѣсячно прикладывали свои подписи въ книгахъ собственно для соблюденія формы.

Вообще Осинскій на дѣйствія мои во время ревизіи смотрѣлъ весьма неблагосклонно. Онъ увѣренъ былъ, что я причиною дурного къ нему расположенія Клейнмихеля и что я подкапываюсь подъ него, чтобы занять его мѣсто. Нечего и говорить, что его подозрѣнія были несправедливы: подкапываніе подъ кого бы то ни было не было въ моемъ характерѣ; если же мнѣ было бы предложено мѣсто Осинскаго, то, конечно, я отъ него отказался бы.

Вскорѣ на его мѣсто былъ назначенъ инженеръ полковникъ Жилинскій, и Осинскій только тогда убѣдился въ своемъ несправедливомъ обо мнѣ мнѣніи, въ чемъ мнѣ самъ сознался. Онъ вскорѣ вышелъ въ отставку, и я потерялъ его изъ виду.

Для ревизіи правленія я оставался въ Екатеринославѣ болѣе $2^1/_2$ мѣс.

Цѣлое утро я занимался въ правленіи; остальное время проводилъ или дома за чтеніемъ, или въ гостяхъ, клубѣ и городскомъ саду. Общество Екатеринослава я описалъ выше, а потому и не возвращаюсь къ этому предмету.

Придя однажды изъ правленія въ занимаемую мною квартиру, я узналъ, что человѣкъ мой, уложивъ всѣ мои вещи въ мой дорожный экипажъ, уѣхалъ въ немъ на присланныхъ лошадяхъ, но никто не зналъ, кѣмъ онѣ были присланы. Я долго не могъ сообразить, кто могъ сдѣлать такое распоряженіе. Наконецъ, я нашелъ моего человѣка у Катона Павловича Шабельскаго, бывшаго въ это время Екатеринославскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства (впослѣдствіи черниговскій губернаторъ, уже умершій).

Во время моего пріѣзда въ Екатеринославъ, его не было въ этомъ городѣ. Пріѣхавъ и узнавъ о томъ, что я въ Екатеринославѣ, онъ прислалъ за моими пожитками. Шабельскій жилъ въ домѣ барона Франка. Съ этихъ поръ я большую часть дня проводилъ съ нимъ, оставаясь въ его домѣ и въ то время, которое онъ проводилъ въ деревнѣ.

Шабельскій былъ адьютантомъ при Клейнмихелѣ, когда послѣдній

былъ дежурнымъ генераломъ главнаго штаба Его Величества. Понятно, что больше всего говорили мы съ нимъ о странностяхъ и капризахъ Клейнмихеля, которые намъ обоимъ были столь извѣстны.

Въ іюлѣ 1851 г. было полное солнечное затменіе. Я съ нѣсколькими инженерами и съ вице-губернаторомъ Н. П. Вульфомъ спустились въ лодкѣ по Днѣпру смотрѣть затменіе у Вильнаго порога. Во всю мою жизнь мнѣ только одинъ разъ удалось видѣть солнечное затменіе въ полномъ его величіи. Наступившая въ серединѣ дня темнота, со множествомъ звѣздъ на небѣ, испугъ животныхъ, стараніе птицъ спрятаться, мычаніе коровъ, все это произвело на меня необыкновенное впечатлѣніе.

Въ этомъ году 22 августа исполнилось 25 лѣтъ съ коронаціи Императора Николая I, и онъ со всѣмъ семействомъ къ этому дню переѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, въ первый разъ по желѣзной дорогѣ. Ревизія IX округа путей сообщенія помѣшала мнѣ быть въ этомъ поѣздѣ.

Рѣшимость Клейнмихеля везти Государя со всѣмъ семействомъ по неоконченной дорогѣ, на которой не было въ надлежащемъ числѣ ни сторожей, ни сигналовъ, и не устроено было порядка эксплоатаціи, можно только отнести къ тому, что онъ не понималъ опасности, какой подвергались проѣзжающіе по дорогѣ при означенныхъ условіяхъ.

Въ одномъ мѣстѣ дороги стрѣлка не была хорошо направлена на путь, по которому шелъ паровозъ. Стрѣлочникъ, изъ отставныхъ солдатъ, передъ самымъ проходомъ паровоза подвинулъ ее ногою, вслѣдствіе чего лишился ступни. Безъ этой находчивости, отважности и преданности, о которыхъ не было доведено до свѣдѣнія Государя, поѣздъ сошелъ бы не только съ рельсовъ, но и упалъ бы съ насыпи.

Государь выходилъ изъ вагона на устроенномъ черезъ ручей Веребью мосту, длиною въ 300 и вышиною въ 26 саж. Для осмотра моста снизу, онъ сходилъ на самый ручей. Когда онъ сѣлъ снова въ вагонъ, поѣздъ не могъ тронуться съ мѣста. Оказалось, что по распоряженію производителя работъ, инженера путей сообщенія Журавскаго, рельсы на мосту, для лучшаго вида, были окрашены. Наконецъ, насыпали на нихъ песку, и поѣздъ тронулся.

Государь довольный постройкою моста, несмотря на эту остановку, произвелъ Журавскаго въ слѣдующій чинъ подполковника и далъ ему орденъ Св. Владимира 4 ст. Начальники обѣихъ дирекцій желѣзной дороги Крафтъ и Мельниковъ получили орденъ Св. Анны I ст. прямо съ Императорскою короною. Клейнмихель ничего не получилъ ни теперь, ни при открытіи дороги въ ноябрѣ. Государь въ это время былъ имъ недоволенъ по причинѣ, которую я объясню въ своемъ мѣстѣ.

Въ Екатеринославѣ 22 августа былъ балъ въ дворянскомъ собраніи, которое помѣщается во дворѣ, построенномъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ. Зала собранія имѣетъ весьма большіе размѣры, какъ и все, что предпринималъ этотъ баловень счастія. Его намѣреніе было сдѣлать изъ Екатеринослава огромный городъ съ значительными сооруженіями. Съ этою

цѣлью онъ началъ строить въ немъ зданія на большомъ одно отъ другого разстояніи и въ верхней части города заложилъ огромнѣйшій соборъ, который величиною своею не уступалъ бы храму Св. Петра въ Римѣ. Всѣ эти величавыя затѣи привели къ тому, что городъ, съ весьма широкими грязными улицами, растянутъ по берегу Днѣпра на весьма значительномъ протяженіи, черезъ что сообщенія въ немъ затруднительны. Фундаментъ, заложенный подъ соборъ, составляетъ теперь каменную ограду около существующаго собора, построеннаго въ ея центрѣ, и разстояніе до него отъ ограды значительно.

На высокомъ обрывистомъ берегу Днѣпра, при домѣ дворянскаго собранія, имѣется большой садъ, называемый также дворянскимъ, въ которомъ, по причинѣ его отдаленности отъ населенной части города, никогда никто не гуляетъ.

На балѣ 22-го августа я познакомился съ весьма красивою дамою, г-жею Добянскою, которая въ 1850 г. жила въ одномъ домѣ со мною и о которой по этому случаю я упоминалъ выше. Она меня пригласила къ себѣ, и я съ этого времени каждый день бывалъ у нея, до самаго отъѣзда моего изъ Екатеринослава. Въ послѣдующія мои поѣздки черезъ Екатеринославъ я узналъ, что она переѣхала въ Одессу, и я никогда болѣе ее не встрѣчалъ.

По окончаніи ревизіи правленія IX округа путей сообщенія, возвращаясь изъ Екатеринослава въ Петербургъ, я нашелъ Клейнмихеля въ Москвѣ, дѣлающаго распоряженія по случаю скораго открытія для публики желѣзной дороги между столицами. Объ эксплоатаціи такой значительной желѣзной дороги никто въ Россіи не имѣлъ тогда никакого понятія. Составленныя и утвержденныя Клейнмихелемъ правила для пассажировъ были весьма недостаточны и во многихъ отношеніяхъ странны.

Но каковы бы они ни были, слѣдовало ихъ сдѣлать какъ можно болѣе извѣстными. Между тѣмъ, они не были напечатаны ни въ одной газетѣ, а брошюры, въ которой они были напечатаны, нельзя было ни купить, ни достать. Все изданіе ея хранилось въ квартирѣ Клейнмихеля, который раздавалъ ее въ видѣ милости только избраннымъ и, между прочими, мнѣ, генералъ-адъютанту Владиміру Ивановичу Назимову, бывшему въ то время попечителемъ Московскаго учебнаго округа, и свиты Его Величества генералъ-маіору Сергѣю Францовичу фонъ-Брину, бывшему тогда начальникомъ штаба 6-го пѣхотнаго корпуса.

Зайдя къ послѣднему, я нашелъ его и Назимова съ означенными брошюрами въ рукахъ и восхваляющими мудрость Клейнмихеля и его къ нимъ благоволеніе. Увидѣвъ меня, они, показывая мнѣ брошюры, хвастались тѣмъ, что удостоились получить ихъ изъ рукъ его сіятельства. Я замѣтилъ, что подобная раздача правилъ для пассажировъ по желѣзнымъ дорогамъ однимъ избраннымъ въ высшей степени нелѣпа, что эти правила должны быть извѣстны всѣмъ, а потому слѣдовало бы ихъ распространять всѣми средствами, а не давать въ видѣ милости, и что при поверхностномъ ихъ просмотрѣ я нашелъ въ нихъ много смѣшного. Такъ, напримѣръ,

было сказано, что пассажиръ не имѣетъ права брать съ собою птицъ въ клѣткахъ и безъ оныхъ, и что вѣсъ всего багажа у каждаго пассажира не долженъ превышать одного пуда. За перевозку багажа назначена особая плата съ каждаго фунта, сверхъ платы за пассажирскій билетъ, который не даетъ права на безплатную перевозку ни одного фунта.

При отправленіи же перваго поѣзда оказалось, что у каждаго изъ пассажировъ 1-го и 2-го классовъ было багажа болѣе пуда. Первымъ явившимся пассажирамъ было отказано въ пріемѣ ихъ багажа, но вскорѣ увидавъ, что вагоны означенныхъ двухъ классовъ остаются пустыми, нарушили съ перваго же поѣзда означенное правило.

Назимовъ и фонъ-Бринъ выразили мнѣ удивленіе въ томъ, какъ я могу такъ отзываться о непосредственномъ моемъ начальникѣ и человѣкѣ столь замѣчательнаго ума, какъ Клейнмихель. Что руководило мнѣніемъ этихъ господъ? Во-первыхъ, желаніе курить ѳиміамъ временщику, а во-вторыхъ, собственная ихъ глупость. Въ глупости фонъ-Брина, кажется, никто не сомнѣвался.

Глупость Назимова была также почти всѣмъ извѣстна, но это не помѣшало ему быть попечителемъ учебнаго округа, а впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ Сѣверо-западнаго края. Въ обѣихъ должностяхъ, и особливо въ послѣдней, при началѣ польскаго мятежа въ 1861 г. и 1862 г., онъ надѣлалъ много вздору, который со временемъ раскроется исторіею.

По переѣздѣ моемъ въ Москву въ 1852 г., я часто встрѣчался съ Назимовымъ у его родственника, очень умнаго стараго сенатора Александра Ѳеодоровича Дребуша. Назимовъ любилъ бесѣдовать со мною и за обѣдомъ всегда старался садиться возлѣ меня. Осенью 1853 г., на одномъ изъ такихъ обѣдовъ, сенаторъ, посланный для изысканія средствъ къ прокормленію голодавшихъ, вслѣдствіе сильнаго неурожая, крестьянъ Смоленской, Витебской и Могилевской губерній, и только что возвратившійся изъ этой командировки, толковалъ съ Дребушемъ о затрудненіяхъ доставить необходимые для прокормленія крестьянъ продукты.

Назимовъ, слыша эти разговоры, сказалъ мнѣ:

— Удивительно, что такіе умные люди затрудняются въ столь простой вещи. Стоитъ только послать въ эти губерніи войска.

На замѣчаніе мое, что обыкновенно не только не посылаютъ войскъ въ мѣста, гдѣ былъ неурожай, но и тѣ, которыя въ нихъ стояли, выводятъ, онъ мнѣ сказалъ:

— Вы не дослушали меня; надо послать войска съ тѣмъ, чтобы каждый солдатъ пришелъ въ эти мѣста съ двойнымъ пайкомъ: одинъ для себя, а другой для крестьянина.

Я замѣтилъ, что войска теперь нужны на Дунаѣ для открывшейся войны съ Турціею, но если бы и не было этой войны, то пайки всего нашего войска были бы недостаточны для прокормленія жителей означенныхъ губерній, которыхъ число простирается до нѣскольскихъ милліоновъ. Онъ этимъ не убѣдился и кончилъ разговоръ словами:

— Все же надо послать туда войска.

Этотъ разговоръ показываетъ степень ума Назимова. Вообще онъ находилъ, какъ это свойственно людямъ мало понятливымъ, легкое разрѣшеніе самымъ труднымъ задачамъ. Почти въ каждую встрѣчу со мною Назимовъ превозносилъ умъ и дарованія Клейнмихеля, вѣроятно въ надеждѣ, что его слова дойдутъ до послѣдняго, но это продолжалось только до увольненія Клейнмихеля отъ должности главноуправляющаго путями сообщенія въ концѣ 1855 г.

Тогда онъ, при мнѣ же, вздумалъ бранить Клейнмихеля, такъ что я долженъ былъ его остановить и напомнить, что онъ незадолго передъ тѣмъ имѣлъ совершенно другое мнѣніе о Клейнмихелѣ.

Въ концѣ октября Клейнмихель уѣхалъ изъ Москвы, приказавъ мнѣ сопровождать первый пассажирскій поѣздъ по желѣзной дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ, не вмѣшиваясь, впрочемъ, ни въ какія распоряженія начальства дороги.

Первый поѣздъ отправленъ 1-го ноября. Я ѣхалъ въ немъ въ вагонѣ 1-го класса, въ которомъ было 16 пассажировъ; въ ихъ числѣ былъ князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ, бывшій начальникъ центра Кавказской линіи и въ это время находившійся въ отставкѣ. Онъ извѣстенъ былъ своими остротами, которыя и разсыпалъ безостановочно. Онъ доѣхалъ только до первой станціи Химки съ цѣлью испытать путешествіе по желѣзной дорогѣ.

Въ Химкахъ въ вагонъ 1 класса вошли двое моихъ знакомыхъ: князь Друцкой, бывшій адъютантъ Московскаго военнаго генералъ-губернатора, и Петровъ, который былъ женатъ на княжнѣ Вѣрѣ ВасильевнѣУрусовой, родной сестрѣ жены покойнаго моего дяди, князя А. А. Волконскаго, нынѣ игуменьи Вознесенскаго монастыря.

На одной изъ дорожныхъ станцій оберъ-кондукторъ поѣзда сказалъ мнѣ, что эти господа имѣютъ билеты 3-го класса и что онъ боится отвѣтственности, оставляя ихъ въ вагонѣ 1-го класса, а видя, что они знакомы со мною, не смѣетъ имъ указать ихъ мѣсто. Я отвѣчалъ, что онъ долженъ исполнять свою обязанность, не обращая вниманія на знакомство этихъ господъ со мною.

Вслѣдъ за этимъ они исчезли изъ вагона I класса, но провели ночь въ вагонѣ не 3-го, а 2-го класса. Оберъ-кондукторъ неоднократно просилъ ихъ занять принадлежащія имъ мѣста и только на послѣдней станціи передъ Петербургомъ успѣлъ ихъ убѣдить. На его просьбы они отвѣчали бранью. Они не могли понять, какъ смѣетъ отставной унтеръ-офицеръ указывать, гдѣ должны сидѣть они, дворяне и офицеры. Вотъ какія были въ то время понятія большей части нашего общества.

Клейнмихель встрѣтилъ нашъ поѣздъ въ Петербургѣ на станціи и говорилъ съ Друцкимъ и Петровымъ. Оберъ-кондукторъ испугался, воображая, что они на него жалуются, и просилъ моей защиты передъ Клейнмихелемъ. Я успокоилъ его, увѣривъ, что они, будучи сами виноваты, не

посмѣютъ жаловаться. Въ продолженіе всего ноября Клейнмихель встрѣчалъ почтовые поѣзда. Онъ, не получивъ награды въ августѣ, когда онѣ были розданы инженерамъ, строившимъ дорогу, ничего не получилъ и при ея открытіи. Причиною этого было все большее и большее охлажденіе къ нему Государя, въ чемъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго разсказа.

8-го декабря Клейнмихель, по входѣ моемъ въ его кабинетъ, сказалъ, что онъ потребовалъ меня, чтобы дать весьма важное порученіе, которое, онъ надѣется, я исполню вполнѣ хорошо, что на него подана жалоба Государю человѣкомъ, котораго онъ облагодѣтельствовалъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ спросилъ меня, могу ли я догадаться, кто именно жаловавшійся, и на мой отрицательный отвѣтъ сказалъ, что это А. А. Вонлярлярскій. Я выразилъ удивленіе. Мнѣ тогда не было извѣстно, что отношенія Клейнмихеля къ Нелидовой, а вслѣдствіе этого и къ Вонлярлярскому, измѣнились.

Я впослѣдствіи узналъ, что Вонлярлярскій, употребившій значительную сумму на изысканія по составленію проекта желѣзной дороги отъ Москвы до Нижняго-Новгорода, которыя ему стоили особенно дорого, потому что онъ не имѣлъ разрѣшенія на ихъ производство, просилъ въ началѣ 1849 г. о выдачѣ ему концессіи на постройку означенной дороги, конечно, съ извѣстною гарантіею правительствомъ капитала, потребнаго на сооруженіе дороги. Эта просьба Вонлярлярскаго была передана Государемъ Клейнмихелю.

Послѣдній, находя это предложеніе невыгоднымъ для казны, отвергъ его, и черезъ это уже прежде пошатнувшіяся отношенія его къ Нелидовой еще болѣе ухудшились.

Въ теченіе минувшаго лѣта Государь, въ первый разъ проѣхавъ по шоссе между Мало-Ярославцемъ и Бобруйскомъ, на которомъ подрядчикомъ былъ Вонлярлярскій, произвелъ послѣдняго изъ отставныхъ подпоручиковъ въ статскіе совѣтники. Не было примѣра подобной награды подрядчикамъ, но я не подозрѣвалъ, что эта награда была дана безъ представленія Клейнмихеля. Послѣдній передалъ мнѣ слѣдующее.

Вонлярлярскій подалъ ему 30-го ноября прошеніе, въ которомъ жаловался на то, что ему не платятъ за произведенныя работы. Прошеніе это немедля было послано въ Могилевское окружное правленіе путей сообщенія для представленія объясненій, но 4-го декабря, въ день именинъ В. А. Нелидовой, она передала Государю новое прошеніе Вонлярлярскаго, въ которомъ онъ жалуется, что Клейнмихель, черезъ неплатежъ заработанныхъ имъ денегъ, раззоряетъ его и лишаетъ возможности уплачивать рабочимъ, которые поэтому находятся въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

Государь прислалъ это прошеніе къ Клейнмихелю, требуя немедленнаго разъясненія. Претензіи Вонлярлярскаго были очень сложны, для опроверженія ихъ требовалось много справокъ по дѣламъ въ департаментахъ главнаго управленія путей сообщенія, и потому Клейнмихель донесъ Государю, что не можетъ представить объясненія ранѣе 7-го декабря.

Во всеподданнѣйшемъ по этому предмету докладѣ онъ, представивъ опроверженія жалобамъ Вонлярлярскаго по справкамъ, извлеченнымъ изъ дѣлъ департаментовъ, полагалъ полезнымъ для ближайшаго ихъ разслѣдованія послать въ Могилевъ довѣренныхъ лицъ, возложивъ на нихъ, вмѣстѣ съ окружнымъ правленіемъ, обязанность представить свои заключенія.

Клейнмихель сказалъ мнѣ, что изъ всего видно, что Государь хочетъ дать Вонлярлярскому денегъ сверхъ того, что ему слѣдуетъ, и что онъ желалъ бы сдѣлать угодное Государю, но обязанъ представить Его Величеству все дѣло въ настоящемъ его видѣ и потому просилъ меня быть вполнѣ справедливымъ, отнюдь не дѣлая придирокъ къ Вонлярлярскому, а напротивъ того, за все, что окажется въ его жалобахъ правильнымъ, выдать ему немедля деньги изъ 300 тыс. руб., которые Серебряковъ и я получимъ изъ Государственнаго казначейства и повеземъ въ Могилевъ.

Явно, что Вонлярлярскій рѣшился подать Государю просьбу на Клейнмихеля потому, что онъ и Нелидова полагали, что расположеніе Государя къ Клейнмихелю до того поколеблено, что вслѣдствіе этой жалобы послѣдній можетъ быть удаленъ отъ должности, на которую они готовили генералъ-адъютанта Николая Николаевича Анненкова, бывшаго впослѣдствіи Государственнымъ контролеромъ.

Кромѣ того, отказъ Клейнмихеля дать концессію Вонлярлярскому на Нижегородскую желѣзную дорогу показалъ, что послѣдній не будетъ болѣе получать выгодныхъ предпріятій, пока Клейнмихель останется въ настоящей должности. Нелидовой и Вонлярлярскому надоѣло обращеніе съ ними Клейнмихеля, который, несмотря на то, что Нелидова съ каждымъ годомъ дѣлалась важнѣе, а Вонлярлярскій богаче, продолжалъ обращаться съ ними невѣжливо.

Анненковъ, котораго они прочили на мѣсто Клейнмихеля, былъ гораздо мягче послѣдняго и, сверхъ того, родственникъ Вонлярлярскому.

Впослѣдствіи о дѣлѣ Вонлярлярскаго я узналъ слѣдующее. Государь, вслѣдствіе его жалобы, былъ очень раздраженъ не только противъ Клейнмихеля, но и противъ всѣхъ, такъ что онъ на 6-е декабря, день его именинъ, хотѣлъ уѣхать изъ Петербурга въ Гатчину и остался только по усиленной просьбѣ Императрицы. 6-го декабря Государь принималъ поздравленіе только отъ высокопоставленныхъ лицъ, былъ мраченъ и холоденъ, и въ особенности съ Клейнмихелемъ.

7-го декабря, въ день, въ который Клейнмихель обѣщался представить объясненіе по жалобамъ Вонлярлярскаго, фельдъегерь отъ Государя являлся за нимъ три раза; въ первые два его пріѣзда объясненіе еще переписывали набѣло, а передъ третьимъ его пріѣздомъ оно уже было отослано къ Государю.

Позже, по возвращеніи моемъ изъ Могилева, я узналъ, что Государь, по полученіи объясненія, призвалъ къ себѣ Вонлярлярскаго и спросилъ у него, одобряетъ ли онъ распоряженіе Клейнмихеля о посылкѣ начальника штаба корпуса путей сообщенія генералъ-лейтенанта Мясоѣдова

(Александра Ивановича, умершаго въ званіи сенатора и начальника Измайловской военной богадѣльни) и Серебрякова для разсмотрѣнія его жалобъ вмѣстѣ съ Могилевскимъ окружнымъ правленіемъ путей сообщенія.

Вонлярлярскій отвѣчалъ, что онъ очень доволенъ этимъ распоряженіемъ и увѣренъ, что его жалобы будутъ найдены справедливыми.

Изъ этого видно, что я не былъ въ числѣ лицъ, которымъ по докладу Клейнмихеля, поручалось разслѣдованіе означенныхъ жалобъ. Мнѣ и теперь не понятно, зачѣмъ онъ послалъ меня, не включивъ моего имени въ свой всеподданнѣйшій докладъ вмѣстѣ съ именами Мясоѣдова и Серебрякова. Впрочемъ, не зная объ этомъ, я поѣхалъ въ Могилевъ, согласно данному Клейнмихелемъ предписанію, на одинаковыхъ правахъ съ означенными лицами.

Мы поѣхали въ Могилевъ въ одномъ экипажѣ, въ которомъ находился огромный сундукъ съ деньгами, такъ какъ изъ Государственнаго казначейства 300 тыс. руб. выдали мелкими кредитными билетами, для счета которыхъ Серебряковъ и я употребили много времени. Увѣряли тогда, что къ концу года (декабрь мѣсяцъ) казначейство было безъ денегъ и будто бы оно съ трудомъ набрало означенную сумму, вслѣдствіе чего въ ней было много мелкихъ билетовъ.

Пріѣхавъ въ Могилевъ, Мясоѣдовъ занялся дѣланіемъ визитовъ къ разнымъ военнымъ и гражданскимъ властямъ и пріемомъ ихъ у себя. Многіе военные того времени считали эти визиты и пріемы особенно важнымъ дѣломъ при исполненіи ими порученій внѣ Петербурга. Затѣмъ, въ продолженіе нашего двухнедѣльнаго пребыванія въ Могилевѣ, онъ, не говоря уже объ обѣдахъ, данныхъ намъ губернаторомъ Гамалѣемъ и управляющимъ VII (Могилевскимъ) округомъ путей сообщенія Станевичемъ, и балѣ у инженера-подполковника Ястржембскаго, обѣдалъ ежедневно въ гостяхъ и просиживалъ всѣ вечера за карточною игрою.

Возложеннымъ на насъ порученіемъ Мясоѣдовъ вовсе не занимался. За это принялись Серебряковъ и я безъ всякаго замедленія, такъ какъ Клейнмихель требовалъ, чтобы къ празднику Рождества Христова мы представили наше заключеніе по порученному намъ дѣлу. Нашъ трудъ былъ много облегченъ Станевичемъ, который, несмотря на свою тучность, могъ работать цѣлые дни безъ отдыха. Работа его была скорая и все, что онъ излагалъ словесно и на бумагѣ, отличалось ясностью. Къ сожалѣнію, онъ готовъ былъ на всякія продѣлки по службѣ и, дѣйствительно, наворовалъ такую сумму, что купилъ огромное имѣніе на имя своей жены, которая, по выходѣ его въ отставку, бросила его. Онъ вскорѣ умеръ, кажется, въ нуждѣ.

Въ Могилевѣ онъ жилъ очень хорошо. Данный имъ намъ обѣдъ былъ весьма роскошенъ. Большія деньги, проходившія тогда черезъ правленіе VII округа путей сообщенія, при его умѣ, дали ему возможность придать себѣ болѣе значенія, чѣмъ имѣлъ губернаторъ, такъ какъ всѣ сословія участво-

вали въ подрядахъ и зависѣли отъ Станевича. Положеніе его, какъ наиболѣе вліятельной въ Могилевѣ личности, было замѣтно на каждомъ шагу. Конечно, онъ былъ за одно съ Вонлярлярскимъ и если съ Серебряковымъ и мною опровергалъ его претензіи, то это только потому, что онъ не могъ писать иначе и потому, что ему, равно какъ и Серебрякову, извѣстно было особое приказаніе Клейнмихеля, которое мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ только годъ спустя и которое я передамъ въ своемъ мѣстѣ.

На устройство 500 верстъ шоссе отъ Мало-Ярославца до Бобруйска полагалось въ продолженіе 5 лѣтъ отпускать ежегодно около милліона рублей, но работы продолжались уже 8-й годъ, на нихъ было отпущено 9 милліоновъ руб. и только по прошествіи такого долгаго времени и уплаты, сверхъ контрактныхъ, 4 милліоновъ руб., выплаченныхъ безъ требованія доказательствъ о причинахъ такой значительной передержки, Клейнмихель, при испрошеніи новыхъ дополнительныхъ суммъ, остановился ихъ назначеніемъ и потребовалъ разъясненія необходимости ихъ отпуска. Эта остановка въ назначеніи суммъ для уплаты Вонлярлярскому и вызвала жалобы со стороны послѣдняго.

Жалобы его были очень сложны. Такъ какъ я пишу, не имѣя никакихъ бумагъ того времени, то изъ 10 или 12 его претензій на неуплату ему за сверхъ-контрактныя работы, упомяну только о нѣкоторыхъ. Вонлярлярскій, между прочимъ, жаловался на неуплату ему за вторичную срубку лѣса на обрѣзахъ шоссе, такъ какъ, писалъ онъ въ своемъ прошеніи, въ продолженіе 8-лѣтняго производства работъ по шоссе, не только на мѣстахъ прежде покрытыхъ лѣсомъ, но и на поляхъ, успѣлъ въ это время на обрѣзахъ шоссе вырасти частію кустарникъ, а частію довольно крупный лѣсъ. Предположеніе такой скорой растительности на протяженіи, по которому проходитъ шоссе отъ Мало-Ярославца до Бобруйска, было очень забавно.

Въ дѣйствительности же Вонлярлярскій за очищеніе обрѣзовъ шоссе отъ лѣса получилъ уже въ четыре раза болѣе, чѣмъ платилось за эту работу на другихъ шоссе. Въ контрактѣ, заключенномъ съ Вонлярлярскимъ за рубку лѣса съ корчеваніемъ пней, назначены были одинаковыя цѣны, которыя были вдвое болѣе цѣнъ другихъ контрактовъ того времени. При заключеніи контракта съ Вонлярлярскимъ предполагалось срубить лѣсъ на обрѣзахъ, но во время устройства имъ шоссе вышло Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы обрѣзы шоссе были очищаемы не только отъ лѣсу, но и отъ пней.

До объявленія этого Высочайшаго повелѣнія Вонлярлярскій не приступилъ къ рубкѣ лѣса на обрѣзахъ шоссе, а впослѣдствіи выкорчевалъ его вмѣстѣ съ пнями. Между тѣмъ онъ получилъ отдѣльную плату за вырубку лѣса и отдѣльно за корчевку пней, а такъ какъ цѣны его контракта были вдвое болѣе тогда существовавшихъ, то и выходитъ, что онъ получилъ за эту работу вчетверо болѣе, чѣмъ получали другіе. Увѣреніемъ же, что во время устройства шоссе успѣлъ вырости новый лѣсъ, онъ хотѣлъ

получить новую плату, и слѣдовательно получить за эту работу въ шесть разъ болѣе, чѣмъ получали другіе подрядчики.

Изложу главную изъ остальныхъ претензій Вонлярлярскаго. Въ заключенномъ съ нимъ контрактѣ было сказано, что за устройство мостовъ простой конструкціи *по утвержденнымъ* нормальнымъ чертежамъ онъ получитъ за каждую погонную сажень, сколько мнѣ помнится, по 397 р. 93¾ к., а за мосты черезъ рѣки и вообще, гдѣ потребуется устроить мосты болѣе сложной конструкціи, онъ будетъ разсчитанъ по имѣющимся составиться смѣтамъ, основаннымъ на справочныхъ цѣнахъ. Выше показанная цѣна за одну погонную сажень моста простой конструкціи была чрезмѣрно высока, особливо въ лѣсной мѣстности. Обыкновенная ея цѣна была, смотря по большему или меньшему изобилію лѣса, отъ 60 до 100 руб.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я хотѣлъ добиться, откуда взялась такая нелѣпая цѣна въ контрактѣ, и оказалось слѣдующее. Составленіе первоначальнаго расчета для опредѣленія стоимости устройства шоссе между Мало-Ярославцемъ и Бобруйскомъ было поручено инженеръ-подполковнику Никитину, при чемъ ему велѣно было, чтобы цѣны на разныя работы, входящія въ составъ этого устройства, соотвѣтствовали по возможности цѣнамъ только что отстроеннаго шоссе между Бобруйскомъ и Брестъ-Литовскомъ.

Никитинъ, принявъ въ соображеніе суммы, употребленныя на послѣдчемъ шоссе отдѣльно на земляныя работы, отдѣльно на мосты, отдѣльно на щебеночную кору и т. д., суммы эти дѣлилъ на тѣ количества кубическихъ саженъ земляныхъ работъ, погонныхъ саженъ мостовъ и т. д., которыя, по его предположенію, не основанному ни на произведенныхъ изысканіяхъ, ни даже на поверхностномъ знаніи мѣстности, потребуются на новомъ шоссе. Чѣмъ менѣе онъ предполагалъ работъ на новомъ шоссе, тѣмъ цѣна единицы этихъ работъ дѣлалась дороже, такъ какъ она составляла частное суммы, употребленной на работы по шоссе отъ Бобруйска до Брестъ-Литовска, раздѣленной на количество работъ, предположенныхъ имъ на новомъ шоссе.

Такимъ образомъ, если мосты стоили на первомъ шоссе 318 тыс. съ сотнями руб., а Никитинъ полагалъ, что на новомъ шоссе потребуется 800 погонныхъ саженъ мостовъ, то и вышла за одну погонную сажень вышесказанная цѣна, которая, заключая въ себѣ $^3/_4$ коп., должна была казаться исчисленною до необыкновенной точности. Въ виду такой цѣны на устройство мостовъ простой конструкціи ихъ настроили болѣе 2000 погонныхъ саж. вмѣсто предполагавшихся 800. То же дѣлалось и по другимъ работамъ, и это объясняетъ возможность уплаты Вонлярлярскому 4 милліоновъ рублей сверхъ контракта. На деревянные же мосты болѣе сложной конструкціи были составлены особыя смѣты, основанныя, согласно контракту съ Вонлярлярскимъ, на урочномъ положеніи и на справочныхъ цѣнахъ, и несмотря на то, что въ этихъ смѣтахъ рабочіе и матеріалы были исчислены съ большимъ излишкомъ, а справочныя цѣны выставлены весьма

высокія, средняя цѣна за погонную сажень моста болѣе сложныхъ конструкцій выходила менѣе цѣны за погонную сажень моста простой конструкціи, хотя со смѣтной цѣны не дѣлалось никакой скидки, тогда какъ при всѣхъ дополнительныхъ работахъ обыкновенно дѣлается скидка съ смѣтной цѣны на столько процентовъ, на сколько подрядчикъ на торгахъ понизилъ первоначально объявленную на торгахъ смѣтную сумму.

Хотя Вонлярлярскій и получилъ плату за мосты простой конструкціи, которые для выгодъ подрядчика были устроены и тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было нужно, по невообразимо высокой цѣнѣ, а за мосты сложной конструкціи по широко составленнымъ, основаннымъ на высокихъ справочныхъ цѣнахъ смѣтамъ, онъ однакоже этою платою не довольствовался и относительно этого его претензіи состояли въ томъ: 1, что онъ долженъ былъ будто бы строить всѣ мосты, шириною въ 3 сажени, такъ какъ въ заключенномъ съ нимъ контрактѣ сказано, что они строятся по *утвержденнымъ* нормальнымъ чертежамъ, а до заключенія съ нимъ контракта были утверждены нормальные чертежи на мосты шириною въ 3 сажени, и потому Вонлярлярскій просилъ дополнительной платы за излишнюю ширину моста, и 2, что погонная сажень моста сложной конструкціи не можетъ стоить дешевле погонной сажени моста простой конструкціи, а такъ какъ, сравнивая между собою стоимость подобныхъ мостовъ на другихъ шоссе, первые обходятся въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе послѣднихъ, то и слѣдуетъ Вонлярлярскому уплатить за погонную сажень моста сложной конструкціи въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе противъ цѣны моста простой конструкціи, шириною въ 4 сажени.

Относительно первой изъ этихъ претензій, Мясоѣдовъ, Серебряковъ, я и правленіе VII округа путей сообщенія находили, что нормальные чертежи на мосты, на которые ссылался Вонлярлярскій, были разосланы департаментомъ разсмотрѣнія проектовъ и смѣтъ собственно для руководства строителей при постройкѣ мостовъ, при чемъ ширина мостовъ была показана произвольная, нисколько не обязательная для строителей, что при заключеніи контракта съ Вонлярлярскимъ не было утвержденныхъ чертежей ни на мосты, ни на какія другія работы по шоссе, которое онъ обязывался устроить, а предполагалось составить и утвердить таковые, и между прочимъ составить и утвердить нормальные чертежи мостовъ простой конструкціи для шоссе между Мало-Ярославцемъ и Бобруйскомъ, и что Вонлярлярскій обязанъ былъ строить ихъ по тѣмъ чертежамъ, которые были утверждены впослѣдствіи собственно для означеннаго шоссе, противъ чего онъ, при выдачѣ ему нарядовъ съ этими чертежами и послѣ въ продолженіе 7 лѣтъ, претензіи не объявлялъ.

При составленіи разныхъ актовъ вообще принято употреблять слово: «утвержденный» въ прошедшемъ времени, вмѣсто будущаго: такъ, напр., когда дается кому-нибудь мѣсто въ городѣ, то въ данной на это мѣсто говорится, что владѣлецъ обязанъ на этомъ мѣстѣ построить домъ по *утвержденному* правительствомъ чертежу, хотя этотъ чертежъ при написаніи данной не только не утвержденъ, но еще не составленъ и предполагается

его составить и утвердить впослѣдствіи. Принимая это, мы полагали въ претензіи Вонлярлярскому отказать.

Относительно требованія Вонлярлярскимъ платы за погонную сажень мостовъ сложной конструкціи въ 2½ раза болѣе, чѣмъ за погонную сажень мостовъ простой конструкціи, мы находили, что подобная плата была бы противна контракту, въ которомъ именно сказано, что за мосты сложной конструкціи Вонлярлярскій получаетъ плату по утвержденнымъ смѣтамъ (таковыхъ при заключеніи контракта вовсе не было; ясно, что подразумѣвалось по смѣтамъ, имѣющимъ быть утвержденными), основаннымъ на урочномъ положеніи и на справочныхъ цѣнахъ, а такъ какъ онъ получилъ всю исчисленную по этимъ смѣтамъ сумму и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не заявлялъ противъ этого жалобы, то мы находили, что выше упомянутая его претензія не заслуживаетъ вниманія.

Всѣ остальныя претензіи Вонлярлярскаго, о которыхъ я здѣсь не упоминаю, не имѣли никакого основанія и признаны нами таковыми. Напротивъ того, мы нашли, что ему передано болѣе 300 тыс. руб., которые онъ долженъ еще заработать.

Объяснительный рапортъ по претензіямъ Вонлярлярскаго, подписанный не только Мясоѣдовымъ, Серебряковымъ и мною, но и управляющимъ округомъ Станевичемъ, а равно и членами общаго присутствія правленія округа, былъ готовъ только къ 24 декабря, и мы въ этотъ день уѣхали въ Петербургъ.

Во время пребыванія нашего въ Могилевѣ, повѣренный Вонлярлярскаго ежедневно два раза получалъ эстафеты отъ послѣдняго съ требованіемъ извѣщенія о томъ, что мы дѣлаемъ.

Повѣренный просилъ насъ сообщить ему о положеніе дѣла. Мы ему каждый разъ отказывали въ этомъ сообщеніи, но онъ посылалъ Вонлярлярскому также по двѣ эстафеты ежедневно и такъ какъ, казалось бы, не стоило посылать эстафетъ, чтобы сказать, что онъ ничего не знаетъ, то надо полагать, что ему сообщались свѣдѣнія потихоньку отъ меня.

Полагаю умѣстнымъ указать здѣсь причину, по которой мѣстные распорядители шоссейныхъ работъ, при столь высокихъ цѣнахъ на ихъ производство, часто затруднялись въ уплатѣ денегъ рабочимъ и поставщикамъ матеріаловъ.

Ежегодно назначалось на работы на шоссе между Мало-Ярославцемъ и Бобруйскомъ около милліона руб. Вонлярлярскій, на основаніи контракта, бралъ въ Петербургѣ впередъ половину этой суммы въ задатокъ, представляя въ его обезпеченіе залогъ рубль за рубль, и рѣдко удѣлялъ изъ нея что-нибудь на работы; напротивъ того, иногда старался и изъ остальной половины, которая выдавалась на мѣстѣ работъ по квитанціямъ инженеровъ, наблюдавшихъ за работами, выхватить что-нибудь для собственныхъ расходовъ.

Между тѣмъ Вонлярлярскій оставилъ своимъ дѣтямъ не очень большое состояніе. Куда же дѣвались полученные имъ милліоны рублей какъ

съ этого шоссе, такъ и съ другихъ работъ? Затѣямъ этого господина и роскоши въ его жизни, при чрезвычайной нерасчетливости, не было предѣловъ. Недаромъ онъ былъ прозванъ Монте-Кристо, имя безконечно богатаго героя современнаго романа, носящаго тоже названіе. Передамъ хотя нѣкоторыя черты затѣй и роскоши жизни Вонлярлярскаго.

Въ наслѣдственномъ его имѣніи Вонляровѣ, близъ Смоленска, былъ старый господскій домъ, въ родѣ домовъ, которые имѣютъ помѣщики средней руки. Желая сохранить этотъ домъ и приспособить его къ роскошной жизни богача, онъ на его отдѣлку употребилъ огромныя деньги. Достаточно упомянуть, что живопись потолка залы стараго деревяннаго дома обошлась въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Для планированія мѣстности на нѣсколько сотъ саженъ около дома, онъ произвелъ огромнѣйшія земляныя работы и на ней устроилъ большой великолѣпный садъ съ искусственными возвышеніями, озерами и плотинами; на все это были издержаны огромныя суммы.

Въ этомъ жилищѣ, которое уподоблялось Петергофу, онъ давалъ Лукулловскіе праздники, для которыхъ живую рыбу и другія провизіи привозили изъ Москвы на почтовыхъ лошадяхъ.

Въ Петербургѣ онъ жилъ также великолѣпно. Говорили, что при его обѣдахъ и ужинахъ служили до 40 человѣкъ, одѣтыхъ въ самыя роскошныя ливреи. При его путешествіяхъ курьеры заготовляли впередъ лошадей на почтовыхъ станціяхъ, а такъ какъ число лошадей на нихъ было на бо́льшей части трактовъ недостаточно, то курьеры дорого платили смотрителямъ станцій, чтобы они задерживали другихъ проѣзжающихъ въ ожиданіи пріѣзда Вонлярлярскаго. Подобныя распоряженія дѣлались не только для него и его жены, но для его доктора и нѣкоторыхъ другихъ состоявшихъ при немъ должностныхъ лицъ.

Принимая въ соображеніе, что 25-ти рублевый кредитный билетъ составлялъ наименьшую единицу у Вонлярлярскаго, можно себѣ представить, сколько стоили подобныя путешествія. Въ доказательство того, что Вонлярлярскіе, мужъ и жена, считали 25 р. за наименьшую единицу, приведу слѣдующій примѣръ. Когда жена Вонлярлярскаго должна была проѣхать черезъ г. Невель, было заблаговременно дано объ этомъ знать содержателю гостиницы въ городѣ. Она пробыла въ этой гостиницѣ полчаса, въ это время напилась только чаю, конечно, своего; слѣдовавшій съ нею повѣренный ея мужа далъ за это содержателю гостиницы 25 р., но послѣдній ихъ не взялъ, требуя по счету болѣе 100 р. Завязался между ними споръ. Когда жена Вонлярлярскаго узнала причину спора, то просила уплатить все по счету. Повѣренный, однако же, этого не исполнилъ. Содержатель гостиницы представилъ въ полицію неуплаченный счетъ, по которому значилось за самоваръ и сливки нѣсколько десятковъ копѣекъ, и нѣсколько десятковъ рублей за то, что, получивъ извѣщеніе о проѣздѣ Вонлярлярской, онъ нѣсколько дней сряду, въ ожиданіи ея пріѣзда, никого не пускалъ въ гостиницу, за выписку изъ Витебска людей для при-

слуги, за припасы, пригототовленные къ ея обѣду, такъ какъ онъ не зналъ о томъ, не потребуетъ ли она обѣда, и за разныя другія приготовленія по случаю ея проѣзда. Вонлярлярскій, для прекращенія возникшаго въ полиціи дѣла, приказалъ заплатить по счету сполна.

Вонлярлярскій по дѣламъ своимъ велъ большую переписку. Письма свои онъ бо́льшею частію отправлялъ не съ обыкновенною почтою, а съ весьма дорого стоившими эстафетами. Генералъ Герстфельдъ разсказывалъ мнѣ, что, во время управленія имъ Варшаво-Вѣнскою желѣзною дорогою въ Царствѣ Польскомъ, Вонлярлярскій потребовалъ экстренный поѣздъ отъ Варшавы до границы. Въ это время экстренные поѣзда, съ разрѣшенія намѣстника Царства князя Паскевича, по какимъ-то причинамъ были отмѣнены, а потому Герстфельдъ отказалъ Вонлярлярскому въ его требованіи. Послѣдній заявилъ, что въ случаѣ полученія экстреннаго поѣзда онъ, сверхъ установленной за него платы, дастъ поѣздной прислугѣ 10000 золотыхъ (1500 р.).

Герстфельдъ отвѣчалъ, что прислуга оплачивается казною и не должна принимать подарковъ. Тогда Вонлярлярскій, перемѣнивъ тонъ, началъ умолять Герстфельда дать ему поѣздъ въ виду того, что его дочь опасно больна въ Вѣнѣ. Герстфельдъ немедля приказалъ нарядить поѣздъ, причемъ запретилъ прислугѣ принимать деньги отъ Вонлярлярскаго.

На послѣдней станціи Варшаво-Вѣнской дороги есть ящикъ для бѣдныхъ, изъ котораго каждый мѣсяцъ вынимается нѣсколько мелкихъ монетъ. Въ тотъ же мѣсяцъ, въ который проѣхалъ Вонлярлярскій на экстренномъ поѣздѣ, въ ящикѣ найдено, сверхъ мелкихъ монетъ, 1500 р. русскими кредитными билетами.

Возвращаюсь къ описанію порученія по разъясненію претензій Вонлярлярскаго. Представленный Клейнмихелю рапортъ по этому предмету былъ имъ въ подлинникѣ препровожденъ Государю, который, призвавъ къ себѣ Вонлярлярскаго, сказалъ ему, что, передъ отправленіемъ комиссіи въ Могилевъ для изслѣдованія его претензій, онъ увѣрилъ Государя, что все дѣло будетъ кончено въ его пользу, а между тѣмъ, по донесеніи этой комиссіи, оказывается, что оно только начинается, и что по ея мнѣнію Вонлярлярскому не слѣдуетъ болѣе никакихъ денегъ. Послѣдній отвѣчалъ, что заключеніе комиссіи несправедливо, чему служитъ явнымъ доказательствомъ полученіе его повѣреннымъ черезъ три дня по отъѣздѣ комиссіи болѣе 200 тыс. руб. изъ правленія, которые повѣренный его уплатилъ разнымъ лицамъ, въ чемъ представилъ расписки послѣднихъ. Увѣренность же его въ томъ, что дѣло должно кончиться согласно его желанію, заявленная имъ Государю въ то время, когда Его Величество объявлялъ ему о посылкѣ комиссіи въ Могилевъ, происходила отъ того, что тогда были назначены въ комиссію только Мясоѣдовъ и Серебряковъ, а между тѣмъ, кромѣ нихъ, былъ посланъ и я, что будто бы я, при всѣхъ другихъ моихъ достоинствахъ, всегда толкуя въ пользу казны недоразумѣнія, возникающія въ расчетахъ между казною и частными лицами, имѣлъ большое

вліяніе при разсмотрѣніи его претензій и направилъ дѣло не въ его пользу.

Государь былъ очень недоволенъ тѣмъ, что Клейнмихель дозволилъ себѣ послать кромѣ лицъ, которыхъ онъ ему представлялъ, и меня, не спросивъ на это особаго разрѣшенія.

Въ такомъ видѣ этотъ разговоръ былъ переданъ мнѣ, по порученію Вонлярлярскаго, бывшимъ моимъ товарищемъ по Институту инженеровъ путей сообщенія Львомъ Ропомъ, находившимся уже въ отставкѣ и производившимъ для Вонлярлярскаго изысканія по устройству желѣзной дороги между Москвою и Нижнимъ-Новгородомъ.

Согласно докладу Клейнмихеля, донесеніе, представленное Мясоѣдовымъ, Серебряковымъ и мною, Высочайше повелѣно разсмотрѣть въ совѣтѣ главнаго управленія путей сообщенія съ приглашеніемъ для присутствованія въ немъ по этому дѣлу Н. Е. Заики, директора канцеляріи главноуправляющаго, Мясоѣдова, Серебрякова и меня. Означенное наше донесеніе въ началѣ января 1852 г. было весьма обстоятельно обсужено въ нѣсколькихъ весьма продолжительныхъ засѣданіяхъ совѣта, который призналъ его правильнымъ, о чемъ доложено было Государю Клейнмихелемъ въ половинѣ января.

Докладъ этотъ поднялъ страшную бурю. Увѣряли, что Государь самымъ грубымъ образомъ выгналъ Клейнмихеля изъ своего кабинета, сказавъ, что совѣтъ главнаго управленія путей сообщенія лжетъ, утверждая мнѣніе комиссіи, производившей слѣдствіе, такъ какъ Его Величеству вполнѣ извѣстно, что деньги Вонлярлярскому слѣдовали и что 200 тыс. руб. ему даже выданы, а потому Высочайше повелѣно дѣло это, въ виду уже выданныхъ Вонлярлярскому 200 т. руб., пересмотрѣть въ означенномъ совѣтѣ.

Съ этого дня Клейнмихель заявилъ себя больнымъ и не выѣзжалъ изъ дома болѣе 3 мѣсяцевъ, продолжая управлять ввѣреннымъ ему вѣдомствомъ. Я полагалъ, что для повѣрки суммъ правленія, которая сейчасъ же указала бы на выдачу или невыдачу Вонлярлярскому болѣе 200 тыс. руб., слѣдовало послать одного изъ лицъ, состоящихъ при Клейнмихелѣ по особымъ порученіямъ. Онъ, посылавшій ихъ повсюду для исполненія самыхъ ничтожныхъ порученій, на этотъ разъ нашелъ достаточнымъ послать въ Могилевъ курьера съ требованіемъ о доставленіи свѣдѣнія о томъ, выданы ли Вонлярлярскому деньги. Курьеръ привезъ донесеніе окружнаго правленія путей сообщенія, что за работы, произведенныя Вонлярлярскимъ въ декабрѣ, денегъ ему не выдавалось.

Совѣтъ главнаго управленія путей сообщенія, собравшійся по полученіи этого донесенія, положилъ объ этомъ донести Клейнмихелю и о томъ, что онъ остается при мнѣніи, изложенномъ въ прежнемъ докладѣ. По окончаніи засѣданія совѣта я получилъ частное извѣщеніе изъ Могилева, что деньги Вонлярлярскому дѣйствительно выданы. Я поспѣшилъ объ этомъ заявить предсѣдательствовавшему въ совѣтѣ Дестрему, не

называя ему лица, отъ котораго я получилъ извѣщеніе. Дестремъ принялъ мое заявленіе очень горячо, хотѣлъ на другой день предложить о немъ совѣту, когда члены его соберутся для подписанія журнала засѣданія.

Между тѣмъ, по пріѣздѣ моемъ на другой день въ совѣтъ, я нашелъ журналъ бывшаго наканунѣ засѣданія уже подписаннымъ Дестремомъ и прочими членами и Дестремъ никому ничего не говорилъ о моемъ заявленіи. Впослѣдствіи мнѣ объяснили это тѣмъ, что Дестремъ поступилъ такъ по требованію Клейнмихеля, который не желалъ, чтобы данъ былъ ходъ сдѣланному мною заявленію.

Дестремъ же сказалъ мнѣ, что совѣтъ долженъ руководствоваться офиціальными донесеніями, а не письмами отъ лица, котораго имя даже ему неизвѣстно, и потому онъ подписалъ журналъ вчерашняго засѣданія безъ измѣненія; послѣ этого и я подписалъ его.

Этотъ журналъ совѣта вмѣстѣ съ прежнимъ, въ которомъ совѣтъ соглашался съ заключеніемъ посланной въ Могилевъ комиссіи, Клейнмихель, не выѣзжавшій изъ дому по болѣзни, послалъ къ Государю, который написалъ, что совѣтъ лжетъ, потому что Его Величество убѣжденъ въ томъ, что деньги были выданы Вонлярлярскому. При этомъ Государь, конечно основываясь на словахъ Вонлярлярскаго, отмѣтилъ въ первомъ журналѣ совѣта по этому дѣлу тѣ заключенія, которыя признавалъ неправильными.

Клейнмихель передалъ въ совѣтъ замѣчанія Государя, оставивъ самые журналы совѣта при дѣлахъ своей канцеляріи въ числѣ самыхъ секретныхъ бумагъ, такъ что я этихъ журналовъ не видалъ, а говорили впослѣдствіи, что замѣчанія Государя противъ заключеній совѣта были написаны въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ.

Совѣтъ, по полученіи бумаги отъ Клейнмихеля, въ которой были изложены перефразированныя замѣчанія Государя, потребовалъ для удостовѣренія въ томъ, выданы ли деньги Вонлярлярскому, высылку изъ Могилева приходо-расходной книги окружнаго правленія, а для объясненій по замѣчаніямъ Государя—пріѣзда Станевича въ Петербургъ.

По приходорасходной книгѣ видно было, что Ворлярлярскій дѣйствительно получилъ 28-го декабря болѣе 200 тыс. руб., но, по объясненію Станевича, эти деньги были выданы не за произведенныя работы, а въ видѣ задатковъ на 1852 г., слѣдовавшихъ Вонлярлярскому по контракту, по представленіи имъ залоговъ рубль за рубль; такъ это и было занесено въ статью приходо-расходной книги.

Противъ замѣчаній, сдѣланныхъ Государемъ на первый журналъ совѣта, Станевичъ представилъ объясненія, которыя совѣтъ, по долгомъ обсужденіи, положилъ всѣ эти объясненія, равно какъ и объясненія о томъ, на какой предметъ были выданы Вонлярлярскому деньги, изложить въ новомъ журналѣ, который и представить Клейнмихелю.

Между тѣмъ, въ городѣ ходили слухи, что Государь неоднократно выражалъ разнымъ лицамъ свое неудовольствіе на то, что Клейнмихель не производитъ Вонлярлярскому слѣдующихъ ему уплатъ и что совѣтъ глав-

наго управленія путей сообщенія въ своихъ журналахъ лжетъ и дѣлаетъ несправедливыя заключенія.

Однажды Государь нашелъ графиню Клейнмихель въ кабинетѣ Императрицы и въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ обвинялъ ея мужа и его подчиненныхъ въ неправильности дѣйствій по дѣлу Вонлярлярскаго, такъ что она упала въ обморокъ и ее съ трудомъ вывели отъ Императрицы.

Въ февралѣ получено было донесеніе Смоленскаго губернатора князя Херхеулидзева, моего знакомца по Керчи, когда онъ въ ней былъ градоначальникомъ, что конторы Вонлярлярскаго не платятъ денегъ работавшимъ при устройствѣ шоссе крестьянамъ, которые голодаютъ и въ нищенскихъ рубищахъ огромными толпами приходятъ въ Смоленскъ съ жалобами, но онъ не можетъ удовлетворить ихъ по неимѣнію на то никакихъ средствъ.

По Высочайшему повелѣнію положено было составить въ Смоленскѣ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, комиссію изъ губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства, Смоленскаго жандармскаго штабъ-офицера и изъ инженернаго штабъ-офицера путей сообщенія, въ которую, не ожидая окончанія дѣла по претензіямъ Вонлярлярскаго, назначить изъ Государственнаго казначейства 400 тыс. руб. для расплаты съ рабочими и поставщиками на устроенномъ шоссе, съ тѣмъ, что деньги эти будутъ вычтены изъ выдачъ Вонлярлярскому, если ему таковыя будутъ причитаться, а въ противномъ случаѣ падутъ на его залоги.

Клейнмихель назначилъ членомъ въ эту комиссію меня, но не позволялъ ѣхать въ Смоленскъ, прежде чѣмъ я подпишу вышеупомянутый окончательный журналъ совѣта по дѣлу Вонлярлярскаго, который и былъ подписанъ 7-го марта.

Я получилъ инструкцію на выдачу денегъ рабочимъ и поставщикамъ изъ означенной суммы, согласованную между Клейнмихелемъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ. Въ этой инструкціи поставлены были разныя препятствія къ выдачѣ денегъ, и между прочимъ было приказано ихъ выдавать только «мѣстнымъ» поставщикамъ и рабочимъ. Разъясненія слова «мѣстные», а также и другихъ неясностей инструкціи я не могъ добиться ни отъ Клейнмихеля, ни отъ Перовскаго.

Клейнмихель убѣжденный, что Вонлярлярскому не причтется никакой уплаты, желалъ, чтобы выдача денегъ производилась какъ можно медленнѣе, считая, что все, что будетъ выдано, будетъ чистою потерею для казны, такъ какъ онъ не надѣялся на возможность получить что-либо въ уплату изъ залоговъ Вонлярлярскаго.

Перовскій, которому я представлялся передъ отъѣздомъ въ Смоленскъ, высказалъ мнѣ, до какой степени ему и вообще министрамъ непріятно положеніе, въ которое Клейнмихель поставленъ жалобами Вонлярлярскаго. Перовскій всегда враждебно относился къ Клейнмихелю, и потому мнѣ показался очень страннымъ его разговоръ со мною, но тутъ дѣйствовало чувство самосохраненія. Перовскій и другіе министры были оби-

жены тѣмъ, что подрядчикъ можетъ имѣть вліяніе на Государя болѣе сильное, чѣмъ вліяніе одного изъ нихъ и еще наиболѣе приближеннаго къ Государю.

Впрочемъ, я могъ предвидѣть это уже изъ словъ М. Н. Муравьева, котораго я въ это время часто видалъ и который, сильно не любя Клейнмихеля, былъ друженъ съ Перовскимъ. Послѣдній, отпуская меня, просилъ придерживаться въ уплатѣ денегъ данной мнѣ инструкціи, а относительно ея неясностей исполнять такъ, какъ укажетъ Клейнмихель.

Въ февралѣ же 1852 г. было получено донесеніе Могилевскаго окружного правленія путей сообщенія, что на торги по ремонтному въ слѣдующіе 4 года содержанію шоссе, устроеннаго Вонлярлярскимъ, никто не явился, причемъ правленіе просило о томъ, чтобы поручено было департаменту хозяйственныхъ дѣлъ главнаго управленія путей сообщенія найти подрядчика.

Въ это время поступило заявленіе Гуюса, управлявшаго имѣніемъ Клейнмихеля, о желаніи принять этотъ подрядъ съ довольно значительною сбавкою со смѣтныхъ цѣнъ. Клейнмихель приказалъ разсмотрѣть это заявленіе въ общемъ присутствіи департамента съ приглашеніемъ въ оное управлявшаго Могилевскимъ округомъ Станевича, Серебрякова и меня.

Въ первомъ же засѣданіи этого присутствія я обратилъ вниманіе на чрезвычайно высокую смѣтную оцѣнку ремонтнаго содержанія (сколько помню, около 2000 р. на версту въ годъ), съ которой, конечно, нетрудно было сдѣлать значительную сбавку. Такъ какъ департаментъ хозяйственныхъ дѣлъ получилъ отъ правленія только итоги смѣтъ, то нельзя было судить, почему они вчетверо или даже впятеро болѣе итога въ смѣтѣ на подобное же содержаніе другихъ шоссе, а такъ какъ смѣты не были еще утверждены главнымъ управленіемъ путей сообщенія, то я полагалъ, что до разсмотрѣнія департаментомъ предложенія Гуюса слѣдуетъ вытребовать подлинныя смѣты.

Это предложеніе мое очень не понравилось Станевичу и постоянно во всемъ вторившему ему Серебрякову. Между тѣмъ въ Петербургѣ начали уже говорить о томъ, что Клейнмихель отдаетъ содержаніе шоссе управляющему его имѣніемъ по чрезвычайно высокой цѣнѣ. Чтобы мои заявленія въ департаментѣ не остались втунѣ, я рѣшился въ тотъ же день передать ихъ Клейнмихелю, когда онъ вошелъ въ гостиную своей жены, съ которой я въ это время игралъ въ ералашъ.

Клейнмихель удивился, что смѣты, по которымъ производились торги въ Могилевскомъ правленіи путей сообщенія, не были еще утверждены, что онѣ не присланы правленіемъ при торговомъ дѣлѣ и что сумма, ими опредѣленная, такъ высока. Онъ очень благодарилъ меня за то, что я обратилъ на это его вниманіе и приказалъ мнѣ немедля отправить курьера въ Могилевъ, съ которымъ должны быть присланы смѣты. Пока я этимъ распоряжался въ канцеляріи, онъ сѣлъ за меня играть въ ералашъ и, ничего не понимая въ игрѣ, порядочно проигралъ.

Смѣты изъ Могилева были доставлены послѣ отъѣзда моего въ Смоленскъ, онѣ были повѣрены въ департаментѣ для разсмотрѣнія проектовъ и смѣтъ, при чемъ въ нихъ убавлено работъ и поставокъ болѣе, чѣмъ на половину, такъ что хотя Гуюсъ и получилъ подрядъ по ремонтному содержанію шоссе за весьма выгодную сумму, но несравненно низшую противъ прежде имъ объявленной. Контрактъ съ Гуюсомъ былъ заключенъ на 4 года съ тѣмъ, что по истеченіи этого срока, т.-е. въ 1856 г., подрядъ будетъ оставленъ за нимъ еще на 4 года преимущественно передъ другими лицами.

Но въ 1856 г. главноуправляющимъ путями сообщенія былъ уже Чевкинъ и содержаніе шоссе было отдано на 4 года другому лицу за сумму, сколько помнится, почти вдвое меньшую. М. Н. Муравьевъ удивлялся, что Клейнмихель, чтобы не быть введеннымъ въ обманы, не приближаетъ меня еще болѣе къ себѣ. Въ это же время, напротивъ того, приближенные Клейнмихеля, Мицкевичъ, Серебряковъ, а можетъ быть и другіе, старались удалить человѣка, который одинъ позволялъ себѣ выводить передъ Клейнмихелемъ наружу всѣ плутни, и это удаленіе не заставило себя ждать. Я былъ назначенъ въ Смоленскую комиссію для уплаты рабочимъ на шоссе. Это было только временное удаленіе, но въ іюнѣ я былъ назначенъ начальникомъ Московскихъ водопроводовъ и слѣдовательно совсѣмъ удаленъ отъ Клейнмихеля.

Проѣздомъ изъ Петербурга въ Смоленскъ, я 9-го марта былъ въ Москвѣ. Это день кончины моей тещи. Побывавъ на ея могилѣ въ Покровскомъ монастырѣ, я немедля отправился далѣе, но не по шоссе, которое ведетъ большимъ кругомъ черезъ Рославль, а по старой Смоленской дорогѣ на Соловьевскій перевозъ, отъ котораго до Смоленска было устроено шоссе въ бытность графа Толя главноуправляющимъ путями сообщенія. На этомъ шоссе встрѣчаются весьма значительныя насыпи и выемки, его направленіе выбрано было въ весьма неудобной мѣстности и, какъ говорили, оно было предначертано Толемъ только потому, что по немъ двигались наши войска въ 1812 г.

Работы по устройству шоссе должны были по неудобству мѣстности стоить очень дорого, но ихъ стоимость превысила всѣ ожиданія по причинѣ безпорядковъ и злоупотребленій, допущенныхъ Смоленскимъ губернаторомъ Хмѣльницкимъ, подъ наблюденіемъ котораго строилось шоссе, и инженеромъ Шванебахомъ. Помнится мнѣ, что они оба, во время суда надъ ними, умерли въ Петербургской Петропавловской крѣпости.

Въ Смоленскѣ я остановился у двоюроднаго брата моего Ѳеодора Егоровича Гурбандта. Гурбандтъ былъ въ это время окружнымъ генераломъ внутренней стражи. Подъ его начальствомъ находились 11 или 12 баталіоновъ внутренней стражи, расположенныхъ въ Смоленскѣ и ближайшихъ губернскихъ городахъ, а равно въ Москвѣ. Это была честная, благородная личность, хотя весьма недалекая. Живя бѣдно, онъ занималъ, однако, довольно большой деревянный домъ, содержавшійся очень опрятно.

Онъ мнѣ уступилъ свой кабинетъ, а самъ поселился въ комнатѣ, бывшей рядомъ съ его кабинетомъ.

По нездоровью онъ почти не выходилъ изъ дому. Каждое утро являлся къ нему какой-то полковникъ, дежурный штабъ-офицеръ округа, съ бумагами для подписи Гурбандта, по болѣзни котораго этотъ полковникъ прочитывалъ ему вслухъ всѣ бумаги, безъ чего ни одна не подписывалась.

Посылалось много циркуляровъ къ 11 или 12 баталіоннымъ командирамъ и циркуляръ къ каждому изъ нихъ прочитывался, такъ что я въ сосѣдней комнатѣ каждый день долженъ былъ слушать повтореніе одного и того же 11—12 разъ. Въ числѣ распоряженій по баталіонамъ одно было весьма замѣчательное. На вновь открытую желѣзную дорогу между столицами требовалось болѣе тысячи сторожей, которые должны были поступить въ команды, образуемыя при желѣзной дорогѣ.

Этихъ людей назначено было взять изъ неспособныхъ 2-го разряда въ баталіонахъ внутренней стражи округа, которымъ командовалъ Гурбандтъ. Чтобы отдѣлаться отъ негодяевъ, онъ немедля приказалъ всѣхъ таковыхъ зачислить по спискамъ въ неспособные 2-го разряда и отправить на желѣзную дорогу. Вотъ какъ поступали тогда и благородные люди, которые, подобно Гурбандту, не видали въ этомъ ничего предосудительнаго.

Удивительно, какъ при подобномъ составѣ сторожей по желѣзной дорогѣ между столицами, на которой они были разсѣяны по два человѣка на верстѣ, почти безъ присмотра, было на этой дорогѣ такъ мало несчастныхъ случаевъ.

Въ будни у Гурбандтовъ никого не бывало. Жена Гурбандта постоянно ухаживала за своимъ больнымъ мужемъ. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ приходили послѣ обѣдни дежурный штабъ-офицеръ и старшіе адъютанты округа, командиръ Смоленскаго баталіона внутренней стражи и нѣсколько старшихъ офицеровъ этого баталіона. Гурбандтъ и жена принимали ихъ въ гостиной, сидя рядомъ на диванѣ. Штабъ-офицеры садились на креслахъ возлѣ дивана, а оберъ-офицеры на стульяхъ у оконъ.

Гурбандты и штабъ-офицеры спрашивали другъ у друга о здоровьѣ, говорили о погодѣ и потомъ, помолчавъ немного, послѣдніе, равно какъ и оберъ-офицеры, все время молчавшіе, уходили.

Читатель видитъ, что житье Гурбандтовъ было не веселое, но они съ нимъ свыклись, и когда женѣ Гурбандта, послѣ смерти ея мужа, пришлось измѣнить родъ жизни, эта перемѣна сильно на нее подѣйствовала.

Смоленскій губернаторъ былъ мой старый знакомый, но у него совсѣмъ не было памяти и онъ мало помнилъ о нашемъ близкомъ знакомствѣ въ Керчи въ 1841 и 1842 гг. Я вскорѣ познакомился въ Смоленскомъ обществѣ, которое хотя жило въ небольшихъ деревянныхъ домахъ, но давало роскошные обѣды и вечера и разъѣзжало въ прекрасныхъ экипажахъ. Въ дворянскомъ собраніи было всегда многолюдно. Дамы были всегда одѣты богато и со вкусомъ, несмотря на то, что не только почти всѣ

помѣщичьи имѣнія были заложены въ опекунскихъ совѣтахъ, но на нихъ по этимъ залогамъ накопились неоплатныя недоимки и сверхъ того, по случаю неурожая, имъ были выданы особыя ссуды по числу душъ, которыми владѣли помѣщики, а они эти ссуды большею частію проматывали или проигрывали въ карты.

Одинъ изъ наиболѣе богатыхъ домовъ былъ домъ Бахметева, женатаго на вдовѣ княгинѣ Друцкой-Сокольницкой-Гурко-Ромейко, о великолѣпныхъ балахъ которой въ Москвѣ я упоминалъ уже. Замѣтно было однако же, что ея состояніе значительно уменьшилось. Бахметевъ, какъ Смоленскій уѣздный предводитель дворянства, былъ членомъ комиссіи по уплатѣ денегъ рабочимъ, строившимъ шоссе отъ Мало-Ярославца до Бобруйска.

Въ самый день моего пріѣзда въ Смоленскъ былъ у меня Смоленскій губернскій предводитель дворянства князь Друцкой-Сокольницкой, бывшій впослѣдствіи губернаторомъ въ одной изъ юго-западныхъ губерній. Друцкой пріѣхалъ ко мнѣ просить дозволенія не присутствовать въ комиссіи по уплатѣ рабочимъ Вонлярлярскаго, опираясь на то, что ему нечего дѣлать въ этой комиссіи, что онъ не живетъ въ городѣ и что его отношенія съ Вонлярлярскимъ таковы, что онъ не желалъ бы въ ней участвовать. Я отвѣчалъ, что онъ назначенъ въ комиссію старшимъ членомъ по Высочайшему повелѣнію, а я, какъ младшій членъ той же комиссіи, не могу дать ему испрашиваемаго разрѣшенія, но очень сожалѣю, если онъ уклонится отъ присутствованія въ комиссіи, такъ какъ, вѣроятно, многіе рабочіе и поставщики Вонлярлярскаго крѣпостные люди Смоленскихъ дворянъ, и его присутствіе въ комиссіи служило бы ручательствомъ, что она исполняетъ возложенное на нее дѣло вполнѣ справедливо. Но Друцкой такъ и не показывался въ комиссію.

Губернаторъ и управляющій палатою государственныхъ имуществъ, по значительности своихъ занятій, также были въ ней, первый при ея открытіи и закрытіи, а послѣдній только при открытіи.

И такъ все дѣло легло на меня и на Смоленскаго жандармскаго штабъ-офицера подполковника Слезкина, брата бывшаго впослѣдствіи жандармскимъ генераломъ, человѣка очень пріятнаго и хорошаго.

На площадяхъ и улицахъ Смоленска были толпы рабочихъ, не имѣвшихъ пристанища и кормившихся подаяніемъ. Они были снабжены печатными квитанціями шоссейныхъ конторъ Вонлярлярскаго; на квитанціяхъ обозначались должныя каждому изъ нихъ деньги. Суммы, обозначенныя на квитанціяхъ, были чрезвычайно разнообразны, отъ 20 к. до нѣсколькихъ сотъ рублей. Странно было видѣть копеечныя квитанціи, выданныя при дѣлѣ въ нѣсколько милліоновъ рублей.

Рабочимъ при полученіи этихъ квитанцій назначалась одна изъ шоссейныхъ конторъ, въ которой они могли получить деньги по квитанціямъ, но эта контора отказывалась отъ уплаты. Тогда они странствовали по другимъ

конторамъ, расположеннымъ на протяженіи 500 верстъ, и вездѣ получали отказъ, что продолжалось цѣлые годы.

Нельзя было медлить началомъ уплаты денегъ рабочимъ изъ суммы, ассигнованной изъ Государственнаго казначейства, и въ первое же засѣданіе комиссіи, бывшее на другой день моего пріѣзда въ Смоленскъ, я предложилъ слѣдующій порядокъ для дѣйствій комиссіи.

Ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, съ 10 до 12 час. утра комиссія принимаетъ предъявляемыя рабочими квитанціи безъ всякихъ просьбъ или записокъ. По переномерованіи ихъ, онѣ передаются находившемуся въ комиссіи во время пріема квитанціи повѣренному Вонлярлярскаго, Апухтину, для засвидѣтельствованія ихъ подлинности. Съ 12 часовъ начинается уплата по принятымъ наканунѣ квитанціямъ, если къ уплатѣ не было предъявлено препятствій со стороны Апухтина, къ чести котораго надо сказать, что онъ весьма рѣдко задерживалъ утвержденіе нѣкоторыхъ изъ квитанцій своею подписью. Послѣ обѣда Апухтинъ присылалъ ко мнѣ полученныя имъ утромъ въ тотъ же день квитанціи, утвержденныя его подписью. Я вносилъ ихъ въ журналъ комиссіи, собирая для уменьшенія письма квитанціи, выданныя на равныя суммы вмѣстѣ. Заключеніе по этимъ журналамъ было всегда одно: «выдать деньги по представленнымъ квитанціямъ по принадлежности». Журналъ посылался вечеромъ для подписи губернатора и наличныхъ членовъ комиссіи, а на другой день рано утромъ исполненіе по журналу записывалось въ шнуровую книгу, что должно было быть непремѣнно окончено къ полудню; въ это время начиналась уплата денегъ по квитанціямъ.

Неясности въ инструкціяхъ въ первомъ же засѣданіи комиссіи были растолкованы въ томъ направленіи, чтобы сколько возможно болѣе облегчить и ускорить уплату рабочимъ. Такъ, вышеприведенное мною указаніе инструкціи, чтобы уплачивать только поставщикамъ и рабочимъ «мѣстнымъ», подъ которыми въ Петербургѣ хотѣли разумѣть однихъ обывателей Смоленской губерніи, мы нашли невозможнымъ исполнить, и уплату по квитанціямъ распространили на всѣхъ рабочихъ, такъ какъ часто представлялъ квитанцію крестьянинъ Витебской губерніи, а артель, съ нимъ работавшая, состояла вся изъ Смоленскихъ крестьянъ или частію изъ Смоленской, а частію изъ другихъ губерній. Вслѣдствіе этого тогда же предписано было всѣмъ исправникамъ Смоленской губерніи, чтобы они оповѣстили объ учрежденіи означенной комиссіи для уплаты денегъ по квитанціямъ, выданнымъ изъ шоссейныхъ конторъ Вонлярлярскаго, и писано было къ губернаторамъ всѣхъ губерній, смежныхъ съ Смоленскою, съ просьбою сдѣлать такія же распоряженія по ввѣреннымъ имъ губерніямъ.

Слезкинъ, видя, что дѣло по комиссіи лежитъ на мнѣ одномъ, хотѣлъ помочь мнѣ тѣмъ, что принялъ на себя выдачу денегъ по квитанціямъ въ присутствіи комиссіи, т.-е. меня, потому что предсѣдатель и другіе члены не ѣздили въ комиссію.

Послѣ нѣсколькихъ дней выдачъ оказалось, что онъ по неопытности передалъ какую-то незначительную сумму, затѣмъ онъ отказался отъ выдачи денегъ, и эта обязанность также пала на меня. Поручить ее чиновникамъ, мнѣ незнакомымъ, я не рѣшался. Я уже за то былъ благодаренъ Слезкину, что онъ ежедневно приходилъ въ комиссію къ 10 час. утра и уходилъ изъ нея вмѣстѣ со мною.

Ежедневно представлялось нѣсколько сотенъ квитанцій, изъ чего можно заключить, насколько я заваленъ былъ цѣлый день работою чисто механическою. Во время уплаты денегъ Слезкинъ и я насмотрѣлись на людское несчастіе и наслушались благословеній отъ получившихъ уплату.

Нѣкоторые, получая ее, не вѣрили своимъ глазамъ, бросались на колѣна, клали земные поклоны передъ образомъ, а потомъ и передъ нами. Слухъ о скорой и вѣрной уплатѣ по квитанціямъ конторъ Вонлярлярскаго скоро разнесся по Смоленской и сосѣднимъ губерніямъ и каждый день новыя толпы являлись въ Смоленскъ съ означенными квитанціями.

Не одни поставщики и рабочіе надѣялись получить деньги изъ ассигнованной Государственнымъ казначействомъ суммы. Многіе кредиторы Вонлярлярскаго неотступно требовали, чтобы комиссія уплатила имъ его долги. Конечно, со всѣми этими претензіями обращались ко мнѣ; всѣмъ было мною отказываемо. Настойчивѣе другихъ приступалъ ко мнѣ жившій вблизи Смоленска отставной генералъ-маіоръ Шембель.

Вонлярлярскій занялъ у него 12 тыс. рублей подъ закладъ своего имѣнія Вонлярово. Шембель требовалъ, чтобы ему были уплочены эти деньги изъ назначенныхъ въ распоряженіе комиссіи. Я показывалъ ему въ подлинникахъ данное мнѣ предписаніе и инструкцію въ доказательство невозможности исполнить его просьбу и удивлялся тому, что Шембель хлопочетъ, имѣя закладную на имѣніе, на которое было употреблено сотни тысячъ, а можетъ быть и милліонъ рублей.

Шембель говорилъ, что Вонлярово не даетъ и не можетъ давать никакого дохода, и продолжалъ упрашивать меня уплатить ему 12 тыс. рублей, утверждая, что онъ эти деньги далъ Вонлярлярскому для уплаты за поставки по шоссе. Конечно, ему каждый разъ въ его просьбѣ было отказываемо.

Сообщенія между Вонлярлярскимъ и Апухтинымъ были ежедневныя съ эстафетами; послѣдній доносилъ о ходѣ дѣлъ по комиссіи и о томъ, сколько выплачено денегъ.

22-го апрѣля, согласно порядку, заведенному въ комиссіи, съ 10 до 12 час. отобрано отъ поставщиковъ и рабочихъ значительное число квитанцій и приказано имъ за полученіемъ денегъ прійти черезъ день, такъ какъ на другой день было тезоименитство Императрицы, день неприсутственный.

Только что мы начали уплату по квитанціямъ, отобраннымъ наканунѣ, какъ вошелъ въ присутствіе комиссіи губернаторъ князь Херхеулидзевъ, объявившій, что онъ получилъ по эстафетѣ предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ онъ объявляетъ Высочайшее повелѣніе

о прекращеніи дѣйствій комиссіи и о выдачѣ повѣренному Вонлярлярскаго суммы, оставшейся неуплаченною, изъ 400 тыс. руб., отпущенныхъ ей Государственнымъ казначействомъ.

Херхеулидзевъ прочелъ это предписаніе громогласно. Затѣмъ комиссіи оставалось прекратить всякую уплату, но мы рѣшили суммы, выписанныя расходомъ въ шнуровую книгу, выдать, представленныя же въ этотъ день квитанціи возвратить 24 апрѣля по принадлежности. Херхеулидзевъ согласился на это рѣшеніе, какъ основанное на Высочайшемъ повелѣніи, но онъ сильно соболѣзновалъ обо всѣхъ поставщикахъ и рабочихъ, не успѣвшихъ еще представить свои квитанціи и въ особенности о тѣхъ, у которыхъ были отобраны квитанціи въ самый этотъ день и которыя имѣли полную увѣренность получить черезъ день деньги.

Онъ заѣзжалъ ко мнѣ послѣ обѣда, упрашивая меня придумать способъ для уплаты денегъ по крайнѣй мѣрѣ тѣмъ, у кого квитанціи были уже отобраны; присылалъ ко мнѣ Слезкина совѣщаться по этому предмету, но мой постоянный отвѣтъ былъ, что Херхеулидзевъ напрасно громко прочиталъ при чиновникахъ комиссіи и при толпѣ рабочихъ, получавшихъ деньги, Высочайшее повелѣніе о прекращеніи дѣйствій комиссіи, а что по столь торжественномъ прочтеніи этого повелѣнія ничего не остается намъ, какъ передать остальную сумму Апухтину, а рабочимъ, представившимъ квитанціи, ихъ возвратить.

23-го апрѣля, въ день тезоименитства Императрицы, въ обычаѣ всѣхъ губернскихъ городовъ было губернатору принимать поздравленія всѣхъ служащихъ и затѣмъ отправляться съ ними въ каѳедральный соборъ. На этомъ основаніи я готовился ѣхать къ Херхеулидзеву, но пока я одѣвался въ полную форму, онъ вошелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ отмѣнилъ пріемъ служащихъ, чтобы быть у меня, а отъ меня ѣдетъ прямо въ соборъ.

Ко мнѣ же онъ пріѣхалъ, чтобы сказать, что его всю ночь тревожила мысль, что несчастные рабочіе, представившіе свои квитанціи, не получатъ уплаты, и просилъ меня придумать средство для этой уплаты. Я представилъ ему, что послѣ объявленія имъ Высочайшаго повелѣнія о закрытіи комиссіи, она болѣе не существуетъ, но что онъ можетъ, какъ губернаторъ, какъ бы для сохраненія спокойствія между толпою рабочихъ, рѣшиться на уплату денегъ по отобраннымъ наканунѣ квитанціямъ.

Онъ опасался принять на себя подобное дѣйствіе и тогда при настоятельной его просьбѣ помочь бѣднымъ рабочимъ, я ему предложилъ слѣдующее. По полученному нами Высочайшему повелѣнію сумма, оставшаяся въ распоряженіи комиссіи, составляетъ собственность Вонрярлярскаго, а потому нельзя допустить раздачи изъ нея рабочимъ денегъ не только безъ согласія его уполномоченнаго, но даже безъ особенной объ этомъ съ его стороны просьбы.

По желанію Херхеулидзева я принялъ на себя упросить Апухтина подать такого рода просьбу губернатору. Затѣмъ Херхеулидзевъ поѣхалъ въ соборъ, куда и я обѣщался пріѣхать отъ Апухтина.

Мнѣ очень нравилось это теплое чувство Херхеулидзева къ несчастному люду, столь рѣдкое въ человѣкѣ пожиломъ, проведшемъ десятки лѣтъ на службѣ, пріучающей къ однѣмъ формальностямъ.

Вонлярлярскій прислалъ Апухтину эстафету, которой извѣщалъ, что онъ выигралъ дѣло по своимъ претензіямъ и что Апухтинъ долженъ получить сумму, оставшуюся въ комиссіи, уплачивавшей рабочимъ по квитанціямъ его шоссейныхъ конторъ, при чемъ прислалъ вѣдомость предметовъ, на которые должна быть израсходована эта сумма.

На основаніи послѣдней, полученной Вонлярлярскимъ, эстафеты Апухтина, онъ полагалъ этой суммы въ остаткѣ до 250 тыс. руб. Вонлярлярскій, не принявъ въ соображеніе, что его извѣщеніе придетъ послѣ отправленія означенной эстафеты на цѣлую недѣлю, въ которую комиссія успѣетъ раздать поставщикамъ и рабочимъ значительную сумму, распредѣлилъ въ вѣдомости, присланной Апухтину, всѣ 250 т. руб., между тѣмъ въ дѣйствительности оставалось не болѣе 180 т. руб., а если уплатить по квитанціямъ, отобраннымъ 22 апрѣля, то съ небольшимъ 150 т. руб.

Однако Апухтинъ очень скоро согласился на мою и Херхеулидзева просьбу и немедля при мнѣ написалъ прошеніе къ послѣднему о томъ, чтобы по принятымъ 22 апрѣля квитанціямъ сдѣлана была уплата изъ суммы, назначенной по Высочайшему повелѣнію къ передачѣ Апухтину.

Я взялъ съ собою это прошеніе и, входя въ соборъ, издалека показалъ его Херхеулидзеву, который очень повеселѣлъ и усердно молился. Я долженъ оговориться, что пишу мои воспоминанія по памяти, безъ всякихъ справокъ съ дѣлами, а потому цифры въ дѣлѣ Вонлярлярскаго приводятся мною приблизительно, но приведеніе этихъ цифръ съ бо́льшею точностію не измѣнило бы ни въ чемъ общей картины дѣла.

Въ тотъ же день 23 апрѣля я получилъ по эстафетѣ предписаніе отъ Клейнмихеля, извѣщающаго, что Государь повелѣлъ выдать Вонлярлярскому по его претензіямъ 900 т. съ десятками и тысячами рублей и даже съ извѣстнымъ количествомъ копеекъ и что въ эту сумму поступаютъ 400 т. руб., бывшіе въ распоряженіи комиссіи.

Въ этомъ же предписаніи Клейнмихель поручалъ мнѣ немедля, по сдачѣ повѣренному Вонлярлярскаго суммы, оставшейся въ комиссіи не розданною, возвратиться въ Петербургъ, а потому я на другой же день по уплатѣ по квитанціямъ, отобраннымъ 22 апрѣля, и по сдачѣ остальной суммы Апухтину, выѣхалъ изъ Смоленска. Въ то же время объ упраздненіи комиссіи было сообщено губернаторамъ всѣхъ губерній, смежныхъ съ Смоленскою, и исправникамъ этой губерніи для объявленія объ этомъ по всѣмъ городамъ и селамъ.

Весенняя распутица не позволила мнѣ ѣхать по старой Смоленской дорогѣ, а потому я поѣхалъ на Рославль, отъ котораго до Москвы было устроено шоссе. Въ Смоленскѣ я оставилъ толпу рабочихъ, собравшихся въ послѣдніе дни моего тамъ пребыванія и не успѣвшихъ представить еще своихъ квитанцій. По дорогѣ я встрѣчалъ новыя толпы такихъ же рабо-

чихъ, которые узнавъ, что въ Смоленскѣ платятъ деньги по квитанціямъ, выданнымъ изъ шоссейныхъ конторъ Вонлярлярскаго, спѣшили въ Смоленскъ.

Въ этихъ толпахъ были люди, уже получившіе изъ комиссіи деньги и называвшіе меня отцомъ благодѣтелемъ. Они, а за ними и другіе, очень пріуныли, видя, что я оставилъ Смоленскъ, и многіе уже не хотѣли продолжать свой путь, считая это напраснымъ. Я утѣшалъ ихъ тѣмъ, что теперь повѣренный Вонлярлярскаго получилъ деньги, изъ которыхъ, конечно, имъ заплатитъ.

На нѣкоторыхъ мое утѣшеніе не подѣйствовало. Они съ отчаянія рвали и бросали квитанціи, говоря, что если я ихъ покинулъ, то они не имѣютъ болѣе никакой надежды получить свои деньги и что, хлопоча доселѣ объ ихъ полученіи, они совершенно обнищали.

Дѣйствительно, самые жалкіе изъ нихъ были тѣ, которые получили квитанціи на сотню или нѣсколько десятковъ рублей. Получившіе квитанціи на меньшія суммы перестали о нихъ заботиться и снова обратились къ своему обычному труду, тогда какъ имѣвшіе квитанціи на сотни и десятки рублей, обязанные сами уплатить работавшей съ ними артели, ходили изъ одной конторы въ другую, не получая денегъ и теряя время.

Помѣщичьи крестьяне, имѣвшіе, съ дозволенія помѣщиковъ, артели рабочихъ изъ своихъ односельцевъ, обязаны были за нихъ уплатить помѣщикамъ оброки, чего не могли исполнить, и помѣщики многихъ изъ нихъ за это послали въ Сибирь на поселеніе. Конечно, крестьяне, которымъ довѣряли помѣщики, были изъ лучшихъ и по поведенію и по зажиточности, такимъ образомъ, черезъ неплатежъ денегъ по квитанціямъ, выданнымъ шоссейными конторами Вонлярлярскаго, масса людей обнищала, а многіе безвинно удалены были изъ своего мѣсторожденія и отъ своихъ семействъ. Конечно, я былъ очень доволенъ, что могъ оставить скучную жизнь въ Смоленскѣ, но съ другой стороны, зная, что Апухтинъ получилъ уже приказаніе, какъ распорядиться съ суммою, которая ему передана комиссіею, и что въ немъ ничего не упомянуто о рабочихъ, я сожалѣлъ, что правительство, учредивъ для расплаты рабочихъ комиссію, которая имѣла право уплачивать только по тѣмъ квитанціямъ шоссейныхъ конторъ Вонлярлярскаго, которыя признаны правильными его уполномоченнымъ, не распорядилось оставленіемъ этой комиссіи до совершенной уплаты по квитанціямъ, или по крайней мѣрѣ до израсходованія той суммы, которая на этотъ предметъ была отпущена въ комиссію.

Едва успѣли многіе крестьяне, имѣвшіе квитанціи, узнать объ учрежденіи комиссіи и собраться въ путь за нѣсколько сотъ верстъ въ страшную распутицу, какъ дѣйствія комиссіи были пріостановлены, и крестьяне, не поспѣвшіе до 22 апрѣля въ Смоленскъ, только потеряли время, издержались по дорогѣ и потеряли надежду на полученіе когда-либо уплаты по имѣвшимся у нихъ квитанціямъ, такъ что учрежденіе комиссіи причинило этимъ крестьянамъ еще новое зло.

Проѣзжая черезъ Москву, я съ горестью узналъ, что мой бывшій начальникъ, инженеръ путей сообщенія генералъ-маіоръ Максимовъ, 7-го апрѣля умеръ скоропостижно. Смерть Максимова имѣла большое вліяніе на ходъ моей дальнѣйшей службы.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля я пріѣхалъ въ Петербургъ и немедля явился къ Клейнмихелю, котораго засталъ гуляющимъ по саду, принадлежащему къ дому министра путей сообщенія и простиравшемуся тогда до Большой Садовой улицы. Онъ мнѣ вкратцѣ разсказалъ, какъ происходило и кончилось дѣло съ Вонлярлярскимъ въ мое отсутствіе, при чемъ безпощадно бранилъ его и въ особенности ругалъ нецензурными выраженіями В. А. Нелидову.

Изъ разсказовъ, слышанныхъ мною въ Петербургѣ въ то время и впослѣдствіи, я узналъ, что дѣло по претензіямъ Вонлярлярскаго, въ мое отсутствіе изъ Петербурга, происходило слѣдующимъ образомъ. Окончательный журналъ совѣта главнаго управленія путей сообщенія по дѣлу Вонлярлярскаго, подписанный 7-го марта членами совѣта и приглашенными по этому дѣлу лицами, въ томъ числѣ и мною, былъ представленъ Государю. Онъ передалъ его на разсмотрѣніе Наслѣдника, котораго неблаговоленіе къ Клейнмихелю было извѣстно. Главнымъ совѣтникомъ Наслѣдника былъ въ это время генералъ-адъютантъ Я. И. Ростовцевъ, который, по хорошимъ отношеніямъ къ Клейнмихелю, зналъ все дѣло и, вѣроятно, объяснилъ Наслѣднику, что Клейнмихель въ немъ правъ. По крайней мѣрѣ, Наслѣдникъ заявилъ такое мнѣніе Государю, что послѣдняго привело въ сильное раздраженіе.

Государь, для окончательнаго обсужденія этого дѣла, 13 марта потребовалъ къ себѣ Наслѣдника, графа А. Ѳ. Орлова и П. Д. Киселева, какъ наиболѣе приближенныхъ къ нему лицъ, министра юстиціи графа Панина, статсъ-секретаря для принятія прошеній на Высочайшее Имя князя А. Ѳ. Голицына, товарища главноуправляющаго путями сообщенія Э. И. Герстфельда и генералъ-адъютанта Н. А. Огарева; послѣдняго, вѣроятно, какъ родного племянника Клейнмихеля и его представителя.

Государь самъ изложилъ обвинительные пункты противъ Клейнмихеля, что было только повтореніемъ тѣхъ обвиненій, которые Государь такъ часто въ продолженіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ передавалъ разнымъ лицамъ. По окончаніи обвиненій онъ спросилъ мнѣніе графа Панина. Послѣдній отвѣчалъ, что по закону жалобы на министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями разсматриваются въ I департаментѣ правительствующаго Сената, а потому онъ полагалъ бы это дѣло передать въ означенный департаментъ. Этотъ отвѣтъ сильно раздражилъ Государя, который замѣтилъ Панину, что онъ предлагаетъ передать дѣло Сенату для того, чтобы оно тамъ пролежало нѣсколько лѣтъ безъ разрѣшенія.

Панинъ отвѣчалъ, что дѣло это разсмотрѣно въ совѣтѣ главнаго управленія путей сообщенія весьма подробно, а потому Сенатъ можетъ съ нимъ вполнѣ познакомиться немедля, и онъ отвѣчаетъ, что 1-му депар-

таменту, для постановленія своего рѣшенія, не потребуется болѣе недѣли.

Государь, недовольный этимъ предложеніемъ, ничего на него не отвѣчая, сказалъ весьма раздражительнымъ тономъ, что онъ видитъ, что всѣ противъ него, даже сынъ его; что пока онъ былъ благосклоненъ къ Клейнмихелю, всѣ бранили послѣдняго, а что теперь, когда Клейнмихель дѣйствуетъ несправедливо, что признается Государемъ, они держатъ сторону Клейнмихеля. При этомъ Государь, приходя все въ большее и большее раздраженіе, укорялъ Орлова и Киселева въ томъ, что они послѣднее время чаще прежняго видѣлись съ Клейнмихелемъ, бранилъ послѣдняго за то, что онъ осмѣлился не въ точности исполнять его повелѣнія, а именно, послать меня для исполненія порученія, на которое по Высочайшему повелѣнію я не былъ назначенъ. Къ этому Государь прибавилъ, что онъ и Клейнмихеля и меня за это зашлетъ невѣсть куда. Въ заключеніе Государь рѣшилъ дѣло по претензіямъ Вонлярлярскаго окончательно разсмотрѣть въ комиссіи прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее имя.

Ходъ этого засѣданія въ кабинетѣ Государя переданъ мнѣ большею частью Э. И. Герстфельдомъ и Н. А. Огаревымъ. Нѣкоторыя лица передавали за вѣрное, что 13 марта были заготовлены два проекта рескриптовъ: одинъ Клейнмихелю—объ увольненіи его въ отпускъ для излеченія болѣзни, а другой Анненкову—о назначеніи его, на время болѣзни Клейнмихеля, управлять вѣдомствомъ путей сообщенія; вслѣдъ за симъ предполагалось утвердить его въ этой должности.

Оба эти рескрипта не были подписаны Государемъ, собственно, вслѣдствіе мнѣній, высказанныхъ въ засѣданіи, бывшемъ 13 марта, подъ его личнымъ предсѣдательствомъ.

Я навѣрно не знаю, чѣмъ рѣшила комиссія прошеній. Говорили, что она, послѣ обсужденій, продолжавшихся цѣлый мѣсяцъ, будто бы признала только нѣкоторыя изъ жалобъ правильными, но такъ ли это было или иначе, а Государь рѣшилъ, что всѣ претензіи Вонлярлярскаго справедливы, и приказалъ уплатить ему все, по нимъ причитающееся.

Ни Вонлярлярскому, ни главному управленію путей сообщенія не было извѣстно, на какую сумму простираются претензіи, заявленныя Вонлярлярскимъ, а потому Государь, рѣшивъ, что онѣ всѣ справедливы, приказалъ совѣту главнаго управленія въ 24 часа опредѣлить эту сумму.

Составленіе совѣтомъ въ его полномъ составѣ столь сложнаго исчисленія было неудобно, а потому совѣтъ предложилъ эти исчисленія сдѣлать лицу, наиболѣе знакомому съ дѣломъ, именно управляющему Могилевскимъ округомъ путей сообщенія Станевичу, который на другой же день представилъ совѣту, что сумма претензій простирается за 900 тыс. руб., причемъ опредѣлилъ не только десятки и единицы рублей, но и копеекъ.

Предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ Дестремъ замѣтилъ, что хотя онъ и остается при своемъ мнѣніи, что Вонлярлярскому ничего не слѣдуетъ,

но, исполняя Высочайшую волю, онъ подпишетъ о выдачѣ ему такой суммы, которая будетъ исчислена на правильныхъ основаніяхъ. Между тѣмъ нѣкоторыя основанія, принятыя Станевичемъ при исчисленіи означенной суммы, онъ находитъ неправильными; такъ, онъ полагаетъ, что мостъ, шириною въ 4 саж., стоитъ болѣе, чѣмъ мостъ, шириною въ 3 сажени, не на цѣлую треть стоимости послѣдняго и т. п.

Однимъ словомъ, на основаніяхъ, изложенныхъ Дестремомъ, означенная сумма уменьшалась до 780 тыс. руб., т.-е. почти на 150 тыс. руб. Вслѣдствіе этого совѣтъ съ приглашенными въ него лицами, между которыми былъ и Станевичъ, представилъ, что сумма претензій Вонлярлярскаго простирается до 780 тыс. руб.

На другой день по подписаніи совѣтомъ означеннаго исчисленія, Клейнмихель сказалъ пріѣхавшему къ нему на вечеръ П. А. Языкову, что Государь прислалъ приказаніе выдать Вонлярлярскому деньги по его претензіямъ, но не ту сумму, которую исчислилъ совѣтъ, а 900 съ чѣмъ-то тысячъ рублей.

Языковъ замѣтилъ, что эта цифра была уже въ разсмотрѣніи совѣта и что ему кажется страннымъ, что именно она попала въ Высочайшее повелѣніе. Клейнмихель сказалъ Языкову:

— Значитъ, у васъ въ совѣтѣ есть измѣнники.

Оказалось, что Государь, получивъ исчисленіе совѣта по претензіямъ Вонлярлярскаго, показалъ его послѣднему, который, не принимая въ соображеніе пословицы: «даровому коню въ зубы не смотрятъ», предъявилъ Государю исчисленіе, простиравшееся до 900 слишкомъ тысячъ рублей съ копейками, однимъ словомъ, ту сумму, которую первоначально исчислилъ Станевичъ.

Языковъ замѣтилъ Клейнмихелю, что послѣднюю сумму зналъ твердо только Станевичъ; члены же совѣта едва успѣли на нее обратить вниманіе, а потому передать ее Вонлярлярскому могъ только Станевичъ. Это замѣчаніе Языкова осталось безъ послѣдствій.

Вмѣстѣ съ повелѣніемъ о выдачѣ означенныхъ денегъ, Государь прислалъ къ Клейнмихелю Наслѣдника, въ день рожденія Его Высочества, 17 апрѣля, для выраженія сожалѣнія, что онъ такъ долго не видитъ Клейнмихеля, и письмо, въ которомъ называлъ его старымъ другомъ и взваливалъ причину размолвки между ними на подчиненныхъ Клейнмихеля, опутавшихъ его своими неправильными докладами. Къ письму была приложена записка для прочтенія въ совѣтѣ главнаго управленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь приказалъ оконченному по претензіямъ Вонлярлярскаго дѣлу не давать болѣе никакихъ послѣдствій.

Клейнмихель разсказалъ все это Языкову и хвастался, что члены совѣта и приглашенныя въ него лица по дѣлу Вонлярлярскаго обязаны только Клейнмихелю тѣмъ, что отдѣлались выговоромъ, изложеннымъ въ означенной запискѣ, а не подверглись болѣе строгому взысканію. Изъ

этого можно судить о нахальствѣ Клейнмихеля, бывшаго главною причиною всей путаницы въ этомъ дѣлѣ.

Претензіи Вонлярлярскаго по устройству шоссе относились наиболѣе къ тому времени, когда начальникомъ Могилевскаго округа путей сообщенія былъ Четвериковъ, переведенный впослѣдствіи въ Кіевъ, а потому онъ неоднократно вызывался въ совѣтъ для объясненій при разборѣ претензій Вонлярлярскаго. Но такъ какъ Четвериковъ никогда не торопился исполненіемъ приказаній начальства, то онъ пріѣхалъ въ Петербургъ четыре мѣсяца спустя послѣ того, что онъ былъ требованъ, и когда дѣло Вонлярлярскаго было совершенно окончено.

Встрѣтясь со мною въ Петербургѣ, онъ сказалъ мнѣ:

— Видите, какъ хорошо, что я не пріѣхалъ сейчасъ же, какъ меня требовали, а то бы получилъ непріятный Высочайшій выговоръ, какой получили всѣ члены совѣта и лица, приглашенныя въ него по дѣлу Вонлярлярскаго.

Между тѣмъ, все дѣло могло возникнуть только отъ путаницы, съ которою оно велось въ бытность Четверикова начальникомъ Могилевскаго округа путей сообщенія.

На другой день по полученіи Клейнмихелемъ отъ Государя вышеупомянутой записки, она была прочтена въ совѣтѣ главнаго управленія путей сообщенія, и въ тотъ же день Государь посылалъ спросить Клейнмихеля, прочтена ли означенная записка въ совѣтѣ?

Клейнмихель отвѣчалъ, что записка прочтена въ общемъ присутствіи совѣта, въ которомъ отсутствовали членъ совѣта генералъ маіоръ Эспехо, по болѣзни, и приглашенныя въ совѣтъ лица, полковники Серебряковъ и баронъ Дельвигъ, находящіеся въ командировкѣ. Серебряковъ въ это время провожалъ по шоссе Императрицу, ѣхавшую за границу.

Государь, по донесеніи Клейнмихеля, написалъ резолюцію: «По выздоровленіи Эспехо и по возвращеніи изъ командировокъ Серебрякова и Дельвига, вышеупомянутую записку прочесть снова въ присутствіи совѣта и лицъ, приглашенныхъ въ него по дѣлу Вонлярлярскаго».

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, курьеръ совѣта главнаго управленія путей сообщенія привезъ мнѣ конвертъ. Такъ какъ конверты изъ совѣта большею частью заключали въ себѣ повѣстки о прибытіи въ совѣтъ, а кучеръ мой, по отдаленности помѣщенія совѣта въ бывшемъ тогда казенномъ домѣ у Аларчина моста, не любилъ этихъ поѣздокъ, то и спросилъ курьера, заключается ли въ конвертѣ повѣстка о пріѣздѣ въ совѣтъ и когда именно?

Курьеръ отвѣчалъ, что зовутъ на слѣдующій понедѣльникъ для того, чтобы мнѣ объявить выговоръ.

Этотъ отвѣтъ очень возмутилъ моего кучера, который отвѣчалъ, что барину не за что объявлять выговоровъ, и немедля, сильно разстроенный, передалъ мнѣ весь этотъ разговоръ.

Надо сказать, что были приняты особыя мѣры, чтобы этотъ выговоръ

не сдѣлался извѣстнымъ, и оба раза передъ его объявленіемъ въ совѣтѣ было напоминаемо его членамъ и лицамъ, приглашеннымъ въ совѣтъ по дѣлу Вонлярлярскаго, что о сдѣланіи выговора не должно быть извѣстно за стѣнами залы совѣта.

Когда собрались въ совѣтѣ всѣ лица, уже слышавшія присланную Государемъ записку по дѣлу Вонлярлярскаго, а также Эспехо, Серебряковъ и я, предсѣдательствующій въ совѣтѣ, Дестремъ, приказалъ правителю дѣлъ совѣта прочитать упомянутую записку, изложенную весьма рѣзко. Очень сожалѣю, что я не снялъ съ нея копіи и потому не могу привести ее буквально. Смыслъ же ея состоялъ въ томъ, что Государю было крайне непріятно, что совѣтъ главнаго управленія путей сообщенія, при разсмотрѣніи дѣла Вонлярлярскаго, съ злымъ умысломъ не только не обращалъ вниманія на заключавшіеся въ дѣлахъ главнаго управленія документы, которые служили къ подтвержденію правильности претензій Вонлярлярскаго, но перетолковывалъ многіе изъ нихъ ко вреду послѣдняго и съ этою цѣлью даже выставилъ такія обстоятельства, которыя въ означенныхъ дѣлахъ вовсе не заключаются; за это Государь дѣлаетъ выговоръ всѣмъ членамъ совѣта и лицамъ, приглашеннымъ въ оный по дѣлу Вонлярлярскаго.

Во время чтенія этой записки, слушавшіе ее во второй разъ Герстфельдъ, Языковъ и Мясоѣдовъ сильно измѣнялись въ лицѣ, выражавшемъ у двухъ послѣднихъ крайнее уныніе, а Дестремъ, видимо, былъ сильно раздраженъ; всѣ другіе, и въ томъ числѣ я, выслушали ее съ полнымъ хладнокровіемъ. Какъ младшій по чину, я сидѣлъ противъ Дестрема на противоположной сторонѣ стола. По окончаніи чтенія, онъ, пройдя мимо раздѣлявшаго насъ длиннаго стола, подошелъ ко мнѣ и своимъ громкимъ голосомъ сказалъ, что удивляется, какъ люди новаго поколѣнія умѣютъ хладнокровно относиться къ подобнымъ обидамъ, и спросилъ меня, чему я это приписываю. Я отвѣчалъ, что принимаю то, что было намъ прочитано, съ большимъ чѣмъ онъ хладнокровіемъ, вѣроятно, потому, что и служба моя не такъ долговременна, и заслуги, мною оказанныя, не такъ важны.

Окончивъ длинный мой разсказъ о дѣлѣ по претензіямъ Вонлярлярскаго, я нахожу нелишнимъ сказать, что постоянно грозное отношеніе Государя къ совѣту главнаго управленія путей сообщенія въ означенномъ дѣлѣ оправдывается тѣмъ, что Государь былъ убѣжденъ въ томъ, что въ концѣ декабря 1851 г. было выдано Вонлярлярскому болѣе 200 тыс. руб., а совѣтъ постоянно утверждалъ противное, тогда какъ означенныя деньги были дѣйствительно выданы.

Я объяснилъ выше, какъ совѣтъ былъ введенъ въ ошибку, но Государю достаточно было, что совѣтъ лгалъ въ такой простой вещи, въ которой легко было убѣдиться, чтобы полагать, что и во всѣхъ своихъ длинныхъ сужденіяхъ по претензіямъ Вонлярлярскаго онъ также лжетъ, тѣмъ болѣе, что для убѣжденія въ правильности этихъ сужденій надо было имѣть познанія и по судебной, и по технической частямъ. Какъ бы то ни было,

это было первое сопротивленіе, испытанное Государемъ, сопротивленіе отъ Клейнмихеля, всегда безпрекословно исполнявшаго его приказанія.

Сопротивленіе, постоянно оказываемое совѣтомъ главнаго управленія путей сообщенія желаніямъ Государя, объясняется частью тѣмъ, что совѣту не были извѣстны подлинныя слова замѣчаній, сдѣланныхъ Государемъ на журналахъ совѣта, который слѣдовательно не зналъ степени его гнѣва, также тѣмъ, что многіе изъ его членовъ болѣе боялись Клейнмихеля, который могъ ихъ лишить службы, чѣмъ Государя, который ни въ какомъ случаѣ этого бы не сдѣлалъ. Но, конечно, въ другомъ вѣдомствѣ не было бы такой рѣшимости сопротивляться явному желанію Государя. Въ главномъ управленіи путей сообщенія этому много способствовало то, что члены совѣта главнаго управленія поставлены въ болѣе независимое положеніе тѣмъ, что если они и получаютъ служебныя награды, зависящія отъ Высочайшаго усмотрѣнія, то такъ рѣдко, что они и не ждутъ этихъ наградъ, тогда какъ въ другихъ вѣдомствахъ всѣ ожидаютъ наградъ: военнослужащіе надѣются попасть въ генералъ-адъютанты, а гражданскіе чины въ статсъ-секретари; оба эти званія никогда не давались инженерамъ путей сообщенія. Сверхъ того, въ другихъ вѣдомствахъ и всѣ прочія, зависящія отъ Высочайшаго усмотрѣнія, награды давались гораздо чаще, чѣмъ въ главномъ управленіи путей сообщенія.

Представляются слѣдующіе вопросы: какъ могъ Станевичъ рѣшиться выдать деньги Вонлярлярскому три дня послѣ отъѣзда Мясоѣдова, Серебрякова и моего изъ Могилева, когда онъ вмѣстѣ съ нами подписалъ, что не только не слѣдуетъ денегъ Вонлярлярскому, но что онъ еще не заработалъ выданныхъ ему задаточныхъ? Какимъ образомъ Станевичъ, донося въ началѣ января совѣту, что онъ за работы, произведенныя Вонлярлярскимъ, денегъ ему въ декабрѣ не выдавалъ, позволилъ себѣ въ этомъ донесеніи умолчать о выданныхъ имъ слишкомъ 200 тыс. руб., въ видѣ задаточныхъ на работы 1852 г.? Какъ могъ Станевичъ дозволить себѣ сообщить Вонлярлярскому сумму, на которую, по его исчисленію, представленному въ совѣтъ, простирались претензіи послѣдняго?

Почему Клейнмихель, несмотря на такія дѣйствія Станевича, продолжалъ относиться къ нему благосклонно и даже вскорѣ исходатайствовалъ ему чинъ генералъ-маіора, съ утвержденіемъ начальникомъ VII округа путей сообщенія, каковое производство показывало, что и Государь благоволилъ къ Станевичу, что, впрочемъ, объяснялось хорошими къ послѣднему отношеніями Вонлярлярскаго.

Причину всего этого я узналъ гораздо позже, а именно, въ концѣ осени 1852 г., когда Станевичъ, проѣзжая черезъ Москву, разсказалъ Э. И. Шуберскому, что онъ въ декабрѣ 1851 г. выдалъ деньги Вонлярлярскому по приказанію Клейнмихеля, который при посылкѣ меня въ Могилевъ, поручая мнѣ разсмотрѣть жалобы Вонлярлярскаго безпристрастно и выдать ему деньги, если онѣ ему будутъ слѣдовать, въ то же время при-

казалъ Серебрякову передать Станевичу, чтобы послѣдній во всякомъ случаѣ далъ денегъ Вонлярлярскому подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

Клейнмихель думалъ этимъ приказаніемъ достигнуть двойной цѣли: во-первыхъ, доказать Государю, что представленія его о неправильности жалобъ Вонлярлярскаго справедливы, и во-вторыхъ, давъ извѣстную сумму Вонлярлярскому, вывести его черезъ это изъ безвыходнаго положенія, въ которомъ онъ находился, надѣясь, что онъ послѣ этого замолчитъ.

Но Клейнмихель ошибся въ своихъ расчетахъ; именно эта выдача денегъ и послужила Вонлярлярскому доказательствомъ передъ Государемъ, что совѣтъ главнаго управленія путей сообщенія, а за нимъ и Клейнмихель, обманываютъ Государя.

Занявшись разсказомъ моей служебной дѣятельности за послѣдніе два года, я ничего не упомянулъ о моей частной жизни въ это время. Но въ ней не произошло ничего, достойнаго замѣчанія. Я посѣщалъ прежнихъ моихъ знакомыхъ, а всего чаще Клейнмихеля, Комарова и Анрепа. Каждую недѣлю, по вторникамъ, вечеромъ, собирались у меня. Мои вечера, на которыхъ не было карточной игры, были очень оживлены и по малости моей квартиры многолюдны. Непремѣнными гостями были: А. И. Баландинъ, А. С. Комаровъ и И. Н. Колесовъ. Оба послѣдніе были самохвалы. Комаровъ былъ нахальный лгунъ, а Колесовъ наивенъ. Ему казалось, что онъ дѣлаетъ все лучше всѣхъ, что все ему принадлежащее такъ хорошо, что уже подобнаго нельзя болѣе достать.

Баландинъ очень любилъ трунить надъ ними. Билліардная игра подавала много къ этому поводовъ. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, баронъ Фиркъсъ (Schedo-Ferroti), бывшій въ это время уже членомъ Рижской таможни, также посѣщалъ мои вечера. Позже этого онъ уже не бывалъ у меня по причинамъ, объясненнымъ мною выше.

Я выше упомянулъ, что князь Максутовъ, пріѣзжавшій со мною въ Петербургъ въ 1848 г., не успѣлъ получить ожидаемыхъ имъ денегъ. Обстоятельства заставили его переѣхать въ пензенскую деревню, гдѣ онъ отъ разныхъ, дурно исполняемыхъ, нововведеній еще болѣе разорился.

Прекрасная жена его, большой другъ моей жены, Розалія Ипполитовна (нынѣ жена генералъ-адъютанта Посьета) въ зиму 1851—1852 г. пріѣзжала въ Москву повидаться со своими родителями. Пользуясь этимъ, она рѣшилась, съ цѣлью повидаться съ моею женою, пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ остановилась у насъ и, конечно, своимъ пріѣздомъ принесла и женѣ и мнѣ большое удовольствіе.

Мы жили въ это время на углу Знаменской и Итальянской въ домѣ, принадлежавшемъ Платону Демьяновичу Илличевскому, бывшему въ это время товарищемъ министра юстиціи. По возвращеніи моемъ изъ Смоленска, онъ далъ мнѣ знать, что не оставляетъ болѣе за мною квартиры въ его домѣ. Я зналъ его давно, какъ воспитанника 2-го лицейскаго выпуска,

а еще болѣе былъ знакомъ съ братомъ его Алексѣемъ, поэтомъ и товарищемъ по лицею Пушкина и двоюроднаго брата моего Дельвига, у котораго онъ часто бывалъ.

Я надѣялся, вслѣдствіе этихъ отношеній, уговорить Илличевскаго дозволить мнѣ хотя нѣсколько мѣсяцевъ остаться въ его домѣ, пока откроются въ серединѣ лѣта свободныя квартиры въ городѣ. Но онъ мнѣ отказалъ, разсчитывая самъ осенью поселиться на моей квартирѣ, для чего находилъ необходимымъ немедля приступить къ ея передѣлкѣ.

Я переѣхалъ въ 1-ю роту Семеновскаго полка, что теперь Рузовская улица, почти противъ церкви лейбъ-гвардіи егерскаго полка, въ домъ бывшій Эрберга, въ которомъ нанялъ очень тѣсное помѣщеніе за 700 руб. въ годъ.

Я неоднократно упоминалъ, что гражданская строительная часть была въ это время въ вѣдомствѣ путей сообщенія, которое въ столицахъ имѣло своими органами мѣстныя правленія путей сообщенія, такъ что всѣми постройками и ремонтомъ ихъ, производимыми на счетъ городскихъ суммъ, завѣдывали правленія, неподчиненныя столичнымъ генералъ-губернаторамъ.

На этомъ основаніи Московскіе бульвары были въ завѣдываніи правленія IV (Московскаго) округа путей сообщенія. Московскій генералъ-губернаторъ, графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, находя, что Трубный бульваръ служитъ притономъ всякаго рода мошенникамъ и самымъ грязнымъ проституткамъ, а, по способу его посадки, полиціи затруднительно имѣть за ними должное наблюденіе, и, полагая, что площадь, занимаемая бульваромъ, могла бы превратиться въ торговую, въ которой окружающее населеніе нуждается, назначилъ этотъ бульваръ къ уничтоженію.

Правленіе IV округа путей сообщенія воспротивилось этому распоряженію, полагая, что оно можетъ быть приведено въ исполненіе только съ разрѣшенія главноуправляющаго путями сообщенія, и находило, съ своей стороны, что бульвары служатъ къ улучшенію воздуха, а на площади, въ случаѣ срубки Трубнаго бульвара, нельзя допустить ѣзды, такъ какъ онъ устроенъ на ветхомъ кирпичномъ сводѣ, покрывающемъ р. Неглинную, который отъ ѣзды по немъ можетъ провалиться. Клейнмихель, въ маѣ мѣсяцѣ, приказалъ мнѣ отправиться въ Москву для разслѣдованія этого дѣла, но уже не предстояло ничего къ разслѣдованію: бульваръ былъ уже срубленъ, а площадь надъ ветхимъ сводомъ обставлена съ обѣихъ сторонъ надолбами, такъ что по ней возможенъ былъ только проходъ пѣшихъ, а не проѣздъ экипажей.

Однимъ словомъ, не было повода къ посылкѣ меня для исполненія означеннаго порученія. Но умыселъ другой тутъ былъ. Не знаю, самъ ли Клейнмихель находилъ полезнымъ меня держать въ отдаленіи, по случаю гнѣва Государя противъ меня за дѣло Вонлярлярскаго, или этого желали тогдашніе приближенные Клейнмихеля, Мицкевичъ и Серебряковъ, но

какъ бы то ни было, цѣлью моей поѣздки въ Москву было предположеніе назначить меня, на мѣсто умершаго Максимова, начальникомъ Московскихъ водопроводовъ, если Закревскій, познакомясь со мною, пожелаетъ этого назначенія.

По пріѣздѣ моемъ въ Москву, всѣ мои знакомые увѣряли, что я не вернусь болѣе въ Петербургъ, а буду немедля назначенъ начальникомъ Московскихъ водопроводовъ.

Въ короткое время, проведенное мною въ Москвѣ, я нѣсколько разъ видѣлся съ Закревскимъ и былъ у него раза два въ его лѣтнемъ мѣстопребываніи, селѣ Ивановскомъ. Закревскій въ разговорахъ со мною очень жалѣлъ о покойномъ Максимовѣ, но не дѣлалъ никакого намека о предположеніи назначить меня на его мѣсто.

Вскорѣ послѣ того, что я вернулся въ Петербургъ, пріѣхалъ туда и Закревскій, который, позвавъ меня въ свой домъ, нынѣ принадлежащій графу Зубову, противъ Исакіевскаго собора, просилъ меня принять мѣсто начальника Московскихъ водопроводовъ, сказавъ, что Клейнмихель не будетъ этому препятствовать въ случаѣ моего согласія.

Увидавъ, что это дѣло порѣшенное между Закревскимъ и Клейнмихелемъ, я нашелъ лишнимъ отговариваться. Кромѣ того, слѣдующія причины побуждали меня принять предложеніе Закревскаго: жена моя постоянно любила московскую жизнь болѣе петербургской; всѣ ея знакомства съ ребяческаго возраста были въ Москвѣ, новыхъ же знакомствъ она не любила и не дѣлала. Здоровье моей жены въ Петербургѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разстраивалось. Я разсчитывалъ, что жизнь въ Москвѣ будетъ намъ стоить дешевле и что я буду по новому мѣсту, сверхъ содержанія по чину полковника въ 1340 руб., получать добавочныхъ 1400 руб., каковыя получалъ Максимовъ.

Но я ошибся въ обоихъ послѣднихъ предположеніяхъ: я не могъ жить въ Москвѣ такъ, какъ жилъ въ Петербургѣ, и черезъ это, несмотря на то, что и квартира и съѣстная провизія были въ Москвѣ дешевле, расходы мои увеличились противъ расходовъ въ Петербургѣ; изъ добавочныхъ 1400 р., которые получалъ Максимовъ, оказалось, что 700 руб. онъ получалъ по штату, какъ начальникъ Московскихъ водопроводовъ, а другіе 700 руб., выдававшіеся ему изъ городскихъ средствъ въ вознагражденіе за наблюденіе за дѣйствіемъ водопровода до утвержденія означеннаго штата, были при немъ оставлены и по назначеніи его начальникомъ Московскихъ водопроводовъ.

Я же по штату имѣлъ право только на первые 700 руб., и только спустя два года послѣ моего назначенія, съ каждымъ годомъ затрудняясь болѣе и болѣе въ средствахъ къ жизни, я добился отъ Закревскаго выдачи мнѣ, по примѣру Максимова, и другихъ 700 руб. изъ городскихъ суммъ, на что Закревскій, черезъ Клейнмихеля, исходатайствовалъ Высочайшее соизволеніе.

25 іюня 1852 г. я назначенъ, приказомъ главноуправляющаго пу-

тями сообщенія, начальникомъ Московскихъ водопроводовъ съ оставленіемъ при главноуправляющемъ. По Высочайше утвержденному штату Московскихъ водопроводовъ, о назначеніи въ эту должность объявлялось въ Высочайшихъ приказахъ; мое же назначеніе въ эти приказы не было внесено, вѣроятно, потому, что Клейнмихель не хотѣлъ напомнить обо мнѣ Государю, раздраженному противъ меня за дѣло Вонлярлярскаго.

Управленіе Московскими водопроводами, а слѣдовательно и начальникъ ихъ, по штату были подчинены правленію IV округа путей сообщенія. Максимовъ и по назначеніи начальникомъ водопроводовъ оставался членомъ общаго присутствія этого правленія. Оставленіе же меня по особымъ порученіямъ при главноуправляющемъ поставляло меня въ независимое отъ правленія положеніе, подобное тому, въ которомъ я находился къ правленію IV округа путей сообщенія въ бытность мою завѣдывающимъ участкомъ Нижегородскаго шоссе въ предѣлахъ Нижегородской губерніи.

По утвержденной Клейнмихелемъ инструкціи, искусственная и распредѣлительная части по водопроводамъ были мнѣ поручены независимо отъ правленія IV округа, которое обязано было только повѣрять представляемыя мною по водопроводнымъ работамъ техническія смѣты, производить по моимъ требованіямъ торги на работы и матеріалы, исчисленные по этимъ смѣтамъ, хранить водопроводныя суммы и уплачивать изъ нихъ деньги по засвидѣтельствованнымъ мною квитанціямъ.

По водопроводнымъ дѣламъ, разсматриваемымъ въ общемъ присутствіи правленія, я участвовалъ въ ономъ съ правами члена присутствія. Съ назначеніемъ меня начальникомъ Московскихъ водопроводовъ, я долженъ былъ перевезти въ Москву все свое имущество, которое мѣсяца два передъ тѣмъ было перевезено на новую квартиру. Эти расходы были очень чувствительны и безъ того очень тощему моему карману.

Въ маѣ умеръ Ѳ. Е. Гурбандтъ, у котораго я жилъ въ Смоленскѣ. Онъ буквально не оставилъ ни копейки состоянія, такъ что вдова его осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни. Она переѣхала въ Петербургъ, не зная, что дѣлать. Мы пригласили ее жить у насъ въ Москвѣ, куда она съ нами въ одномъ вагонѣ и переѣхала.

Послѣднее время, проведенное мною въ Петербургѣ, я часто бывалъ у Клейнмихеля, который это лѣто жилъ въ Царскомъ Селѣ, въ такъ называемыхъ китайскихъ домикахъ, построенныхъ близъ большого дворца. Въ одну изъ поѣздокъ моихъ въ Царское Село ѣхалъ со мною въ одномъ вагонѣ коммерціи совѣтникъ Харичковъ (умеръ въ 1881 г.), который сказалъ мнѣ, что Клейнмихель докладывалъ въ этотъ день Государю положеніе о коммерческомъ агентѣ при желѣзной дорогѣ между двумя столицами, по которому агентъ избирался на 12 лѣтъ главноуправляющимъ путями сообщенія и утверждался Государемъ, и что онъ представленъ Клейнмихелемъ на это мѣсто.

Не зная, состоялось ли Высочайшее повелѣніе объ его назначеніи,

онъ просилъ меня узнать объ этомъ у чиновниковъ, жившихъ съ Клейнмихелемъ въ Царскомъ Селѣ. По пріѣздѣ моемъ къ послѣднему, онъ мнѣ немедля объявилъ, что Харичковъ утвержденъ агентомъ, и узнавъ, что онъ ожидаетъ моего объ этомъ извѣщенія, послалъ за нимъ. Назначеніе коммерческаго агента при желѣзной дорогѣ между двумя столицами было вызвано тѣмъ, что первые полгода со дня открытія этой дороги количество отправленныхъ по дорогѣ грузовъ было весьма незначительно и отправители грузовъ безпрерывно жаловались на разные безпорядки при пріемѣ, перевозкѣ и сдачѣ грузовъ, каковыя жалобы неоднократно разсматривались въ технической комиссіи при департаментѣ желѣзныхъ дорогъ, въ которой я былъ членомъ.

Однажды я заявилъ, что едва ли при казенномъ управленіи можно будетъ ожидать скораго увеличенія перевозки грузовъ по желѣзной дорогѣ и избѣжать возникшихъ безпорядковъ и что удобнѣе было бы поручить завѣдываніе отправляемыми грузами особеннымъ агентамъ, избираемымъ петербургскимъ и московскимъ купечествами, на обязанности которыхъ было бы и привлеченіе грузовъ на желѣзную дорогу, за что они могли бы получать извѣстную премію.

На это заявленіе о пользѣ коммерческихъ агентовъ при желѣзной дорогѣ было обращено вниманіе, но оно приведено въ исполненіе вовсе несообразно тому, какъ оно предполагалось мною. Составлено было положеніе не объ агентахъ, а объ одномъ коммерческомъ агентѣ при желѣзной дорогѣ. Выборъ его предоставлялся не петербургскому и московскому купечествамъ, а главноуправляющему путями сообщенія. Въ положеніи были введены разные пункты, долженствовавшіе имѣть большое вліяніе на ходъ торговли. Нѣкоторые изъ нихъ были для нея стѣснительны. При составленіи этого положенія не только не были призваны для совѣщанія депутаты отъ купечества, но даже оно представлено было на утвержденіе Государя, безъ предварительнаго сношенія съ министромъ финансовъ или съ какимъ-либо другимъ министромъ. Несмотря на это, оно было утверждено Государемъ, за однимъ исключеніемъ, именно, повелѣно было Клейнмихелю о томъ, въ какомъ классѣ будетъ числиться коммерческій агентъ, представить на утвержденіе черезъ комитетъ министровъ.

Въ проектѣ положенія ему назначался V классъ, т.-е. право носить бѣлые суконные штаны при мундирѣ, чего очень хотѣлось Харичкову. Въ комитетѣ министровъ агенту присвоили VI классъ, при мундирѣ котораго бѣлыхъ штановъ не полагалось.

Кромѣ того, что должности коммерческаго агента назначался классъ, какъ и всякому чиновнику гражданской службы, онъ, въ силу разныхъ пунктовъ положенія, дѣлался совершеннымъ чиновникомъ, такъ что его назначеніе не могло уничтожить тѣхъ безпорядковъ, которые вкрались при казенномъ управленіи перевозками. Между тѣмъ, положеніе предоставляло агенту получать въ свою пользу извѣстную премію, а такъ какъ отправленіе грузовъ по дорогѣ помимо его было невозможно, то, въ виду

огромнаго ихъ количества, выгоды агента должны были быть весьма значительны.

Предоставленіе этихъ выгодъ Харичкову, который былъ извѣстенъ за близкаго человѣка въ домѣ Клейнмихеля и который не разъ давалъ женѣ его деньги взаймы, навело на Клейнмихеля кучу обвиненій. Говорили, что Харичковъ заплатилъ за полученіе должности коммерческаго агента. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ безъ взятокъ не обошлось, но онѣ были даны не Клейнмихелю, а приближеннымъ Клейнмихеля, который съ своей стороны былъ радъ, что можетъ опредѣлить на это мѣсто стараго знакомца, находящагося у него въ полномъ повиновеніи и, какъ казалось, готоваго за него и въ огонь и въ воду. Харичковъ былъ на этомъ мѣстѣ 12 лѣтъ, по прошествіи которыхъ коммерческое агентство уничтожено.

Говорятъ, что Харичковъ очень дурно велъ свои другія коммерческія дѣла, такъ что несмотря на значительныя выгоды, полученныя имъ по должности коммерческаго агента, онъ не пріобрѣлъ состоянія.

Съ 1868 г. я началъ встрѣчать Харичкова въ Царскомъ Селѣ согбеннымъ старцемъ, усердно молящагося въ церкви, всегда меня радостно встрѣчающаго и неоднократно повторявшаго, во услышаніе всѣхъ окружающихъ, что будто мало на Руси такихъ добрыхъ и честныхъ людей, какъ я, и что несмотря на то, что я никогда не пользовался своимъ положеніемъ, чтобы нажиться на счетъ другого, я всегда былъ готовъ оказать всякому не только справедливость, но и снисхожденіе, насколько это отъ меня зависѣло. Я не имѣлъ никогда никакихъ дѣлъ съ Харичковымъ и потому не могъ оказать ему ни пользы, ни вреда.

ГЛАВА VII.

1852—1858 г.

Пріѣздъ въ Москву. Назначеніе предсѣдателемъ архитектурнаго совѣта по построенію въ Москвѣ храма во Имя Христа Спасителя и членомъ комитета по надзору за устройствомъ фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ. Служащіе при Московскихъ водопроводахъ въ 1852 г. Перестройка ключевыхъ бассейновъ въ с. Большихъ Мытищахъ. Положеніе Московскихъ водопроводовъ въ 1852 г. Предположеніе по устройству новаго водоснабженія Москвы. Поѣздка въ Петербургъ для представленія этихъ предположеній. Одобреніе ихъ департаментомъ проектовъ и смѣтъ. Постриженіе въ монахини тетки моей княгини С. В. Волконской и назначеніе ея игуменьею Бородинскаго монастыря. Посылка князя Меньшикова въ Константинополь. Вражда его съ графомъ Закревскимъ. Предположеніе графа Клейнмихеля назначить Баландина вице-директоромъ департамента искусственныхъ дѣль. Производство брата моего въ полковники. Возвращеніе въ Москву. Болѣзнь моей жены. Мои московскіе знакомые. Графъ Закревскій. Е. М. Гурбандтъ и Е. Е. Радзевская въ Москвѣ. Отъѣздъ Е. М. Гурбандтъ въ Петербургъ и кончина Е. Е. Радзевской. А. С. Иванова. Дядя мой князь Д. А. Волконскій. С. А. Нарышкинъ въ нашемъ домѣ. Жизнь на дачѣ въ Богородскомъ. А. Н. Шубина. М. Ф. Смитъ и князь В. В. Оболенскій въ нашемъ домѣ. Занятія по Московскимъ водопроводамъ въ началѣ 1853 г. Опасеніе Закревскаго насчетъ войны съ Турками, Французами и Англичанами. Увольненіе отъ должности начальника дистанціи Московскихъ водопроводовъ инженера Загоскина. Клейнмихель въ Москвѣ. Начало работъ по устройству новаго мытищинскаго водопровода и работы по другимъ водопроводамъ въ 1853 г. Освидѣтельствованіе деревяннаго цирка. Начало войны. Поѣздка въ Петербургъ. Заказъ водоподъемныхъ машинъ на петербургскомъ заводѣ герцога Лейхтенбергскаго. Замерзаніе воды въ трубахъ замоскворѣцкаго водопровода и прекращеніе въ весеннее время дѣйствія рѣчныхъ водоснабженій. Замужество моей тетки княжны Н. А. Волконской. Жизнь на дачѣ въ Сокольникахъ въ 1854 г. Занятія по Московскимъ водопроводамъ въ 1854 г. В. В. Скрипицынъ. Красныя ворота въ Москвѣ. Фильтрованіе мытищенской воды. Непріятель въ Крыму. Поѣздка въ Крымъ по случаю раны брата Николая. Братъ мой и его жена въ Симферополѣ. Поѣздка въ Севастополь. Возвращеніе изъ Крыма въ Москву. Письмо Баландина о поѣздкѣ въ Крымъ. Отвѣтъ Баландина. Сочиненіе мое подъ названіемъ: «Руководство къ устройству водопроводовъ». Юбилей Московскаго университета и В. И. Назимовъ. Кончина Императора Николая. Весенній разливъ р. Москвы въ 1855 г. Приказъ о прекращеніи пожалованія орденомъ Св. Георгія за 25 лѣтъ. Лѣтняя жизнь въ домикѣ при Алексѣевскомъ водоподъемномъ зданіи въ 1855 г. Негодность водоподъемныхъ машинъ, изготовленныхъ на заводѣ герцога Лейхтенбергскаго. Занятія по Московскимъ водопроводамъ въ 1855 г. Производство брата Николая въ генералъ-маіоры. П. П. Мельниковъ у меня проѣздомъ въ Крымъ. Паденіе Севастополя. Императоръ Александръ II и Клейнмихель въ Москвѣ. Увольненіе Клейнмихеля отъ должности главноуправляющаго путями сообщенія и назначеніе на его мѣсто Чев-

кина. П. П. Мельниковъ въ Москвѣ на обратномъ проѣздѣ изъ Крыма. Чевкинъ въ Москвѣ. Освидѣтельствованіе мною пакгаузовъ таможни при Московской станціи Николаевской желѣзной дороги. Наблюденіе за исполненіемъ барельефовъ къ памятнику Императора Николая. Примѣрная земля въ имѣніи жены моей и ея братьевъ. Ссора шурина моего Валерія Левашова съ А. И. Нарышкинымъ. Е. М. Гурбандтъ. Двоюродный братъ мой баронъ Александръ Антоновичъ Дельвигъ и мой двоюродный племянникъ Радзевичъ. Освидѣтельствованіе мѣста Николаевской желѣзной дороги, на которомъ поѣздъ Государя сошелъ съ рельсовъ, въ мартѣ 1856 г. П. Я. Чаадаевъ на раутѣ, данномъ Государю Закревскимъ. Кончина Чаадаева. Поѣздки мои въ Петербургъ въ мартѣ и маѣ 1856. Устройство водоснабженія въ Ходынскомъ лагерѣ. Работы по снабженію мытищинскою водою Кремлевскаго дворца. Замужество моей племянницы Валентины Викулиной за Михаила Дмитріевича Засѣцкаго. Чевкинъ въ Москвѣ. Братъ мой Николай въ Москвѣ. Приготовленія въ Успенскомъ соборѣ къ коронаціи Императора Александра II. Разсказы о Чевкинѣ по случаю пожалованія мнѣ ордена Св. Владиміра 3 ст. Въѣздъ Царской фамиліи въ Москву и день коронованія. Государь въ Ходынскомъ лагерѣ. Хлопоты брата Николая о производствѣ полковыхъ командировъ 4 корпуса Веревкина и Зеленаго въ генералъ-маіоры. Знакомство съ лицами итальянскаго посольства. Жизнь въ Москвѣ въ концѣ 1856 г. и началѣ 1857 г. Мой своякъ графъ Н. С. Толстой. Главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Поѣздка въ Петербургъ въ февралѣ 1857 г. Инженеръ-полковникъ Черкасовъ, бывшій помощникомъ начальника Московскихъ водопроводовъ съ 1856 г. по 1858 г. Мои лекціи о Московскихъ водопроводахъ въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Занятія по Московскимъ водопроводамъ въ 1857 г. Негодность водоподъемныхъ машинъ, изготовленныхъ на заводѣ герцога Лейхтенбергскаго, купленномъ главнымъ обществомъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Рожденіе моей внуки Ольги Засѣцкой. Княгиня Р. И. Максутова и И. Д. Якушкинъ въ Москвѣ. Избраніе меня въ члены Московскаго общества сельскаго хозяйства и русскаго географическаго общества. Манифестъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Мой своякъ графъ Н. С. Толстой по поводу этого манифеста и его дальнѣйшая судьба. Рѣчь, сказаная имъ на дворянскихъ выборахъ Нижегородской губерніи въ 1862 г. Поѣздка моя въ Петербургъ въ декабрѣ 1857 г. Объясненіе Закревскому о необходимости заказа за границею водоподъемныхъ машинъ для Мытищинскаго водопровода. Поѣздка въ февралѣ 1858 г. въ Петербургъ и объясненіе о томъ же съ Чевкинымъ. Поѣздка моя за границу. Берлинъ, Гамбургъ, Термандъ, Брюссель, Лондонъ. Лондонскій негоціантъ Беренсъ. Лондонскій священникъ Е. И. Поповъ. Лондонскій банкиръ Бель. Блекъ, владѣлецъ завода «Джемсъ Уайта». Договоръ на поставку англійскихъ водоподъемныхъ машинъ для Мытищинскаго водопровода. Обѣды въ Лондонѣ. Поѣздка изъ Лондона. А. И. Герценъ. Графиня Апони, жена австрійскаго посла въ Лондонѣ. Поѣздка въ Парижъ. Парижскій священникъ У. В. Васильевъ. Отставные инженеры путей сообщенія А. С. Комаровъ, М. С. Волковъ и Н. К. Кольманъ. Первые три дня пребыванія въ Парижѣ. Французскіе инженеры и кондуктора дорогъ и мостовъ. Бывшій профессоръ Института инженеровъ путей сообщенія Ломе и Клапейронъ. Пріѣздъ въ Петербургъ. Занятія и жизнь въ Москвѣ въ 1858 г. Поѣздка въ Петербургъ. Англійскія водоподъемныя машины и англійскіе машинисты, присланные для ихъ установки. Занятія мои лѣтомъ 1858 г. Пріѣздъ Чевкина съ Государемъ въ Москву. Производство въ генералъ-маіоры. Открытіе новаго Мытищинскаго водопровода.

Въ Москву я пріѣхалъ въ іюлѣ и остановился въ домѣ графини Мансыревой, близъ Малой Дмитровки, въ приходѣ стараго Пимена. Пріятель-

ница съ дѣтства жены моей А. Н. Шубина доставила намъ это помѣщеніе на первое время нашего пребыванія въ Москвѣ. Оно было для насъ неудобно и я цѣлые дни до утомленія отыскивалъ себѣ квартиру. Немедля по моемъ пріѣздѣ явились ко мнѣ помощникъ начальника Московскихъ водопроводовъ подполковникъ Лавровъ и производители работъ штабсъ-капитаны Загоскинъ и Бедряга и поручики Поповъ и Больговской, а равно письмоводитель управленія Московскими водопроводами Григорьевъ. Большая часть инженеровъ и чиновниковъ IV (Московскаго) округа путей сообщенія также пріѣзжали представиться мнѣ частію потому, что они всѣ меня знали по прежнему моему служенію въ этомъ округѣ, а частію потому, что многіе полагали, что я буду назначенъ начальникомъ IV округа. Пріѣхавшая съ нами въ Москву вдова Гурбандтъ, полагая, что всѣ представлявшіеся мнѣ инженеры мои подчиненные, удивлялась, что, имѣя такъ много подчиненныхъ офицеровъ, я самъ отыскиваю квартиру, а не поручаю имъ эту заботу.

Наконецъ, я нашелъ квартиру въ Ваганьковскомъ переулкѣ близъ Знаменки, куда и переѣхалъ къ 1-му сентября.

Немедля по пріѣздѣ въ Москву, я представился генералъ-губернатору Закревскому, который принялъ меня весьма любезно и просилъ, чтобы я принялъ должность предсѣдателя архитектурнаго совѣта комиссіи для построенія въ Москвѣ храма во Имя Христа Спасителя, на что я согласился и 28 іюля по Высочайшему повелѣнію былъ назначенъ на эту должность, отъ которой уволенъ 28-го декабря 1861 г. по переходѣ моемъ на службу въ Петербургъ.

Жалованья по этой должности не полагалось и, несмотря на постоянное ко мнѣ благоволеніе Закревскаго и слѣдовавшихъ за нимъ генералъ-губернаторовъ, я никакой награды за слишкомъ 9-лѣтнее исправленіе означенной должности не получалъ. Впрочемъ, она не требовала большой дѣятельности.

Вся постройка храма Спасителя была ввѣрена главному архитектору Константину Андреевичу Тону, жившему въ Петербургѣ и пріѣзжавшему только на нѣсколько дней въ Москву. Постоянно за постройкою наблюдалъ его помощникъ съ подчиненными архитекторами. Главное наблюденіе за постройкою было поручено комиссіи, въ которой предсѣдателемъ былъ Московскій военный генералъ-губернаторъ, а вице-предсѣдателемъ и членами наиболѣе почетныя лица Москвы. Въ это время вице-предсѣдателемъ былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ I класса князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, слывшій самымъ богатымъ человѣкомъ въ Москвѣ.

При комиссіи былъ учрежденъ архитектурный совѣтъ изъ инженеровъ и преимущественно изъ лучшихъ и наиболѣе заслуженныхъ Московскихъ архитекторовъ. Обязанность этого совѣта состояла въ разсмотрѣніи и повѣркѣ подробныхъ проектовъ и смѣтъ, представляемыхъ въ комиссію Тономъ и его помощникомъ. Вліяніе совѣта на производство работъ было весьма незначительное. Тонъ, по неволѣ покоряясь тѣмъ замѣчаніямъ со-

вѣта, которыя явно указывали излишество въ смѣтныхъ исчисленіяхъ, рѣдко подчинялся замѣчаніямъ, требовавшимъ измѣненія рисунка или способа постройки. Въ послѣднихъ случаяхъ Тонъ строилъ по-своему, а совѣтъ, не имѣя права контролировать исполненіе работъ, долженъ былъ оставлять это безъ послѣдствій. Тонъ и его помощники не жалѣли денегъ для приданія прочности всѣмъ частямъ храма и въ большей части случаевъ протестовали, когда совѣтъ находилъ возможнымъ предлагаемый ими способъ постройки замѣнить болѣе дешевымъ. Тонъ вообще не любилъ инженеровъ путей сообщенія, но, не смотря на частныя столкновенія со мною, меня жаловалъ. Онъ часто спрашивалъ меня, изъ-за чего я бьюсь постоянно, сберегая казенныя деньги, при чемъ излагалъ какую-то особую политическую экономію, по которой выходило, что чѣмъ болѣе издержится на возведеніе сооруженія, тѣмъ лучше.

Въ 1872 г. я осматривалъ продолжавшуюся постройку храма и видѣлъ, что многое, предложенное Тономъ и устроенное, вопреки замѣчаніямъ совѣта еще въ бытность мою въ Москвѣ, хотя и стоило очень дорого, но зато, дѣйствительно, прочно и соотвѣтственно цѣли, что меня очень порадовало.

Кстати упомяну теперь же еще о другой мнѣ порученной должности, по которой также не было положено никакого жалованья и по которой еще менѣе было дѣла.

19-го октября 1852 г. я былъ назначенъ членомъ комитета Высочайше утвержденнаго для надзора за устройствомъ фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ и ея уѣздѣ. Обязанность моя по этому званію состояла въ осмотрѣ устанавливаемыхъ паровыхъ машинъ. Эти осмотры случались очень рѣдко.

Теперь обращусь къ описанію главныхъ моихъ занятій, а именно къ работамъ на Московскихъ водопроводахъ.

Помощникомъ начальника Московскихъ водопроводовъ былъ товарищъ мой по Институту инженеровъ путей сообщенія подполковникъ Лавровъ, отецъ Гончаровой и ея сестры, которыя застрѣлились въ 1872 и 1873 г. Недовольный тѣмъ, что не онъ былъ назначенъ начальникомъ водопроводовъ, а также и смѣлостію моихъ измѣненій въ предположеніяхъ Максимова по устройству водопровода, онъ, несмотря на хорошія со мною отношенія, вскорѣ вышелъ въ отставку и былъ замѣненъ инженеромъ путей сообщенія капитаномъ Бернацкимъ, человѣкомъ знающимъ, но нерѣшительнымъ и неспособнымъ къ начальствованію.

Всѣмъ устроеннымъ сооруженіямъ Мытищинскаго водопровода и ремонтомъ на немъ завѣдывалъ штабсъ-капитанъ Загоскинъ, лгунъ, взяточникъ, плохо учившійся и мало способный. Производителями работъ были по снабженію водою р. Москвы отъ Бабьяго городка поручикъ Поповъ, а отъ Краснаго Холма штабсъ-капитанъ Бедряга. Первый плохо учился, но былъ способенъ, находчивъ на работахъ и усерденъ; второй хорошо образованъ, но лѣнивъ. Архитекторомъ при водопроводахъ былъ Левишамъ (Матвѣй Юрьевичъ), пріобрѣвшій впослѣдствіи извѣстность по уча-

стію въ предпріятіи постройки Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги. Письмоводителемъ былъ произведенный изъ военныхъ писарей Григорьевъ, мало образованный, но весьма усердный.

По открытіи Бабьегородскаго рѣчного водоснабженія, имъ завѣдывалъ поручикъ Болговской, мало способный. Всѣ эти лица получали крайне скудное содержаніе. Инженеры получали содержаніе по чину и сверхъ того на разъѣзды: Лавровъ 400 руб., а прочіе по 150 р. въ годъ, а архитекторы и письмоводитель получали содержанія по 280 р. въ годъ и ничего болѣе. Средствъ для черченія не было почти никакихъ, а для письмоводства были чрезвычайно ограниченныя.

При первомъ моемъ посѣщеніи въ 1852 г. с. Большихъ Мытищъ я нашелъ, что перестраиваются 8 ключевыхъ бассейновъ, но не по моему дешевому способу, а по способу, предложенному Максимовымъ, по которому были перестроены бассейны № 1 и 43 прежде, чѣмъ мною былъ изобрѣтенъ мой способъ. Причина этого была слѣдующая. Въ 1837 г. по перестройкѣ по моему способу бассейна № 42, который доставлялъ весьма незначительное количество воды (около 1400 ведеръ въ сутки), замѣтили дурной запахъ, выходящій изъ вертикальной трубы бассейна, изъ чего заключили, что изобрѣтенный мною способъ можетъ быть употребленъ съ пользою при постройкѣ бассейновъ только надъ изобильными ключами.

Главное управленіе путей сообщенія, не желая потерять всѣ выгоды, доставляемыя моимъ способомъ, предписало перестроить по моему способу еще два бассейна, которыхъ ключи доставляютъ также мало воды; эта перестройка увѣнчалась успѣхомъ.

Въ 1846 г. по проекту, утвержденному главнымъ управленіемъ путей сообщенія, устроены были на Нижегородскомъ водопроводѣ по моему способу 18 бассейновъ, ключи большей части которыхъ доставляли малое количество воды (всѣ 18 доставляли въ сутки около 40 т. ведеръ). Но въ 1851 г., когда предположено было перестроить весь старый водопроводъ и въ томъ числѣ разрушавшіеся ключевые бассейны въ Большихъ Мытищахъ, Максимовъ, убѣжденный своими подчиненными, что будто бы вода имѣетъ запахъ и въ тѣхъ бассейнахъ, которые перестроены послѣ № 42, представилъ проекты на перестройку бассейновъ по своему способу, а главное управленіе путей сообщенія, вѣроятно, позабывъ о существованіи моего способа, утвердило эти проекты.

Подчиненные Максимова увѣряли его, что вода въ бассейнахъ, перестроенныхъ по моему способу, портится, вѣроятно, изъ-за того, что перестройка ихъ обходилась такъ дешево, что при производствѣ ея нечѣмъ было поживиться, а Максимовъ родился безъ чувства обонянія, и потому онъ имъ повѣрилъ на слово. Къ этому готовили Максимова еще задолго до перестройки водопровода, о чемъ я узналъ въ 1849 г. по слѣдующему случаю.

Въ этомъ году, по пріѣздѣ моемъ изъ Венгріи, попался мнѣ въ руки мой послужной списокъ. Замѣтивъ, что изъ него исключено было описаніе

изобрѣтеннаго мною дешеваго способа постройки ключевыхъ бассейновъ съ отданнымъ объ этомъ въ 1836 г. приказомъ графа Толя, я просилъ снова включить это описаніе въ означенный списокъ.

Клейнмихель положилъ резолюцію: «удивляюсь, что Дельвигъ только черезъ 13 лѣтъ надумался, спросить мнѣніе Правленія IV округа». Оно отвѣчало, что мой способъ непримѣнимъ ко всѣмъ бассейнамъ, а только къ тѣмъ, гдѣ ключи изобильные; въ бассейнахъ же, построенныхъ по моему способу на ключахъ, дающихъ мало воды, она портится.

Вслѣдствіе этого донесенія, которое могъ въ правленіи составить только Максимовъ, Клейнмихель оставилъ мою просьбу безъ послѣдствій, а я тогда не хотѣлъ оспаривать донесеніе Правленія, конечно, не предвидя, что опять попаду на Московскіе водопроводы. Причины затхлости воды въ бассейнѣ № 42 были мною объяснены въ напечатанномъ мною еще въ 1839 г. сочиненіи подъ заглавіемъ: «Mémoire sur quelques questions techniques relatives au système de l'ancien aqueduc de Moscou».

Въ немъ сказано было, что дурной запахъ воды въ бассейнѣ № 42 происходитъ отъ употребленія безъ всякой надобности слишкомъ большого количества лѣса на ростверкъ, который собственно и составляетъ бассейнъ по моему способу, и, дѣйствительно, ростверкъ слѣдовало устроить собственно надъ ключомъ не болѣе какъ въ 1 кв. саж., вмѣсто устроеннаго на всей поверхности прежняго бассейна въ 18,7 кв. саж.

Найдя при первомъ посѣщеніи Мытищинскихъ ключевыхъ бассейновъ перестройку восьми изъ нихъ значительно подвинутою, я однако же счелъ болѣе выгоднымъ сломать все, что уже было произведено, и построить эти бассейны по моему способу, къ чему приказалъ приступить немедля. Но такъ какъ чертежи проектовъ на перестройку бассейновъ по способу Максимова были утверждены главнымъ управленіемъ путей сообщенія, то о сдѣланномъ мною распоряженіи я донесъ Клейнмихелю и заявилъ Закревскому, входившему тогда во всѣ подробности водопроводныхъ работъ

Закревскій очень благодарилъ меня за экономію и сказалъ, что вполнѣ увѣренъ въ моемъ знаніи и усердіи, а потому проситъ меня всегда дѣйствовать такъ, когда я предвижу экономію въ сооруженіи водопровода или могу придать ему большую прочность. Но черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ него бумагу, въ которой онъ въ виду того, что чертежи проектовъ на перестраивающіеся восемь ключевыхъ бассейновъ утверждены главнымъ управленіемъ путей собщенія и что на производство работъ по этимъ даннымъ заключенъ контрактъ съ подрядчикомъ, приглашалъ меня устраивать бассейны согласно означеннымъ чертежамъ.

Закревскій не имѣлъ права вмѣшиваться въ распоряженіе работами, и я объяснилъ ему, что не могу исполнить его требованія, такъ какъ уже большая часть произведенныхъ работъ разломана и сверхъ того я о своемъ распоряженіи донесъ Клейнмихелю; что же касается до удовлетворенія подрядчика, заключившаго контрактъ на эти работы, то онъ далъ мнѣ подписку, что не будетъ претендовать противъ сдѣланныхъ мною распо-

ряженій. Закревскій сказалъ мнѣ, что онъ опасается, чтобы вода не приняла дурного запаха въ бассейнахъ, перестраиваемыхъ по моему способу.

Я доказалъ ему всю нелѣпость этого предположенія, на что онъ мнѣ сказалъ: «Да вѣдь это говорили мнѣ ваши же инженеры». Тогда я просилъ его снестись съ Клейнмихелемъ, чтобы перестройку водопровода поручили тѣмъ, кто ему это говорилъ, такъ какъ изъ его словъ я заключаю, что онъ имъ довѣряетъ болѣе, чѣмъ другимъ: «дѣлайте какъ знаете».

По пріѣздѣ въ сентябрѣ 1852 г. Клейнмихеля въ Москву, вслѣдствіе неполученія еще изъ Петербурга отвѣта на донесеніе о сдѣланномъ мною измѣненіи въ перестройкѣ ключевыхъ бассейновъ, я подалъ ему по этому предмету записку, которую онъ передалъ для разсмотрѣнія въ правленіе IV (Московскаго) округа путей сообщенія. Предсѣдатель его, начальникъ округа генералъ-маіоръ Зеге-фонъ-Лауренбергъ, и всѣ члены общаго присутствія, за исключеніемъ помощника начальника округа подполковника Евреинова, не понимали дѣла. Евреиновъ же, человѣкъ довольно ученый, но злой противъ всѣхъ и каждаго, а особливо противъ меня за то, что я его перегналъ при производствѣ моемъ въ полковники, старался охулить мой способъ, но не успѣлъ въ этомъ, и Клейнмихель утвердилъ мое распоряженіе.

Зеге-фонъ-Лауренбергъ вскорѣ былъ замѣненъ генералъ-маіоромъ Шуберскимъ. Шуберскій не хотѣлъ имѣть злого помощника, и Евреиновъ вскорѣ былъ замѣненъ полковникомъ Запольскимъ.

Въ пріѣздъ Клейнмихеля въ Москву, въ сентябрѣ 1852 г., я замѣтилъ, что между нимъ и Закревскимъ была большая фамильярность, хотя они на самомъ дѣлѣ не жаловали другъ друга.

Въ это время министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій былъ замѣненъ Д. А. Бибиковымъ. Я первый заявилъ объ этомъ Клейнмихелю, который даже и не слыхалъ о предположеніи назначить Бибикова на означенную должность, но былъ этому радъ, и когда я ему въ тотъ же день представилъ о какомъ-то дѣлѣ, имѣвшемъ соприкосновеніе съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, то онъ мнѣ сказалъ, что его легко будетъ исполнить тѣмъ болѣе, что теперь уже министромъ Бибиковъ, а не Перовскій.

Теперь опишу положеніе Московскихъ водопроводовъ во время назначенія меня ихъ начальникомъ.

Несмотря на значительныя исправленія, произведенныя въ старомъ Мытищинскомъ кирпичномъ водопроводѣ, онъ видимо клонился къ разрушенію. Оскудѣніе притока по немъ воды къ Алексѣевскимъ водоподъемнымъ машинамъ съ каждымъ годомъ дѣлалось чаще и продолжительнѣе, несмотря на то, что каждый годъ продолжали перестраивать наиболѣе поврежденныя части.

Наконецъ зимою съ 1847 на 1848 г. изъ 330 т. ведеръ воды, доставляемыхъ Мытищинскими ключами, къ Алексѣевскимъ машинамъ доходило менѣе 100 т. Въ Москву поднимали эту воду вмѣстѣ съ доставляемою клю-

чами Сокольничьей рощи, но въ фонтанахъ былъ большой недостатокъ въ водѣ, и ихъ изливныя трубки замерзали.

Въ іюлѣ 1854 г. по водопроводу изъ Мытищинскихъ ключей доходило до водоподъемныхъ машинъ только 35 т. ведеръ въ сутки, такъ что эти машины вмѣстѣ съ водою, доставляемою ключами Сокольничьей рощи, поднимали въ столицу менѣе 100 т. ведеръ воды въ сутки.

Наиболѣе значительныя поврежденія были тогда же исправлены, такъ что въ августѣ 1854 г. снова по кирпичному водопроводу доходило къ машинамъ до 200 т. ведеръ воды въ сутки.

Требованіе же на воду въ столицѣ увеличивалось съ каждымъ годомъ, такъ что пріѣзжающіе къ фонтанамъ за водою должны были и во время полнаго дѣйствія водоснабженія по нѣскольку часовъ ожидать очереди для наливки бочекъ.

Расходъ Мытищинской воды долженъ былъ возрастать въ Москвѣ въ большой пропорціи по причинѣ превосходнаго качества этой воды, а равно отъ обычая держать почти въ каждомъ домѣ лошадей и отъ безплатнаго отпуска воды изъ общественныхъ фонтановъ.

Положеніе кирпичнаго водопровода, близкое къ разрушенію, и очевидный недостатокъ чистой воды побудили въ 1849 г. Московскаго военнаго генералъ-губернатора графа Закревскаго исходатайствовать Высочайшее повелѣніе о перестройкѣ и распространеніи водопроводовъ въ Москвѣ.

Работы по замѣнѣ стараго кирпичнаго водопровода чугунно-трубнымъ и по распространенію водопроводовъ въ Москвѣ были поручены инженеру Максимову. Онъ полагалъ старый кирпичный водопроводъ отъ р. Яузы въ с. Большихъ Мытищахъ до села Алексѣевскаго (грозившій на значительномъ протяженіи скорымъ разрушеніемъ) замѣнить чугунно-трубнымъ, который долженъ былъ провести въ Москву до 300 т. ведеръ Мытищинской воды въ сутки.

Максимовъ, такъ же какъ и его предмѣстники, былъ вполнѣ убѣжденъ, что притокъ воды изъ Мытищинскихъ ключей не можетъ быть увеличенъ; а такъ какъ означенныхъ 300 т. ведеръ въ сутки было бы недостаточно для всего города, то онъ предполагалъ: установить въ трехъ мѣстахъ на р. Москвѣ машины для ежедневнаго подъема 275 т. ведеръ рѣчной воды и провести изъ Сокольничьяго водопровода 40 т. ведеръ на Богоявленскую площадь у Елохова моста.

Съ 1850 г. приступлено было къ устройству двухъ водопроводовъ изъ р. Москвы.

Первый изъ этихъ водопроводовъ принималъ воду изъ р. Москвы ниже плотины, находящейся на Бабьемъ городкѣ; на немъ устроили 6 фонтановъ, въ которые поднимались изъ р. Москвы ежесуточно, по причинѣ малаго діаметра, даннаго восходящей отъ машинъ водопроводной трубѣ, вмѣсто предполагавшихся 100 т. только 33 т. ведеръ рѣчной воды.

Водоснабженіе открыто въ 1852 г. Максимовымъ.

Другой рѣчной водопроводъ принималъ воду р. Москвы при старомъ

устьѣ обводнаго канала у Краснохолмскаго моста, ниже плотины, ограждающей это устье; на немъ устроено 5 фонтановъ, въ которые поднималось въ сутки до 100 т. ведеръ воды въ часть города, лежащую на правой сторонѣ рѣки, называемою Замоскворѣцкою.

Это водоснабженіе, начатое устройствомъ въ 1850 г., было открыто въ 1853 г.

Недостатки этихъ водопроводовъ состояли въ слѣдующемъ:

1) Вода изъ р. Москвы поднималась неочищенною и по мутности ея въ весеннее время дѣйствіе водоснабженій совершенно прекращалось.

2) Вода въ колодцахъ была тепла лѣтомъ, а слѣдовательно была непріятна для питья.

3) Вода въ нѣсколькихъ мѣстахъ Замоскворѣцкаго водопровода почти ежегодно замерзала въ февралѣ мѣсяцѣ, несмотря на то, что трубы проложены на глубинѣ 7 футъ отъ поверхности земли.

4) Каждый годъ весною два описанные водопровода оставались въ полномъ бездѣйствіи въ продолженіе цѣлаго мѣсяца оттого, что чрезвычайно мутная рѣчная вода засоряла насосы водоподъемныхъ паровыхъ машинъ. Устройство и содержаніе искусственныхъ фильтровъ требовало бы значительныхъ издержекъ.

Вступая въ управленіе Московскими водопроводами, я видѣлъ, что снабженіе водою столицы по старому Мытищинскому водопроводу можетъ скоро совсѣмъ прекратиться, что къ замѣнѣ его необходимо приступить немедленно и что рѣчные водопроводы неблагонадежны. Это побудило меня поспѣшить составленіемъ предположеній по устройству новаго водоснабженія Москвы, чѣмъ я и былъ занятъ въ сентябрѣ и октябрѣ 1852 г.

Поводомъ къ устройству рѣчныхъ водопроводовъ было, какъ сказано выше, убѣжденіе, всѣми раздѣляемое въ продолженіе 70 лѣтъ, что Мытищинскіе ключи не могутъ давать болѣе 330 т. ведеръ воды въ сутки.

Это убѣжденіе подтверждалось еще тѣмъ, что количество воды въ водопроводѣ мало измѣнялось отъ введенія въ него новыхъ ключей, находящихся близъ с. Большихъ Мытищъ. Я полагалъ, что давнее это убѣжденіе справедливо только относительно того горизонта кирпичнаго водопровода, до котораго ключи были подперты, и что если, при перестройкѣ водопровода, понизить его горизонтъ, то они будутъ доставлять большее количество воды. По сдѣланнымъ въ 1852 г. предварительнымъ измѣреніямъ оказалось, что, понизивъ отъ 1 до 2 футовъ горизонты ключей въ устроенныхъ надъ ними бассейнахъ (нисколько не углубляя дна), можно изъ нихъ получать въ полтора раза болѣе воды (*).

---

*) Горизонтъ воды въ водопроводѣ при перестройкѣ его пониженъ на 8 фут. съ тѣмъ, чтобы ввести въ него новые низколежащіе ключи; горизонтъ же ключей въ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ бассейновъ пониженъ только на 1 футъ съ тѣмъ, чтобы не углублять дна сихъ бассейновъ и оставить небольшой слой воды надъ положенными въ нихъ деревянными ростверками, въ отвращеніе ихъ гніенія. Не подлежитъ сомнѣ-

На этомъ основаніи мои предположенія по устройству новаго водоснабженія Москвы состояли въ слѣдующемъ:

1. Замѣнить чугунно-трубнымъ водопроводомъ часть его, которая лежитъ между ключевыми бассейнами и р. Яузою и которую Максимовъ полагалъ не перестраивать, при чемъ понизить горизонтъ водопровода на 8 футовъ, впрочемъ при подробномъ осмотрѣ означенной части водопровода оказалось, что она по своей ветхости во всякомъ случаѣ требовала совершенной перестройки.

2. Близъ с. Большихъ Мытищъ устроить бассейны надъ вновь введенными въ водопроводъ ключами; перестроить и исправить старые ключевые бассейны, понизить въ нихъ горизонтъ такъ, чтобы надъ ихъ ростверками оставался небольшой слой воды; проложить чугунныя трубы отъ бассейновъ до трубы, въ которой соединяются всѣ ключевыя воды, при чемъ ихъ суточный притокъ исчисленъ въ 505 т. ведеръ.

3. Отъ этого мѣста положить чугунныя трубы до р. Яузы и подъ нею таковыя же трубы до устроеннаго на берегу этой рѣки на старомъ кирпичномъ водопроводѣ павильона; въ немъ установить чугунный подземный резервуаръ, горизонтъ въ которомъ, по пониженіи бывшаго горизонта воды въ старомъ водопроводѣ на 8 футовъ, останется выше горизонта бассейна Алексѣевскихъ водоподъемныхъ машинъ на 4,5 фута.

4. Для сокращенія расходовъ на укладку между упомянутыми резервуаромъ и бассейномъ (между ними разстояніе равняется $13^1/_4$ верстамъ) чугунной трубы слишкомъ большого діаметра, близъ резервуара устроить кирпичное зданіе, въ которомъ поставить двѣ поперемѣнно дѣйствующія паровыя машины, силою каждая въ 10 силъ, для подъема воды на высоту 20 фут. въ возвышенный чугунный ревервуаръ, помѣщенный въ этомъ же зданіи.

5. Проложить въ землѣ чугунный водопроводъ между Мытищинскимъ и Алексѣевскимъ водоподъемными зданіями, при чемъ для протока весенніхъ водъ въ насыпяхъ положить чугунныя на кирпичныхъ основаніяхъ трубы, засыпанныя землею, для выхода изъ трубы воздуха черезъ каждыя сто саженъ и на каждомъ выходящемъ углѣ поставить вактузы, а на всѣхъ углахъ, образуемыхъ водоводомъ въ нижнихъ точкахъ устроить для его осушенія кирпичныя отдушины; отъ нихъ провести до близлежащихъ низменныхъ мѣстъ чугунныя трубы; при пересѣченіи же водопроводной трубы рѣками Ичкою и Яузою, провести ее подъ ними въ видѣ обращенныхъ

нію, что при углубленіи дна бассейновъ, понизивъ въ нихъ еще горизонтъ воды, получилось бы еще большее ея количество.

Мысль о прибавленіи количества воды въ ключахъ, открываемыхъ въ проницаемыхъ грунтахъ, посредствомъ пониженія ихъ подпорнаго горизонта, пришла мнѣ на основаніи теоріи происхожденія ключей, независимо отъ наблюденій Г. Дарси надъ увеличеніемъ количества воды въ ключахъ отъ пониженія ихъ подпорнаго горизонта, Результаты изслѣдованій французскаго инженера сдѣлались извѣстны только въ 1856 г., по выходѣ сочиненія его подъ заглавіемъ: Les fontaines publiques de la ville de Dijon, etc. par H. Darcy, Paris. 1856 г.

сифоновъ и на случай починки чугуннаго водовода установить на немъ въ разныхъ мѣстахъ раздвижки.

6. Перестроить Алексѣевское водопроводное зданіе для установки въ немъ двухъ паровыхъ машинъ, въ 48 силъ каждая, взамѣнъ прежнихъ 24-сильныхъ. Новыя машины, дѣйствуя поперемѣнно, должны поднимать по чугуннымъ трубамъ 505 т. ведеръ воды въ сутки въ Сухареву башню.

7. Положить чугунный водоводъ между Алексѣевскимъ водоподъемнымъ зданіемъ и Сухаревою башнею. Воду предназначено поднимать машинами одновременно по этому водоводу и по трубамъ, положеннымъ на этомъ протяженіи при устройствѣ водоснабженія въ 1830 году; на выходящихъ углахъ новаго водовода поставить въ кирпичныхъ отдушинахъ механическіе вактузы и на низкихъ мѣстахъ, гдѣ образуются входящіе углы, установить спускные краны; отъ послѣднихъ проложить чугунныя трубы до низменныхъ мѣстъ. Николаевскую желѣзную дорогу пересѣчь подъ отверстіемъ моста, на ней устроеннаго.

8. Изъ двухъ комнатъ второго этажа Сухаревой башни образовать одну залу, въ которой установить на фермахъ изъ котельнаго желѣза второй чугунный резервуаръ мытищинской воды, соединивъ его съ устроеннымъ въ 1830 г. резервуаромъ.

9. Отъ Сухаревой башни проложить чугунныя трубы до новыхъ 15 фонтановъ.

10. На водоводныхъ трубахъ въ чертѣ города устроить, сверхъ прежде существовавшихъ, новыхъ 15 фонтановъ для разбора воды; кирпичныя отдушины съ механическими вактузами для выхода воздуха, спускные краны на нижнихъ точкахъ, уравнительные краны при поворотахъ вѣтвей къ фонтанамъ и пожарные приборы, при чемъ водоводъ при пересѣченіи рѣкъ Яузы и Чечоры провести подъ ними обращеннымъ сифономъ.

11. На восходящихъ трубахъ фонтановъ поставить чугунныя украшенія; въ фонтанахъ устроить изливы воды на двухъ различныхъ высотахъ съ тѣмъ, чтобы черезъ верхній изливъ пускать воду только лѣтомъ въ тихую погоду, такъ какъ при этомъ изливѣ въ зимнее время украшеніе покрывалось бы льдомъ, а при вѣтрѣ вода не попадала бы въ бассейнъ фонтана и расплескивалась бы по площади.

Всѣ расходы на работы по перестройкѣ Мытищинскаго водопровода исчислены въ милліонъ рублей. Принявъ въ соображеніе большое протяженіе чугунныхъ трубъ, значительное число разныхъ сооруженій, входящихъ въ составъ водопровода, и особенныя препятствія, представляемыя мѣстностью, нельзя не признать эту сумму умѣренною.

Впослѣдствіи я нашелъ возможнымъ, съ увеличеніемъ притока воды Мытищинскихъ ключей, отмѣнить сдѣланныя Максимовымъ предположенія: проведеніе 40 т. ведеръ воды изъ Сокольничьяго водопровода и устройство третьяго водоснабженія изъ р. Москвы, которое должно было доставлять до 75 т. ведеръ въ сутки, — и прекратить дѣйствіе Бабьегородскихъ водоподъемныхъ машинъ.

Мои предположенія, изложенныя въ подробной запискѣ, сопровожденной чертежами, въ которыхъ не заключалось еще подробностей, были готовы къ концу октября.

Я полагалъ необходимымъ начать работы по устройству новаго водоснабженія въ 1853 г., а такъ какъ я не имѣлъ никакой возможности приготовить въ такой короткій срокъ всѣхъ подробныхъ чертежей и смѣтъ, то къ концу октября 1852 г. ограничился приготовленіемъ собственно чертежей и смѣтъ на работы, показанныя выше подъ № 5-мъ, такъ какъ ихъ производство требовало наиболѣе времени. Вообще проекты и смѣты на всѣ вышепоказанныя въ 11-ти пунктахъ работы я раздѣлилъ на четыре части: работы первыхъ четырехъ пунктовъ составляли первую часть, работы 5-го пункта—вторую, 6, 7 и 8 пунктовъ -третью, а послѣднихъ трехъ пунктовъ—четвертую часть.

Въ началѣ открытія желѣзной дороги между двумя столицами было съ каждой стороны всего по одному пассажирскому поѣзду въ день. Въ октябрѣ 1852 г. былъ устроенъ второй поѣздъ, отправлявшійся по вечерамъ, и я съ этимъ поѣздомъ отправился въ Петербургъ 31-го октября. Время стояло очень холодное; объ отопленіи вагоновъ не имѣли тогда никакого понятія. Меня провожалъ до станціи А. И. Нарышкинъ и такъ ужаснулся холоду въ вагонахъ, что надѣлъ на меня свою огромную медвѣжью шубу.

Я уже говорилъ, что директоръ департамента проектовъ и смѣтъ, Дестремъ, всегда готовъ былъ поощрять всякаго, выдающагося изъ общей среды. Такимъ образомъ предположенія мои объ устройствѣ новаго водоснабженія въ Москвѣ и подробный проектъ и смѣта по второй части этого водоснабженія были вскорѣ разсмотрѣны и одобрены означеннымъ департаментомъ, котораго докладъ по этому предмету былъ представленъ Клейнмихелю 22-го ноября.

Подробные чертежи и смѣты по 1-ой, 3-ей и 4-ой частямъ этого проекта были изготовлены въ продолженіе 1853 г., и въ началѣ 1854 г. я ихъ повезъ въ Петербургъ.

Клейнмихель при разсмотрѣніи чертежей замѣтилъ, что будто бы рисунки украшеній на трехъ фонтанахъ, рисованные Левестаномъ, некрасивы, и приказалъ, чтобы на этихъ фонтанахъ въ видѣ украшеній были поставлены чаши, наподобіе чашъ, проектированныхъ для украшеній всѣхъ другихъ фонтановъ.

Въ этомъ Клейнмихель ошибался, украшенія, имъ забракованныя, были хороши, но я долженъ былъ передать его замѣчаніе департаменту проектовъ и смѣтъ, который, въ угоду Клейнмихелю, также ихъ забраковалъ, одобривъ всѣ остальныя части моего проекта въ докладѣ отъ 12 марта 1854 г. слѣдующаго содержанія:

«Департаментъ и приглашенныя лица, разсмотрѣвъ представленные начальникомъ Московскихъ водопроводовъ, корпуса инженеровъ путей сообщенія полковникомъ барономъ Дельвигомъ, исполнительные проекты на приведеніе въ исполненіе 1, 3 и 4 частей общаго проекта преобразова-

нія Мытищинскаго водопровода, находитъ, что они составлены согласно съ предположеніемъ этого преобразованія, одобреннымъ въ общемъ видѣ по докладу департамента проектовъ и смѣтъ отъ 22 ноября 1852 г. № 3476, за исключеніемъ, а) нѣкотораго измѣненія въ размѣщеніи фонтановъ въ Москвѣ и б) уничтоженія водоснабженія изъ Бабьегородскаго водоподъемнаго зданія съ замѣненіемъ воды изъ Москвы-рѣки, чрезъ это зданіе получаемой водою, доставляемою Мытищинскими ключами.

«Имѣя въ виду, что размѣщеніе фонтановъ въ нынѣ представляемыхъ проектахъ, сдѣланное предположительно съ разрѣшенія главнаго начальства г. Москвы, какъ болѣе соотвѣтствующее потребностямъ древней столицы, и что уничтоженіе водоснабженія изъ Бабьегородскаго водоподъемнаго зданія выгодно для города, какъ сокращающее издержки, не говоря уже о томъ, что не совершенно чистая москворѣцкая вода замѣнится превосходнаго качества мытищинскою водою, департаментъ и приглашенныя лица признаютъ эти измѣненія уважительными и затѣмъ составленные проекты цѣли соотвѣтствующими.

«Формулы, принятыя для опредѣленія различныхъ составныхъ частей проектныхъ сооруженій, примѣнены правильно, а вычисленія, на основаніи оныхъ сдѣланныя, правильны.

«Расположеніе составныхъ частей сооруженій и распредѣленіе работъ сдѣланы совершенно основательно и правильно. Детали всѣхъ сооруженій исполнены вполнѣ отчетливо и признаются, равно какъ и всѣ сооруженія въ искусственномъ отношеніи, совершенно одобрительными, за исключеніемъ украшеній при трехъ фонтанахъ на площадяхъ: Угольной, Тріумфальной и Покровской, которыя, по мнѣнію департамента и приглашенныхъ лицъ, не соотвѣтствуютъ мѣстности, занимаемой фонтанами внутри города, стоятъ дорого, отъ издержки въ 12 т. руб. потребной для гранитныхъ скалъ, составляющихъ подножіе этихъ украшеній, и которыя департаментъ и приглашенныя лица положили замѣнить другими, болѣе приличными мѣстности, красивѣйшими и менѣе стоющими.

«За исключеніемъ этого маловажнаго замѣчанія насчетъ наружныхъ украшеній, проектные чертежи составлены отлично и весь проектъ соображенъ вполнѣ правильно и основательно, а потому департаментъ и приглашенныя лица считаютъ обязанностію свидѣтельствовать передъ Вашимъ Сіятельствомъ объ основательности соображеній, служившихъ основаніемъ составленію проекта преобразованія Мытищинскаго водопровода для снабженія въ изобиліи хорошаго качества водою столичнаго города Москвы, равномѣрно и объ отличномъ, отчетливомъ и во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ удовлетворительномъ исполненіи подробностей этого важнаго проекта, начертаніе котораго по роду работъ, входящихъ въ составъ онаго, требовало обширныхъ теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній и познаній въ инженерной наукѣ.

«Департаментъ и приглашенныя лица честь имѣютъ представить заключеніе свое по этому предмету на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства,

почтительнѣйше докладывая, что къ передѣлкѣ чертежей фонтановъ на площадяхъ Угольной, Тріумфальной и Покровской и къ повѣркѣ смѣтъ на работы по 1, 3 и 4 частямъ проекта преобразованія Мытищинскаго водопровода, согласно одобренныхъ проектныхъ чертежей, на которыхъ сдѣлано установленное засвидѣтельствованіе, вмѣстѣ съ симъ приступлено, и что по окончаніи повѣрки документы эти будутъ представлены вмѣстѣ съ передѣланными чертежами 3-хъ фонтановъ Вашему Сіятельству при особомъ докладѣ. Подлинный подписали: Директоръ инженеръ-генералъ Дестремъ, генералъ-лейтенантъ Рербергъ, вице-директоръ генералъ-маіоръ Кроль, генералъ-маіоръ Ренненкампфъ, генералъ-маіоръ Загоскинъ, статскій совѣтникъ Желязевичъ, полковникъ Гергардъ, полковникъ Серебряковъ, полковникъ Палибинъ, начальникъ отдѣленія подполковникъ Крейслеръ, исправляющій должность архитектора титулярный совѣтникъ Маевскій, столоначальникъ капитанъ Исаковъ и помощникъ столоначальника штабсъ-капитанъ Кашкаровъ».

Послѣ смерти въ1847 г. дяди моего князя А. А. Волконскаго, вдова его Софья Васильевна поселилась въ Бородинскомъ монастырѣ, въ которомъ были похоронены ея мужъ и послѣдній ихъ сынъ. Она не намѣрена была постригаться въ монахини, а купила въ монастырѣ домикъ, въ которомъ полагала окончить свою жизнь. Послѣ смерти игуменьи этого монастыря, извѣстной Маргариты Михайловны Тучковой, которой мужъ былъ убитъ въ Бородинскомъ сраженіи, Московскій митрополитъ Филаретъ въ сентябрѣ 1852 г. вызвалъ княгиню Волконскую въ Москву и объявилъ ей свое желаніе назначить ее игуменьею. Волконская заявила митрополиту, что она никогда не полагала быть не только игуменьею, но и монахинею. Несмотря на это, митрополитъ приказалъ ей немедля говѣть съ тѣмъ, чтобы причаститься въ его крестовой церкви, а между тѣмъ во время говѣнія бывать у него.

Волконская увѣряла митрополита, что не можетъ сдержать обѣта монахинь относительно забытія всего мірского, а именно, она всегда будетъ помнить своего покойнаго мужа и попрежнему любить какъ своихъ, такъ и его родственниковъ. Митрополитъ отвѣчалъ, что она будетъ исполнять все требуемое «по возможности», и такъ успѣлъ подѣйствовать въ одну недѣлю на эту женщину съ сильнымъ характеромъ, что постригъ ее въ субботу въ монахини, а въ воскресенье посвятилъ въ игуменьи.

Митрополитъ, вручая теткѣ моей посохъ, сказалъ рѣчь по обыкновенію такъ тихо, что ее никто не слыхалъ. Зная, что монахини въ первые дни послѣ постриженія не должны ни съ кѣмъ говорить, я хотѣлъ уѣхать, но тетка моя прислала меня просить подойти къ ней и сказала мнѣ съ неудовольствіемъ: «Ты хотя и близко стоялъ, но вѣрно не слыхалъ того, что мнѣ сказалъ митрополитъ; онъ училъ меня не гордиться; чѣмъ же гордиться послѣ того, что они меня всю оборвали».

Передъ отъѣздомъ въ монастырь она сказала митрополиту, что по болѣзненному состоянію не можетъ кланяться ему въ ноги, какъ дѣлаютъ

другія игуменьи, потому что если бы она поклонилась ему до земли, то не могла бы встать, и ему пришлось бы ее поднимать.

Предшественница ея, Маргарита Тучкова, была женщина свѣтская, въ монастырѣ не было никакого порядка. Монахини уходили, куда и когда хотѣли, а въ ея собственной кельѣ допускались музыка, свѣтскія пѣсни и танцы. Съ другой стороны Тучкова имѣла значеніе при Высочайшемъ дворѣ и умѣла собирать большія подаянія для монастыря; она была воспріемницею при міропомазаніи Великихъ Княгинь Маріи Александровны (впослѣдствіи Императрицы) и Александры Іосифовны. Между разными подаяніями на монастырь она получила отъ одного Пономарева 15 т. р.

Волконская, по посвященіи игуменья Сергія, и въ свѣтскомъ быту удалялась отъ свѣта, а болѣе молилась; по посвященіи же своемъ, она совершенно предалась богомолью и управленію своимъ монастыремъ.

Упросивъ митрополита, чтобы онъ ее не назначалъ для тѣхъ придворныхъ торжествъ, въ которыхъ участвовала ея предшественница, она строго требовала отъ монахинь своего монастыря исполненія принятыхъ ими на себя обязанностей и не позволяла имъ безъ особаго разрѣшенія выходить за ограду монастыря. Конечно, пѣніе свѣтскихъ пѣсенъ и пляски прекратились.

Монахини были очень недовольны, жаловались епархіальному начальству и до 50 изъ 200 монахинь перешли въ другіе монастыри; доходило до того, что били стекла въ кельѣ игуменьи. Недолго митрополитъ относился къ ней милостиво. Вѣроятно, наущенный своими приближенными, которымъ игуменья Сергія не кланялась и не дѣлала подарковъ, онъ, призвавъ ее въ Москву, выговаривалъ за ея слишкомъ строгія отъ монахинь требованія. Она отвѣчала, что требуетъ только положенное по монастырскому уставу. На замѣчанія митрополита, что этотъ уставъ писанъ за нѣсколько сотъ лѣтъ и что теперь трудно его примѣнять, она отвѣчала, что пока не будетъ измѣненъ этотъ уставъ подлежащею властію, она будетъ требовать строгаго его исполненія, и что не желающія исполнять устава могутъ выйти изъ монастыря.

Филаретъ, какъ большой деспотъ, не могъ быть доволенъ ея возраженіями. Онъ посвятилъ ее въ игуменьи, вѣроятно, не зная самостоятельности ея характера и полагая, что она, какъ княгиня Волконская, урожденная княжна Урусова, имѣетъ большія связи и богата, а слѣдовательно можетъ употребить много денегъ на монастырь.

Митрополитъ, узнавъ ее короче, вѣроятно, сознялъ, что онъ впалъ въ ошибку. Состояніе ея было весьма незначительно. Она его употребила на монастырь и въ особенности на построеніе храма при монастырѣ, начатаго ея предшественницей, но когда ея капиталъ оказался недостаточнымъ для окончанія постройки храма, она обратилась за помощью къ митрополиту, такъ какъ считала выманиваніе подаяній у свѣтскихъ людей неприличнымъ. Митрополитъ приказалъ ей поѣхать къ вышеупомянутому Пономареву и на ея замѣчаніе, что трудно просить человѣка, сдѣлавшаго уже

столь большое пожертвованіе, о новомъ пожертвованіи, онъ требовалъ отъ нея этой поѣздки, какъ послушанія, и приказалъ не медля явиться къ нему съ донесеніемъ о результатѣ, увѣряя, что онъ будетъ удаченъ. Пономаревъ далъ полуимперіалъ, и когда митрополитъ, по пріѣздѣ къ нему игуменьи, спросилъ о результатѣ, она раскрыла ладонь руки и показала лежавшую въ ней монету.

Митрополитъ сказалъ тогда: «Всякое даяніе благо».

Всѣ игуменьи, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ нахожденія въ этомъ санѣ, обыкновенно получаютъ наперсные кресты, но моя тетка, пробывъ въ Бородинскомъ монастырѣ съ 1852 по 1871 г., не была ничѣмъ награждена, что доказывало явное къ ней нерасположеніе митрополита, или по крайней мѣрѣ его приближенныхъ. Монахини же, оставшіяся въ монастырѣ, во дворѣ котораго она развела садъ и цвѣтники и который она содержала съ изяществомъ и въ чрезвычайной чистотѣ, свыклись съ ея строгими требованіями и были ею довольны. Зная хорошо музыку и прекрасно читая, она довела пѣніе на клиросахъ и чтеніе во время Божественной службы до совершенства.

Потерявъ жившую съ нею мать, княгиню А. И. Урусову, она думала окончить жизнь свою въ Бородинскомъ монастырѣ, но въ 1871 г., совершенно неожиданно, была переведена игуменьею въ Московскій Вознесенскій монастырь. Это, конечно, было повышеніе, такъ какъ Вознесенскій монастырь считается едва ли не первымъ между женскими монастырями, но она, не желая этой перемѣны, просила оставить ее на мѣстѣ, въ чемъ, однако, ей было отказано.

Испытавъ всѣ трудности, сопряженныя съ постановкою женскаго монастыря въ надлежащій порядокъ, игуменья Сергія, по болѣзненному своему положенію, не вводила уже въ Вознесенскомъ монастырѣ тѣхъ строгостей, которымъ подчинила монахинь прежде управляемаго ею монастыря, а ограничилась уничтоженіемъ въ немъ грязи и доведеніемъ его до замѣчательной чистоты, а также введеніемъ отличнаго пѣнія и чтенія во время Божественной службы.

Монахини Вознесенскаго монастыря были ею довольны, но такъ какъ въ монастыряхъ всегда бездна интригъ, то, благодаря имъ, ее и здѣсь продолжали преслѣдовать и въ особенности викарный Московской митрополіи, Алексѣй, имѣвшій большое значеніе при новомъ митрополитѣ Иннокентіи, что тѣмъ удивительнѣе, что Алексѣй былъ человѣкъ весьма умный.

Про мою тетку распускали нелѣпый слухъ, что она пьянствуетъ.

Мнѣ казалось, однако, что она сама была въ нѣкоторой степени причиною нерасположенія къ ней епархіальнаго начальства.

Въ Москвѣ семь женскихъ монастырей. Игуменьи прочихъ Московскихъ монастырей, по ея назначеніи въ Вознесенскій монастырь, были у нея, не ожидая ея пріѣзда къ нимъ. Она, не желая съ ними знакомиться и ссылаясь на слабость здоровья, послала къ нимъ свою казначейшу съ просфорами; онѣ же выдумали, что она не по болѣзни, а по охотѣ къ вину не

выѣзжаетъ, и, конечно, наговорили на нее преосвященному Алексѣю, который, вѣроятно, между ними имѣлъ такихъ, которымъ привыкъ довѣрять. Сверхъ того, онъ привыкъ къ низкимъ поклонамъ и лести, расточаемымъ передъ нимъ прочими игуменьями, а отношеніями къ нему игуменьи Сергіи могъ быть недоволенъ. Конечно, ему передавали и ея неудовольствіе противъ него, которое она при всѣхъ заявляла не съ смиреніемъ, а довольно рѣзко.

Вообще, какъ женщина умная, образованная и самостоятельная, она не походила на другихъ монахинь. Кажется, въ послѣднее время преслѣдованія прекратились и жизнь ея сдѣлалась покойнѣе. Она съ 1862 г. довольно часто переписывалась съ моею женою. Прежде онѣ были мало знакомы, но посредствомъ переписки познакомились и полюбили другъ друга. Меня же она всегда очень любила, какъ фаворита ея покойнаго мужа.

Въ ноябрѣ и декабрѣ 1852 г., которые я провелъ въ Петербургѣ, я жилъ у И. Н. Колесова на Бассейной улицѣ въ домѣ Кирѣева и бывалъ въ въ тѣхъ же домахъ, которые посѣщалъ въ послѣдніе четыре года моей жизни въ Петербургѣ, а всего чаще бывалъ у Клейнмихеля, Баландина, Комарова и Анрепа. Въ декабрѣ я услыхалъ отъ послѣдняго, что по возникшимъ вопросамъ о перестройкахъ въ Іерусалимскомъ храмѣ Государь посылаетъ адмирала князя А. С. Меньшикова въ Константинополь, что объ этомъ посольствѣ велѣно не разглашать и что когда одинъ изъ приближенныхъ Государя сказалъ, что это посольство не есть ли преддверіе войны, Государь ему отвѣчалъ, что онъ рѣшительно не хочетъ войны, а кто думаетъ иначе, то ему не другъ и не можетъ оставаться приближеннымъ. Анрепъ просилъ меня не говорить объ этомъ никому, такъ какъ онъ, конечно, желаетъ оставаться генералъ-адъютантомъ и полагаетъ, что если Государь не желаетъ войны, то и не будетъ.

Меньшиковъ по дорогѣ въ Константинополь проѣхалъ черезъ Москву въ то время, когда я уже вернулся въ этотъ городъ. Я его видѣлъ у Закревскаго, съ которымъ онъ до сего времени былъ не въ ладахъ. Причину ихъ непріязни разсказывали мнѣ слѣдующимъ образомъ.

По возвращеніи Закревскаго въ 1830 г. въ Петербургъ изъ внутреннихъ губерній Россіи, которыя онъ объѣзжалъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, по случаю посѣтившей ихъ холеры, Государь былъ имъ недоволенъ, и Закревскій рѣшился просить объ увольненіи, но предварительно посовѣтывался со своимъ другомъ Меньшиковымъ, просить ли только объ увольненіи отъ должности министра, или вовсе отъ службы, т.-е., и отъ званія финляндскаго генералъ-губернатора, по которому Закревскій получалъ значительное содержаніе.

Меньшиковъ насовѣтывалъ ему выказать вполнѣ свое неудовольствіе подачею просьбы о полной отставкѣ, увѣряя, что Закревскій произведетъ этимъ эффектъ. По полученіи этой просьбы Закревскаго, онъ былъ уволенъ въ чистую отставку, а Меньшиковъ назначенъ на его мѣсто финляндскимъ генералъ-губернаторомъ съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ. Мень-

шиковъ былъ очень богатъ, занималъ мѣсто высшее, чѣмъ мѣсто финляндскаго генералъ-губернатора, а все же надулъ Закревскаго.

Въ декабрѣ коммерческій агентъ желѣзной дороги между двумя столицами Харичковъ нашелъ нужнымъ имѣть въ Москвѣ помощника, и на это мѣсто поступилъ къ нему инженеръ путей сообщенія полковникъ Полонскій.

Полонскій былъ въ это время вице-директоромъ департамента искусственныхъ дѣлъ главнаго управленія путей сообщенія и для поступленія къ Харичкову вышелъ въ отставку генералъ-маіоромъ. Это былъ первый случай, чтобы лица довольно высокопоставленныя на государственной службѣ мѣняли ее на частную.

Всѣ тогда удивились этому, но Полонскій, обремененный большимъ семействомъ, предпочелъ хорошее содержаніе въ частной службѣ. По окончаніи же 12-лѣтняго срока агентства Харичкова, онъ снова поступилъ въ вѣдомство путей сообщенія прежнимъ чиномъ полковника.

Клейнмихель, слыша отъ Я. И. Ростовцева постоянныя похвалы правителю дѣлъ учебнаго комитета, полковнику Баландину, и видя хорошо составленные и аккуратно переписанные журналы этого комитета, вздумалъ назначить Баландина вице-директоромъ упомянутаго департамента, для чего и послалъ къ нему курьера съ приказаніемъ явиться вечеромъ.

Баландинъ увѣрялъ курьера, что это ошибка, что Клейнмихель не могъ прислать за нимъ, а вѣрно прислалъ за Таубе, съ которымъ Баландинъ жилъ въ это время. Курьеръ настаивалъ на своемъ, и Баландинъ, никогда не надѣвавшій мундира, принужденъ былъ въ него облечься.

По входѣ Баландина въ кабинетъ Клейнмихеля, послѣдній ему сказалъ, что онъ назначаетъ его вице-директоромъ департамента искусственныхъ дѣлъ. Баландинъ отвѣчалъ, что чувствуетъ себя неспособнымъ къ этой должности. Клейнмихель возразилъ, что это пустяки, что онъ знаетъ, что Баландинъ хорошо владѣетъ перомъ, чему служатъ доказательствомъ журналы учебнаго комитета. На отвѣтъ Баландина, что эти журналы онъ составляетъ самъ, а что онъ никогда не имѣлъ ни одного подчиненнаго, и потому не сумѣетъ заставить работать чиновниковъ и писцовъ департамента, Клейнмихель сказалъ, что онъ выучитъ Баландина быть начальникомъ и требовать должнаго отъ подчиненныхъ, и что толковать объ этомъ нечего, такъ какъ его воля, чтобы Баландинъ былъ вице-директоромъ, и онъ будетъ назначенъ на другой же день.

Баландинъ съ отчаянія не зналъ, что дѣлать. Его цѣлію было дослужиться въ званіи профессора Института инженеровъ путей сообщенія до полной пенсіи, которая давалась служащимъ по учебной части послѣ 25-лѣтней службы, тогда какъ въ другихъ родахъ службы до полной пенсіи слѣдовало служить 35 лѣтъ, не говоря уже о могущихъ возникнуть неудовольствіяхъ, которыя заставятъ оставить ее прежде этого срока.

Баландинъ бросился къ Я. И. Ростовцеву въ надеждѣ найти въ немъ защитника, но онъ былъ у Наслѣдника.

Баландинъ прождалъ его до часу ночи. Ростовцевъ обѣщался утромъ быть у Клейнмихеля и упросить его не назначать Баландина вице-директоромъ, что и исполнилъ, заставъ Клейнмихеля передъ самымъ его отъѣздомъ къ Государю. Хотя Клейнмихель отказалъ въ просьбѣ Ростовцеву, но тѣмъ не менѣе, вернувшись отъ Государя, не сдавалъ въ канцелярію заготовленнаго доклада о назначеніи Баландина вице-директоромъ, о чемъ болѣе не было и рѣчи; но въ продолженіе остального времени управленія Клейнмихеля путями сообщенія Баландинъ не получалъ болѣе никакой награды.

Узнавъ, что Клейнмихель отыскиваетъ инженера для назначенія вице-директоромъ, я просилъ его назначить меня, такъ какъ и содержаніе вице-директора было болѣе мною получаемаго, и я надѣялся въ этой должности скорѣе подвинуться впередъ. Клейнмихель мнѣ отказалъ наотрѣзъ. Когда я на это жаловался Анрепу, то онъ находилъ, что Клейнмихель правъ, потому что меня слѣдовало употреблять на дѣйствительную службу, а не на бумагомараніе. Анрепъ всегда сожалѣлъ о томъ, что я поступилъ въ инженеры путей сообщенія, полагая, что изъ меня вышелъ бы превосходный военачальникъ.

Клейнмихель не объяснилъ причины своего отказа. Не знаю, опасался ли онъ при этомъ назначеніи напомнить обо мнѣ Государю по недавности гнѣва Государя на меня по дѣлу Вонлярлярскаго, желалъ ли онъ, чтобы я не находился въ Петербургѣ, или дѣйствительно находилъ, что я могу быть полезнѣе начальникомъ водопроводовъ, чѣмъ вице-директоромъ.

Въ декабрѣ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Одессы генералъ-адъютантъ Лидерсъ, командиръ 5-го пѣхотнаго корпуса, въ штабѣ котораго служилъ братъ мой Николай. Государь въ 1852 г. въ первый разъ послѣ венгерской войны осматривалъ войска этого корпуса и, найдя ихъ во всѣхъ отношеніяхъ въ отличномъ состояніи, въ особенности удивлялся ихъ превосходному фронтовому образованію. Анрепъ отвѣчалъ, что онъ этимъ обязанъ дивизіоннымъ, бригаднымъ и полковымъ командирамъ, каждому по командуемой имъ части, и вообще по корпусу чинамъ своего штаба и въ особенности превосходно знающему фронтовую часть генеральнаго штаба подполковнику барону Дельвигу.

Государь пожелалъ видѣть брата; поблагодаривъ его за службу, спросилъ Анрепа, какое онъ полагаетъ дать направленіе службѣ брата. Лидерсъ просилъ о производствѣ брата въ полковники, съ тѣмъ, чтобы предоставить ему первое вакантное мѣсто полкового командира. Государь одобрилъ это, сказавъ, что онъ находитъ необходимымъ, чтобы офицеры генеральнаго штаба знакомились съ дѣйствительностью, къ чему они и могутъ пріучиться, только командуя отдѣльными частями, а представленіе брата къ чину приказалъ внести въ общее представленіе по 5 корпусу. При разборѣ этого представленія въ военномъ министерствѣ, нашли производство брата невозможнымъ по недавнему нахожденію его въ чинѣ подполковника, въ который онъ былъ произведенъ за венгерскую войну.

Лидерсъ изо всѣхъ силъ добивался производства брата, говоря, что если братъ не будетъ произведенъ, то его жена выцарапаетъ Лидерсу глаза! Такъ моя невѣстка успѣла частію кокетничаньемъ, а частію нахальствомъ и капризами держать всѣхъ въ 5 корпусѣ въ страхѣ, начиная съ его командира. Лидерсъ добился, что брата произвели въ полковники, но не въ генеральный штабъ, а въ Житомирскій пѣхотный полкъ. Это не избавило Лидерса отъ упрековъ моей невѣстки. Она была очень недовольна тѣмъ, что братъ долженъ былъ перемѣнить мундиръ, который она считала наиболѣе важнымъ въ арміи, на простой армейскій; братъ и по назначеніи въ Житомирскій полкъ не оставлялъ Одессы.

Я уже говорилъ, что предположенія мои по преобразованію Мытищинскаго водопровода и проектъ 2-ой части этого преобразованія были одобрены департаментомъ проектовъ и смѣтъ въ докладѣ Клейнмихелю отъ 22 ноября 1852 года. Мнѣ не оставалось болѣе ничего дѣлать въ Петербургѣ, между тѣмъ въ Москвѣ слѣдовало заняться распоряженіями къ производству торговъ на работы по 2-ой части проекта преобразованія водопровода и составленіемъ проектовъ и смѣтъ по другимъ тремъ частямъ этого проекта.

Сверхъ того, жена моя писала ко мнѣ, что она часто болѣетъ и что нанятую нами квартиру, оказавшуюся холодною, необходимо перемѣнить. Я весь декабрь просилъ о дозволеніи мнѣ ѣхать въ Москву, но Клейнмихель мнѣ постоянно приказывалъ оставаться. Наконецъ, когда я пріѣзжалъ къ нему по утрамъ, онъ меня не принималъ, а на вечерахъ у его жены видимо избѣгалъ разговора со мною глазъ-на-глазъ.

Наконецъ 30-го декабря я рѣшился ожидать въ залѣ Клейнмихеля его прохода черезъ залу. Когда я пріѣхалъ къ нему, его дѣйствительно не было дома; я остался въ залѣ ожидать его. По возвращеніи Клейнмихеля, ему въ передней сказали,что я его жду. Онъ съ досадою громко сказалъ, что ему и въ его домѣ не даютъ покою, и не войдя въ залу, пошелъ въ свой кабинетъ черезъ дворъ. Наконецъ онъ прислалъ мнѣ сказать, что проситъ меня въ этотъ день у него обѣдать. Пріѣхавъ къ обѣду, я тотчасъ же просилъ Клейнмихеля, по выше приведеннымъ причинамъ, отпустить меня, на что получивъ его согласіе, пріѣхалъ въ Москву 1-го января 1853 г. Кстати здѣсь скажу, что такъ какъ я не получалъ предписанія на пріѣздъ въ Петербургъ для представленія проектовъ по водопроводамъ, то не получалъ и прогонныхъ денегъ на эти поѣздки и суточныхъ во время пребыванія моего въ Петербургѣ, которое стоило мнѣ довольно дорого, особливо когда я останавливался у Колесова. Впослѣдствіи я часто по служебнымъ дѣламъ ѣздилъ въ Петербургъ и всегда на свой счетъ, что для моего кармана было очень тягостно.

Въ Москвѣ я засталъ жену мою во вновь нанятомъ ею домѣ Сабурова въ Денежномъ переулкѣ. По причинѣ беременности она была въ болѣзненномъ состояніи. Докторомъ ея былъ акушеръ Кохъ. Беременность кончилась преждевременными родами мертваго младенца. Кохъ, начинавшій

тогда входить въ славу, казалось мнѣ, не очень былъ доволенъ моею платою за визиты, сколько помню по 3 рубля, а потому, по совѣту А. И. Нарышкина, мы взяли годовымъ докторомъ Постникова, который хотя и прилагалъ полное стараніе, но не понялъ болѣзни жены, и мы вскорѣ его замѣнили профессоромъ Александромъ Петровичемъ Поповымъ, впослѣдствіи женившимся на вдовѣ доктора Овера, Аннѣ Сергѣевнѣ, урожденной Цуриковой.

Поповъ былъ человѣкъ весьма искусный и чрезвычайно внимательный къ болѣзни жены. Она, при его помощи, чувствовала себя въ Москвѣ вообще лучше, чѣмъ въ Петербургѣ.

Кругъ моего знакомства въ Москвѣ остался тѣмъ же. Изъ выбывшихъ назову умершаго М. Ѳ. Орлова, А. С. Цурикова и князя П. Н. Максутова, переѣхавшихъ жить въ свои деревни. Жена моя была очень рада переселенію въ Москву, гдѣ она нашла прежнихъ своихъ пріятельницъ: Е. И. Вельяминову-Зернову, живущую съ своею двоюродною сестрою А. Ѳ. Кологривовою, двухъ сестеръ В. П. Лугинину и Е. П. Полуденскую, двухъ сестеръ А. С. и Е. С. Шеншиныхъ, А. Н. Шубину, Н. Д. Танѣеву и другихъ. Всѣ онѣ часто бывали у моей жены, и я радъ былъ, что она вышла изъ того одиночества, въ которомъ находилась въ Петербургѣ. Нѣкоторыя зимы проводила въ Москвѣ со своимъ семействомъ сестра моей жены, графиня А. Н. Толстая, но я продолжалъ не видаться съ ея мужемъ. Братья жены моей Валерій и Николай Левашовы также часто бывали въ Москвѣ.

Почти каждый день посѣщалъ насъ старый мой другъ А. И. Нарышкинъ. Я уже разсказывалъ, какъ онъ сильно любилъ меня и жену мою. Онъ жилъ близко о ъ насъ; мы часто видѣлись и съ его женою, урожденною Цуриковою, умною, но сварливою женщиною, и съ его милыми дѣтьми. Нарышкинъ, котораго состояніе было вполнѣ разстроено винокуреннымъ заводомъ, выстроеннымъ имъ по совѣту его свояка С. В. Абазы, находился въ самомъ критическомъ положеніи и вся его жизнь зависѣла отъ жалованья, какое онъ получалъ въ конторѣ Московскихъ откуповъ. Я не знаю чѣмъ его занимали на этой службѣ. У насъ же его приходъ былъ привѣтствуемъ даже маленькой собачкой жены «Лигіей», которая, задолго до пріѣзда Нарышкина, слышала шумъ его дрожекъ, бросалась на него и по входѣ его чрезвычайно ласкалась.

Въ то время винные откупщики давали всѣмъ взятки, и отъ Нарышкина я узналъ, что есть статья расхода на выдачу денегъ за полученіе воды изъ городскихъ фонтановъ. Я старался прослѣдить, кому и за что даютъ эти деньги. Оказалось, что по случаю значительнаго накопленія, въ особенности въ весеннее время, бочекъ около фонтановъ, онѣ должны были весьма долго ожидать очереди для полученія воды, а такъ какъ она требовалась для разсиропливанія вина въ огромномъ количествѣ, то бочкамъ виннаго откупа былъ отведенъ на Никольскомъ фонтанѣ особый кранъ, которымъ они пользовались преимущественно передъ другими.

Отмѣнивъ это распоряженіе, я указалъ, что въ ночное время при фон-

танахъ менѣе скопляется бочекъ, и потому откупъ можетъ пользоваться этимъ временемъ; очередь же въ полученіи воды не должна быть нарушаема. Этимъ распоряженіемъ были очень недовольны и распорядители откупа и нижніе чины, состоявшіе при водопроводѣ. Относительно же того, участвовалъ ли завѣдующій существовавшимъ тогда водопроводомъ инженеръ штабсъ-капитанъ Загоскинъ въ полученіи денегъ отъ откупа, я не могъ дознаться по необходимости скрывать, что я о выдачѣ этихъ денегъ получилъ свѣдѣніе отъ Нарышкина, чтобы не лишить его занимаемой имъ должности въ откупѣ и затѣмъ послѣдняго средства къ существованію.

Наиболѣе замѣчательными лицами, съ которыми я часто видѣлся въ Москвѣ, были П. Я. Чаадаевъ и графъ А. А. Закревскій. У перваго собиралось въ его маленькомъ флигелѣ на Новой Басманной, въ домѣ Шульца, бывшемъ тестя моего Левашова, каждую недѣлю одинъ разъ большое общество изъ наиболѣе замѣчательныхъ москвичей: А. С. Хомякова, братьевъ Киреевскихъ, Аксаковыхъ и многихъ другихъ и изъ лицъ, проѣзжавшихъ черезъ Москву, въ томъ числѣ многихъ высокопоставленныхъ въ служебной іерархіи. Собранія у него были по понедѣльникамъ не по вечерамъ, какъ прежде, а между 2-мя и 5-ю часами пополудни.

Флигель, который онъ занималъ, очень обветшалъ; его нельзя было исправить, потому что Чаадаевъ по своимъ привычкамъ не въ состояніи былъ переѣхать хотя на нѣсколько дней въ другую квартиру, а передѣлки при немъ были невозможны, такъ какъ комнатъ было мало и каждая имѣла свое назначеніе; перемѣнить же свой родъ жизни хотя бы на одинъ день Чаадаевъ не могъ. Видя, что скоро будетъ опасно жить въ его флигелѣ, онъ обращался ко мнѣ со словами: «En qualité d'ami et d'ingénieur, vous devriez me conseiller le moyen de déménager». Но этотъ совѣтъ не былъ бы выполненъ, а потому давать его было безполезно. Я просто въ его отсутствіе для лѣтнихъ прогулокъ приказалъ передѣлать печи, такъ чтобы онъ этого не замѣчалъ.

Я уже упоминалъ о томъ, что я очень понравился графу А. А. Закревскому и что я часто бывалъ у него и въ городѣ и въ его селѣ Ивановскомъ. Конечно, здѣсь не мѣсто писать его біографію, и я для этого не имѣю достаточно данныхъ, но считаю необходимостью познакомить читателя съ этою замѣчательною личностью, насколько она мнѣ извѣстна изъ моихъ собственныхъ наблюденій и изъ разсказовъ самого Закревскаго и другихъ лицъ. Теперь я не могу различить, отъ кого что именно слышалъ, а потому если что-либо будетъ неправильно въ моемъ повѣствованіи, то это, конечно, надо приписать къ разсказамъ не Закревскаго, а постороннихъ лицъ.

Закревскій былъ сынъ бѣднаго дворянина. Онъ учился на мѣдныя деньги, отчего на всю жизнь остался безграмотнымъ и поступилъ въ военную службу. Въ финляндскую войну 1809 г. онъ былъ адъютантомъ знаменитаго тогда молодого генерала графа Николая Михайловича Каменскаго, который взялъ его въ адъютанты, вѣроятно, для завѣдыванія своими домашними дѣлами, какъ это въ то время было въ обычаѣ.

Закревскій оставался при Каменскомъ по назначеніи послѣдняго главнокомандующимъ войсками противъ Турціи и обѣдалъ съ нимъ за однимъ столомъ въ тотъ день, когда Каменскій былъ отравленъ. Каменскій успѣлъ однако же передъ смертію написать о Закревскомъ военному министру Барклаю де-Толли.

Потерявъ своего покровителя, Закревскій выхлопоталъ себѣ въ Петербургѣ мѣсто городничаго въ какой-то небольшой городокъ, куда и отправился въ телѣгѣ. По дорогѣ къ мѣсту назначенія, онъ потерялъ свой чемоданъ, въ которомъ заключалось все его имущество. Для людей, знавшихъ чрезмѣрную аккуратность и заботливость Закревскаго, эта потеря кажется невѣроятною.

Закревскій рѣшился вернуться въ Петербургъ, гдѣ и просилъ военнаго министра о пособіи по случаю потери имущества. Въ это время происходила извѣстная ссылка Сперанскаго, съ которою связано было и удаленіе Воейкова, завѣдывавшаго походною канцеляріею Императора Александра I, состоявшею тогда подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ военнаго министра. Доклады военнаго министра о назначеніи преемника Воейкову и о пособіи Закревскому были представлены въ одинъ день.

Государь, вспомнивъ о рекомендаціи Каменскимъ Закревскаго, сказалъ Барклаю, что можно было бы назначить Закревскаго на мѣсто Воейкова, что и было исполнено. Барклай не могъ не оцѣнить необыкновенной аккуратности и дѣятельности Закревскаго, который послѣдовалъ за нимъ, когда онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ арміею противъ вторгшагося въ Россію Наполеона.

По удаленіи послѣ Бородинскаго сраженія Барклая изъ арміи, Закревскій остался ему вѣренъ и вызвался проводить его въ Лифляндію. По дорогѣ онъ неоднократно спасалъ Барклая отъ ярости черни, которая почитала послѣдняго измѣнникомъ, причинившимъ всѣ тогдашнія бѣдствія Россіи.

Закревскій разсказывалъ, что при этихъ усмиреніяхъ бушующей толпы ему очень помогала крупная брань, сопровождавшаяся такъ называемыми крупными словами. Въ саду с. Ивановскаго Закревскимъ поставлены памятники Каменскому и Барклаю съ надписью на первомъ изъ нихъ: «Первому моему благодѣтелю».

По назначеніи въ 1813 году Барклая снова главнокомандующимъ арміею послѣ смерти Кутузова, онъ не забылъ преданности, выказанной ему Закревскимъ, и вскорѣ произвелъ его въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ дежурнымъ генераломъ арміи и съ званіемъ генералъ-адъютанта, которое давалось тогда весьма рѣдко, такъ что генералъ-адъютантовъ было всего девять человѣкъ.

По возвращеніи нашихъ армій въ Россію, Закревскій былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ главнаго штаба Его Величества. Въ этой должности онъ привелъ дѣла по инспекторскому департаменту въ неслыханный до того времени порядокъ. Онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что принадлежалъ

къ весьма незначительному числу людей, которые не поклонялись предъ всемогущимъ временщикомъ Аракчеевымъ.

Императоръ Александръ I самъ заботился о его женитьбѣ на графинѣ Толстой, единственной наслѣдницѣ весьма значительнаго имѣнія, и сверхъ упомянутой должности, назначилъ его Финляндскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ; этому мѣсту присвоено значительное содержаніе.

Императоръ Николай I назначилъ его министромъ внутреннихъ дѣлъ съ оставленіемъ финляндскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Я уже говорилъ о томъ, какъ въ 1830 г. онъ оставилъ службу. До 1848 г. онъ занимался управленіемъ значительныхъ имѣній своей жены, но держалъ себя постоянно какъ равный со всѣми высшими сановниками: графами Орловымъ, Клейнмихелемъ и т. п. Я былъ неоднократно свидѣтелемъ, что онъ въ статскомъ сюртукѣ входилъ въ кабинетъ Клейнмихеля безъ доклада.

Замужество его единственной дочери за сына канцлера графа Нессельроде поставило его вновь въ сношеніе съ императоромъ Николаемъ I, и съ того времени поговаривали о вступленіи Закревскаго на службу. Въ 1848 г., при началѣ холеры въ Москвѣ, боялись въ ней безпорядковъ; находя необъходимымъ имѣть начальникомъ столицы человѣка строгаго и распорядительнаго, назначили Закревскаго Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, съ возвращеніемъ ему званія генералъ-адъютанта.

Закревскій съ самаго появленія своего въ Москвѣ началъ деспотически обращаться со многими, произвольно налагалъ на богатыхъ купцовъ денежныя требованія на общеполезные предметы, удалялъ изъ Москвы безъ суда всякаго рода плутовъ, вмѣшивался въ семейныя дѣла для примиренія мужей съ женами и родителей съ дѣтьми. Онъ принималъ два раза въ недѣлю просителей и разбиралъ споры приходившихъ съ жалобами; таковыхъ было всегда множество, и если кто изъ означенныхъ лицъ оказывался, по его мнѣнію, виноватымъ, онъ обращался къ Ѳомину, бывшему очень долго Тверскимъ частнымъ приставомъ (отцу Ѳоминыхъ, инженеровъ путей сообщенія), восклицая особымъ тономъ: «Ѳоминъ»! при чемъ дѣлалъ особый жестъ рукою. Ѳоминъ препровождалъ указанное Закревскимъ лицо въ полицію.

Однимъ словомъ, Закревскій дѣйствовалъ, какъ хорошій помѣщикъ въ своемъ имѣніи. Жители Москвы, привыкшіе въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ къ гуманному и вѣжливому обращенію генералъ-губернаторовъ, были недовольны Закревскимъ, но по прошествіи нѣкотораго времени начали замѣчать, что въ немъ много и хорошаго. Его произвольныя распоряженія и рѣзкія выраженія большею частію относились къ людямъ безчестнымъ.

Гостепріимство же, любезныя отношенія къ большей части Московскаго общества и скорый, а въ большей части случаевъ и справедливый разборъ разныхъ споровъ и столкновеній измѣнили отношеніе къ нему Московскихъ жителей. Въ Москвѣ онъ принималъ гостей каждый вечеръ, приглашалъ многихъ къ своему обѣду, который всегда былъ хорошо из-

готовленъ; онъ давалъ большіе балы на 500 и болѣе человѣкъ и умѣлъ каждому сказать любезность.

Въ с. Ивановскомъ, гдѣ онъ жилъ лѣтомъ, часто собирались къ нему безъ приглашенія по нѣскольку десятковъ гостей. Онъ былъ всѣмъ радъ и никогда не было недостатка въ кушаньяхъ за столомъ. Въ день именинъ его жены, 23 іюня, пріѣзжало въ Ивановское болѣе ста гостей.

Вообще онъ имѣлъ многое, что принадлежитъ только людямъ знатнаго рода, и нельзя было не удивляться, какъ и гдѣ онъ безъ всякаго образованія сумѣлъ все это пріобрѣсти. Къ нему постоянно пріѣзжали гостить его прежніе адъютанты и другіе подчиненные, которые всегда вспоминали съ особымъ удовольствіемъ время, проведенное подъ его начальствомъ. Нѣкоторые изъ нихъ, сами люди богатые и въ преклонныхъ лѣтахъ, пріѣзжали изъ очень дальнихъ своихъ имѣній, чтобы провести время съ любимымъ ими прежнимъ ихъ начальникомъ.

Закревскій также былъ хорошъ и съ чиновниками особыхъ порученій и адъютантами, состоявшими при немъ, какъ при Московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ.

Москва, запущенная въ отношеніи внѣшняго благоустройства и полицейскихъ порядковъ, видимо улучшалась его стараніями. Требованія отъ богатыхъ купцовъ пожертвованій на разныя общественныя надобности были рѣдки. Извѣстно было, что пожертвовавшій получитъ орденъ, до чего большая часть купцовъ были очень падки, а не пожертвовавшій подвергнется разнаго рода преслѣдованіямъ; но эти пожертвованія, выманиваемыя такимъ непозволительнымъ образомъ, приносили пользу. Это напоминаетъ мнѣ рѣчь, читанную на 50-лѣтнемъ юбилеѣ Московской коммерческой академіи, въ совѣтѣ которой Московскіе генералъ-губернаторы были постоянно предсѣдателями.

Юбилей происходилъ послѣ увольненія Закревскаго отъ должности генералъ-губернатора, и въ рѣчи выхваляли его предмѣстниковъ и преемниковъ, а о немъ прошли молчаніемъ. Между тѣмъ изъ той же рѣчи видно было, что до Закревскаго академія не имѣла ни своего дома, ни нужныхъ учебныхъ пособій, ни ученыхъ преподавателей, по неимѣнію средствъ платить имъ. Все это академія пріобрѣла въ бытность Закревскаго генералъ-губернаторомъ, вслѣдствіе большихъ пожертвованій, часто имъ вынужденныхъ. Онъ говаривалъ, что купцы имѣютъ во всей Россіи одну академію и той не поддерживаютъ, такъ что заставляютъ его прибѣгать къ понудительнымъ мѣрамъ.

Многіе говорили, что онъ пользовался своею должностію для пріобрѣтенія незаконныхъ выгодъ; полагаю, что это неправда, такъ какъ не нахожу возможнымъ человѣку, столь высокопоставленному, дѣлать злоупотребленія изъ-за своихъ выгодъ.

Изъ разсказовъ моихъ о Клейнмихелѣ читатель уже знаетъ, какъ тогда высокопоставленныя лица обращались съ казенными деньгами, и Закревскій, конечно, не былъ выше людей своего времени, что можно видѣть изъ слѣдующаго случая.

Закревскій имѣлъ бани у Елохова черезъ р. Чечору моста. На Богоявленской площади близъ этого моста былъ построенъ бассейнъ для разбора мытищинской воды; вытекающую изъ этого бассейна излишнюю, неразбираемую воду полагалось провести въ Чечору. Всѣмъ обывателямъ, имѣвшимъ промышленныя заведенія вблизи водоразборныхъ бассейновъ, отдавалась даромъ излишняя, вытекающая изъ нихъ вода, но съ тѣмъ, чтобы они отъ бассейновъ до своихъ заведеній пролагали водопроводныя трубы на свой счетъ, черезъ что сберегались издержки города. Закревскій, согласившійся на эту мѣру при проведеніи излишней воды изъ другихъ бассейновъ въ промышленныя заведенія, не хотѣлъ давать денегъ на проведеніе излишней воды изъ Богоявленскаго бассейна въ принадлежащія ему бани, несмотря на то, что вслѣдствіе нахожденія этихъ бань на противоположномъ берегу р. Чечоры, требовалось для доведенія до нихъ излишней воды изъ бассейна проложить нѣсколько саженъ лишнихъ трубъ отъ Чечоры до бань.

Но повторяю, таково было время: высокопоставленныя лица полагали, что они не должны подчиняться тѣмъ постановленіямъ, которымъ подчинены всѣ остальные. Подобныя выходки могли быть поводомъ распространившихся слуховъ о злоупотребленіяхъ Закревскаго, но еще большимъ поводомъ служило, конечно, поведеніе его жены и дочери, графини Нессельроде, давно разъѣхавшейся съ мужемъ и жившей у своего отца, который ее чрезвычайно любилъ, хотя и зналъ, что она родилась во время связи его жены съ графомъ Армфельдомъ, впослѣдствіи статсъ-секретаремъ по дѣламъ великаго княжества Финляндскаго.

Обѣ эти женщины, въ высокой степени безнравственныя, занимали безъ отдачи деньги у кого только могли. Жена его была уже стара, а про безнравственные поступки ея дочери безпрестанно ходили новые слухи. Дочь впослѣдствіи была причиною удаленія отца отъ должности генералъ-губернатора.

Чтобы дать понятіе о тогдашнемъ значеніи въ Москвѣ генералъ-губернатора, скажу, что во время объѣздовъ Закревскаго со мною въ коляскѣ для осмотра производящихся работъ и мѣстъ, гдѣ предполагалось устроить фонтаны, окна въ большей части домовъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, наполнены были любопытствующими видѣть генералъ-губернатора.

Въ домѣ, который жена моя наняла въ Денежномъ переулкѣ, я имѣлъ кабинетъ, ничѣмъ не отдѣленный отъ коридора, по которому постоянно ходила наша прислуга, такъ что въ немъ было трудно заниматься, пока я не отдѣлилъ его отъ коридора занавѣсью; сверхъ того, онъ былъ холоденъ, такъ что въ сильные морозы я занимался въ гостиной комнатѣ.

Въ мезонинѣ дома были двѣ комнаты; въ одной помѣщалась пріѣхавшая съ нами изъ Петербурга Е. М. Гурбандтъ, а въ другой Е. Е. Радзевская. Первая очень полюбила жену мою и ревновала ее ко всѣмъ; впрочемъ, въ этомъ отношеніи она была не первая: почти всѣ любившія жену ревновали ее къ другимъ ея друзьямъ, изъ чего выходили разныя неудовольствія. Сверхъ

того, привыкнувъ при мужѣ имѣть къ своимъ услугамъ, кромѣ лакеевъ и горничныхъ, и офицеровъ командуемыхъ имъ частей, Е. М. Гурбандтъ не могла привыкнуть къ своему новому положенію.

Такимъ образомъ возвращаясь вмѣстѣ съ Е. Е. Радзевскою изъ города (такъ называется въ Москвѣ гостиный дворъ), она несла очень легонькую покупку, но находя это неприличнымъ для генеральши, требовала чтобы Е. Е. Радзевская несла эту покупку, несмотря на то, что послѣдняя была обременена покупками для насъ. Отказъ Радзевской довелъ ее до слезъ.

При полученіи увѣдомленія о назначеніи ей въ пенсію 428 р., т.-е. половины полнаго оклада пенсіи по чину ея мужа, она также расплакалась не оттого, что ей жить нечѣмъ, а отъ оскорбленія, что ей, генеральшѣ, назначили такъ мало.

Жена моя, которой доктора запретили ходить по лѣстницамъ, не бывала въ мезанинѣ; но когда Радзевская сильно заболѣла, она ее посѣтила. Это посѣщеніе такъ оскорбило Е. М. Гурбандтъ, что она, пріѣхавшая съ намѣреніемъ прожить весь вѣкъ съ нами и несмотря на наше постоянное доброе къ ней расположеніе, на другой же день безъ всякихъ сборовъ уѣхала въ Петербургъ, сказавъ, чтобы ея вещи переслали ей.

Въ апрѣлѣ скончалась Е. Е. Радзевская. Жена въ ней лишилась второй матери, а я и всѣ наши близкіе—наилучшаго друга.

На старомъ нѣмецкомъ кладбищѣ было всего одно пустое мѣсто; оно было рядомъ съ мѣстомъ, на которомъ лежитъ тѣло моего отца. Лютеранскій пасторъ, слышавшій, что Радзевская жила въ нашемъ домѣ 25 лѣтъ, хотѣлъ въ своей надгробной рѣчи упомянуть, что разлученная здѣсь съ отцомъ, котораго дочь она воспитывала, она соединилась съ нимъ послѣ смерти, но принужденъ былъ выбросить эту краснорѣчивую фразу, такъ какъ Радзевская воспитывала не дочь моего отца, а мою жену, и такъ какъ отецъ мой умеръ за 5 лѣтъ до дня рожденія послѣдней.

Со смертію Радзевской хозяйственныя заботы по нашему дому перешли къ женѣ моей. При нашемъ постоянномъ безденежьѣ онѣ были не легки но жена моя вела домъ съ большимъ благоразуміемъ.

Наши двѣ комнаты въ мезанинѣ недолго оставались пустыми. Ихъ вскорѣ заняла А. С. Иванова, урожденная графиня Толстая, сестра моего свояка.

Выйдя въ 1840 году замужъ за профессора Казанскаго университета Иванова и приживъ дочь и сына, она его оставила. Не имѣя средствъ къ жизни, она пріѣхала въ Москву искать мѣста директрисы въ женскомъ заведеніи или по крайней мѣрѣ классной дамы.

Въ ней было много хитрости, что-то кошачье, но жена моя въ то время страстно ее любила, хлопотала о ней у своихъ знакомыхъ и меня заставляла хлопотать. Я обратился къ главной надзирательницѣ Московскаго Воспитательнаго дома г-жѣ Мецъ, матери офицера, о которомъ я упоминалъ во II главѣ «Моихъ воспоминаній», и она была назначена классною дамою въ дѣвичьемъ отдѣленіи этого дома.

Постоянно экзальтированная, она недолго удержалась на этомъ мѣстѣ. Г-жа Мецъ говорила мнѣ, что женщина, которая бредитъ повѣстями А. Марлинскаго (псевдонимъ А. Бестужева) и постоянно носитъ на себѣ письмо Ксенофонта Алексѣевича Полевого, брата извѣстнаго издателя «Московскаго Телеграфа» и автора «Исторіи русскаго народа», плохая классная дама. Впослѣдствіи отношенія моей жены къ ней до того охладились, что онѣ болѣе не видались и не переписывались. Чтобы довести до этого жену мою, она должна была сдѣлать какую-нибудь весьма дурную штуку, о которой жена мнѣ никогда ничего не говорила.

Впослѣдствіи Иванова была директрисою въ разныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и умерла въ Кіевѣ. До поступленія въ классныя дамы, Иванова съ дочерью и сыномъ жили у насъ нѣсколько мѣсяцевъ. О воспитаніи дѣтей своихъ она вовсе не заботилась; дочь ея, которой едва минуло 12 лѣтъ, дѣлала глазки приходившимъ ко мнѣ молодымъ офицерамъ и ложилась въ гостиной на диванѣ, поднявъ коротенькое платье и ноги до неприличія, такъ что я, несмотря на свою неохоту вмѣшиваться въ женскія дѣла, обратилъ на это вниманіе моей жены.

Когда она передала мое замѣчаніе Ивановой, послѣдняя очень ему удивилась, сказавъ, что позы, принимаемыя ея дочерью, sont des maniers orientales, которыхъ я не понимаю. Не знаю, что сдѣлалось съ этими дурновоспитанными дѣтьми.

Въ 1853 году я часто бывалъ въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ, членомъ котораго былъ избранъ въ 1838 г. и съ того времени, несмотря на долгія мои отсутствія изъ Москвы, ежегодно возобновлялъ свой членскій билетъ. Въ клубѣ я видалъ дядю моего, князя Д. А. Волконскаго, который и насъ часто посѣщалъ. Я уже говорилъ, что онъ былъ большой чудакъ; на старости онъ вздумалъ жениться на пожилой дѣвѣ С. А. Дубянской, которую мучилъ безпрерывно и съ которой обходился и жилъ очень дурно. Почти каждый день, рано утромъ, онъ выѣзжалъ изъ дому въ большихъ саняхъ, запряженныхъ четвернею, съ форейторомъ, заѣзжалъ поить лошадей въ дворы незнакомыхъ домовъ, заговаривалъ съ прислугою и кучерами, разспрашивалъ о господахъ, а иногда и о родныхъ прислуги и кучеровъ, потому что, какъ московскій старожилъ, онъ зналъ или родителей или другихъ родственниковъ всѣхъ московскихъ господъ, а часто и родню ихъ прислуги.

Въ своихъ ежедневныхъ путешествіяхъ, онъ заѣзжалъ къ такимъ лицамъ, которыхъ мало зналъ или и вовсе не зналъ; въ числѣ послѣднихъ были купцы и фабриканты, которымъ о себѣ важно заявлялъ, что онъ «князь Волконскій», полагая, что имъ пріятно будетъ терять время для принятія сіятельнаго князя.

Вечеромъ, послѣ этихъ странствованій, онъ заѣзжалъ къ намъ; я, подъ видомъ занятій, не выходилъ къ нему до 9-ти часовъ, когда подавали чай, предоставляя женѣ моей слушать его длиннѣйшіе разсказы.

Я находилъ, что это было легче для нея, чѣмъ для меня; дядя никого

не называлъ по фамиліи, а всѣхъ по имени и отчеству, обо всемъ говорилъ съ величайшими подробностями и всегда приплеталъ въ своихъ разсказахъ множество лицъ. Жена моя никого изъ нихъ не знала, и потому вовсе не слушала его, или слушала безъ вниманія; отъ меня же, такъ какъ я зналъ многихъ изъ тѣхъ, о комъ онъ разсказывалъ, онъ требовалъ иногда отвѣтовъ, и я до того утомлялся его посѣщеніями, что, прослушавъ его часа два, по его отъѣздѣ падалъ почти безъ чувствъ; то же вліяніе производили его разсказы на моего шурина Валерія, который бывалъ у насъ почти каждый день.

Д. А. Волконскій и въ слѣдующія зимы пріѣзжалъ въ Москву, гдѣ извѣстенъ былъ за величайшаго чудака, какъ въ Англійскомъ клубѣ, такъ и у его знакомыхъ. Напримѣръ, разъѣзжая въ своихъ большихъ саняхъ по Тверской и Кузнецкому мосту, онъ приказывалъ прибывшему къ нему изъ деревни старостѣ провожать себя верхомъ на крестьянской лошади. Поѣздивъ такъ довольно долго, на диво всѣмъ его встрѣчавшимъ, онъ отпускалъ старосту, сказавъ ему: «Теперь довольно; мы себя показали». Иногда въ этихъ поѣздкахъ по городу онъ кричалъ на всѣхъ перекресткахъ, что его племянникъ—начальникъ желѣзной дороги. Когда до меня дошло, что онъ провозглашаетъ это, я ему замѣтилъ, что я вовсе не начальникъ желѣзной дороги, что его провозглашенія мнѣ очень непріятны. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что не имѣлъ вовсе меня въ виду, а Зуева (Петра Павловича). Я ему объяснилъ, что и Зуевъ не начальникъ желѣзной дороги, а помощникъ начальника, что родство его съ Зуевыми чрезвычайно дальнее и въ Москвѣ о Зуевѣ никто не имѣетъ понятія, еще менѣе о томъ, что онъ ему—дальній родственникъ, а что меня всѣ знаютъ и всѣмъ извѣстно, что я ему родной племянникъ, почему и могутъ полагать, что я распускаю слухъ о моемъ назначеніи въ начальники желѣзной дороги.

Но эти объясненія ни къ чему не повели.

Въ первое время моего пребыванія въ Москвѣ я довольно часто бывалъ у сенатора, генералъ-адъютанта Сергѣя Павловича Шипова. 3-го февраля, по случаю именинъ жены его Анны Евграфовны, какъ-то попалъ къ нимъ дядя мой Дмитрій, до того времени съ ними незнакомый. Ужинать сѣлъ онъ за одинъ столъ со мною, съ извѣстнымъ поэтомъ Ѳедоромъ Николаевичемъ Глинкою и нѣсколькими другими лицами.

Узнавъ, что его сосѣдъ Глинка, дядя мой началъ разсказъ о томъ, съ какимъ удовольствіемъ онъ и всѣ его родные и знакомые читали патріотическіе разсказы Сергѣя Николаевича Глинки, при чемъ называлъ по имени и отчеству множество лицъ, жившихъ 40 лѣтъ назадъ, описывая съ мельчайшими подробностями, гдѣ и какъ онъ съ ними видѣлся, и называя по имени даже прислугу нѣкоторыхъ изъ нихъ.

По окончаніи ужина, всѣ рѣшили, что давно не приводилось видѣть такого допотопнаго чудака и неумолкаемаго разсказчика. Дядя съ своей женой ѣздилъ на нѣсколько недѣль въ Петербургъ, гдѣ также куралесилъ какъ и въ Москвѣ, но я не буду описывать его тамошнихъ проказъ.

Въ своей Задонской деревнѣ, гдѣ онъ жилъ лѣтомъ, онъ продолжалъ безобразничать, несмотря на то, что былъ въ 1844 г. сильно побитъ крестьянами. Мнѣ разсказывали, что онъ разъ, при пріѣздѣ въ деревню, требовалъ, чтобы крестьянки встрѣтили его и жену сгорбившись, опираясь на землю руками и повернувшись къ нимъ спинами. Онъ умеръ ударомъ незадолго до манифеста объ освобожденіи крестьянъ; не могу себѣ вообразить, въ какое положеніе привелъ бы его этотъ манифестъ, если бы онъ до него дожилъ!

Въ маѣ 1853 г. А. И. Нарышкинъ съ своимъ семействомъ уѣхалъ въ Орловскую деревню, оставивъ у насъ своего старшаго сына Сергѣя, оканчивавшаго курсъ въ гимназіи. Жена моя, большая охотница до всякой ручной работы, между прочимъ занималась и стрѣльбою изъ пистолета. Молодой Нарышкинъ принималъ участіе въ этой стрѣльбѣ и по неосторожности повредилъ себѣ палецъ. Это не имѣло послѣдствій, но подало поводъ отцу его, вскорѣ возвратившемуся изъ деревни, къ прочимъ шуткамъ, которыми онъ осыпалъ жену мою, имъ очень любимую и уважаемую, прибавить еще то, что она отстрѣливаетъ пальцы у ввѣряемыхъ ей дѣтей.

На лѣто мы наняли дачу въ предмѣстьѣ Москвы, Богородскомъ, на р. Яузѣ. Жена моя, большая охотница до рыбной ловли удочкой, иногда вставала въ 5-мъ часу утра и до полудня занималась этою ловлею, которая постоянно была неудачна. Вѣроятно, рыба въ Яузѣ слишкомъ сыта, чтобы прельщаться червякомъ удочки; я же, шутя, увѣрялъ, что подстоличная рыба слишкомъ умна, чтобы попасться на удочку.

Въ Богородскомъ былъ небольшой прудъ, въ которомъ жена моя также ловила рыбу; по незначительному количеству рыбы въ прудѣ, ее ловилось мало. Въ одно воскресенье крестьяне Богородскаго принесли намъ цѣлое ведро рыбы, которую они неводомъ изловили въ прудѣ, говоря, что они сжалились надъ барынею, сидящею подъ пекущимъ солнцемъ и почти ничего не ловящею, при чемъ просили хотя малостью вознаградить ихъ трудъ.

Такимъ образомъ, выловивъ всю рыбу изъ пруда, они лишили жену мою удовольствія. Передъ нашею дачею было чистое поле. Жена моя часто стрѣляла изъ пистолета, а такъ какъ передъ рѣшеткою нашего садика собиралось всегда много дѣтей, то это подало поводъ Нарышкину къ новой шуткѣ надъ женою: онъ говорилъ, что она перестрѣляла всѣхъ дѣтей въ Богородскомъ.

Мы часто гуляли по окрестнымъ рощамъ и собирали въ нихъ всякаго рода растенія, до которыхъ жена моя была также большая охотница. Въ одну изъ этихъ прогулокъ съ Нарышкинымъ мы нашли дикій желтый розанъ; жена посадила его въ свой садикъ. За пересаживаніе всѣхъ растеній, и въ особенности желтаго розана, Нарышкинъ безпрерывно подшучивалъ надъ моею женою.

Живя въ Богородскомъ, жена получила извѣстіе, что старый другъ ея Александра Николаевна Шубина пріѣхала въ Москву больная. Я ее навѣстилъ и нашелъ, что она страдаетъ душевнымъ недугомъ. По просьбѣ

жены моей, я ее перевезъ на нашу дачу въ Богородское, гдѣ, стараніями и уходомъ за ней моей жены, она излечилась отъ душевнаго недуга, который тѣмъ болѣе страшилъ насъ, что ея мать уже давно сошла съ ума и въ глубокой старости находилась въ томъ же положеніи.

А. Н. Шубина, по своей охотѣ къ дѣятельности, лицо весьма замѣчательное, а потому я скажу о ней нѣсколько словъ. Ея отецъ въ своемъ домѣ въ Москвѣ на Малой Дмитровкѣ, когда я былъ еще холостякомъ, давалъ танцовальные вечера, на которыхъ бывалъ я и дочери Н. В. Левашова, дружныя съ дочерьми Шубина. По смерти послѣдняго, довольно значительное состояніе попало въ руки его сыновей, которые запутались до того, что все ихъ имѣніе назначено было въ аукціонную продажу.

Родная ихъ тетка, лучшій другъ моей покойной тещи—Е. П. Дубянская, жившая до самой своей смерти въ домѣ генералъ-адъютанта Николая Васильевича Зиновьева (въ Петербургѣ на Фонтанкѣ близъ Аничкова моста), которому по мужу она приходилась родною теткою, полагала сдѣлать наслѣдницей своего небольшого капитала А. Н. Шубину, большую часть года жившую съ нею.

По жаждѣ къ дѣятельности, Шубина привезла съ собою въ Петербургъ изъ Дивѣевской общины, находящейся въ Нижегородской губерніи, нѣсколько не постриженныхъ монахинь, которыхъ, помѣстивъ въ домѣ Зиновьева, обучала живописи сначала сама, а потомъ черезъ хорошихъ учителей съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ со временемъ учительницами иконописи въ школѣ, которую Шубина намѣревалась учредить при Дивѣевской общинѣ.

Монахини, при необыкновенномъ усердіи къ ученію, очень скоро сдѣлались хорошими живописцами, и тогда для дальнѣйшаго изученія живописи начали каждый день ходить въ мастерскія строившагося Исаакіевскаго собора. Монахини были молоды и между ними были хорошенькія собою, особливо Софья Васильевна, дочь Пензенскаго помѣщика Птенцова, получившая довольно хорошее образованіе.

Въ Петербургѣ, живя въ Троицкомъ переулкѣ, противъ дома Зиновьева, мы ежедневно видѣлись съ Шубиною, и я, въ виду ея безпрерывной заботы о Дивѣевской общинѣ, называлъ ее игуменьею, къ чему она прибавляла сильно картавя: «порожняго монастыря». Шубина послѣ многолѣтнихъ заботъ о Дивѣевской общинѣ, вслѣдствіе какихъ-то интригъ, доходившихъ до Синода, рѣшилась совсѣмъ отказаться отъ той общины, но нѣсколько монахинь, оставшихся ей вѣрными, сначала поселились подъ ея покровительствомъ въ новой общинѣ, а впослѣдствіи Шубина устроила въ своемъ Владимірскомъ имѣніи общину изъ нѣсколькихъ десятковъ монахинь, которыя занимаются преимущественно писаніемъ иконъ, и я, шутя, говорилъ ей, что она уже теперь игуменья «не порожняго монастыря».

Чтобы избавить отъ аукціонной продажи имѣнія своихъ братьевъ, Шубина уплатила часть ихъ долговъ капиталомъ, который она взяла у своей тетки Дубянской еще при ея жизни, и приняла въ свое управленіе озна-

ченныя имѣнія, обѣщавъ давать братьямъ извѣстныя суммы содержанія.

Лѣтомъ 1853 года упомянутая монахиня Софья Васильевна, особенно любимая Шубиною и моею женою, умерла. Эта смерть, вѣроятно, была причиною нервнаго разстройства Шубиной, въ которомъ она находилась во время пребыванія на нашей дачѣ въ Богородскомъ; но могли быть и другія этому причины, а именно, весьма запутанныя дѣла ея братьевъ, которыя она приняла на себя.

Нѣсколько принадлежащихъ имъ населенныхъ имѣній были заложены, перезаложены и просрочены въ Московскомъ опекунскомъ совѣтѣ до такой степени, что объясненіе мнѣ всей этой путаницы продолжалось нѣсколько дней по цѣлымъ часамъ, и я не могъ надивиться, какъ Шубина въ ея положеніи могла еще все это помнить и понимать.

Въ это же время умерла ея сестра, бывшая замужемъ за княземъ Владиміромъ Оболенскимъ. Зная его безпечность, она взяла къ себѣ его сына Владиміра (впослѣдствіи редактора Гдовско-Ямбургскаго листка), а когда по улучшеніи ея здоровья она отъ насъ уѣхала, поручила моей женѣ воспитаніе своего племянника. Онъ былъ очень мало развитъ, чрезвычайно лѣнивъ отъ природы и ко всему равнодушенъ, такъ что А. И. Нарышкинъ, любившій его за доброе сердце, обыкновенно называлъ его «Татариномъ».

Къ нему ходили учителя, но ничего не могли сдѣлать съ его лѣнью. Къ его счастію, осенью 1853 года М. Ф. Смитъ, о которой я упоминалъ неоднократно, оставила домъ Демидовой и поселилась у насъ до пріисканія мѣста. Она преподавала ему нѣкоторые предметы и занялась его воспитаніемъ. Очень вспыльчивая и впечатлительная, она представляла совершенный контрастъ съ Оболенскимъ, къ которому она относилась строго, но всегда увѣряла, что изъ него выйдетъ честный человѣкъ.

Оболенскій тѣмъ, что онъ сдѣлался во многихъ отношеніяхъ полезнымъ дѣятелемъ, конечно, много обязанъ времени, проведенному у насъ подъ руководствомъ Смитъ. Она въ 1854 г. поступила гувернанткою къ дочерямъ артиллериста Корвинъ-Круковскаго, съ которыми уѣхала въ деревню, гдѣ прожила 10 лѣтъ.

Съ наступленіемъ весны 1853 года продолжалась перестройка по изобрѣтенному мною способу ключевыхъ бассейновъ въ с. Большихъ Мытищахъ и пришедшихъ въ разрушеніе частей кирпичнаго водопровода, для поддержанія его до замѣны новымъ чугуннотрубнымъ, согласно вышеизложенному моему проекту. Я уже говорилъ, что изъ числа ключевыхъ бассейновъ восемь были перестроены по моему способу въ 1852 году; отъ нихъ были проложены чугунныя трубы до прежде существовавшаго кирпичнаго водопровода. По неимѣнію въ наличности чугунныхъ трубъ съ лекалами, потребныхъ для соединенія чугунно-трубныхъ водопроводовъ, идущихъ отъ бассейновъ до кирпичнаго водопровода, онѣ были осенью 1852 г. замѣнены желѣзными.

Всѣ положенныя въ этомъ году трубы, для предотвращенія текущей

въ нихъ воды отъ замерзанія, были зарыты землею, а такъ какъ мѣста, въ которыхъ были положены трубы, не были обозначены ни на планѣ, ни въ натурѣ, то для ихъ отысканія приходилось разрывать много земли. Когда я выговаривалъ производителю работъ, инженеръ-штабсъ-капитану Загоскину, эту небрежность, присматривающій за бассейнами, унтеръ-офицеръ военно-рабочей команды путей сообщенія Гедловскій сказалъ мнѣ, что онъ не отмѣтилъ въ натурѣ мѣстъ, гдѣ лежатъ желѣзныя трубы, не получивъ на то приказанія, но съ точностью смѣрилъ разстоянія этихъ мѣстъ отъ разныхъ постоянныхъ точекъ, полагая, что по этимъ разстояніямъ, посредствомъ вычисленій, которыхъ онъ, впрочемъ, не знаетъ, можно отыскать мѣста, гдѣ лежатъ желѣзныя трубы.

Опредѣливъ по этимъ разстояніямъ означенныя мѣста, я обратилъ особенное вниманіе на Гедловскаго, котораго впослѣдствіи употреблялъ для надсмотра за самыми важными частями устраиваемаго мною водоснабженія.

Непосредственный присмотръ за разными его сооруженіями былъ раздѣленъ на пять частей; первая, заключавшая бассейны въ Мытищахъ и водопроводъ до Алексѣевскихъ водоподъемныхъ машинъ, была подъ присмотромъ унтеръ-офицера Гедловскаго; вторая, заключавшая Алексѣевскія водоподъемныя машины и водопроводъ до городской заставы, была подъ присмотромъ кондуктора путей сообщенія Никитина; третья, заключавшая Мытищинскій водоводъ съ фонтанами въ городѣ и сокольничій водоводъ отъ Сокольничей рощи до Трубнаго фонтана, была подъ присмотромъ унтеръ-офицера военно-рабочей команды Жабина; четвертая заключала водоподъемныя машины на р. Москвѣ у Бабьяго городка съ Бабьегородскимъ рѣчнымъ водоводомъ и фонтанами на оном; пятая заключала водоподъемныя машины на р. Москвѣ у Краснаго Холма съ замоскворѣцкимъ водоводомъ и фонтанами на оном.

Гедловскій и Жабинъ были плѣнные солдаты польской арміи изъ рекрутовъ Августовской губерніи; они оба женились въ Москвѣ и совершенно обрусѣли; о послѣднемъ, который измѣнилъ свою фамилію, нельзя было и догадаться, что онъ польскаго происхожденія. Оба они были усердны, весьма толковы, а первый, сверхъ того, былъ очень аккуратный и честный человѣкъ.

Никитинъ былъ сильно избалованъ моимъ предмѣстникомъ Максимовымъ, и я былъ очень радъ, что, по производствѣ въ 1854 г. въ прапорщики, онъ былъ переведенъ съ водопровода. На его мѣсто я назначилъ Гедловскаго, оставивъ подъ его же непосредственнымъ присмотромъ весь водопроводъ отъ р. Яузы въ с. Большихъ Мытищахъ до Алексѣевскаго водоподъемнаго зданія; непосредственное же наблюденіе за ключевыми бассейнами и водопроводомъ отъ нихъ до р. Яузы поручилъ унтеръ-офицеру Тутаевичу, также обрусѣвшему поляку, человѣку толковому. Графъ Закревскій, въ бытность Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, ежегодно ѣздилъ на богомолье въ Троицкую Лавру и на пути заѣзжалъ въ Мытищи и въ Алексѣевское водоподъемное зданіе, почему и зналъ хорошо надсма-

тривавшихъ за водопроводомъ нижнихъ чиновъ. При возвращеніи его въ 1853 г. изъ Троицкой Лавры, я встрѣтилъ его въ Большихъ Мытищахъ. Немедля по его пріѣздѣ, прискакалъ изъ Москвы курьеръ, который привезъ ему извѣстіе, что князь А. С. Меньшиковъ оставилъ Константинополь и что война съ Турками неизбѣжна.

Онъ съ неудовольствіемъ немедля сообщилъ мнѣ эту новость и, замѣтивъ, что я принялъ ее довольно равнодушно, изъявилъ удивленіе, присовокупивъ: «развѣ вы не видите, что война съ Турками вовлечетъ насъ въ войну съ Французами и Англичанами, а флота у насъ нѣтъ, армія плохо вооружена и безъ генераловъ». Сознаюсь, что я приписалъ его слова тому, что онъ пробылъ почти 18 лѣтъ въ немилости.

Люди съ высшимъ образованіемъ разрабатывали общіе философическіе и религіозные вопросы, но не касались практики жизни, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. П. Я. Чаадаевъ, были увѣрены, что время войны прошло навсегда, и удивлялись, зачѣмъ содержатъ арміи и учатъ военнымъ наукамъ. Это состояніе общества объясняетъ мое равнодушіе при сообщенномъ мнѣ Закревскимъ извѣстіи. Мнѣ въ голову не приходила возможность войны, стоившей намъ столькихъ потерь и законченной такимъ несчастнымъ для насъ миромъ.

Я нанялъ въ 1853 г. дачу въ Богородскомъ для того, чтобы быть, по возможности, ближе къ Мытищамъ и вообще Мытищинскому водопроводу. Каждую недѣлю раза два я ѣздилъ въ Мытищи на своихъ лошадяхъ и возвращался домой къ обѣду.

Однажды, возвратясь изъ Мытищъ, я нашелъ у себя собственноручную безграмотную записку Закревскаго, въ которой онъ, увѣдомляя меня, что получилъ вѣрное свѣдѣніе о незаконной продажѣ принадлежащаго водопроводамъ кирпича, проситъ въ точности изслѣдовать это дѣло и на другой день передать ему результатъ изслѣдованія.

Дорога отъ Богородскаго до с. Раева на Ярославскомъ шоссе шла лѣсомъ и была чрезвычайно дурна; но необходимо было, несмотря на усталость, въ тотъ же день въ другой разъ ѣхать въ Мытищи. По сдѣланнымъ мною распросамъ у унтеръ-офицера Гедловскаго, оказалось, что по приказанію производителя работъ инженера штабсъ-капитана Загоскина часть кирпича, выбраннаго изъ разрушившихся и перестроенныхъ по новому способу ключевыхъ бассейновъ, въ количествѣ около 12 тыс., была продана крестьянамъ по 9 руб. за тысячу и Гедловскому было запрещено мнѣ объ этомъ докладывать.

На другой день я вызвалъ въ мою городскую квартиру, въ которой помѣщалась моя канцелярія, Загоскина и, получивъ отъ него сознаніе, выразилъ ему всю гнусность его поступка и приказалъ сдать сооруженіе Мытищинскаго водопровода и дѣла поручику Попову, объявивъ, что дальнѣйшая его участь будетъ зависѣть отъ воли высшаго начальства.

Загоскинъ путался въ своихъ объясненіяхъ, увѣрялъ, что поступокъ его не такъ гнусенъ, а что я и онъ смотримъ на него съ разныхъ точекъ зрѣнія, и неизвѣстно, чье воззрѣніе правильнѣе.

Я его выгналъ вонъ изъ комнаты; потомъ слышалъ, что онъ продолжалъ тѣ же объясненія моему письмоводителю Григорьеву, увѣряя, что онъ и самъ не хотѣлъ служить съ такимъ, какъ я, начальникомъ. Григорьевъ, чрезвычайно меня любившій и полагавшій, что умнѣе меня никого нѣтъ на свѣтѣ, конечно, не остался въ долгу въ своихъ отвѣтахъ Загоскину.

Вслѣдъ за этимъ я передалъ Закревскому, что дошедшій до него слухъ о продажѣ кирпича оказался, по моимъ изслѣдованіямъ, справедливымъ. Закревскій съ выраженіемъ сожалѣнія сказалъ мнѣ:

— Какъ могъ на это рѣшиться Гедловскій, который казался такимъ хорошимъ унтеръ-офицеромъ и мнѣ нравился?

Я объяснилъ, что кирпичъ продавалъ не унтеръ-офицеръ, а инженерный офицеръ.

Закревскій мнѣ сказалъ на это:

— Значитъ Загоскинъ, этотъ молодой человѣкъ.

Загоскину было лѣтъ 35 и онъ былъ плѣшивъ, но Закревскому всѣ, и въ томъ числѣ я, казались молодыми людьми. Закревскій, получивъ утвердительный отвѣтъ, спросилъ меня, что я намѣренъ дѣлать по этому случаю. Я объяснилъ, что сдѣлалъ уже распоряженіе объ удаленіи Загоскина отъ водопровода, а далѣе поступлю согласно его приказаніямъ. Закревскій отвѣчалъ, что инженеры путей сообщенія не зависятъ отъ него, и потому онъ мнѣ не можетъ давать приказаній, а желаетъ только знать, какъ я думаю поступить съ Загоскинымъ. Я сказалъ, что предполагаю обо всемъ въ точности донести Клейнмихелю.

Разговоръ этотъ происходилъ въ кабинетѣ Закревскаго; мы сидѣли другъ противъ друга у средины длиннаго стола. При послѣднихъ моихъ словахъ Закревскій всталъ и, обойдя длинный столъ, подошелъ ко мнѣ, низко поклонясь и опустивъ руку до земли, онъ сказалъ:

- Я знаю, что проситель долженъ низко кланяться; я не имѣю права вамъ приказывать, а просить имѣю, и потому прошу не доносить Клейнмихелю.

Я отвѣчалъ, что исполню по его желанію, только переведу Загоскина въ число офицеровъ, состоящихъ въ распоряженіи IV (Московскаго) округа путей сообщенія, что и было мною исполнено.

Всѣ назначенія инженеровъ дѣлались по распоряженію главноуправляющаго путями сообщенія и потому удаленіе Загоскина отъ водопроводовъ было извѣстно Клейнмихелю. Въ бытность его осенью 1853 г. въ Москвѣ, онъ меня допрашивалъ о причинѣ этого удаленія. Я всячески отдѣлывался отъ положительнаго отвѣта, но наконецъ сказалъ, что Загоскинъ удаленъ по сомнѣнію въ благонадежности, которое доказать трудно, а такъ какъ Клейнмихель мнѣ приказалъ, чтобы и тѣни подозрѣнія не падало на инженеровъ, производящихъ водопроводныя работы, то я и нашелся вынужденнымъ удалить Загоскина.

Въ день отъѣзда изъ Москвы Клейнмихель меня благодарилъ за службу и, между прочимъ, за то, что Закревскій не находитъ словъ для расхва-

ленія меня. Когда я благодарилъ за это Закревскаго, онъ между прочимъ сказалъ, что Клейнмихель сильно добивался отъ него о причинѣ удаленія Загоскина, присовокупивъ, что я сознался, что причина была неблагонадежность его, но Закревскій былъ хитрѣе Клейнмихеля, и послѣдній ничего отъ него не вывѣдалъ.

Закревскій однако же мнѣ выговаривалъ за то, что я о молодомъ человѣкѣ могъ сказать, что онъ неблагонадеженъ такому начальнику, какъ Клейнмихель. Я отвѣчалъ, что Клейнмихель настоятельно требовалъ, чтобы я ему сказалъ о причинѣ удаленія Загоскина и что я радъ тому, что могъ отъ него отдѣлаться такимъ неопредѣленнымъ отвѣтомъ, а что Закревскому должно быть извѣстно, какъ трудно подчиненному Клейнмихеля уклониться отъ отвѣтовъ на его вопросы.

Тогда Закревскій сказалъ, что онъ давно знаетъ этого «Петрушку», которому ничего не значитъ погубить человѣка, что когда Закревскій былъ дежурнымъ генераломъ главнаго штаба Его Величества, Клейнмихель, исправляя въ чинѣ капитана должность Петербургскаго плацъ-маіора, по нѣскольку разъ въ день бѣгалъ по его лѣстницѣ. Къ этому Закревскій присовокупилъ:

— Какъ я радъ, что упросилъ васъ не доносить о поступкѣ Загоскина; очень было бы намъ непріятно видѣть, что по нашему доносу страдаетъ семейный человѣкъ, а все же нехорошо, что вы заявили о предполагаемой его неблагонадежности.

Онъ меня звалъ въ этотъ день къ себѣ обѣдать. Я сидѣлъ за столомъ подлѣ него, и онъ во время обѣда неоднократно мнѣ выражалъ свое удивленіе, что я рѣшился заявить такому строгому начальнику о неблагонадежности «молодого» офицера.

Къ этому считаю не лишнимъ присовокупить, что Закревскій все это говорилъ и дѣлалъ чисто по добродушію, потому что никакихъ отношеній между нимъ и Загоскинымъ не было. На мѣсто Загоскина впослѣдствіи былъ назначенъ къ водопроводнымъ работамъ инженеръ штабсъ-капитанъ Брунеръ, которому я не далъ опредѣленныхъ занятій; онъ исполнялъ только мои разныя порученія по этимъ работамъ.

Въ упомянутый пріѣздъ Клейнмихеля въ Москву, онъ объѣхалъ вмѣстѣ съ Закревскимъ существовавшіе тогда фонтаны Мытищинскаго и Бабьегородскаго водопроводовъ. Въ водоподъемномъ зданіи этого водопровода онъ нашелъ, что черезъ канавку, вырытую кругомъ зданія, лежали хорошо сплоченныя доски, служившія для прохода бывшихъ при водоподъемномъ зданіи нижнихъ чиновъ въ отхожее мѣсто.

Клейнмихель сдѣлалъ замѣчаніе инженеру Попову за то, что тутъ не устроено порядочнаго мостика, и удивлялся, какъ я, по его выраженію, свой ему человѣкъ, зная, какъ онъ требуетъ вездѣ хорошаго устройства, не обратилъ моего на это вниманія.

Около одного изъ водоразборныхъ бассейновъ Бабьегородскаго водопровода было немного грязи отъ воды, проливаемой при наполненіи

бочекъ. Клейнмихель накинулся за это на Попова, но былъ остановленъ словами Закревскаго:

— Гдѣ есть вода, тамъ не можетъ быть сухо, и надо не бранить, а благодарить Попова за то, что есть вода въ этихъ бассейнахъ.

Мнѣ извѣстно, что для этого, вслѣдствіе недостатковъ въ устройствѣ водопровода, требуется много заботъ и труда. Дѣйствительно, было вовсе не легко достигнуть того, чтобы Бабьегородскій водопроводъ дѣйствовалъ постоянно, за исключеніемъ только одного весенняго мѣсяца.

По утвержденіи главнымъ управленіемъ путей сообщенія смѣты по 2-ой части проекта преобразованія Мытищинскаго водопровода, заключавшей проложеніе чугунныхъ трубъ отъ предположеннаго въ Мытищахъ водоподъемнаго зданія, на протяженіи 13¼ верстъ, были по этой смѣтѣ произведены торги въ Правленіи IV округа путей сообщенія. Главный предметъ поставокъ по этой смѣтѣ были чугунныя трубы въ количествѣ до 150 тыс. пудовъ, отливка которыхъ требовала много времени, и потому поставка ихъ не могла начаться ранѣе 1854 г. Но работы по проложенію этихъ трубъ были начаты 1-го іюля 1853 г., чему способствовало слѣдующее обстоятельство.

Предмѣстникъ мой, Максимовъ, составилъ проектъ на проложеніе чугуннаго водовода по упомянутому направленію; увѣренный, что проектъ его будетъ утвержденъ, онъ предварилъ заводчиковъ, чтобы они изготовляли трубы діаметромъ въ 20 дюймовъ. Максимовъ полагалъ провести по этимъ трубамъ 300 тысячъ ведеръ воды въ сутки; по моему же проекту, по нимъ должно было протекать въ сутки 505 тысячъ ведеръ. Но при увеличеніи количества протекающей по трубамъ воды, мнѣ не было надобности въ увеличеніи діаметра по слѣдующей причинѣ: Максимовъ полагалъ оставить въ водопроводѣ въ Мытищахъ прежній горизонтъ, который былъ выше горизонта бассейна въ Алексѣевскомъ водоподъемномъ зданіи на 12,5 футовъ, тогда какъ я, съ цѣлію увеличить количество воды, даваемой Мытищинскими ключами, понизилъ на 8 фут. горизонтъ водопровода въ Мытищахъ, изъ котораго вода установленными въ Мытищахъ же паровыми машинами поднимается въ резервуаръ на высоту 20 фут., такъ что разность между этимъ резервуаромъ и Алексѣевскимъ бассейномъ образовалась въ 24,5 футъ, а слѣдовательно образовалась и большая скорость теченія воды по трубамъ, а именно, въ секунду 14 дюймовъ, вмѣсто 8.

Поставка трубъ съ ихъ укладкою безъ земляныхъ работъ опредѣлилась на торгахъ въ 1 р. 50 к. за пудъ. Цѣна эта была весьма умѣренная въ виду значительности діаметра трубъ (20 и 22 дюйма) и малой толщины ихъ стѣнокъ (½ дюйма).

Поставку раздѣлили между собою три завода, но большая часть трубъ была доставлена съ Выксунскаго завода Шепелевыхъ, котораго руда и отливка были лучше, чѣмъ на другихъ двухъ заводахъ: Бибарсова и Новикова.

Производителемъ работъ по этой части проекта преобразованія водопровода я назначилъ Попова, который былъ и усерднѣе и смышленѣе Бе-

дряги, занятаго впрочемъ въ это время окончаніемъ работъ по устройству рѣчного водопровода въ замоскворѣцкую часть города.

Въ помощь Попову я назначилъ унтеръ-офицера Гедловскаго, который описывалъ подробно наружность каждой трубы, глубину, на которой она положена, ея длину, если она не имѣла нормальной 9-ти фут. длины и т. п.

По окончаніи устройства вышеупомянутаго водопровода изъ р. Москвы въ замоскворѣцкую часть города, онъ не могъ быть пущенъ въ дѣйствіе по недостаткамъ въ водоподъемной паровой машинѣ, изготовленной на заводѣ Сергѣя Ивановича Мальцова, которые были мною указаны. Они исправлены только вслѣдствіе моихъ сильныхъ настояній, такъ какъ Мальцовъ считалъ свои заводы непогрѣшимыми; между тѣмъ и въ приводахъ изготовленнаго на его же заводѣ водяного колеса, замедлявшаго для подъема воды паровую машину въ то время, когда Краснохолмская въ р. Москвѣ плотина установлена, требовались также измѣненія.

По части водоподъемныхъ машинъ я не имѣлъ вовсе помощниковъ, такъ какъ къ Бабьегородскимъ водоподъемнымъ машинамъ былъ опредѣленъ Максимовымъ нѣкто Кларкъ, въ званіи механика, но онъ о механикѣ не имѣлъ понятія. Трудно было и имѣть дѣйствительнаго механика за положенное по штату содержаніе (помнится, 600 р. въ годъ и квартира отъ водопровода).

По исправленіи недостатковъ въ приводахъ водоподъемнаго водяного колеса и по установленіи Краснохолмской плотины, начатъ этимъ колесомъ подъемъ воды въ Замоскворѣчье; по исправленіи же недостатковъ въ паровой машинѣ, ею поднимали воду въ эту часть города въ то время, когда означенная плотина не была собрана.

По открытіи дѣйствія Краснохолмскаго рѣчного водоснабженія, оно поступило въ завѣдываніе поручика Бологовскаго, который продолжалъ завѣдывать и Бабьегородскимъ рѣчнымъ водоснабженіемъ.

Въ проѣздъ Императора Николая I въ сентябрѣ 1853 г. черезъ Москву въ Ольмюцъ, погода была отвратительная. Онъ былъ мраченъ и недоволенъ всѣмъ и, между прочимъ, 6-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, которымъ прежде оставался постоянно довольнымъ,—и постройкою огромнаго деревяннаго цирка противъ Большого театра, рядомъ съ Малымъ театромъ.

Циркъ казался Государю опаснымъ, въ случаѣ пожара, для обоихъ означенныхъ театровъ, некрасивымъ и непрочнымъ. Наряжена была для его освидѣтельствованія комиссія, въ которой и я участвовалъ. Комиссія однако же не потребовала сломки цирка, а только довольно значительныхъ передѣлокъ для его украшенія, а въ особенности упроченія.

Циркъ этотъ былъ построенъ вышедшимъ незадолго передъ этимъ въ отставку адъютантомъ Клейнмихеля Новосильцовымъ, который былъ женатъ на одной изъ наѣздницъ цирка. Въ 1853 г. Новосильцовъ уже нуждался въ деньгахъ, но до этого времени, долго служа и во фронтѣ и адъютантомъ, онъ, не имѣя состоянія, тратилъ несчетныя суммы на экипажи,

лошадей, столъ и пр.; источникъ, откуда онъ бралъ эти суммы, былъ для всѣхъ неизвѣстенъ, и до сего времени остается для меня загадкою. Вскорѣ сгорѣлъ Большой московскій театръ, но циркъ остался невредимымъ при этомъ пожарѣ.

При началѣ войны съ Турками, я желалъ въ ней участвовать въ званіи инспектора военныхъ сообщеній дѣйствующей арміи, но начатыя работы по водопроводамъ этому воспрепятствовали. Все Московское общество было увѣрено въ несомнѣнности успѣха нашего оружія; говорили, что мы забросаемъ непріятеля шапками.

Сраженіе при Синопѣ еще болѣе возбудило увѣренность въ томъ, что мы должны побѣдить. Изъ моихъ знакомыхъ одинъ П. Я. Чаадаевъ ходилъ сумрачный и недовольный. Онъ опасался вмѣшательства Франціи и Англіи, съ которыми мы не въ состояніи будемъ совладать. За это всѣ прокричали его недругомъ Россіи, чуть не измѣнникомъ. Я не раздѣлялъ этого мнѣнія, но, не предвидя бѣды, полагалъ, что Чаадаевъ такъ разсуждаетъ изъ привычки къ оппозиціи правительству.

Послѣдніе мѣсяцы 1853 года и январь 1854 г. я былъ занятъ составленіемъ проектовъ и смѣтъ по 1-ой, 3-ей и 4-й частямъ преобразованія Мытищинскаго водопровода, которые я отвезъ въ Петербургъ въ февралѣ 1854 г. Заключеніе департамента проектовъ и смѣтъ отъ 12 марта объ означенныхъ проектахъ мною приведено выше.

11-го апрѣля мнѣ пожалованъ брилліантовый перстень съ вензелевымъ изображеніемъ имени Его Величества. Служебныя награды я считалъ ступенями лѣстницы, которыя необходимо пройти, чтобы взойти на ея верхъ, а потому только тѣ изъ служебныхъ наградъ были полезны, которыя составляли необходимыя ступени этой лѣстницы; безъ перстня, не представляющаго подобной ступени, можно было бы и обойтись.

Слѣдовавшая мнѣ награда была орденъ Св. Владиміра 3-ей степени; а такъ какъ награды приближеннымъ Клейнмихеля давались обыкновенно каждые два года, то я имѣлъ право надѣяться на полученіе этого ордена еще въ 1853 г.

Серебряковъ, произведенный вмѣстѣ со мною въ 1851 г. въ полковники, получилъ въ 1853 г. корону на орденъ Св. Анны 2-ой степени; я же, не получивъ въ этомъ году никакой награды, полагалъ, что Клейнмихель не рѣшился меня представить Государю по причинѣ недавняго гнѣва Его Величества на меня по дѣлу Вонлярлярскаго. Впрочемъ, это могло быть слѣдствіемъ моего удаленія отъ Клейнмихеля. Послѣднее предположеніе кажется вѣрнѣе потому, что въ 1854 г. ему было все равно представлять меня Государю къ перстню или къ ордену Владиміра 3-ей ст., но онъ, вѣрю, не хотѣлъ мнѣ дать послѣдняго, потому что его не имѣлъ еще Серебряковъ, который въ это время вошелъ въ большую милость у Клейнмихеля и вскорѣ былъ назначенъ начальникомъ желѣзной дороги между столицами.

Впрочемъ, тогда давались брилліантовые перстни гораздо лучше, чѣмъ они даются теперь. Данный мнѣ перстень былъ особенно хорошъ;

за него тогда же давали въ магазинѣ 1000 р., изъ чего можно заключить, что онъ стоитъ дороже, но я его не продалъ и сохранилъ до настоящаго времени. А. И. Баландинъ болѣе всѣхъ другихъ моихъ близкихъ былъ недоволенъ, что я не получилъ Владиміра 3-ей степени.

Надѣвъ перстень, я поѣхалъ въ Зимній дворецъ къ заутренѣ подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Послѣ заутрени Государь обыкновенно христосовался со всѣми военными и гражданскими чинами первыхъ четырехъ классовъ, съ штабъ и оберъ-офицерами гвардіи и съ штабъ-офицерами флота и арміи; каждый цѣловался съ Государемъ два раза.

Императоръ Николай I ежегодно свято исполнялъ эту церемонію. Въ 1854 г., въ первый разъ, по нездоровью Государя, отмѣнено было это христосованье. Эта церемонія продолжалась и при императорѣ Александрѣ II до 1873 г. Въ этомъ году вышло повелѣніе, чтобы подходили христосоваться съ Государемъ только члены Государственнаго Совѣта, Сенаторы, Почетные опекуны, генералъ-адъютанты, Свиты Его Величества генералъ-маіоры, флигель-адъютанты, первые и вторые чины Двора и Статсъ-секретари Его Величества.

Денежныя дѣла Клейнмихеля были въ дурномъ положеніи. Жена его, при сдачѣ ремонтнаго содержанія пути и зданій желѣзной дороги между двумя столицами купцу Смолину, заставила его уплатить ея долги на сумму, какъ говорили тогда, выше 100 тыс. руб. Бывшій въ то время директоромъ канцеляріи главноуправляющаго путями сообщенія Никита Ефимовичъ Заика, честный человѣкъ и единственное лицо, преданное Клейнмихелю, разсказывалъ мнѣ по величайшему секрету со слезами на глазахъ, что онъ 20 лѣтъ служилъ при Клейнмихелѣ, который никогда не бралъ взятокъ, а теперь, хотя онъ непосредственно не участвуетъ во взяткахъ жены, но не можетъ не знать о нихъ. Вскорѣ Заика былъ назначенъ членомъ совѣта Главнаго Управленія путей сообщенія, а директоромъ канцеляріи назначенъ чиновникъ особыхъ порученій Мицкевичъ, который болѣе гармонировалъ съ другими приближенными Клейнмихеля, искавшими въ службѣ средствъ къ обогащенію.

Въ 1854 г. заведена была въ Петербургѣ такса на извозчиковъ, и замѣчательно, что ни одинъ не выѣхалъ въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, такъ что я изъ гостиницы Демута, гдѣ простоялъ въ этомъ году болѣе $2\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ, долженъ былъ въ этотъ день, несмотря на дождь и грязь, пройти пѣшкомъ къ Клейнмихелю, жившему у Обухова моста, и къ И. Н. Колесову, жившему на Бассейной улицѣ.

Всѣмъ, и мнѣ въ особенности, желательно было, чтобы паровыя машины для подъема воды какъ въ Мытищинскомъ, такъ и въ Алексѣевскомъ зданіяхъ, были изготовлены въ Россіи. Въ Петербургѣ въ это время былъ устроенъ механическій Герцога Лейхтенбергскаго заводъ, съ директоромъ котораго, горнымъ инженеръ-генералъ-маіоромъ Фуллономъ, я заключилъ контрактъ на поставку означенныхъ машинъ.

Читатель увидитъ далѣе, что никакое служебное дѣло мнѣ не доста-

вило столько заботъ и непріятностей, какъ этотъ контрактъ. Заказъ машинъ и постоянное желаніе Клейнмихеля, чтобы я оставался въ Петербургѣ какъ можно долѣе, были причиною того, что я вернулся въ Москву только въ концѣ апрѣля.

Въ первую же зиму послѣ открытія рѣчного водоснабженія въ Замоскворѣчной части города, въ бытность мою въ Петербургѣ, вода въ его трубахъ замерзла, хотя онѣ были положены на глубинѣ не менѣе 7 футовъ подъ поверхностью мостовой, чего никогда не случалось на Мытищинскомъ водопроводѣ. Это замерзаніе я приписывалъ не только тому, что поднимаемая зимою вода изъ рѣки холоднѣе ключевой, но и химическому ея составу.

Дѣйствительно, когда налиты два чана воды Мытищинской и Москворѣцкой при одинаковой температурѣ и поставлены рядомъ, послѣдняя гораздо скорѣе замерзаетъ зимою, а лѣтомъ портится. Замерзаніе воды въ трубахъ Замоскворѣцкаго водопровода было причиною его остановки въ февралѣ 1854 г. ; по наступленіи же весны вода въ рѣкѣ сдѣлалась столь грязною, что необходимо было остановить Бабьегородское водоснабженіе.

Жители Москвы, привыкнувъ въ продолженіе почти четверти столѣтія къ тому, что Мытищинскій водопроводъ дѣйствуетъ безостановочно круглый годъ, сильно роптали на эти остановки, и только поддержка Закревскаго, который понималъ, что не я причиною этихъ остановокъ, избавляла меня отъ большихъ непріятностей.

Съ наступленіемъ весны 1854 г. были отысканы чугунныя трубы, въ которыхъ замерзала вода. Онѣ были открыты, но ледъ въ нихъ не растаивалъ до іюня мѣсяца, такъ что пришлось разбивать трубы и вытаскивать образовавшіяся въ нихъ льдины. По очищеніи воды въ р. Москвѣ, было снова пущено въ ходъ Бабьегородское водоснабженіе, а по мѣрѣ очищенія трубъ Замоскворѣцкаго водопровода отъ образовавшихся въ немъ льдинъ, было открываемо и водоснабженіе Замоскворѣчной части города. Трубы, служащія для спуска излишней воды изъ разборныхъ водоемовъ, на этомъ водопроводѣ также замерзали; излишняя вода была выпускаема по поверхности площадей и улицъ, что производило большой ропотъ между обывателями. Эти остановки весною, по причинѣ нечистой воды въ р. Москвѣ, на обоихъ рѣчныхъ водопроводахъ и сверхъ того отъ замерзанія трубъ на Замоскворѣцкомъ водопроводѣ, повторялись ежедневно во все время, пока въ нихъ поднималась рѣчная вода, и я не буду болѣе упоминать объ этихъ ежегодныхъ крайне непріятныхъ для меня остановкахъ.

Въ Петербургѣ въ 1854 г. я посѣщалъ Клейнмихеля и другихъ моихъ знакомыхъ, а также Е. М. Гурбандтъ, поселившуюся въ маленькой комнатѣ, нанятой ею на Петербургской сторонѣ. Отъ нея узналъ я, что останавливавшаяся у нея въ началѣ 1854 г. тетка моя княжна Н. А. Волконская, посвятившая всю жизнь свою молитвѣ и улучшенію положенія

своего племянника, моего двоюроднаго брата Н. А. Замятина, пріѣзжавшая съ книгою для сбора на церковь въ принадлежащемъ послѣднему селѣ, вышла замужъ за какого-то ничего не имѣющаго грека, очень невзрачнаго и плохо одѣтаго, по фамиліи Суссанопуло.

Она, какъ узналъ я впослѣдствіи, познакомилась съ нимъ въ 1847 г, въ Константинополѣ, въ проѣздъ съ своею старшею сестрою княжною Татьяной въ Іерусалимъ; онъ былъ кавосомъ и имъ прислуживалъ.

Тогда онъ сдѣлалъ моей теткѣ предложеніе, несмотря на то, что ей было уже 50 лѣтъ. Она отложила свое согласіе на 6 лѣтъ, съ тѣмъ что если онъ и по прошествіи этого времени не перемѣнитъ своего намѣренія, то можетъ пріѣхать въ Россію, и она съ нимъ обвѣнчается. Она умѣетъ говорить только по-русски, а теперешній мужъ ея тогда не зналъ ни одного русскаго слова; не понимаю, на какомъ языкѣ они объяснялись и какъ могли произойти столь странныя предложеніе и согласіе.

Для всей нашей родни, и въ особенности для Н. А. Замятина, это замужество тетки было очень непріятно. Она впослѣдствіи много терпѣла отъ своего мужа; онъ, завладѣвъ доходомъ съ ея небольшого имѣнія, не давалъ ей ни копейки, бранилъ и даже, какъ говорятъ, билъ ее.

Послѣдніе два года сестра моя А. И. Викулина съ двумя малолѣтними дочерьми жила за границею, проводя большую часть времени въ Парижѣ. Восточная война заставила ее возвратиться въ Россію, и она въ маѣ пріѣхала къ намъ въ Москву. Въ томъ же мѣсяцѣ мы переѣхали на нанятую нами дачу въ Сокольникахъ. Сестра, погостивъ у насъ на дачѣ, уѣхала въ свое имѣніе с. Колодезское, Елецкаго уѣзда.

Въ то время дворовые люди обыкновенно помѣщались, какъ попало, объ ихъ помѣщеніи заботились очень немногіе; конечно, я былъ въ томъ числѣ. Для моего кучера Дмитрія, вполнѣ трезваго, усерднаго, чрезвычайно чистоплотнаго и знавшаго хорошо ходить за лошадьми, была отведена на дачѣ комната. Онъ почему-то былъ ею не доволенъ и неудовольствіе свое выразилъ при А. И. Нарышкинѣ, который впослѣдствіи постоянно шутилъ надъ нимъ, говоря, что мнѣ при наймѣ дома нужно не забывать нанять и дворецъ для Дмитрія съ подобающею мебелью.

По полученіи изъ Петербурга смѣтъ по 1-ой, 3-й и 4-ой частямъ проекта преобразованія Мытищинскаго водопровода, были по нимъ произведены торги въ Правленіи IV округа путей сообщенія. Главный предметъ поставокъ по этимъ смѣтамъ были чугунныя трубы, коихъ требовалось діаметромъ въ 16 дюймовъ на протяженіи 4 верстъ, діаметромъ отъ 3½ до 10 дюймовъ на протяженіи 20 верстъ, 16-ти дюймовыя трубы, какъ водонапорныя, имѣли толщину стѣнокъ $^2/_3$ дюйма, а прочія ½ дюйма. Мнѣ удалось посредствомъ конкуренціи достигнуть цѣны за пудъ трубъ съ ихъ укладкою, безъ земляныхъ работъ, 1 р. 19 к. Цѣна эта была весьма низкая и въ то время; ее нельзя было бы достигнуть нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда въ виду восточной войны заводы были завалены заказами огнестрѣльныхъ припасовъ по цѣнѣ почти вдвое превышавшей вышеозначенную. Поставку

принялъ на себя купецъ Новиковъ съ заводовъ Калужской губерніи. Трубы поставлялись хорошаго качества, но не въ срокъ, по значительности заказовъ военнаго министерства.

Лѣто 1854 г. я провелъ въ наблюденіи за продолжавшимися работами по 2-й части проекта преобразованія Мытищинскаго водопровода и за начатыми въ этомъ году по 1-й и 3-й частямъ этого проекта, изъ коихъ 1-ю поручилъ непосредственному наблюденію инженера Бедряги, а 3-ю—инженера Попова. Эти работы давали мнѣ много заботъ.

Въ іюлѣ на старомъ Мытищинскомъ кирпичномъ водопроводѣ оказались такія сильныя поврежденія, что едва десятая часть воды, доставляемой Мытищинскими ключами, доходила до Алексѣевскихъ водоподъемныхъ машинъ, которыя, поднимая эту воду вмѣстѣ съ водою ключей Сокольничьей рощи, протекавшею по старому кирпичному водопроводу къ этимъ же машинамъ, доставляли въ Москву всего до 100 т. ведеръ воды въ сутки, черезъ что почувствовалось сильное оскудѣніе въ городскихъ фонтанахъ. Немедля были приняты мѣры къ отысканію наиболѣе поврежденныхъ мѣстъ слѣдующимъ образомъ: въ устроенныя на кирпичномъ водопроводѣ черезъ каждыя 100 саж. отдушины были опускаемы поплавки, время прихода которыхъ до слѣдующей отдушины и средняя глубина воды въ двухъ смежныхъ отдушинахъ водопровода, при постоянной его внутренней ширинѣ въ 3 фута, опредѣляли количество протекающей между отдушинами воды. Когда опредѣлены были такимъ способомъ мѣста, въ которыхъ терялось наибольшее количество воды, около нихъ были установлены на сваяхъ деревянные проконопаченные и осмоленные ящики, по которымъ пущена вода до тѣхъ протяженій водопровода, въ которыхъ не было вовсе просачиванія, или оно было незначительно.

Эти работы были окончены въ августѣ того же года, такъ что по старому кирпичному водопроводу изъ 330 тыс. ведеръ воды, доставляемыхъ въ сутки мытищинскими ключами, снова попрежнему доходило до Алексѣевскихъ водоподъемныхъ машинъ 200 тыс. ведеръ въ сутки.

Ко всѣмъ этимъ заботамъ присоединилась еще новая: ко мнѣ прислали для практики шесть воспитанниковъ старшаго класса Института инженеровъ путей сообщенія. Я ихъ помѣстилъ въ деревянномъ домикѣ, устроенномъ подлѣ Алексѣевскаго водоподъемнаго зданія, слывшемъ тогда подъ названіемъ «дома для пріѣзда начальства»; въ немъ помѣщался кондукторъ Никитинъ, наблюдавшій за паровыми машинами и незадолго передъ этимъ произведенный въ офицеры съ отчисленіемъ отъ водопровода.

Означенные молодые люди, лучшіе воспитанники института, не приносили никакой пользы для работъ; полагаю, что и они во время этой командировки мало пріобрѣли практическихъ свѣдѣній. Вырвавшись на свободу изъ закрытаго заведенія, понятно, что они ею пользовались и часто до излишества.

Между ними были: Шуберскій, сынъ начальника IV (Московскаго) округа путей сообщенія, который проводилъ почти все время въ Москвѣ, и

Заика, сынъ директора канцеляріи главноуправляющаго путями сообщенія. Послѣдній заболѣлъ тифозною горячкою; я его взялъ къ себѣ на дачу для лѣченія. Вслѣдъ за нимъ заболѣлъ тою же болѣзнью другой изъ присланныхъ на практику воспитанниковъ, котораго я взялъ также къ себѣ на дачу. Отъ нихъ заразился воспитывавшійся въ то время у насъ князь Владиміръ Оболенскій.

Такимъ образомъ наша дача превратилась въ лазаретъ. Положеніе всѣхъ трехъ больныхъ, и въ особенности Заики, было отчаянное. Я объ этомъ писалъ къ его отцу, и вскорѣ пріѣхала мать Заики съ своимъ зятемъ Потресовымъ (впослѣдствіи дѣйствительный статскій совѣтникъ и дѣлопроизводитель въ департаментѣ шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній). Они также остановились у насъ на дачѣ, которая была переполнена. Хорошее лѣченіе, уходъ за больными, а въ особенности ихъ молодые годы были причиною того, что они всѣ выздоровѣли.

На одномъ дворѣ съ нами жилъ Валерій Валеричъ Скрипицынъ, извѣстный дѣятель по присоединенію уніатовъ къ православію, съ женою своею француженкою. Онъ много занималъ меня своими разсказами о присоединеніи и объ интригахъ нашихъ прибалтійцевъ противъ православнаго архіерея въ Ригѣ, котораго поручено было Скрипицыну вывезти изъ этого города.

Въ свободное отъ занятій время я посѣщалъ Англійскій клубъ, Закревскаго въ его с. Ивановскомъ, Шуберскаго и другихъ знакомыхъ, которые насъ также посѣщали довольно часто.

Клейнмихель въ 1854 г., въ бытность въ Москвѣ, осматривалъ производившіяся въ ней водопроводныя работы. Въ этотъ пріѣздъ онъ по моему ходатайству не согласился на продажу на сломъ Красныхъ воротъ, чего сильно добивался Закревскій, такъ какъ они требовали постоянныхъ расходовъ на ремонтъ.

Красныя ворота, кажется, были построены для тріумфальнаго шествія императрицы Елизаветы Петровны. Послѣ увольненія Клейнмихеля отъ должности главноуправляющаго путями сообщенія, эти ворота были проданы на сломъ. Купившій ихъ однако же не сломалъ, но въ послѣднее время вовсе не ремонтировалъ, такъ что ѣзда подъ воротами дѣлалась опасна и была запрещена.

Не знаю, какъ они поступили снова въ городское вѣдомство, но въ настоящемъ 1873 г. Московская городская дума снова ассигновала на ихъ ремонтъ, кажется, до семи тысячъ рублей.

Въ сентябрѣ мы переѣхали въ нашу городскую квартиру. Вскорѣ пріѣхала изъ деревни и сестра моя А. И. Викулина съ дочерьми, для которой я нанялъ домъ напротивъ нами занимаемаго, такъ что мы могли видѣться ежедневно. Съ самаго пріѣзда моего въ Москву въ іюлѣ 1852 г. я замѣчалъ, что вода въ моемъ домѣ не такъ вкусна, какъ въ другихъ домахъ, получавшихъ ее изъ фонтановъ Мытищинскаго водопровода.

Эта разница въ водѣ сдѣлалась еще замѣтнѣе съ того времени, какъ

сестра поселилась съ нами въ одной улицѣ. У насъ былъ одинъ водовозъ; посуда, въ которой сохранялась у насъ вода, была совершенно чиста, и я долго не зналъ, чему приписать худое качество воды въ нашемъ домѣ. Наконецъ, открылось, что нашъ буфетчикъ пропускаетъ воду черезъ, такъ называемую, водоочистительную машину, привезенную изъ Петербурга, гдѣ она, дѣйствительно, была необходима. Я приказалъ не пропускать воды черезъ машинку, и съ этого времени вода у насъ была столь же хороша, какъ и въ другихъ домахъ.

Принужденный выходъ нашихъ войскъ изъ Придунайскихъ княжествъ, занятіе ихъ австрійцами, высадка англо-французско-турецкихъ войскъ въ Крымъ, несчастное Альминское сраженіе, занятіе непріятелемъ позиціи противъ южной стороны Севастополя, осада его и страшная бомбардировка произвели уныніе на Москву и на всю Россію. Уже не было толковъ, что всѣхъ шапками забросаемъ. П. Я. Чаадаевъ и А. С. Хомяковъ старались объяснить наше положеніе; первый тѣмъ, что Россія, какъ масляное пятно, все расширяется и Европа нашла нужнымъ поставить преграду этому расширенію; а второй тѣмъ, что Россія всегда держалась особо отъ другихъ Европейскихъ державъ и, какъ медвѣдь въ берлогѣ, стращала тѣмъ, что выйду и всѣхъ васъ задушу, что это надоѣло Европѣ и она отыскала медвѣдя въ его берлогѣ. Но это были только фразы, которыми они старались себя утѣшить; на самомъ дѣлѣ мало было людей, на которыхъ наши неудачи такъ сильно дѣйствовали, какъ на эти въ высшей степени впечатлительныя натуры, а Москва все продолжала видѣть въ Чаадаевѣ человѣка, враждебнаго Россіи.

Извѣстіе объ Инкерманскомъ сраженіи съ помѣщеніемъ въ бюллетенѣ о нѣсколькихъ тысячахъ нашихъ воиновъ, выбывшихъ изъ строя, повергло всѣхъ въ глубочайшую печаль. Черезъ нѣсколько дней вышелъ объ этомъ сраженіи новый бюллетень, въ которомъ было сказано, что по новымъ свѣдѣніямъ оказалось выбывшими изъ строя двумя тысячами болѣе.

Въ первомъ бюллетенѣ меньшее число показано было не съ намѣреніемъ, а просто по несобранію точныхъ свѣдѣній; едва ли нужно было дѣлать поправку во второмъ бюллетенѣ. Надо сказать, что вообще наше правительство было откровеннѣе въ заявленіи о нашихъ потеряхъ, чѣмъ воевавшія съ нами двѣ образованныя державы: Франція и Англія.

Братъ мой Николай, бывшій полковникомъ въ Житомірскомъ полку, находился въ 1853 и 1854 годахъ въ Придунайскихъ княжествахъ. По выступленіи нашихъ войскъ изъ княжествъ, онъ жилъ въ Измаилѣ, куда пріѣхала его жена, оставивъ трехъ малолѣтнихъ дѣтей у своихъ родителей въ Нижегородскомъ имѣніи. Въ октябрѣ братъ мой былъ назначенъ командиромъ Владимірскаго пѣхотнаго полка, и изъ бюллетеня объ Инкерманскомъ сраженіи мы узнали, что онъ раненъ. Понятно, какое впечатлѣніе произвело это извѣстіе на меня и сестру. Полагая, что жена брата осталась въ Одессѣ, мы опасались, что онъ останется безъ должной помощи.

Мнѣ немедля пришла мысль ѣхать къ брату и, если рана дозволитъ,

привезти его въ Москву. Но у меня не было денегъ для этого путешествія. Сестра моя А. И. Викулина приняла на себя всѣ издержки. Эта, очень понятная для каждаго, поѣздка къ раненому брату и выдача сестрою нужной на поѣздку суммы были перетолкованы моею невѣсткою, женою брата, самымъ гнуснымъ образомъ. Я объ этихъ толкахъ слышалъ неоднократно, но хотя и зналъ, до чего можетъ простираться злоба моей невѣстки, но не вѣрилъ слухамъ.

Черезъ 10 лѣтъ отецъ моей невѣстки, Б. Е. Прутченко, несмотря на то, что очень любилъ меня и сестру мою, въ разговорѣ съ моею женою, сказалъ, что я, какъ какой-нибудь дуракъ, поскакалъ въ 1854 г. къ брату на деньги моей сестры, при чемъ намекнулъ, что подобныя денежныя жертвы не могутъ быть слѣдствіемъ братской любви. Это было послѣдствіемъ распространяемыхъ моею невѣсткою гнусныхъ слуховъ, которымъ, какъ видно, могли вѣрить не только глупцы, но и такой умный человѣкъ, какимъ былъ Прутченко.

Онъ былъ очень расчетливъ и потому ему дѣйствительно была непонятна возможность изъ братской любви жертвовать деньгами. Я просилъ Клейнмихеля телеграммою о дозволеніи ѣхать на 28 дней въ Крымъ, но получилъ отъ Заики отвѣтъ, чтобы я просился обыкновеннымъ порядкомъ.

Ославъ форменное прошеніе объ отпускѣ, я вскорѣ получилъ его. Сестра моей невѣстки, Е. Б. фонъ-Бринъ, и ея мужъ, прощаясь со мною, просили убѣдить брата, чтобы онъ, пользуясь полученною раною, удалился съ театра военныхъ дѣйствій, что довольно ему, отцу троихъ дѣтей, подвергаться опасностямъ, а что онъ и вдали отъ войны найдетъ выгодное служебное положеніе. Вотъ какъ разсуждалъ Свиты Его Величества генералъ-маіоръ фонъ-Бринъ, думавшій только о выгодномъ мѣстечкѣ и о полученіи служебныхъ наградъ.

Многіе узнали о моемъ отъѣздѣ въ Севастополь и не только знакомые просили о передачѣ ихъ родственникамъ денегъ и разныхъ вещей, но и неизвѣстныя мнѣ лица присылали разныя вещи, которыя они жертвовали больнымъ и раненымъ. Я ѣхалъ въ четырехмѣстномъ тарантасѣ и потому принималъ все за исключеніемъ вещей, занимавшихъ много мѣста, какъ-то, сахаръ и т. п. Но при выѣздѣ моемъ вечеромъ 8 ноября, когда я садился въ тарантасъ, въ него успѣли положить и нѣсколько головъ сахару. Не успѣлъ я отъѣхать версты отъ дому, какъ сломалось что-то въ моемъ тарантасѣ, такъ что я долженъ былъ вернуться.

Всю ночь чинили тарантасъ, а я съ женою и сестрою проговорили въ ожиданіи окончанія починки. Я уѣхалъ только на другой день утромъ. По дорогѣ я видѣлся въ Орлѣ съ старымъ моимъ другомъ А. С. Цуриковымъ, женою его, урожденною Сталь, дочерью бывшаго Московскаго коменданта, съ орловскимъ вице-губернаторомъ Вульфомъ, съ которымъ я познакомился въ Екатеринославѣ, гдѣ онъ былъ также вице-губернаторомъ, въ Харьковѣ съ С. В. Абазою и его семействомъ, а въ Екатеринославѣ съ губернаторомъ Фабромъ и съ управляющимъ акцизными сборами Щербаковымъ,

умершимъ въ началѣ 1873 г. въ Харьковѣ. Со всѣми этими лицами я видѣлся и на обратномъ пути.

Въ Екатеринославѣ я перегналъ сестеръ милосердія, отправленныхъ въ Крымъ по распоряженію великой княгини Елены Павловны. На первомъ перегонѣ отъ Перекопа экипажъ мой завязъ въ селеніи «Армянскій базаръ» въ грязи, изъ которой съ трудомъ вытаскивали простыя телѣги. Опасаясь снова гдѣ-нибудь завязнуть и встрѣчая, не смотря на курьерскую подорожную, на всѣхъ станціяхъ затрудненіе въ полученіи лошадей, я рѣшился съ первой станціи за Перекопомъ ѣхать съ какимъ-то чиновникомъ на перекладной, уплачивая за него прогонныя деньги и приказавъ моему слугѣ съ моимъ тарантасомъ продолжать путь до Симферополя по моей подорожной.

Благодаря этому распоряженію, я доѣхалъ до Симферополя въ полтора сутокъ, тогда какъ экипажъ мой употребилъ шесть сутокъ, чтобы проѣхать менѣе 200 верстъ. Чиновникъ, съ которымъ я ѣхалъ до Симферополя, говорилъ, что онъ посланъ изъ штаба князя М. Д. Горчакова, чтобы направить въ армію послѣдній неправильно посланный въ Симферополь обозъ съ порохомъ, но мы его не догнали, и потому, вѣроятно, онъ не былъ возвращенъ.

Порученіе, возложенное на чиновника, дать другое направленіе пороху, когда въ немъ ощущалась въ высшей степени нужда въ Севастополѣ и когда онъ уже почти достигъ этого города, по невообразимой грязной и неудобной дорогѣ, казалось мнѣ тогда и продолжаетъ казаться неправдоподобнымъ.

Все время, которое я ѣхалъ съ означеннымъ чиновникомъ въ телѣгѣ, лилъ проливной дождь. Это было 20 и 21 ноября. Всю теплую одежду я оставилъ въ моемъ экипажѣ и остался въ одной холодной шинели, поэтому я промокъ насквозь до костей и сильно прозябъ.

Выходя на почтовыя станціи для отогрѣванія, я въ нихъ не садился, чтобы мокрые подштанники хотя на-время отдѣлялись отъ моего тѣла.

На всѣхъ станціяхъ мы заставали проѣзжающихъ, ожидающихъ своей очереди для полученія лошадей. Между ними были и медики, ѣхавшіе въ нашу армію изъ сѣверо-американскихъ штатовъ; они, видя, что я не сажусь на станціяхъ, полагали, что я это дѣлаю изъ-за уваженія къ нимъ, а потому приглашали меня сѣсть и удивлялись, что я не пользуюсь ихъ приглашеніемъ. Эти медики, по прибытіи въ Симферополь, долго не получая лошадей для поѣздки въ Севастополь, отправлялись туда пѣшкомъ; иные сами несли свои пожитки. Я этихъ пѣшеходовъ снова повстрѣчалъ при обратномъ моемъ проѣздѣ изъ Севастополя въ Симферополь.

Въ Симферополь я пріѣхалъ 21 ноября поздно вечеромъ. Съ трудомъ найдя квартиру брата, я своимъ появленіемъ чрезвычайно удивилъ его и его жену. Первымъ дѣломъ было снять все мокрое платье и бѣлье и надѣть бѣлье и халатъ брата, такъ какъ все лежавшее въ захваченномъ мною съ собою небольшомъ чемоданѣ, находившемся полтора сутокъ подъ проливнымъ дождемъ, было мокро.

Брата я нашелъ здоровымъ. Онъ былъ раненъ въ руку выше локтя пулею, которая засѣла въ мягкой части тѣла, не раздробивъ кости. Рана была неопасна, но требовала ухода, очищенія отъ нагноенія и хорошей перевязки, что моя невѣстка исполняла превосходно, какъ о томъ свидѣтельствовалъ лечившій брата докторъ.

Вообще невѣстка моя была, противъ своего обыкновенія, добра съ братомъ и любезна со мною.

Въ продолженіе двухъ недѣль, которыя я пробылъ у нихъ, она однако же выходила иногда изъ себя, при чемъ бранныя слова сыпались на брата. Причиною была ревность, доходившая до нелѣпости; такъ, напр., разъ случилось мнѣ и брату обѣдать у какой-то 80-ти лѣтней баронессы, давнишней обитательницы Симферополя, у которой вмѣстѣ съ нами обѣдали нѣсколько старыхъ женщинъ. Послѣ обѣда сѣли играть въ карты и мы вернулись домой позднѣе, чѣмъ предполагала моя невѣстка.

По возвращеніи нашемъ посыпалась брань на брата, и когда я сказалъ невѣсткѣ, въ какомъ мы были обществѣ, она мнѣ отвѣчала, что она не можетъ терпѣть, чтобы братъ былъ въ обществѣ женщинъ, хотя бы и старыхъ.

О томъ, какъ невѣстка моя нашла ея раненаго мужа въ Севастополѣ послѣ Инкерманскаго сраженія, имѣется разсказъ Горбунова, бывшаго впослѣдствіи адъютантомъ моего брата,—въ I томѣ Севастопольскаго сборника, изданнаго по повелѣнію Наслѣдника Цесаревича. Подвигъ моей невѣстки въ разсказѣ Горбунова, конечно, нѣсколько опоэтизированъ.

Въ Симферополѣ я нашелъ новаго губернатора, полковника графа Николая Владиміровича Адлерберга (впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи и финляндскій военный генералъ-губернаторъ), въ страшныхъ хлопотахъ по недостатку перевозочныхъ средствъ, которыя ежедневно требовались въ огромномъ количествѣ. Пожертвованныя вещи для войска по этой причинѣ, а также по причинѣ безпорядковъ и злоупотребленій, не доходили до своего назначенія. Цѣлыя городскія площади были завалены пожертвованными полушубками, перевезенными до Симферополя съ необычайными затрудненіями, а въ то же время наши войска были плохо одѣты и мерзли въ своихъ земляныхъ бивуакахъ.

Братъ и невѣстка совѣтовали мнѣ привезенные мною чай, кофе, сахаръ, корпію, бѣлье и пр. не передавать офиціальнымъ лицамъ, убѣжденные, что въ такомъ случаѣ ничего не дойдетъ по назначенію, а передать все женѣ предсѣдателя казенной палаты Владислава Максимовича Княжевича, съ которою, равно какъ и съ ея мужемъ, они меня познакомили,—что я и исполнилъ.

Княжевичъ отдалъ все свое помѣщеніе подъ лазаретъ, оставивъ для себя и жены двѣ комнаты, расположенныя на разныхъ концахъ его квартиры. Жена его сама ходила за больными. Теперь ихъ обоихъ уже нѣтъ на свѣтѣ.

Въ Симферополѣ было болѣе 30 лазаретовъ, которые я всѣ посѣтилъ и нашелъ во всѣхъ отношеніяхъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Я также былъ у генерала Квицинскаго, командовавшаго тою дивизіей, въ которой находился командуемый братомъ Владимірскій полкъ.

Квицинскій, знакомый мнѣ по Москвѣ, пожелалъ видѣться со мною. Я его нашелъ въ постели, страдающимъ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи подъ Альмою. Онъ мнѣ сказалъ, чтобы я предварилъ брата о необходимости строгаго пріема полка отъ прежняго его командира полковника Ковалева, такъ какъ ему извѣстно, что въ полку многаго не достаетъ. Несмотря на это предвареніе и на то, что Ковалевъ многое изъ недостававшаго показалъ потерянным при отступленіи послѣ сраженія при Альмѣ, онъ съумѣлъ надуть брата. Нѣкоторыя полковыя вещи оставались въ г. Ярославлѣ, въ мѣстѣ расположенія полка; онъ показалъ брату ихъ въ наличности, а между тѣмъ писалъ офицеру, остававшемуся въ Ярославлѣ при вещахъ, чтобы большую ихъ часть перевезти въ его деревню, въ томъ числѣ и порохъ, который онъ копилъ, вмѣсто того, чтобы раздавать нижнимъ чинамъ для обученія стрѣльбѣ. Вещи были перевезены въ имѣніе Ковалева, а перевозку пороха не допустило мѣстное начальство. Ковалева я почти каждый день видалъ у брата въ Симферополѣ.

Мнѣ очень хотѣлось видѣть осажденный Севастополь, но сообщенія между нимъ и Симферополемъ на почтовыхъ лошадяхъ почти не существовало. Остававшимися на почтовыхъ станціяхъ загнанными лошадьми пользовались одни курьеры, посылаемые главными начальниками. Братъ далъ мнѣ шесть лошадей Владимірскаго полка съ телѣгою для проѣзда въ Севастополь, взявъ съ меня честное слово, что я не поѣду на южную сторону, говоря, что если убьютъ или ранятъ кого изъ военныхъ, то о немъ пожалѣютъ, а если убъютъ или ранятъ меня, то всякій назоветъ меня дуракомъ за то, что безъ пользы подвергалъ себя опасности.

Дорога была невыносимо дурна, въ особенности по берегу рѣки Бельбека; грязь стояла выше ступицъ колесъ, такъ что телѣга загребала ее и потому, несмотря на шесть запряженныхъ въ нее рослыхъ лошадей, мы подвигались шагомъ. Дорога по р. Бельбеку была устроена слѣдующимъ образомъ: въ крутой каменной горѣ, образующей берегъ рѣки, была на нѣкоторой высотѣ вырублена узкая полоса для дороги; съ одной стороны надъ нею возвышалась каменистая гора, а съ другой былъ поставленъ сплошной изъ камня парапетъ вышиною около $^3/_4$ аршина; въ этомъ парапетѣ были оставлены отверстія для стока черезъ нихъ съ дороги грязи, стекающей въ огромномъ количествѣ во время дождей съ откоса горы, ограничивающей противоположную сторону дороги.

Въ проѣздъ мой эти отверстія были заполнены засохшею грязью, такъ что грязь съ дороги стекала только по верху парапета, гдѣ онъ случайно былъ ниже общей его высоты. Въ этой узкой грязной полосѣ, называемой дорогою потому только, что по ней ѣздили, валялись покрытые грязью околѣвшіе волы; когда на нихъ наѣзжала моя телѣга, я едва могъ въ ней удер-

жаться. При морозахъ грязь нѣсколько застывала только на поверхности, и тогда проѣздъ дѣлался совершено невозможенъ. Вотъ каково было единственное сообщеніе нашего осажденнаго города съ внутренними губерніями Россіи. Между тѣмъ было легко содержать его въ исправности; стоило только очищать отверстія въ парапетѣ отъ засыхавшей въ нихъ грязи, что въ обыкновенное время дѣлали мѣстные обыватели изъ татаръ, которые были удалены вскорѣ послѣ высадки непріятеля въ Крымъ, а о назначеніи рабочихъ для очищенія отверстій въ парапетѣ никто не подумалъ.

Въ маѣ 1855 г., желая улучшить наше сообщеніе съ Севастополемъ, по моему предложенію начальникъ V (Московскаго) отдѣленія Николаевской желѣзной дороги Шериваль (впослѣдствіи тайный совѣтникъ и начальникъ управленія желѣзными дорогами) составилъ проектъ конной дороги изъ деревянныхъ покрытыхъ желѣзною полосою рельсовъ и проектъ вагоновъ, на которыхъ можно было бы перевозить скотъ и фуры безъ перегрузки.

Приложивъ къ этимъ проектамъ составленную мною пояснительную записку съ указаніемъ мѣста, откуда можно было достать матеріалы, нужные для устройства дороги, способа устройства и списка протяженій, гдѣ эта рельсовая дорога наиболѣе нужна, я отправилъ ихъ къ главнокомандующему арміею князю М. Д. Горчакову, прося вмѣстѣ съ тѣмъ моего брата наблюсти за тѣмъ, какъ будетъ принято мое предложеніе; на него не обратили никакого вниманія.

Подъ запиской я подписался «Русскій»; я не смѣлъ подписать своей фамиліи, опасаясь, что Клейнмихель будетъ недоволенъ тѣмъ, что я ее послалъ не черезъ него; посылкою же къ нему записки я боялся потерять время, которое считалъ весьма дорогимъ при тогдашнемъ нашемъ положеніи въ Севастополѣ.

По дорогѣ изъ Симферополя въ Севастополь я обогналъ ѣхавшаго верхомъ юнкера Сергѣя Алексѣевича Нарышкина, старшаго сына моего друга.

Сергѣй Нарышкинъ находился постояннымъ ординарцемъ у князя М. Д. Горчакова. Въ разсказѣ этого юноши объ Инкерманскомъ сраженіи, онъ обвинялъ своего начальника, который по диспозиціи долженъ былъ сдѣлать фальшивую атаку на французскій лагерь для отвлеченія вниманія непріятеля отъ главныхъ нашихъ силъ, наступавшихъ у Инкермана; но по внушенію генералъ-лейтенанта Липранди сдѣлалъ свою атаку до того фальшивою, что ею не могъ обмануть не только французскаго генерала, но и самаго неопытнаго юношу.

Я везъ Нарышкину нѣсколько денегъ золотою монетою, которою онъ былъ очень недоволенъ, не зная куда положить. Золотою же монетою я везъ большія суммы разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ Римскому-Корсакову, котораго нашелъ въ селѣ Бельбекѣ.

Онъ также былъ недоволенъ полученіемъ золотой монеты, которую съ трудомъ размѣнялъ на кредитные билеты. Между тѣмъ это золото меня

чрезвычайно обременяло въ продолженіе всей дороги между Москвою и Симферополемъ, такъ какъ, опасаясь положить его въ чемоданъ, который могъ легко быть украденъ, я имъ набилъ всѣ мои карманы.

Въ Россіи звонкая монета ходила тогда al pari съ кредитными билетами, но меня снабдили золотомъ, а не билетами, въ опасеніи, что послѣдніе ходятъ въ Крыму ниже настоящей ихъ цѣны.

Подъѣзжая къ Бельбеку ночью на 30 ноября, я видѣлъ по направленію къ Севастополю безпрерывные огни, которые сначала принялъ за падающія звѣзды; потомъ услыхалъ отдаленный грохотъ, подобный грому, и очень удивился такой сильной грозѣ въ это время года. Наконецъ я понялъ, что это были пушечные выстрѣлы у Севастополя.

Въ с. Бельбекѣ я нашелъ генерала Данненберга, только что сдавшаго командованіе 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ генералу Сакену и очень недовольнаго всѣмъ происходившимъ. Часть ночи, проведенной мною въ Бельбекѣ, я слушалъ его разсказы, но еще болѣе я слышалъ отъ него, когда на возвратномъ моемъ пути въ Москву я догналъ его на первой станціи отъ Симферополя на р. Салгирѣ. Тамъ, лежа со мною на единственной кровати, онъ, большой охотникъ и мастеръ разсказывать, проговорилъ всю ночь.

Въ Севастополѣ я остановился на сѣверной сторонѣ у генеральнаго штаба полковника Герсеванова, исправлявшаго должность генералъ-квартирмейстера арміи, человѣка мало способнаго. Онъ помѣщался въ комнатѣ, наполненной чертежами. Я пробылъ въ Севастополѣ всего одинъ день.

Передъ моимъ отъѣздомъ, въ началѣ декабря, изъ Симферополя въ Москву, братъ мой, узнавъ, что я нуждаюсь въ деньгахъ и что я могъ пріѣхать къ нему только вслѣдствіе выдачи на мою поѣздку денегъ нашею сестрою, предложилъ мнѣ тысячу рублей съ тѣмъ, что я буду ихъ выплачивать, покупая для него въ Москвѣ вещи по мѣрѣ полученія отъ него порученій на эти покупки. Братъ, по его словамъ, имѣлъ въ это время лишнія наличныя деньги, и я очень былъ ему благодаренъ.

Не успѣлъ я пріѣхать въ Москву, какъ его жена начала давать мнѣ порученія на разныя покупки, такъ что вскорѣ очень немного осталось у меня изъ полученныхъ тысячи рублей.

Получивъ отъ ея сестры, Елизаветы Борисовны фонъ-Бринъ, новое ея порученіе купить фортепіано, я показалъ послѣдней счетъ покупкамъ, который изъ писемъ моихъ къ брату должна была знать жена его, и затѣмъ совершенную невозможность на остальныя деньги, которыя тогда же отдалъ г-жѣ фонъ-Бринъ, купить фортепіано. Конечно, моя невѣстка не мало бранила меня за этотъ отказъ.

На первой станціи отъ Симферополя на р. Салгирѣ мнѣ сказали, что нѣтъ почтовыхъ лошадей, что много проѣзжающихъ, и въ томъ числѣ генералъ Данненбергъ, остановлены за неимѣніемъ лошадей. Я призвалъ старосту и требовалъ отъ него, чтобы онъ мнѣ нанялъ лошадей, а за неимѣніемъ ихъ верблюдовъ или воловъ.

Къ утру были заложены въ мой тарантасъ, не помню какія изъ послѣдне-поименованныхъ животныхъ, за наемъ которыхъ я заплатилъ очень дорого. Я употребилъ на проѣздъ почтоваго перегона, менѣе 30 верстъ, цѣлый день. На слѣдующей почтовой станціи повторилось то же самое. Дорога въ Крыму ничѣмъ не обозначена и возчики не знали ея направленія, а потому мнѣ случалось плутать по Крымскимъ степямъ по нѣсколько часовъ во всѣ стороны, такъ что потребовалось шесть дней для переѣзда до Перекопа, откуда я поѣхалъ съ меньшими затрудненіями.

По дорогѣ я перегонялъ цѣлые обозы раненыхъ и партіи плѣнныхъ Французовъ, Англичанъ и Турокъ. Между Екатеринославомъ и Харьковомъ, въ одномъ большомъ селеніи, въ которомъ я перемѣнялъ лошадей, вошли рано утромъ въ занимаемую мною на станціи комнату нѣсколько плѣнныхъ французовъ; они объявили, что, узнавъ о моемъ полковничьемъ чинѣ, пришли ко мнѣ съ просьбою. Я имъ отвѣчалъ, что я не принадлежу къ полиціи, но готовъ, если ихъ обижаютъ обыватели или конвоирующіе ихъ нижніе чины, передать ихъ жалобы ближайшему полицейскому или военному начальству.

Они объявили, что ихъ никто изъ русскихъ не обижаетъ, что конвой обходится съ ними ласково, а конвойный унтеръ-офицеръ наилучшій человѣкъ въ свѣтѣ (le plus brave homme du monde), но что они просятъ отдѣлить ихъ отъ англичанъ и турокъ, изъ-за которыхъ они такъ долго находятся въ пути, такъ какъ первые отъ излишняго употребленія русской водки не могутъ держаться на ногахъ, а послѣдніе, хотя и не пьютъ, но вовсе ходить не умѣютъ, такъ что конвойные выбились изъ силъ, отыскивая лошадей для перевозки турокъ и пьяныхъ англичанъ. Я объяснилъ имъ невозможность исполнить ихъ желаніе.

Послѣ того плѣнные сказали мнѣ, что четвертакъ, положенный на каждаго въ день, имъ выдается аккуратно, при чемъ нѣкоторые показали мнѣ столько четвертаковъ, сколько дней они были въ походѣ. Я удивился, что они ничего не издержали изъ выданныхъ имъ денегъ. Они объяснили это тѣмъ, что въ селеніяхъ нечего было покупать по случаю поста (Рождественскаго), а хлѣбъ бѣлый имъ даютъ крестьяне вдоволь и ни подъ какимъ видомъ не хотятъ принимать отъ нихъ никакой платы, приговаривая при отказѣ отъ денегъ слово «Нечасни», т.-е. несчастные.

Но они слышали, что недалеко отъ Харькова, о которомъ имъ говорили, какъ объ очень хорошемъ городѣ, и они надѣются въ немъ достать все нужное на деньги, которыя накопятъ въ походѣ. Я ихъ напоилъ чаемъ; онъ имъ очень понравился; нѣкоторые изъ нихъ пили его въ первый разъ.

Выйдя садиться въ тарантасъ, я замѣтилъ нѣсколько пьяныхъ англичанъ, валяющихся по землѣ, и нѣсколько турокъ, сидящихъ по ихъ обыкновенію на корточкахъ. Снѣгъ около Харькова былъ такъ глубокъ, что я не могъ продолжать мой путь въ тарантасѣ, который оставилъ въ Харьковѣ, и купилъ зимнюю повозку.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, я описалъ мою поѣздку въ Крымъ въ

письмѣ отъ 30 декабря 1854 г. къ товарищу моему Баландину. Письмо это можетъ служить дополненіемъ къ моему разсказу, а потому я его помѣщаю in extenso:

«По возвращеніи изъ Крыма, я нашелъ твое письмо отъ 26 ноября, въ которомъ ты просишь меня передать подробно впечатлѣнія моего путешествія и просишь жену внушить мнѣ, что я долженъ непремѣнно подробно обо всемъ написать, но не видавъ еще твоего письма, я предчувствовалъ твое желаніе и мнѣ самому необходимо было подѣлиться съ тобою моими впечатлѣніями; поэтому въ обратной дорогѣ нѣсколько разъ думалъ о томъ, что немедля по пріѣздѣ напишу тебѣ, но частію усталость отъ дороги, частію дѣла, въ особенности по своимъ имѣніямъ, частію необходимость немедля повидаться съ родными раненыхъ, которыхъ я видѣлъ въ Крыму, принудили меня отложить мое письмо, которое будетъ, можетъ быть, слишкомъ для тебя длинно, въ чемъ впредь прошу извиненія. Утромъ 2 ноября прочелъ я небольшую реляцію объ Инкерманскомъ дѣлѣ, въ которой напечатано было, что братъ раненъ. Я рѣшился немедля ѣхать. Сознаюсь, что желаніе видѣть собственными глазами Крымъ въ настоящую минуту помогало скорому моему рѣшенію ѣхать видѣться съ братомъ и, если возможно, быть ему полезнымъ. По случаю военныхъ обстоятельствъ, жена его цѣлый годъ прожила въ Нижнемъ и только въ концѣ сентября возвратилась къ мужу и поселилась въ Измаилѣ. Трое ихъ малолѣтнихъ дѣтей въ Нижнемъ.

«Генералъ Лидерсъ*) въ началѣ октября объявилъ брату о полученномъ имъ Высочайшемъ повелѣніи, коимъ трое полковниковъ 5-го корпуса назначены командирами полковъ въ 6 пѣхотный корпусъ, но о которомъ до сего времени нѣтъ Высочайшихъ приказовъ, что представляетъ первый примѣръ, и что еще страннѣе относительно назначенія брата —то, что его предмѣстникъ**), показанный умершимъ, живъ и не былъ въ плѣну; правда, раненъ, но не оставлялъ войска. Братъ, конечно, поспѣшилъ въ Крымъ, а другіе полковники, также свободные по службѣ, не торопились, и потому онъ одинъ изъ нихъ былъ въ дѣлѣ 24 октября. Казалось, тѣ ѣхали одни, а братъ съ женою, и потому могли бы поспѣть, но такъ намъ на роду написано: имѣть желаніе лѣзть въ опасность.

«Братъ пріѣхалъ въ Севастополь за нѣсколько дней до 24 октября и мы, при полученіи извѣстія о его ранѣ, могли полагать, что жена его возвращается въ Нижній къ дѣтямъ. Объ увольненіи меня въ отпускъ я просилъ 2 ноября по телеграфу, но не получилъ отвѣта, а 3-го послалъ форменную просьбу. 9-го числа я выѣхалъ въ тарантасѣ, нагруженномъ пожертвованіями и съ портфелями, наполненными письмами и деньгами для Крымскихъ воиновъ. На первой станціи за Харьковомъ догналъ я офицера, посланнаго изъ Москвы съ пожертвованіями, которому необхо-

*) Командиръ 5 пѣхотнаго корпуса, впослѣдствіи графъ и Членъ Государственнаго Совѣта.

**) Полковникъ Ковалевъ.

димо было 11 лошадей, а по почтовому дорожнику и по купленному мною за 10 коп. печатному маршруту значилось на этой станціи всего 16 лошадей, изъ коихъ 9-ть для курьеровъ не давались никому, кромѣ фельдъегерей. Ты можешь себѣ представить, какъ удобно было почтовое сообщеніе. Я бралъ 5 лошадей, а потому вездѣ имѣлъ остановки и ѣхалъ три дня до Екатеринослава 214 верстъ, несмотря на то, что употреблялъ и добрыя и дурныя слова и деньги безъ мѣры. Чѣмъ далѣе ѣхалъ, тѣмъ было хуже, и вотъ мое первое удивленіе: какъ не подумали, что сообщеніе необходимо съ предѣлами, въ которые вступилъ непріятель, и какъ не пришло никому въ голову въ Петербургѣ, что нельзя давать подорожныхъ коммисіонерамъ на 50 лошадей по тому тракту, гдѣ ихъ всего по 16 на станціи. Уже на обратномъ моемъ пути дѣлались кое-какія распоряженія къ увеличенію лошадей на станціяхъ, но и они не могли ни къ чему повести. Сначала выставили обывательскихъ. Жиды, содержатели станцій, брали прогоны, а обывательскимъ лошадямъ не давали ни сѣна, ни овса, котораго часто и у нихъ самихъ не было, и эти лошади скоро уничтожились. Содержатели жиды такъ испугались дорогихъ цѣнъ фуража, что совсѣмъ его не поставляютъ для своихъ лошадей, которыя околѣваютъ отъ изнуренія. Ямщики ими наняты изъ людей, оставшихся безъ пропитанія и не знающихъ обходиться съ лошадьми, живущихъ изъ одного хлѣба, который ими не всегда получается, и потому они разбѣгаются. Дѣло это надо исправить не однимъ увеличеніемъ числа лошадей на станціяхъ, а измѣненіемъ порядка ихъ содержанія. Я много написалъ объ этомъ вопросѣ, такъ какъ онъ самый важный, въ особенности если принять въ соображеніе, что почтовыхъ лошадей употребляютъ на подвозъ полушубковъ и другихъ потребностей для Крымской арміи, а почта съ письмами и пакетами, выѣхавшая 5-го декабря изъ Симферополя, выѣхала изъ Екатеринослава только 14 числа, и то въ 9 дней 450 верстъ она большею частью шла на волахъ. Я также на обратномъ пути ѣхалъ до Перекопа на волахъ, верблюдахъ и лошадяхъ; иногда пара верблюдовъ и пара воловъ, или съ верблюдами лошади впереди, но самыя дурныя станціи были тѣ, на которыхъ закладывали однихъ лошадей. Иногда ямщики на одной верстѣ перекладывали всѣхъ лошадей: то въ коренныя, то въ пристяжныя, то въ подручныя и подсѣдельныя, и я повѣрялъ правило о соединеніи и переложеніи и, кажется, ямщики находили средство изъ 5-ти лошадей сдѣлать болѣе переложеній, чѣмъ допускаетъ извѣстная алгебраическая формула, и тѣмъ задерживали меня на одной верстѣ на полтора часа.

«Обо всемъ происшедшемъ въ Крыму мнѣнія и разсказы столь различны, что необходимо изо всего составить собственный разсказъ, отбросивъ все невѣроятное и преувеличенное. Въ одномъ только всѣ согласны: въ неудовольствіи противъ главнокомандующаго*) и въ томъ, что Тотлебенъ**)

*) Адмирала князя А. С. Меньшикова.

**) Бывшій тогда саперным полковникомъ, впослѣдствіи графъ, инженеръ-генералъ и генералъ-адъютантъ.

спаситель Севастополя. Братъ мой оптимистъ и его мнѣніе я также принялъ въ соображеніе.

«Ты помнишь еще два правила войны: что надобно всегда въ рѣшительныхъ точкахъ совокуплять наибольшія массы и умѣть ихъ расположить такъ, чтобы всѣ онѣ въ рѣшительную минуту могли быть употреблены съ пользою. Конечно, одна изъ рѣшительныхъ точекъ настоящей войны — Крымъ, но мы въ немъ численностью войскъ оказались вдвое слабѣе непріятеля, пришедшаго изъ-за тридевять земель; рѣшительная же минута было сраженіе подъ Барлукомъ (какъ называютъ его въ Крыму), или на Альмѣ, но войска были расположены при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ противно здравому смыслу и всѣмъ требованіямъ науки. Въ дѣйствіе могла быть употреблена только наименьшая часть нашего войска и, несмотря на крѣпость нашей позиціи, хорошее дѣйствіе артиллеріи и храбрость войскъ, мы должны были уступить, понеся значительную потерю въ людяхъ и разстроившись до такой степени, что войска надо было сбирать нѣсколько дней, такъ какъ не было опредѣлено куда и какъ отступать, а человѣку, занимавшемуся военнымъ дѣломъ съ любовью, какъ наукою, не трудно было бы всѣмъ распорядиться, какъ слѣдуетъ. Главнокомандующій, какъ говорятъ, самъ отказывается отъ составленія диспозицій; начальника штаба и генералъ-квартирмейстера при немъ не было; слѣдовавшій за нимъ генералъ*) хорошъ только потому, что въ него попало 8 пуль и его не ранило; былъ одинъ дивизіонный генералъ Квичинскій лучше другихъ, но ему не дозволили распорядиться, и онъ, получивъ три раны, лежитъ въ Симферополѣ въ очень опасномъ положеніи; объ остальныхъ генералахъ лучше умолчать. Конечно, по превосходству вооруженія и числа непріятеля, сраженіе не могло кончиться въ нашу пользу, но при нашихъ лучшихъ распоряженіяхъ мы бы менѣе потеряли, и они долѣе бы не опомнились. Послѣ этого сраженія былъ совѣтъ, въ которомъ участвовалъ между прочими покойный Корниловъ**) и Тотлебенъ, только что присланный отъ князя Горчакова***) и дурно принятый, какъ вообще всѣ отъ Горчакова присылаемые. На совѣтѣ главнокомандующій полагалъ, за невозможностью удержать Севастополь, такъ какъ сѣверное укрѣпленіе весьма непрочно и дурно устроено, а южная часть города открыта, какъ поле, выйти съ флотомъ и, хотя не было никакихъ вѣроятій, побѣдить флотъ въ пятеро большій, но умереть съ честію.

Корниловъ не находилъ положенія еще столь отчаяннымъ и полагалъ нужнымъ укрѣпляться, а такъ какъ непріятель перешелъ на южную сторону, то Тотлебенъ и укрѣпилъ ее и въ нѣсколько дней сдѣлалъ то, чего не подумали сдѣлать въ полтора года, т.-е. съ того времени, какъ восточный вопросъ сдѣлался военнымъ вопросомъ. Съ южной стороны существовала тонкая кирпичная стѣна сажени въ двѣ вышины, длиною до 600 саж.; остальная часть этой стороны была совершенно открыта Въ городѣ почти

*) Князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ.

**) Вице-адмиралъ, командующій Черноморскимъ флотомъ.

***) Князя Михайла Дмитріевича, главнокомандующаго Дунайскою арміею.

не было войска и артиллеріи и потому непріятель могъ бы вступить въ городъ безъ сопротивленія, какъ въ собственный городъ, и завладѣть имъ, флотомъ и, главное, бухтою, но Богъ затемнилъ ихъ очи: они прошли къ Балаклавѣ и приготовились къ правильной осадѣ неукрѣпленнаго города, но и по сдѣланіи земляныхъ укрѣпленій, нечего въ нихъ производить брешь, такъ какъ бастіоны не имѣютъ непрерывнаго соединенія между собою. Сколько я понимаю, они боялись идти на приступъ и думали, вооруживъ свои батареи, разгромить Севастополь и своимъ громомъ перепугать насъ до того, что мы сдадимъ его, но дѣло подъ Бурлукомъ, кажется, уже доказало, что мы не китайцы и народъ вовсе не трусливый. Между тѣмъ, кромѣ отличнаго устройства и вооруженія наружной оборонительной линіи, которымъ удивляются наши непріятели, по распоряженію генералъ-маіора Баумгартена*) устроены внутри города двѣ оборонительныя линіи столь хорошо, что, по моему мнѣнію, сколь ни были бы велики силы непріятеля, но приступъ удастся не можетъ. Тутъ штуцера уже не помогутъ. Единственное средство имъ взять Севастополь, сдѣлать новую сильную высадку, обложить городъ и съ сѣверной стороны и тѣмъ прекратить сообщенія города, но если къ тому времени прибавятся , какъ увѣряютъ, наши внѣшнія силы, т.-е. войска, стоящія внѣ укрѣпленій, и сверхъ того мы получимъ довольное число штуцеровъ, то и эта новая высадка кончится ничѣмъ, ибо мы не допустимъ обложить городъ съ сѣверной стороны; высадка же началась еще при мнѣ. Въ Евпаторіи высадилось 10 т. Турокъ, но и бывшіе тамъ голодали; не знаю, какъ же будутъ кормиться они въ столь значительномъ числѣ. Вообще положеніе осаждающихъ войскъ должно быть невыносимо. Доказательствомъ служитъ значительное число перебѣгающихъ, не могущихъ выносить голода и холода; въ числѣ бѣглыхъ были даже офицеры французы и англичане. Конечно, подвозы облегчаютъ ихъ участь, но они по состоянію моря не могутъ быть ежедневны и слѣдовательно бываютъ дни для нихъ невыносимые.Храбрость всѣхъ войскъ, составляющихъ гарнизонъ, въ особенности моряковъ и черно-морскихъ казаковъ-пластуновъ, которые ихъ безпрестанно тревожатъ по ночамъ и приводятъ плѣнныхъ, должны были уронить духъ непріятельскихъ войскъ. Они въ своихъ реляціяхъ говорятъ: les sorties des Russes sont repoussées avec perte. Это выраженіе неправильно. Мы дѣлаемъ все, что можно съ маленькими силами, и конечно сами ударимъ не ожидая, чтобы непріятель собрался въ большомъ числѣ. Вылазка съ 29 на 30 ноября была поболѣе другихъ, и весьма удачно перекололи 150 человѣкъ, привезли 3 мортиры и плѣнныхъ, а сами потеряли убитыми и ранеными до 60 человѣкъ, изъ коихъ убитыхъ мало. Къ бастіону № 4 непріятель, своими траншеями, подошедъ на разстояніе 60 саженъ, надолго прекратилъ при ономъ всякія дѣйствія, что можно частію приписать храбрости и неутомимости защищавшихъ этотъ бастіонъ. Вообще послѣ 24 октября и въ особенности послѣ бури

*) Впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи, членъ военнаго совѣта.

2 ноября, непріятель стрѣлялъ мало, но послѣ вылазки съ 29 на 30 снова началъ дѣйствовать сильнѣе вообще и также противъ бастіона № 4.

«Въ первый день бомбардированія у насъ въ гарнизонѣ выбыло изъ строя убитыми и ранеными до 1100 человѣкъ, на другой день до 500 и потомъ все менѣе, такъ что за октябрь итогъ убитыхъ и раненыхъ въ гарнизонѣ 6400 человѣкъ, за ноябрь нѣтъ и 2000; были дни менѣе 10 человѣкъ и то болѣе убитыхъ штуцерными выстрѣлами. Буря 2-го ноября причинила болѣе вреда, чѣмъ писали. Между Балаклавою и Севастополемъ много погибло, о чемъ почти не упомянуто, но вообще море не такъ бурливо, какъ въ прежніе годы, и почти не было морозовъ, но можно надѣяться, что зима свое возьметъ, а такъ какъ морозы въ январѣ въ тѣхъ мѣстахъ бываютъ съ метелями, то положеніе непріятельской арміи можетъ быть еще отчаяннѣе. Наше войско, конечно, не въ хорошемъ положеніи, стоя на бивакахъ въ землянкахъ и получая продовольствіе по необыкновенно грязной дорогѣ отъ Бахчисарая, которую такъ легко было бы поддержать въ хорошемъ видѣ, если бы на это было обращено должное вниманіе, но все же мы привыкли болѣе къ перенесенію трудностей, и у насъ, слава Богу, нѣтъ холеры. По значительности идущихъ транспортовъ отъ Бахчисарая, существующей дороги, проложенной на откосѣ горы по Бельбекской долинѣ, было бы недостаточно, если бы она была и удобопроѣзжаема. Можно было бы за небольшіе расходы открыть новый добавочный путь сообщенія, но главнокомандующій не даетъ денегъ и вообще на нихъ скупъ. Ты знаешь, какъ мнѣ нравятся всѣ наблюдающіе интересъ казны, но всему долженъ быть предѣлъ и не должно бы скупиться на устройство столь важнаго сообщенія, а въ особенности на устройство госпиталей, которые въ Симферополѣ въ жалкомъ положеніи. Такъ какъ не сдѣлано было заблаговременно распоряженій о доставленіи запасныхъ аптекъ и госпитальныхъ кадровъ и объ увеличеніи числа докторовъ и транспортныхъ подводъ, то раненые и оставались нѣсколько дней безъ перевязки. Казенная аптека не успѣвала доставлять лекарства, такъ что офицеры по 3 дня ихъ не получали. Большой недостатокъ въ бѣльѣ. Перевязка раненыхъ была затруднительна, а въ госпиталяхъ дурной воздухъ и вообще неустройство. Доктора, посланные изъ южной арміи, за недостаткомъ лошадей на почтахъ, ѣхали медленно. Въ Симферопольскихъ госпиталяхъ офицеры даже не видали чаю и сахару, тогда какъ пожертвованія были на нихъ столь велики, но не трудно, что такой безпорядокъ, когда при арміи не было самыхъ нужныхъ чиновъ, которые должны быть при ней по положенію о дѣйствующей арміи. Кого именно нужно, не трудно бы прочесть въ этомъ положеніи и по назначеніи ихъ, каждый завѣдывалъ бы своею частью; теперь начали назначать нѣкоторыхъ, и даже если они и не совсѣмъ способны, то все же пойдетъ лучше. Каждый будетъ заниматься своимъ дѣломъ. Между тѣмъ говорили, что прибыла еще запасная аптека, а прибывшія сестры, состоящія подъ покровительствомъ великой княгини Елены Павловны, уже оказываютъ много полезнаго. По пріѣздѣ остальныхъ сестеръ и сердобольныхъ вдовъ,

нѣтъ сомнѣнія, что госпитали поправятся, но удивительно, кому могло прійти въ голову отправить сердобольныхъ вдовъ въ почтовыхъ каретахъ по нашимъ новороссійскимъ дорогамъ, гдѣ каждую карету запрягаютъ по 20 воловъ очень искусно, по шести въ рядъ, три ряда и впереди два вола. Мѣстный военный губернаторъ *), о бѣгствѣ котораго изъ Симферополя разскажу послѣ, не занимался госпиталями; новый не отвѣтственъ и не знаю, что онъ сдѣлаетъ, если ему не дадутъ денежныхъ средствъ, которыхъ у него нѣтъ вовсе въ распоряженіи. Жители Симферополя принимаютъ сильное участіе въ раненыхъ и больныхъ и дѣлаютъ для нихъ все по возможности. Симферополь—совершенный госпиталь. Грязь въ немъ непроходимая и непроѣзжаемая. До 3 т. раненыхъ отправлено къ колонистамъ въ Мелитополь, гдѣ многіе отъ хорошаго за ними ухода выздоравливаютъ. Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что войско наше отличается храбростію, рвеніемъ, преданностію Государю, но не любитъ своего начальника **). Впрочемъ, какъ видимъ, за что имъ любить его, если еще между ними, можетъ быть, извѣстно, что онъ не принялъ въ Севастополь Архіепископа Иннокентія, пріѣхавшаго съ чудотворною иконою Касперовскія Божіей Матери, о которомъ будто бы онъ сказалъ, что къ чему Архіерей разъѣзжаетъ съ иконою своего изобрѣтенія; увѣряютъ, что это правда. Предоставляю тебѣ судить, до какой степени это можетъ произвести дурное вліяніе. Никто другой бы этого не сдѣлалъ, а въ особенности прибывшій при мнѣ Сакенъ***), который очень богомоленъ; онъ уже принялъ подъ собственную команду защиту Севастополя, вмѣсто Моллера, не очень способнаго командовать осажденнымъ гарнизономъ. Съ прибытіемъ Сакена, Севастополь какъ будто повеселѣлъ. Не знаю, до какой степени виновато военное министерство въ недостаткахъ арміи въ Крыму, но князь Горчаковъ изъ южной арміи, говорятъ, присылаетъ многое въ Крымскую армію, не ожидая требованія; но такъ какъ онъ человѣкъ разсѣянный, то говорятъ, что его заботливость простерлась до того, что онъ прислалъ одного офицера ожидать паденія Севастополя, съ тѣмъ, чтобы имѣть это свѣдѣніе какъ можно скорѣе. Конечно, Меньшикову должно было скоро надоѣсть видѣть подобное лицо, и онъ ему приказалъ ѣхать назадъ. Меньшикову даютъ разныя названія весьма для него невыгодныя. Остается разсказать тебѣ сраженіе 24 октября.

«22 октября пришли послѣднія войска дивизіи Соймонова****) и 23 хотѣли дать сраженіе; упросили однако же, чтобы дать войскамъ отдохнуть,

*) Генералъ-лейтенантъ Пестель, умершій сенаторомъ въ Москвѣ.

**) Впослѣдствіи мой братъ говорилъ мнѣ, что Меньшиковъ громогласно передъ солдатами называлъ войска 6-го корпуса трусами; такъ, онъ въ Инкерманскомъ дѣлѣ назвалъ Владимірскій полкъ, когда нашелъ нижнихъ чиновъ этого полка въ резервѣ лежащими. Братъ объяснилъ Меньшикову, что они лежатъ по его приказанію, чтобы не служить мишенью непріятельскимъ выстрѣламъ.

***) Назначенный командиромъ 4 пѣхотнаго корпуса, на мѣсто Данненберга, впослѣдствіи графъ и Членъ Государственнаго Совѣта.

****) Генералъ-лейтенантъ.

отложить до 24 окт. Вечеромъ 23-го Данненбергъ *), находившійся на Бельбекѣ въ 10 верстахъ отъ Севастополя и болѣе, и Соймоновъ, находившійся въ Севастополѣ, получили краткую, но не ясную диспозицію о томъ, чтобы 24-го каждый изъ нихъ выступилъ съ 6-ю полками и дѣйствовалъ отъ Киленбалки, для овладѣнія англійскими рентраншиментами. По соединеніи войскъ, Данненбергъ, какъ старшій, долженъ былъ принять команду. Въ то же время Тимофеевъ **) долженъ былъ напасть на французскій лагерь, а Липранди ***), стоявшій еще въ занятыхъ имъ редутахъ и находившійся подъ начальствомъ П. Д. Горчакова, сдѣлать фальшивую атаку на Сопунъ гору. Тимофеевъ исполнилъ дѣло свое хорошо, а атака Липранди, какъ говорятъ, удержаннаго Горчаковымъ ****), была слишкомъ фальшивою, такъ что не произвела ожидаемаго эффекта отвлечь непріятеля. Въ главномъ дѣйствующемъ отрядѣ хотя и было 12 полковъ или 48 баталіоновъ, но подъ ружьемъ было до 29 тыс. человѣкъ, и это ясно, потому что и въ благопріятное время трудно считать въ баталіонѣ болѣе 600 человѣкъ. Тутъ было 3 полка, въ которыхъ считалось менѣе, чѣмъ въ Владимірскомъ, а въ немъ подъ ружьемъ было 1300 человѣкъ. Данненбергъ и Соймоновъ, получившіе въ разныхъ мѣстахъ краткую, но не ясную диспозицію, составили каждый отдѣльно болѣе подробныя и послали ихъ на утвержденіе. Посланная Данненбергомъ не возвращалась; о Соймоновской не умѣю тебѣ сказать. Къ Данненбергу Меньшиковъ почему-то не благоволилъ. Первый еще изъ Перекопа послалъ донесеніе о томъ, что вступаетъ съ вспомогательными войсками въ Крымъ. Меньшиковъ спросилъ адъютанта Данненберга, привезшаго донесеніе: «А гдѣ генералъ Данненбергъ?» Онъ идетъ съ первымъ эшелономъ. «Къ чему онъ торопится; я слышалъ, что онъ получитъ новое назначеніе». Этотъ разговоръ былъ переданъ Данненбергу; послѣдствія его ты самъ поймешь. Вылазка, сдѣланная съ такой поспѣшностію, не могла удасться, но, по моему мнѣнію, если бы и удалась, ни къ чему не повела бы. Въ составѣ менѣе 30 тыс. человѣкъ нельзя было выгнать въ одинъ день изъ лагеря непріятеля, отлично укрѣпленнаго, многочисленнаго и превосходно вооруженнаго. Все, чего можно было бы достигнуть, это взятіе нѣсколькихъ англійскихъ укрѣпленій, для защиты которыхъ надо было бы оставить гарнизонъ. Этотъ гарнизонъ, находясь въ удаленіи отъ нашихъ силъ, былъ бы подверженъ самой величайшей опасности и не могъ бы удержаться. Примѣръ занятія редутовъ войсками Липранди доказываетъ только нерѣшительность и неспособность союзныхъ генераловъ. Онъ не съ 40 тыс. человѣкъ*****) стоялъ 1½ мѣсяца въ занятыхъ имъ редутахъ вдали отъ нашихъ войскъ и черезъ полтора мѣсяца ихъ оставилъ безъ боя,

*) Командиръ 4 пѣхотнаго корпуса, умершій членомъ военнаго совѣта въ Петербургѣ въ 1873 году.

**) Генералъ-маіоръ.

***) Генералъ-лейтенантъ, дивизіонный командиръ, а впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи и корпусный командиръ.

****) Впослѣдствіи говорили, что Липранди удержалъ Горчакова.

*****) Какъ пишутъ иностранные журналы, а съ одною дивизіею до 10 тыс. челов.

тогда какъ долженъ былъ быть изъ нихъ вытѣсненъ давно непріятелемъ. Противъ этихъ редутовъ, но по правую сторону рѣчки Черной, расположили теперь 16-ю дивизію, какъ принадлежащую къ 6-му корпусу, коего штабъ въ Чергунѣ, а дивизію Липранди отправили къ Сакену, къ корпусу котораго она принадлежитъ.

«Я съ намѣреніемъ тебѣ впередъ высказалъ цѣль боя 24-го окт., чтобы не такъ была грустна его неудача. Соймоновъ вышелъ рано утромъ изъ Севастополя по большой Симферопольской дорогѣ и не долженъ былъ бы, по моему мнѣнію, переходить Киленъ-балку, которою пролегаетъ эта дорога, а оставаться на ея лѣвой сторонѣ, въ ожиданіи прихода Данненберга, но онъ перешелъ балку, зная, что Данненбергъ, подъ команду котораго онъ долженъ былъ поступить, идетъ съ той стороны. Между тѣмъ, по переходѣ его на правый берегъ Киленъ-балки, онъ замѣченъ былъ непріятелемъ, который началъ въ него стрѣлять; это заставило Соймонова перейти снова черезъ Киленъ-балку съ частію войскъ, но уже не по большой дорогѣ, а по страшно неправильной крутизнѣ, подъ непріятельскими выстрѣлами. Натискъ нашихъ войскъ былъ такъ великъ, что они взяли непріятельскій ретраншементъ и даже вошли въ лагерь, но подоспѣвшія французскія войска штуцерными выстрѣлами заставили ихъ отступить, при чемъ Соймоновъ убитъ. Жабокрицкій*) принялъ команду надъ его дивизіею, а свою сдалъ брату, который менѣе двухъ лѣтъ полковникомъ; ясное доказательство, какъ мало высшихъ чиновъ у насъ въ дѣлахъ.

«Между тѣмъ подошелъ Данненбергъ. Мѣсто, которое онъ назначалъ для своей артиллеріи, нашелъ занятымъ артиллерію Соймонова, такъ что всю нашу артиллерію и развернуть нельзя было. Бой продолжался восемь часовъ. Тактика непріятеля состоитъ въ отступленіи столь стремительномъ, что мы, боясь засады, не можемъ за нимъ слѣдовать, а онъ, отойдя на разстояніе, на которое не хватаютъ наши ружья, открываетъ штуцерный огонь, разстраиваетъ строй, убивая и раня значительную часть атакующихъ. Можно сражаться съ равнымъ оружіемъ, а противъ штуцеровъ никуда не годна даже легкая артиллерія, которую всю уже и отослали изъ Севастополя. Потерявъ до 9 тыс. человѣкъ убитыми и ранеными, надо было отступить, но артиллерія оставалась безъ прикрытія. Тогда Данненбергъ**) приказалъ брату съ его полкомъ вытѣснить нападающаго непріятеля изъ Киленъ-балки, а между тѣмъ увозили артиллерію.

«Въ это время подъѣзжалъ къ полку великій князь Николай Николаевичъ, воодушевлялъ солдатъ и между прочимъ говорилъ, что надѣется, что Георгіевскіе кавалеры подадутъ примѣръ. Братъ едва принялъ полкъ и совсѣмъ не зналъ его; въ дракѣ онъ оказался также хорошъ, какъ полки прочихъ корпусовъ, но до вступленія въ бой было видно, что войска 6-го корпуса

*) Генералъ-маіоръ.

**) Это было въ послѣдніе часы сраженія; впослѣдствіи я неоднократно слышалъ отъ лицъ, состоящихъ въ свитѣ Государя, что Данненбергъ въ началѣ сраженія уѣхалъ; впрочемъ, эта гнусная клевета не требовала опроверженія.

не обстрѣлены: поминутно крестятся и поминаютъ «Царя Давида и всю кротость его», подъ выстрѣлами не такъ смирно стоятъ; но повторяю, что въ бою все это дѣлается незамѣтнымъ, и Владимірскій полкъ изъ 1300 человѣкъ потерялъ убитыми и ранеными 600 человѣкъ. Въ началѣ подъ братомъ убита англійская лошадь, наканунѣ имъ купленная, а въ концѣ онъ самъ раненъ въ руку; эта рана, можно надѣяться, будетъ безъ послѣдствія. Въ общемъ взглядѣ на это дѣло надо замѣтить необдуманную поспѣшность, съ которою его начали, незнаніе Соймоновымъ мѣстности, неимѣніе у него картъ и при немъ офицеровъ генеральнаго штаба, ошибку его въ переходѣ на правую сторону Киленъ-балки и, главное, превосходство непріятельскаго вооруженія, такъ что сколько бы ни присылали въ Крымъ войска, пока не будетъ штуцеровъ, и мы не пріучимся ими дѣйствовать, ничего не сдѣлаемъ; каждое сраженіе тѣмъ же кончится. Теперь надо непріятеля безпокоить малыми вылазками. Между тѣмъ говорятъ, штуцера дѣлаются и везутся, а русскій человѣкъ ко всему скоро пріучится и, если бы у насъ было вдвое менѣе штуцеровъ, чѣмъ у непріятеля, мы могли бы выиграть: такую ревность оказываетъ войско противъ непріятеля, осмѣлившагося прійти въ нашу землю и привезти съ собою Турокъ. Въ концѣ сраженія Меньшиковъ подъѣзжалъ къ Данненбергу и требовалъ держаться, но Данненбергъ, около котораго всѣ были перебиты и переранены, объявилъ, что держаться не съ чѣмъ, что до $^1/_3$ войска перебито, начальниковъ нѣтъ. Выстрѣлы, направленные на Меньшикова и Данненберга, заставили удалиться Меньшикова, который предоставилъ кончить Данненбергу: вслѣдъ за тѣмъ мы отступили, и я не буду тебя снова волновать описаніемъ положенія несчастныхъ нашихъ раненыхъ. Повторяю, что у насъ позабыли, что военное дѣло -наука; что хорошему военному надо постоянно учиться; теперь припоминаю, что мнѣ недавно попались рѣчи кузена, говоренныя имъ въ 1828 году, и что онъ въ одной изъ нихъ говоритъ: Donnez-moi l'état militaire d'un pays et sa manière de faire la guerre et je me charge de retracer tous les autres éléments de son histoire, car tout tient à tout, tout se résout dans le passé, comme principe etc..

«Но по Крымской арміи не надо судить о нашихъ дѣйствующихъ арміяхъ, которыя лучше организованы, хотя по вышеописанному путешествію моему можно подумать, что вездѣ сильный безпорядокъ, особливо если принять въ соображеніе, что на обратномъ пути въ Екатеринославѣ я не могъ добиться лошадей болѣе $2^1/_2$ сутокъ, несмотря на то, что самъ губернаторъ и вся полиція объ этомъ заботились.»

Привожу также in extenso весьма интересный отвѣтъ Баландина, въ которомъ онъ сообщаетъ мнѣніе французскихъ военачальниковъ о нашихъ войскахъ.

«Я очень радъ, что у меня есть маленькое средство отплатить тебѣ хоть немножко слѣд. выписками изъ двухъ писемъ В. *) о разговорѣ его

*) Волкова, Матвѣя Степановича, жившаго въ продолженіе всей войны за границею; я о немъ неоднократно упоминалъ въ «Моихъ воспоминаніяхъ».

съ Буэ-Вилльомэ, бывшимъ начальникомъ штаба Гамелэна, который пріѣзжалъ въ Брюссель, по возвращеніи въ Парижъ, и видѣлся тамъ съ В...; они пріятели по Maison Lafitte *). Извлекаю сущность двухъ писемъ. Предметъ ихъ одинъ и тотъ же. В. вообразилъ, не знаю почему, что П. 198 не дошло до меня, и въ П. 199 повторяетъ прежнее съ нѣкоторыми прибавленіями и измѣненіями; буду дѣлать ссылки на то и другое, воздерживаясь, по возможности, отъ коментаріевъ и предоставляя ихъ тебѣ самому.

«П°. 198: Вчера видѣлъ Буэ въ первый разъ. Весь вечеръ слушалъ его болтовню. Не пересказать всего: ну, хоть кое-что, безъ связи, системы, стиля, разбора дичи отъ недичи, à batons rompus, что вспомню,—слушайте. Всѣ плѣнные говорили имъ, что если бы послѣ Альмы немедлено штурмовать южную часть Севастополя, то онъ былъ бы въ ихъ рукахъ. Арно сдѣлалъ бы это; къ сожалѣнію, нравственныя его силы, остановившія косу смерти на нѣсколько дней (по выраженію Императора) **), должны были, наконецъ, уступить законамъ природы.

«Арно не послушался бы Роглана, который не хотѣлъ рисковать немедленнымъ приступомъ. Канроберъ тоже хотѣлъ дѣйствовать немедленно, но Рогланъ старше его и пришлось уступить осторожному англичанину. Откладывая штурмъ на 20 дней, союзники полагали найти укрѣпленія почти въ томъ же положеніи, но къ ихъ большому удивленію въ эти 20 дней осажденные успѣли произвести гигантскія работы. Въ день бомбардированія, мы, говоритъ Буэ, сдѣлали только диверсію съ моря и заставили замолчать укрѣпленія (? ?), воображая, что подобный же успѣхъ происходитъ и со стороны суши. Между тѣмъ оказалось, что тамъ успѣха не было и штурма дать было нельзя.

«Тутъ мы убѣдились въ неимовѣрной дѣятельности и познаніяхъ инженеровъ и артиллеристовъ, а также и моряковъ, дѣйствовавшихъ въ укрѣпленіяхъ, и узнали, что Русскіе въ недѣлю воздвигаютъ то, что Англичане (о своихъ не говоритъ, о самолюбіе!) не сработаютъ и въ два мѣсяца. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ, возвратясь къ безпрестанно и понынѣ вырастающимъ изъ земли защитамъ, и говоря о быстротѣ исправленія того, что удавалось повредить, Буэ воскликнулъ: Англичанамъ въ мѣсяцъ не сдѣлать, что Русскіе дѣлаютъ въ три дня! Мы воображали,—говоритъ Буэ,—что наше главное преимущество состоитъ въ armes spéciales, génie et artillerie; воображали, что русская пѣхота по бывшей ея славѣ превосходна. Вышло совершенно наоборотъ. Мы оказались слабы въ armes spéciales, а пѣхота русская оказалась несравненно ниже ея репутаціи.

«Онъ видѣлъ собственными глазами, какъ Зуавы и Венсенскіе егеря справлялись съ русскою пѣхотою при Инкерманѣ. Одинъ баталіонъ Зуавовъ разбивалъ цѣлыхъ два русскихъ полка, проходилъ штыками сквозь нихъ и, обратясь, ударялъ съ тылу, разсѣевая непріятеля во всѣ стороны. По-моему, это нелѣпость и вотъ въ доказательство выписка изъ П°

*) У Волкова тамъ былъ домъ.

**) Наполеона III.

199, гдѣ говорится: «Буэ видѣлъ, какъ баталіонъ Зуавовъ пробилъ полкъ насквозь и, обернувшись, разбивалъ его во всѣ стороны». (Здѣсь изъ двухъ полковъ сдѣлался уже *одинъ*.) Слабость русской пѣхоты Буэ приписываетъ дурной пищѣ и бивакамъ открытымъ и (№ 199) недостатку карабиновъ Минье. О пищѣ говоритъ съ большимъ удивленіемъ: сухари изъ чернаго хлѣба и вода,—вотъ все, что ѣдятъ наши; очень часто и большею частію столь труденъ подвозъ провіанта! Хлѣбъ, говоритъ, таковъ, что наши собаки ѣсть не будутъ. Многіе изъ русскихъ дезертировъ показываютъ, что бѣжали по причинѣ голода. Экзальтацію русскую при нападеніи Буэ приписываетъ вліянію нашихъ поповъ, которые будто бы понуждаютъ не давать пардона и убивать раненыхъ и плѣнныхъ; разувѣрить его невозможно; всѣ союзники убѣждены въ этомъ вліяніи поповъ. «Попадется, - говоритъ Буэ,—въ наши руки, то мало его повѣсить; надо четвертовать это адское исчадіе.» По Буэ, Севастополь возьмутъ штурмомъ, когда захотятъ; но нехотятъ жертвовать для этого 8 тыс. человѣкъ. Теперь намѣрены прежде разбить нашу армію, а потомъ Севастополь сдастся самъ собою.

«Евпаторія важный пунктъ для этого предпріятія, и вотъ совершается то, что мы съ вами предвидѣли. Союзная армія не есть ли corps inerte; она имѣетъ мысль, мнѣніе, волю, которой противиться трудно; она хочетъ не только взять Севастополь, разрушить его и сжечь или взять флотъ, но хочетъ еще овладѣть Крымомъ. Это послѣднее хотѣніе Буэ считаетъ не серьезнымъ (!), потому что удержать Крымъ правительства западныя не хотятъ, да при томъ это невозможное дѣло (Слава Богу).

«Турецкій флотъ былъ подъ командою собственно Буэ. Какая дрянь! говоритъ онъ. Союзники интересовались узнать имя du chef du génie въ Севастополѣ; странно оставаться въ невѣдѣніи насчетъ такого замѣчательнаго историческаго лица. Плѣнные и дезертиры показывали нескладно и непонятно выговаривали имя, такъ что Буэ до сихъ поръ не извѣстно имя знаменитаго начальника всѣхъ этихъ волшебныхъ работъ для защиты Севастополя. Знаете-ли вы? (Я долженъ сознаться съ прискорбіемъ, что оффиціально не знаю). Вотъ какъ мало самолюбивы наши генералы; будь французъ, давно бы имя его просверлило всѣмъ уши. Еще нѣсколько строкъ изъ П. 199; быстрота дѣйствій артиллеріи, мѣткость стрѣльбы ея, словомъ все въ совершенныхъ крѣпостныхъ работахъ производится столь правильно, bien entendu et combiné столь быстро и твердо, что Буэ не видалъ возможности подобнаго совершенства. Севастополь не только не пострадалъ отъ осады (т.-е. укрѣпленія его), но несравненно болѣе укрѣпленъ со времени осады.

«Моряки работаютъ въ Севастополѣ какъ нельзя лучше. Буэ получилъ къ нимъ большое уваженіе и сожалѣетъ, что не могъ судить объ искусствѣ ихъ въ морѣ».

Въ январѣ 1855 г. я началъ писать большое сочиненіе подъ названіемъ: «Руководство по устройству водопроводовъ».

Къ этому побудило меня неимѣніе вовсе подобнаго руководства на

русскомъ языкѣ и значительная цѣнность въ маломъ числѣ имѣющихся иностранныхъ руководствъ. За образецъ я взялъ сочиненіе французскаго инженера Дюпюи подъ заглавіемъ: «Traité théorique et pratique de la conduite et de la distribution des eaux», но въ моемъ руководствѣ введено много новаго и между прочимъ правило для устройства водопроводовъ собственно въ Россіи.

Въ сочиненіи Дюпюи приведены многія необходимыя при составленіи проекта водоснабженія формулы безъ указанія способа исчисленія, по которому онѣ выведены. Не желая перепечатывать этихъ формулъ безъ ихъ повѣрки, я долженъ былъ придумать всѣ нужныя для ихъ вывода исчисленія, которыя часто были очень сложны. Въ составленіи этихъ исчисленій мнѣ много помогалъ помощникъ начальника водопроводовъ инженеръ путей сообщенія капитанъ Бернадскій, сохранившій въ памяти высшія математическія исчисленія, но неспособный не только примѣнить ихъ, но и вообще ко всякому практическому дѣлу.

Въ 1855 г. я передалъ одинъ экземпляръ «Руководства» въ библіотеку училища мостовъ и дорогъ въ Парижѣ. Инспекторъ училища Шевалье, которому я вручилъ этотъ экземпляръ, былъ очень доволенъ тѣмъ, что исчисленія, необходимыя для вывода формулъ, помѣщенныхъ въ сочиненіи Дюпюи, напечатаны въ моемъ «Руководствѣ». Впрочемъ, кромѣ этихъ вычисленій, онъ, по незнанію русскаго языка, ничего не могъ понять въ моемъ сочиненіи. Приведу теперь же дальнѣйшую участь этого «Руководства».

Весною 1856 г. Чевкинъ, бывшій въ то время главноуправляющимъ путями сообщенія, исходатайствовалъ назначеніе мнѣ пособія отъ правительства въ 1500 р. на его напечатаніе, которое я и началъ немедля въ типографіи Готье въ Москвѣ; рисунки литографированы въ Москвѣ у Баумана.

Непривычка набирать формулы съ знаками высшихъ математическихъ исчисленій замедляла печатаніе книги, чему частію были причиною и праздники коронаціи Императора Александра II, такъ что сочиненіе въ 40 печатныхъ листовъ печаталось почти цѣлый годъ; къ нимъ приложено до 30 листовъ чертежей.

Въ началѣ 1857 г. я, въ бытность въ Петербургѣ, представилъ черезъ Чевкина одинъ экземпляръ Государю и 5 марта 1857 г. получилъ Высочайшее благоволеніе. Въ то же время я представилъ одинъ экземпляръ въ Академію Наукъ, которая назначила мнѣ за это сочиненіе вторую Демидовскую премію въ 728 руб. Я напечаталъ всего 600 экземпляровъ, полагая, что распродажа такого спеціальнаго сочиненія будетъ затруднительна. Вслѣдствіе весьма дешевой цѣны, по 6 руб., а для инженеровъ путей сообщенія и для книгопродавцевъ по 5 руб. за экземпляръ, все изданіе было раскуплено въ нѣсколько мѣсяцевъ, такъ что у меня въ настоящее время остается только одинъ экземпляръ.

Черезъ годъ послѣ отпечатанія сочиненіе нельзя получить въ книжныхъ лавкахъ, а при случайныхъ покупкахъ платили за него по 25 р.

и по 30 р. за экземпляръ. Поэтому меня неоднократно просили, чтобы я выпустилъ второе изданіе. Въ послѣднее время придумано много новаго въ работахъ по водоснабженію городовъ, а потому при новомъ изданіи моего «Руководства» потребовалось бы его переработать, къ чему я не имѣлъ охоты. Сверхъ того полагаю, что второе изданіе не принесло бы издателю выгоды. Покупки перваго изданія по 30 р. за экземпляръ случайныя; едва ли можно было бы второе изданіе продавать дороже перваго и едва ли оно разошлось бы въ большемъ числѣ экземпляровъ, а потому за все изданіе можно было бы получить не болѣе 3000 руб., а такъ какъ печатаніе текста и гравированіе рисунковъ обойдется болѣе 2000 р., то за весь значительный трудъ по передѣлкѣ сочиненія его остается 1000 руб.

Впрочемъ, въ маѣ 1872 г. военный инженеръ капитанъ Недзялковскій просилъ меня дозволить ему выпустить второе изданіе моего «Руководства», которое онъ хотѣлъ пополнить. Онъ разсчитывалъ на то, что мое сочиненіе пріобрѣло большую извѣстность, а потому, конечно, второе его дополненное изданіе будетъ лучше расходиться, чѣмъ новое сочиненіе по этому предмету, не имѣющее за собою никакого авторитета.

Я съ удовольствіемъ согласился на просьбу Недзялковскаго, но онъ ничего не сдѣлалъ по этому предмету. Не помню, чтобы въ нашихъ газетахъ и журналахъ, за исключеніемъ Журнала путей сообщенія, были помѣщены разборы составленнаго мною «Руководства».

Въ Журналѣ путей сообщенія былъ помѣщенъ краткій и нѣсколько придирчивый разборъ инженера путей сообщенія Липина (впослѣдствіи генералъ-маіора и правительственнаго члена совѣта главнаго общества желѣзныхъ дорогъ), постоянно дурно расположеннаго ко всякому чужому труду, а къ моему въ особенности.

12 января 1855 г. Московскій университетъ праздновалъ свой столѣтній юбилей.

Назимовъ, увидя, что университетскій залъ украшенъ девятью статуями, изображавшими музъ, былъ недоволенъ несимметрическимъ ихъ расположеніемъ и сердился за то, что не приготовили для симметріи десятой музы.

Въ Московскомъ университетѣ и гимназіяхъ, и въ особенности въ первой гимназіи, происходило во время попечительства Назимова много перестроекъ на значительныя суммы. Многіе обвиняли Назимова въ злоупотребленіяхъ по постройкамъ, но я этому не вѣрю, хотя изъ передаваемыхъ имъ мнѣ по этому предмету сужденій имѣлъ бы право сдѣлать противоположное заключеніе. Полагаю, что обманывалъ и заставлялъ высказывать передаваемыя мнѣ сужденія бывшій въ то время директоръ Московской 1-ой гимназіи.

При наступившемъ вскорѣ новомъ царствованіи этимъ двумъ лицамъ предстояла еще болѣе важная роль, а именно Назимовъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ сѣверо-западныхъ губерній, при чемъ упомянутаго директора гимназіи сдѣлалъ Гродненскимъ губернаторомъ. Они

дурно исполнили свои обязанности и были уволены отъ этихъ должностей въ 1863 году.

Въ половинѣ февраля 1855 г. я, по причинѣ простуды, не выходилъ изъ дома. 19 февраля послѣ полудня, когда я занимался моимъ сочиненіемъ «Руководство къ устройству водопроводовъ», пріѣхала къ намъ другъ моей жены Е. И. Вельяминова-Зернова и объявила, что получено официальное извѣстіе о послѣдовавшей наканунѣ кончинѣ Императора Николая I.

Не слыхавъ ничего объ его болѣзни, я былъ сильно пораженъ этой вѣстью. Положеніе Россіи было самое критическое: она была въ войнѣ съ двумя сильнѣйшими Европейскими державами, поддерживающими Турцію. Всѣ говорили о скорой высадкѣ въ Крымъ итальянскаго войска и о двусмысленной политикѣ Австріи, заставлявшей насъ держать на ея границѣ сильную армію. Я лично удостовѣрился въ крайней затруднительности сообщеній внутреннихъ губерній Россіи съ Севастополемъ и въ совершенной неспособности къ начальствованію арміею князя А. С. Меньшикова, который отъ этого начальствованія былъ уволенъ только наканунѣ кончины Императора Николая I.

Слухи о слабости характера воцарившагося Императора приводили въ отчаяніе многихъ и въ томъ числѣ А. И. Нарышкина, который въ прошедшее царствованіе безпрерывно поносилъ Николая I, но, узнавъ объ его кончинѣ, говорилъ мнѣ неоднократно, что каковъ бы ни былъ покойникъ, все же при настоящихъ обстоятельствахъ было съ нимъ лучше.

Почти 30 лѣтъ прожили мы подъ величайшимъ гнетомъ, но, несмотря на это, почти всѣ желали продолженія этого царствованія изъ опасенія, что при новомъ наши военныя дѣйствія пойдутъ еще хуже. Впрочемъ, надо сознаться, что мы, воспитанные подъ гнетомъ, свыклись съ нимъ и вполнѣ поняли его значеніе, только проживъ нѣсколько времени при новомъ царствованіи.

Послѣднее время Императоръ не спалъ по ночамъ, а молился, стоя на колѣняхъ, и не внималъ просьбамъ лицъ, уговаривавшихъ его лечь спать. Привыкнувъ не только повелѣвать всѣмъ въ Россіи, но и имѣть постоянно сильное вліяніе на судьбы большей части Европы, онъ не могъ безъ сильныхъ нравственныхъ потрясеній видѣть паденіе своего могущества.

По моему мнѣнію, эти нравственныя потрясенія и довели его до преждевременной могилы; извѣстно, что при нихъ простуда сильнѣе дѣйствуетъ.

27 января 1855 г. была свадьба старшей дочери Клейнмихеля, Елизаветы, въ домовой церкви главноуправляющаго путями сообщенія. Женихъ ея, флигель-адъютантъ Пиллеръ-фонъ-Пильхау, считался въ Кавалергардскомъ полку, а потому Государь, бывшій его посаженнымъ отцомъ, надѣлъ мундиръ этого полка. Найдя поданные ему сапоги некрасиво сидящими, онъ приказалъ подать другіе, но для того, чтобы ихъ надѣть, надо было снять шерстяные носки.

Государь ѣздилъ всегда въ саняхъ и, по возвращеніи отъ Клейнмихеля, почувствовалъ простуду, такъ что не выѣзжалъ послѣ этого дней

десять. Почувствовавъ себя лучше, онъ, вопреки совѣту врачей, выѣхалъ для смотра какого-то маршеваго баталіона, проходившаго черезъ Петербургъ для укомплектованія нашихъ дѣйствующихъ войскъ, причемъ еще сильнѣе простудился и, проболѣвъ послѣ этого еще дней десять, скончался.

20-го февраля была назначена торжественная присяга въ Успенскомъ соборѣ, куда я по болѣзни не поѣхалъ. Въ началѣ звона на Ивановской колокольнѣ, одинъ изъ самыхъ большихъ колоколовъ, называемый Реутъ (ré, ut) упалъ и проломалъ своды колокольни. Не знаю причины этого паденія; въ народѣ оно принято за дурное предзнаменованіе.

Неудобство домовъ, которые я и сестра нанимали въ Денежномъ переулкѣ, побудило насъ въ началѣ 1855 г. переѣхать; я переѣхалъ къ старому Каменному мосту въ домъ Сорокина, напротивъ Кремля, а сестра на Знаменку въ домъ княгини Голицыной.

Неудобства нашего новаго помѣщенія состояли въ томъ, что оно было во 2-мъ этажѣ, а женѣ моей запрещено было ходить по лѣстницамъ, и въ томъ, что, по новизнѣ его отдѣлки, въ нѣкоторыхъ комнатахъ была замѣтна сырость.

Первое неудобство было отстранено до нѣкоторой степени тѣмъ, что по лѣстницѣ, на половину ея вышины, были проложены рельсы, на которые поставлено кресло; жена, садясь въ него, могла посредствомъ особаго устройства сама подняться до половины лѣстницы. Относительно сырости въ нѣкоторыхъ комнатахъ мы надѣялись, что она исчезнетъ къ будущей зимѣ, но въ этомъ ошиблись. Къ этимъ неудобствамъ присоединилось еще слѣдующее, вполнѣ неожиданное.

Рѣка Москва въ обыкновенное время очень мелка, но вода въ ней значительно поднимается въ такъ называемые паводки и въ особенности въ весеннее половодье. Дабы она не могла выходить изъ береговъ въ центрѣ столицы, набережныя съ обѣихъ ея сторонъ устроены вышиною въ 4 саж., такъ какъ вода въ рѣкѣ весною рѣдко поднимается до этой высоты.

17 апрѣля 1855 г., въ день тезоименитства новаго Императора, былъ у генералъ-губернатора торжественный обѣдъ. Когда я поѣхалъ на этотъ обѣдъ, вода въ рѣкѣ была высока, но далеко еще не доходила до гребня набережныхъ. Возвращаясь же съ обѣда, я нашелъ мостовую набережной затопленною водою.

Жена моя ничего не знала объ этомъ. Я поспѣшилъ ее вывести изъ дома и посадить въ экипажъ, въ который она вошла по доскамъ, намощеннымъ на крыльцѣ дома, затопленномъ уже водою. Мы прожили три дня до спада воды у сестры. Лошадей вывели изъ нашей конюшни, но экипажи нельзя было вывезти и низъ кузова нашей кареты отмокъ и отвалился. Новый непредвидѣнный убытокъ для моего чрезвычайно тощаго кармана.

Моя канцелярія помѣщалась въ нижнемъ этажѣ занимаемаго мною дома; съ трудомъ спасли письменныя дѣла, и спасавшіе ихъ едва успѣли выбраться черезъ окно нижняго этажа.

По одной изъ статей статута Ордена Св. Георгія, военно-служащіе, не получившіе этого ордена за военные подвиги, имѣли право по прослуженіи 25 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ получить 4-ю его степень съ надписью «за 25 лѣтъ», если они участвовали въ походахъ и сраженіяхъ противъ непріятеля. Я слышалъ, что въ бытность Императора Александра II наслѣдникомъ, онъ находилъ правильнымъ отмѣнить эту статью статута, а такъ какъ въ іюнѣ 1855 г. исполнялось 25 лѣтъ моей службы въ офицерскихъ чинахъ, то я просилъ дежурнаго штабъ-офицера штаба корпуса путей сообщенія подполковника Демора (умершаго въ 1873 г. въ чинѣ генералъ-лейтенанта), чтобы онъ доставилъ мнѣ свѣдѣніе о времени дѣйствительной моей службы, за исключеніемъ нахожденія въ отпускахъ, и съ зачетомъ походовъ противъ непріятеля, которые уменьшали 25-лѣтній срокъ для полученія Георгія 4 степени. Деморъ мнѣ прислалъ вычисленіе моей службы къ полученію этого ордена и вмѣстѣ приказъ съ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 15 мая 1855 г. объ отмѣнѣ пожалованія Георгіевскаго креста за 25-лѣтнюю службу. Вслѣдствіе этого Высочайшаго повелѣнія я не получилъ Георгіевскаго креста, такъ какъ ко времени его объявленія я еще не выслужилъ 25 лѣтъ.

Я говорилъ выше о построенномъ на дворѣ Алексѣевскаго водоподъемнаго зданія домикѣ «для пріѣзда начальства». Чтобы быть ближе къ производящимся работамъ и избавиться отъ найма дачъ, я приспособилъ этотъ домикъ для своего лѣтняго жительства. Онъ былъ очень тѣсенъ, въ немъ была только одна довольно большая комната, служившая мнѣ кабинетомъ.

Вокругъ домика былъ узенькій палисадникъ изъ акацій, изъ котораго жена моя сдѣлала цвѣтникъ; въ немъ цвѣтовъ было множество. Неудобство этого помѣщенія состояло въ томъ, что иногда близъ него валили вывозимыя изъ города нечистоты и что въ разстояніи отъ него одной версты была бойня. Первое неудобство было устранено строгимъ надзоромъ полиціи, возбужденнымъ моими жалобами; второе же нельзя было устранить, такъ что когда вѣтеръ дулъ съ бойни, то вонь была невыносимая: оставаться на воздухѣ не было возможности и необходимо было сидѣть въ комнатахъ съ запертыми окнами. Но даровому коню въ зубы не смотрятъ.

Въ 1855 г. были окончены водопроводныя работы между с. Большими Мытищами и Алексѣевскимъ водоподъемнымъ зданіемъ, составлявшія 1-ю и 2-ю части проекта преобразованія Мытищинскаго водопровода, и я надѣялся, что, по установленіи во вновь устроенномъ близъ Б. Мытищъ водоподъемномъ зданіи паровыхъ машинъ, вода до Алексѣевскаго водоподъемнаго зданія можетъ быть пущена по новому чугунно-трубному водоводу и затѣмъ не будетъ болѣе опасенія въ остановкѣ водоснабженія въ случаѣ новыхъ поврежденій въ старомъ кирпичномъ водопроводѣ, которыя были столь значительны въ 1854 году.

Первыя машины, изготовленныя на заводѣ герцога Лейхтенбергскаго, были доставлены и, несмотря на мое заявленіе о ихъ негодности, устано-

влены въ зданіи. Но мое заявленіе оказалось справедливымъ: онѣ не могли дѣйствовать. Ихъ разобрали и обѣщались доставить новыя въ 1856 году.

Такимъ образомъ, вода продолжала идти изъ Б. Мытищъ по старому разрушающемуся кирпичному водопроводу, заставлявшему ежеминутно опасаться, что новыя на немъ поврежденія прекратятъ притокъ воды въ Москву, и потому требовавшему для его поддержанія неусыпной бдительности. Таковая была необходима и потому, что нѣкоторыя сооруженія стараго водопровода должны были быть частію передѣланы и войти въ составъ новаго водоснабженія, между тѣмъ какъ движеніе воды по старому водопроводу не могло быть прекращено до открытія новаго.

Въ 1855 г. продолжалась укладка трубъ между Алексѣевскимъ водоподъемнымъ зданіемъ и Сухаревою башнею, входившая въ составъ 3-й части проекта преобразованія Мытищинскаго водопровода. О всѣхъ производившихся новыхъ водопроводныхъ работахъ, а равно и о содержаніи дѣйствующихъ водоснабженій я ежегодно отдавалъ отчетъ въ статьяхъ, помѣщавшихся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Лѣтомъ 1855 г. были, какъ и въ предыдущемъ году, командированы для практики на водопроводныя работы шесть воспитанниковъ старшаго класса Института инженеровъ путей сообщенія. Они были размѣщены въ Москвѣ и по деревнямъ, прилегающимъ къ работамъ. Пользы они не приносили ни работамъ, ни себѣ и въ этомъ году, но такъ же болѣли и шалили. По тѣснотѣ моего помѣщенія я не могъ больныхъ брать къ себѣ, а по возможности доставлялъ имъ средства для леченія.

Почти одновременно узналъ я, что братъ Николай за отличіе въ Инкерманскомъ сраженіи произведенъ въ генералъ-маіоры и что онъ снова не сильно раненъ осколкомъ въ голову и при этомъ контуженъ. Производство брата я и жена праздновали прогулкою въ коляскѣ изъ Алексѣевскаго въ Б. Мытищи, гдѣ жена ни прежде, ни послѣ не бывала. Ранѣе же и контузіи брата, по его письму, мы не придавали большой важности, которая выказалась только черезъ нѣсколько лѣтъ.

Въ іюлѣ 1855 г. заѣхалъ ко мнѣ въ деревянный домикъ при Алексѣевскомъ водоподъемномъ зданіи П. П. Мельниковъ, бывшій въ это время начальникомъ изысканій желѣзной дороги между Москвою и Севастополемъ, куда онъ ѣхалъ изъ Петербурга. Заставъ меня передъ самымъ обѣдомъ, обложеннаго французскими и нѣмецкими книгами, служившими мнѣ для справокъ при составленіи «Руководства къ устройству водопроводовъ», онъ спросилъ меня, что я дѣлаю, и, узнавъ, что я пишу «Руководство», сказалъ:

— Не надоѣло же вамъ рыться въ книгахъ, а я вотъ уже нѣсколько лѣтъ ни одной книги не беру въ руки.

За обѣдомъ онъ говорилъ, что долѣе невозможно терпѣть Клейнмихеля, сдѣлавшагося, по его словамъ, хуже прежняго, и что приняты мѣры для его сверженія. Я замѣтилъ на это, что онъ играетъ въ слишкомъ боль-

шую игру, такъ какъ Клейнмихель очень хитеръ и можетъ поддѣлаться и къ новому Государю.

Онъ отвѣчалъ, что теперь Клейнмихель во всякомъ случаѣ не можетъ ему сдѣлать ничего болѣе, какъ уволить со службы, а если Клейнмихель останется, то онъ самъ ее оставитъ, къ чему онъ уже и готовъ, имѣя небольшой капиталецъ и весьма ограниченныя потребности въ жизни; сверхъ того, онъ можетъ найти для себя выгодное мѣсто и въ частныхъ занятіяхъ.

Мельниковъ могъ тогда ожидать, что онъ получитъ мѣсто Клейнмихеля, такъ какъ онъ былъ въ большой милости у новаго Императора, который, бывъ Наслѣдникомъ, предсѣдательствовалъ въ комитетѣ по устройству желѣзной дороги между двумя столицами, а равно благодаря своимъ знакомствамъ въ дамскомъ обществѣ.

Страшная драма, разыгрывавшаяся въ Крыму, привлекала общее вниманіе. Долгая защита Севастополя, укрѣпленнаго во время его осады многочисленнымъ непріятелемъ съ небывалыми до того средствами, пріободрила Россію, но извѣстіе о пораженіи на р. Черной и вслѣдъ затѣмъ и объ оставленіи нашими войсками южной части Севастополя, ввергло всѣхъ въ унынie. Замѣчательно, что въ день паденія Севастополя въ Москвѣ былъ поднятъ большой колоколъ на храмѣ Спасителя, который строился по обѣщанію Императора Александра I въ память избавленія Россіи отъ нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языковъ.

Новый Императоръ, проѣздомъ на южный театръ войны, посѣтилъ осенью Москву. Его провожалъ Клейнмихель, который этотъ разъ остановился въ Кремлевскомъ дворцѣ, тогда какъ онъ обыкновенно во время проѣздовъ своихъ черезъ Москву останавливался въ нанятомъ, кажется въ 1849 г., для пріѣзда его и его семейства, большомъ домѣ на Тверскомъ бульварѣ, впослѣдствіи принадлежавшемъ Рукавишникову. Этотъ домъ нанимался на казенныя деньги, что служитъ новымъ доказательствомъ, до какой степени Клейнмихель не жалѣлъ ихъ ради своихъ удобствъ: для нѣсколькихъ дней въ году, которые онъ проводилъ въ Москвѣ, израсходовывалась значительная казенная сумма на наемъ большого дома и на его содержаніе.

Передъ пріѣздомъ Государя въ Москву, объявлено было Высочайшее повелѣніе о томъ, что впредь всѣ ордена за военные подвиги будутъ даваться съ мечами, которые должны носить на своихъ орденахъ и тѣ лица, которыя ихъ получили за военные подвиги прежде объявленія означеннаго повелѣнія.

Получивъ орденъ св. Анны 2 ст. съ короною за участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Венгріи, я, въ бытность Клейнмихеля въ Москвѣ, надѣлъ этотъ орденъ съ мечами и носилъ его въ продолженіе 7½ лѣтъ.

При награжденіи лицъ, имѣвшихъ орденъ съ мечами, высшею степенью того же ордена, она давалась съ мечами надъ орденомъ. Узнавъ въ 1863 г., что я представленъ къ Аннѣ 1 ст. безъ мечей надъ орденомъ, я обратилъ на это вниманіе штаба корпуса путей сообщенія, но въ штабѣ объяс-

нили, что я имѣлъ бы это право, если бы получилъ низшую степень за военные подвиги, а не за участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Прогуливаясь по Александровскому (Кремлевскому) саду съ моими двумя племянницами Викулиными, изъ которыхъ въ это время старшей было 18, а младшей 16 лѣтъ, я встрѣтилъ Клейнмихеля, котораго онѣ видѣли въ первый разъ, и по особенной его улыбкѣ, когда онъ завидѣлъ меня, и по весьма любезному со мною разговору, заключили, что онъ меня очень любитъ, и не понимали, какъ можно вѣрить всему дурному, разсказываемому о человѣкѣ съ такимъ пріятнымъ лицомъ и обращеніемъ.

По отъѣздѣ Государя въ Крымъ, Клейнмихель вернулся въ Петербургъ и вскорѣ онъ былъ замѣненъ въ должности главноуправляющаго путями сообщенія генералъ-лейтенантомъ Константиномъ Владиміровичемъ Чевкинымъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи и предсѣдатель департамента экономіи въ Государственномъ Совѣтѣ). Извѣстно было, что Государь, бывъ Наслѣдникомъ, не любилъ Клейнмихеля, но со времени его воцаренія носились слухи, что Государь перемѣнился къ Клейнмихелю, такъ что онъ и жена его неоднократно были приглашаемы къ Государю и къ Государынѣ.

По дорогѣ въ Москву и въ самой Москвѣ Государь былъ благосклоненъ къ Клейнмихелю. Въ эту поѣздку, согласно представленію послѣдняго, вышло повелѣніе о наименованіи желѣзной дороги между столицами Николаевскою.

Казалось, что слухи о смѣнѣ Клейнмихеля неправильны. Многіе полагали, что онъ останется и при новомъ Императорѣ. Но вовсе неожиданно онъ получилъ отъ Государя, помнится изъ Николаева, письмо, въ которомъ Государь писалъ о необходимости его удаленія въ виду общественнаго противъ него мнѣнія.

Говорятъ, что Клейнмихель, при полученіи этого письма, вышелъ изъ себя и при нѣсколькихъ лицахъ сказалъ:

— Государь находитъ нужнымъ, чтобы я удалился въ виду общественнаго мнѣнія; это что значитъ? Развѣ у него нѣтъ своего мнѣнія?

Во всякомъ случаѣ, увольненіе Клейнмихеля отъ должности, въ бытность Государя вдали отъ Петербурга, ясно доказываетъ, что трудно было ему разставаться съ любимымъ слугою отца.

Говорятъ, что на окончательное рѣшеніе Государя много подѣйствовалъ бывшій въ это время на югѣ Россіи великій князь Константинъ Николаевичъ, который самъ не любилъ Клейнмихеля и у котораго многіе настаивали объ увольненіи Клейнмихеля и, между прочими, бывшій въ сентябрѣ на югѣ Россіи П. П. Мельниковъ.

Клейнмихель былъ человѣкъ большого ума, безъ всякаго образованія, весьма энергичный, капризный до нельзя, имѣлъ большой навыкъ распознавать людей, такъ что въ своемъ обхожденіи съ ними сообразовался съ ихъ характерами.

Въ первый послѣ его увольненія мой пріѣздъ въ Петербургъ въ 1856 г.,

Клейнмихель мнѣ разсказывалъ, что еще до полученія имъ указа объ увольненіи Чевкинъ явился къ нему въ полной формѣ и просилъ не оставить совѣтами и наставленіями по управленію вѣдомствомъ путей сообщенія.

— Я отвѣчалъ, сказалъ мнѣ Клейнмихель, что немедля по полученіи указа сдамъ ему должность и всегда готовъ ему служить моими совѣтами. Но узнавъ на другой день, что Чевкинъ отдалъ нелѣпый приказъ, въ которомъ намекаетъ съ невыгодной стороны на время моего управленія, я приказалъ швейцару не пускать болѣе ко мнѣ горбатаго.

Этотъ разсказъ былъ переданъ мнѣ Клейнмихелемъ въ лицахъ, и именно, какъ Чевкинъ униженно явился къ Клейнмихелю и какъ послѣдній въ покровительственномъ тонѣ обѣщалъ свои совѣты, при чемъ онъ не называлъ Чевкина иначе, какъ горбатымъ, присовокупляя къ этому нецензурныя бранныя слова.

Чевкинъ же, во все время управленія вѣдомствомъ путей сообщенія, постоянно относился о Клейнмихелѣ съ большимъ уваженіемъ и защищалъ всѣ его дѣла и дѣйствія въ этомъ вѣдомствѣ. Впослѣдствіи въ каждый мой пріѣздъ въ Петербургъ и по моемъ переселеніи на жительство въ этотъ городъ, я бывалъ у Клейнмихеля, который постоянно былъ со мною очень любезенъ и неоднократно благодарилъ за то, что постоянные со всѣхъ сторонъ хорошіе обо мнѣ отзывы доказываютъ, что онъ во мнѣ не ошибся, тогда какъ дурные отзывы объ избранномъ имъ же Серебряковѣ, относительно злоупотребленій послѣдняго по Николаевской желѣзной дорогѣ, его огорчаютъ.

Въ 1865 г. въ день его именинъ 29 іюня я зашелъ поздравить его въ Карлсбадѣ, и несмотря на то, что засталъ у него моихъ враговъ Н. С. Вадковскую и Т. С. Норову, онъ облобызалъ меня и съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ о томъ, какъ я у него служилъ и какъ онъ меня всегда любилъ.

Послѣдніе годы его жизни, когда онъ остался вдовцомъ и былъ постоянно боленъ, я навѣщалъ его, и онъ меня каждый разъ цѣловалъ, приговаривая, что мнѣ самому не было извѣстно, какъ онъ меня любилъ.

Въ началѣ 1869 г. я былъ на его похоронахъ. Сестра моя Викулина и ея дочь Эмилія, послѣ увольненія Клейнмихеля, познакомились съ его женою и дочерьми за границей и очень сошлись, такъ что сестра ходила даже за его женою во время ея болѣзни, но въ Петербургѣ онѣ не видались, такъ какъ графиня Клейнмихель была старый другъ упомянутыхъ Вадковской и Норовой, которыя заявили, что онѣ не будутъ ѣздить въ домъ, въ которомъ могутъ встрѣтить сестру мою.

Вотъ какъ продолжительна ихъ злоба, тогда какъ онѣ кругомъ виноваты передъ моей сестрой.

П. П. Мельниковъ на возвратномъ пути изъ Крыма въ октябрѣ проѣзжалъ черезъ Москву. Онъ былъ чрезвычайно недоволенъ тѣмъ, что графъ А. А. Закревскій заявилъ ему за вѣрное, что онъ назначенъ начальникомъ штаба корпуса путей сообщенія.

Я сказалъ Мельникову, что мнѣ многіе говорили то же, но что я этимъ

слухамъ не вѣрилъ и объяснялъ ихъ тѣмъ, что всѣ, считая главноуправляющаго командиромъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, полагаютъ, что высшая послѣ него должность есть начальника штаба и что никто не можетъ быть назначенъ на эту должность кромѣ Мельникова, а что, вѣроятно, его назначатъ товарищемъ.

На это онъ отвѣчалъ, что его большой пріятель А. И. Мясоѣдовъ, бывшій въ это время сенаторомъ въ Москвѣ, а передъ тѣмъ начальникомъ штаба корпуса путей сообщенія, которому слѣдовательно извѣстно значеніе этого мѣста, говорилъ ему то же, что и Закревскій, и что товарищемъ остается Герстфельдъ.

Во время обѣда Мельниковъ напомнилъ мнѣ и женѣ моей о нашемъ разговорѣ, происходившемъ въ іюлѣ насчетъ смѣны Клейнмихеля, и сожалѣлъ, что не держалъ тогда со мною пари относительно этой смѣны. Но, конечно, онъ никакъ не ожидалъ, что Чевкинъ займетъ мѣсто Клейнмихеля и что слухи, оказавшіеся впрочемъ невѣрными, назначатъ его начальникомъ штаба къ Чевкину.

Въ началѣ ноября Чевкинъ пріѣхалъ въ Москву. Онъ далъ знать начальнику IV (Московскаго) округа путей сообщенія Шуберскому, что остановится въ Кремлевскомъ дворцѣ въ ожиданіи возвращенія Государя изъ Крыма, а лицъ своего вѣдомства будетъ принимать въ домѣ, который нанимался въ Москвѣ по приказанію Клейнмихеля на случай пріѣзда его или его семейства.

Въ назначенный часъ всѣ инженеры, архитекторы и другіе чины вѣдомства путей сообщенія собрались въ означенный домъ. Хотя я состоялъ по особымъ порученіямъ при главноуправляющемъ путями сообщенія, но не получилъ особаго приказанія о представленіи Чевкину и потому представлялся вмѣстѣ съ прочими.

Шуберскій, видѣвшій уже утромъ Чевкина, представлялъ всѣхъ, начиная съ меня, такъ какъ въ Москвѣ я былъ по чину старшій изъ инженеровъ. Шуберскій назвалъ меня начальникомъ Московскихъ водопроводовъ, не упомянувъ о томъ, что я состою по особымъ порученіямъ при главноуправляющемъ.

Представлявшихся было до 30 человѣкъ. Чевкинъ не говорилъ ни съ кѣмъ, кромѣ поручика Мясоѣдова и командира арестантской роты гражданскаго вѣдомства; у перваго спросилъ, не родня ли онъ бывшему начальнику штаба, и узнавъ, что онъ племянникъ А. И. Мясоѣдова, спросилъ, гдѣ живетъ послѣдній; второму же приказалъ, чтобы онъ смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы не было побѣговъ изъ роты, такъ какъ это лежитъ между прочимъ и на отвѣтственности Чевкина (?)

Такое малое вниманіе къ инженерамъ и къ ихъ занятіямъ со стороны новаго начальника поразило насъ всѣхъ очень непріятно. Пройдя мимо всѣхъ представлявшихся и ставъ посрединѣ залы, Чевкинъ сказалъ, что насъ слишкомъ много, что мы вѣрно всѣ уже читали вступительный его приказъ (который былъ тогда извѣстенъ только Шуберскому и мнѣ), что

онъ ничего не имѣетъ къ нему прибавить, что онъ о нашихъ настоящихъ занятіяхъ узнаетъ изъ представленной ему начальникомъ округа записки, а такъ какъ намъ предстоитъ впереди много дѣла, то онъ надѣется, что мы будемъ служить усердно и честно, позабывъ какъ прежде служили, и что въ такомъ случаѣ и онъ объ этомъ забудетъ.

Къ нѣкоторымъ изъ насъ писали изъ Петербурга, что онъ подобную, но болѣе пространную рѣчь произнесъ тамъ при первомъ пріемѣ представлявшихся ему инженеровъ путей сообщенія. Стоявшій возлѣ меня инженеръ подполковникъ Масальскій (впослѣдствіи генералъ-маіоръ, членъ совѣта Министерства путей сообщенія) сказалъ мнѣ, что я долженъ объяснить Чевкину, что многіе изъ насъ не имѣютъ надобности забывать свою прошедшую службу.

Когда Чевкинъ раскланивался съ нами, я, подойдя къ нему, сказалъ, что въ запискѣ, представленной ему начальникомъ округа, не помѣщена одна изъ главнѣйшихъ производящихся въ округѣ работъ, такъ какъ она Клейнмихелемъ была поручена мнѣ независимо отъ правленія округа, и къ этому прибавилъ, что я и многіе инженеры не желаютъ забывать своей прежней службы и чтобы она была забыта ихъ начальствомъ.

Чевкинъ тогда очень любезно пригласилъ меня въ свой кабинетъ, принялъ мою записку о положеніи водоснабженія Москвы, долго разспрашивалъ о немъ, при чемъ заявилъ, что завѣдываемое мною водоснабженіе должно быть, по его мнѣнію, въ зависимости отъ IV (Московскаго) округа путей сообщенія, наравнѣ со всѣми другими входящими въ его составъ сооруженіями.

Я просилъ его дать письменное объ этомъ приказаніе въ отмѣну распоряженія, сдѣланнаго его предшественникомъ, но онъ сказалъ, что предварительно переговоритъ объ этомъ съ генералъ-губернаторомъ. Впослѣдствіи онъ мнѣ объявилъ, что мои права и обязанности остаются безъ измѣненія.

Чевкинъ осмотрѣлъ производившіяся въ Москвѣ водопроводныя и другія сооруженія и между прочими каменные пактаузы, устроенные для московской станціи Николаевской желѣзной дороги, въ которыхъ нашелъ много трещинъ и другихъ поврежденій.

Возвратясь въ Петербургъ, онъ прислалъ мнѣ съ молодымъ архитекторомъ Маевскимъ (впослѣдствіи дѣйствительный статскій совѣтникъ и членъ техническо-строительнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ) предписаніе объ осмотрѣ вмѣстѣ съ Маевскимъ означенныхъ поврежденій и о представленіи мѣръ, необходимыхъ для ихъ исправленія. При этомъ онъ прислалъ Закревскому отношеніе отъ 30 ноября за № 11673 слѣдующаго содержанія:

«Ваше Сіятельство, при личномъ со мною въ Москвѣ свиданіи, изволили отозваться о начальникѣ Московскихъ водопроводовъ полковникѣ баронѣ Дельвигѣ, какъ объ офицерѣ, заслужившемъ полное ваше довѣріе и одобреніе; отзывъ сей побудилъ меня возложить на него довѣренное порученіе: освидѣтельствованіе обще съ особо назначеннымъ мною архитекто-

ромъ Маевскимъ поврежденій, оказавшихся во вновь построенныхъ зданіяхъ Московской таможни».

«Долгомъ поставляю извѣстить о семъ Ваше Сіятельство и съ тѣмъ вмѣстѣ прошу принять увѣреніе въ отличномъ моемъ почтеніи и преданности».

Это отношеніе мнѣ очень не понравилось: Чевкинъ поставлялъ меня въ такую зависимость отъ Закревскаго, въ которой я никогда не находился; вспомнилъ я тогда о прежнемъ начальникѣ, который своихъ подчиненныхъ ни въ чью зависимость не ставилъ.

Въ это же время предположено было соорудить въ Петербургѣ памятникъ Императору Николаю I. Исполненіе 4 барельефовъ къ этому памятнику было поручено даровитому скульптору Рамазанову, бывшему тогда директоромъ Московскаго училища живописи и ваянія. Мнѣ же поручено было Чевкинымъ наблюдать за успѣшностью работы Рамазанова, который былъ большой кутила; въ каждый мой пріѣздъ къ нему, я заставалъ его за водкой и закуской.

Вначалѣ сюжетами трехъ барельефовъ были назначены эпизоды изъ бунтовъ 14 декабря, на Сѣнной во время холеры 1831 г. и Варшавскаго, хотя при послѣднемъ Императора не было въ Варшавѣ. Сюжеты для барельефовъ передавались Рамазанову черезъ меня. Когда я сообщилъ ихъ П. Я. Чаадаеву, онъ замѣтилъ, что не слѣдовало бы передавать потомству несчастныхъ эпизодовъ изъ исторіи царствованія того, кому сооружается памятникъ, и что въ Петербургѣ, вѣроятно, одумаются и измѣнятъ сюжеты барельефовъ.

Дѣйствительно, я вскорѣ получилъ измѣненіе сюжетовъ двухъ барельефовъ; тогда Чаадаевъ мнѣ сказалъ, что и третій бунтъ отмѣнятъ. Такъ и случилось. Между тѣмъ у Рамазанова многое было уже сдѣлано, и его работа пропала понапрасну.

Выше я подробно изложилъ ходъ дѣла по землямъ жены моей и ея братьевъ, отданнымъ для представленія залогомъ по гиннымъ откупамъ С. В. Абазѣ, и о необходимости, по неисправности содержимыхъ имъ откуповъ, отмежевать эти земли отъ населенныхъ имѣній, къ которымъ онѣ принадлежали.

При этомъ межеваніи оказалось земель у жены и у шурьевъ моихъ 7000 десятинами болѣе, чѣмъ по генеральному межеванію. Тесть мой изъ 3600 душъ крестьянъ, числившихся въ его Макарьевскомъ имѣніи, отдалъ по отдѣльной записи женѣ моей 1067 душъ съ принадлежащею къ нимъ землею, не упоминая объ ея количествѣ и не отмежевавъ ея.

По закону оказавшаяся излишнею противъ генеральнаго межеванія земля, называемая примѣрною, должна быть раздѣлена между владѣльцами, состоящими въ общемъ владѣніи, по числу владѣемыхъ ими душъ, такъ что изъ вышеозначенныхъ 7000 десятинъ 2000 должны были принадлежать женѣ моей.

Я переписывался объ этомъ съ моимъ шуриномъ Валеріемъ, который болѣе другихъ братьевъ занимался межеваніемъ земель, но онъ не согла-

шался на то, чтобы жена моя имѣла право на означенныя 2000 десятинъ и замежевалъ ихъ въ свой и братьевъ его участокъ.

Тогда это казалось мнѣ и женѣ моей не только несправедливостью, но и большимъ для насъ убыткомъ. Впослѣдствіи же, когда назначена была подать съ земли въ пользу казны и земства, мы отъ этого выиграли, такъ какъ намъ бы пришлось платить повинности съ этихъ 2000 десятинъ, которыя, равно какъ и прочая наша земля, не приносили намъ никакого дохода.

Въ зиму 1855—1856 г. шуринъ мой Валерій часто встрѣчался у меня съ другомъ моимъ А. И. Нарышкинымъ, при которомъ неоднократно говорили о несправедливости моихъ шурьевъ относительно присвоенія въ свою пользу всей вышеупомянутой примѣрной земли.

Нарышкинъ, очень любившій меня и жену мою и желавшій улучшенія нашего денежнаго благосостоянія, какъ-то разъ, въ присутствіи жены моей, сильно заспорилъ объ означенномъ предметѣ съ моимъ шуриномъ Валеріемъ. Жена моя обидѣлась за своего брата и просила Нарышкина не бывать у нея. Конечно, онъ продолжалъ ѣздить ко мнѣ, но мнѣ очень было непріятно, что онъ принужденъ былъ не видѣться съ моею женою. Это положеніе продолжалось болѣе полугода; впослѣдствіи жена моя и Нарышкинъ помирились и снова подружились попрежнему.

Въ эту же зиму пріѣхала изъ Петербурга къ намъ жить Е. М. Гурбандтъ столь же неожиданно, какъ внезапно уѣхала отъ насъ въ началѣ 1853 г.

Въ нашей новой квартирѣ не было для нея особой комнаты, но мы, немного потѣснясь, помѣстили ее у себя. Съ самаго ея пріѣзда къ намъ замѣтно было разстройство ея умственныхъ способностей. Положеніе ея съ каждымъ днемъ ухудшалось. Очень любя жену мою, Е. М. Гурбандтъ часто по нѣскольку часовъ стояла за ея креслами, несмотря на приглашеніе отойти, такъ какъ мѣшала женѣ заниматься.

Когда меня не было вечеромъ дома, она ложилась на полъ подлѣ нашей кровати. Ее съ трудомъ уводили въ ея комнату. Наконецъ, она начала ходить по комнатамъ босая и въ одной рубашкѣ, такъ что не было возможности держать ее въ нашей квартирѣ. Мы наняли для нея двѣ комнаты въ томъ же домѣ, въ которомъ мы жили, и отдали ее подъ надзоръ хорошей служанкѣ, посылая ей отъ себя все кушанье.

Несмотря на надзоръ за нею, она часто врывалась въ нашу квартиру, откуда съ трудомъ ее выносили, и бѣгала по городу. Однажды ее привелъ изъ какой-то гостиницы офицеръ межеваго корпуса, которому она сказала, что живетъ у меня, но позабыла мою квартиру.

Къ счастію, въ этотъ разъ она меня не застала дома. Она пошла къ себѣ, оставивъ моему человѣку для передачи мнѣ кончикъ какой-то грязной тоненькой веревки. Впрочемъ, изъ своего ничтожнаго пенсіона (428 р. въ годъ) она не забывала помогать двоюроднымъ сестрамъ своего мужа, которыя вскорѣ померли.

Послѣ разныхъ произведенныхъ ею курьезовъ, я принужденъ былъ

помѣстить ее въ полицейскую больницу, въ которой пробывъ около года и нѣсколько поправившись, она пожелала переѣхать въ Петербургъ, гдѣ я посѣщалъ ее. Она поселилась въ маленькой комнатѣ, постоянно молчала, но была спокойна.

По переѣздѣ моемъ въ 1861 году въ Петербургъ, я не былъ у Е. М. Гурбандтъ, желая избавить и себя и жену отъ ея скучныхъ посѣщеній. Тетка моя Н. А. Суссанопуло, выходившая изъ ея квартиры замужъ, всегда ее посѣщала; черезъ нее сохранились наши отношенія. Въ послѣдніе годы она бывала у насъ и у моей сестры А. И. Викулиной, но очень рѣдко, на нѣсколько минутъ, и постоянно молчала. Я былъ у нея только одинъ разъ. Она нанимала сырую, холодную и во всѣхъ отношеніяхъ неудобную и безпокойную комнатку на дворѣ дома въ концѣ 9-ой линіи Васильевскаго острова, но по своей гордости не принимала ни чьей помощи.

Въ 1872 г. она писала къ женѣ моей, что была больна холерою и истратила на болѣзнь все, что у нея было накоплено, а потому полагала просить пособія у Государя, чтобы было ее чѣмъ похоронить. Жена послала ей сколько-то денегъ, а я подалъ отъ ея имени прошеніе на Высочайшее Имя о пособіи; ей выдали 107 рублей, несмотря на то, что по смерти мужа она въ продолженіе 20 лѣтъ ни о чемъ не просила.

По полученіи этого пособія, она немедля отдала женѣ моей посланныя ей послѣднею деньги. Она желала быть помѣщенною въ одно изъ благотворительныхъ учрежденій съ платою за комнату и содержаніе, но, несмотря на мое ходатайство, оставалась съ 1873 по 1875 г. третьею кандидаткою въ домѣ призрѣнія бѣдныхъ Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Въ іюнѣ 1873 г., по соглашенію съ теткою моею Н. А. Суссанопуло, она переѣхала къ послѣдней въ подмосковную деревню съ тѣмъ, что будетъ ей платить за свое содержаніе половину пенсіи. Мужъ моей тетки былъ съ нею очень рѣзокъ.

Въ концѣ 1875 г. открылась комната въ упомянутомъ домѣ призрѣнія, съ платою 175 р. въ годъ, и Е. М. Гурбандтъ заняла эту комнату. Но у нея мало оставалось отъ пенсіи, несмотря на получаемое отъ военнаго министерства пособіе.

Въ концѣ 1880 г. я представилъ 3600 р. для учрежденія въ этомъ домѣ степендіатки имени моей жены, и Е. М. Гурбандтъ назначена первою стипендіаткою, такъ что теперь она ничего не платитъ въ домѣ призрѣнія, содержаніемъ въ которомъ она постоянно довольна.

Двоюродный братъ мой баронъ Александръ Антоновичъ Дельвигъ давно оставилъ Павловскій полкъ, въ которомъ онъ служилъ. При продолжавшейся войнѣ, онъ почелъ обязанностію снова поступить въ этотъ полкъ и былъ зачисленъ, какъ и всѣ опредѣлявшіеся изъ отставки, въ резервный баталіонъ, который стоялъ въ Москвѣ. Это намъ доставило удовольствіе видаться съ нимъ почти ежедневно. По окончаніи войны онъ снова оставилъ военную службу.

Родная сестра его Марія Антоновна Рудзевичъ осталась вдовою, имѣя

нѣсколько дѣтей, безъ средствъ къ жизни. Она прислала ко мнѣ своего сына, который въ 17 лѣтъ едва зналъ грамоту.

Несмотря на тѣсноту нашей квартиры, въ особенности послѣ пріѣзда къ намъ Е. М. Гурбандтъ, онъ помѣстился у насъ, и мы наняли ему учителей. Въ концѣ этого года онъ съ грѣхомъ пополамъ выдержалъ экзаменъ въ юнкера.

Произведенный въ офицеры, онъ женился на дочери какого-то калужскаго помѣщика, вышелъ въ отставку и живетъ теперь въ небольшомъ имѣньицѣ, оставшемся послѣ его отца. Я о немъ имѣю мало свѣдѣній. Знаю только, что онъ своей матери мало помогаетъ; конечно, и у него должно быть мало средствъ къ жизни.

Въ мартѣ 1856 г., вскорѣ по заключеніи невыгоднаго для Россіи Парижскаго мира, Государь пріѣзжалъ въ Москву. На Николаевской желѣзной дорогѣ поѣздъ Государя сошелъ съ рельсъ, но не было никакого несчастія и никакихъ поломовъ въ поѣздѣ.

Главноуправляющій путями сообщенія Чевкинъ провожалъ Государя и по пріѣздѣ въ Москву немедля воротился на мѣсто происшествія для изслѣдованія, при чемъ взялъ меня съ собою.

Путь послѣ проѣзда Государя не былъ исправляемъ. Мы проѣхали въ царскомъ поѣздѣ нѣсколько разъ съ различными скоростями по тому мѣсту, гдѣ поѣздъ сошелъ съ рельсъ, но онъ проходилъ свободно и никакой причины къ сходу поѣзда не отыскано.

По осмотрѣ пути, мы нашли въ немъ недостатки, которые впрочемъ не могли быть причиною схода поѣзда съ рельсъ; за эти недостатки Чевкинъ сдѣлалъ замѣчаніе дистанціонному инженеру Садовскому, извѣстному впослѣдствіи по его товариществу съ строителемъ желѣзныхъ дорогъ Петромъ Іоновичемъ Губонинымъ и пріобрѣвшему очень большое состояніе.

На сдѣланное ему Чевкинымъ замѣчаніе за недостатки въ пути, онъ утверждалъ, что всему причиною оптовый подрядчикъ Смолинъ, котораго Чевкинъ тогда поддерживалъ, и на каждое слово Чевкина отвѣчалъ десятками словъ, такъ что послѣдній на слѣдующей станціи просилъ передать Садовскому, чтобы онъ пересѣлъ въ другой вагонъ.

Московскій военный генералъ-губернаторъ графъ А. А. Закревскій, въ пріѣздъ Государя въ Москву, не могъ дать бала по случаю Великаго поста. Балъ былъ замѣненъ раутомъ. На немъ былъ П. Я. Чаадаевъ, который, какъ всѣ русскіе и въ особенности участвовавшіе, подобно ему, въ дѣйствіяхъ, приведшихъ къ славному для Россіи Парижскому миру 1814 г., былъ очень недоволенъ недавно заключеннымъ миромъ.

Онъ мнѣ, такъ же какъ и нѣкоторымъ другимъ, говорилъ на раутѣ: «j'ai regargé avec beaucoup d'attention le nouvel Empereur et je suis bien affligé; voyez ses yeux qui n'expriment rien, mais rien du tcut».

Къ этому онъ присовокуплялъ, что онъ очень радъ тому, что скоро долженъ умереть.

Его мнѣніе о новомъ Императорѣ можно было приписать неудоволь-

ствію, происходившему изъ того, что Государь даже и не замѣтилъ его, тогда какъ Императоръ Николай зналъ его лично и, конечно, обращалъ на него вниманіе. О своей же близкой смерти Чаадаевъ говорилъ давно, а потому на его предположеніе, высказанное на раутѣ, я не обратилъ особаго вниманія.

Дней черезъ десять послѣ этого раута, по возвращеніи моемъ изъ Петербурга въ Москву, въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенія, жена моя подала мнѣ записку, полученную ею наканунѣ отъ Чаадаева на мое имя. Адресъ на запискѣ былъ написанъ не рукою Чаадаева. По раскрытіи записки, я увидѣлъ, что она камердинера Чаадаева, который увѣдомлялъ меня о кончинѣ послѣдняго и звалъ поскорѣе пріѣхать.

Я узналъ впослѣдствіи, что Чаадаевъ былъ боленъ въ продолженіе всей Страстной недѣли; въ пятницу ѣздилъ въ ресторацію Шевалье; въ этотъ же день ему были приставлены піявки, по отпаденіи которыхъ кровь не была остановлена; но Чаадаевъ въ субботу собирался снова въ ресторацію Шевалье.

Шульцъ, хозяинъ дома, въ которомъ Чаадаевъ жилъ, сидѣлъ у него, когда Чаадаевъ мгновенно умеръ.

Въ концѣ шестой недѣли Великаго поста я ѣздилъ дней на десять въ Петербургъ для испрошенія разрѣшенія напечатать составленное мною «Руководство къ устройству водопроводовъ».

Въ началѣ мая я былъ снова потребованъ Чевкинымъ въ Петербургъ. Онъ мнѣ сказалъ, что Государь, узнавъ о недостаткѣ и дурномъ качествѣ воды въ Ходынскомъ лагерѣ близъ Москвы, въ которомъ обыкновенно расположенъ былъ въ лѣтнее время 6-ой пѣхотный корпусъ, а въ 1856 г., по случаю коронованія Государя, будутъ стоять гвардейскій и гренадерскій корпуса и нѣкоторыя другія части войскъ, повелѣлъ снабдить лагерь водою изъ р. Москвы, которая выше столицы хорошаго качества.

Войска, стоявшія въ лагерѣ, устраиваемомъ перпендикулярно къ теченію р. Москвы, пили до 1856 г. воду изъ ручья Ходынки, запруженнаго въ нѣсколькихъ мѣстахъ; въ образованныхъ прудахъ нижніе чины купались и стирали бѣлье. Ручей этотъ весьма ничтожный, такъ что въ сухое время въ немъ нѣтъ теченія.

За этою грязною и нездоровою водою нижніе чины должны были, усталые отъ ученій, ходить въ глубокій оврагъ, при чемъ уставали еще болѣе. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ между войсками было ежегодно много больныхъ.

Въ 1856 году начальникомъ штаба гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ былъ генералъ-адъютантъ графъ Эдуардъ Трофимовичъ Барановъ (впослѣдствіи предсѣдатель департамента экономіи въ Государственномъ Совѣтѣ). Чтобы не ѣхать съ нимъ въ одномъ поѣздѣ въ видѣ подчиненнаго по устройству водоснабженія въ лагерѣ, я ускорилъ однимъ днемъ свой отъѣздъ изъ Петербурга и попалъ въ поѣздъ, въ которомъ ѣхалъ командовавшій тогда гвардейскою резервною дивизіею генералъ-адъютантъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, впослѣдствіи фельдмаршалъ.

По пріѣздѣ графа Баранова въ Москву, Барятинскій и я встрѣтили его на лагерномъ мѣстѣ, на которомъ я былъ уже наканунѣ и на скорую руку сообразилъ, какъ устроить водоснабженіе лагеря, въ то время не только не устроеннаго, но еще и не вполнѣ проектированнаго. Надо было строить водоснабженіе скоро, дешево и изъ матеріаловъ, имѣющихся подъ рукою.

Мѣстность, на которой располагается лагерь, очень возвышена надъ р. Москвою. Конечно, для поднятія изъ нея воды нечего было думать о паровой машинѣ, которой не было подъ рукою въ готовности и которая стоила бы дорого. Для этого были устроены конныя машины, одна у р. Москвы, а другая у середины возвышенія Ходынскаго поля надъ р. Москвою.

Эти машины, посредствомъ всасывающихъ и вдавливающихъ насосовъ, поднимали воду въ устроенныя при нихъ высокія башни, на верху которыхъ поставлены большіе деревянные чаны. Вода изъ чана башни ближайшей къ р. Москвѣ собственнымъ напоромъ переливалась въ резервуаръ подъ второй машиной, которая поднимала ее въ чанъ второй башни.

Фасадъ башенъ былъ изященъ. Рисунокъ былъ составленъ архитекторомъ Левестамомъ. Проложеніе между р. Москвою и первою машиною трубъ, по которымъ всасывалась вода, представляло затрудненіе по плывучести грунта.

Трубы состояли изъ просверленныхъ деревьевъ; такія же трубы были проложены по всему лагерю; только водонапорныя трубы отъ водоподъемныхъ машинъ до чановъ въ башняхъ и трубы при переходѣ черезъ оврагъ р. Ходынки, лежащей весьма низко относительно мѣстности лагеря, были положены чугунныя.

При каждой солдатской кухнѣ были поставлены деревянные чаны съ самозапирающимися кранами. Составленное мною подробное описаніе этого водоснабженія съ чертежами было помѣщено въ Журналѣ путей сообщенія за 1857 г. и издано особой брошюрой.

Устройствомъ лагеря въ военномъ отношеніи завѣдывалъ генеральнаго штаба капитанъ Шидловскій (впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ и сенаторъ), а постройку лагеря хозяйственнымъ способомъ принялъ на себя бывшій тогда Московскимъ гражданскимъ губернаторомъ Синельниковъ (впослѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири и сенаторъ).

Синельниковъ, большой охотникъ строить, принялъ на себя эту обязанность, совсѣмъ не подобающую губернатору. Онъ, по этому званію, позволялъ себѣ наряжать на работы въ лагерь крестьянъ, тогда какъ всѣ рабочіе должны были быть изъ вольнонаемныхъ, плата которымъ передъ коронаціею значительно возвысилась.

Мнѣ случалось часто встрѣчаться съ нимъ во время устройства лагеря, и хотя работы по водоснабженію нисколько отъ него не зависѣли, но онъ замѣчалъ мнѣ, что я напрасно скупилъ всѣ имѣвшіяся въ Москвѣ

просверленныя деревья, что гораздо было бы дешевле купить сосновый лѣсъ близъ Москвы и нанять людей для сверленія деревьевъ. Вотъ какой былъ онъ охотникъ все дѣлать самъ для извлеченія выгодъ, часто мнимыхъ. Но если бы я дѣйствовалъ по его указанію, то, конечно, не успѣлъ бы кончить своевременно водоснабженія, такъ какъ войска начали выступать въ лагерь со второй половины іюля.

Замѣчательно, что по мѣрѣ подведенія воды къ чанамъ, стоящимъ у кухонь извѣстной части войскъ, число заболѣвающихъ въ ней весьма значительно уменьшалось.

Къ пріѣзду Государя въ Москву водоснабженіе было вполнѣ окончено, но такъ какъ оно устраивалось на скорую руку, то не могло обойтись безъ поврежденія нѣкоторыхъ деревянныхъ трубъ, что именно случилось вскорѣ по пріѣздѣ Государя, который вслѣдствіе этого приказалъ ежедневно доносить ему о положеніи водоснабженія; впослѣдствіи оно постоянно хорошо дѣйствовало.

Скорость, съ которою надо было производить работы, была причиною того, что я проводилъ въ лагерѣ цѣлые дни, а иногда и ночи, несмотря на сильные дожди и вообще дурную погоду. Въ одну изъ этихъ ночей я и инженеръ Поповъ скрылись подъ какую-то большую палатку. Не ѣвъ цѣлый день, мы обрадовались, найдя въ ней буфетъ. Поѣвъ и выпивъ вина, мы потребовали счетъ для уплаты, но намъ его не подали, такъ какъ это былъ буфетъ какой-то части гвардейскихъ войскъ, кажется, стрѣлковаго баталіона Императорской Фамиліи; такимъ образомъ, мы ѣли и пили на чужой счетъ, сами того не подозрѣвая. Непріятность этихъ работъ увеличивалась еще тѣмъ, что нижніе чины, прибывшіе уже въ лагерь, недовольные тѣмъ, что вода еще не доведена до мѣста ихъ стоянки, очень грубо насъ ругали, когда мы были въ шинеляхъ, считая насъ не за офицеровъ, а за чиновниковъ, носящихъ военную форму.

Въ избѣжаніе этихъ грубостей, мы ѣздили на работы въ лагерь въ пальто, которыя незадолго передъ этимъ даны были военнымъ.

Поповъ былъ мнѣ очень полезенъ при этихъ работахъ своимъ усердіемъ и находчивостію къ устраненію разныхъ встрѣчавшихся случайностей. Другой же инженеръ Бедряга, котораго я также бралъ съ собою для помощи по устройству водоснабженія, побродивъ съ нами по работамъ, исчезалъ. На замѣчанія мои онъ отвѣчалъ, что принужденъ былъ оставлять меня, утомленный ходьбою и голодомъ.

По пріѣздѣ Чевкина ко времени коронованія въ Москву, онъ подробно осматривалъ Ходынское водоснабженіе и былъ доволенъ моими распоряженіями. Онъ просилъ меня, для объѣзда по водоснабженію, нанять коляску, полагая, что мнѣ, какъ жителю Москвы, извѣстнѣе, гдѣ нанимаются экипажи, а въ это время трудно было доставать ихъ. Я, черезъ моего стариннаго слугу Дорофея, нанялъ коляску у лучшаго содержателя лошадей, но отпущенныя намъ лошади оказались не вполнѣ хорошими. Чевкинъ мнѣ сдѣлалъ за это выговоръ въ очень непріятномъ тонѣ,

и тогда я узналъ, въ какой степени онъ и въ этомъ смыслѣ требователенъ.

Водоснабженіе Ходынскаго лагеря стоило около 20 тыс. рублей. Впослѣдствіи это сооруженіе, устроенное съ цѣлью просуществовать одно лѣто, нашли полезнымъ сохранить и для слѣдующихъ годовъ, такъ какъ на Ходынскомъ полѣ стоялъ постоянно лагеремъ гренадерскій корпусъ.

По сношенію съ военнымъ министерствомъ на ремонтъ водоснабженія я получалъ ежегодно двѣ тысячи руб.. Изъ остатковъ отъ этой суммы я составилъ къ 1861 г., когда былъ назначенъ главнымъ инспекторомъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, довольно значительный капиталъ, который долженъ былъ быть употребленъ, въ случаѣ надобности, на усиленный ремонтъ, а также и для улучшенія нѣкоторыхъ частей водоснабженія. Этотъ капиталъ переданъ мною назначенному послѣ меня начальникомъ Московскихъ водопроводовъ инженеръ-полковнику Никифораки (впослѣдствіи тайный совѣтникъ).

Въ іюнѣ 1856 г. я получилъ приказаніе провести Мытищинскую воду въ Кремлевскій дворецъ. Для этого взята была мною часть воды изъ фонтана, устроеннаго на Никольской площади, и проведена въ одну изъ кремлевскихъ башенъ близъ комендантскаго дома, откуда, посредствомъ ручныхъ насосовъ, поднята въ бакъ, изъ котораго вода течетъ въ разныя части дворца.

Чтобы имѣть случай представить въ полковники моего помощника капитана Берницкаго, я ему поручилъ эту работу. Берницкій, находившійся въ этой должности уже два года, не наблюдалъ еще самъ за производствомъ водопроводныхъ работъ и былъ увѣренъ, что нѣтъ ничего легче, какъ это наблюденіе.

Когда же я ему поручилъ означенную незначительную работу, то не было конца встрѣчаемымъ имъ затрудненіямъ, которыя я долженъ былъ разрѣшать ежедневно по нѣскольку разъ. Подрядчикъ, принявшій на себя работу, отказывался отъ нея, находя производителя работъ не свѣдущимъ и излишне придирчивымъ; много требовалось хлопотъ, чтобы все уладить.

Между тѣмъ начали уже пріѣзжать изъ Петербурга высшіе сановники, которые поселились во дворцѣ, а воды все еще въ немъ не было. Наконецъ, когда вся работа была окончена, вода не пошла по трубамъ дворца. Берницкій полагалъ, что рабочіе, изъ неудовольствія къ нему, положили что-нибудь въ трубы, и началъ ихъ разрывать.

Пріѣхавъ на мѣсто, я замѣтилъ, что трубы неподалеку отъ дворца положены были подъ выходящимъ угломъ. Я приказалъ въ нихъ вырубить отверстіе, изъ котораго сначала вышелъ воздухъ, а потомъ пошла вода, и въ то же время пришли сказать, что вода течетъ въ резервуаръ, устроенный во дворцѣ.

Ясно было, что въ мѣстѣ, гдѣ трубы были положены подъ выходящимъ угломъ, было скопленіе воздуха; на вырубленномъ въ трубѣ отверстіи поставленъ вактузъ, и съ того времени вода постоянно безпрепятственно шла во дворецъ.

Бернцкій былъ произведенъ въ день коронованія въ подполковники и вскорѣ назначенъ въ Симбирскъ для устройства проектированнаго мною въ этомъ городѣ водопровода, но, не успѣвъ начать этой работы, умеръ.

Весною 1856 г. старая наша знакомая княжна Елена Ивановна Касаткина-Ростовская просила мою сестру, А. И. Викулину, познакомить съ нею Михаила Дмитріевича Засѣцкаго, которому, по словамъ Касаткиной, очень нравится старшая дочь моей сестры, Валентина, и который былъ бы для нея хорошимъ женихомъ.

Не было причины отказать въ пріемѣ Засѣцкаго въ домѣ сестры. Замѣчу, что 23 года назадъ та же Касаткина сватала сестру мою за родного брата М. Д. Засѣцкаго, Андрея. М. Д. Засѣцкій по прошествіи нѣкотораго времени сдѣлалъ предложеніе. Сестра моя отвѣчала, что она переговоритъ съ дочерью и со мною.

Большая разность лѣтъ между Засѣцкимъ (ему было 42 года) и моей племянницей (ей было 19 л.), нѣкоторыя странности въ жизни стараго холостяка и какія-то особыя манеры въ обращеніи сдѣлали меня противникомъ предполагавшейся женитьбы, такъ какъ по красотѣ, уму, добротѣ и довольно богатому приданому моей племянницы я надѣялся, что она сдѣлаетъ то, что въ свѣтѣ называютъ хорошею партіею. Она съ ребячества отличалась необыкновенною мягкостію и никогда ни въ чемъ, не только матери, но и никому не противорѣчила.

Все время ея замужества она постоянно дѣлала только угодное мужу, никогда не заявляя своихъ желаній. Одинъ разъ во всю ея жизнь она высказала свое желаніе весьма рѣшительно. Когда сестра объявила ей о сдѣланномъ предложеніи и моемъ на него взглядѣ, который раздѣляла и сестра, она отвѣчала, что согласна на предложеніе Засѣцкаго, но, конечно, если ея мать или даже дядя (т.-е., я) этого не желаютъ, то предложеніе Засѣцкаго она проситъ считать какъ бы не бывшимъ и поступитъ согласно моей и ея матери воли, которая, конечно, направлена къ ея пользѣ. Послѣ столь положительнаго объясненія такой мягкой, какъ воскъ, дѣвочки, конечно, послѣдовало согласіе и ея матери и мое. Свадьба была въ серединѣ лѣта. У Засѣцкаго посаженною матерью была его бабка, почти столѣтняя, но довольно бодрая старуха.

Къ коронованію Государя съѣхались въ Москву всѣ высшіе сановники и между прочими главноуправляющій путями сообщенія Чевкинъ, который съ женою своею и сыномъ поселился въ нанятомъ при графѣ Клейнмихелѣ домѣ Базилевскаго (впослѣдствіи Рукавишникова) на Тверскомъ бульварѣ.

Въ это время я познакомился съ его женою и ближе сошелся съ Чевкинымъ. Ихъ сына я тогда видѣлъ только одинъ разъ. Я пришелъ къ Чевкину очень рано по дѣламъ службы. Онъ пригласилъ меня въ столовую, гдѣ его жена разливала чай. Вдругъ съ трескомъ отворились двери въ столовую, чрезъ которую пробѣжалъ красивый молодой человѣкъ въ растегнутомъ военномъ сюртукѣ, блѣдный, нечесаный. Онъ не ночевалъ дома

и, конечно, могъ бы пройти въ свою комнату и не мимо своихъ родителей. Отецъ при входѣ сына пожалъ плечами, а лицо матери выразило сильное огорченіе.

Впослѣдствіи я ближе познакомился съ сыномъ Чевкина. При хорошей образованности, недюжинномъ умѣ и весьма замѣчательномъ дарѣ слова, онъ былъ большимъ негодяемъ: занималъ безъ отдачи; пользовался положеніемъ отца, чтобы занимать или просто брать деньги у подрядчиковъ вѣдомства путей сообщенія; наконецъ, вслѣдствіе дурныхъ продѣлокъ долженъ былъ оставить Россію и жить во Франціи, гдѣ и умеръ, кажется, въ 1869 году. Потеря единственнаго, хотя и блуднаго сына была очень горька его родителямъ, и въ особенности матери.

Къ коронаціи было приглашено нѣсколько военныхъ генераловъ изъ числа находившихся на службѣ внутри Имперіи, въ томъ числѣ былъ братъ мой Николай, нѣсколько разъ раненый въ Севастополѣ. Онъ былъ въ 1856 г. начальникомъ штаба 4-го пѣхотнаго корпуса и жилъ въ Воронежѣ. За то, что братъ помѣстился въ Москвѣ у нашей сестры, которую жена его не могла терпѣть, послѣдняя дѣлала намъ и мужу своему, которому впослѣдствіи запретила видѣться съ сестрою, много непріятностей.

Въ Успенскомъ соборѣ къ торжеству коронованія были сдѣланы разныя приготовленія, осмотръ которыхъ допускался только высокопоставленными лицами или по особо выданнымъ Московскою дворцовою конторою билетамъ.

По случаю проведенія Мытищинской воды въ Кремлевскій дворецъ, я былъ извѣстенъ чиновникамъ этой конторы и потому полагалъ возможнымъ войти въ соборъ для осмотра упомянутыхъ приготовленій безъ билета. Меня однакоже въ него не пустили. Я вздумалъ не послушаться останавливавшихъ меня чиновниковъ и войти насильно, однакоже это мнѣ не удалось. Я былъ въ это время сильно раздраженъ.

Въ день коронованія я получилъ орденъ св. Владиміра 3 ст. Я былъ уже 6-ой годъ полковникомъ и могъ надѣяться на производство въ генералъ-маіоры, а потому означенная награда меня не удовлетворила. Мой бывшій тогда начальникъ Чевкинъ, при частыхъ свиданіяхъ со мною, неоднократно разсказывалъ, что его, несмотря на представленія обоихъ фельдмаршаловъ Паскевича и Дибича, долго не производили въ генералъ-маіоры. На мое замѣчаніе, что онъ скорѣе всѣхъ своихъ современниковъ былъ произведенъ въ генералы, такъ какъ въ офицерскихъ чинахъ онъ состоялъ всего 9 лѣтъ (съ 1822 г. по 1831 г.), Чевкинъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ въ 1828 и 1829 гг. былъ неоднократно представляемъ обоими фельдмаршалами къ производству въ генералы за отличіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, и такъ какъ эти представленія не были уважены, то онъ, потерявъ надежду быть когда-либо произведеннымъ, объяснялся объ этомъ съ графомъ (впослѣдствіи съ княземъ) А. И. Чернышевымъ.

И все это онъ говорилъ и повторялъ мнѣ, нисколько не обращая вниманія на то, что я прослужилъ уже въ офицерскихъ чинахъ 26 лѣтъ, а произ-

водство меня въ генералы зависѣло вполнѣ отъ него. Къ изложенному разсказу онъ присовокупилъ, что въ 1829 г., когда онъ привезъ извѣстіе объ Адріанопольскомъ мирѣ, онъ будто бы самъ не желалъ получить генеральскій чинъ, такъ какъ до того времени онъ получалъ всѣ чины за отличія въ сраженіяхъ.

Впрочемъ, онъ за это извѣстіе получилъ вдругъ три награды, что едва ли былъ не первый примѣръ въ царствованіе Николая Павловича, а именно: онъ получилъ орденъ св. Владиміра 3-ей ст., 3000 червонцевъ и назначенъ флигель-адъютантомъ. По случаю этого назначенія, извѣстный острякъ князь А. С. Меньшиковъ, бывшій въ 1854 и 1855 гг. главнокомандующимъ въ Крыму, сказалъ, что взяли Эзопа ко двору, намекая на то, что Чевкинъ горбатъ. Когда послѣдній узналъ объ этомъ, то замѣтилъ, что Эзопа взяли ко двору «pour faire parler les bêtes».

Чевкинъ, несмотря на свое чрезмѣрное трудолюбіе, былъ любезенъ въ обществѣ, въ особенности съ дамами, и вообще остеръ и находчивъ. Разскажу объ его находчивости, которую онъ выказалъ въ январѣ 1872 г. Константинъ Карловичъ Гротъ въ 1870 г. былъ сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта и назначенъ въ департаментъ экономіи, въ которомъ Чевкинъ былъ предсѣдателемъ.

Между Чевкинымъ, привыкшимъ не обращать вниманія на мнѣнія членовъ департамента, и Гротомъ было нѣсколько споровъ по дѣламъ. 1 января 1872 г. объявлено Высочайшее повелѣніе о перемѣщеніи Грота въ департаментъ законовъ.

Когда Гротъ на другой день Новаго года вошелъ въ присутствіе департамента экономіи и прощался со своими прежними сочленами, Чевкинъ подалъ ему лѣвую руку, вѣроятно, безъ всякаго намѣренія. Гротъ сказалъ Чевкину: «я не зналъ, что вы лѣвша», на что послѣдній возразилъ: «это только вчера у меня отняли правую руку». Но не подлежитъ сомнѣнію, что Гротъ былъ перемѣщенъ по иниціативѣ Чевкина.

Торжественный въѣздъ Царской Фамиліи изъ Петровскаго дворца въ Москву я видѣлъ изъ окна какого-то дома на Тверской улицѣ. Русское дворянство при этомъ въѣздѣ не отличилось: представителей его было мало и тѣ ѣхали верхомъ на плохихъ лошадяхъ и сами были плохо одѣты въ довольно потертыхъ мундирахъ, право ношенія которыхъ они получили при выходѣ въ отставку.

Въ самый день коронованія я былъ на выходѣ во дворцѣ. Государь и Государыня прошли мимо собравшихся во дворцѣ съ грустными лицами и очень заплаканными глазами. Во время коронованія корона упала съ головы Императрицы, что принято было за дурное предзнаменованіе.

Графиня К. П. Клейнмихель была въ числѣ четырехъ статсъ-дамъ, которыя прикалывали корону на головѣ Императрицы. Не знаю, почему ее, болѣе чѣмъ другихъ трехъ, обвиняли въ томъ, что корона не была крѣпко приколота. Скипетръ во время шествія изъ дворца въ Успенскій соборъ

несъ намѣстникъ Царства Польскаго князь М. Д. Горчаковъ и, по причинѣ желудочнаго разстройства, не могъ донести скипетра до Собора.

Я уже говорилъ, что домъ, въ которомъ я помѣщался, былъ на набережной р. Москвы, противъ дворца, такъ что я, жена и всѣ жившіе у насъ видѣли Государя, когда онъ выходилъ въ мантіи и коронѣ на балконъ дворца и кланялся безчисленной толпѣ народа, безпрерывно кричавшей оглушительное «ура».

Вездѣ, гдѣ показывался Государь, была бездна народу. Толпа цѣплялась за колесы и крылья Государева экипажа и даже нѣкоторые вскакивали на крылья, чтобы хотя на минуту взглянуть поближе на обожаемаго Монарха.

Я былъ въ числѣ приглашенныхъ на балъ во дворецъ и на другихъ торжествахъ и празднествахъ.

Государь почти ежедневно бывалъ въ Ходынскомъ лагерѣ. Чевкинъ приказалъ мнѣ находиться въ лагерѣ все время, пока въ немъ находился Государь, который каждый разъ, когда бывалъ въ лагерѣ, проѣзжалъ мимо второй водоподъемной башни, у которой я постоянно находился.

Государь отвѣчалъ на мой поклонъ, но ни разу не обратился ко мнѣ съ какимъ-либо вопросомъ и не осматривалъ ни водоподъемной машины, ни башни. Невольно вспоминалъ я объ его отцѣ, который, конечно, осмотрѣлъ бы все водоснабженіе.

Братъ мой Николай былъ постоянно въ свитѣ Государя. Онъ очень любилъ двухъ полковыхъ командировъ 4-го пѣхотнаго корпуса Веревкина и Зеленаго и очень желалъ производства послѣдняго въ генералъ-маіоры; когда же онъ не попалъ въ число произведенныхъ въ день коронованія 26 августа, то братъ мой всячески хлопоталъ о томъ, чтобы Зеленый былъ произведенъ 30 августа, но безуспѣшно.

Зеленый тогда просилъ отставки, но его уволили только отъ командованія полкомъ. Въ это время М. Н. Муравьевъ былъ назначенъ министромъ государственныхъ имуществъ и взялъ Зеленаго къ себѣ по особымъ порученіямъ; потомъ сдѣлалъ его товарищемъ министра, а 1 января 1862 г., при увольненіи Муравьева, Зеленый былъ назначенъ министромъ государственныхъ имуществъ. Такимъ образомъ, неуспѣхъ хлопотъ брата о производствѣ Зеленаго въ генералы послужилъ послѣднему на пользу.

По заключеніи мира въ 1856 г., главнокомандовавшій въ Крыму графъ Лидерсъ неоднократно посылалъ моего брата Николая въ лагерь нашихъ бывшихъ противниковъ, при чемъ братъ очень сошелся съ итальянскими офицерами. Нѣкоторые изъ бывшихъ подъ Севастополемъ итальянцевъ вошли въ составъ итальянскаго посольства, присланнаго на коронацію. Эти лица бывали у брата и обѣдали у сестры.

Въ началѣ сентября я и братъ возили ихъ въ Троицую Лавру, древностями и богатствами которой они сильно восхищались. Я теперь съ намѣреніемъ упоминаю объ этихъ нашихъ отношеніяхъ къ итальянской мис-

сіи, такъ какъ они имѣли большое вліяніе на дальнѣйшую службу моего брата.

По отъѣздѣ Царской Фамиліи изъ Москвы, начались снова занятія мои по укладкѣ водоводныхъ трубъ въ городѣ и по устройству фонтановъ. Изъ завода герцога Лейхтенбергскаго начали подвозить части водоподъемныхъ машинъ въ Алексѣевское и въ Большія Мытищи, но уже по этимъ частямъ видно было, что машины не будутъ удовлетворять своему назначенію.

Сырость нашей квартиры заставила насъ переѣхать на Самотецкую-Садовую, гдѣ я нашелъ приличную квартиру въ нижнемъ этажѣ, такъ что въ желѣзной дорогѣ, устроенной для жены въ домѣ Сорокина, не предстояло болѣе надобности. Во вновь нанятомъ домѣ украли у насъ собачку «Лельку». Я ни прежде, ни послѣ не видалъ такой умной собаки.

Зима 1856—1857 г. въ Москвѣ отличалась отъ прежнихъ зимъ тѣмъ, что послѣ 30-лѣтняго гнета дышалось свободнѣе, языки развязались, литература оживилась и въ періодическихъ изданіяхъ начали появляться такія статьи, за которыя въ прежнее царствованіе ихъ авторы и издатели подверглись бы строжайшимъ наказаніямъ*).

Въ зиму 1855—1856 г. всѣ еще были заняты несчастною Крымскою войною, и потому тогда было не до пересудовъ о внутреннемъ состояніи Россіи. Въ Московскомъ англійскомъ клубѣ отражалось мнѣніе Москвы. Смерть П. Я. Чаадаева дала мѣсто новымъ дѣятелямъ, которые при немъ едва ли могли бы выказаться.

Начали собираться маленькіе кружки въ небольшой комнатѣ или, лучше сказать, въ проходѣ между библіотекой и такъ называемой «адской комнатой». Въ ней обсуживались разныя журнальныя статьи и въ особенности статьи «Русскаго Вѣстника», начавшаго выходить подъ редакціей

*) Строгость печати во все царствованіе Императора Николая I превосходитъ всякое вѣроятіе. Репрессивныя мѣры противъ печати постоянно усиливались и достигли своего апогея послѣ французской февральской революціи. Эта революція вызвала у насъ учрежденіе, подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Дмитрія Петровича Бутурлина, особаго комитета 2 апрѣля 1848 г., контролировавшаго дѣйствія обыкновенныхъ цензуръ, какъ главной, состоявшей въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, такъ и спеціальныхъ, учрежденныхъ почти въ каждомъ вѣдомствѣ. Жена моя положила на музыку нѣсколько русскихъ пѣсенъ и романсовъ. Въ 1851 году она вздумала литографировать свои музыкальныя піесы, которыхъ слова были уже неоднократно напечатаны. Позволеніе цензуры тогда требовалось не только для литографированія музыкальныхъ нотъ, но даже на гравированіе простой графленой бумаги. Много было хлопотъ для полученія дозволенія отъ попечителя Петербургскаго учебнаго округа Мусина-Пушкина, который окончательно запретилъ печатаніе нотъ на слова Пушкина «Даръ напрасный, даръ случайный» и на отвѣтъ на это стихотвореніе, начинающійся словами: «Не напрасно, не случайно». Эти ноты были напечатаны позднѣе, по переѣздѣ нашемъ въ Москву.

Упомянутый отвѣтъ былъ написанъ Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ. Для напечатанія безошибочнаго текста при нотахъ, я обратился къ П. А. Плетневу, который немедля досталъ мнѣ изъ своей библіотеки своеручный отвѣтъ Филарета.

Каткова и Леонтьева въ либеральномъ англійскомъ направленіи, подъ цензурою Крузе, съ большою смѣлостью, по тогдашнимъ понятіямъ, допускавшаго эти статьи къ печатанію.

Въ этихъ обсужденіяхъ, конечно, касались и внутренней политики, и дѣйствій нашего правительства. Главнымъ лицомъ въ этихъ сужденіяхъ былъ Головкинъ, отставной чиновникъ, происхожденіемъ изъ духовнаго званія, человѣкъ весьма умный, способный и начитанный.

Вторымъ лицомъ, постоянно участвовавшимъ въ этихъ бесѣдахъ, былъ чиновникъ особыхъ порученій при Московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ (впослѣдствіи тайный совѣтникъ и предсѣдатель главнаго цензурнаго управленія).

Вскорѣ означенная комнатка сдѣлалась тѣсною, и клубъ распространилъ свое помѣщеніе двумя комнатами, изъ коихъ одну, наибольшую, назначили для сбора членовъ, не играющихъ въ карты. Въ этой комнатѣ каждый вечеръ можно было видѣть Головкина и Лонгинова, которыхъ и прозвали президентомъ и вице-президентомъ говорильной или, какъ другіе называли, вральной комнаты. Вмѣстѣ съ ними всегда можно было въ ней найти отъ 5 до 10 членовъ. Я бывалъ не такъ часто въ клубѣ, но когда пріѣзжалъ въ клубъ вечеромъ, то обыкновенно проходилъ прямо въ эту комнату.

Большая же часть членовъ въ нее не входили: нѣкоторые опасались, чтобы правительство не потребовало ихъ къ отвѣту за то, что въ ней говорилось, или не почитали себя довольно образованными, чтобы вмѣшиваться въ разговоры, или даже слушать ихъ. Смѣшно было видѣть, какъ нѣкоторые изъ членовъ подходили къ стеклянной двери, ведшей во «вральную» комнату, съ явнымъ намѣреніемъ войти въ нее и, постоявъ у двери, не рѣшались привести его въ исполненіе.

Мой свояк, графъ Н. С. Толстой, не былъ членомъ клуба, но его ежедневно записывали гостемъ и онъ былъ постояннымъ членомъ общества, собиравшагося въ означенной комнатѣ. Въ Толстомъ только въ это время, когда ему былъ 45-й годъ, открылись литературныя способности; многіе юмористическіе разсказы его тогда очень нравились.

Положеніе его при встрѣчѣ со мною было очень щекотливое, и онъ просилъ жену мою свести насъ, на что съ моей стороны не было препятствій.

Я нашелъ моего свояка во многомъ измѣнившимся. Онъ изъ сварливаго, вспыльчиваго человѣка сдѣлался очень мягкимъ и расположеннымъ къ добру, нисколько не измѣнивъ рѣзкости въ своемъ обращеніи и оставшись попрежнему большимъ чудакомъ. Онъ и въ Москвѣ продолжалъ носить фантастическую одежду своего изобрѣтенія.

Въ январѣ 1857 г. была дана частному обществу концессія на окончаніе постройки Петербурго-Варшавской желѣзной дороги съ вѣтвью къ Прусской границѣ, на постройку Московско-Ѳеодосійской и другихъ желѣзныхъ дорогъ, всего протяженіемъ до 4000 верстъ, и на ихъ эксплоатацію.

Обществу этому дано названіе «Главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ», названіе многимъ показавшееся страннымъ.

Главными учредителями, а впослѣдствіи и дѣятелями этого общества были французы и слово Grande Société напоминало Grande armée, съ такимъ торжествомъ вступившую въ Россію въ 1812 году и которой изгнаніе стоило столькихъ жертвъ.

Спустя четыре года, пришлось изгонять французовъ, дѣятелей означеннаго общества, что также не обошлось безъ жертвъ. Въ Именномъ Высочайшемъ указѣ, при которомъ была объявлена означенная концессія, было, между прочимъ, объяснено, что для устройства сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи найдено необходимымъ призвать не только капиталы, но и знаніе изъ Западной Европы.

Послѣднее было выражено такъ, что оно не могло не оскорбить русскихъ инженеровъ путей сообщенія, которые безъ участія иностранцевъ уже построили желѣзную дорогу между двумя столицами. Проектъ указа былъ, конечно, составленъ Чевкинымъ, на котораго за это и пало неудовольствіе русскихъ инженеровъ. Старшіе изъ нихъ приняли французовъ, главныхъ дѣятелей общества, съ радушіемъ, вспоминая съ уваженіемъ своихъ французскихъ наставниковъ.

Но старшіе русскіе инженеры не соглашались принять обязанности низшихъ дѣятелей общества, учредители котораго первостепенными и второстепенными дѣятелями назначали французовъ.

Имѣя въ виду скорое окончаніе работъ по водоснабженію Москвы и не предвидя въ государственной службѣ по путямъ сообщенія для себя занятій, я готовъ былъ поступить въ главное общество желѣзныхъ дорогъ, надѣясь при этомъ получить и содержаніе, которое могло бы обезпечить мое существованіе.

Въ февралѣ 1857 г. я въ Петербургѣ передавалъ объ этомъ Александру Аггѣевичу Абазѣ (впослѣдствіи дѣйствительный статскій совѣтникъ и министръ финансовъ), назначенному членомъ совѣта управленія главнаго общества и пользовавшемуся въ управленіи нѣкоторымъ вліяніемъ, но мои съ нимъ переговоры ни къ чему не повели.

Колиньонъ (имѣвшій званіе главнаго инспектора 2 класса дорогъ и мостовъ во Франціи), избранный главнымъ распорядителемъ дѣлъ общества подъ названіемъ главнаго директора, намѣренъ былъ, какъ сообщилъ мнѣ тогда Абаза, только низшія инженерныя должности предоставить русскимъ инженерамъ, такъ чтобы между двумя работами, производимыми французами, были работы, порученныя русскому инженеру, который могъ бы помогать своимъ сосѣдямъ знаніемъ русскаго языка и мѣстныхъ обычаевъ.

Выборъ Колиньона былъ неудаченъ. Плохой организаторъ, надменный, дерзкій до нахальства, неуживчивый и, сверхъ того, не имѣвшій достаточно практическихъ свѣдѣній по устройству и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, онъ сумѣлъ вполнѣ подчинить себѣ совѣтъ управленія главнаго общества, которому по уставу общества онъ былъ подчиненъ и котораго члены, выбранные не общимъ собраніемъ акціонеровъ, а учредителями, вовсе не понимали дѣла. Высшія правительственныя лица въ Россіи по-

стоянно принимаютъ иностранцевъ, въ особенности Французовъ, съ особеннымъ радушіемъ. Такъ были приняты Колиньонъ и всѣ иностранные дѣятели главнаго общества всѣми означенными лицами и, между прочимъ, главноуправляющимъ путями сообщенія Чевкинымъ.

Колиньонъ и его подчиненные вообразили себя благодѣтелями Россіи и учителями варваровъ, хотя между его подчиненными часть не имѣла тѣхъ теоретическихъ свѣдѣній, которыя имѣетъ каждый русскій инженеръ, а нѣкоторые изъ назначенныхъ къ инженернымъ занятіямъ не имѣли и практическихъ свѣдѣній.

Дѣятелей вообще набирали по просьбамъ и рекомендаціи высокопоставленныхъ во Франціи лицъ, такъ что въ инженеры общества попали разные ремесленники и даже цырюльники. Немногіе изъ рекомендованныхъ, получая назначеніе инженеровъ, отказывались отъ этого назначенія, выставляя свое полное незнаніе инженернаго искусства. Тогда имъ говорили: «Partez toujours pour la Russie; on y reglera votre position».

Вскорѣ дурныя постройки и безпрерывныя ошибки французскихъ инженеровъ, и въ особенности претензіи Колиньона, измѣнили мнѣніе Чевкина о французскихъ дѣятеляхъ. Чевкинъ также не отличался мягкостью характера и сговорчивостью.

Замѣчательно, что въ это время не только высшія правительственныя лица, но почти всѣ русскіе обвиняли Чевкина въ недоброжелательствѣ къ французскимъ дѣятелямъ и восхваляли Колиньона и пріѣхавшихъ съ нимъ должностныхъ лицъ. Эти послѣдніе, подражая своему главному начальнику, были почти недоступны для русскихъ помѣщиковъ, подрядчиковъ и рабочихъ; когда же, послѣ долгихъ исканій, соглашались кого-либо допустить къ себѣ, то обращались съ нимъ невѣжливо и даже грубо.

Таково же было ихъ обращеніе съ подчиненными имъ русскими офицерами изъ инженеровъ путей сообщенія. Нѣкоторые изъ нихъ запрещали этимъ офицерамъ на планахъ подписываться инженерами, хотя послѣдніе пріобрѣли въ Россіи это право на всю жизнь, окончивъ съ успѣхомъ курсъ наукъ въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія.

Вскорѣ появилась вражда между инженерами: съ одной стороны, начальниками изъ французовъ и, съ другой, подчиненными изъ русскихъ, и послѣдніе начали оставлять общество, несмотря на получаемое ими большое содержаніе.

Изъ русскихъ инженеровъ, поступившихъ въ общество, первый вышелъ инженеръ-капитанъ Тесминъ (впослѣдствіи управлявшій Петербурго-Варшавскою желѣзною дорогою) по слѣдующей причинѣ.

Тесминъ былъ назначенъ въ распоряженіе молодого французскаго инженера, которому было поручено производство изысканій желѣзной дороги по направленію отъ Москвы до Ѳеодосіи. Этотъ французъ, отправляя Тесмина въ Тулу, самымъ неделикатнымъ образомъ поручалъ ему приготовить для него квартиру и разную домашнюю обстановку.

Тесминъ, вслѣдствіе этой неделикатности, съ которою ему навязывали обязанности слуги, просилъ объ отчисленіи его изъ общества.

Когда большая часть образованныхъ русскихъ поняли всю невыгоду для Россіи отъ нелѣпыхъ произвольныхъ дѣйствій этихъ пришельцевъ, они обвиняли Чевкина за то, что онъ допустилъ дать концессію съ большими льготами на такое значительное протяженіе (4000 верстъ) желѣзныхъ дорогъ обществу, котораго ни денежныя, ни техническія средства не были извѣстны, а не раздѣлилъ этого протяженія между нѣсколькими обществами, которыхъ тогда не трудно было найти и которыя, конечно, состязались бы между собою въ лучшемъ и правильнѣйшемъ устройствѣ дорогъ.

Знаю, что Чевкинъ сильно настаивалъ на томъ, чтобы выдать концессію на означенное протяженіе желѣзныхъ дорогъ не одному, а нѣсколькимъ обществамъ; что, въ случаѣ несогласія его на передачу всего означеннаго протяженія дорогъ одному обществу, онъ могъ лишиться занимаемаго имъ мѣста.

Я упоминалъ выше, что въ февралѣ 1857 г. я былъ въ Петербургѣ. Цѣлью моего пріѣзда было указаніе новому директору завода герцога Лейхтенбергскаго, полковнику корпуса горныхъ инженеровъ, Владиміру Карловичу Рашету (впослѣдствіи тайный совѣтникъ и директоръ горнаго департамента), поступившему на мѣсто умершаго генералъ-майора Фуллона, несообразностей въ изготовляемыхъ этимъ заводомъ водоподъемныхъ паровыхъ машинахъ для Московскихъ водопроводовъ и представленіе разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ Чевкину, а черезъ него и Государю, напечатаннаго мною «Руководства по устройству водопроводовъ».

Представленный Государю экземпляръ былъ напечатанъ на одинаковой со всѣми прочими бумагѣ по слѣдующей причинѣ.

Я просилъ въ типографіи Готье, гдѣ печаталась эта книга, напечатать 10 экземпляровъ на самой лучшей бумагѣ и не наблюдалъ за выборомъ, сдѣланнымъ типографіей, которая ихъ напечатала на такой толстой бумагѣ, что экземпляръ «Руководства» своимъ объемомъ походилъ на крупно напечатанную Библію. Это заставило меня оставить всѣ 10 экземпляровъ у себя; но такъ какъ вскорѣ, какъ я уже упоминалъ выше, книга эта сдѣлалась рѣдкостью, то я и эти 10 экземпляровъ роздалъ разнымъ лицамъ и послѣдній изъ нихъ отдалъ въ библіотеку Русскаго техническаго общества.

Въ эту же бытность мою въ Петербургѣ зимою 1857 г. Чевкинъ предложилъ мнѣ взять въ помощники начальника Московскихъ водопроводовъ инженеръ-полковника Андрея Васильевича Черкаева, который въ это время былъ начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ искусственныхъ дѣлъ.

Чевкинъ очень выхвалялъ Черкаева, съ которымъ рѣшался разстаться только по причинѣ болѣзни послѣдняго, сильно развившейся на занимаемой имъ должности. Чевкинъ надѣялся, что воздухъ Москвы и движеніе для осмотра водопроводныхъ работъ улучшатъ его здоровье.

Черкаевъ былъ, конечно, человѣкъ образованный и честный, но по своему нерѣшительному характеру и болѣзненному состоянію ни на что

не могъ быть употребленъ. Онъ пробылъ полтора года моимъ помощникомъ, но помощи мнѣ ни въ чемъ не оказалъ. Его нельзя было посылать осматривать работы, потому что болѣзнь ему не дозволяла ходить пѣшкомъ, а ѣзда на извощикахъ была для него невозможна по крайней его бѣдности при довольно многочисленномъ семействѣ.

Онъ жилъ въ отдаленной части Москвы, а потому по той же причинѣ не могъ ежедневно бывать въ моей канцеляріи, для занятія письменными дѣлами. Впрочемъ, если бы онъ и приходилъ въ нее, то при его нерѣшительности и медленности, мнѣ труднѣе было бы объяснять ему то, что надо написать, чѣмъ написать самому.

И такъ онъ все время ничего не дѣлалъ. Въ ноябрѣ 1857 г. онъ вызвался составить проектъ фонтана, въ которомъ полагался кирпичный сводъ діаметромъ въ 1 сажень. Онъ вздумалъ опредѣлять устойчивость этого свода высшими математическими исчисленіями. До этого времени безъ всякихъ излишнихъ выкладокъ было уже проектировано и построено въ Москвѣ до 30 фонтановъ со сводами, имѣвшими гораздо большій діаметръ. Черкаевъ надоѣлъ мнѣ и инженеру Попову вопросами, относившимися къ составленію проекта малаго фонтана.

Въ серединѣ 1858 г. онъ уѣхалъ изъ Москвы, не составивъ этого проекта. Большой его другъ, инженеръ полковникъ Липинъ, назначенный тогда вице-директоромъ департамента желѣзныхъ дорогъ (впослѣдствіи тайный совѣтникъ и членъ совѣта управленія главнаго общества по назначенію отъ правительства), предложилъ послать Черкаева въ Англію для пріема рельсовъ, законтрактованныхъ для ремонта Николаевской желѣзной дороги.

Его недовѣрчивость и нерѣшительность были причиною большихъ неудовольствій противъ него со стороны англійскихъ заводчиковъ, контрагентовъ и ихъ рабочихъ. Эти неудовольствія побудили замѣнить Черкаева другимъ пріемщикомъ; онъ оставался безъ дѣла до 1863 г.

Въ это время требовалось послать въ Англію инженера для заказа и пріема чугунныхъ трубъ, потребныхъ для устройства Новочеркасскаго водоснабженія, производившагося подъ моимъ главнымъ наблюденіемъ. Липинъ упросилъ меня послать Черкаева, на что я согласился, полагая, что опытъ пріема рельсовъ послужилъ ему урокомъ въ томъ отношеніи, какъ онъ долженъ вести себя на англійскихъ заводахъ.

Въ началѣ 1864 г. я получилъ отъ даннаго ему для наблюденія за заказами помощника извѣщеніе, что Черкаевъ, въ день посѣщенія одного изъ заводовъ, отливавшихъ трубы, скоропостижно умеръ. Конечно, я употребилъ всѣ зависѣвшія отъ меня средства, чтобы доставить пособіе его семейству, оставленному имъ въ крайней бѣдности. Черкаевъ, видимо, не любилъ меня и выказывалъ зависть. Онъ говорилъ моимъ подчиненнымъ, что я слишкомъ снисходителенъ къ поставщикамъ чугунныхъ трубъ для Московскихъ водопроводовъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ трубъ не вполнѣ соотвѣтствовали строгимъ условіямъ контракта, но что я родился

подъ счастливою звѣздою, и потому водоснабженіе, вѣроятно, будетъ хорошо дѣйствовать.

Когда задумано было мною устройство желѣзной дороги отъ Москвы до Троице-Сергіевскаго посада, Черкаевъ находилъ это предпріятіе весьма невыгоднымъ, но говорилъ, что, благодаря только моей счастливой звѣздѣ, оно, вѣроятно, будетъ давать доходы.

Относительно предполагаемой Черкаевымъ моей снисходительности къ поставщикамъ чугунныхъ трубъ я долженъ сказать, что всегда считалъ своею обязанностью добиться отъ поставщиковъ наименьшихъ цѣнъ, по заключеніи же съ ними контрактовъ, давать имъ всѣ льготы, которыя не вредны для производимаго сооруженія.

Строители же подобные Черкаеву весьма вредны: подрядчики, зная ихъ придирчивость и требованія исполненія вписываемыхъ въ контракты часто неисполнимыхъ условій, берутъ возвышенныя цѣны на работы и матеріалы и, несмотря на это, вслѣдствіе придирчивыхъ требованій строителей, разоряются. Работы длятся, отыскиваются новые подрядчики съ еще болѣе возвышенными цѣнами и все это въ явный убытокъ того, на чей счетъ производятся сооруженія.

Чевкинъ нашелъ полезнымъ, чтобы инженеры, завѣдывающіе значительными техническими работами, во время своего пребыванія въ Петербургѣ, знакомили воспитанниковъ Института инженеровъ путей сообщенія съ этими работами.

На этомъ основаніи зимою 1857 г. мнѣ было предложено познакомить ихъ съ работами по устройству Московскихъ водопроводовъ. Я прочелъ о нихъ двѣ лекціи, на которыхъ, кромѣ воспитанниковъ института, было много и другихъ слушателей. Лекціи были прочтены удачно и слушатели были ими очень довольны.

Зимою 1856—1857 г. въ Мытищинскомъ водоподъемномъ зданіи устанавливались двѣ водоподъемныя паровыя машины, взамѣнъ прежде поставленныхъ заводомъ герцога Лейхтенбергскаго, оказавшихся негодными, а по наступленіи лѣтняго времени снова приступлено къ укладкѣ чугунныхъ трубъ въ Москвѣ и къ устройству въ ней фонтановъ.

Я постоянно доказывалъ, что и вновь устанавливаемыя въ Мытищахъ машины не будутъ дѣйствовать, но на основаніи условія, заключеннаго съ заводомъ герцога Лейхтенбергскаго, долженъ былъ допустить ихъ установку. Одна изъ этихъ машинъ, немедля по пущеніи ея въ дѣйствіе, сломалась. Не пробуя второй машины, устроенной по одному образцу съ первою, я потребовалъ немедленныхъ передѣлокъ въ обѣихъ машинахъ, согласно моимъ указаніямъ.

Въ маѣ пріѣхалъ въ Мытищи директоръ упомянутаго завода Рашетъ. Онъ упросилъ дозволить въ его присутствіи испробовать вторую машину, которая, по его мнѣнію, должна была хорошо дѣйствовать.

Но она также, немедля по пущеніи ея въ дѣйствіе, сломалась и одинъ изъ разлетѣвшихся кусковъ машины ударилъ по ногѣ Рашета, ближе всѣхъ

къ ней стоявшаго. Тогда только онъ понялъ необходимость исправить обѣ машины согласно моимъ техническимъ указаніямъ.

Неудача въ устройствѣ машинъ для Мытищинскаго водоподъемнаго зданія влекла за собою необходимость продолжать пользоваться старымъ, разрушившимся кирпичнымъ водопроводомъ, по которому вода отъ Мытищъ до Алексѣевскаго водоподъемнаго зданія текла естественнымъ давленіемъ и, слѣдовательно, эта неудача не имѣла вліянія на существовавшее въ Москвѣ водоснабженіе.

Упомянутыя двѣ машины были исправлены къ осени 1857 г., такъ что въ октябрѣ этого года онѣ начали поднимать Мытищинскую воду въ чугунныя трубы, проложенныя отъ нихъ до Алексѣевскаго водоподъемнаго зданія, и за симъ старый кирпичный водопроводъ остался безъ употребленія.

Къ маю 1857 г. были доставлены изъ того же завода почти всѣ части двухъ 48-сильныхъ паровыхъ машинъ, которыя должны были быть поставлены взамѣнъ дѣйствовавшихъ 24-сильныхъ паровыхъ машинъ, такъ что для установки новыхъ машинъ необходимо было снять старыя, поднимавшія воду въ Москву поперемѣнно, по два мѣсяца каждая.

Предположено было, снявъ сначала одну изъ старыхъ машинъ, замѣнить ее новою. На снятіе первой машины и замѣну ея новой явно требовалось болѣе двухъ мѣсяцевъ, а потому остававшаяся неразобранною старая машина была хорошо выремонтирована, но такъ какъ она до сего времени, въ продолженіе 27-лѣтняго своего существованія, никогда не дѣйствовала болѣе двухъ мѣсяцевъ сряду, то я сильно опасался, что какія-нибудь поврежденія въ ней заставятъ, на время ихъ исправленія, остановить водоснабженіе, что поставило бы меня въ самое бызвыходное положеніе.

Жители Москвы до того привыкли, въ продолженіе 27 лѣтъ, къ Мытищинской водѣ, что за короткую даже остановку въ ея доставленіи всѣ обрушились бы на меня. Имъ, конечно, не было дѣла до трудностей, съ которыми сопряжена была перестройка нѣкоторыхъ сооруженій стараго водопровода, которыхъ дѣйствіе между тѣмъ должно было продолжаться, и тѣмъ менѣе до того, соотвѣтствуютъ ли новыя поставляемыя машины ихъ назначенію и какія условія вписаны въ контрактъ, заключенный съ заводомъ, ихъ изготовляющимъ *). Трудно вообразить себѣ мое нравственное состояніе, когда по негодности 48-сильныхъ машинъ, доставленныхъ заводомъ герцога Лейхтенбергскаго, одна оставшаяся старая водоподъемная машина должна была безпрерывно днемъ и ночью дѣйствовать полтора года; понятно, что эту машину холили какъ собственный глазъ, чѣмъ я обязанъ вышеупомянутому унтеръ-офицеру Гедловскому, а также и прочному устрой-

*) По этому контракту заводъ обязывался поставить машины такого устройства, чтобы онѣ поднимали 505 т. ведеръ воды въ сутки при употребленіи опредѣленнаго количества топлива; система же устройства предоставлялась заводу, и начальство водопроводовъ могло забраковать машины только по ихъ установкѣ, если онѣ не удовлетворятъ двумъ означеннымъ условіямъ, или окажутся недостаточно прочными.

ству машины, изготовленной почти 30 лѣтъ назадъ на Выксунскомъ заводѣ Шепелевыхъ.

Между тѣмъ заводъ герцога Лейхтенбергскаго былъ купленъ Главнымъ обществомъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Совѣтъ управленія этого общества прислалъ механика Гюмбера (Humbert) для установки въ Алексѣевскомъ водоподъемномъ зданіи 48-сильныхъ машинъ и для исправленія 10-сильныхъ, поставленныхъ въ Мытищинскомъ зданіи.

Исправленіе этихъ машинъ и установка одной изъ 48-сильныхъ паровыхъ машинъ были окончены въ октябрѣ 1857 г. Первыя не соотвѣтствовали своему назначенію, потому что могли поднимать въ сутки не болѣе 300 тысячъ ведеръ воды, вмѣсто предположенныхъ 500 тыс.; но я, заявивъ объ этомъ совѣту главнаго общества, въ виду того, что старый кирпичный водопроводъ съ каждымъ годомъ все болѣе разрушался, немедля пустилъ ихъ въ ходъ, черезъ что Мытищинская вода съ октября 1857 г., какъ уже объяснено выше, потекла до Алексѣевскаго водоподъемнаго зданія по вновь проложенному чугунному водоводу. Установленная же въ Алексѣевскомъ водоподъемномъ зданіи 48-сильная паровая машина безпрерывно повреждалась, такъ что послѣ нѣсколькихъ часовъ хода необходимо было ее останавливать; сверхъ того, она вмѣстѣ съ водою накачивала въ трубы много воздуха, что было причиною разрывовъ въ чугунной водонапорной трубѣ, проложенной отъ Алексѣевскаго водоподъемнаго зданія до Сухаревой башни. Проба 48-сильной машины, по исправленіи означеннаго разрыва, продолжалась весь ноябрь съ перерывами по причинѣ поврежденій то въ ней, то въ упомянутой водонапорной трубѣ. Присланный совѣтомъ главнаго общества механикъ Гюмберъ приписывалъ неудачный ходъ машины непрочности этой трубы. Тогда я въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходилъ въ ней разрывъ, поставилъ вертикальную трубу малаго діаметра, вышиною до горизонта окружающей мѣстности; накачиваемый машиною воздухъ выходилъ черезъ эту трубу, и послѣ этого она болѣе не повреждалась.

Эту вертикальную трубу я полагалъ впослѣдствіи замѣнить небольшимъ фонтаномъ, составленіе проекта котораго принялъ на себя Черкаевъ. Фонтанъ этотъ находился бы близъ Ярославскаго шоссе, и водою изъ него могли бы пользоваться богомольцы, во множествѣ проходившіе по этому шоссе въ Троицкую Лавру, и жители близъ лежащихъ с. Останкина и другихъ деревень.

Выше было объяснено, что Черкаевъ не представилъ проекта этого фонтана, а такъ какъ новыя, привезенныя изъ Англіи, водоподъемныя машины, поставленныя въ 1858 г., не накачивали воздуха въ водонапорную трубу, а потому и не повреждали ее, то мѣсто, гдѣ въ ней оказывался разрывъ при дѣйствіи машины, поставленной въ 1857 г., задѣлано и упомянутаго фонтана не построено. Наконецъ, Гюмберъ убѣдился въ негодности установленной имъ машины и, проектируя взамѣнъ ея новую, дѣлалъ множество математическихъ выкладокъ, при чемъ я убѣдился въ совершенномъ неимѣніи имъ свѣдѣній по устройству водоподъемныхъ паровыхъ машинъ.

Далѣе я разскажу средства, употребленныя мною для выхода изъ этого горькаго положенія.

Въ іюлѣ 1857 г. племянница моя Валентина Засѣцкая родила дочь Ольгу; ее крестила бабка ея отца, столѣтняя старуха, о которой я упоминалъ выше. Роды были не совсѣмъ счастливы. Родильницу долго лѣчили лучшіе московскіе доктора, но она продолжала страдать. По необыкновенной мягкости характера она умѣла отъ всѣхъ скрывать свои страданія. Наконецъ, въ 1858 г. доктора отправили ее въ Вюрцбургъ къ знаменитому доктору Сканцони.

Жизнь Засѣцкихъ, несмотря на богатство, была очень уединенная; они почти никого не принимали у себя и сами мало выѣзжали. Засѣцкій иногда давалъ обѣды, къ которымъ приглашалъ, кромѣ родныхъ своихъ и жены, небольшое число своихъ пріятелей и нѣсколькихъ бѣдныхъ дамъ, старыхъ знакомыхъ его покойной матери. Будучи скупъ, онъ не имѣлъ вообще понятія о деликатности въ денежныхъ расчетахъ, что очень не нравилось сестрѣ моей, которой деликатность доходила до nec plus ultra.

Засѣцкій былъ набоженъ. У него часто служили всенощныя въ столовой комнатѣ у кіота съ иконами, предъ которымъ постоянно теплилась лампада. Ко всенощнымъ всегда приглашался отличный хоръ пѣвчихъ, съ которымъ пѣвалъ и самъ Засѣцкій. Я уже говорилъ, что онъ былъ отличный музыкантъ и имѣлъ пріятный голосъ.

Лѣто 1857 г. мы прожили въ томъ же построенномъ на дворѣ Алексѣевскаго водоподъемнаго зданія деревянномъ домикѣ, въ которомъ провели лѣто 1855 и 1856 г. Въ этомъ домикѣ въ 1857 г. мы имѣли удовольствіе принимать, сверхъ обычныхъ нашихъ посѣтителей, княгиню Розалію Ипполитовну Максутову и Ивана Дмитріевича Якушкина.

Княгиня Максутова овдовѣла въ 1856 г. Будучи съ 1833 г. дружна съ моею женою, она, по пріѣздѣ своемъ въ Москву, очень часто ее навѣщала.

Мужъ ея, вслѣдствіе разныхъ неудачныхъ опытовъ по хозяйству въ своемъ маленькомъ Пензенскомъ имѣніи, оставилъ ей одни долги, которые она считала обязанностію по возможности уплатить.

Марія Павловна Сумарокова, знавшая княгиню Максутову съ малолѣтства, въ виду бѣдственнаго ея положенія, уговорила ее поступить въ воспитательницы дѣтей великаго князя Константина Николаевича, и она скоро уѣхала въ Петербургъ.

И. Д. Якушкинъ, двоюродный братъ моей тещи, былъ съ нею очень друженъ до ссылки его въ Сибирь въ 1826 г., и это чувство дружбы онъ перенесъ на любимую ея дочь, мою жену. Въ разговорахъ моихъ съ Якушкинымъ я передавалъ ему о многихъ происшествіяхъ минувшаго царствованія, и онъ неоднократно выражалъ радость тому, что прожилъ эти 30 лѣтъ въ такомъ краю, въ который не доходили вѣсти о томъ гнетѣ, какому Россія подвергалась во все это время.

Хотя онъ, вмѣстѣ съ другими декабристами, былъ возвращенъ изъ

Сибири съ дарованіемъ всѣхъ прежнихъ правъ, но, однакоже, ему не было предоставлено права жить въ столицахъ.

Якушкинъ въ 1858 г. уѣхалъ въ Тверское имѣніе управлявшаго Московскою удѣльною конторою Николая Николаевича Толстого.

Сырость почвы этого имѣнія подѣйствовала на здоровье изгнанника. Въ слѣдующемъ году испрошено было дозволеніе ему жить въ Москвѣ для излѣченія отъ болѣзни, но уже было поздно.

Въ Москвѣ первое время онъ чувствовалъ себя лучше и началъ выѣзжать. Послѣдній его выѣздъ былъ къ намъ въ Алексѣевское: онъ, не заставъ меня дома, обѣдалъ у жены моей. Вскорѣ узнали мы объ его кончинѣ, и я проводилъ его смертные останки на Ваганьково кладбище. Изъ декабристовъ на похоронахъ былъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ.

Якушкинъ былъ человѣкъ весьма образованный, умный и добрый. Я мало говорю объ Якушкинѣ, такъ какъ свѣдѣнія о немъ можно имѣть изъ его собственныхъ записокъ, а также изъ записокъ другихъ декабристовъ.

Изъ Алексѣевскаго мы переѣхали на новую квартиру, которую я нанялъ въ Леонтьевскомъ переулкѣ въ домѣ Мартынова, убившаго на дуэли знаменитаго поэта Лермонтова. Прежняя моя квартира на Земляномъ валу, близъ Самотецкаго пруда, была въ слишкомъ отдаленной части города, такъ что проѣздъ къ нѣкоторымъ изъ производившихся въ Москвѣ водопроводныхъ работъ былъ очень затруднителенъ. Къ тому же, въ виду скораго открытія водоснабженія, мнѣ необходимо было, для удобнѣйшаго наблюденія за его дѣйствіемъ, поселиться въ центральной части города.

Въ 1857 г. я былъ избранъ въ члены Московскаго общества сельскаго хозяйства, а въ 1856 г. Русскаго географическаго общества. Я былъ очень удивленъ полученіемъ диплома на званіе члена послѣдняго общества, за подписью его президента великаго князя Константина Николаевича, такъ какъ я вовсе и не думалъ поступить въ это общество.

Вѣроятно, М. Н. Муравьевъ, бывшій тогда вице-президентомъ общества, предложилъ меня въ члены. Въ Московское же общество сельскаго хозяйства я былъ избранъ по предложенію бывшаго тогда вице-президентомъ этого общества С. П. Шипова, получившаго на это предварительно мое согласіе.

Вскорѣ по вступленіи моемъ въ это общество, открылась въ немъ вакансія начальника III (механическаго) отдѣленія. По предложенію С. П. Шипова я принялъ это мѣсто, не зная, что въ этомъ отдѣленіи былъ помощникъ начальника, каковыхъ не было въ другихъ отдѣленіяхъ, и именно профессоръ механики Ершовъ, который высказалъ мнѣ обиду въ томъ, что его обошли, и намѣревался оставить должность помощника.

Когда же я объявилъ, что лучше же мнѣ не принимать должности начальника отдѣленія, чѣмъ ему оставлять должность, имъ занимаемую, онъ рѣшился остаться. Конечно, онъ былъ свѣдущѣе меня по механикѣ, и въ особенности по механикѣ сельскохозяйственной, которая мнѣ вовсе не была знакома.

Причина же, что выборъ въ начальники отдѣленія палъ на меня, а не на Ершова, крайне смѣшна: онъ не принадлежалъ къ аристократическому кругу, изъ котораго постоянно избирались президентъ, вице-президентъ и начальники отдѣленія Московскаго сельскохозяйственнаго общества.

Сестра моя А. И. Викулина, во время полученія мною диплома географическаго общества, была за границею. Когда я увѣдомилъ ее о совершенно неожиданномъ полученіи этого диплома, она отвѣчала, что удивляется, какъ всѣ русскія ученыя общества не избрали еще меня въ свои члены: по ея любви ко мнѣ она считала меня однимъ изъ достойнѣйшихъ русскихъ ученыхъ.

Въ ноябрѣ 1857 г. изданъ первый Высочайшій манифестъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ или, проще, объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости. Это великое дѣло было желаніемъ только весьма небольшого числа лучшихъ людей, большая же часть помѣщиковъ и чиновниковъ и всѣ низшія сословія не были къ тому приготовлены. Были достовѣрные слухи, что когда при Императорѣ Николаѣ составленъ былъ комитетъ съ цѣлью приготовить основанія къ освобожденію крестьянъ, Наслѣдникъ былъ противъ этой мѣры, а потому хотя и извѣстно было нѣкоторымъ, что для разработки этого вопроса въ Петербургѣ былъ образованъ секретный комитетъ изъ высшихъ сановниковъ, но почти всѣ были увѣрены, что о немъ потолкуютъ попрежнему и попрежнему же его отложатъ.

Мнѣ извѣстно было, что въ числѣ членовъ означеннаго комитета былъ Чевкинъ, который въ проѣздъ свой черезъ Москву осенью 1857 г., для осмотра работъ вѣдомства путей сообщенія, разъѣзжая со мной по этой столицѣ въ одномъ экипажѣ, обращалъ особое вниманіе на мой разсказъ о значительномъ числѣ домовъ, отдававшихся въ наймы, такъ какъ ихъ владѣльцы, по запутанности дѣлъ, а въ особенности въ ожиданіи переворота, не въ состояніи жить въ столицахъ. Чевкинъ ни однимъ словомъ не далъ мнѣ понять о томъ, какъ этотъ переворотъ былъ близокъ къ осуществленію.

Манифестъ объ улучшеніи быта крестьянъ разрѣшилъ всѣ недоумѣнія. Почти всѣ помѣщики были противъ освобожденія крестьянъ съ надѣломъ земли; многіе хотѣли сохранить полицейскую власть надъ крестьянами, т.-е., сохранить крѣпостное состояніе въ другомъ видѣ.

Въ разговорной комнатѣ англійскаго клуба отражались мнѣнія всей Москвы. Такъ называемые ея президентъ Головкинъ и вице-президентъ Лонгиновъ (М. Н.) приняли сторону большинства и постоянно осуждали мѣры правительства. Между тѣмъ, сначала въ Нижегородской губерніи, гдѣ въ это время производились дворянскіе выборы, а потомъ въ Московской и другихъ губерніяхъ составлялись адресы къ Государю, въ которыхъ изъявлялись по обыкновенію всеподданнѣйшія чувства и отзывались на вышеупомянутый манифестъ желаніемъ дворянства улучшить бытъ крестьянъ.

Эти адресы писались большею частію потому, что послѣ изданія манифеста въ ноябрѣ 1857 г. нельзя было не писать ихъ, а частію и потому, что дворянство надѣялось, выказавъ готовность исполнить волю Государя,

потерять при этомъ переворотѣ сколь возможно менѣе своихъ имущественныхъ и политическихъ правъ.

Толкамъ объ этомъ важномъ дѣлѣ, такъ близкомъ каждому изъ помѣщиковъ, не было конца. Періодическіе органы печати были наполнены статьями по тому же предмету. Образовались новые органы въ защиту правъ дворянства, старавшіеся о томъ, чтобы оно ихъ потеряло какъ можно менѣе. Однимъ изъ замѣчательнѣшихъ органовъ этого направленія былъ журналъ, издававшійся въ Москвѣ Желтухинымъ, человѣкомъ весьма хорошимъ, который впослѣдствіи имѣлъ большое вліяніе на бывшаго предсѣдательствующимъ въ Государственномъ Совѣтѣ и предсѣдателемъ комитета министровъ князя П. П. Гагарина.

Но всѣ эти толки и оппозиціонные журналы ни къ чему не привели: правительство продолжало начатое имъ дѣло, не обращая на нихъ вниманія, и упомянутые журналы вскорѣ прекратились, болѣе по недостатку сотрудниковъ, чѣмъ вслѣдствіе цензурной строгости.

Однимъ изъ самыхъ ярыхъ сотрудниковъ Желтухинскаго журнала былъ мой своякъ графъ Н. С. Толстой, который не могъ себѣ представить Россію безъ крѣпостного состоянія и безъ тѣлеснаго наказанія. Онъ писалъ по этимъ предметамъ очень плодовитыя статьи, которыя до напечатанія носилъ въ своемъ карманѣ и читалъ всѣмъ, кого могъ поймать, по нѣскольку разъ въ день.

Статьи эти были рѣзки и наполнены самыми чудовищными мыслями; цинизмъ въ выраженіяхъ этихъ мыслей часто доходилъ до нельзя. При этомъ надо замѣтить, что Толстой диктовалъ свои сочиненія, почти совершенно отучившись писать собственноручно. Толстой читалъ свои статьи очень громко и съ особою интонаціею. Все это забавляло многихъ и въ томъ числѣ Головкина и Лонгинова, которые хотя и любили Толстого и раздѣляли многія изъ его мыслей, но и очень любили надъ нимъ посмѣяться, чему много способствовала совершенная глухота Толстого.

Они, смѣясь надъ нимъ, часто заставляли его въ разговорной комнатѣ клуба перечитывать сряду по десяти и болѣе разъ написанныя имъ статьи, передъ лицами, нарочно съ этою цѣлію приглашенными въ означенную комнату.

Толстой до того увлекался своимъ чтеніемъ, что не замѣчалъ урочнаго часа, послѣ котораго долженъ былъ платить штрафъ за нахожденіе въ клубѣ, что очень забавляло Головкина, Лонгинова и другихъ. Странности Толстого доставили ему прозваніе «дикаго графа», которое часто употреблялось въ его присутствіи, но онъ по глухотѣ не зналъ объ этомъ, пока жена моя не замѣтила ему, что напрасно онъ подвергаетъ себя насмѣшкамъ, которыхъ онъ не подозрѣвалъ, и когда она ему сказала, что всѣ его зовутъ «дикимъ», онъ не хотѣлъ этому вѣрить. Впрочемъ, это замѣчаніе жены моей, конечно, нисколько не измѣнило поведенія Толстого.

Чтобы не возвращаться въ слѣдующихъ главахъ «Моихъ воспоминаній» къ этому индивидууму, я теперь же разскажу его дальнѣйшія похожденія.

Имѣя, по довѣренности жены своей, право быть на дворянскихъ выборахъ Нижегородской губерніи, онъ, какъ человѣкъ опытный, былъ избранъ редакторомъ комитета, вырабатывавшаго правила, долженствовавшія служить основаніемъ къ уничтоженію крѣпостного права. Мнѣнія комитета раздѣлились: конечно, Толстой принадлежалъ къ большинству, котораго мнѣніе не было принято правительствомъ.

Толстой ожидалъ, что онъ будетъ въ числѣ депутатовъ отъ дворянства, которыхъ предполагалось вызвать въ Петербургъ, и что онъ тамъ изустно будетъ защищать мнѣніе большинства. Но онъ не попалъ въ число этихъ депутатовъ. Впрочемъ извѣстно, какую жалкую роль заставили ихъ играть въ Петербургѣ въ редакціонныхъ комиссіяхъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Между тѣмъ Толстой продолжалъ писать статьи, касавшіяся этого вопроса, и между прочимъ написалъ: «Шесть вечеровъ съ разговоромъ». Послѣдній изъ этихъ разговоровъ написанъ весьма рѣзко и цинически; онъ трактуетъ о необходимости сохранить тѣлесное наказаніе. Толстой печаталъ эти «Вечера» въ зиму съ 1859 на 1860 г.

Въ бытность графа Сергѣя Григорьевича Строганова въ 1859 г. военнымъ генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ, Толстой сумѣлъ заслужить расположеніе Строганова, черезъ котораго добивался, чтобы его статьи не подвергались цензурному запрещенію; на все это требовалось много хлопотъ и времени.

Во время путешествія покойнаго Наслѣдника Николая Александровича по Россіи, Толстой, основываясь на какихъ-то словахъ Строганова, былъ увѣренъ, что будетъ въ числѣ сопровождающихъ Наслѣдника для объясненія ему быта крестьянъ сѣверныхъ губерній, но это не состоялось.

Толстой о своемъ предположеніи говорилъ всѣмъ и каждому и никто не могъ понять, какъ это «дикій графъ» можетъ хотя одинъ день провести при дворѣ Наслѣдника. Во время печатанія упомянутыхъ «Шести вечеровъ», ихъ просматривавшій цензоръ былъ уволенъ отъ службы и на его мѣсто былъ назначенъ Драшусовъ, который часто сиживалъ въ разговорной комнатѣ клуба.

Толстой, никогда не знавшій ничьихъ фамилій или коверкавшій ихъ по своему, что подавало поводъ къ разнымъ выходкамъ, не мало всѣхъ забавлявшимъ, звалъ Драшусова Страусовымъ. Когда послѣдній былъ назначенъ цензоромъ, Толстой ему жаловался на затрудненія, которыя ему дѣлаетъ цензура и на новое постигшее его въ этомъ отношеніи несчастіе, а именно, увольненіе цензора, съ которымъ онъ только что съ такимъ трудомъ поладилъ, и назначеніе на его мѣсто какого-то Страусова.

Можно себѣ представить положеніе присутствовавшихъ при этомъ разговорѣ, которые съ трудомъ растолковали Толстому, что лицо имъ называемое Страусовымъ есть именно вновь назначенный цензоръ Драшусовъ. Ко всѣмъ странностямъ Толстого надо еще прибавить его необыкновенный аппетитъ: онъ ѣлъ за троихъ, что также всѣхъ забавляло.

Сверхъ того Толстой очень любилъ разсказывать подробности своихъ денежныхъ и семейныхъ дѣлъ, а онѣ вовсе не были такого рода, чтобы заслуживали извѣстность; впрочемъ, онъ этого не чувствовалъ, да и самъ не понималъ своихъ денежныхъ дѣлъ и семейныхъ отношеній.

Получивъ отъ нашихъ шурьевъ значительную часть того капитала, который онъ сумѣлъ вытребовать у М. В. Абазы за ихъ земли, заложенныя по откупамъ, онъ купилъ подмосковную, въ которой оказалось торфяное болото.

Онъ началъ его разрабатывать, для чего долженъ былъ войти въ долги. Торфъ получался довольно хорошій, но, при безтолковости и нерасчетливости Толстого, это предпріятіе дало только убытокъ. Во время разработки торфа никому не было прохода отъ Толстого: онъ всякому встрѣчному подробно объяснялъ по нѣсколько разъ способъ производства торфа и ожидаемыя выгоды.

Онъ вмѣстѣ съ нанятыми рабочими копалъ торфъ и производилъ наравнѣ съ ними всѣ другія работы, но, никогда не забывая, что онъ графъ, а они простые мужики, давалъ имъ затычки и, конечно, имъ бы не позволилъ себя ударить.

Найдя разъ одного крестьянина, который сидѣлъ, разговаривая съ его женою, Толстой немедля поднялъ его за волосы, что онъ называлъ: «поднять его за пресвятые». Онъ увѣрялъ, что рабочіе, имъ нанятые, сами по приговору сѣкутъ провинившагося между ними, такъ что въ продолженіе лѣта они всѣ пересѣкли другъ друга.

Въ семейномъ отношеніи Толстой былъ не болѣе счастливъ: жена его, сынъ и двѣ дочери обращали мало на него вниманія; онъ въ своей семьѣ казался чужимъ и не имѣлъ въ своемъ домѣ пристанища; дѣти надъ нимъ посмѣивались. Домъ моей свояченицы былъ постоянно посѣщаемъ какими-то молодыми людьми безъ имени и воспитанія; безпорядокъ и грязь въ домѣ были невообразимые.

Дѣти плохо учились. Наконецъ, появились въ ихъ домѣ такъ называемые нигилисты, и въ это время старшая ихъ дочь Марія, убѣжавъ изъ дома, обвѣнчалась съ лѣкаремъ Покровскимъ, который къ счастію вышелъ очень хорошимъ человѣкомъ, а сынъ Николай недоучкой женился.

Въ началѣ 60-хъ годовъ обстоятельства Толстого дошли до того, что онъ долженъ былъ, для уплаты своихъ долговъ, продать подмосковную. Ему не на что было нанять квартиру въ Москвѣ, такъ что онъ переѣхалъ жить въ Нижегородскую деревню, оставивъ въ Москвѣ жену, которая осталась жить у своей дочери Покровской.

Толстой не переписывался ни съ кѣмъ и не жилъ въ Нижегородскомъ имѣніи своей жены, такъ что въ то время, въ которое онъ не занималъ офиціальной должности, никто не зналъ о томъ, гдѣ онъ находился. Были слухи, что онъ арендовалъ мельницу въ имѣніи своей сестры Екатерины Сергѣевны Кирѣевской, но что и это дѣло у него шло нехорошо.

Въ началѣ 1872 г. швейцаръ больницы, въ которой служилъ его зять

Покровскій, заявилъ послѣднему, что приходилъ какой-то господинъ, спрашивалъ о немъ и между прочимъ о томъ, много ли у него практики и много ли онъ съ нея получаетъ денегъ.

По описанію швейцара догадались, что этотъ господинъ былъ графъ Толстой, и обѣ его дочери поѣхали по всѣмъ московскимъ гостиницамъ отыскивать своего отца, но безуспѣшно. Спустя нѣсколько дней Толстой, придя къ Покровскимъ, объяснилъ, что онъ дѣйствительно разспрашивалъ швейцара больницы и обвинялъ своего сына въ томъ, что послѣдній ѣздитъ въ Нижегородскую губернію за нимъ шпіонить, и успокоился только послѣ долгихъ увѣреній сына, что ему не къ чему этимъ заниматься и что онъ къ этому и средствъ не имѣетъ, обязанный ежедневно бывать въ Правленіи Московско-Ярославской желѣзной дороги и прожить съ женою и ребенкомъ на 50 руб. въ мѣсяцъ, которые онъ получалъ за свою службу изъ означеннаго Правленія. Послѣ этого посѣщенія жена и дѣти видѣли Толстого только въ 1875 г. во время его кончины въ Москвѣ.

По изданіи Манифеста 19 февраля 1861 г. пришлось всѣмъ противникамъ уничтоженія крѣпостной зависимости крестьянъ, въ томъ числѣ и Толстому, помириться съ новымъ положеніемъ. Во всемъ околоткѣ, въ которомъ находится Нижегородское имѣніе его жены, крестьяне, поддерживаемые мировыми посредниками, избранными изъ числа такъ называемыхъ красныхъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ почти вовсе не платили оброка, а впослѣдствіи Нижегородское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, основываясь на донесеніяхъ упомянутыхъ мировыхъ посредниковъ, оцѣнивало выкупъ крестьянскихъ надѣловъ въ означенномъ околоткѣ до того дешево, что выкупной суммы едва достало для уплаты долга въ сохранную казну опекунскаго совѣта, въ которой всѣ имѣнія этого околотка были заложены.

По этому случаю Толстой произносилъ чрезвычайно рѣзкія рѣчи въ дворянскихъ собраніяхъ во время выборовъ и пріѣзжалъ въ началѣ 1860-хъ годовъ въ Петербургъ, гдѣ останавливался у меня.

Пріѣхавъ совершенно неожиданно и видя мое тѣсное помѣщеніе, онъ заявилъ, что останется въ Петербургѣ нѣсколько дней, а остался болѣе трехъ мѣсяцевъ. Онъ по пріѣздѣ былъ у тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Валуева и на вопросъ послѣдняго: «что доставляетъ мнѣ удовольствіе видѣть у себя ваше сіятельство?», отвѣчалъ весьма рѣзкимъ тономъ:

— Голодъ, Ваше Высокопревосходительство, голодъ; я, жена, дѣти и внуки умираемъ съ голода.

При чемъ объяснилъ, что этому причиною дурныя распоряженія мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, и просилъ защиты.

Неотвязчивость Толстого была извѣстна Валуеву, какъ по выходкамъ его въ Нижегородскомъ редакціонномъ комитетѣ по крестьянскому вопросу, такъ и по слѣдующему случаю.

Въ проѣздѣ Валуева черезъ Москву, М. Н. Лонгиновъ познакомилъ съ нимъ въ клубѣ Толстого, который замучилъ Валуева разсказами о кре-

стьянскихъ дѣлахъ Нижегородской губерніи и о своихъ брошюрахъ по этому предмету, нѣсколько экземпляровъ которыхъ обѣщался на другой день доставить Валуеву. Но это посѣщеніе, по словамъ Толстого, было неудачно.

Толстой разсказывалъ, что, немедля по его пріѣздѣ къ Валуеву, вошелъ къ послѣднему какой-то «важный попъ», которымъ Валуевъ занялся и затѣмъ не имѣлъ времени заняться Толстымъ. Этотъ «важный попъ» былъ Московскій митрополитъ Филаретъ.

Во время пребыванія Толстого въ Петербургѣ, Валуевъ неоднократно спрашивалъ моего двоюроднаго брата Николая Александровича Замятнина, бывшаго тогда управляющимъ земскимъ отдѣломъ, о томъ, когда Толстой уѣдетъ изъ Петербурга; присутствіе Толстого въ Петербургѣ видимо его тяготило.

Толстой же всѣ означенные три мѣсяца проводилъ слѣдующимъ образомъ: онъ вставалъ послѣ полудня, долго занимался своимъ туалетомъ, уходилъ изъ дома и возвращался къ обѣду къ 5 часамъ; послѣ обѣда спалъ до 9 час.; снова ложился въ полночь; читалъ въ постели до 6 час. утра и только въ это время засыпалъ.

Онъ въ продолженіе всѣхъ трехъ мѣсяцевъ занимался подготовленіемъ подробной записки по крестьянскимъ дѣламъ своего околотка, которую готовилъ для подачи Валуеву вмѣстѣ съ краткою изъ нея выпискою. Я уже говорилъ, что Толстой не могъ самъ писать, а диктовалъ свои сочиненія.

Писецъ, который долженъ былъ писать подъ его диктовку, приходилъ и утромъ и вечеромъ, но, заставая Толстого спящимъ, часто уходилъ не дождавшись его пробужденія.

Понятно, что записка составлялась долго. Сверхъ того, Толстой вообще, по тугости соображенія, работалъ очень медленно. Наконецъ, записка, составлявшая огромную тетрадь, была вручена Толстымъ Валуеву, при чемъ онъ объяснилъ, что зная, какъ министры заняты, онъ для прочтенія Валуева составилъ изъ нея краткую выписку, которая, конечно, все же была очень длинна. Валуевъ видимо былъ доволенъ, когда Толстой объявилъ ему, что немедля уѣзжаетъ изъ Петербурга.

Въ продолженіе пребыванія Толстого въ этомъ городѣ, онъ почти ежедневно видѣлся съ разными такъ называвшимися «крѣпостниками»: графомъ Орловомъ-Давыдовымъ, Смирновымъ и другими. То ему предлагали редакторство въ учрежденномъ ими органѣ, то сотрудничество въ «Вѣсти», которой редакторомъ былъ Скарятинъ, но все это не имѣло никакихъ послѣдствій.

Въ это время я еще не былъ членомъ С.-Петербургскаго англійскаго клуба и довольно часто ѣздилъ въ только что учрежденный клубъ сельскаго хозяйства. Первые выборы въ него членовъ были довольно строги. Нѣсколько человѣкъ забаллотировали. Всѣ избиравшіеся получили нѣсколько черныхъ шаровъ; я одинъ не получилъ ни одного чернаго шара, что служило доказательствомъ расположенія ко мнѣ публики.

Въ этомъ клубѣ бывали ежедневныя чтенія по сельскому хозяйству, вызывавшія пренія. Предсѣдатель клуба, князь Григорій Александровичъ Щербатовъ, бывшій тогда С.-Петербургскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, часто безъ видимой причины отнималъ право голоса у вступавшихъ въ пренія.

Конечно, онъ это дѣлалъ въ виду того, что тогда уже началась реакція и клубъ, при малѣйшей неосторожности, могъ бы подвергнуться закрытію. Я возилъ съ собою въ клубъ гостемъ Толстого, которому очень не нравилась строгость Щербатова.

Однажды, не будучи съ нимъ знакомъ, Толстой подошелъ къ нему въ клубѣ съ вопросомъ о томъ, можетъ ли онъ, гость, вступить въ пренія по вопросу, который одинъ изъ членовъ будетъ излагать въ этотъ день. На утвердительный отвѣтъ Щербатова, Толстой спросилъ:

- А пренія, Ваше Сіятельство, будутъ съ намордникомъ или безъ намордника?

Выраженіе въ эту минуту лицъ,—щепетильнаго, длиннаго, сухого Щербатова и передъ нимъ стоящаго небольшого, толстенькаго, незнакомаго ему человѣка съ каучуковою трубкою надъ ухомъ,—стоили бы кисти хорошаго живописца.

По учрежденіи земскихъ управъ, Толстой былъ избранъ въ предсѣдатели Макарьевской управы Нижегородской губерніи, но такъ какъ онъ не имѣлъ никакой недвижимости, то объ его утвержденіи было представлено министру внутреннихъ дѣлъ Валуеву, который изъявилъ согласіе.

Содержаніе по этой должности давало Толстому средства къ жизни, но такъ какъ онъ былъ постоянно обворовываемъ своими слугами, которыхъ сильно баловалъ, то и тутъ оказалось вскорѣ воровство общественныхъ суммъ. Толстой бѣсился, что могли его подозрѣвать въ ихъ растратѣ, и долженъ былъ оставить должность. Но спустя три года онъ снова былъ избранъ въ предсѣдатели той же управы, въ которой при такомъ предсѣдателѣ должна была царствовать страшная путаница.

Я видѣлъ Толстого въ послѣдній разъ въ 1866 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, откуда я по званію главнаго инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ сопровождалъ великихъ князей Александра и Владимира Александровичей. Всѣ Нижегородцы выѣхали на станцію желѣзной дороги, чтобы проститься съ великими князьями, въ мундирахъ и во фракахъ. Толстой же одинъ пріѣхалъ въ какой-то своей обычной фантастической одеждѣ, въ родѣ дорожнаго зипуна.

Вижу, что я слишкомъ много занялъ читателей описаніемъ моего свояка Толстого, но меня извинятъ въ виду странности и дикости этого индивидуума и того, что подобные типы, конечно, будутъ все рѣже и рѣже и, вѣроятно, вскорѣ совсѣмъ исчезнутъ.

Въ декабрѣ 1857 г. я ѣздилъ въ Петербургъ для объясненія главному директору общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ Колиньону о дурномъ устройствѣ водоподъемныхъ паровыхъ машинъ, изготовленныхъ для Мо-

сковскихъ водопроводовъ на заводѣ герцога Лейхтенбергскаго, купленномъ означеннымъ обществомъ, и о томъ, что я нисколько не надѣюсь, чтобы эти машины могли быть улучшены присланнымъ отъ означеннаго общества механикомъ Гюмберомъ.

Колиньонъ въ виду того, что упомянутый заводъ не въ состояніи изготовить требуемыя водоподъемныя и паровыя машины, соглашался на то, чтобы эти машины были заказаны другому заводу съ тѣмъ, чтобы полученная заводомъ герцога Лейхтенбергскаго сумма въ задатокъ, равняющаяся одной трети стоимости машинъ, оставалась въ пользу общества, а машины, поставленныя обществомъ, оставались въ пользу города Москвы. О моихъ переговорахъ съ Колиньономъ я ничего не говорилъ главноуправляющему путями сообщенія Чевкину, такъ какъ, на вышеупомянутыя мною условія съ Колиньономъ и на заказъ новыхъ паровыхъ машинъ въ другомъ заведеніи, я долженъ былъ получить согласіе Московскаго военнаго генералъ-губернатора графа Закревскаго, отъ котораго зависѣло расходованіе суммъ г. Москвы и въ томъ числѣ водопроводныхъ суммъ.

Въ этотъ пріѣздъ мой въ Петербургъ въ январѣ 1858 г. я въ первый разъ былъ на большомъ балу въ Зимнемъ дворцѣ, на который приглашались всѣ генералы, гвардейскіе штабъ и оберъ-офицеры и армейскіе полковники, въ томъ числѣ и полковники корпуса инженеровъ путей сообщенія.

Балъ по обыкновенію былъ блестящій: за ужинъ сѣли болѣе тысячи человѣкъ. По пріѣздѣ изъ дворца, я почувствовалъ слабые признаки холеры, которая въ это время была довольно сильна въ Петербургѣ. Я въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ остановился у И. Н. Колесова, жившаго на Бассейной улицѣ, въ домѣ Кирѣева. Колесовъ немедля послалъ за докторомъ и въ нѣсколько дней здоровье мое поправилось. Вскорѣ послѣ этого я выѣхалъ въ Москву, гдѣ немедля объявилъ графу Закревскому о затруднительномъ положеніи, въ которое я поставленъ заказомъ водоподъемныхъ паровыхъ машинъ на заводѣ герцога Лейхтенбергскаго, купленномъ Главнымъ обществомъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, который поставилъ въ Алексѣевское водоподъемное зданіе машины, оказавшіяся совершенно негодными, а въ Мытищинское водоподъемное зданіе машины, не удовлетворяющія своему назначенію, такъ какъ онѣ поднимаютъ только 300 тысячъ ведеръ воды, вмѣсто условленныхъ по заключенному контракту 505 тыс. Я представилъ графу Закревскому, что изъ старыхъ двухъ 24 сильныхъ паровыхъ машинъ, поднимавшихъ воду въ Москву, одна разобрана съ мая 1857 г. для установки на ея мѣсто машины, изготовленной заводомъ герцога Лейхтенбергскаго, что по негодности послѣдней, оставшаяся старая машина девятый мѣсяцъ дѣйствуетъ безостановочно днемъ и ночью, что, въ случаѣ ея порчи, снабженіе Москвы мытищинскою водою должно будетъ совершенно остановиться и что въ такомъ положеніи необходимо заказать водоподъемныя машины за границею, такъ какъ нельзя надѣяться, чтобы какой-либо изъ русскихъ заводовъ изготовилъ

въ скоромъ времени прочныя машины, для дѣйствія которыхъ требовалось бы незначительное количество топлива, весьма дорогого въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я передалъ графу Закревскому объ условіяхъ, на которыхъ Колиньонъ соглашался уничтожить контрактъ, заключенный съ заводомъ герцога Лейхтенбергскаго на поставку машинъ для Мытищинскаго водопровода.

Графъ Закревскій вполнѣ согласился съ моимъ предположеніемъ о немедленной моей поѣздкѣ за границу для заказа водоподъемныхъ паровыхъ машинъ и написалъ объ этомъ Чевкину письмо, которое вручилъ мнѣ вмѣстѣ съ деньгами (помнится 200 полуимперіаловъ) для моего путешествія, выдавъ ихъ изъ своего ящика, такъ какъ въ Городской Думѣ, въ которой хранился водопроводный капиталъ, по случаю масляницы не было засѣданій.

По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ 4-го февраля, по входѣ моемъ къ Чевкину, онъ немедля сказалъ:

— Что значитъ, что вы такъ скоро вернулись въ Петербургъ? Неужели и остальная водоподъемная машина перестала дѣйствовать, такъ что Мытищинское водоснабженіе остановилось и на долго-ли?

Когда я сказалъ, что машина продолжаетъ дѣйствовать, Чевкинъ съ неудовольствіемъ сказалъ, что въ такое критическое для Мытищинскаго водоснабженія время, когда требуется полное мое вниманіе, чтобы дѣйствующая машина не остановилась, мнѣ не слѣдовало бы часто отлучаться изъ Москвы.

Я объяснилъ Чевкину о моемъ предположеніи заказать новыя водоподъемныя машины за границею, о согласіи на это графа Закревскаго и объ условіяхъ, на которыхъ Колиньонъ соглашался уничтожить контрактъ на поставку машинъ, заключенный съ заводомъ герцога Лейхтенбергскаго.

Чевкинъ замѣтилъ мнѣ, что допущеніе замѣны этихъ машинъ заграничными требуетъ предварительнаго обсужденія компетентныхъ лицъ, которыя если и согласятся со мною, то и тогда потребуется имѣть письменное согласіе совѣта управленія Главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ на уничтоженіе контракта и что это распоряженіе должно быть представлено на Высочайшее утвержденіе, а потому онъ полагалъ, что пока все это состоится, мнѣ надо неутомимо на мѣстѣ наблюдать, чтобы дѣйствующая машина не подвергалась поврежденію.

Я возразилъ, что сдѣланныя мною въ Москвѣ распоряженія даютъ мнѣ надежду, что эта машина прослужитъ еще нѣсколько мѣсяцевъ безостановочно, но что мнѣ необходимо немедля ѣхать за границу для заказа водоподъемныхъ машинъ, въ противномъ случаѣ онѣ не могутъ быть доставлены съ навигаціей этого года, а старая водоподъемная машина, дѣйствующая уже безпрерывно въ продолженіе 9 мѣсяцевъ, конечно, не въ состояніи будетъ безостановочно еще дѣйствовать полтора года, такъ что въ этомъ случаѣ водоснабженіе Москвы мытищинскою водою несомнѣнно прекратится.

Тогда Чевкинъ сказалъ мнѣ, что все же о моей поѣздкѣ за границу и о причинахъ, ее вызывающихъ, надо представить Государю. Я просилъ это сдѣлать при первомъ его личномъ докладѣ, въ слѣдующій четвергъ, 6 февраля. Онъ на это не соглашался, при чемъ сказалъ, что мнѣ потребуется выдать денегъ на проѣздъ и что полученіе ихъ изъ Московской городской думы можетъ замедлить мой отъѣздъ.

Я отвѣчалъ, что положеніе, въ которое я поставленъ дурнымъ исполненіемъ водоподъемныхъ машинъ на заводѣ герцога Лейхтенбергскаго, до того невыносимо, что я, при всей своей бѣдности, готовъ былъ бы ѣхать за границу для заказа машинъ на свой счетъ, но что такое съ моей стороны пожертвованіе оказывается ненужнымъ, такъ какъ Закревскій мнѣ выдалъ собственныя его деньги, въ увѣренности, конечно, что онѣ будутъ ему возвращены думою, по утвержденіи Государемъ доклада Чевкина по этому предмету. Тогда Чевкинъ, отбросясь на спинку кресла, въ которомъ сидѣлъ, сказалъ плачевнымъ тономъ:

— Что это вы, баронъ, со мною дѣлаете? Я подумаю о томъ, что вы мнѣ говорили. Приходите завтра.

На другой день я нашелъ всеподданнѣйшій докладъ Чевкина уже написаннымъ совершенно сообразно моему предложенію, а на третій день онъ былъ утвержденъ Государемъ.

Я не замедлилъ моимъ выѣздомъ изъ Петербурга. До Ковно я ѣхалъ въ почтовой каретѣ, по причинѣ глубокаго снѣга на шоссе; ѣзда во многихъ мѣстахъ была очень медленная. Меня тогда очень поразила проволока телеграфа, которая постоянно отъ вѣтра шумѣла. Это устройство было тогда еще ново. Я, конечно, его видѣлъ на желѣзной дорогѣ между двумя столицами, но шумъ поѣзда по этой дорогѣ заглушалъ шумъ телеграфной проволоки.

По шоссе отъ Ковно до прусской границы, называвшемуся Царскимъ, мнѣ приходилось ѣхать въ телѣгѣ, что по случаю сильныхъ морозовъ меня очень страшило. Какой-то баронъ, котораго я забылъ фамилію, ѣхалъ съ семействомъ изъ Петербурга въ почтовой каретѣ, нанятой имъ до прусской границы; у него было порожнее мѣсто, которое онъ предложилъ мнѣ.

Онъ ѣхалъ въ Копенгагенъ совѣтникомъ нашего посольства, при которомъ еще прежде состоялъ нѣсколько лѣтъ. Дорогою онъ мнѣ подробно объяснялъ такъ долго всѣхъ занимавшій вопросъ о Датскомъ и Шлезвигъ-Голштинскомъ наслѣдствѣ. Мы разстались на первой Прусской почтовой станціи Шталупененъ, гдѣ отдохнули въ теплыхъ комнатахъ съ хорошими постелями.

Шталупененъ былъ тогда небольшою деревнею, и невольно дѣлалось сравненіе этой чистой деревенской гостиницы съ нашими гостиницами въ губернскихъ даже городахъ, сравненіе, конечно, не въ пользу послѣднихъ.

Въ Берлинѣ я остановился въ Hôtel d' Angleterre, который былъ незадолго передъ этимъ открытъ. Чистота въ немъ была примѣрная и самое строеніе довольно роскошное. Сравненіе его съ нашими столичными гости-

ницами, конечно, было не въ пользу послѣднихъ. Только печи, постель и пища для русскаго человѣка были невыносимы.

Печи скоро нагрѣваютъ комнаты, но также скоро и охлаждаются. Подушки на постеляхъ до того мягки, что я по двѣ и по три всовывалъ въ одну наволочку и тогда только могъ заснуть.

Перины вмѣсто одѣяла, конечно, я не употреблялъ, а сбрасывалъ ее съ постели. Рамы кроватей гораздо шире матрацевъ, такъ что онѣ, при надѣваніи носковъ, рѣжутъ лежащія на нихъ ноги. Чай очень дуренъ. Сливки, которыя насъ учили называть по нѣмецки Schmand и которыя въ Берлинѣ называютъ Ramen, простое молоко. Кушанья порціями по картѣ посредственныя, но обѣдъ за table d'hôte, состоящій изъ 11 блюдъ, очень дуренъ.

На блюдахъ разложены такія микроскопическіе кусочки вареной и жареной говядины и другихъ съѣстныхъ снадобій, что выходишь изъ-за стола, послѣ очень продолжительнаго сидѣнія, голоднымъ. Сверхъ того, подаваемое въ серединѣ стола кушанье, изъ селедки или колбасы съ какими-то приправами и чуть ли не съ малиновымъ вареньемъ, отвратительно.

Въ Берлинѣ я осмотрѣлъ только что отстроенный водопроводъ, который мнѣ не понравился. Краткое его описаніе я помѣстилъ въ «Вѣстникѣ промышленности» за 1859 г. въ 1-ой главѣ статьи «Историческое обозрѣніе искусства проводить воду».

Восемь водоподъемныхъ машинъ этого водопровода, силою 1000 лошадей, употребляли каменнаго угля до 8 и болѣе фунтовъ въ часъ на каждую силу, слѣдовательно втрое болѣе, чѣмъ требуютъ хорошія машины. Онѣ были изготовлены въ берлинскомъ заведеніи Борзига, гдѣ меня увѣряли, что заведеніе могло бы построить машины, не требующія столько топлива, но что оно обязано было ихъ исполнить по рисункамъ англійскаго инженера, устраивавшаго водоснабженіе.

Однако я не рѣшился заказать водоподъемныя машины на этомъ заводѣ и въ другихъ, осмотрѣнныхъ мною въ Берлинѣ механическихъ заведеніяхъ Эггерса и Вёллерта. Мнѣ казалось, что устройство въ нихъ большихъ водоподъемныхъ машинъ еще въ младенчествѣ.

Я желалъ заказать паровыя машины Корнуальской системы въ странѣ, гдѣ были онѣ изобрѣтены, и преимущественно на заводѣ, носящемъ имя славнаго изобрѣтателя паровыхъ машинъ, на которомъ были изготовлены въ 1846 г. двѣ 45-сильныя машины этой системы для Гамбургскаго водопровода; заказать же машины по означенной системѣ мнѣ совѣтывалъ Чевкинъ при моемъ отъѣздѣ изъ Петербурга.

Старый Берлинскій заводчикъ Вёллертъ обратилъ мое вниманіе на то, что новая машина по Корнуальской системѣ, при распространеніи Гамбургскаго водоснабженія, силою въ 200 лошадей, изготовлена была не въ Англіи, а въ Берлинскомъ заведеніи, и предложилъ вмѣстѣ ѣхать въ Гамбургъ, для осмотра водоподъемныхъ машинъ.

Мы нашли поставленный имъ при Гамбургской машинѣ огромный воздушный сосудъ треснувшимъ. Впрочемъ, онъ былъ хорошо устроенъ и

его поврежденіе, вѣроятно, произошло по причинамъ, не зависѣвшимъ отъ его устройства. Въ Гамбургѣ я оставался всего два дня.

Въ это время жилъ въ Москвѣ молодой бельгіецъ (я не помню его фамиліи), человѣкъ очень пріятный. Онъ поставлялъ машины на русскія фабрики съ завода своего отца, находящагося близъ г. Термонда. Онъ просилъ меня заказать водоподъемныя машины на его заводѣ.

По пріѣздѣ въ этотъ городокъ, я былъ очень любезно принятъ хозяиномъ завода и его семействомъ. Послѣ подробнаго осмотра завода, хозяинъ его проводилъ меня на станцію желѣзной дороги, на которой я въ первый разъ лично удостовѣрился въ томъ, о чемъ такъ часто случалось читать, а именно, объ отношеніяхъ въ Западной Европѣ капиталистовъ къ пролетаріямъ.

Провожавшій меня хозяинъ завода, показавшійся мнѣ весьма добрымъ человѣкомъ, весьма надменно и деспотически относился къ встрѣчавшимся съ нимъ крестьянамъ, повидимому, нисколько отъ него не зависѣвшимъ.

Въ Брюсселѣ я осмотрѣлъ водопроводъ и нѣсколько механическихъ заводовъ. Краткое описаніе водопровода я помѣстилъ въ 1-ой главѣ вышеупомянутой статьи, помѣщенной мною въ «Вѣстникѣ промышленности» 1859 года.

Водоподъемныя машины, изготовленныя на заводахъ въ Брюсселѣ, а равно и въ Термондѣ, показались мнѣ недовольно прочными для Мытищинскаго водопровода въ виду того, что машины на немъ дѣйствуютъ безостановочно день и ночь, что не имѣется механика для постояннаго за ними наблюденія и что, по недостатку въ то время механическихъ заведеній въ Москвѣ, починка ихъ представила бы значительныя замедленія.

Всѣ осмотрѣнные мною заводы, на основаніи изготовленныхъ мною условій на поставку водоподъемныхъ машинъ, давали подписки о цѣнахъ, по которымъ они брались поставить машины. Въ нѣкоторыхъ заводахъ мнѣ очень ловко намекали, что нѣсколько процентовъ съ просимой ими суммы даются заказчику, но одинъ изъ Брюссельскихъ заводовъ безъ всякой церемоніи упомянулъ въ данной имъ подпискѣ о стоимости машинъ, что въ этой стоимости включены 10 процентовъ для меня. Я сохранилъ эту подписку, какъ курьезъ, немедля прекративъ всякія сношенія съ давшимъ ее заводомъ.

При этомъ не могу не замѣтить, что когда черезъ два года я снова объѣзжалъ часть Европы для заказа на гораздо большую сумму принадлежностей Троицкой желѣзной дороги, мнѣ не только ни одинъ заводчикъ не давалъ подобныхъ подписокъ, но даже нигдѣ не было ни малѣйшаго намека на представленіе мнѣ процентовъ съ назначаемой цѣны или какихъ-либо другихъ взятокъ.

Вотъ какъ скоро разнеслась между заграничными заводчиками вѣсть о томъ, что меня нельзя подкупить.

Въ Брюсселѣ я оставался нѣсколько дней, былъ въ палатѣ депутатовъ и въ театрѣ. Въ палатѣ депутатовъ толковали о каменноугольномъ воп-

росѣ и съ видимымъ неудовольствіемъ отзывались о Франціи, называя ее «сосѣдомъ могущественнымъ», такъ что казалось, что называютъ ее «сосѣдомъ опаснымъ».

Театръ очень хорошъ, напоминаетъ въ маломъ видѣ Большой Московскій театръ. Городъ, который почему-то называютъ маленькимъ Парижемъ, мнѣ не очень понравился. Нѣтъ тѣни движенія, роскоши и элегантности, которыя встрѣчаются на Парижскихъ улицахъ.

Въ Лондонъ я пріѣхалъ черезъ Кале и Дувръ и остановился въ Сити, въ Royal-Hôtel въ нижнемъ этажѣ. Я занялъ большую комнату съ тремя окнами на улицу, съ маленькою переднею. Это помѣщеніе приготовилъ мнѣ богатый негоціантъ Беренсъ, съ которымъ сестра моя А. И. Викулина познакомилась въ бытность свою передъ Крымскою кампаніею въ Лондонѣ.

Беренсъ былъ лифляндскій уроженецъ, въ молодости переѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ торговлею нажилъ большое состояніе; онъ до самой смерти владѣлъ однимъ изъ огромнѣйшихъ магазиновъ въ Лондонѣ противъ церкви Св. Павла.

Его сынъ отъ перваго брака, весьма пріятный и красивый молодой человѣкъ, женился на очень хорошенькой и довольно богатой француженкѣ Франсильонъ. Отецъ не любилъ его и большую часть состоянія намѣренъ былъ предоставить своему сыну отъ второго брака, невзрачному во всѣхъ отношеніяхъ.

Беренсъ заѣзжалъ ко мнѣ почти ежедневно, чтобы узнать, не нуждаюсь ли я въ чемъ-нибудь. Я былъ у него также нѣсколько разъ въ его роскошномъ загородномъ домѣ. Его обѣды заканчивались, по англійскому обыкновенію, спичами и ничего не было смѣшнѣе, какъ слышать людей, дружныхъ между собою, нѣсколько десятковъ лѣтъ повторяющихъ ежедневно другъ другу длинные комплименты.

У Беренса я видѣлъ, какъ былъ онъ требователенъ относительно своего садовника. Онъ говорилъ:

— Я плачу садовнику и за мои деньги онъ долженъ трудиться безпрерывно; я объ его отдыхѣ знать не хочу.

Русскій человѣкъ не можетъ хладнокровно слушать подобныя рѣчи.

За мое помѣщеніе съ чаемъ и довольно хорошимъ и весьма достаточнымъ кушаньемъ я платилъ въ день 10 шиллинговъ и это въ городѣ, славящемся своею дороговизною. Въ Петербургѣ расходуется на это гораздо болѣе. Конечно, съ того времени цѣны въ Лондонѣ поднялись, но онѣ поднялись и въ Петербургѣ и почти повсемѣстно.

Впрочемъ, я напрасно платилъ въ гостиницѣ за обѣдъ, такъ какъ я имѣлъ частыя приглашенія отъ лицъ, съ которыми познакомился въ Лондонѣ, а также часто обѣдалъ въ хорошихъ ресторанахъ. Немедля по пріѣздѣ въ Лондонъ, я познакомился съ нашимъ священникомъ Евгеніемъ Ивановичемъ Поповымъ и съ г. Белемъ, наибольшимъ участникомъ въ торговомъ домѣ Томсонъ, Бонаръ и К° въ Old-Broatt-Street, $27^1/_2$.

Е. И. Поповъ человѣкъ очень умный, весьма образованный и добрый.

Онъ мнѣ немедля предложилъ свои услуги, которыя, по его знанію англійскаго языка и по давнему пребыванію въ Лондонѣ, были мнѣ весьма полезны.

Церковь наша, помѣщенная въ томъ же домѣ, гдѣ онъ жилъ, была очень маленькая. Онъ и два молодыхъ причетника совершали церковныя службы превосходно: не было возгласовъ и криковъ и все было ясно и чинно. Жена его была простая, но очень добрая женщина; дѣти очень милыя; смѣшно было слышать, когда они говорили по-русски съ англійскимъ акцентомъ. Причетники проводили почти цѣлые дни въ его семействѣ и ничѣмъ не выказывалась разность положенія между ними и священникомъ, кромѣ того, что они, здороваясь и прощаясь, подходили подъ его благословеніе.

Я очень любилъ бывать у о. Евгенія. Когда я у него обѣдалъ, всегда подавались славные пироги или кулебяки, приготовленные его женою. О. Евгеній по своей учености и строгой жизни пользовался особымъ уваженіемъ не только высшаго англійскаго духовенства, но и бо́льшаго числа публики. Когда случалось при англичанахъ произносить имя Попова, то многіе изъ нихъ восклицали: «Mister Popoff, o! o!»

Чевкинъ, при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, совѣтовалъ мнѣ въ Лондонѣ обратиться къ г. Белю, какъ къ человѣку весьма умному и хорошо знающему русскій языкъ. Я нашелъ Беля въ конторѣ Томсонъ, Бонаръ и К°. Онъ меня очень хорошо принялъ и изъявилъ готовность быть мнѣ полезнымъ.

Бель пріѣхалъ бѣднымъ молодымъ человѣкомъ въ Россію, по которой много путешествовалъ по порученіямъ торговой конторы Томсонъ, Бонаръ и К°, разбогатѣлъ и сдѣлался однимъ изъ главныхъ участниковъ торговаго дома этой фирмы.

Онъ прожилъ въ Россіи около 30 лѣтъ. Во время Крымской кампаніи Императоръ Николай приказалъ выслать его изъ Петербурга, подозрѣвая въ немъ англійскаго шпіона. Съ этого времени онъ поселился въ Лондонѣ.

Торговый домъ Томсонъ, Бонаръ и К° имѣлъ болѣе 200 лѣтъ контору въ Архангельскѣ въ своемъ собственномъ домѣ. При возникновеніи Петербурга, этотъ домъ учредилъ и въ немъ контору, выстроивъ для нея домъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ она и теперь помѣщается.

Оба дома въ Петербургѣ и въ Архангельскѣ проданы во время Крымской войны. Бель хорошо говорилъ и писалъ по-русски. Впослѣдствіи, переписываясь съ нимъ, я въ письмахъ моихъ называль его: «Карломъ Ѳомичемъ». Онъ передъ своею смертью попалъ въ члены нижней палаты, о чемъ мечталъ всю свою жизнь, но умеръ прежде, чѣмъ началось засѣданіе палаты.

На другой день пріѣзда моего въ Лондонъ, я поутру зашелъ въ контору дома «Джемсъ Уаттъ и К°» въ Сити въ улицѣ Лондонстритъ, 18. Въ весьма небольшой и дурно меблированной комнатѣ я нашелъ двухъ англичанъ, владѣльцевъ заведенія «Джемса Уатта» въ Сого близъ Бирмингама. Тотъ изъ нихъ, который былъ помоложе и котораго фамилія, какъ я узналъ впослѣдствіи, была Блекъ, говорилъ по-французски. Онъ обратился ко мнѣ съ просьбою обождать.

Они были заняты въ это время приготовленіемъ контракта по заказу машинъ для монетнаго двора въ Остъ-Индіи на сумму, кажется, болѣе чѣмъ на сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Вскорѣ Блекъ обратился ко мнѣ съ просьбою изложить мои требованія. Видя, что домъ «Джемса Уатта» получаетъ столь значительные заказы, я усомнился, чтобы онъ принялъ мой незначительный заказъ и выразилъ мое сомнѣніе Блеку, прося его въ такомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, отрекомендовать мнѣ заводъ, который могъ бы изготовить хорошія водоподъемныя машины.

Блекъ, по выслушаніи объясненія о моемъ заказѣ приблизительно на восемь тысячъ фунтовъ стерлинговъ, передалъ по-англійски старику, сидѣвшему съ нимъ въ конторѣ, о моемъ заказѣ и о моемъ сомнѣніи, что ихъ домъ не возьметъ на себя изготовленіе заказа на такую незначительную сумму.

Этотъ старикъ просилъ Блека передать мнѣ, что они возьмутъ заказъ не только въ 8000, но и въ 8 фунтовъ стерлинговъ.

Блекъ осмотрѣлъ со мной Лондонскія водоподъемныя зданія и указалъ на тѣ, въ которыхъ стояли паровыя машины завода «Джемса Уатта», устанавливавшаго въ это время машины на огромномъ пароходѣ Гритъ-Эстернъ, который мы съ нимъ вмѣстѣ осматривали.

Онъ меня познакомилъ съ строителемъ этого парохода инженеромъ Брюнелемъ, сыномъ знаменитаго строителя тоннеля подъ Темзою, гигантскаго сооруженія, стоившаго огромныхъ суммъ и не приносящаго ни малѣйшей пользы.

Невольно мнѣ приходила въ голову мысль, что если бы подобное сооруженіе было воздвигнуто въ Россіи, то правительство подвергло бы карѣ инженера, задумавшаго и строившаго это сооруженіе, и общественное мнѣніе отзывалось бы о немъ съ самой невыгодной стороны, тогда какъ въ Англіи имя Брюнеля пользуется славою.

При осмотрѣ Гритъ-Эстерна мнѣ казалось, что и сынъ Брюнеля также предпринялъ огромное зданіе, которое едва ли можетъ приносить выгоды обществу, собравшему деньги на его постройку. Я не буду описывать этого парохода, такъ какъ имѣется много его описаній; скажу только, что осмотръ его меня утомилъ до того, что послѣ осмотра цѣлый день отдыхалъ.

Блекъ меня убѣдилъ, что самая удобная система водоподъемныхъ машинъ есть система «Джемса Уатта» съ холодильникомъ, что при этой системѣ можно достигнуть столь же малаго употребленія топлива, какъ и при корнуальскихъ машинахъ, но что уходъ за машинами по системѣ Уатта гораздо легче.

Я привезъ съ собою проектъ договора на поставку водоподъемныхъ паровыхъ машинъ, который долженъ былъ заключить заводъ, имѣющій принять на себя эту поставку. Подробности, изложенныя въ этомъ договорѣ, испугали англійскихъ заводчиковъ.

Мнѣ нужны были прочныя паровыя машины, поднимающія опредѣлен-

ное количество воды въ резервуаръ, коего разстояніе отъ машинъ и высота надъ бассейномъ при нихъ извѣстны, и употребляющія для производства этой работы сколь возможно менѣе топлива.

Блекъ полагалъ, что ясное изложеніе этихъ условій, съ прибавленіемъ цѣны за машины и сроковъ поставки и уплаты достаточно для составленія договора, но внявъ убѣжденіямъ Беля, что подобная простота договора можетъ не понравиться моему начальству, согласился подписать 1-го апрѣля н. с. договоръ болѣе пространный. Главныя условія договора состояли въ слѣдующемъ:

А) заводъ обязывался поставить двѣ 48-сильныя паровыя машины съ холодильными аппаратами и двѣ 10-сильныя безъ охлажденія. Каждая изъ первыхъ двухъ машинъ, поднимая 505 т. ведеръ воды въ сутки на высоту 84 фут. по водоводу длиною въ 5 верстъ, должна была употреблять не болѣе 72 пуд. каменнаго угля, а каждая изъ послѣднихъ, поднимая то же количество воды на высоту 24 фута въ бассейнъ, находящійся въ одномъ зданіи съ машинами, должна была употреблять не болѣе 36 пуд. каменнаго угля.

Б) Срокъ поставки машинъ въ Москву 1-го августа, а установки одной 48-сильной и одной 10-сильной 1-го ноября 1858 г., остальныхъ же двухъ тремя мѣсяцами позже.

В) Для установки машинъ и обученія уходу за ними заводъ присылаетъ двухъ хорошо знающихъ свое дѣло мастеровъ, которые получаютъ все содержаніе отъ завода.

Заключеніемъ этого договора я успѣлъ сдѣлать значительную для Москвы выгоду, такъ какъ заказанныя въ Петербургѣ, оказавшіяся негодными паровыя машины, при дѣйствіи одной 48 и одной 10-сильной машины по заключенному условію должны были употреблять въ сутки: первая—5, 75, а вторая—1,5 с. дровъ, длиною $^5/_4$ аршина.

Полагая по тогдашней цѣнѣ по 12 руб. за сажень, потребовалось бы всего въ сутки топлива на 78 р. Англійскія же машины, производящія то же дѣйствіе, должны были по заключенному условію употреблять въ сутки 108 пуд. каменнаго угля, котораго тогдашняя цѣна въ Москвѣ была по 30 коп. за пудъ, такъ что требовалось всего расхода на топливо 32 р. 40 к., а слѣдовательно, получалось ежедневнаго сбереженія 45 р. 60 коп.

На самомъ дѣлѣ это сбереженіе оказалось еще значительнѣе, ибо англійскія машины требуютъ менѣе 100 пуд. въ сутки, такъ что ежегоднаго сбереженія можно считать до 20 тыс. рублей.

При этомъ слѣдуетъ упомянуть, что 10-сильныя машины, поставленныя заводомъ герцога Лейхтенбергскаго, дѣйствовавшія въ продолженіе 14 мѣсяцевъ, изъ коихъ каждая поднимала только 302 тыс. ведеръ воды, вмѣсто 505 тыс., употребляли каждая $2^1/_4$ саж. дровъ, суммою на 30 руб. въ сутки, а сколько въ дѣйствительности потребовали бы заказанныя въ Петербургѣ 48-сильныя машины, неизвѣстно, такъ какъ онѣ по негодности вовсе не могли быть пущены въ ходъ.

Бель служилъ посредникомъ между мною и Блекомъ. Онъ написалъ

договоръ на поставку машинъ по-англійски и перевелъ его на русскій языкъ.

Въ этотъ пріѣздъ въ Лондонъ я снова осмотрѣлъ его достопримѣчательности и почти каждый день получалъ приглашенія къ обѣду то въ дома, то въ клубы, такъ что не успѣлъ даже побывать у всѣхъ меня приглашавшихъ. Между прочимъ я былъ приглашенъ къ обѣду Блекомъ.

Считая его за механика-конторщика дома «Джемса Уатта и К°», я въ первую мою къ нему поѣздку долго раздумывалъ, въ чемъ къ нему ѣхать, въ сюртукѣ или во фракѣ; надѣлъ фракъ при черномъ галстукѣ и поѣхалъ въ прежалкомъ кебѣ (извощичья коляска).

Подъѣхавъ къ крыльцу дома Блека, я былъ встрѣченъ лакеемъ въ золотой ливреѣ, который провелъ меня въ комнату второго этажа. Въ ней я нашелъ очень красивую женщину, лѣтъ за тридцать, которая мнѣ сказала по-французски, что мужъ ея будетъ черезъ пять минутъ (въ это время было семь часовъ безъ пяти минутъ).

Блекъ изящно одѣтый и въ бѣломъ галстукѣ вошелъ въ комнату, когда было семь часовъ. Вскорѣ его жена подала мнѣ руку, а онъ подалъ свою старой дамѣ, которая оказалась его тещею, и мы по довольно узкой лѣстницѣ спустились въ столовую, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ.

Обѣ дамы были въ платьяхъ декольте и съ короткими рукавами.

Комната, въ которой меня приняли, была убрана богато и со вкусомъ. Кушанья и вино, поданныя за обѣдомъ, были очень хорошія. Я не буду описывать англійскаго обѣда, такъ какъ онъ всѣмъ извѣстенъ; скажу только, что для русскаго обѣдъ безъ супа не обѣдъ, и что хотя прислуги было много, но блюда ставились ею на столъ и хозяйка сама раздавала кушанья.

Послѣ обѣда хозяинъ и я отвели дамъ въ комнату, изъ которой ихъ привели къ столу, и вскорѣ отправились въ его кабинетъ, гдѣ просидѣли довольно долго, при чемъ пили рюмками крѣпкія вина.

Впослѣдствіи, когда я опять обѣдалъ у Блека, было нѣсколько приглашенныхъ, и мы послѣ обѣда сидѣли долго не въ его кабинетѣ, а въ столовой, попивая во время разговоровъ крѣпкое вино.

Это повторялось за всѣми обѣдами, къ которымъ я былъ приглашенъ въ Лондонѣ. Разговоры большею частію касались Россіи. Англичане весьма высоко ставили мужественную защиту Севастополя, нѣкоторые же изъ нихъ не могли понять готовящейся въ Россіи реформы по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Они признавали, что за это освобожденіе помѣщики должны получить вознагражденіе подобно тому, какъ получили его рабовладѣльцы въ англійскихъ колоніяхъ; надѣлъ же земли крестьянамъ они признавали мѣрою несправедливою и вредною по своимъ послѣдствіямъ.

Изъ обѣдовъ, на которые я былъ приглашенъ, особенно былъ замѣчателенъ обѣдъ, данный старымъ Беренсомъ въ трактирѣ «Трафальгаръ» въ Гринвичѣ, въ которомъ ежегодно въ концѣ парламентской сессіи бываетъ министерскій обѣдъ.

Было подано между прочимъ 22 блюда разныхъ рыбъ; на послѣднемъ

изъ этихъ блюдъ подана была рыба діаволъ, пресыщенная кайенскимъ перцемъ, котораго было излишество и въ супѣ изъ черепахи.

Къ обѣду было много приглашенныхъ и въ томъ числѣ молодой Беренсъ съ своею красивою женою. Послѣдній, по выходѣ нашемъ послѣ обѣда на улицу, подозвалъ кебъ, въ который я хотѣлъ посадить его жену, но онъ мнѣ объяснилъ, что подозвалъ кебъ для меня, такъ какъ я не говорю по-англійски, а что онъ поѣдетъ съ женою въ омнибусѣ, который проѣзжаетъ мимо его квартиры.

Это меня очень удивило. У насъ нельзя себѣ представить, чтобы богатый негоціантъ, котораго отецъ тратитъ на одинъ обѣдъ сотни рублей, не имѣлъ не только собственнаго экипажа, но даже наемной кареты, а разъѣзжалъ съ молодою женой въ омнибусахъ, которые, сверхъ того, по моему мнѣнію, и не совсѣмъ удобны.

Блекъ ѣздилъ со мною въ Бирмингамъ, а оттуда въ Сого для осмотра заведенія «Джемса Уатта и К°», а Е. И. Поповъ въ хрустальный дворецъ и въ Оксфордъ для осмотра знаменитаго университета.

Въ поѣздку съ Поповымъ я видѣлъ, какое высокое значеніе онъ пріобрѣлъ между англійскими учеными духовными лицами и между прочими у профессора университета Стенлея, съ которымъ я познакомился въ 1856 г. въ Москвѣ, откуда ѣздилъ съ нимъ осматривать «Новый Іерусалимъ», который былъ особенно любопытенъ Стенлею, не задолго передъ тѣмъ посѣтившему и описавшему настоящій Іерусалимъ.

Въ поѣздкѣ нашей въ Новый Іерусалимъ участвовали князь С. Н. Урусовъ, бывшій впослѣдствіи оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода и предсѣдателемъ департамента законовъ Государственнаго Совѣта, и извѣстный писатель Андрей Николаевичъ Муравьевъ, также описавшій свою поѣздку въ Іерусалимъ.

Во время нашего пребыванія въ Новомъ Іерусалимѣ архимандритъ и монашествующіе низко кланялись Муравьеву, который позволялъ себѣ, опираясь на расположеніе къ нему Московскаго митрополита Филарета, дѣлать разныя замѣчанія архимандриту. На Урусова же никто не обращалъ вниманія, не предвидя, что онъ вскорѣ займетъ должность синодальнаго оберъ-прокурора.

Въ Лондонѣ я часто посѣщалъ эмигранта Александра Ивановича Герцена, извѣстнаго въ литературѣ подъ псевдонимомъ Искандера. Онъ издавалъ въ это время еженедѣльную газету «Колоколъ», въ которой клеймилъ вкоренившіеся въ Россіи безпорядки и злоупотребленія, а равно и лица, часто высокопоставленныя, участвовавшія въ этихъ злоупотребленіяхъ.

Цензура въ Россіи была тогда очень строга. Журналы и газеты хотя и заговорили свободнѣе съ 1856 г., но все еще находились подъ ея гнетомъ, и потому экземпляры «Колокола», строго запрещеннаго въ Россіи, доставались съ большимъ трудомъ и нравились очень многимъ, чему способствовали несомнѣнныя дарованія Герцена и любовь его къ Россіи, явно проглядывавшая въ его ядовитыхъ разсказахъ и насмѣшкахъ.

Герценъ принялъ меня очень радушно, разсказывалъ вкратцѣ гоненія, которыя онъ потерпѣлъ отъ русскаго правительства, сожалѣлъ о томъ, что Русскіе, столь храбрые въ военное время, потеряли подъ постояннымъ гнетомъ чувство гражданскаго мужества, что всѣ правительственныя лица жестоко его преслѣдовали за проступки, не имѣвшіе значенія. Онъ вспомнилъ только двѣ личности, которыя составляли исключенія, а именно, бывшаго Московскаго коменданта генерала Стааля и вятскаго жандармскаго штабъ-офицера Замятнина.

Послѣдній не только не преслѣдовалъ его, но даже оказалъ ему разныя услуги, несмотря на то, что вслѣдствіе присланнаго имъ къ Герцену письма моей тещи Е. Г. Левашевой, явно бывшаго распечатаннымъ, Герценъ обходился съ нимъ дурно и дурно о немъ отзывался.

Герценъ, говоря мнѣ это, и не подозрѣвалъ, что Замятнинъ женатъ на моей родной теткѣ.

Во всемъ, что Герценъ говорилъ о Россіи, всегда была сильная къ ней любовь. Сколько разъ повторялъ онъ мнѣ съ грустью о томъ, что неужели онъ, или по крайней мѣрѣ его сынъ, не увидятъ Россіи, и спрашивалъ моего мнѣнія о томъ, не написать ли ему просьбы о дозволеніи сыну его вернуться въ Россію, и какова въ ней будетъ участь послѣдняго.

Нѣсколько разъ я обѣдалъ съ Герценомъ въ ресторанахъ и у него въ домѣ и между прочимъ непремѣнно по воскресеньямъ. Въ этотъ день собирались у него всѣ эмигранты разныхъ странъ, которые около него кормились, не имѣя сами средствъ къ существованію, но большей части которыхъ онъ мало довѣрялъ. Онъ, знакомя меня съ ними, называлъ своимъ соотечественникомъ, но никогда не называлъ по фамиліи и предостерегалъ меня, чтобы я не называлъ себя безъ надобности: онъ не былъ увѣренъ, что между его гостями нѣтъ шпіоновъ.

Герценъ былъ вполнѣ русскій человѣкъ. Онъ восхищался умомъ и добродушіемъ русскаго народа и говорилъ, что жизнь въ Россіи, при этомъ добродушіи, проще и вообще не такъ трудна, какъ въ Англіи, что подкрѣплялъ фактами, изъ которыхъ приведу слѣдующіе.

Когда въ слѣдующій мой пріѣздъ въ Лондонъ въ 1860 г. Герценъ долженъ былъ перемѣнить квартиру, онъ разсказывалъ мнѣ, что многіе домовладѣльцы, у которыхъ онъ осматривалъ квартиры, хотѣли его надуть и что необходимо имѣть при наймѣ квартиры адвоката, который принялъ бы ее по подробной описи съ тѣмъ, чтобы, по истеченіи срока найма, ее сдать по этой описи.

Когда Герценъ переѣхалъ на новую квартиру и въ комнатѣ его маленькой дочери было разбито стекло (это было въ ноябрѣ), на что онъ указалъ хозяйкѣ дома, то послѣдняя соглашалась, что стекло было разбито до сдачи квартиры, но вольно же было адвокату Герцена не замѣтить этого, и затѣмъ она стекла не вставила.

Литераторъ Огаревъ жилъ съ женою своею, урожденною Тучковою (они, кажется, не были вѣнчаны въ церкви) у Герцена. Къ Огареву посту-

пило изъ Россіи требованіе объ уплатѣ долга около тысячи рублей, котораго Огаревъ не признавалъ.

Обратились къ адвокату, который за справки въ русскомъ Сводѣ Законовъ, за переводъ изъ него статей и за свои совѣты и разъѣзды въ нѣсколько дней потребовалъ сто рублей, ничего не сдѣлавъ; не видно было конца выдачамъ денегъ адвокату.

Герценъ, чтобы покончить съ нимъ, заплатилъ долгъ Огарева, при чемъ говорилъ, что если въ русскихъ судахъ дать сто рублей по правому дѣлу, суммою въ тысячу рублей, то по крайней мѣрѣ увѣренъ, что оно рѣшится справедливо, а въ Англіи нѣтъ конца выдачамъ и нѣтъ увѣренности, что правое дѣло выиграетъ.

Однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей Герцена былъ полякъ эмигрантъ книгопродавецъ Техаржевскій, о которомъ Герценъ часто упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ и изданіяхъ, не имѣя которыхъ я, можетъ быть, неправильно называю фамилію этого книгопродавца.

Въ бытность мою въ Лондонѣ, онъ былъ за что-то посаженъ въ тюрьму, но вскорѣ освобожденъ. Герценъ былъ у него въ тюрьмѣ и съ отвращеніемъ разсказывалъ, какъ въ ней содержатся заключенные, и что между смотрителями и сторожами тюрьмы онъ не нашелъ ни одного сострадательнаго человѣка, тогда какъ онъ убѣжденъ былъ, что въ русскихъ тюрьмахъ всегда найдутся сострадательные люди, въ особенности между низшими классами.

Герценъ былъ мнѣ очень симпатиченъ. Одно не нравилось мнѣ въ немъ: это тщеславіе, породившее въ немъ увѣренность, что онъ—власть, съ которой сообразуются дѣйствія Императоровъ Александра II и Наполеона III и на которую онъ мнѣ намекалъ неоднократно и въ особенности при передачѣ мнѣ нѣсколькихъ экземпляровъ его сочиненія, напечатаннаго передъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Лондона: «La France ou l'Angleterre», въ которомъ онъ обсуждаетъ: которую изъ этихъ странъ должна Россія выбрать своею союзницею.

Я взялъ съ собою два экземпляра этого сочиненія. По пріѣздѣ въ Парижъ, меня спросили на таможнѣ, не имѣю ли я съ собою запрещенныхъ книгъ, на что я заявилъ, что не могу знать, какія книги запрещены во Франціи и что между прочими книгами имѣю два экземпляра означенной брошюры.

Оказалось, что они запрещены, но таможенный чиновникъ спросилъ меня, пріобрѣлъ ли я ихъ для собственной надобности, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, оставилъ ихъ у меня, несмотря на то, что это было во время, слѣдовавшее за покушеніемъ Орсини на жизнь Наполеона III, которое, какъ извѣстно, было очень грозное во Франціи.

Съ Герценомъ я ходилъ въ Аделаидъ-галлери и въ какой-то ресторанъ, въ которомъ по вечерамъ даются представленія, изображающія англійскіе суды.

На сценѣ судъ, прокуроры, адвокаты, преступники, свидѣтели, однимъ словомъ вся обстановка настоящаго суда. Судъ надъ воображаемымъ

преступникомъ производится по всѣмъ формамъ англійскаго судопроизводства и онъ произноситъ приговоръ на основаніи существующихъ законовъ.

Меня это представленіе очень занимало. Говорятъ, что мнимые прокуроры, адвокаты и члены суда люди весьма образованные и способные, такъ что ихъ рѣчи и рѣшенія очень замѣчательны, о чемъ я не могъ судить по незнанію англійскаго языка.

Аделаидъ-галлери замѣчательна только тѣмъ, что пріѣздъ на балы въ ней начинается въ половинѣ второго пополуночи. Распорядитель бала одѣтъ, какъ и всѣ прочіе мужчины, во фракѣ, но со звѣздою на лѣвой груди, очень похожею на нашу Владимирскую звѣзду.

Каждое воскресенье въ нашей русской церкви я видалъ жену Австрійскаго посла при Лондонскомъ дворѣ, графиню Апони, урожденную княжну Трубецкую. Она очень усердно молилась и часто становилась на колѣна.

Зайдя разъ, за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ изъ Лондона, къ нашему священнику Попову, я узналъ, что онъ очень огорченъ письмомъ, полученнымъ отъ графини Апони, въ которомъ она увѣдомляетъ его, что перешла въ римское католичество и излагаетъ причины, побудившія ее къ переходу.

Поповъ отвѣчалъ ей весьма умно, прочиталъ мнѣ свой отвѣтъ и просилъ, чтобы я никому не сообщалъ объ этой перепискѣ. Несмотря на его настоятельную просьбу встрѣтить съ нимъ въ Лондонѣ Свѣтлое Христово Воскресеніе, я, по заключеніи 20-го марта (1-го апрѣля н. ст.) договора съ домомъ «Джемса Уатта и К°» на поставку машинъ для Московскаго водопровода, выѣхалъ въ тотъ же день въ Парижъ вмѣстѣ съ Блекомъ.

Переѣздъ въ ночное время черезъ Ламаншскій проливъ былъ очень непріятенъ. На пристани въ Калэ какой-то толстый французскій чиновникъ осматривалъ паспорта проѣзжающихъ, которые должны быть визированы во французскомъ посольствѣ въ Лондонѣ.

Осмотръ производился особенно строго послѣ покушенія Орсини, и чиновникъ исполнялъ свою обязанность съ особеннымъ педантствомъ, выкликая пассажировъ по фамиліямъ и жестоко коверкая послѣднія, при чемъ часто произносилъ слово «une», т. е. ѣдетъ ли пассажиръ одинъ, или при немъ есть еще кто-нибудь.

Въ 1860 г. я два раза видѣлъ того же чиновника въ Калэ, съ тѣмъ же педантствомъ исполняющаго свою обязанность. При поѣздкѣ моей въ этомъ году изъ Лондона въ Парижъ, нашъ посланникъ (впослѣдствіи посолъ) при англійскомъ дворѣ баронъ Бруновъ просилъ меня отвезти бумаги къ бывшему нашему послу при французскомъ дворѣ, графу Павлу Дмитріевичу Киселеву, при чемъ снабдилъ меня особымъ курьерскимъ паспортомъ, не требовавшимъ визированія во французскомъ посольствѣ.

Вышеупомянутый чиновникъ, выкликнувъ меня по фамиліи, сказалъ: «Vous ne passerez pas», на что я отвѣчалъ: «Je passerai». Онъ повторилъ: «Moi, je vous dis que vous ne passerez pas; votre pasport n'est pas visé».

Я снова отвѣчалъ: «Je passerai; regardez bien le passeport». Тогда онъ увидѣлъ, что паспортъ выданъ въ Лондонѣ русскимъ посольствомъ и знакомъ руки пригласилъ итти въ ту комнату, въ которую впускались пассажиры съ паспортами, признанными при осмотрѣ правильными.

Вскорѣ послѣ этого былъ отмѣненъ осмотръ паспортовъ при въѣздѣ во Францію, и я часто думалъ о томъ, что же теперь дѣлаетъ этотъ толстенькій чиновникъ, который, кажется, ни къ чему не былъ способенъ, кромѣ осмотра паспортовъ.

Извѣстно, что въ Англіи по воскресеньямъ прекращаются всѣ дѣловыя занятія и банки заперты. Но въ остальные дни не прерывается кипучая дѣятельность, такъ какъ почти нѣтъ праздничныхъ дней. Въ числѣ послѣднихъ пятница и суббота Страстной недѣли и понедѣльникъ Свѣтлой недѣли. Многіе богатые англичане на эти дни уѣзжаютъ для развлеченія въ Парижъ. Въ 1858 г. Свѣтлый праздникъ совпадалъ по Юліанскому и Григоріанскому календарямъ.

Въ Калэ Блэкъ познакомилъ меня съ ѣхавшими съ нами въ одномъ поѣздѣ извѣстнымъ банкиромъ Берингомъ и какимъ-то другимъ лондонскимъ тузомъ-капиталистомъ. Они предложили мнѣ сѣсть съ ними въ одно отдѣленіе вагона, въ которомъ было восемь мѣстъ, и заплатить кондуктору поѣзда пять франковъ съ тѣмъ, чтобы онъ никого не впускалъ болѣе въ наше отдѣленіе вагона.

На станціи передъ Парижемъ мы сдѣлали складчину по $1^1/_4$ франка и вручили обѣщанные 5 франковъ кондуктору. Въ Парижѣ я остановился въ Hôtel de Bade, Rue Helder. Эта гостиница выходитъ и на Итальянскій бульваръ.

Немедля я посѣтилъ бывшаго священника нашей церкви въ Парижѣ, Іосифа Васильевича Васильева, впослѣдствіи предсѣдателя учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ.

Сестра моя А. И. Викулина и ея дочери, во время своего долгаго пребыванія въ Парижѣ, очень сошлись съ нимъ и его семействомъ. Я хотѣлъ отъ о. Васильева узнать о томъ, кто изъ русскихъ моихъ знакомыхъ находится въ Парижѣ, и о мѣстѣ ихъ жительства.

Васильевъ, указавъ мнѣ на многихъ, надъ нѣкоторыми сильно подсмѣивался, несмотря на то, что я былъ у него въ Страстную пятницу; вообще онъ показался мнѣ довольно легкомысленнымъ. Сравненіе его съ нашимъ священникомъ въ Лондонѣ, конечно, было не въ его пользу. Онъ со мною долго бесѣдовалъ, неоднократно говоря, что его ждутъ исповѣдники въ церкви, а между тѣмъ, хотя я съ нимъ нѣсколько разъ прощался, онъ не отпускалъ меня.

Впрочемъ, Васильевъ человѣкъ очень умный и былъ очень пригоденъ для русскаго общества въ Парижѣ и для отношеній нашей церкви ко второй Имперіи. Не помню, въ этотъ ли пріѣздъ въ Парижъ, или въ 1860 г. я видѣлъ у Васильева ученаго православнаго священника Владимира Гете, бывшаго католическимъ аббатомъ.

Служба въ православной церкви, помѣщавшейся тогда еще въ чемъ-то вродѣ сарая, была очень торжественна, но публика вела себя въ ней неприлично, разговаривала во время служенія, а по его окончаніи образовывался въ церкви шумный раутъ.

Конечно, отъ о. Васильева зависѣло уничтожить это безобразіе. Въ нашей церкви въ Висбаденѣ бываетъ почти та же публика, но въ этой церкви во время служенія всѣ стоятъ весьма чинно, а по его окончаніи такъ же чинно расходятся. Это было заведено при священникѣ этой церкви о. Янышевѣ, впослѣдствіи ректорѣ Петербургской Духовной Академіи.

Въ числѣ лицъ, которыя были осмѣяны о. Васильевымъ при первомъ моемъ съ нимъ свиданіи, былъ жившій въ Парижѣ инженеръ путей сообщенія, отставной полковникъ Александръ Сергѣевичъ Комаровъ, о которомъ я говорилъ въ предыдущей главѣ «Моихъ воспоминаній».

Комаровъ, выйдя въ отставку, кажется, въ 1852 г., поселился съ своимъ многочисленнымъ семействомъ въ Парижѣ, гдѣ прежде его поселились отставные же инженеры полковники путей сообщенія Матвѣй Степановичъ Волковъ и Николай Карловичъ Кольманъ.

Члены этой колоніи инженеровъ путей сообщенія были между собою въ ссорѣ до такой степени, что Волковъ не могъ простить мнѣ, что я посѣщалъ Комарова. Я видѣлся въ Парижѣ довольно часто съ этими лицами и опишу ихъ здѣсь.

Комаровъ продолжалъ лгать и хвастаться попрежнему, такъ что своимъ нахальствомъ сдѣлался извѣстенъ даже между парижанами. Онъ постоянно носилъ голубую ленточку (Андреевскую) въ петлицѣ своего верхняго платья, полагая, что онъ имѣетъ право, какъ владѣлецъ дома въ Петербургѣ, на медаль, учрежденную въ воспоминаніе войны 1853—1856 гг., которая для лицъ, жившихъ въ губерніяхъ, находившихся на военномъ положеніи, и въ томъ числѣ Петербургской, раздавалась на Андреевской лентѣ.

Но Комаровъ во все время войны жилъ за границей. Выѣхавъ при началѣ войны изъ Парижа въ Брюссель, онъ вскорѣ вернулся въ Парижъ, гдѣ, говорятъ, проживалъ подъ именемъ Comte de Comaro.

Онъ былъ сотрудникомъ какой-то газеты и членомъ-учредителемъ академіи, основанной, въ подражаніе французскаго института, учеными, которые не принадлежали къ послѣднему, и издававшей періодическій журналъ, въ которомъ Комаровъ былъ сотрудникомъ.

Впослѣдствіи Комаровъ перешелъ изъ одного политическаго журнала въ другой, говоря, что онъ въ послѣднемъ получаетъ только нѣсколько менѣе за свое сотрудничество.

Мой товарищъ А. И. Баландинъ, жившій съ конца 1858 г. въ Парижѣ, увѣрялъ, что ему вполнѣ извѣстно, что Комаровъ ничего не получалъ за сотрудничество въ первомъ журналѣ и потому, основываясь на его собственномъ показаніи, долженъ приплачивать второму журналу за напечатаніе доставляемыхъ имъ статей.

Комаровъ до того былъ извѣстенъ въ Парижѣ, что когда онъ, сидя со

мною въ омнибусѣ, опустилъ окно, одинъ изъ пассажировъ обратился къ нему, называя его по фамиліи, съ замѣчаніемъ, что опускать окна въ омнибусахъ, не спроса позволенія лица, подлѣ окна сидящаго, не согласно съ правилами, а такъ какъ сидѣвшая у окна была дама, то и вообще неприлично.

Комаровъ спросилъ у пассажира, почему послѣдній знаетъ его фамилію, и получилъ въ отвѣтъ: «Mais qui ne vous connait pas à Paris, M. Komaroff.»

Я былъ съ Комаровымъ въ засѣданіи французскаго института, гдѣ онъ подсмѣивался надъ крѣпко имъ нелюбимымъ астрономомъ Леверье. При входѣ послѣдняго въ залу и во время произнесенія имъ рѣчей, Комаровъ такъ громко изъявлялъ свое неодобреніе, что обращалъ на себя вниманіе, и мнѣ было очень неловко сидѣть подлѣ него.

Я былъ съ нимъ и въ вышеупомянутой частной академіи, въ которой онъ меня, какъ своего товарища и «знаменитаго» русскаго инженера путей сообщенія, представилъ ея президенту и нѣсколькимъ членамъ.

Президентъ былъ до такой степени любезенъ, что, заявивъ обществу о присутствіи въ залѣ «знаменитаго русскаго инженера», измѣнилъ назначенную программу чтеній и предложилъ, съ согласія лекторовъ, сдѣлать сообщеніе о водоподъемныхъ паровыхъ машинахъ и объ употребленіи топлива паровозами въ зависимости отъ скорости ихъ движенія.

Сообщенія эти были дѣлаемы, первое—какимъ-то старымъ итальянскимъ инженернымъ полковникомъ, а послѣднее французскимъ ученымъ среднихъ лѣтъ Фуко. Оба дѣлали въ своихъ выводахъ ошибки, впрочемъ незначительныя, которыя я замѣтилъ Комарову и съ трудомъ его уговорилъ, чтобы онъ не передавалъ моихъ замѣчаній обществу, но по окончаніи засѣданія онъ не выдержалъ и передалъ г. Фуко сдѣланныя мною замѣчанія по его сообщенію.

Г. Фуко очень любезно принялъ эти замѣчанія, и, поговоривъ со мною, согласился, что они правильны.

Обѣдалъ я разъ съ Комаровымъ въ клубѣ (cercle), названіе котораго не помню, на Итальянскомъ бульварѣ. Въ большой залѣ этого клуба послѣ обѣда бывали чтенія, для которыхъ приглашались разные ученые. Не желавшіе ихъ слушать расходились по другимъ комнатамъ клуба.

Въ тотъ день, когда я обѣдалъ съ Комаровымъ въ клубѣ, былъ приглашенъ какой-то англичанинъ для чтенія о френологіи. М. С. Волковъ былъ большой до нея охотникъ; этого было достаточно, чтобы Комаровъ считалъ ее пустымъ шарлатанствомъ.

Онъ могъ бы не слушать чтенія, но онъ предпочелъ мѣшать лектору отрывочными возраженіями, которыя возбудили шиканье прочихъ слушателей, обратившихъ вниманіе на насъ, такъ что я былъ принужденъ пересѣсть на противоположную сторону.

Чтобы не возвращаться къ описанію этого индивидуума, я разскажу его дальнѣйшую судьбу.

Онъ продолжалъ жить въ Парижѣ, гдѣ умеръ, разстроивъ до нельзя свое довольно значительное состояніе, такъ что въ 1871 г. я, управляя министерствомъ путей сообщенія, долженъ былъ его семьѣ выдать пособіе изъ суммы, назначенной для бѣдныхъ семействъ лицъ, служившихъ въ министерствѣ.

Въ слѣдующія мои поѣздки въ Парижъ я продолжалъ съ нимъ видѣться. Видѣлъ его въ 1860 г. въ Петербургѣ, гдѣ онъ говорилъ мнѣ, между прочимъ, что былъ въ деревнѣ у главноуправляющаго путями сообщенія Чевкина близъ станціи Саблино, на Николаевской дорогѣ, въ тѣ дни, которые я провелъ въ этой деревнѣ, и на мое замѣчаніе, что я его тамъ не видѣлъ, сказалъ, что собирается только ѣхать къ Чевкину.

Къ послѣднему каждую субботу пріѣзжалъ изъ Петербурга чиновникъ Пѣвницкій, за которымъ высылался Чевкинымъ экипажъ на станцію Саблино.

Пѣвницкій, встрѣтясь въ вагонѣ желѣзной дороги съ Комаровымъ и узнавъ отъ него, что онъ ѣдетъ къ Чевкину, не желалъ его привезти съ собою въ экипажѣ, не зная, какъ понравится Чевкину посѣщеніе Комарова, а потому ушелъ въ другой вагонъ.

Но каково было удивленіе Пѣвницкаго, когда онъ, по выходѣ изъ вагона, увидѣлъ Комарова уже сидящимъ въ экипажѣ, присланномъ Чевкинымъ за Пѣвницкимъ, и приглашающимъ послѣдняго доѣхать съ нимъ.

Нахалы, подобные Комарову и Фиркcу (Шедо-феротти), были съ перваго взгляда оцѣнены Клейнмихелемъ; Чевкинъ же всегда относился къ нимъ, какъ къ умнымъ людямъ, давалъ порученія Комарову, какъ агенту главнаго управленія путей сообщенія, и недавно еще, говоря со мною о смерти Фиркса, ставилъ высоко способности и его и Комарова.

Такъ иногда случается, что человѣкъ вовсе не образованный лучше понимаетъ людей, чѣмъ человѣкъ весьма образованный и несомнѣнно умный.

М. С. Волковъ уже 15 лѣтъ жилъ за границею. Онъ постоянно занимался науками. Я уже говорилъ, что составленный имъ въ Россіи курсъ строительнаго искусства не былъ изданъ. За границею онъ печаталъ книги о френологіи и о политической экономіи.

Въ Парижѣ у него собиралось много Русскихъ и я у него увидалъ въ первый разъ Михаила Христофоровича Рейтерна (впослѣдствіи министръ финансовъ).

Въ это время мы узнали объ оставленіи Брокомъ должности министра финансовъ и о предположеніи назначить на его мѣсто министромъ финансовъ Княжевича, когда есть человѣкъ, готовый во всѣхъ отношеніяхъ для занятія этого мѣста, именно Рейтернъ. Волковъ имѣлъ собственный домъ въ Мезонѣ, который онъ продалъ во время Крымской войны.

Кольманъ принадлежалъ къ семейству художниковъ, живописцевъ и архитекторовъ и самъ былъ довольно искусенъ въ обоихъ художествахъ, но недостатокъ общаго образованія былъ въ немъ очень замѣтенъ и это, кажется, было главною причиною нелюбви къ нему Волкова.

Кольманъ былъ мнѣ очень полезенъ въ Парижѣ при разныхъ покупкахъ, которыя онъ умѣлъ дѣлать дешево, какъ истый нѣмецъ.

Я уже говорилъ, что пріѣхалъ въ Парижъ рано утромъ въ пятницу на Страстной недѣлѣ. Въ первые два дня я былъ у всѣхъ церковныхъ службъ, какъ и подобало русскому православному, но это не помѣшало мнѣ быть въ театрахъ во всѣ первые три дня моего пребыванія въ Парижѣ, что вовсе не подобало русскому человѣку.

На правительственныхъ (тогда Императорскихъ) театрахъ не давали представленій по пятницамъ и субботамъ Страстной недѣли, а потому я въ эти дни былъ въ частныхъ театрахъ, а въ воскресенье въ Théatre Français, гдѣ видѣлъ г-жу Плесси, которою такъ много восхищались въ Петербургѣ и которая имѣла даръ не старѣться.

Послѣ заутрени и ранней обѣдни въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, большая часть Русскихъ отправлялись разговляться (хотя многіе изъ нихъ и не заговлялись) къ нашему послу графу П. Д. Киселеву, у котораго пріемъ былъ весьма роскошный.

Впослѣдствіи Киселевъ приглашалъ меня къ своему обѣду. Изъ разговоровъ за обѣдами, за которыми были всѣ Русскіе отъ 10 до 12 человѣкъ, осталось у меня въ памяти восхваленіе Киселевымъ Французовъ и нападеніе на Русскихъ людей, что и понятно по роду воспитанія Киселева.

Особенно мнѣ памятно восхваленіе имъ французскихъ инженеровъ и служащихъ Главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и между прочимъ того, что сборъ съ открытаго участка Петербурго-Варшавской желѣзной дороги значительно увеличился со времени передачи его главнымъ управленіемъ путей сообщенія главному обществу.

Я возражалъ, что участокъ, открытый при правительственномъ управленіи былъ такъ коротокъ, что никто имъ не пользовался и что даже я въ эту мою заграничную поѣздку ѣхалъ еще по шоссе, но что со времени передачи этого участка главному обществу совпало открытіе слѣдующаго участка, такъ что большая часть проѣзжающихъ теперь уже пользуется желѣзною дорогою на открытыхъ участкахъ.

Съ моими возраженіями, конечно, не соглашались, а живость, съ которою я ихъ выражалъ, поражала видимо не одного Киселева, но и всѣхъ присутствовавшихъ, привыкшихъ преклоняться передъ каждымъ его словомъ; въ особенности же она поражала моего сосѣда за столомъ, бывшаго тогда военнымъ агентомъ въ Парижѣ, флигель-адъютанта Альбединскаго (впослѣдствіи генералъ-адъютанта и Варшавскаго генералъ-губернатора).

Въ Свѣтлое Христово Воскресеніе изъ театра я поѣхалъ на вечеръ къ богатымъ негоціантамъ Франсильонъ, съ которыми хорошо была знакома моя сестра и которыхъ дочь, бывшая замужемъ за молодымъ Беренсомъ, я видѣлъ въ Лондонѣ.

Я засталъ ихъ за чаемъ. У нихъ было нѣсколько гостей. Разговоръ вертѣлся на стѣснительныхъ мѣрахъ, принимаемыхъ новымъ министромъ

внутреннихъ дѣлъ генераломъ Эспинасомъ, назначеннымъ въ эту должность послѣ январскаго покушенія на жизнь Наполеона III.

Французскій умъ изощрялся въ остротахъ на счетъ Эспинаса, я же до того усталъ въ первые три дня моего пребыванія въ Парижѣ и отъ послѣдней безсонной ночи, что едва не заснулъ на этомъ вечерѣ. Франсильонамъ и ихъ гостямъ я долженъ былъ показаться весьма нелюбезнымъ.

Я передалъ Комарову, что намѣреваюсь осмотрѣть Парижскіе водопроводы и водосточныя трубы, а также школу дорогъ и мостовъ (école des ponts et chaussés). Онъ меня снабдилъ записками къ завѣдывающему означенными сооруженіями знаменитому инженеру Бельграну и къ инспектору классовъ упомянутой школы Шевалье, увѣряя, что онъ съ ними въ очень хорошихъ отношеніяхъ.

При подачѣ мною этимъ инженерамъ записокъ Комарова, они не только не обратили на нихъ вниманія, но и меня приняли довольно сухо. Они вполнѣ измѣнили свое обращеніе со мною, когда узнали отъ меня, что я начальникъ Московскихъ водопроводовъ и что я авторъ «Руководства къ устройству водопроводовъ» на русскомъ языкѣ. Шевалье принялъ отъ меня съ особымъ удовольствіемъ экземпляръ этой книги для училища дорогъ и мостовъ въ Парижѣ.

Въ понедѣльникъ Свѣтлой недѣли назначено было торжественное открытіе Севастопольскаго бульвара, устройство котораго поручено было Бельграну. Конечно, я не принялъ приглашенія присутствовать при этомъ открытіи, хотя мнѣ при этомъ представлялся случай близко видѣть Наполеона III.

Бельгранъ пригласилъ меня къ себѣ во вторникъ въ 10 часовъ утра, чтобы вмѣстѣ осмотрѣть парижскія водоподъемныя паровыя машины и водосточныя трубы.

По пріѣздѣ моемъ къ нему въ этотъ день, онъ извинился, что не можетъ не медля ѣхать со мною, такъ какъ въ 11 ч. утра будутъ представляться подчиненные ему инженеры и кондукторы путей сообщенія, получившіе наканунѣ награды.

Онъ самъ былъ произведенъ лично Наполеономъ III изъ старшихъ инженеровъ 2-го класса въ старшіе инженеры 1-го класса, званія, соотвѣтствующія нашимъ инженеръ-подполковнику и полковнику.

Кондукторами у насъ въ Россіи называются чины унтеръ-офицерскаго званія, получившіе нѣкоторое и большею частію весьма ограниченное образованіе.

Не то были кондукторы дорогъ и мостовъ во Франціи: они были люди образованные и все производство работъ лежало на ихъ отвѣтственности. Подчиненные Бельграна, получившіе наканунѣ повышеніе въ чинахъ или орденъ Почетнаго Легіона,—между послѣдними были и кондукторы,—были принимаемы имъ при мнѣ.

При этомъ я замѣтилъ все раболѣпство служащихъ французовъ передъ ихъ начальникомъ: они садились на кончики стульевъ и, благодаря за

награды, говорили, что не только они, но и потомство ихъ никогда не забудетъ благодѣянія, оказаннаго имъ Бельграномъ.

Съ 11 часовъ утра до 6 часовъ вечера онъ со мною осматривалъ Парижскія водоподъемныя машины и водосточныя трубы. Извѣстно, что послѣднее сооруженіе едва ли не превосходитъ все, что устроено въ этомъ родѣ въ другихъ городахъ. Эти водостоки, а равно и водопроводы я вкратцѣ описалъ въ статьѣ «Искусство проводить воду», помѣщенной мною въ «Вѣстникѣ Промышленности» за 1859 годъ.

Въ Парижѣ я отыскалъ старыхъ профессоровъ Института инженеровъ путей сообщенія Ламе и Клапейрона. Первый былъ давно членомъ института и жилъ бѣдно въ 5-мъ этажѣ; Клапейронъ же разбогатѣлъ при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ. Я въ этотъ мой пріѣздъ въ Парижъ не заставалъ его дома и потому не видалъ. Онъ былъ только что выбранъ въ члены института, но еще не былъ официально принятъ.

Въ слѣдующій мой пріѣздъ въ Парижъ я посѣщалъ ихъ обоихъ. Ламе очень постарѣлъ и едва помнилъ своихъ слушателей въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Клапейронъ былъ попрежнему боекъ и я выше уже изложилъ разговоръ его со мною объ инженерахъ Главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Я не буду болѣе говорить о моемъ пребываніи въ 1858 г. въ Парижѣ, который, послѣ моего посѣщенія въ 1847 г., совершенно измѣнился: грязныя и часто вонючія улицы замѣнились широкими, чистыми и съ чистымъ воздухомъ, поддерживаемымъ посадками большихъ деревьевъ и увеличеніемъ снабженія водою городскихъ домовъ. Прекрасная весенняя погода придавала еще болѣе красы возобновляемому обширному городу.

Въ половинѣ апрѣля я уже былъ въ Петербургѣ, гдѣ П. П. Мельниковъ, бывшій въ это время главнымъ инспекторомъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, сказалъ мнѣ, что, сверхъ произведенныхъ въ Пасху четырехъ инженеръ-полковниковъ путей сообщенія въ генералъ-маіоры, полагалось произвести и меня, но что мое производство было остановлено за тѣмъ, что стоявшаго по списку выше меня полковника Серебрякова, бывшаго въ то время начальникомъ Николаевской желѣзной дороги, не хотѣли производить до разъясненія какого-то непріятнаго по управленію этой дорогою дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣли и обойти его.

Мельниковъ, передавая мнѣ объ этомъ, выразилъ свое сожалѣніе о томъ, что меня не произвели, но прибавилъ, что ему еще болѣе было бы прискорбно, если бы изъ-за меня произвели Серебрякова въ генералы.

Во второй половинѣ апрѣля я уже былъ въ Москвѣ. Лѣто 1858 г. я былъ занятъ окончаніемъ работъ по снабженію Москвы мытищинской водой. Въ это же время я изготовилъ для Журнала путей сообщенія статьи: «Описаніе Московскихъ водопроводовъ» и «О вліяніи воздуха на движеніе воды въ трубахъ», и продолжалъ помѣщать въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Вѣдомостяхъ Московской городской полиціи» статьи, заключавшія въ себѣ свѣдѣнія о ходѣ работъ по Московскимъ водопроводамъ.

Лѣто 1858 г. мы жили въ домикѣ при Алексѣевскомъ водоподъемномъ зданіи. Жизнь наша шла попрежнему. Сестра моя А. И. Викулина съ младшею дочерью вернулась изъ-за границы и наняла квартиру недалеко отъ нашей, въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ домѣ Ермолаевыхъ.

Здоровье ея старшей дочери Засѣцкой, послѣ родовъ въ 1857 г., было очень дурно. Она съ мужемъ и малолѣтнею дочерью уѣхала въ Вирцбургъ, откуда вернулись только осенью. Здоровье сестры моей было сильно разстроено вслѣдствіе перенесенныхъ ею невзгодъ.

Ея постоянно болѣзненное состояніе было причиною сильныхъ болѣзней, которымъ она подвергалась почти ежегодно. Когда она заболѣла лѣтомъ 1858 г., лечившій ее знаменитый въ Москвѣ докторъ Оверъ признавалъ ея болѣзнь весьма опасною.

Въ это время братъ мой Николай пріѣхалъ изъ Воронежа, гдѣ онъ былъ начальникомъ штаба 4-го пѣхотнаго корпуса, въ Москву. Я ему разсказалъ объ опасной болѣзни сестры нашей, которую онъ искренно любилъ и которой былъ такъ много обязанъ.

Онъ мнѣ объявилъ, что далъ слово женѣ своей не видаться болѣе съ сестрою и не нарушитъ даннаго слова, хотя ему это весьма больно. Запрещеніе ему видѣться съ нашею сестрою послѣдовало отъ его жены вслѣдствіе ея неудовольствія за то, что онъ въ 1856 г. во время коронаціи жилъ у сестры.

Этимъ достаточно обрисовывается злость моей невѣстки и слабость брата. По выздоровленіи сестры, она уѣхала съ своею младшею дочерью въ свое Елецкое имѣніе.

Получивъ въ іюлѣ свѣдѣніе о прибытіи заказанныхъ мною въ Англіи водоподъемныхъ паровыхъ машинъ, я поѣхалъ въ Петербургъ.

Пароходъ съ машинами пристalъ у берега Васильевскаго острова. Заграничныя машины въ то время не подвергались таможенной пошлинѣ, но по причинѣ безконечныхъ, установленныхъ по таможнѣ формальностей, я не могъ вскорѣ добыть изъ таможни позволенія на ихъ выгрузку, несмотря на то, что лично хлопоталъ объ этомъ, снабженный письмомъ Чевкина къ министру финансовъ Княжевичу о необходимости скорѣе отослать ихъ въ Москву, и на то, что служившій въ это время въ департаментѣ внѣшней торговли (нынѣ таможенныхъ сборовъ) И. Н. Колесовъ, у котораго я останавливался въ Петербургѣ, имѣлъ въ это время большое вліяніе на таможни.

Въ одно время съ машинами прибыли, согласно заключенному мною условію съ домомъ «Джемсъ Уаттъ и К°», два машиниста. Хотя въ этомъ условіи я не принялъ на себя обязанности дать этимъ машинистамъ помѣщеніе, но въ виду того, что если бы они помѣстились у кого-нибудь изъ Англичанъ, живущихъ въ Москвѣ, то по отдаленности ихъ жительства отъ машинъ, они теряли бы много времени на переѣзды, я обѣщался управляющему этимъ домомъ г. Блеку помѣстить ихъ по возможности въ одномъ изъ флигелей на дворѣ водоподъемнаго зданія.

Передъ пріѣздомъ машинистовъ, я приказалъ унтеръ-офицеру Гедловскому очистить флигель, который онъ занималъ со своимъ семействомъ, выремонтировать его и купить для машинистовъ кровати и постели.

По ихъ пріѣздѣ, они были всѣмъ недовольны и объявили мнѣ, что ихъ хозяева, посылая въ Россію, обманули, увѣривъ, что они здѣсь найдутъ все для нихъ готовое, а такъ какъ они ничего не нашли, то немедля возвращаются въ Англію.

И вотъ новое препятствіе въ установкѣ водоподъемныхъ машинъ и вновь опасеніе, что при остановкѣ старой, безпрерывно дѣйствовавшей съ мая 1857 г. машины, снабженіе Москвы мытищинскою водою прекратится. Я объяснилъ машинистамъ, что я вовсе не былъ обязанъ, по заключенному мною условію, давать имъ помѣщеніе, и слѣдовательно мебель и постели, а сдѣлалъ это только, желая ихъ избавить отъ потери времени при переѣздахъ, и что я готовъ перемѣнить то, что имъ не нравится.

Они, несмотря на это, продолжали нѣсколько дней капризничать и уложили всѣ свои вещи для отъѣзда. Но вдругъ опомнились и остались на томъ условіи, что я снабжу ихъ лучшими подушками, что имъ будетъ доставляться хорошая провизія, какую они потребуютъ, на мои деньги, которымъ я долженъ вести счетъ и которыя мнѣ возвратятъ ихъ хозяева.

Одинъ изъ машинистовъ пріѣхалъ съ женою, которая готовила имъ кушанье. Никогда не занимаясь своимъ домашнимъ хозяйствомъ и счетами по нему, я невольно сдѣлался кассиромъ машинистовъ, но за то удержалъ ихъ на работѣ.

Одинъ изъ нихъ долженъ былъ нѣкоторое время провести въ Большихъ Мытищахъ для установки машинъ въ Мытищинскомъ водоподъемномъ зданіи. Новыя хлопоты для его прокормленія, но и это было мною улажено, что было впрочемъ легче, потому что младшій машинистъ былъ испанецъ съ острова Кубы и менѣе притязателенъ, чѣмъ старшій его товарищъ, истый англичанинъ.

Сверхъ того онъ былъ образованнѣе послѣдняго, могъ говорить со мною по-французски и понималъ, что я по снисходительности занимаюсь ихъ хозяйствомъ. Оба машиниста въ рабочіе дни ходили въ засаленныхъ изношенныхъ платьяхъ, въ воскресные же дни они надѣвали чистое бѣлье и хорошія платья; младшій даже одѣвался франтовски; онъ былъ замѣчательно хорошъ собою.

1-го августа было приступлено къ установкѣ англійскихъ машинъ въ Алексѣевскомъ водоподъемномъ зданіи. Машинисты требовали, чтобы верхняя поверхность каменнаго фундамента подъ рамы машины была обтесана съ совершенною точностію.

Я не могъ требовать отъ подрядчика поставки каменщиковъ, которыхъ работа не подходила ни подъ какой параграфъ урочнаго положенія, вслѣдствіе чего самъ нанялъ нѣсколько мастеровъ поденно и самъ уплачивалъ имъ условленную, довольно высокую цѣну.

Несмотря на это, каменотесы, послѣ шестидневной работы, не хотѣли

болѣе оставаться: они такъ мало привыкли къ точности въ работѣ, что считали требованія машинистовъ капризомъ и говорили, что имъ надоѣло быть при работахъ и почти ничего не дѣлать.

Съ трудомъ уговорилъ я ихъ остаться еще нѣсколько дней на работѣ, которая несмотря на ея легкость, была такъ хорошо оплачиваема. Они также, какъ и большая часть русскихъ мастеровыхъ, привыкли дѣлать все на-авось и кое-какъ.

Сверхъ занятій по наблюденію за установкой водоподъемныхъ машинъ, я продолжалъ наблюдать за окончаніемъ работъ по устройству новаго Мытищинскаго водопровода и за ремонтомъ и содержаніемъ стараго Мытищинскаго и другихъ водопроводовъ въ Москвѣ и водопровода, устроеннаго въ Ходынскомъ близъ Москвы лагерѣ.

Въ концѣ августа Государь пріѣхалъ въ Москву. Съ нимъ прибылъ и Чевкинъ, который осматривалъ работы Мытищинскаго водопровода и, между прочимъ, установку паровой машины въ Алексѣевскомъ водоподъемномъ зданіи.

По осмотрѣ работъ, онъ заходилъ въ домикъ, въ которомъ я помѣщался лѣтомъ. Жена моя, конечно, не выходила изъ своей комнаты; ея отсутствіе я объяснилъ нездоровьемъ.

Въ это время у насъ гостила пріятельница моей жены Наталья Дмитріевна Танѣева, которая, во время обхода Чевкинымъ со мною двора водоподъемнаго зданія, смотрѣла высунувшись изъ окна мезанина нашего дома. Чевкинъ, полагая, что смотритъ изъ окна моя жена, конечно, не повѣрилъ мнѣ, что она нездорова, но мнѣ этого не выразилъ.

Онъ у меня завтракалъ. Мой поваръ подалъ два кушанья, отлично приготовленныя. Года черезъ два Чевкинъ завтракалъ у меня снова въ томъ же домикѣ и впослѣдствіи весьма часто вспоминалъ объ этихъ завтракахъ, величая меня отличнымъ гастрономомъ, вслѣдствіе чего опасался приглашать меня къ своему столу, полагая, что я буду имъ недоволенъ.

30 августа, послѣ 28-лѣтней службы въ офицерскихъ чинахъ, я былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ томъ же приказѣ были произведены полковники, старшій меня по списку Серебряковъ и младшіе Даненштернъ (умершій въ 1871 г.) и Палибинъ (умершій въ 1881 г.)

Чевкинъ, объявляя мнѣ о моемъ производствѣ, сказалъ, что я въ новомъ чинѣ долженъ имѣть болѣе обширную дѣятельность, и хотѣлъ немедля послать меня для обревизованія разныхъ частей вѣдомства путей сообщенія.

Я упросилъ его не удалять меня изъ Москвы до окончанія водопроводныхъ работъ, опасаясь, что онѣ замедлятся въ мое отсутствіе; мнѣ же не на кого было ихъ оставить, такъ какъ въ это время мѣсто помощника начальника Московскихъ водопроводовъ было вакантно: состоявшій въ этой должности полковникъ Черкаевъ оставилъ ее лѣтомъ 1858 г.

Машинисты, присланные изъ Англіи для установки водоподъемныхъ машинъ, выказали большую радость, узнавъ о моемъ производствѣ.

Къ концу октября одна изъ этихъ машинъ была установлена въ Алексѣевскомъ и одна въ Мытищинскомъ водоподъемныхъ зданіяхъ. Это дало возможность прекратить дѣйствіе, въ первомъ изъ этихъ зданій, старой водоподъемной машины, дѣйствовавшей безпрерывно въ продолженіе полутора года, что порождало ежеминутное опасеніе прекращенія снабженія Москвы мытищинскою водою.

1-го ноября пущены въ ходъ вновь установленныя въ Мытищинскомъ водоподъемномъ зданіи 10-сильная машина, поднимающая 505 тысячъ ведеръ воды въ сутки на 24 фута высоты въ резервуаръ, устроенный въ томъ же зданіи, и 48-сильная машина въ Алексѣевскомъ водоподъемномъ зданіи, которая поднимаетъ ту же воду на высоту 84 фута въ два резервуара, установленные въ отстоящей отъ зданія слишкомъ на 4 версты Сухаревой башнѣ, по двумъ чугуннымъ трубамъ: старой—діаметромъ въ 10,2 дюйма и вновь проложенной въ 16 дюймовъ.

Вода изъ этихъ резервуаровъ по чугуннымъ же трубамъ была въ тотъ же день пущена въ прежде устроенные на Мытищинскомъ водопроводѣ шесть городскихъ фонтановъ и одинъ водоразборный колодезь и во вновь устроенные тринадцать фонтановъ и одинъ водоразборный колодезь.

Въ этотъ же день прекращено дѣйствіе водоподъемной машины, поднимавшей воду изъ Москвы рѣки при Бабьемъ городкѣ въ четыре фонтана и въ одинъ водоразборный колодезь, въ которые пущена Мытищинская вода.

Слѣдовательно 1-го ноября 1858 г. въ Москвѣ имѣлось двадцать шесть мѣстъ для разбора Мытищинской воды городскими обывателями. Въ новыхъ водопроводахъ значительной длины, при спускѣ въ нихъ воды, почти всегда оказываются поврежденія въ трубахъ и ихъ соединеніяхъ, которыя легко исправить въ лѣтнее время и очень трудно зимою, а потому открывать новые водопроводы слѣдуетъ до наступленія морозовъ.

1-го же ноября 1858 г. было уже 15° мороза по Р., и открытіе водопровода въ столь холодное время было допущено только потому, что старая 24-сильная водоподъемная машина, дѣйствовавшая безпрерывно полтора года, была въ дурномъ положеніи.

Графъ Закревскій, по нездоровью, не рѣшился присутствовать при освященіи новаго водопровода, которое состояло въ молебствіи при новомъ резервуарѣ, устроенномъ въ Сухаревой башнѣ, а назначилъ быть при молебствіи состоявшаго при Закревскомъ военнаго штабъ-офицера Дмитрія Семеновича Шеншина, хорошаго музыканта, извѣстнаго своею глупостью.

Шеншинъ, ѣхавшій на освященіе въ моемъ экипажѣ, который при скорой ѣздѣ раскатывался, выказалъ необыкновенную трусость: онъ нѣсколько разъ хотѣлъ выпрыгнуть изъ экипажа, и я съ трудомъ его удерживалъ.

Закревскій въ первыхъ же числахъ ноября осмотрѣлъ вмѣстѣ со мною резервуары Сухаревой башни и вновь открытые фонтаны и былъ очень доволенъ, что при немъ устроилось столь полезное для Москвы сооруженіе.

Но мои опасенія, что водоснабженіе Москвы мытищинскою водою можетъ остановиться, продолжались во всю зиму 1858— 1859 г.

Въ началѣ ноября начата разборка старой 24-сильной водоподъемной машины въ Алексѣевскомъ и поставленной заводомъ герцога Лейхтенбергскаго 10-сильной машины въ Мытищинскомъ водоподъемномъ зданіи, такъ какъ на ихъ мѣста слѣдовало поставить доставленныя изъ Англіи 48 и 10-сильную машины; эту установку окончили только въ апрѣлѣ 1869 года.

Рѣдко случается, чтобы новыя машины были такъ установлены, чтобы не требовалось сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя исправленія, для чего онѣ должны быть останавливаемы, слѣдствіемъ чего была бы остановка снабженія Москвы мытищинскою водою, но, къ счастію, этого не случилось, вслѣдствіе хорошаго проектированія, изготовленія и установки заказанныхъ мною въ Англіи водоподъемныхъ машинъ.

Мнѣ было ясно, что новый водопроводъ не можетъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ города, въ которомъ считалось тогда 400 тыс. жителей. Мытищинскій водопроводъ давалъ 500 тыс. ведеръ въ сутки и Краснохолмскій 100 тыс. ведеръ рѣчной воды, а слѣдовательно на жителя приходилось по 1½ ведра, что весьма недостаточно.

Но необходимо было ограничить количество воды сообразно суммѣ, которая городскимъ начальствомъ была назначена на устройство водоснабженія, и количеству воды, доставляемой Мытищинскими ключами.

Въ заключеніе скажу, что я не могу не гордиться проектированіемъ и приведеніемъ въ исполненіе столь благодѣтельнаго для Москвы сооруженія, дешевизна устройства котораго несомнѣнна, а прочность доказана существованіемъ его до сего времени (1881 г.) безъ исправленій.

При окончаніи его я не получилъ служебной награды, вѣроятно, вслѣдствіе недавняго производства меня въ генералъ-маіоры. Но, конечно, устройство столь полезнаго сооруженія могло бы быть встрѣчено, какъ это дѣлается въ западной Европѣ, одобреніемъ ученыхъ обществъ, похвалами журналовъ и газетъ, сочувствіемъ населенія Москвы и выраженіемъ благодарности ея представителей. Ничего этого не было.

Ученыя общества, журналы и газеты промолчали; представители населенія Москвы также, и само населеніе осталось равнодушнымъ; нѣкоторые же изъ домовладѣльцевъ занимались отыскиваніемъ недостатковъ въ водопроводѣ, постоянно жалуясь на налогъ, которому они подвергались для составленія капитала на его сооруженіе.

Только бѣдный классъ постоянно благодаренъ за возможность пользоваться чистою водою и небольшое число образованныхъ лицъ сочувствовали успѣшному сооруженію водопровода, чему служитъ доказательствомъ то, что, при предположеніяхъ объ устройствѣ водопроводовъ въ разныхъ городахъ Россіи или объ увеличеніи количества воды для снабженія Москвы водою, постоянно продолжаютъ обращаться ко мнѣ за совѣтами. Я радуюсь тому, что и у насъ не всѣ забываютъ полезнаго общественнаго дѣятеля.

Приложеніе.

Для большаго разъясненія личности графа А. А. Закревскаго привожу слѣдующія свѣдѣнія о немъ, полученныя отъ А. В. Головнина.

18-го марта 1818 г. Государь Александръ Павловичъ открылъ сеймъ въ Варшавѣ знаменитою рѣчью, по поводу которой Арсеній Анд. Закревскій писалъ Павлу Дм. Киселеву 31-го марта того же года: «Рѣчь прекрасна, но послѣдствія для Россіи могутъ быть ужаснѣйшія, что ты легко усмотришь изъ смысла ея. Я не ожидалъ, чтобы Онъ такъ скоро объявилъ свои мысли по сему предмету...»

Киселевъ отвѣчалъ Закревскому 11 апрѣля 1818 г.: «благодарю тебя за все доставленное ко мнѣ, а особенно за твое воспоминаніе. Рѣчь Царя для поляковъ есть чудесная и здѣшніе возмечтали о будущемъ своемъ блаженствѣ, но у насъ толки будутъ разные; удивленіе же твое насчетъ откровенности я весьма раздѣляю, но къ удивленію намъ, кажется, не привыкать.»

31-го августа 1819 г. Закревскій писалъ Киселеву: «О Чугуевскихъ поселеніяхъ мы давно знаемъ, ибо 4 полка пѣхоты изъ 1-ой арміи пошли туда на помощь. Змѣй (Аракчеевъ) также туда отправился и вскорѣ туда ожидается. Признаться надо, что онъ единственный государственный злодѣй. У насъ теперь существуютъ двѣ чумы: одна—ваша, которая, при мѣрахъ осторожности, исчезнетъ, а другая—Аракчеевъ,—не прежде изведется съ земли, какъ послѣ смерти, которой ожидать намъ долго. Надо признаться, что онъ вреднѣйшій человѣкъ въ Россіи. Мнѣ кажется, что со временемъ Клейнмихель будетъ хуже его».

---

30 марта 1820 г.: «Не бѣда если бъ Аракчеевъ только дѣлалъ ошибки, которыя поставляютъ на видъ. Онъ въ государственныхъ дѣлахъ еще хуже поступаетъ и притомъ къ совершенному вреду Россіи. Сіе перемѣнить можетъ только его могила. Змѣй Аракчеевъ во все время Семеновской исторіи носа своего не показывалъ и даже не спѣшилъ увидѣть Пукалову, пріѣхавшую изъ-за границы».

Киселевъ въ письмѣ отъ 16 іюля 1821 г. говорилъ Закревскому: «ты не повѣришь, сколько нынѣшнія обстоятельства разстраиваютъ наши занятія; всѣ желанія устремлены къ войнѣ и учебный шагъ остается въ небреженіи».

Закревскій 22 августа 1821 г. отвѣчалъ: «стыдно, любезный Павелъ, такъ жалѣть, что Васъ не увидятъ въ знаніи учебнаго шага; вѣдь ты, какъ умный, честный и благородный человѣкъ, судить такъ не долженъ, и я замѣчаю, что ты очень перемѣнился».

Графъ Закревскій, по поводу назначенія Киселева членомъ Госуд. Совѣта и отъѣзда Киселева въ Петербургъ, писалъ ему 7 марта 1835 г. изъ Москвы:

«Какъ ты доѣхалъ? было ли предложеніе о принятіи какой-либо важной должности, или разговоры были только о Совѣтѣ и о важности сего мѣста, на счетъ котораго ты уже имѣлъ здѣсь уроки? И буде ты останешься только въ ономъ, то будешь сидѣть на семъ почетномъ мѣстѣ по смерть и не принесешь симъ никакой пользы отечеству, какъ и всѣ твои товарищи, тамъ сидящіе. Будешь говорить правду и по совѣсти, скоро не понравишься, ибо послѣ каждаго присутствія все передается насчетъ сихъ сужденій въ иномъ видѣ по разумѣнію каждаго; тогда станутъ морщиться, а послѣ отъ тебя отворачиваться и тѣмъ все твое служеніе кончится въ почетномъ мѣстѣ; такъ я мыслю, но дай Богъ, чтобъ тебѣ сіе было въ другомъ и полезномъ видѣ»...

«Твой другъ графъ *А. Закревскій.*»

2007053077